ПЕЧАТЬ КАЛЯЗИНСКОЙ
БИБЛІОТЕКИ
ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТ

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ

ПЕЧАТЬ КАЛЯЗИНСКОЙ БИБЛІОТЕКИ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
22313

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 1-ая.

ЯНВАРЬ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 1-ая. — ЯНВАРЪ, 1869.

Стр.

I. — ОБРЫВЪ. — Романъ. — Часть первая. — I-XVIII. — **И. А. Гончарова.** 5

II. — ДУХОВЕНСТВО И ШКОЛЫ ВЪ НАШИХЪ НѢМЕЦКИХЪ КОЛОНІЯХЪ.—I-II.— **А. А. Клауса** 138

III. — ИТАЛІЯ И МАЦЦИНИ. — 1808-1868. — I-V. — 175

IV. — БИРЖЕВОЙ ОЛИМПЪ И АКЦІОНЕРНАЯ МИѲОЛОГІЯ. — Статья первая. — 209

V. — ДАЧА НА РЕЙНѢ. — Романъ **Б. Ауэрбаха,** въ пяти частяхъ. — Часть вторая. — Книга четвертая. — I-VIII. (Переводъ съ рукописи) 244

VI. — ДЖОАКИНО РОССИНИ И ЕГО ВРЕМЯ. — **Л. П.** 285

VII. — ДВА ЖРЕБІЯ. — Стих. **Я. П. Полонскаго** 312

VIII. — КРИТИКА. — СОВРЕМЕННЫЕ МУДРЕЦЫ. — **Евг. Утина** 316

IX. — ЕКАТЕРИНА II И ІЕЗУИТЫ.—Іезуиты въ Россіи, соч. свящ. М. Морошкина.— **А. Н. Попова** 357

X. — ХРОНИКА. — ВОПРОСЪ О КЛАССИЧЕСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ ВЪ АНГЛІИ. — А. . 396

XI. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Прошедшій годъ. — Общая его характеристика, и различіе въ общественномъ настроеніи. — Главнѣйшія событія и новыя реформы. — Судьба прежнихъ реформъ: крестьянской, земской и судебной, и дѣла западнаго края. — Современное положеніе дѣлъ въ средней Азіи, и ихъ cercle vicieux.—Новая книга г. Пашино о Туркестанѣ 409

XII. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Коренная причина всѣхъ затрудненій европейской дипломатіи.—Источникъ рѣшительной политики Турціи въ послѣднее время, и румынскія дѣла.—Турецкій ультиматъ 10-го декабря.—Національное движеніе въ Греціи, и конференція.—Отношеніе Австріи къ восточному вопросу.—Новое министерство во Франціи въ связи съ греко-турецкимъ столкновеніемъ.—Отношеніе къ Турціи новаго министерства въ Англіи. — Лордъ Станлей и его рѣчь по восточному вопросу. — Америка 426

XIII. — НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ.—Хроника общественной жизни. —о— 443

XIV. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—ПЕЧАТЬ ВЪ ПРУССІИ И ЕЯ СУДЬБА СЪ 1848-го ГОДА. — **К.** 457

XV. — СТАТИСТИЧЕСКІЯ ЦИФРЫ времени открытія и протяженія русскихъ желѣзныхъ дорогъ.—1838-1868 г.— 475

XVI. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Декабрь. — I. Русская литература: Исканіе старообрядцами въ XVIII-мъ вѣкѣ законнаго архіерейства. Изд. протоіер. Т. Верховскій. **А. П-нъ.** — Доисторическій бытъ человѣчества и начало цивилизаціи. Соч. Е. Б. Тайлора.—Правые и виноватые, записки слѣдователя сороковыхъ годовъ. П. И. Степанова. — 477

XVII. — БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новыя книги.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ, въ трехъ книгахъ, романа Б. Ауэрбаха: „Дача на Рейнѣ“, помѣщенная въ 1868 году,—для новыхъ подписчиковъ (стр. 1-238).

Объявленія о русской и иностранной книжной торговлѣ:
1) А. Ѳ. Базунова; и 2) Я. А. Иса...
Объявленіе объ изданіи „Вѣстника Европы“ въ 1869 ...0000.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1869 ГОДУ.

«Вѣстникъ Европы» продолжаетъ въ 1869 г. свое изданіе на тѣхъ же основаніяхъ, сохраняя прежнюю программу, какъ журнала исторіи, политики, литературы, съ особымъ отдѣломъ для современнаго обозрѣнія или хроникъ.

Изъ пріобрѣтенныхъ редакціею литературныхъ и научныхъ произведеній, въ теченіе 1869 г., въ ближайшихъ книжкахъ, будутъ помѣщены:

„ВОСПОМИНАНІЯ О БѢЛИНСКОМЪ“

И. С. ТУРГЕНЕВА.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ

РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА.

Начатый въ 1868 году романъ **Б. Ауэрбаха** «*Дача на Рейнѣ*», по его обширности, не могъ быть оконченъ въ декабрѣ, и потому новые абоненты на 1869 г., подписываясь не позже января и февраля, должны упомянуть о томъ при подпискѣ, и въ такомъ случаѣ имъ будетъ доставлена въ приложеніи первая часть романа Ауэрбаха, напечатанная въ 1868 году, безплатно.

Новыя правила Почтамта для разсылки журналовъ.—Газетная Экспедиція установила на 1869 годъ новыя правила для разсылки журналовъ, которые, какъ «Вѣстникъ Европы», отказались открыть подписку въ почтовыхъ конторахъ. Въ силу этихъ правилъ, очевидно направленныхъ противъ прежнихъ злоупотребленій, редакція предоставляетъ въ Газетную Экспедицію экземпляры журнала по городамъ, при двойномъ спискѣ, изъ которыхъ одинъ отправляется вмѣстѣ съ книгами въ надлежащую почтовую контору, *гдѣ и сохраняется*. Такимъ образомъ, подписчикъ имѣетъ теперь на мѣстѣ возможность удостовѣриться въ почтовой конторѣ, что на его имя былъ высланъ экземпляръ, и если не выдается, то единственно по винѣ почтовой конторы, которая до сихъ поръ отзывалась въ подобныхъ случаяхъ, что карты возвращены, а она не можетъ удовлетворительно отвѣчать на требованіе подписчика. Теперь, благодаря новому порядку разсылки, наши подписчики будутъ болѣе обезпечены противъ произвола и злоупотребленій.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

НА 1869 ГОДЪ.

	ГОДЪ:	ПОЛГОДА:
Безъ доставки	**14 руб.**	**7 руб. 50 коп.**
Съ доставкою на домъ по почтѣ въ С.-Петербургѣ, и въ Москвѣ — чрезъ книжный магаз. Соловьева.	**15 »**	**8 » —**
Съ пересылкою въ губерніи . . .	**17 »**	**9 » —**

За-границу, только на годъ, съ пересылкою *Пруссія* и *Германія* — 18 руб.; *Бельгія* — 19 руб.; *Франція* и *Данія* — 20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія* и *Португалія* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія* и *Римъ* — 23 руб.

Городскіе подписчики и желающіе получать *безъ доставки*, обращаются въ Главную Контору журнала, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, 30, при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова; или въ Москвѣ, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева. Туда же обращаются книжные магазины съ своими требованіями.

Иногородные и **Иностранные** высылаютъ подписную сумму по почтѣ не иначе, какъ адресуясь: «*Въ редакцію «Вѣстника Европы», въ С.-Петербургѣ, Галерная, 20*». Только отъ тѣхъ подписчиковъ, которые обратились *прямо въ редакцію*, будутъ принимаемы жалобы и удовлетворяемы высылкою новыхъ экземпляровъ, въ случаѣ потери первыхъ Почтамтомъ и засвидѣтельствованія на жалобѣ мѣстной Почтовой Конторы, что требуемый нумеръ не былъ полученъ ею изъ Газетной Экспедиціи. Объ отказѣ Почтовой Конторы выдать такое свидѣтельство просятъ извѣстить.

Примѣчаніе. Редакція покорнѣйше проситъ доставлять ей перемѣны адресовъ заблаговременно, такъ, чтобы заявленіе пришло до сдачи экземпляровъ на почту, или въ случаѣ невозможности поспѣть заявленіемъ, сообщить свой новый адресъ мѣстной Почтовой Конторѣ для пересылки журнала по новому назначенію.

ПОДПИСКА ВЪ ПОЧТОВЫХЪ КОНТОРАХЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПЕЧАТЬ КАЛЯЗИНСКОЙ
БИБЛІОТЕКИ.
ГОРОДСКОЙ

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

Муниципальная Сеть
Московской обл. библиотеки

ГОДЪ XXXIII. — ТОМЪ CLXXXIX. — 1/13 ЯНВАРЯ 1869.

ВОЕННАЯ ДЕПАРТ.
ВНЕШТЕКН.
ТОРОДСКОЙ

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

ТОМЪ I.

ПЕЧАТЬ КАЛЯЗИНСКОЙ БИБЛІОТЕКИ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста, № 30.

Экспедиція журнала: на Екатерингофскомъ проспектѣ, № 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1869.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
УЛИЦА МОГИЛЁВСКАЯ 2.
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

№ 1645

Печать Калязинской Библіотеки Городской Общественной

ОБРЫВЪ

РОМАНЪ.

ОТЪ АВТОРА.

Въ началѣ предлагаемаго романа, авторъ считаетъ необходимымъ обратить къ читателю нѣсколько словъ.

Слухъ объ этомъ романѣ проникъ въ публику гораздо прежде, нежели онъ былъ дописанъ авторомъ, и могъ породить ожиданія, можетъ быть, преувеличенныя. Причину этого слуха должно отнести къ нескромности самого автора и близкихъ ему людей, которымъ онъ сообщалъ неоднократно программу романа, набросанную еще въ то время, когда онъ готовилъ окончательно въ печать «Обломова», т. е. въ 1856 и 1857 годахъ, и притомъ сообщалъ подробно, какъ самъ видѣлъ въ перспективѣ весь романъ, съ толпой дѣйствующихъ лицъ, съ описаніемъ мѣстностей, сценъ, съ характерами, выключая одинъ изъ нихъ (Маркъ Волоховъ), принявшій подъ конецъ романа, начатаго давно и конченнаго недавно, болѣе современный оттѣнокъ. А въ 1859 и 1860 годахъ, авторъ помѣстилъ нѣсколько главъ въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ», подъ заглавіемъ: «*Эпизоды изъ жизни Райскаго*» («Бѣловодова», «Бабушка», и «Портретъ») и по временамъ читалъ въ нѣкоторыхъ кругахъ, иногда

отрывки, иногда же все имъ написанное, и тѣмъ давалъ рѣшительный поводъ ожидать появленія въ свѣтъ цѣлаго труда.

Между тѣмъ, не располагая вполнѣ своимъ временемъ, авторъ писалъ медленно, урывками, прибавляя по нѣскольку главъ въ годъ, и почти оставилъ надежду кончить свой трудъ, отчасти потому, что задача казалась ему не по силамъ, а отчасти и потому, что безпрерывно нарушалась безостановочность и вмѣстѣ единство ея исполненія. Но лестное участіе къ его прежнимъ трудамъ, выражавшееся неоднократно изустными и печатными запросами объ участи романа, возлагало на него обязанность — или сознаться въ своей несостоятельности и уничтожить рукопись, или напечатать то, что у него написалось, въ теченіи многихъ лѣтъ, и такимъ образомъ положить конецъ слишкомъ лестнымъ, и слѣдовательно невыгоднымъ для него ожиданіямъ.

Авторъ рѣшился на послѣднее; принося въ жертву самолюбивую боязнь, онъ привелъ въ порядокъ все написанное имъ, до конца, и представляетъ на судъ публики запоздалый трудъ.

Въ этихъ строкахъ читатель найдетъ себѣ объясненіе и той разницы въ перѣ, которую онъ, можетъ быть, замѣтитъ, между первыми частями романа, начатаго въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, и послѣдними — написанными позже.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Два господина сидѣли въ небрежно-убранной квартирѣ въ Петербургѣ, на одной изъ большихъ улицъ. Одному было около тридцати-пяти, а другому около сорока-пяти лѣтъ. Первый былъ Борисъ Павловичъ Райскій, второй—Иванъ Ивановичъ Аяновъ.

У Бориса Павловича была живая, чрезвычайно подвижная физіономія. Съ перваго взгляда онъ казался моложе своихъ лѣтъ: большой, бѣлый лобъ блисталъ свѣжестью, глаза мѣнялись, то загораясь мыслію, чувствомъ, веселостью, то задумывались мечтательно, и тогда казались молодыми, почти юношескими. Иногда же смотрѣли они зрѣло, устало, скучно и обличали возрастъ своего хозяина. Около глазъ собирались даже двѣ три легкія морщины, эти неизгладимые знаки времени и опыта. Гладкіе черные волосы падали на затылокъ и на уши, и въ вискахъ серебрилось нѣсколько бѣлыхъ волосъ. Щеки, также, какъ и лобъ, около глазъ и рта, сохраняли еще молодые цвѣта, но у висковъ и около подбородка цвѣтъ былъ изъ желта-смугловатый. Вообще легко можно было угадать по лицу ту пору жизни, когда совершилась уже борьба молодости со зрѣлостью, когда человѣкъ перешелъ на вторую половину жизни, когда каждый прожитой опытъ, чувство, болѣзнь, оставляютъ слѣдъ. Только ротъ его сохранялъ, въ неуловимой игрѣ тонкихъ губъ и въ улыбкѣ, молодое, свѣжее, иногда почти дѣтское выраженіе.

Райскій одѣтъ былъ въ домашнее сѣренькое пальто, сидѣлъ съ ногами на диванѣ.

Иванъ Ивановичъ былъ напротивъ въ черномъ фракѣ. Бѣлыя перчатки и шляпа лежали около него на столѣ. У него лице отличалось спокойствіемъ, или скорѣе равнодушнымъ ожи-

даніемъ ко всему, что̀ можетъ около него происходить. Смышленый взглядъ, неглупыя губы, смугло-желтоватый цвѣтъ лица, красиво подстриженные, съ сильной просѣдью, волосы на головѣ и бакенбардахъ, умѣренныя движенія, сдержанная рѣчь и безукоризненный костюмъ — вотъ его наружный портретъ.

На лицѣ его можно было прочесть покойную увѣренность въ себѣ и пониманіе другихъ, выглядывавшія изъ глазъ. «Пожилъ человѣкъ, знаетъ жизнь и людей», скажетъ о немъ наблюдатель, и если не отнесетъ его къ разряду особенныхъ, высшихъ натуръ, то еще менѣе къ разряду натуръ наивныхъ. Это былъ представитель большинства уроженцевъ универсальнаго Петербурга, и вмѣстѣ то, что̀ называютъ свѣтскимъ человѣкомъ. Онъ принадлежалъ Петербургу и свѣту, и его трудно было бы представить себѣ гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ, кромѣ Петербурга, и въ другой сферѣ, кромѣ свѣта, т. е. извѣстнаго высшаго слоя петербургскаго населенія, хотя у него есть и служба, и свои дѣла, но его чаще всего встрѣчаешь въ большей части гостиныхъ, утромъ—съ визитами, на обѣдахъ, на вечерахъ: на послѣднихъ всегда за картами. Онъ—такъ себѣ: ни характеръ, ни безхарактерность, ни знаніе, ни невѣжество, ни убѣжденіе, ни скептицизмъ. Незнаніе или отсутствіе убѣжденія облечено у него въ форму какого-то легкаго, поверхностнаго всеотрицанія: онъ относился ко всему небрежно, ни передъ чѣмъ искренне не склоняясь, ни чему глубоко не вѣря и ни къ чему особенно не пристращаясь. Немного насмѣшливъ, скептиченъ, равнодушенъ и ровенъ въ сношеніяхъ со всѣми, не даря никого, ни постоянной и глубокой дружбой, не преслѣдуя настойчивой враждой.

Онъ родился, учился, выросъ и дожилъ до старости въ Петербургѣ, не выѣзжая далѣе Лахты и Ораніенбаума съ одной, Токсова и Средней-Рогатки съ другой стороны. Отъ этого въ немъ отражались, какъ солнце въ каплѣ, весь петербургскій міръ, вся петербургская практичность, нравы, тонъ, природа, служба,— эта вторая петербургская природа, и болѣе ничего. На всякую другую жизнь у него не было никакого взгляда, никакихъ понятій, кромѣ тѣхъ, какія даютъ свои и иностранныя газеты. Петербургскія страсти, петербургскій взглядъ, петербургскій годовой обиходъ пороковъ и добродѣтелей, мыслей, дѣлъ, политики, и даже, пожалуй, поэзіи,—вотъ гдѣ вращалась жизнь его, и онъ не порывался изъ этого круга, находя въ немъ полное до роскоши удовлетвореніе своей натурѣ. Онъ равнодушно смотрѣлъ сорокъ лѣтъ сряду, какъ съ каждой весной отплывали за границу биткомъ набитые пароходы, уѣзжали внутрь Россіи дилижансы, въ послѣдствіи вагоны, — какъ двигались толпы людей

«съ наивнымъ настроеніемъ» дышать другимъ воздухомъ, освѣжаться, искать впечатлѣній и развлеченій. Никогда не чувствовалъ онъ подобной потребности, да и въ другихъ не признавалъ ее, а глядѣлъ на нихъ, на этихъ другихъ, покойно, равнодушно, съ весьма приличнымъ выраженіемъ въ лицѣ и взглядомъ. «Пусть-де ихъ себѣ, а я не поѣду».

Онъ говорилъ просто, свободно переходя отъ предмета къ предмету, всегда зналъ обо всемъ, что дѣлается въ мірѣ, въ свѣтѣ и въ городѣ; слѣдилъ за подробностями войны, если была война, узнавалъ равнодушно о перемѣнѣ англійскаго или французскаго министерства, читалъ послѣднюю рѣчь въ парламентѣ и во французской палатѣ депутатовъ, всегда зналъ о новой піесѣ, и о томъ, кого зарѣзали ночью на Выборгской сторонѣ. Зналъ генеалогію, состояніе дѣлъ и имѣній и скандалезную хронику каждаго большого дома столицы;—зналъ во всякую минуту, что̀ дѣлается въ администраціи, о перемѣнахъ, повышеніяхъ, наградахъ,—зналъ и сплетни городскія: словомъ, зналъ хорошо свой міръ. Утро уходило у него на мыканье по свѣту, т. е. по гостинымъ, отчасти на дѣла и службу,—вечеръ нерѣдко онъ начиналъ спектаклемъ, а кончалъ всегда картами въ англійскомъ клубѣ, или у знакомыхъ, а знакомы ему были всѣ. Въ карты игралъ онъ безъ ошибки и имѣлъ репутацію пріятнаго игрока, потому что былъ снисходителенъ къ ошибкамъ, никогда не сердился, а глядѣлъ на ошибку съ такимъ же приличіемъ, какъ на отличный ходъ. Потомъ онъ игралъ и по большой и по маленькой, и съ крупными игроками и съ капризными дамами.

Строевую службу онъ прошелъ хорошо, протерши лямку около пятнадцати лѣтъ въ канцеляріяхъ, въ должностяхъ исполнителя чужихъ проектовъ. Онъ тонко угадывалъ мысль начальника, раздѣлялъ его взглядъ на дѣло и ловко излагалъ на бумагѣ разные проекты. Мѣнялся начальникъ, а съ нимъ и взглядъ, и проектъ: Аяновъ работалъ также умно и ловко и съ новымъ начальникомъ, надъ новымъ проектомъ — и докладныя записки его нравились всѣмъ министрамъ, при которыхъ онъ служилъ.

Теперь онъ состоялъ при одномъ изъ нихъ по особымъ порученіямъ. По утрамъ являлся къ нему въ кабинетъ, потомъ къ женѣ его въ гостиную, и дѣйствительно исполнялъ нѣкоторыя ея порученія, а по вечерамъ въ положенные дни непремѣнно составлялъ партію, съ кѣмъ попросятъ. У него былъ довольно крупный чинъ и окладъ — и никакого дѣла.

Если позволено проникать въ чужую душу, то въ душѣ Ивана Ивановича не было никакого мрака, никакихъ тайнъ, ни-

чего загадочнаго впереди, и сами макбетовскія вѣдьмы затруднились бы обольстить его какимъ нибудь болѣе блестящимъ жребіемъ, или отнять у него тотъ, къ которому онъ шествовалъ такъ сознательно и достойно. Повыситься изъ статскихъ въ дѣйствительные статскіе, а подъ конецъ за долговременную и полезную службу и «неусыпные труды», какъ по службѣ, такъ и въ картахъ — въ тайные совѣтники, и бросить якорь въ портѣ, въ какой нибудь нетлѣнной коммиссіи или въ комитетѣ, съ сохраненіемъ окладовъ, — а тамъ, волнуйся себѣ человѣческій океанъ, мѣняйся вѣкъ, лети въ пучину судьба народовъ, царствъ, — все пролетитъ мимо его, пока апоплексическій или другой ударъ не остановитъ теченія его жизни.

Аяновъ былъ женатъ, овдовѣлъ и имѣлъ двѣнадцати лѣтъ дочь, воспитывавшуюся на казенный счетъ въ институтѣ, а онъ, устроивъ свои дѣлишки, велъ покойную и беззаботную жизнь стараго холостяка. Одно только нарушало его спокойствіе: — это геморрой отъ сидячей жизни: въ перспективѣ представлялось для него тревожное событіе — прервать на время эту жизнь и побывать гдѣ нибудь на водахъ. Такъ грозилъ ему докторъ.

— Не пора ли одѣваться: четверть пятаго! — сказалъ Аяновъ.

— Да, пора, — отвѣчалъ Райскій, очнувшись отъ задумчивости.

— О чемъ ты задумался? — спросилъ Аяновъ.

— О комъ? — поправилъ Райскій: — да о ней все.... о Софьѣ...

— Опять! Ну! — замѣтилъ Аяновъ.

Райскій сталъ одѣваться.

— Ты не скучаешь, что я тебя туда таскаю? — спросилъ Райскій.

— Нимало: развѣ не все равно играть, что тамъ, что у Ивлевыхъ? Оно, правда, совѣстно немного обыгрывать старухъ: Анна Васильевна бьетъ карты своего партнера со-слѣпа, а Надежда Васильевна вслухъ говоритъ, съ чего пойдетъ.

— Не безпокойся, не оберешь по пяти копѣекъ. У обѣихъ старухъ до шестидесяти тысячъ дохода.

— Знаю, и это все Софьѣ Николаевнѣ достанется?

— Ей — она родная племянница. Да когда еще достанется! Онѣ скупы, переживутъ ее.

— У отца вѣдь, кажется, немного...

— Нѣтъ, все спустилъ.

— Да куда онъ тратитъ? Въ карты почти не играетъ.

— Какъ, куда? А женщины? А эта бѣготня, petits soupers,

весь этотъ train? Зимой въ пять тысячъ сервизъ подарилъ на вечеръ Armance, а она его-то и забыла пригласить къ ужину...

— Да, да, слышалъ. За что? Что онъ у ней тамъ дѣлаетъ?..

Оба засмѣялись.

— Отъ мужа у Софьи Николаевны, кажется, тоже немного осталось?

— Нѣтъ, тысячъ семь дохода; это ея карманныя деньги. А то все отъ тетокъ. Но пора! сказалъ Райскій. — Мнѣ хочется до обѣда еще по Невскому пройтись.

Аяновъ и Райскій пошли по улицѣ, кивая, раскланиваясь и пожимая руки на право и налѣво.

— Долго ты нынѣче просидишь у Бѣловодовой?

— Пока не выгонятъ — какъ обыкновенно. А что, скучно?

— Нѣтъ, я думалъ, поспѣю ли я къ Ивлевымъ? Мнѣ скучно не бываетъ...

— Счастливый человѣкъ! — съ завистью сказалъ Райскій. Еслибъ не было на свѣтѣ скуки! Можетъ ли быть лютѣе бича?

— Молчи, пожалуйста, съ суевѣрнымъ страхомъ остановилъ его Аяновъ: еще накличешь что-нибудь! А у меня одинъ геморрой чего-нибудь да стоитъ! Доктора только и знаютъ, что вонъ отсюда шлютъ: далась имъ эта сидячая жизнь—всѣ бѣды въ ней видятъ! Да воздухъ еще: чего лучше этого воздуха? — Онъ съ удовольствіемъ нюхнулъ воздухъ. — Я теперь выбралъ подобрѣе эскулапа: тотъ хочетъ лѣтомъ кислымъ молокомъ лечить меня: у меня вѣдь закрытый... ты знаешь? Такъ ты отъ скуки ходишь къ своей кузинѣ?

— Какой вопросъ: разумѣется! Развѣ ты не отъ скуки садишься за карты? Всѣ отъ скуки спасаются, какъ отъ чумы.

— Какое же ты жалкое лекарство выбралъ отъ скуки — переливать изъ пустого въ порожнее съ женщиной: каждый день одно и тоже!

— А въ картахъ развѣ не одно и тоже? а вотъ ты прячешься въ нихъ отъ скуки...

— Ну, нѣтъ, не одно и тоже: какой-то англичанинъ вывелъ комбинацію, что одна и таже сдача картъ можетъ повториться лѣтъ въ тысячу только... А шансы? а характеры игроковъ, манера каждаго, ошибки?.. Не одно и тоже! А вотъ съ женщиной биться зиму и весну! Сегодня, завтра... вотъ этого я не понимаю!

— Ты не понимаешь красоты: что же дѣлать съ этимъ? Другой не понимаетъ музыки, третій живописи: это неразвитость своего рода...

— Да, именно — своего рода. Вонъ у меня въ отдѣленіи

служилъ помощникомъ Иванъ Петровичъ: тотъ ни одной чиновницѣ, ни одной горничной проходу не даетъ, т. е. красивой конечно. Всѣмъ говоритъ любезности, подноситъ конфекты, букеты: онъ развитъ, что-ли?

— Оставимъ этотъ разговоръ, — сказалъ Райскій — а то опять оба на стѣну полѣземъ, чуть не до драки. Я не понимаю твоихъ картъ, и ты вправѣ назвать меня невѣждой. Не суйся же и ты судить и рядить о красотѣ. Всякій по своему наслаждается, и картиной, и статуей, и живой красотой женщины: твой Иванъ Петровичъ такъ, я иначе, а ты никакъ, — ну, и при тебѣ...

— Ты играешь съ женщинами, какъ я вижу, сказалъ Аяновъ....

— Ну, играю, и что же? — ты тоже играешь и обыгрываешь почти всегда, а я всегда проигрываю.... Что же тутъ дурного?

— Да, Софья Николаевна красавица, да еще богатая невѣста: женись и конецъ всему.

— Да — и конецъ всему, и начало скукѣ! — задумчиво повторилъ Райскій: а я не хочу конца! Успокойся, за меня бы ее и не отдали!

— Тогда, по моему, и ходить не-зачѣмъ. Ты просто—донъ-Жуанъ!

— Да, донъ - Жуанъ пустой человѣкъ; такъ что-ли по вашему?

— А какъ же: что-жъ онъ по твоему?

— Ну, такъ и Байронъ, и Гёте, и куча живописцевъ, скульпторовъ — все были пустые люди...

— Да ты — Байронъ или Гёте, что ли?..

Райскій съ досадой отвернулся отъ него.

— Донъ-жуанизмъ—тоже въ людскомъ родѣ, что донъ-кихотство: еще глубже; эта потребность еще прирожденнѣе... сказалъ онъ.

— Коли потребность — такъ женись... я тебѣ говорю...

— Ахъ! почти съ отчаяніемъ произнесъ Райскій — вѣдь жениться можно одинъ, два, три раза: ужели я не могу наслаждаться красотой такъ, какъ бы наслаждался красотой въ статуѣ? Донъ-Жуанъ наслаждался прежде всего эстетически этой потребностью, но грубо; сынъ своего вѣка, воспитанія, правовъ — онъ увлекался за предѣлы этого поклоненія — вотъ и все. Да что толковать съ тобой!

— Коли не жениться, такъ не зачѣмъ и ходить... апатично повторилъ Аяновъ.

— А знаешь — ты отчасти правъ. Прежде всего скажу, что

мои увлеченія всегда искренни и не умышленны: — это не волокитство — знай однажды навсегда. И когда мой идолъ хоть одной чертой подходитъ къ идеалу, который фантазія сейчасъ создаетъ мнѣ изъ него — у меня само собою додѣлается остальное, и тогда возникаетъ идеалъ счастья, семейнаго...

— Вотъ видишь; ну, такъ и женись... замѣтилъ Аяновъ.

— Погоди, погоди: никогда ни одинъ идеалъ не доживалъ до срока свадьбы: блѣднѣлъ, падалъ, и я уходилъ охлажденный... Что фантазія создастъ, то анализъ разрушитъ, какъ карточный домикъ. Или самъ идеалъ, не дождавшись охлажденія, уходилъ отъ меня...

— А все-таки каждый день сидѣть съ женщиной и болтать!.. упрямо твердилъ Аяновъ, покачивая головой. Ну о чемъ, напримѣръ, ты будешь говорить, хоть сегодня? чего ты хочешь отъ нея, если ее за тебя не выдадутъ?

— И я тебя спрошу: чего ты хочешь отъ ея тетокъ? Какія карты къ тебѣ придутъ? Выиграешь ты, или проиграешь? Развѣ ты ходишь съ тѣмъ туда, чтобъ выиграть всѣ шестьдесятъ тысячъ дохода? Ходишь поиграть — и выиграть что-нибудь...

— У меня никакихъ расчетовъ нѣтъ: я дѣлаю это отъ... отъ... для удовольствія.

— Отъ... отъ скуки — видишь, и я для удовольствія — и тоже безъ расчетовъ. А какъ я наслаждаюсь красотой, ты и твой Иванъ Петровичъ этого не поймете, не во гнѣвъ тебѣ и ему — вотъ и все. Вѣдь есть же одни, которые молятся страстно, а другіе не знаютъ этой потребности, и...

— Страстно! — страсти мѣшаютъ жить. Трудъ — вотъ одно лекарство отъ пустоты: дѣло! — сказалъ Аяновъ внушительно.

Райскій остановился, остановилъ Аянова, ядовито улыбнулся и спросилъ: — какое дѣло, скажи пожалуйста: это любопытно!

— Какъ какое? служи.

— Развѣ это дѣло; укажи ты мнѣ въ службѣ, за немногими исключеніями, дѣло, безъ котораго бы нельзя было обойтись?

Аяновъ засвисталъ отъ удивленія.

— Вотъ тебѣ разъ! — сказалъ онъ и поглядѣлъ около себя. Да вотъ! — Онъ указалъ на полицейскаго чиновника, который упорно глядѣлъ въ одну сторону.

— А спроси его, — сказалъ Райскій, — зачѣмъ онъ тутъ стоитъ, и кого такъ пристально высматриваетъ и выжидаетъ? Генерала! А насъ съ тобой и не видитъ, такъ, что любой прохожій можетъ вытащить у него платокъ изъ кармана. Ужели ты

считалъ дѣломъ твои бумаги? Не будемъ распространяться объ этомъ, а скажу тебѣ, что я, право, больше дѣлаю, когда мажу свои картины, брянчу на роялѣ и даже — когда покланяюсь красотѣ...

— И что̀ особеннаго, кромѣ красоты, нашелъ ты въ своей кузинѣ?

— Кромѣ красоты! да это все! Впрочемъ я мало знаю ее: это-то, вмѣстѣ съ красотой, и влечетъ меня къ ней...

— Какъ, каждый день вмѣстѣ и мало знаешь?..

— Мало. Не знаю, что у нея кроется подъ этимъ спокойствіемъ, не знаю ея прошлаго и не угадываю будущаго. Женщина она, или кукла, живетъ или поддѣлывается подъ жизнь? И это мучитъ меня... Вонъ, смотри, — продолжалъ Райскій — видишь эту женщину?

— Ту толстую, что лѣзетъ съ узломъ на извощика?

— Да, и вотъ эту, что глядитъ изъ окна кареты? И вонъ ту, что заворачиваетъ изъ за угла на встрѣчу намъ?

— Ну, такъ что же?

— Ты на ихъ лицахъ мелькомъ прочтешь какую-нибудь заботу, или тоску, или радость, или мысль, признакъ воли: ну, словомъ, — движеніе, жизнь. Немного нужно, чтобъ подобрать ключъ и сказать, что тутъ семья и дѣти, значитъ было прошлое, а тамъ глядитъ изъ глазъ страсть или живой слѣдъ симпатіи, — значитъ есть настоящее, а здѣсь на молодомъ лицѣ играютъ надежды, просятся наружу желанія и пророчатъ безпокойное будущее...

— Ну?

— Ну, вездѣ что-то живое, подвижное, требующее жизни и отзывающееся на нее... А тамъ ничего этого нѣтъ, ничего, хоть шаромъ покати! Даже нѣтъ апатіи, скуки, чтобъ можно было сказать: была жизнь и убита — ничего! Сіяетъ и блеститъ, ничего не проситъ и ничего не отдаетъ! И я ничего не знаю! А ты удивляешься, что я бьюсь?

— Давно бы сказалъ мнѣ это, я и удивляться пересталъ бы, потому что я самъ такой, — сказалъ Аяновъ, вдругъ останавливаясь. — Ходи ко мнѣ, вмѣсто нея...

— Ты?

— Да — я!

— Что же ты, красотой блистаешь?...

— Блистаю спокойствіемъ и наслаждаюсь этимъ; и она тоже... Что тебѣ за дѣло?..

— До тебя — никакого, а она — красота, красота!

— Женись, а не хочешь или нельзя, такъ оставь, займись дѣломъ...

— Ты прежде заведи дѣло, въ которое могъ бы броситься живой умъ, гнушающійся мертвечины, и страстная душа, и укажи, какъ положить силы во что нибудь, что стоитъ борьбы — а съ своими картами, визитами, раутами и службой — убирайся къ чорту!

— У тебя безпокойная натура, — сказалъ Аяновъ; не было строгой руки и тяжелой школы — вотъ ты и куролесишь... Помнишь, ты разсказывалъ, когда твоя Наташа была жива...

Райскій вдругъ остановился и, съ грустью на лицѣ, схватилъ своего спутника за руку.

— Наташа! повторилъ онъ тихо: это единственный, тяжелый камень у меня на душѣ — не мѣшай память о ней въ эти мои впечатлѣнія и мимолетныя увлеченія...

Онъ вздохнулъ, и они молча дошли до Владимірской церкви, свернули въ переулокъ и вошли въ подъѣздъ барскаго дома.

II.

Райскій съ годъ только передъ этимъ познакомился съ Софьей Николаевной Бѣловодовой, вдовой на двадцать-пятомъ году, послѣ недолгаго замужества съ Бѣловодовымъ, служившимъ по дипломатической части. Она была изъ стариннаго богатаго дома Пахотиныхъ. Матери она лишилась еще до замужества, и батюшка ея, состоявшій въ полномъ распоряженіи супруги, почувствовавъ себя на свободѣ, вдругъ спохватился, что молодость его рано захвачена была женитьбой, и что онъ не успѣлъ пожить и пожуировать. Онъ повелъ-было жизнь холостяка, пересиливалъ годы и природу, но не пересилилъ, и только смотрѣлъ, какъ ѣли и пили другіе, а у него желудокъ не варилъ. Но онъ уже успѣлъ нанести смертельный ударъ своему состоянію. У него, въ замѣнъ наслажденій, которыми онъ пользоваться не могъ, явилось старческое тщеславіе имѣть видъ шалуна, и онъ сталъ вознаграждать себя за вѣрность въ супружествѣ сумасбродными связями, на которыя быстро ушли всѣ наличныя деньги, брильянты жены, наконецъ и большая часть приданаго дочери. На недвижимое имѣніе, и безъ того заложенное имъ еще до его женитьбы, наросли значительные долги. Когда источники изсякли, онъ изрѣдка, въ годъ разъ, иногда два, сдѣлаетъ дорогую шалость, купитъ брильянты какой-нибудь Armance, экипажъ, сервизъ, ѣздитъ къ ней недѣли три, провожаетъ въ театръ, дѣлаетъ ей

ужины, сзываетъ молодежь, а потомъ опять смолкнетъ до слѣдующихъ денегъ.

Николай Васильевичъ Пахотинъ былъ очень красивый, сановитый старикъ, съ мягкими, почтенными сѣдинами. По виду, его примешь за какого-нибудь Пальмерстона. Особенно красивъ онъ былъ, когда съ гордостью велъ подъ руку Софью Николаевну куда-нибудь на балъ, на общественное гулянье. Незнавшіе его почтительно сторонились, а знакомые, завидя шалуна, начинали уже улыбаться и потомъ фамильярно и шутливо трясти его за руку, звали устроить веселый обѣдъ, разсказывали на-ухо пріятную исторію... Старикъ шутилъ, разсказывалъ самъ направо и налѣво анекдоты, говорилъ каламбуры, особенно любилъ съ сверстниками жить воспоминаніями минувшей молодости и своего времени. Они съ восторгомъ припоминали, какъ графъ Борисъ или Денисъ проигрывалъ кучи золота; терзались тѣмъ, что сами тратили такъ мало, жили такъ мизерно; поучали внимательную молодежь великому искусству жить. Но особенно любилъ Пахотинъ уноситься воспоминаніями въ Парижъ, когда въ четырнадцатомъ году русскіе явились великодушными побѣдителями, перещеголявшими любезностью тогдашнихъ французовъ, уже попорченныхъ въ этомъ отношеніи революціей, и превосходившими безумнымъ мотовствомъ широкую щедрость англичанъ. Старикъ шутя проживалъ жизнь, всегда смѣялся, разсказывалъ только веселое, даже на драму въ театрѣ смотрѣлъ съ улыбкой, любуясь ножкой или лорнируя la gorge актрисы. Когда же наставало не веселое событіе, не обѣдъ, не соблазнительная, закулисная драма, а затрогивались нервы жизни, слышался въ ней громовой раскатъ, когда около него возникалъ важный вопросъ, требовавшій мысли или воли, старикъ тупо недоумѣвалъ, впадалъ въ безпокойное молчаніе и только учащенно жевалъ губами.

У него былъ живой, игривый умъ, наблюдательность и нѣкогда смѣлые порывы въ характерѣ. Но шестнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ гвардію, выучась отлично говорить, писать и пѣть по-французски и почти не зная русской грамоты. Ему дали отличную квартиру, лошадей, экипажъ и тысячъ двадцать дохода. Никто лучше его не былъ одѣтъ, и теперь еще, въ старости, онъ даетъ законы вкуса портному; все на немъ сидитъ отлично ходитъ онъ бодро, благородно, говоритъ съ увѣренностію и никогда не выходитъ изъ себя. Судитъ обо всемъ часто на перекоръ логикѣ, но владѣетъ софизмомъ съ необыкновенною ловкостью.

Съ нимъ можно не согласиться, но сбить его трудно. Свѣтъ,

опытъ, вся жизнь его не дали ему никакого содержанія, и оттого онъ боится серьезнаго, какъ огня. Но тотъ же опытъ, жизнь всегда въ кучѣ людей, множество встрѣчъ и способность знакомиться со всѣми, образовали ему какой-то очень пріятный, мелкій умокъ, и незнающій его съ перваго раза даже положится на его совѣтъ, сужденіе, и потомъ уже, жестоко обманувшись, разглядитъ, что̀ это за человѣкъ.

Онъ не успѣлъ еще окунуться въ омутъ опасной, при праздности и деньгахъ, жизни, какъ на двадцать-пятомъ году его женили на дѣвушкѣ красивой, стараго рода, но холодной, съ деспотическимъ характеромъ, съ разу угадавшей слабость мужа и прибравшей его къ рукамъ. Теперь Николай Васильевичъ Па̀хотинъ засѣдаетъ въ какомъ-то совѣтѣ разъ въ недѣлю, имѣетъ важный чинъ, двѣ звѣзды, и томительно ожидаетъ третьей. Это его общественное значеніе. Было у него другое ожиданіе — поѣхать за границу, то-есть въ Парижъ, уже не съ оружіемъ въ рукахъ, а съ золотомъ, и тамъ пожить, какъ живали въ старину. Онъ съ наслажденіэмъ и завистью припоминалъ анекдоты временъ революціи, какъ одинъ знатный повѣса разбилъ тамъ чашку въ магазинѣ и въ отвѣтъ на упреки купца перебилъ и переломалъ еще множество вещей и заплатилъ за весь магазинъ; какъ другой перекупилъ у короля дачу и подарилъ танцовщицѣ. Оканчивалъ онъ разсказы вздохомъ сожалѣнія о прошломъ. Вскорѣ послѣ смерти жены онъ, было, попросился туда, но образъ его жизни, нравы и его затѣи такъ были извѣстны въ обществѣ, что ему, въ отвѣтъ на просьбу, коротко отвѣчено было: «не зачѣмъ». Онъ пожевалъ губами, похандрилъ, потомъ сдѣлалъ какое-то громадное, дорогое сумасбродство и успокоился. Послѣ того, уже промотавшись окончательно, онъ въ Парижъ не порывался. Кромѣ томительнаго ожиданія третьей звѣзды, у него было еще постоянное дѣло, постоянное стремленіе, забота, куда уходило его напряженное вниманіе, соображенія, вся его тактика, съ тѣхъ поръ, какъ онъ промотался — это извлекать изъ обѣихъ своихъ старшихъ сестеръ, пожилыхъ дѣвушекъ, тетокъ Софьи, денежныя средства на шалости.

Надежда Васильевна и Анна Васильевна Па̀хотины, хотя были скупы и не ставили собственно личность своего братца въ грошъ, но дорожили именемъ, которое онъ носилъ, репутаціей и важностью дома, преданіями, и потому, сверхъ опредѣленныхъ ему пяти тысячъ карманныхъ денегъ, въ разное время выдавали ему субсидіи около такой же суммы, и потомъ еще, съ выговорами, съ наставленіями, чуть не съ плачемъ, всегда къ концу года платили почти столько же по счетамъ портныхъ, мебель-

Жур... фонд
Москов... обл. библиотеки

щиковъ и другихъ купцовъ. Онѣ знали, на какое употребленіе уходятъ у него деньги, но на это онѣ смотрѣли снисходительно, помня нестрогіе нравы повѣсъ своего времени и находя это въ мужчинѣ естественнымъ. Только онѣ, какъ нравственныя женщины, затыкали уши, когда онъ захочетъ похвастаться передъ ними своими шалостями, или когда кто другой вздумаетъ довести до ихъ свѣдѣнія о какомъ-нибудь его сумасбродствѣ. Онъ былъ въ ихъ глазахъ пустой, никуда негодный, ни на какое дѣло, ни для совѣта — старикъ и плохой отецъ, но онъ былъ Пахотинъ, а родъ Пахотиныхъ уходилъ въ древность, портреты предковъ занимаютъ всю залу, а родословная не укладывается на большомъ столѣ, и въ родѣ ихъ было много лицъ съ громкимъ значеніемъ. Онѣ гордились этимъ и прощали брату своему все, за то только, что онъ Пахотинъ.

Сами онѣ блистали нѣкогда въ свѣтѣ, и по какимъ-то, кромѣ нихъ всѣми забытымъ причинамъ, остались дѣвами. Онѣ уединились въ родовомъ домѣ, и тамъ, въ семействѣ женатаго брата, доживали старость, окруживъ строгимъ вниманіемъ, попеченіями и заботами единственную дочь Пахотина, Софью. Замужество послѣдней разстроило, было, ихъ жизнь, но она овдовѣла, лишилась матери и снова, какъ въ монастырь, поступила подъ авторитетъ и опеку тетокъ. Онѣ были двѣ высокія, сѣдыя, чинныя старушки, ходившія дома въ тяжелыхъ, шелковыхъ темныхъ платьяхъ, большихъ чепцахъ, на рукахъ со многими перстнями. Надежда Васильевна страдала тикомъ и носила подъ чепцомъ бархатную шапочку, на плечахъ бархатную, подбитую горностаемъ кацавейку, а Анна Васильевна сырцовыя букли и большую шаль. У обѣихъ было по ридикюлю, а у Надежды Васильевны высокая, золотая табакерка, около нея нѣсколько носовыхъ платковъ и моська, старая, всегда заспанная, хрипящая, и отъ старости не узнающая никого изъ домашнихъ, кромѣ своей хозяйки.

Домъ у нихъ былъ старый, длинный, въ два этажа, съ гербомъ на фронтонѣ, съ толстыми, массивными стѣнами, съ глубокими окошками и длинными, темными простѣнками. Въ домѣ тянулась безконечная анфилада обитыхъ штофомъ комнатъ; темные, тяжелые рѣзные шкафы, съ старымъ фарфоромъ и серебромъ, какъ саркофаги, стояли по стѣнамъ съ тяжелыми же диванами и стульями рококо, богатыми, но жесткими, безъ комфорта. Швейцаръ походилъ на Нептуна; лакеи пожилые и молчаливые, женщины въ темныхъ платьяхъ и чепцахъ. Экипажъ высокій, козлы съ шелковой бахрамой, лошади старыя,

породистыя, съ длинными шеями и спинами, съ побѣлѣвшими отъ старости губами, при ѣздѣ крупно кивающія головой.

Комната Софьи смотрѣла нѣсколько веселѣе прочихъ, особенно когда присутствовала въ ней сама хозяйка: тамъ были цвѣты, ноты, множество современныхъ бездѣлокъ. Еще бы немного побольше свободы, безпорядка, свѣта и шуму — тогда это былъ бы свѣжій, веселый и розовый пріютъ, гдѣ бы можно замечтаться, зачитаться, заиграться, и пожалуй залюбиться. Но цвѣты стояли въ тяжелыхъ, старинныхъ вазахъ, точно надгробныхъ урнахъ, горка массивнаго стараго серебра придавала еще больше античности комнатѣ. Да и тетки не могли видѣть безпорядка: чуть цвѣты раскинутся въ вазѣ прихотливо, входила Анна Васильевна, звонила дѣвушку въ чепцѣ и приказывала собрать ихъ въ симметрію. Если оказывалась книга въ богатомъ переплетѣ лежащею на диванѣ, на стулѣ,—Надежда Васильевна ставила ее на полку; если западалъ слишкомъ вольный лучъ солнца и игралъ на хрусталѣ, на зеркалѣ, на серебрѣ,—Анна Васильевна находила, что глазамъ больно, молча указывала человѣку пальцемъ на портьеру, и тяжелая, негнущаяся шелковая завѣса мѣрно падала съ петли и закрывала свѣтъ.

За то внизу у Николая Васильевича былъ полный безпорядокъ. Старыя преданія мѣшались тамъ съ слѣдами современнаго комфорта. Подлѣ тяжелаго буля стояла откидная кушетка отъ Гамбса, высокій, готическій каминъ прикрывался ширмами съ картинами фобласовскихъ правовъ, на столахъ часто утро заставало остатки ужина, на диванѣ можно было найдти иногда женскую перчатку, ботинку, въ уборной его — цѣлый магазинъ косметическихъ снадобьевъ. Какъ тихо и молчаливо было наверху, такъ внизу слышались часто звонкіе голоса, смѣхъ, всегда было тамъ живо, безпорядочно. Камердинеръ былъ у него французъ, съ почтительной рѣчью и наглымъ взглядомъ.

III.

Много комнатъ прошли Райскій и Аяновъ, прежде нежели добрались до жилья, то-есть до комнатъ, гдѣ сидѣли обѣ старухи и Софья Николаевна.

Когда они вошли въ гостиную, на нихъ захрипѣла моська, но не смогла полаять, и повертѣвшись около себя, опять улеглась. Анна Васильевна кивнула имъ, а Надежда Васильевна, въ отвѣтъ на поклоны, ласково поглядѣла на нихъ, съ удоволь-

ствіемъ высморкалась и сейчасъ же понюхала табаку, зная, что у ней будетъ партія.

— «Ma cousine!» сказалъ Райскій, протянувъ руку Бѣловодовой.

Она поклонилась съ улыбкой и подала ему руку.

— Позвони, Sophie, чтобы кушать давали, сказала старшая тетка, когда гости усѣлись около стола.

Софья Николаевна поднялась-было съ мѣста, но Райскій предупредилъ ее и дернулъ шнурокъ.

— Скажи Николаю Васильевичу, что мы садимся обѣдать, съ холоднымъ достоинствомъ обратилась старуха къ человѣку.— Да кушать давать! Ты что, Борисъ, опоздалъ сегодня: четверть шестого! упрекнула она Райскаго.

Онъ былъ двоюроднымъ племянникомъ старухъ и троюроднымъ братомъ Софьи. Домъ его, тоже старый и когда-то богатый, былъ связанъ родствомъ съ домомъ Пахотиныхъ. Но познакомился онъ съ своей родней не больше года тому назадъ. Въ этомъ онъ виноватъ былъ самъ. Старухи давно уже, услыхавъ его фамилію, освѣдомлялись, изъ тѣхъ ли онъ Райскихъ, которые происходили тогда-то, отъ тѣхъ-то, и жили тамъ-то? Онъ зналъ объ этомъ, но притаился и пропустилъ этотъ вопросъ безъ вниманія, не находя ничего занимательнаго знакомиться съ скучнымъ, строгимъ, богатымъ домомъ. Самъ онъ былъ не скученъ, не строгъ и не богатъ. Старину своего рода онъ не ставилъ ни во что, даже никогда объ этомъ не помнилъ и не думалъ. Остался онъ еще въ дѣтствѣ сиротой, на рукахъ равнодушнаго, холостого опекуна, а тотъ отдалъ его сначала на воспитаніе родственницѣ, приходившейся двоюродной бабушкой Райскому. Она была отличнѣйшая женщина по сердцу, но далѣе своего уголка ничего знать не хотѣла, и тамъ въ тиши, среди садовъ и рощъ, среди семейныхъ и хозяйственныхъ хлопотъ маленькаго размѣра, провелъ Райскій нѣсколько лѣтъ, а чуть подросъ, опекунъ помѣстилъ его въ гимназію, гдѣ окончательно изгладились изъ памяти мальчика всѣ родовыя преданія фамиліи о прежнемъ богатствѣ и родствѣ съ другими старыми домами. Дальнѣйшее развитіе, занятія и направленіе еще болѣе отвели Райскаго отъ всѣхъ преданій старины. И онъ не спѣшилъ сблизиться съ своими петербургскими родными, которые о немъ знали тоже по слуху. Но какъ-то зимой, Райскій однажды на балу увидѣлъ Софью, раза два говорилъ съ нею и потомъ уже сталъ искать знакомства съ ея домомъ. Это было всего легче сдѣлать черезъ отца ея: такъ Райскій и сдѣлалъ. Онъ зналъ одну хорошенькую актрису и на вечерѣ у нея ловко

поддѣлался къ старику, потомъ подарилъ ему портретъ этой актрисы своей работы, напомнилъ ему о своей фамиліи, о старыхъ связяхъ и скоро былъ представленъ старухамъ и дочери.

Онъ такъ обворожилъ старухъ, являясь то робкимъ, покорнымъ мудрой старости, то живымъ, веселымъ собесѣдникомъ, что онѣ скоро перешли на *ты* и стали звать его mon neveu, а онъ сталъ звать Софью Николаевну кузиной и пріобрѣлъ степень короткости и нѣкоторыя права въ домѣ, какихъ постороннему не пріобрѣсти во сто лѣтъ.

Но все-таки онъ еще былъ недоволенъ тѣмъ, что могъ являться по два раза въ день, приносить книги, ноты, приходить обѣдать за-просто. Онъ привыкъ къ обществу новыхъ современныхъ нравовъ и къ непринужденному обхожденію съ женщинами. А Софья мало оставалась одна съ нимъ: всегда присутствовала то одна, то другая старуха; рѣдко разговоръ выходилъ изъ предѣловъ текущей жизни или родовыхъ воспоминаній. А если затрогивались вопросы живые, глубокіе, то старухи тономъ и сентенціями сейчасъ клали на всякій разговоръ свою патентованную печать. Райскій между тѣмъ сгаралъ желаніемъ узнать не Софью Николаевну Бѣловодову—тамъ нечего было узнавать, кромѣ того, что она была прекрасная собой, прекрасно воспитанная, хорошаго рода и тона женщина — онъ хотѣлъ отыскать въ ней просто женщину, наблюсти и опредѣлить, что́ кроется подъ этой покойной, неподвижной оболочкой красоты, сіяющей ровно, одинаково, никогда небросавшей ни на что быстраго, жаждущаго, огненнаго, или наконецъ скучнаго, утомленнаго взгляда, никогда не обмолвившейся нетерпѣливымъ, неосторожнымъ или порывистымъ словомъ?

Но она въ самомъ дѣлѣ прекрасна. Нужды нѣтъ, что она уже вдова, женщина; но на открытомъ, будто молочной бѣлизны бѣломъ лбу ея и благородныхъ, нѣсколько крупныхъ чертахъ лица лежитъ дѣвическое, почти дѣтское невѣдѣніе жизни. Она, кажется, не слыхала, что есть на свѣтѣ страсти, тревоги, дикая игра событій и чувствъ, доводящія до проклятій, стирающія это сіяніе съ лица. Большіе сѣро-голубые глаза полны ровнаго, не мерцающаго горѣнія. Но въ нихъ теплится будто и чувство; кажется, она не безсердечная женщина. Но какое это чувство? Какого-то всеобщаго благоволенія, доброты ко всему на свѣтѣ, — такое чувство, если только это чувство, какимъ свѣтятся глаза у людей сытыхъ, беззаботныхъ, всѣмъ удовлетворенныхъ и не вѣдающихъ горя и нуждъ.

Волоса у нея были темные, почти черные, и густая коса едва

сдерживалась большими булавками на затылкѣ. Плечи и грудь поражали пышностью.

Цвѣтъ лица, плечъ, рукъ — былъ цѣльный, свѣжій цвѣтъ, блистающій здоровьемъ, ничѣмъ нетронутымъ, — ни болѣзнью, ни бѣдами. Одѣвалась она просто, если разглядѣть подробно все, что̀ на ней было надѣто, но казалась всегда великолѣпно одѣтой. И матерія ея платья какъ будто была особенная, и ботинки не такъ сидятъ на ней, какъ на другихъ. Великолѣпной картиной, видѣніемъ явилась она Райскому гдѣ-то на вечерѣ въ первый разъ.

Въ другой вечеръ онъ увидѣлъ ее далеко, въ театрѣ, въ третій разъ опять на вечерѣ, потомъ на улицѣ — и всякій разъ картина оставалась вѣрна себѣ, въ блескѣ и краскахъ. Напрасно онъ настойчивымъ взглядомъ хотѣлъ прочесть ея мысль, душу — все, что̀ крылось подъ этой оболочкой: кромѣ глубокаго спокойствія онъ ничего не прочелъ. Она казалась ему все той же картиной или отличной статуей музея. Всѣ находили, что она образецъ достоинства строгихъ понятій, comme il faut, жалѣли, что она лишена семейнаго счастья и ждали, когда новый гименей наложитъ на нее цѣпи. Въ семействѣ, тетки и близкіе старики и старухи часто при ней гадали ей въ томъ или другомъ искателѣ мужа: то посланникъ являлся чаще другихъ въ домъ, то недавно отличившійся генералъ, а однажды серьезно поговаривали объ одномъ старикѣ, иностранцѣ, потомкѣ королевскаго, угасшаго рода — она молчитъ и смотритъ беззаботно, какъ будто дѣло шло не о ней. Другіе находили это натуральнымъ, даже высокимъ, sublime, только Райскій — Богъ знаетъ изъ-чего, бился истребить это въ ней и хотѣлъ видѣть другое. Она на его старанія смотрѣла ласково, съ улыбкой. Ни въ одной чертѣ никогда не было никакой тревоги, желанія, порыва. Напрасно онъ, слыша раздирающій вопль на сценѣ, быстро глядѣлъ на нее — что̀ она? Она смотрѣла на это безъ томительнаго, поглотившаго всю публику напряженія, безъ наивнаго состраданія. И каррикатура на жизнь, комическая сцена, вызвавшая всеобщій продолжительный хохотъ, вызывала у ней только легкую улыбку и молчаливый, обмѣненный съ бывшей съ ней въ ложѣ женщиной, взглядъ.

— И она была за-мужемъ! думалъ Райскій въ недоумѣніи.

Онъ познакомился съ ней и потомъ познакомилъ съ домомъ ея бывшаго своего сослуживца, Аянова, чтобы два раза въ недѣлю дѣлать партію теткамъ, а самъ, пользуясь этимъ скуднымъ средствомъ, сближался сколько возможно съ кузиной, урывками вслушивался, вглядывался въ нее, не зная, зачѣмъ, для чего?

IV.

Уже сѣли за столъ, когда пришелъ Николай Васильевичъ, одѣтый въ коротенькій сюртукъ, съ безукоризненно завязаннымъ галстухомъ, обритый, сіяющій бѣлизной жилета, моложавымъ видомъ и красивыми, душистыми сѣдинами.

— Bonjour, bonjour! отвѣчалъ онъ, кивая всѣмъ. — Я не обѣдаю съ вами, не безпокойтесь, ne vous dérangez pas, говорилъ онъ, когда ему предлагали сѣсть. — Я за городомъ сегодня.

— Помилуй, Nicolas, за городомъ! сказала Анна Васильевна, — вѣдь тамъ еще не растаяло... Или давно ревматизмъ не мучилъ?

Пахотинъ пожалъ плечами.

— Что дѣлать! Ce qu' une femme veut, Dieu le veut. Вчера la petite Ninie заказала Виктору обѣдъ на фермѣ: «хочу, говоритъ, подышать свѣжимъ воздухомъ»... Вотъ и я хочу!...

— Пожалуйста, пожалуйста! замахала рукой Надежда Васильевна: — поберегите подробности для этой petite Ninie.

— Вы напрасно рискуете, сказалъ Аяновъ: — я въ тепломъ пальто озябъ.

—Э! mon cher Иванъ Ивановичъ: а еслибъ вы шубу надѣли, такъ и не озябли бы?...

— Parti de plaisir за городомъ — въ шубахъ! сказалъ Райскій.

— За городомъ! ты уже представляешь себѣ, съ понятіемъ: «за городомъ», — и зелень, и ручьи, и пастушковъ, а можетъ быть и пастушку... Ты, артистъ! А ты представь себѣ загородное удовольствіе, безъ зелени, безъ цвѣтовъ....

— Безъ тепла, безъ воды.... перебилъ Райскій.

— И только съ воздухомъ.... А воздухомъ можно дышать и въ комнатѣ. Итакъ, я ѣду въ шубѣ.... Надѣну кстати бархатную ермолку подъ шляпу, потому что вчера и сегодня чувствую шумъ въ головѣ: все слышится, будто колокола звонятъ; вчера въ клубѣ около меня по-нѣмецки болтаютъ, а мнѣ кажется грызутъ грецкіе орѣхи.... А все же поѣду. О женщины!

— Это тоже — донъ-Жуанъ? спросилъ тихонько Аяновъ у Райскаго.

— Да, въ своемъ родѣ. Повторяю тебѣ, донъ-Жуаны, какъ донъ-Кихоты разнообразны до безконечности. У этого погасло артистическое, тонкое чувство поклоненія красотѣ. Онъ поклоняется грубо, чувственно.

— Ну, братъ, какую ты метафизику устроилъ изъ красоты!

— Женщины, продолжалъ Пахотинъ, теперь только и находятъ развлеченіе съ людьми нашихъ лѣтъ... (Онъ никогда не называлъ себя старикомъ.) И какъ онѣ любезны: напримѣръ, Pauline сказала мнѣ...

— Пожалуйста, пожалуйста! заговорила съ нетерпѣніемъ Надежда Васильевна.—Уѣзжайте, если не хотите обѣдать....

— Ахъ, ma soeur! два слова: обратился онъ къ старшей сестрѣ и нагнувшись, тихо, съ умоляющимъ видомъ что-то говорилъ ей.

— Опять! съ холоднымъ изумленіемъ перебила Надежда Васильевна.—«Нѣту»! упрямо сказала потомъ.

— Quinze cent! умолялъ онъ.

— Mille roubles!

— Нѣту, нѣту, mon frère: къ святой недѣлѣ вы получили три тысячи, и ужъ нѣтъ... это ни на что не похоже....

— Eh bien, mille roubles. Графу отдать: я у него на той недѣлѣ занялъ: совѣстно въ глаза смотрѣть.

— Нѣту и нѣту: а на меня вамъ не совѣстно смотрѣть? сказала она.

Онъ отошелъ отъ нея и въ раздумьи пожевалъ губами.

— Вамъ сказывали люди, папа, что графъ сегодня заѣзжалъ къ вамъ? спросила Софья, услыхавъ имя графа.

— Да; жаль, что не засталъ. Я завтра буду у него.

— Онъ завтра рано уѣзжаетъ въ Царское Село.

— Онъ сказалъ?

— Да, онъ заходилъ сюда. Онъ говоритъ, что ему нужно бы видѣть васъ, дѣло какое-то....

Пахотинъ замолчалъ и опять пожевалъ губами.

— Знаю, знаю, зачѣмъ! вдругъ догадался онъ:—бумаги разбирать—merci, а къ святой опять обошелъ меня, а Ильѣ дали! Qu'il aille se promener! Ты не была въ Лѣтнемъ-Саду? спросилъ онъ у дочери.—Виноватъ, я не поспѣлъ....

— Нѣтъ, я завтра поѣду съ Катринъ: она обѣщала заѣхать за мной.

Онъ поцѣловалъ дочь въ лобъ и уѣхалъ. Обѣдъ кончился; Аяновъ и старухи усѣлись за карты.

— Ну, Иванъ Иванычъ, не сердитесь, сказала Анна Васильевна, — если опять забуду, да свою трефовую даму побью. Она мнѣ даже сегодня во снѣ приснилась. И какъ это я ее забыла! Кладу девятку на чужого валета, а дама на рукахъ...

— Случается! сказалъ любезно Аяновъ.

Райскій и Софья сидѣли сначала въ гостиной, потомъ перешли въ кабинетъ Софьи.

— Что вы дѣлали сегодня утромъ? — спросилъ Райскій.

— Ѣздила въ институтъ, къ Лидіи.

— А! къ кузинѣ. Что она, мила? скоро выйдетъ?

— Къ осени; а на лѣто мы ее возьмемъ на дачу. Да; она очень мила, похорошѣла, только еще смѣшна... и всѣ онѣ пресмѣшныя...

— А что?

— Окружили меня со всѣхъ сторонъ; отъ всего приходятъ въ восторгъ: отъ кружева, отъ платья, отъ серегъ; даже просили показать ботинки... Софья улыбнулась.

— Что-жъ, вы показали?

— Нѣтъ. Надо лѣтомъ отучить Лидію отъ этихъ наивностей...

— Зачѣмъ же отучить? Наивныя дѣвочки, которыхъ все занимаетъ, веселитъ, и слава Богу, что занимаютъ ботинки, потомъ займутъ ихъ деревья и цвѣты на вашей дачѣ... вы и тамъ будете мѣшать имъ?

— О нѣтъ, цвѣты, деревья — кто-жъ имъ будетъ мѣшать въ этомъ? Я только помѣшала имъ видѣть мои ботинки; это не нужно, лишнее.

— Развѣ можно жить безъ лишняго, безъ ненужнаго?

— Кажется, вы сегодня опять намѣрены воевать со мной?— замѣтила она: — только пожалуйста не громко, а то тетушки поймаютъ какое-нибудь слово, и захотятъ знать подробности: скучно повторять.

— Если все свести на нужное и серьезное, — продолжалъ Райскій: — куда какъ жизнь будетъ бѣдна, скучна! Только что человѣкъ выдумалъ, прибавилъ къ ней—то и краситъ ее. Въ отступленіяхъ отъ порядка, отъ формы, отъ вашихъ скучныхъ правилъ только и есть отрады....

— Еслибъ ma tante услыхала васъ на этомъ словѣ... «отступленія отъ правилъ»... замѣтила Софья.

— Сейчасъ бы сказала: — пожалуйста, пожалуйста!— досказалъ Райскій. А вы что скажете? — спросилъ онъ: — обойдитесь хоть однажды безъ «ma tante»! Или это вашъ собственный взглядъ на отступленія отъ правилъ, проведенный только черезъ авторитетъ ma tante?

— Вы, по обыкновенію, хотите изъ желанія дѣвочекъ посмотрѣть ботинки сдѣлать важное дѣло, разбранить меня и потомъ заставить согласиться съ вами... да?

— Да, сказалъ Райскій.

— Что̀ у васъ за страсть преслѣдовать мои бѣдныя правила?

— Потому что они не ваши.

— Чьи же?

— Тетушкины, бабушкины, дѣдушкины, прабабушкины, прадѣдушкины: вонъ всѣхъ этихъ полинявшихъ господъ и госпожъ, въ робронахъ, манжетахъ...

Онъ указалъ на портреты.

— Вотъ видите, какъ много за мои правила: — сказала она шутливо: — а за ваши?..

— Еще больше! — возразилъ Райскій и открылъ портьеру у окна.

— Посмотрите, всѣ эти идущіе, ѣдущіе, снующіе взадъ и впередъ, всѣ эти живые, не полинявшіе люди — всѣ за меня! Идите же къ нимъ, кузина, а не отъ нихъ назадъ! Тамъ жизнь... Онъ опустилъ портьеру: — а здѣсь — кладбище.

— По крайней мѣрѣ, можете ли вы, cousin, однажды навсегда сдѣлать resumé: какія это ихъ правила (она указала на улицу), въ чемъ они состоятъ, и отчего то̀, чѣмъ жило такъ много людей и такъ долго, вдругъ нужно мѣнять на другое, которымъ живутъ...

— Въ вашемъ вопросѣ есть и отвѣтъ: — «жило», — сказали вы, и — отжило, прибавлю я. А эти (онъ указалъ на улицу) — живутъ! Какъ живутъ — разсказать этого нельзя, кузина. Это значитъ разсказать вамъ жизнь вообще, и современную въ особенности. Я вотъ сколько времени разсказываю вамъ всячески: въ спорахъ, въ примѣрахъ, читаю... а все не разскажу.

— Кто-жъ виноватъ, — я?

— Вы, кузина; чего другого, а разсказывать я умѣю. Но вы непоколебимы, невозмутимы, не выходите изъ своего укрѣпленія... и я вамъ низко кланяюсь.

Онъ низко поклонился ей. Она смотрѣла на него съ улыбкой.

— Будемъ оба непоколебимы: не выходить изъ правилъ, кажется, это все.... сказала она.

— Не выходить изъ слѣпоты — не Богъ знаетъ, какой подвигъ!.. Міръ идетъ къ счастью, къ успѣху, къ совершенству....

— Но вѣдь я.... совершенство, cousin? Вы мнѣ третьяго дня сказали, и даже собрались доказать, еслибъ я только захотѣла слушать...

— Да, вы совершенны, кузина; но вѣдь Венера Милосская, головки Грёза, женщины Рубенса — еще совершеннѣе васъ. За то... ваша жизнь, ваши правила... куда какъ несовершенны!

— Что̀ же надо дѣлать, чтобъ понять эту жизнь и ваши

мудреныя правила? — спросила она покойнымъ голосомъ, показывавшимъ, что она не намѣрена была сдѣлать шагу, чтобъ понять ихъ, и говорила только потому, что объ этомъ зашла рѣчь.

— Что дѣлать? — повторилъ онъ: — во-первыхъ, снять эту портьеру съ окна, и съ жизни тоже, и смотрѣть на все открытыми глазами, тогда поймете вы, отчего тѣ старики полиняли и лгутъ вамъ, обманываютъ васъ безсовѣстно изъ своихъ позолоченныхъ рамокъ...

— Cousin! — съ улыбкой за рѣзкость выраженія вступилась Софья за предковъ.

— Да, да, — задорно продолжалъ Райскій: — они лгутъ. Вотъ посмотрите, этотъ напудренный старикъ съ стальнымъ взглядомъ, — говорилъ онъ, указывая на портретъ, висѣвшій въ простѣнкѣ: — онъ былъ, говорятъ, строгъ даже къ семейству, люди боялись его взгляда... Онъ такъ и говоритъ со стѣны: — «держи себя достойно, — чего: человѣка, женщины, что ли? нѣтъ, — достойно рода, фамиліи, и если, Боже сохрани, явится человѣкъ съ вчерашнимъ именемъ, съ добытымъ собственной головой и руками значеніемъ — не возводи на него глазъ, помни, ты носишь имя Пахотиныхъ!.. ни лишняго взгляда, ни смѣлой, естественной симпатіи... Боже сохрани отъ mésalliance!» А самъ — кого удостоивалъ или кого не удостоивалъ сближенія съ собой? Il faut bien placer ses affections! говоритъ онъ на своемъ нечеловѣческомъ нарѣчіи, высказывающемъ нечеловѣческія понятія. А на какія affections разбросалъ самъ свою жизнь, здоровье? Положилъ ли эти affections на эту сухую старушку, съ востренькимъ носикомъ, жену свою (онъ указалъ на другой женскій портретъ)?.. Нѣтъ, она смотритъ что-то невесело, глаза далеко ушли во впадины: это такая же жертва хорошаго тона, рода и приличій... какъ и вы, бѣдная, несчастная кузина...

— Cousin, cousin! — съ усмѣшкой останавливала его Софья.

— Да, кузина: вы обмануты, и ваши тетки прожили жизнь въ страшномъ обманѣ и принесли себя въ жертву призраку, мечтѣ, пыльному воспоминанію... Онъ велѣлъ! — говорилъ онъ, глядя почти съ яростью на портретъ: — самъ жилъ обманомъ, лукавствомъ или силою, моталъ, творилъ ужасы, а другимъ велѣлъ не любить, не наслаждаться!

— Cousin! пойдемте въ гостиную: я не съумѣю ничего отвѣчать на этотъ прекрасный монологъ... Жаль, что онъ пропадаетъ даромъ, — чуть-чуть насмѣшливо замѣтила она.

— Да, — отвѣчалъ онъ, — предокъ торжествуетъ. Завѣщанныя имъ правила крѣпки. Онъ любуется вами, кузина: спокой-

ствіе, безукоризненная чистота и сіяніе окружаютъ васъ, какъ ореолъ...

Онъ вздохнулъ.

— Все это лишнее, ненужное! cousin! — сказала она; — ничего этого нѣтъ. Предокъ не любуется на меня, и ореола нѣтъ, а я любуюсь на васъ и долго не поѣду въ драму: я вижу сцену здѣсь, не трогаясь съ мѣста... И знаете, кого вы напоминаете мнѣ? Чацкаго...

Онъ задумался, и самъ мысленно глядѣлъ на себя и улыбнулся.

— Это правда, я глупъ, смѣшонъ, — сказалъ онъ—подходя къ ней и улыбаясь весело и добродушно; — можетъ быть я тоже съ корабля попалъ на балъ... Но и Фамусовы въ юбкѣ! — онъ указалъ на тетокъ: — ужели лѣтъ черезъ пять, черезъ десять....

Онъ недосказалъ своей мысли, сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ рукой и сѣлъ на диванъ.

— О какомъ обманѣ, силѣ, лукавствѣ, говорите вы? — спросила она: — ничего этого нѣтъ. Никто мнѣ ни въ чемъ не мѣшаетъ... Чѣмъ же виноватъ предокъ? Тѣмъ, что вы не можете разсказать своихъ правилъ? Вы много разъ принимались за это, и все напрасно...

— Да, съ вами напрасно, это правда, кузина! Предки ваши...

— И ваши тоже: у васъ тоже есть они.

— Предки наши были умные, ловкіе люди, — продолжалъ онъ, — гдѣ нельзя было брать силой и волей, они создали систему, она обратилась въ преданіе — и вы гибнете систематически, по преданію, какъ индіянка, сожигающаяся съ трупомъ мужа...

— Послушайте, М-г Чацкій, — остановила она: — скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, отъ чего я гибну? Отъ того, что не понимаю новой жизни, не... не поддаюсь... какъ вы это называете... развитію? это ваше любимое слово. Но вы достигли этого развитія, да? а я всякій день слышу, что вы скучаете.... вы иногда наводите на всѣхъ скуку...

— И на васъ тоже?

— Нѣтъ, не шутя, мнѣ жаль васъ...

— Говоря о себѣ, не ставьте себя наряду со мной, кузина: я уродъ, я... я... не знаю, что̀ я такое, и никто этого не знаетъ. Я больной, ненормальный человѣкъ, и притомъ я отжилъ, испортилъ, исказилъ... или нѣтъ, не понялъ своей жизни. Но вы цѣльны, опредѣленны, ваша судьба такъ ясна, и между тѣмъ я мучаюсь за васъ. Меня терзаетъ, что даромъ уходитъ жизнь,

какъ рѣка, текущая въ пустынѣ... А то-ли суждено вамъ природой? Посмотрите на себя...

— Что же мнѣ дѣлать, cousin: я не понимаю? Вы сейчасъ сказали, что для того, чтобы понять жизнь, нужно, во-первыхъ, снять портьеру съ нея; положимъ, она снята, и я не слушаюсь предковъ: я знаю, зачѣмъ, куда бѣгутъ всѣ эти люди (она указала на улицу), что̀ ихъ занимаетъ, тревожитъ: что̀ же нужно, во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ, нужно....

Онъ всталъ, заглянулъ въ гостиную, подошелъ тихо къ ней и тихо, но внятно, сказалъ:

— Любить!

— Voilà le grand mot! насмѣшливо замѣтила она.

Оба молчали.

— Вы, кажется, и ихъ упрекали, зачѣмъ онѣ не любятъ? съ улыбкой прибавила она, показавъ головой къ гостиной, на тетокъ.

Райскій махнулъ съ досадой на тетокъ рукой.

— Вы будто лучше тетокъ, кузина? возразилъ онъ. — Только онѣ стары, больны, а вы прекрасны, блистательны, ослѣпительны....

— Mercì, mercì, нетерпѣливо перебила она, съ своей обыкновенной, какъ-будто застывшей улыбкой.

— Что же вы не спросите меня, кузина, что̀ значитъ любить, какъ я понимаю любовь?

— Зачѣмъ? мнѣ не нужно это знать.

— Нѣтъ, вы не смѣете спросить!

— Почему?

— Они услышатъ! (Райскій указалъ на портреты предковъ). Онѣ не велятъ.... (Онъ указалъ въ гостиную на тетокъ).

— Нѣтъ, *онъ* услышитъ, сказала она, указывая на портретъ своего мужа во весь ростъ, стоявшій надъ диваномъ, въ готической золоченой рамѣ.

Она встала, подошла къ зеркалу и задумчиво расправляла кружево на шеѣ.

Райскій между тѣмъ изучалъ портретъ мужа: тамъ видѣлъ онъ сѣрые глаза, острый, небольшой носъ, иронически сжатыя губы и коротко-остриженные волосы, рыжеватыя бакенбарды. Потомъ взглянулъ на ея роскошную фигуру, полную красоты, и мысленно рисовалъ того счастливца, который могъ бы, по праву сердца, велѣть или не велѣть этой богинѣ.

«Нѣтъ, нѣтъ, не этотъ! думалъ онъ, глядя на портретъ,

это тоже предокъ, неуспѣвшій еще полинять; не ему, а принципу своему покорна ты....».

— Вы такъ часто обращаетесь къ своему любимому предмету, къ любви, а посмотрите, cousin, вѣдь мы ужъ стары, пора перестать думать объ этомъ.... говорила она, кокетливо глядя въ зеркало.

— Значитъ, пора перестать жить.... Я — положимъ, а вы, кузина?

— Какъ же живутъ другіе, почти всѣ?

— Никто! съ увѣренностью перебилъ онъ.

— Какъ? По вашему, князь Пьерръ, Анна Борисовна, Левъ Петровичъ.... всѣ они....

— Живутъ — или воспоминаніями о любви, или любятъ, да притворяются....

Она засмѣялась и стала собирать въ симметрію цвѣты, потомъ опять подошла къ зеркалу.

— Да, любили или любятъ, конечно, про себя, и не дѣлаютъ изъ этого никакихъ исторій, досказала она и пошла, было, къ гостиной.

— Одно слово, кузина! остановилъ онъ ее.

— О любви? спросила она, останавливаясь.

— Нѣтъ, не бойтесь, по крайней мѣрѣ теперь я не расположенъ къ этому. Я хотѣлъ сказать другое.

— Говорите, мягко сказала она, садясь.

— Я пойду прямо къ дѣлу: скажите мнѣ, откуда вы берете это спокойствіе, какъ удается вамъ сохранить тишину, достоинство, эту свѣжесть въ лицѣ, мягкую увѣренность и скромность въ каждомъ мѣрномъ движеніи вашей жизни? Какъ вы обходитесь безъ борьбы, безъ увлеченій, безъ паденій и безъ побѣдъ? Что вы дѣлаете для этого?

— Ничего! съ удивленіемъ сказала она.—Зачѣмъ вы хотите, чтобъ со мной дѣлались какія-то конвульсіи?

— Но вѣдь вы видите другихъ людей около себя, не такихъ, какъ вы, а съ тревогой на лицѣ, съ жалобами...

— Да, вижу и жалѣю: ma tante, Надежда Васильевна, постоянно жалуется на тикъ, папа на приливы...

— А другіе, а всѣ? перебилъ онъ, — развѣ такъ живутъ? Спрашивали ли вы себя, отчего они терзаются, плачутъ, томятся, а вы нѣтъ? Отчего другимъ по три раза въ день приходитъ тошно жить на свѣтѣ, а вамъ нѣтъ? Отчего они мечутся, любятъ и ненавидятъ, а вы нѣтъ?...

— Вы про тѣхъ говорите, спросила она, указывая головой на улицу, кто тамъ бѣгаетъ, суетится? Но вы сами сказали,

что я не понимаю ихъ жизни. Да, я не знаю этихъ людей и не понимаю ихъ жизни. Мнѣ дѣла нѣтъ...

— Дѣла нѣтъ!—вѣдь это значитъ дѣла нѣтъ до жизни! почти закричалъ Райскій, такъ что одна изъ тетокъ очнулась на минуту отъ игры и сказала имъ громко: «Что вы все тамъ спорите: не подеритесь!... И о чемъ это они?»

— Опять «жизни»: вы только и твердите это слово, какъ будто я мертвая! Я предвижу, что будетъ дальше, сказала она, засмѣявшись, такъ что показались прекрасные зубы. — Сейчасъ дойдемъ до правилъ и потомъ... до любви.

— Нѣтъ, не отжилъ еще Олимпъ! сказалъ онъ. Вы, кузина, просто олимпійская богиня—вотъ и конецъ объясненію, прибавилъ, какъ-будто съ отчаяніемъ, что не удается ему всколебать это море. Пойдемте въ гостиную!

Онъ всталъ. Но она сидѣла.

— Вы не удостоиваете смертныхъ снизойти до нихъ, взглянуть на ихъ жизнь, живете олимпійскимъ неподвижнымъ блаженствомъ, вкушаете нектаръ и амброзію — и благо вамъ!

— Чего же еще: у меня все есть, и ничего мнѣ не надо....

Она не успѣла кончить, какъ Райскій вскочилъ.

— Вы высказали свой приговоръ сами, кузина, напалъ онъ бурно на нее: «у меня все есть, и ничего мнѣ не надо!» А спросили ли вы себя хоть разъ о томъ: сколько есть на свѣтѣ людей, у которыхъ ничего нѣтъ и которымъ все надо? Осмотритесь около себя: около васъ шелкъ, бархатъ, бронза, фарфоръ. Вы не знаете, какъ и откуда является готовый обѣдъ, у крыльца ждетъ экипажъ и везетъ васъ на балъ и въ оперу. Десять слугъ не дадутъ вамъ времени пожелать и исполняютъ почти ваши мысли... Не дѣлайте знаковъ нетерпѣнія: я знаю, что все это общія мѣста... А думаете ли вы иногда, откуда это все берется и кѣмъ доставляется вамъ? Конечно, не думаете. Изъ деревни приходятъ отъ управляющаго въ контору деньги, а вамъ приносятъ на серебряномъ подносѣ, и вы, не считая, прячете въ туалетъ...

— Тетушка десять разъ сочтетъ и спрячетъ къ себѣ, — сказала она,—а я, какъ институтка, выпрашиваю свою долю, и она выдаетъ мнѣ, вы знаете, съ какими наставленіями.

— Да, но выдаетъ. Вы выслушаете наставленія и потомъ тратите деньги. А еслибъ вы знали, что тамъ, въ тамбовскихъ или орловскихъ вашихъ поляхъ, въ зной, жнетъ беременная баба...

— Cousin! съ ужасомъ попробовала она остановить его, но это было не легко, когда Райскій входилъ въ пафосъ.

— Да, а ребятишекъ бросила дома—они ползаютъ съ курами, поросятами, и если нѣтъ какой-нибудь дряхлой бабушки дома, то жизнь ихъ каждую минуту виситъ на волоскѣ: отъ злой собаки, отъ проѣзжей телѣги, отъ дождевой лужи... А мужъ ея бьется тутъ же, въ бороздахъ на пашнѣ, или тянется съ обозомъ въ трескучій морозъ, чтобъ добыть хлѣба, буквально хлѣба — утолить голодъ съ семьей, и между прочимъ внести въ контору пять или десять рублей, которые потомъ приносятъ вамъ на подносѣ... Вы этого не знаете: «вамъ дѣла нѣтъ», говорите вы...

На ея лицо легла тѣнь непривычнаго безпокойства, недоумѣнія.

— Чѣмъ же я тутъ виновата, и что я могу сдѣлать? тихо сказала она, смиренно и безъ иронiи.

— Я не проповѣдую коммунизма, кузина, будьте покойны. Я только отвѣчаю на вашъ вопросъ: «что дѣлать», и хочу доказать, что никто не имѣетъ права не знать жизни. Жизнь сама тронетъ, коснется, пробудитъ отъ этого блаженнаго успенiя — и иногда очень грубо. Научить «что дѣлать»—я тоже не могу, не умѣю. Другiе научатъ. Мнѣ хотѣлось бы разбудить васъ: вы спите, а не живете. Что изъ этого выйдетъ, я не знаю—но не могу оставаться и равнодушнымъ къ вашему сну.

— А вы сами, cousin, что дѣлаете съ этими несчастными: вѣдь у васъ есть тоже мужики и эти... бабы? спросила она съ любопытствомъ.

— Мало дѣлаю, или почти ничего, къ стыду моему, или тѣхъ, кто меня воспитывалъ. Я давно вышелъ изъ опеки, а управляетъ все тотъ же опекунъ — и я не знаю, какъ. Есть у меня еще бабушка, въ другомъ уголкѣ—тамъ какой-то клочекъ земли есть: въ ихъ рукахъ все же лучше, нежели въ моихъ. Но я, по крайней мѣрѣ, не считаю себя вправѣ отговариваться невѣдѣнiемъ жизни — знаю кое-что, говорю объ этомъ, вотъ хоть бы и теперь, иногда пишу, спорю—и все же дѣлаю. Но кромѣ того, я выбралъ себѣ дѣло: я люблю искусство и... немного занимаюсь... живописью, музыкой... пишу... досказалъ онъ тихо, и смотрѣлъ на конецъ своего сапога.

— Это очень серьёзно, что вы мнѣ сказали, произнесла она задумчиво. — Если вы не разбудили меня, то напугали. Я буду дурно спать. Ни тетушки, ни Paul, мужъ мой, никогда мнѣ не говорили этого—и никто. Иванъ Петровичъ, управляющiй, привозилъ бумаги, счеты, я слышала, говорили иногда о хлѣбѣ, о неурожаѣ. А... о бабахъ этихъ... и о ребятишкахъ... никогда.

— Да, это mauvais genre! Вѣдь при васъ даже неловко ска-

зать «мужикъ», или «баба», да еще беременная... Вѣдь «хорошій тонъ» не велитъ человѣку быть самимъ собой... Надо стереть съ себя все свое и походить на всѣхъ!

— Когда-нибудь... мы проведемъ лѣто въ деревнѣ, cousin, сказала она живѣе обыкновеннаго, пріѣзжайте туда и... мы не велимъ пускать ребятишекъ ползать съ собаками — это прежде всего. Потомъ попросимъ Ивана Петровича не посылать... этихъ бабъ работать... Наконецъ, я не буду брать своихъ карманныхъ денегъ...

— Ну, ихъ положитъ въ свой карманъ Иванъ Петровичъ. Оставимъ это, кузина. Мы дошли до политической и всякой экономіи, до соціализма и коммунизма — я въ этомъ не силенъ. Довольно того, что я потревожилъ ваше спокойствіе. Вы говорите, что дурно уснете — вотъ это и нужно: завтра не будетъ, можетъ быть, этого сіянія на лицѣ, но за то оно засіяетъ другой, не ангельской, а человѣческой красотой. А современемъ вы постараетесь узнать, нѣтъ ли и за вами какого-нибудь дѣла, кромѣ визитовъ и празднаго спокойствія, и будете уже съ другими мыслями глядѣть и туда, на улицу. Представьте только себя тамъ, хоть изрѣдка: напримѣръ, еслибъ вамъ пришлось идти пѣшкомъ въ зимній вечеръ, одной взбираться на пятый этажъ, давать уроки? Еслибъ вы не знали, будетъ ли у васъ топлена комната, и выработаете ли вы себѣ на башмаки и на салопъ, — да еще не себѣ, а дѣтямъ? И потомъ убиваться неотступною мыслью, что̀ вы сдѣлаете съ ними, когда упадутъ силы?... И жить подъ этой мыслью, какъ подъ тучей, десять, двадцать лѣтъ.

— C'est assez, cousin! нетерпѣливо сказала она.—Возьмите деньги и дайте туда...

Она указала на улицу.

— Сами учитесь давать, кузина; но прежде надо понять эти тревоги, повѣрить имъ, тогда выучитесь и давать деньги.

Оба замолчали.

— Такъ вотъ тѣ principes... А что̀ дальше? спросила она.

— Дальше... любить... и быть любимой...

— И чтожъ потомъ?

— Потомъ... «плодиться, множиться и населять землю»: а вы не исполняете этого завѣта...

Она покраснѣла, и какъ ни крѣпилась, но засмѣялась, и онъ тоже, довольный тѣмъ, что она сама помогла ему такъ опредѣлительно высказаться о конечной цѣли любви.

— А если я любила? отозвалась она.

— Вы? спросилъ онъ, вглядываясь въ ея безстрастное лицо. *Вы* любили и... страдали?

— Я была счастлива. Зачѣмъ непремѣнно страдать?

— Вы отъ того и не знаете жизни, не вѣдаете чужихъ скорбей: кому что̀ нужно, зачѣмъ мужикъ обливается по̀томъ, баба жнетъ въ нестерпимый зной — все отъ того, что вы не любили! А любить не страдая—нельзя. Нѣтъ!—сказалъ онъ,—еслибъ лгалъ вашъ языкъ, не солгали бы глаза, измѣнились бы хоть на минуту эти краски. А глаза ваши говорятъ, что вы какъ-будто вчера родились...

— Вы поэтъ, артистъ, cousin, вамъ, можетъ быть, необходимы драмы, раны, стоны, и я не знаю, что̀ еще... Вы не понимаете покойной, счастливой жизни, я не понимаю вашей...

— Это я вижу, кузина; но поймете ли? — вотъ что̀ хотѣлъ бы я знать! Любили и никогда не выходили изъ вашего олимпійскаго спокойствія?

Она отрицательно покачала головой.

— Какъ это вы дѣлали, разскажите! Также сидѣли, глядѣли на все покойно, также съ помощью вашихъ двухъ фей, медленно одѣвались, покойно ждали кареты, чтобъ ѣхать туда, куда рвалось сердце; не вышли ни разу изъ себя, тысячу разъ не спросили себя мысленно, тамъ ли онъ, ждетъ ли, думаетъ ли; не изнемогли ни разу, не покраснѣли отъ напрасно-потерянной минуты, или отъ счастья, увидя, что онъ тамъ, и не сбѣжала краска съ лица, не являлся ни испугъ, ни удивленіе, что его нѣтъ?

Она отрицательно покачала головой.

— Не приходилось вамъ обрадоваться, броситься къ нему, не найти словъ, когда онъ войдетъ вотъ сюда?...

— Нѣтъ, сказала она съ прежней усмѣшкой.

— А когда вы ложились спать...

Въ лицѣ у ней появилось безпокойство.

— Не стоялъ онъ тутъ?... продолжалъ онъ.

— Что̀ вы, cousin? почти съ ужасомъ сказала она.

— Не стоялъ онъ хоть въ воображеніи у васъ, не наклонялся къ вамъ?,..

— Нѣтъ, нѣтъ... отвергала она, качая головой.

— Не бралъ за руку, не раздавался поцѣлуй?...

Краска разлилась по ея щекамъ.

— Cousin, я была замужемъ, вы знаете..... assez, assez, de grâce.....

— Еслибъ вы любили, кузина, продолжалъ онъ, не слушая ее: — вы должны помнить, какъ дорого вамъ было проснуться

послѣ такой ночи, какъ радостно знать, что вы существуете, что есть міръ, люди и *онъ*...

Она опустила длинныя рѣсницы и дослушивала съ нетерпѣніемъ, шевеля концемъ ботинки.

— Если этого не было, какъ же вы любили, кузина? заключилъ онъ вопросомъ.

— Иначе.

— Разскажите: зачѣмъ таить *возвышенную* любовь?...

— Я не таю: въ ней не было ничего ни таинственнаго, ни возвышеннаго, а такъ какъ у всѣхъ....

— Ахъ, только не у всѣхъ, нѣтъ, нѣтъ! И если вы не любили и еще полюбите когда-нибудь, тогда что̀ будетъ съ вами, съ этой скучной комнатой? Цвѣты не будутъ стоять такъ симметрично въ вазахъ, и все здѣсь заговоритъ о любви.

— Довольно, довольно! сказала она съ полуулыбкой, не отъ скуки нетерпѣнія, а подъ вліяніемъ какъ будто утомленія отъ раздражительнаго спора.

— Я воображаю себѣ обѣихъ тетушекъ, еслибъ въ комнатѣ поселился безпорядокъ, сказала она, смѣясь: — разбросанныя книги, цвѣты — и вся улица смотритъ свободно сюда...

— Опять тетушки! упрекнулъ онъ: — ни шагу безъ нихъ! и всю жизнь такъ?

— Да... конечно, задумавшись сказала она: — Какъ же?

— А сами что̀? Ужели ни одного свободнаго побужденія, собственнаго шага, каприза, шалости, хоть глупости?...

Она думала, казалось, припоминала что́-то, потомъ вдругъ улыбнулась и слегка покраснѣла.

— А, кузина, вы краснѣете! значитъ, тетушки не всегда сидѣли тутъ, не все видѣли и знали! Скажите мнѣ, умолялъ онъ.

— Я вспомнила въ самомъ дѣлѣ одну глупость и когда-нибудь разскажу вамъ. Я была еще дѣвочкой. Вы увидите, что и у меня были и слезы, и трепетъ, и краска... et tout ce que vous aimez tant! Но разскажу съ тѣмъ, чтобы вы больше о любви, о страстяхъ, о стонахъ и воплякъ не говорили. А теперь пойдемте къ тетушкамъ.

Онъ вышелъ въ гостиную, а она подошла къ горкѣ, взяла флаконъ, налила нѣсколько капель одеколона на руку и задумчиво понюхала, потомъ оправилась у зеркала и вышла въ гостиную.

Она сѣла подлѣ тетокъ и стала пристально слѣдить за игрою, а Райскій за нею. Она была покойна, свѣжа. А ему втѣснилось въ душу напротивъ безпокойство, желаніе узнать, что̀ у ней те-

перь на умѣ, что̀ въ сердцѣ, хотѣлось прочитать въ глазахъ, затронулъ ли онъ хоть нервы ея; но она ни разу не подняла на него глазъ. И потомъ уже, когда послѣ игры подняла, заговорила съ нимъ—все тоже въ лицѣ, какъ вчера, какъ третьяго дня, какъ полгода назадъ.

— Чѣмъ и какъ живетъ эта женщина? Если не гложетъ ее мука, если не волнуютъ надежды, не терзаютъ заботы,—если она въ самомъ дѣлѣ «выше міра и страстей», отчего она не скучаетъ, не томится жизнью... какъ скучаю и томлюсь я? Любопытно узнать!

V.

— Ну, что̀ ты сдѣлалъ? спросилъ Райскій Аянова, когда они вышли на улицу.

— Сорокъ пять рублей выигралъ: а ты?

Райскій пожалъ плечами и передалъ содержаніе разговора съ Софьей.

— Что-жъ: и это дѣло отъ бездѣлья. Ну, и весело?

— Глупое слово: весело! Только дѣти и французы ухитряются веселиться: s'amuser.

— Какъ же назвать то, что̀ ты дѣлаешь—и зачѣмъ?

— Я ужъ сказалъ тебѣ зачѣмъ, сердито отозвался Райскій.— Затѣмъ, что красота ея увлекаетъ, раздражаетъ—и скуки нѣтъ— я наслаждаюсь — понимаешь? Вотъ у меня теперь шевелится мысль писать ея портретъ. Это займетъ мѣсяцъ, потомъ буду изучать ее...

— Смотри, не влюбись, замѣтилъ Аяновъ. — Жениться нельзя, говоришь ты — а играть въ страсти съ ней тоже нельзя. Когда-нибудь такъ обожжешься...

— Кому ты это говоришь! перебилъ Райскій:—какъ будто я не знаю! А я только и во снѣ и на яву вижу, какъ бы обжечься. И еслибъ когда-нибудь обжегся неизлечимою страстью, тогда бы и женился на той... Да нѣтъ: страсти — или излечиваются, или, если неизлечимы, кончаются не свадьбой. Нѣтъ для меня мирной пристани: или горѣніе, или — сонъ и скука!

— И чѣмъ ты сегодня не являлся передъ кузиной! Она тебя Чацкимъ сама назвала... А ты былъ и донъ-Жуанъ, и донъ-Кихотъ вмѣстѣ. Вотъ умудрился! Я не удивлюсь, если ты надѣнешь рясу и начнешь вдругъ проповѣдывать....

— И я не удивлюсь, сказалъ Райскій, хоть рясы и не надѣну, а проповѣдывать могу—и искренне, всюду, гдѣ замѣчу ложь, притворство, злость — словомъ, отсутствіе красоты, нужды нѣтъ

что самъ бываю безобразенъ.... Натура моя отзывается на все, только разбуди нервы—и пойдетъ играть... Знаешь что́, Аяновъ: у меня давно засѣла серьезная мысль—писать романъ, и я хочу теперь посвятить все свое время на это.

Аяновъ засмѣялся.—Серьезная мысль,—повторилъ онъ:—ты говоришь о романѣ, какъ о серьезномъ дѣлѣ! А вправду: пиши, тебѣ больше нечего дѣлать, какъ писать романы.

— Ты не смѣйся и не шути: въ романъ все уходитъ — это не то, что драма или комедія—это, какъ океанъ: береговъ нѣтъ, или не видать; не тѣсно, все умѣстится тамъ. И знаешь, кто навелъ меня на мысль о романѣ: наша общая знакомая, помнишь Анну Петровну?

— Актрису?

— Да, это очень смѣшно. Она милая женщина и хитрая, и себѣ на умѣ въ своихъ дѣлахъ, какъ всѣ женщины, когда онѣ, какъ рыбы не лѣзутъ изъ воды на берегъ, а остаются въ водѣ, т. е. въ своей сферѣ....

— Ну, что́ же она?

— Ну, она разсказала — вотъ что́ про себя. Подходилъ ея бенефисъ, а пьесы не было: драматурговъ у насъ не много: что́ у кого было, тѣ обѣщали другимъ, а переводную ей давать не хотѣлось. Она и вздумала сочинить сама....

— Не боги горшки обжигаютъ, пришло видно ей въ голову, сказалъ Аяновъ.

— Именно. И съ какой милой наивностью повѣряла мнѣ свои соображенія. — Напримѣръ, говоритъ, въ «Горѣ отъ ума» — (excusez du peu) всѣ лица — самые обыкновенные люди, говорятъ о самыхъ простыхъ предметахъ, и случай взятъ простой: влюбился Чацкій, за него не выдали, полюбили другого, онъ узналъ, разсердился и уѣхалъ. Отецъ разсердился на обоихъ, она на Молчалина — и все!.... И у Мольера, говоритъ, скупой—скупъ, Тартюфъ—подлый лицемѣръ. Можно даже, говоритъ, придумать похитрѣе, поинтереснѣе интригу. Словомъ, комедія ей казалась также мало серьезнымъ дѣломъ, какъ тебѣ кажется романъ. За трагедію она не бралась: тутъ она скромно сознавалась въ своей несостоятельности. А за комедію взялась и въ недѣлю написала листовъ десять,—я просилъ показать—ни за что! «Что же, кончили?» спросилъ я. — «Какъ ни билась, не доходитъ до конца», говоритъ:—«лица все разговариваютъ и не могутъ перестать, такъ и бросила». Бѣдняжка! Жаль, что ей понадобилась комедія, въ которой нужны и начало и конецъ, и завязка и развязка, а еслибъ она писала романъ, то можетъ быть и не бросила бы. И лица у ней все разговаривали бы до сихъ поръ.

Я буду писать романъ, Аяновъ. Въ романѣ укладывается вся жизнь, и цѣликомъ, и по частямъ.

— Своя, или чужая? спросилъ Аяновъ. Ты этакъ, пожалуй, всѣхъ насъ вставишь....

— Не безпокойся. Что́ хорошо подъ кистью, въ другомъ искусствѣ не годится. Все зависитъ отъ красокъ и немногихъ соображеній ума, яркости воображенія и своеобразія во взглядѣ. Немного юмора, да чувства, да искренности, да воздержности, да... поэзіи....

Онъ замолчалъ и шелъ задумчиво.

— Excusez du peu! повторилъ и Аяновъ.—Пиши, что́ взбрело на умъ, что-нибудь да выйдетъ.

Райскій вздохнулъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ:—нужно еще одно, я не упомянулъ: это... талантъ.

— Конечно, безграмотный не напишетъ....

— Ты грамотный, чтожъ ты не пишешь? перебилъ Райскій.

— Зачѣмъ? У меня есть что́ писать. Я дѣло пишу....

— Опять ты хвастаешься «дѣломъ»! А я думаю, если ты перестанешь писать — вотъ тогда и будетъ дѣло.

— А романъ твой дастъ мнѣ окладъ въ пять тысячъ, да квартиру съ отопленіемъ, да чинъ, да...?

— И ты не стыдишься говорить это! Когда́ мы очеловѣчимся!

— Я сталъ очеловѣчиваться съ тѣхъ поръ, какъ началъ получать по двѣ тысячи, и теперь вотъ понимаю, что вопросы о гуманности неразрывны съ экономическими.....

— Знаю, знаю: но зачѣмъ ты такъ храбришься этимъ циническимъ эгоизмомъ?

Аяновъ собрался-было запальчиво отвѣчать, но въ эту минуту наѣзжала карета, кучеръ закричалъ имъ, и споръ не пошелъ дальше.

— Такъ живопись — прощай! сказалъ Аяновъ.

— Какъ прощай: а портретъ Софьи?... надняхъ начну. Я забросилъ академію и не видался ни съ кѣмъ. Завтра пойду къ Кирилову: ты его знаешь?

— Не помню, кажется, видѣлъ: нечесаный такой....

— Да, но глубокій, истинный художникъ, какихъ нѣтъ теперь: — послѣдній Могиканъ!... Напишу только портретъ Софьи и покажу ему, а тамъ попробую силы на романѣ. Я записывалъ и прежде кое-что: у меня есть отрывки, а теперь примусь серьезно. Это новый для меня родъ творчества; не удастся ли тамъ?

— Послушай, Райскій: сколько я тутъ понимаю, надо тебѣ

бросить прежде не живопись, а Софью, и не дѣлать романовъ, если хочешь писать ихъ... Лучше пиши по утрамъ романъ, а вечеромъ играй въ карты: по маленькой, въ коммерческую.... это не раздражаетъ...

— А это-то и нужно для романа, т. е. раздраженіе. Да — тронь я карты, такъ я стащу и съ тебя пальто и проиграю. Есть своя бездна и тамъ: слава Богу, я никогда не заглядывался въ нее, а если загляну—такъ ужъ выйдетъ не романъ, а трагедія. Впрочемъ, ты дѣло говоришь: двумъ господамъ служить нельзя: дай мнѣ кончить какъ-нибудь эту исторію съ Софьей, написать ея портретъ, и тогда, подъ вліяніемъ впечатлѣнія ея красоты, я... вотъ пусть эта звѣзда: какъ ее? Ты не знаешь? и я не знаю, ну да все равно, — пусть она будетъ свидѣтельницей, что я наконецъ слажу съ чѣмъ-нибудь: или съ живописью, или съ романомъ. Романъ—да! Смѣшать свою жизнь съ чужою, занести эту массу наблюденій, мыслей, опытовъ, портретовъ, картинъ, ощущеній, чувствъ... une mer à boire...

Они молча шли. Аяновъ насвистывалъ, а Райскій шелъ, склоня голову, думая то о Софьѣ, то о романѣ. На перекресткѣ, гдѣ предстояло расходиться, Райскій вдругъ спросилъ:

— Когда же опять туда?

— Куда туда?

— А къ Софьѣ.

— Ты опять? а я думалъ, что ты ужъ работаешь надъ романомъ, и не мѣшалъ тебѣ.

— Я тебѣ сказалъ: жизнь — романъ, и романъ—жизнь.

— Чья жизнь?

— Всякая, даже твоя!

— Въ среду тетки звали играть.

— Долго, но нечего дѣлать — до среды.

VI.

Райскій лѣтъ десять живетъ въ Петербургѣ, т. е. у него тамъ есть пріютъ, три порядочныя комнаты, которыя онъ нанимаетъ у нѣмки и постоянно оставляетъ квартиру за собой, а самъ рѣдко полгода выживалъ въ Петербургѣ, съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ службу. А оставилъ онъ ее давно, какъ только вступилъ. Поглядѣвши вокругъ себя, онъ вывелъ свое оригинальное заключеніе, что служба не есть сама цѣль, а только средство куда-нибудь дѣвать кучу люда, которому безъ нея не зачѣмъ бы родиться на свѣтъ. И еслибъ не было этихъ людей,

то не нужно было бы и той службы, которую они несутъ. Его опредѣлилъ, сначала въ военную, потомъ въ статскую службу, опекунъ, онъ же и двоюродный дядя, за тѣмъ прежде всего, чтобъ сбыть всякую отвѣтственность и упрекъ за небрежность въ этомъ отношеніи, потомъ затѣмъ, зачѣмъ всѣ посылаютъ молодыхъ людей въ Петербургъ: чтобъ не сидѣли праздно дома, «не баловались, не били баклушъ» и т. п. — это цѣль отрицательная. Въ Петербургѣ есть и выправка, и надзоръ, и работа; въ Петербургѣ можно получить мѣсто прокурора, потомъ, современемъ, и губернатора, — это цѣль положительная. Потомъ уже, поживъ въ Петербургѣ, Райскій самъ рѣшилъ, что въ немъ живутъ взрослые люди, а во всей остальной Россіи—недоросли. Но вотъ Райскому за тридцать лѣтъ, а онъ еще ничего не посѣялъ, не пожалъ и не шелъ ни по одной колеѣ, по какимъ ходятъ пріѣзжающіе изнутри Россіи. Онъ ни офицеръ, ни чиновникъ, не пробиваетъ себѣ никакого пути трудомъ, связями, будто нарочно наперекоръ всѣмъ, одинъ остается недорослемъ въ Петербургѣ. Въ кварталѣ прописанъ онъ отставнымъ коллежскимъ секретаремъ.

Физіономисту трудно бы было опредѣлить по лицу его свойства, склонности и характеръ, потому что лице это было неуловимо измѣнчиво. Иногда онъ кажется такъ счастливъ, глаза горятъ, и наблюдатель только что предположитъ въ немъ открытый характеръ, сообщительность, и даже болтливость, какъ черезъ часъ, черезъ два, взглянувъ на него, поразится блѣдностью его лица, какимъ-то внутреннимъ и, кажется, неисцѣлимымъ страданіемъ, какъ будто онъ отъ роду не улыбнулся. Онъ въ эти минуты казался некрасивъ: въ чертахъ лица разладъ, живыя краски лба и щекъ замѣнялись болѣзненнымъ колоритомъ. Но если спокойный духъ жизни тихо опять повѣялъ надъ нимъ, или по-просту «находилъ на него счастливый стихъ», лице его отражало запасъ силы воли, внутренней гармоніи и самообладанія, а иногда какой-то задумчивой свободы, какого-то идущаго къ этому лицу мечтательнаго оттѣнка, лежавшаго, не то въ этомъ темномъ зрачкѣ, не то въ легкомъ дрожаніи губъ.

Нравственное лице его было еще неуловимѣе. Бывали какіе-то періоды, когда онъ «обнималъ, по его выраженію, весь міръ», когда чарующею мягкостью открывалъ доступъ къ сердцу, и тѣ, кому случалось нападать на эти минуты, говорили, что добрѣе, любезнѣе его нѣтъ. Другимъ случалось попадать въ несчастную пору, когда у него на лицѣ выступали желтыя пятна, губы кривились отъ нервной дрожи, и онъ тупымъ, холоднымъ взглядомъ и рѣзкой рѣчью платилъ за ласку, за симпатію. Тѣ отходили отъ него, унося горечь и вражду, иногда навсегда. Какіе это

періоды, какіе дни—ни другіе, ни самъ онъ не зналъ.—«Злой, холодный эгоистъ и гордецъ!» говорили попавшіе въ злую минуту.

— «Помилуйте, онъ очарователенъ: онъ всѣхъ насъ обворожилъ вчера, всѣ безъ ума отъ него!» говорили другіе.—«Актеръ!» твердили нѣкоторые.—«Фальшивый человѣкъ! возражали иные: когда чего-нибудь захочетъ достигнуть, откуда берутся рѣчи, взгляды, какъ играетъ лице!»—«Помилуйте! это честнѣйшее сердце, благородная натура, но нервная, страстная, огненная и раздражительная!» защищали его два-три дружескіе голоса. Итакъ, въ кругѣ даже близкихъ знакомыхъ его не сложилось о немъ никакого опредѣленнаго понятія, и еще менѣе образа.

И въ раннемъ дѣтствѣ, когда онъ воспитывался у бабушки, до поступленія въ школу, и въ самой школѣ, въ немъ проявлялись тѣ же загадочныя черты, таже неровность и неопредѣленность наклонностей. Когда опекунъ привезъ его въ школу и посадили его на лавку: во время класса, кажется, первымъ бы дѣломъ новичка было вслушаться что̀ спрашиваетъ учитель, что̀ отвѣчаютъ ученики. А онъ прежде всего воззрился на учителя: какой онъ, какъ говоритъ, какъ нюхаетъ табакъ, какія у него брови, бакенбарды; потомъ сталъ изучать болтающуюся на животѣ его сердоликовую печатку, потомъ замѣтилъ, что у него большой палецъ правой руки раздвоенъ по серединѣ и представляетъ подобіе двойного орѣха. Потомъ осмотрѣлъ каждаго ученика и замѣтилъ всѣ особенности: у одного лобъ и виски вогнуты внутрь головы, у другого мордастое лице далеко выпятилось впередъ, тамъ вонъ у двоихъ, у одного справа, у другого слѣва, на лбу волосы растутъ вихоркомъ и т. д., всѣхъ замѣтилъ и изучилъ, какъ кто смотритъ. Одинъ съ увѣренностью глядитъ на учителя, проситъ глазами спросить себя, почешетъ колѣнки отъ нетерпѣнія, потомъ голову; а у другого на лицѣ то выступаетъ, то прячется краска—онъ сомнѣвается, колеблется; третій упрямо смотритъ внизъ, пораженный боязнью, чтобъ его не спросили. Иной ковыряетъ въ носу и ничего не слушаетъ. Тотъ долженъ быть ужасный силачъ, а этотъ черненькій—плутъ. И доску, на которой пишутъ задачи, замѣтилъ, даже мѣлъ и тряпку, которою стираютъ съ доски. Кстати тутъ же представилъ и себя, какъ онъ сидитъ, какое у него должно быть лице, что̀ другимъ приходитъ на умъ, когда они глядятъ на него, какимъ онъ имъ представляется? — «О чемъ я говорилъ сейчасъ?» вдругъ спросилъ его учитель, замѣтивъ, что онъ разсѣянно бродитъ глазами по всей комнатѣ. Къ удивленію его, Райскій сказалъ ему отъ слова до слова что̀ онъ говорилъ.—«Что же это значитъ?» дальше спросилъ учитель. Райскій не зналъ: онъ также машинально слу-

шалъ, какъ и смотрѣлъ, и ловилъ ухомъ только слова. Учитель повторилъ объясненіе. Борисъ опять слушалъ, какъ раздавались слова: иное учитель скажетъ коротко и густо, точно оборветъ, другое растянетъ, будто пропоетъ, вдругъ словъ десять посыплются, какъ орѣхи.— «Ну?» спросилъ учитель. Райскій покраснѣлъ, даже вспотѣлъ немного отъ страха, что не знаетъ въ чемъ дѣло, и молчалъ. Это былъ учитель математики. Онъ пошелъ къ доскѣ, написалъ задачу, началъ толковать. Райскій только глядѣлъ, какъ проворно и крѣпко пишетъ онъ цифры, какъ потомъ идетъ къ нему прежде брюхо учителя съ сердоликовой печаткой, потомъ грудь съ засыпанной табакомъ манишкой. Ничего не ускользнуло отъ Райскаго, только ускользнуло рѣшеніе задачи. Коекакъ онъ достигъ дробей, достигъ и до четырехъ правилъ изъ алгебры, когда же дѣло дошло до уравненій, Райскій утомился напряженіемъ ума и дальше не пошелъ, оставшись совершенно равнодушнымъ къ тому, зачѣмъ и откуда извлекаютъ квадратный корень. Учитель часто бился съ нимъ и почти всякій разъ со вздохомъ прибавлялъ: — «Садись на свое мѣсто, ты пустой малый!»

Но когда на учителя находили игривыя минуты, и онъ, въ видѣ забавы, выдумывалъ, а не изъ книги, говорилъ свои задачи, не прибѣгая ни къ доскѣ, ни къ грифелю, ни къ правиламъ, ни къ пинкамъ, — скорѣе всѣхъ, путемъ сверкающей въ головѣ догадки, доходилъ до результата Райскій. У него въ головѣ было свое царство цифръ въ образахъ: онѣ по-своему строились у него тамъ, какъ солдаты. Онъ придумалъ имъ какіе-то свои знаки или физіономіи, по которымъ онѣ становились въ ряды, слагались, множились и дѣлились; всѣ фигуры ихъ рисовались, то знакомыми людьми, то походили на разныхъ животныхъ.

— «Ну, не пустой-ли малый! восклицалъ учитель: не умѣетъ сдѣлать задачи указаннымъ, слѣдовательно, облегченнымъ путемъ, а безъ правилъ на-обумъ говоритъ! Глупѣе насъ съ тобой выдумывали правила!» Между тѣмъ, писать выучился Райскій быстро, читалъ со страстью исторію, эпопею, романъ, басню, выпрашивалъ, гдѣ могъ, книги, но съ фактами, а умозрѣній не любилъ, какъ вообще всего, что увлекало его изъ міра фантазіи въ міръ дѣйствительный. Изъ географіи въ порядкѣ, по книгѣ, какъ проходили въ классѣ, по климатамъ, по народамъ, никакъ и ничего онъ не могъ разсказать, особенно, когда учитель спроситъ: — «А ну-ка, перескажи всѣ горы въ Европѣ?» или: «всѣ порты Средиземнаго моря». Между тѣмъ внѣ класса начнетъ разсказывать о какой-нибудь странѣ или объ океанѣ, о городѣ — откуда что берется у него! Ни въ книгѣ этого нѣтъ, ни учитель не разска-

зывалъ, а онъ рисуетъ картину, какъ будто былъ тамъ, все видѣлъ самъ.

— «Да ты все врешь! скажетъ иногда слушатель-скептикъ: Василій Никитичъ этого не говорилъ!» Директоръ подслушалъ однажды, когда онъ разсказывалъ, какъ дикіе ловятъ и ѣдятъ людей, какія у нихъ лѣса, жилища, какое оружіе, какъ они сидятъ на деревьяхъ, охотятся за звѣрями, даже началъ представлять, какъ они говорятъ горломъ.—«Пустяки молоть мастеръ, сказалъ ему директоръ: а на экзаменѣ не могъ разсказать системы рѣкъ! Вотъ я тебя высѣку, погоди! ничѣмъ не хочетъ серьезно заняться: пустой мальчишка!» И дернулъ его за ухо. Райскій смотрѣлъ, какъ стоялъ директоръ, какъ говорилъ, какіе злые и холодные у него были глаза, разбиралъ, отчего ему стало холодно, когда директоръ тронулъ его за ухо, представилъ себѣ, какъ поведутъ его сѣчь, какъ у Севастьянова отъ испуга вдругъ побѣлѣетъ носъ, и онъ весь будто похудѣетъ немного, какъ Боровиковъ задрожитъ, запрыгаетъ и захихикаетъ отъ волненія, какъ добрый Масляниковъ, съ плачущимъ лицемъ, бросится обнимать его и прощаться съ нимъ, точно съ осужденнымъ на казнь. Потомъ, какъ его будутъ раздѣвать и у него похолодѣетъ сначала у сердца, потомъ руки и ноги, какъ онъ не сможетъ самъ лечь, а положитъ его тихонько сторожъ Сидорычъ.... Онъ слышалъ мысленно свой визгъ, видѣлъ болтающіяся ноги и вздрогнулъ... У него упали нервы: онъ пересталъ ѣсть, худо спалъ. Онъ чувствовалъ оскорбленіе отъ одной угрозы, и ему казалось, что если она исполнится, то это унесетъ у него все хорошее, и вся его жизнь будетъ гадка, бѣдна и страшна, и самъ онъ станетъ, точно нищій, всѣми брошенный, презрѣнный. Въ это время, какъ будто нарочно пришлось, священникъ толковалъ исторію Іова, всѣми оставленнаго на кучѣ навоза, страждущаго.... Райскій расплакался, его прозвали «нюней». Онъ пріунылъ, три дня ходилъ мрачный, такъ что узнать нельзя было: онъ-ли это? ничего не разсказывалъ товарищамъ, какъ они ни приставали къ нему. Такъ было до воскресенья. А въ воскресенье Райскій поѣхалъ домой, нашелъ въ шкафѣ «Освобожденный Іерусалимъ» въ переводѣ Москотильникова, и забылъ объ угрозѣ, и не тронулся съ дивана, на-скоро пообѣдалъ и опять легъ читать до темноты, а въ понедѣльникъ утромъ унесъ книгу въ училище и тайкомъ, торопливо и съ жадностью дочитывалъ, и дочитавши, недѣли двѣ разсказывалъ читанное то тому, то другому. Снились ему такіе горячіе сны о далекихъ странахъ, о необыкновенныхъ людяхъ въ латахъ, и каменистыя пустыни Палестины блистали передъ нимъ своей сухой, страшной красотой: эти пески и зной, эти

люди, которые умѣли жить такой крѣпкой и трудной жизнью и умирать такъ легко. Онъ содрогался отъ желанія посидѣть на камняхъ пустыни, разрубить Сарацина, томиться жаждой и умереть безъ нужды, для того только, чтобъ видѣли, что онъ умѣетъ умирать. Онъ не спалъ ночей, читая объ Армидѣ, какъ она увлекла рыцарей и самого Ринальда. Какая она? думалось ему — и то казалась она ему теткой Варварой Николаевной, которая ходила, покачивая головой, какъ игрушечные коты, и прищуривала глаза, то въ видѣ жены директора, у которой были такія бѣлыя руки и острый, пронзительный взглядъ, то тринадцатилѣтней припрыгивающей, хорошенькой дѣвочкой въ кружевныхъ панталончикахъ, дочерью полиціймейстера.

Онъ сжимался въ комокъ и читалъ жадно, почти не переводя духа, но внутренно разрываясь отъ волненія, и вдругъ въ неистовствѣ бросалъ книгу и бѣгалъ, какъ потерянный, когда храбрый Ринальдъ, или въ романѣ мадамъ Коттень, Малекъ-Адель изнывали у ногъ волшебницы. То вдругъ случайно воображеніе унесетъ его въ другую сторону, съ какимъ-нибудь Оссіаномъ: тамъ другая жизнь, другія картины, еще величавѣе хотя и суровѣе тѣхъ, и еще необыкновеннѣе. И все это, не похожее на текучую жизнь около него, захватывало его въ свою чудесную сферу, отъ которой онъ отрезвлялся, какъ отъ хмѣля.

Послѣ долго ходилъ онъ блѣденъ и скученъ, пока опять чужая жизнь и чужія радости не вспрыснутъ его какъ живой водой.

Дядя давалъ ему исторіи четырехъ Генриховъ, Людовиковъ до XVIII и Карловъ до XII включительно, но все это уже было для него какъ прѣсная вода послѣ рома. На минуту только разбудили его Іоанны III-й и IV, да Петръ. Онъ бросался къ Плутарху, чтобъ только дальше уйти отъ современной жизни, но и тотъ казался ему сухъ, не представлялъ рисунка, картинъ, какъ тѣ книги, потомъ какъ Телемакъ, а еще потомъ какъ Иліада.

Между товарищами онъ былъ очень страненъ, они тоже не знали, какъ понимать его. Симпатіи его такъ часто мѣнялись, что у него не было ни постоянныхъ друзей, ни враговъ. Эту недѣлю онъ привяжется къ одному, ищетъ его вездѣ, сидитъ съ нимъ, читаетъ, разсказываетъ ему, шепчетъ; потомъ ни съ того, ни съ сего, вдругъ броситъ его и всматривается въ другого, и всмотрѣвшись опять забываетъ. Разсердитъ ли его какой-нибудь товарищъ, не кстати скажетъ ему что-нибудь, онъ надуется, дастъ разыграться злымъ чувствамъ во всѣ формы упорной вражды, хотя самая обида поблѣднѣетъ, забудется причина,

а онъ длитъ вражду, за которой слѣдитъ весь классъ, и больше всѣхъ онъ самъ. Потомъ онъ отыскивалъ въ себѣ кротость, великодушіе и вздрагивалъ отъ живого удовольствія проявить его; устроивалась сцена примиренія, съ достоинствомъ и благородствомъ, и занимала всѣхъ, пуще всѣхъ его самого. Онъ какъ будто смотрѣлъ на все это со стороны и наслаждался, видя и себя, и другого, и всю картину передъ собой. А когда все кончалось, когда шумъ, чадъ, вся трескотня выходили изъ него, онъ вдругъ очнется, окинетъ все удивленными глазами и внутренній голосъ спроситъ его: — зачѣмъ это? Онъ пожметъ плечами, не зная самъ зачѣмъ. Иногда, напротивъ, онъ придетъ отъ пустяковъ въ восторгъ: какой-нибудь сытый ученикъ отдастъ свою булку нищему, какъ дѣлаютъ добродѣтельныя дѣти въ хрестоматіяхъ и прописяхъ, или приметъ на себя чужую шалость, или покажется ему, что насупившійся ученикъ думаетъ глубокую думу, и онъ вдругъ возгорится участіемъ къ нему, говоритъ о немъ со слезами, отыскиваетъ что-то таинственное, необычайное, окружитъ его уваженіемъ: и другіе заразятся неисповѣдимымъ почтеніемъ. Но черезъ недѣлю товарищи встанутъ въ одно прекрасное утро, съ восторженными рѣчами о ѳениксѣ, подойдутъ къ Райскому, а онъ расхохочется: «Этакую дрянь нашли, да и няньчатся! Пошелъ ты прочь, жалкое созданіе!» скажетъ онъ. Всѣ и рты разинутъ, и онъ стыдится своего восторга. Лучъ, который падалъ на «чудо», уже померкъ, краски пропадали, форма износилась, и онъ бросалъ и искалъ жадными глазами другого явленія, другого чувства, зрѣлища, и если не было — скучалъ, былъ желченъ, нетерпѣливъ, или задумчивъ.

По выходѣ изъ училища, дѣйствительная жизнь мало увлекала его въ свой потокъ, и своей веселой стороной, и суровой дѣятельностью. Позоветъ ли его опекунъ посмотрѣть, какъ молотятъ рожь или какъ валяютъ сукно на фабрикѣ, какъ бѣлятъ полотна,—онъ увертывался и забирался на бельведеръ смотрѣть оттуда въ лѣсъ, или шелъ на рѣку, въ кусты, въ чащу, смотрѣлъ, какъ возятся насѣкомыя, остро глядѣлъ, куда порхнула птичка, какая она, куда сѣла, какъ почесала носикъ; — поймаетъ ежа и возится съ нимъ; — съ мальчишками удитъ рыбу цѣлый день, или слушаетъ полоумнаго старика, который живетъ въ землянкѣ у околицы, какъ онъ разсказываетъ про «Пугача», — жадно слушаетъ подробности жестокихъ мукъ, казней, и смотритъ прямо ему въ ротъ безъ зубовъ, и въ глубокія впадины потухающихъ глазъ. По цѣлымъ часамъ, съ болѣзненнымъ любопытствомъ слѣдитъ онъ за лепетомъ полоумной «испорченной» Ѳеклуши. Дома читаетъ всякіе пустяки. «Саксонскій разбойникъ» попадется — онъ

прочтетъ его; вытащитъ Эккартсгаузена и хочетъ фантазіей допроситься, сквозь туманъ, ясныхъ выводовъ; десять разъ прочелъ попавшійся экземпляръ «Тристрама Шанди»; найдетъ какія-нибудь «Тайны восточной магіи», — читаетъ и ихъ; тамъ русскія сказки и былины, потомъ вдругъ опять бросится къ Оссіяну, къ Тассу и Гомеру, или уплыветъ съ Кукомъ въ чудесныя страны. А если нѣтъ ничего, такъ лежитъ неподвижно по цѣлымъ днямъ, но лежитъ, какъ будто трудную работу дѣлаетъ: фантазія мчитъ его дальше Оссіяна, Тасса, и даже Кука — или бьетъ лихорадкой какого-нибудь встрѣчнаго ощущенія, мгновеннаго впечатлѣнія, и онъ встанетъ усталый, блѣдный, и долго не придетъ въ нормальное положеніе. — «Лѣнтяй, лежебока», говорятъ кругомъ его. Онъ пугался этихъ приговоровъ, плакалъ втихомолку и думалъ иногда съ отчаяніемъ, отчего онъ лѣнтяй и лежебока? Что̀ я такое? что̀ изъ меня будетъ? — думалъ онъ и слышалъ суровое: — «учись, вонъ какъ учатся Саврасовъ, Ковригинъ, Малюевъ, Чудинъ, — первые ученики!» Они равно хорошо учатся, и изъ математики, и изъ исторіи, сочиняютъ, чертятъ, рисуютъ и языки знаютъ и все: — счастливцы! Ихъ всѣ уважаютъ, они такъ гордо смотрятъ, такъ покойно спятъ, всегда одинаковы. А онъ сегодня блѣденъ, молчитъ, какъ убитый, — завтра скачетъ и поетъ, Богъ знаетъ отъ чего!

Всего пуще пугало его и томило обидное состраданіе сторожа Сидорыча, и вмѣстѣ трогало своей простотой. Однажды онъ не выучилъ два урока сряду и завтра долженъ былъ остаться безъ обѣда, если не выучитъ ихъ къ утру, а выучить было некогда, всѣ легли спать. Сидорычъ тихонько всталъ, вздулъ свѣчу и принесъ Райскому изъ класса книгу. — «Учи, батюшка, сказалъ онъ, пока они спятъ. Никто не увидитъ, а завтра будешь знать лучше ихъ: что они въ самомъ дѣлѣ обижаютъ тебя, сироту!» У Райскаго брызнули слезы, и отъ этой обиды, и отъ доброты Сидорыча. Онъ взглянулъ, какъ храпятъ первые ученики, и не выучилъ урока — отъ гордости. За то, если задѣто его самолюбіе, затронуты нервы, тогда онъ однимъ взглядомъ въ книгу какъ будто сниметъ фотографію съ урока, запомнитъ столбцы цифръ, отгадаетъ задачу — и вдругъ блеснетъ, какъ фейерверкъ, и изумитъ весь классъ, иногда и учителя. «Притворяется!» — думаютъ ученики. — «Какія способности у этого лѣнтяя!» подумаетъ учитель.

Онъ чувствовалъ и понималъ, что онъ не лежебока и не лѣнтяй, а что-то другое, но чувствовалъ и понималъ онъ одинъ, и больше никто, — но не понималъ, что же онъ такое именно, и некому было растолковать ему это, и разъяснить, нужно ли ему учить математику, или что-нибудь другое.

Въ службѣ названіе пустого человѣка привинтилось къ нему еще крѣпче. Отъ него не добились ни одной докладной записки, никогда не прочелъ онъ ни одного дѣла, между тѣмъ вносилъ веселье, смѣхъ и анекдоты въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ. Около него всегда кучка народу. Но мысль о дѣлѣ, если только она не проходила черезъ докладъ, какъ бывало русскій языкъ черезъ грамматику, а сказанная среди шутокъ и бездѣлья, для него какъ-то ясна, лишь бы не доходило дѣло до бумагъ. Онъ озадачивалъ новизной взгляда чиновниковъ. Столоначальникъ, слушая его, съ усмѣшкой отбиралъ у него какую-нибудь заданную ему бумагу и отдавалъ другому:—«Напишите пожалуста вотъ это предписаніе, — говорилъ онъ, пока Борисъ Павловичъ рисуетъ свой проектъ». Столоначальникъ былъ правъ: Райскій рисовалъ и дѣло, какъ картину, или оно такъ рисовалось у него въ головѣ.

Воображеніе его вспыхивало, и онъ путемъ сверкнувшей догадки схватывалъ тѣнь, верхушку истины, дорисовывалъ остальное и уже не шелъ долгимъ опытомъ и трудомъ завоевывать прочную побѣду. Онъ уже былъ утомленъ, онъ шелъ дальше, глаза и воображеніе искали другого, и онъ летѣлъ на крыльяхъ фантазіи, черезъ пропасти, горы, океаны, переходимые и переплываемые толпой мужественно и терпѣливо. Онъ и знаніе — не зналъ, а какъ будто видѣлъ его у себя въ воображеніи, какъ въ зеркалѣ, готовымъ, чувствовалъ его и этимъ довольствовался; а узнавать ему было скучно, онъ отталкивалъ наскучившій предметъ прочь, отыскивая вокругъ новаго, живого, поразительнаго, чтобъ въ немъ самомъ все играло, билось, трепетало и отзывалось жизнью на жизнь. Вокругъ его не было никого, кто направилъ бы эти жадные порывы любознательности въ опредѣленную колею. Въ одномъ мѣстѣ опекунъ, а въ другомъ бабушка смотрѣли только, — первый, чтобъ къ нему въ положенные часы ходили учителя, или чтобъ онъ не пропускалъ уроковъ въ школѣ; а вторая, чтобъ онъ былъ здоровъ, имѣлъ аппетитъ и сонъ, да чтобъ одѣтъ онъ былъ чисто, держалъ себя опрятно, и чтобъ, какъ слѣдуетъ благовоспитанному мальчику, «не связывался со всякой дрянью». А что онъ читалъ тамъ, какія книги, въ это не входили, и бабушка отдала ему ключи отъ отцовской библіотеки въ старомъ домѣ, куда онъ запирался, читая поперемѣнно то Спинозу, то романъ Коттень, то св. Августина, а завтра вытащитъ Вольтера или Парни, даже Боккаччіо.

Искусства дались ему лучше наукъ. Правда, онъ и тутъ затѣялъ пустяки: учитель недѣли на двѣ посадилъ весь классъ рисовать зрачки, а онъ не утерпѣлъ, придѣлалъ къ зрачку носъ и даже началъ было тушевать усы, но учитель засталъ его и сна-

чала дернулъ за вихоръ, потомъ, вглядѣвшись, сказалъ: — «Гдѣ ты учился?» — Нигдѣ, — былъ отвѣтъ. — «А хорошо, братъ, только видишь, что значитъ впередъ забѣгать: лобъ и носъ — хоть куда, а ухо вонъ гдѣ посадилъ, да и волосы точно мочала вышли». Но Райскій торжествовалъ: — «хорошо, братъ; лобъ и носъ, хоть куда!» — было для него лавровымъ вѣнкомъ. Онъ гордо ходилъ одинъ по двору, въ сознаніи, что онъ лучше всѣхъ, до тѣхъ поръ, пока на другой день публично не осрамился въ «серьезныхъ предметахъ».

Но къ рисованью онъ пристрастился, и черезъ мѣсяцъ послѣ «зрачковъ», копировалъ кудряваго мальчика, потомъ голову Фингала. Завѣтной мечтой его была женская головка, висѣвшая въ квартирѣ учителя. Она поникла немного къ плечу и смотрѣла томно, задумчиво вдаль. — «Позвольте мнѣ вотъ съ этой нарисовать копію!» — робко, нѣжно звучащимъ голосомъ дѣвочки и съ нервной дрожью верхней губы просилъ онъ учителя. — «А если стекло разобьешь?» — сказалъ учитель, однако далъ ему головку. Борисъ былъ счастливъ. Когда онъ приходилъ къ учителю, у него всякій разъ іокало сердце при взглядѣ на головку. И вотъ она у него, онъ рисуетъ съ нея. Въ эту недѣлю ни одинъ серьезный учитель ничего отъ него не добился. Онъ сидитъ въ своемъ углу, рисуетъ, стираетъ, тушуетъ, опять стираетъ, или молча задумается; въ зрачкѣ ляжетъ синева, и глаза покроются будто туманомъ, только губы едва, едва замѣтно шевелятся, и въ нихъ переливается розовая влага. На ночь онъ уносилъ рисунокъ въ дортуаръ, и однажды, вглядываясь въ эти нѣжные глаза, слѣдя за линіей наклоненной шеи, онъ вздрогнулъ, у него сдѣлалось такое замиранье въ груди, такъ захватило ему дыханье, что онъ въ забытьи, съ закрытыми глазами и невольнымъ, чуть сдержаннымъ стономъ, прижалъ рисунокъ обѣими руками къ тому мѣсту, гдѣ было такъ тяжело дышать. Стекло хрустнуло и со звономъ полетѣло на полъ...

Нарисовавъ эту головку, онъ уже не зналъ предѣла гордости. Рисунокъ его выставленъ съ рисунками старшаго класса на публичномъ экзаменѣ, и учитель мало поправлялъ, только кое-гдѣ слабыя мѣста покрылъ крупными, крѣпкими штрихами, точно желѣзной рѣшеткой, да въ волосахъ прибавилъ три, четыре черныя полосы, сдѣлалъ по точкѣ въ каждомъ глазу — и глаза вдругъ стали смотрѣть точно живые. «Какъ это онъ? и отчего такъ у него вышло живо, смѣло, прочно?» — думалъ Райскій, зорко вглядываясь и въ штрихи и въ точки, особенно въ двѣ точки, отъ которыхъ глаза вдругъ ожили. И много ставилъ онъ потомъ штриховъ и точекъ, все хотѣлъ схватить эту жизнь, огонь и

силу, какая была въ штрихахъ и полосахъ, такъ крѣпко и увѣренно начерченныхъ учителемъ. Иногда онъ будто и ловилъ эту тайну, и опять ускользала она у него. Но чертить зрачки, носы, линіи лба, ушей и рукъ по сту разъ — ему было до смерти скучно. Онъ нарисуетъ глаза кое-какъ, но заботится лишь о томъ, чтобы въ нихъ повторились учительскія точки, чтобъ они смотрѣли точно живые. А не удастся, онъ броситъ все, уныло облокотится на столъ, склонитъ на локоть голову и осѣдлаетъ своего любимаго коня, фантазію, или конь осѣдлаетъ его, и мчится онъ въ пространствѣ, среди своихъ міровъ и образовъ.

Упиваясь легкимъ успѣхомъ, онъ гордо ходилъ: — «талантъ, талантъ!» звучало у него въ ушахъ. Но вскорѣ всѣ уже знали, какъ онъ рисуетъ, перестали ахать, и онъ привыкъ къ успѣху. Въ деревнѣ онъ опять пристрастился - было къ рисованію, дѣлалъ портреты съ горничныхъ, съ кучера, потомъ съ деревенскихъ мужиковъ. Полоумную Ѳеклушу нарисовалъ въ пещерѣ, очень удачно освѣтивъ одно лице и разбросанные волосы, корпусъ же скрывался во мракѣ: ни терпѣнья, ни умѣнья не хватило у него додѣлывать руки, ноги и корпусъ. И какъ цѣлое утро высидѣть, когда солнце такъ весело и щедро льетъ лучи на лугъ и рѣку... вонъ, никакъ, отъ сосѣдей скачетъ человѣкъ, вѣрно танцовать будутъ... Дня черезъ три картина блѣднѣла, и въ воображеніи тѣснится уже другая. Хотѣлось бы нарисовать хороводъ, тутъ же пьянаго старика и проѣзжую тройку. Опять дня два носится онъ съ картиной: она какъ живая у него. Онъ бы нарисовалъ мужика и бабъ, да тройку не съумѣетъ: лошадей «не проходили въ классѣ». Черезъ недѣлю и эта картина забывалась и снова замѣнялась другою...

Музыку онъ любилъ до опьянѣнія. Въ училищѣ тупой, презираемый первыми учениками мальчикъ Васюковъ былъ предметомъ постоянной нѣжности Райскаго. Всѣ бывало дергаютъ за уши Васюкова: «пошелъ прочь, дуракъ, дубина», только и слышитъ онъ; лишь Райскій глядитъ на него съ умиленіемъ, потому только, что Васюковъ, ни къ чему невнимательный, сонный, вялый, даже у всѣми любимаго русскаго учителя не выучившій никогда ни одного урока, — каждый день послѣ обѣда бралъ свою скрипку и, положивъ на нее подбородокъ, водилъ смычкомъ, забывая школу, учителей, щелчки. Глаза его ничего не видали передъ собой, а смотрѣли куда-то въ другое мѣсто, далеко, и тамъ онъ будто видѣлъ что-то особенное, таинственное. Глаза его становились дики, суровы, а иногда точно плакали. Противъ него садился Райскій и съ удивленіемъ глядѣлъ на лице Васюкова, слѣдилъ какъ, пока еще съ тупымъ взгля-

домъ, достаетъ онъ скрыпку, вяло беретъ смычекъ, намажетъ его канифолью, потомъ сначала пальцемъ тронетъ струны, повинтитъ винты, опять тронетъ, потомъ поведетъ смычкомъ — и все еще глядитъ сонно. Но вотъ заигралъ и проснулся и улетѣлъ куда-то. Васюкова нѣтъ, явился кто-то другой. Зрачки у него расширяются, глаза не мигаютъ больше, а все дѣлаются прозрачнѣе, свѣтлѣе, глубже, и смотрятъ гордо, умно, грудь дышетъ медленно и тяжело. По лицу бродитъ нѣга, счастье, кожа становится нѣжнѣе, глаза синѣютъ и льютъ лучи: — онъ сталъ прекрасенъ. Райскій началъ мысленно глядѣть, куда глядитъ Васюковъ, и видѣть что̀ онъ видитъ. Не стало никого вокругъ: ни учениковъ, ни скамей, ни шкафовъ. Все это закрылось точно туманомъ. Послѣ нѣсколькихъ звуковъ, открывалось глубокое пространство, тамъ являлся движущійся міръ, какія-то волны, корабли, люди, лѣса, облака, — все будто плыло и неслось мимо его въ воздушномъ пространствѣ. И онъ, казалось ему, все росъ выше, у него занимало духъ, его будто щекотали, или купался онъ... И сонъ этотъ длился, пока длились звуки. Вдругъ стукъ, крикъ, толчокъ какой-нибудь будилъ его, будилъ Васюкова. Звуковъ нѣтъ, міры пропали, онъ просыпался, кругомъ — ученики, скамьи, столы — и Васюковъ укладываетъ скрыпку, кто-нибудь дергаетъ его ужъ за ухо, Райскій съ яростью бросается бить забіяку, а потомъ долго ходитъ задумчивый. Нервы поютъ ему какіе-то гимны, въ немъ плещется жизнь, какъ море, и мысли, чувства, какъ волны переливаются, сталкиваются и несутся куда-то, бросаютъ кругомъ брызги и пѣну. Въ звукахъ этихъ онъ слышитъ что-то знакомое; носится передъ нимъ какое-то воспоминаніе, будто тѣнь женщины, которая держала его у себя на колѣняхъ. Онъ роется въ памяти и смутно дорывается, что держала его когда-то мать, и онъ, прижавшись щекой къ ея груди, слѣдилъ, какъ она перебирала пальцами клавиши, какъ носились плачущіе или рѣзвые звуки, слышалъ, какъ билось у ней въ груди сердце. Фигура женщины яснѣе и яснѣе оживала въ памяти, какъ будто она вставала въ эти минуты изъ могилы и являлась напомнить. Онъ помнитъ, какъ, послѣ музыки, она всю дрожь наслажденія сосредоточивала въ горячемъ поцѣлуѣ ему. Помнитъ, какъ она толковала ему картины: кто этотъ старикъ съ лирой, котораго нѣмѣя слушаетъ гордый царь, боясь пошевелиться, — кто эта женщина, которую кладутъ на плаху. Потомъ помнитъ онъ, какъ она водила его на Волгу, какъ по цѣлымъ часамъ сидѣла, глядя вдаль, или указывала ему на гору, освѣщенную солнцемъ, на кучу темной зелени, на плывущія суда. Онъ смотритъ, какъ она

неподвижно глядѣла, какъ у ней тогда глаза были прозрачны, глубоки, хороши... «точно у Васюкова», думалъ онъ. Стало быть, и она видѣла въ этой зелени, въ теченіи рѣки, въ синемъ небѣ тоже, что̀ Васюковъ видитъ, когда играетъ на скрыпкѣ... Какія-то горы, моря, облака.... «И я вижу ихъ!»...

Заиграетъ-ли женщина на фортепіано, гувернантка у сосѣдей, Райскій бѣжалъ - было передъ этимъ удить рыбу, — но раздались звуки, и онъ замиралъ на мѣстѣ, разинувъ ротъ, и прятался за стуломъ играющей. Его не стало, онъ куда-то пропалъ, опять его несетъ кто-то по воздуху, опять онъ растетъ, въ него льется сила, онъ въ состояніи поднять и поддержать сводъ, какъ тотъ, котораго Геркулесъ смѣнилъ. Звуки почти до боли ударяютъ его по груди, проникаютъ до мозга — у него уже мокрые волосы, глаза... Вдругъ звуки умолкли, онъ очнется, застыдится и убѣжитъ.

Онъ сталъ-было учиться, сначала на скрыпкѣ у Васюкова,— но вотъ уже недѣлю водитъ смычкомъ взадъ и впередъ: *a, c, g*, тянетъ за нимъ Васюковъ, а смычекъ деретъ ему уши. То захватитъ онъ двѣ струны разомъ, то рука дрожитъ отъ слабости: — нѣтъ! Когда же Васюковъ заиграетъ, точно по маслу рука ходитъ; — двѣ недѣли прошло, а онъ забудетъ то тотъ, то другой пальцъ. Ученики бранятся: — «ну, васъ, къ чорту!» говоритъ первый ученикъ: «тутъ серьезнымъ дѣломъ заниматься надо, а они пилять!» Райскій бросилъ скрыпку и сталъ просить опекуна учить его на фортепіано. На фортепіано легче, скорѣй, думалъ онъ. Тотъ нанялъ ему нѣмца, но однакожъ рѣшился поговорить съ нимъ серьезно.

— Послушай, Борисъ — началъ онъ — къ чему ты готовишь себя, я давно хотѣлъ спросить тебя?

Райскій не понялъ вопроса и молчалъ.

— Тебѣ шестнадцатый годъ, продолжалъ опекунъ, пора о дѣлѣ подумать, а ты до сихъ поръ, какъ я вижу, еще не подумалъ, по какой части пойдешь ты въ университетѣ и въ службѣ. По военной трудно: у тебя небольшое состояніе, а служить ты по своей фамиліи долженъ въ гвардіи.

Райскій молчалъ и смотрѣлъ въ окно, какъ пѣтухи дерутся, какъ свинья роется въ навозѣ, какъ кошка подкрадывается къ голубю.

— Я тебѣ о дѣлѣ, а ты вонъ куда глядишь? Къ чему ты готовишься?

— Я, дядюшка, готовлюсь въ артисты.

— Что-о? спросилъ съ изумленіемъ опекунъ.

— Художникомъ быть хочу, подтвердилъ Райскій.

— Чортъ знаетъ, что̀ выдумалъ! Кто-жъ тебя пуститъ? Ты знаешь ли, что̀ такое артистъ? спросилъ онъ.

Райскій молчалъ.

— Артистъ — это такой человѣкъ, который, или денегъ у тебя займетъ, или навретъ такой чепухи, что на недѣлю тумана наведетъ.... Въ артисты!.. Вѣдь это, продолжалъ онъ, значитъ безпутное, цыганское житье, адская бѣдность въ деньгахъ, въ платьѣ, въ обуви, и только богатство мечты! Витаютъ артисты, какъ птицы небесныя, на чердакахъ. Видалъ я ихъ въ Петербургѣ: это тѣ хваты, что въ какихъ-то фантастическихъ костюмахъ собираются по вечерамъ лежать на диванахъ, курятъ трубки, несутъ чепуху, читаютъ стихи и пьютъ много водки, а потомъ объявляютъ, что они артисты. Они нечесаны, неопрятны...

— Я слыхалъ, дядюшка, что художники теперь въ большомъ уваженіи. Вы, можетъ быть, старое время вспоминаете. Изъ академіи выходятъ знаменитые люди...

— Я не очень старъ и видѣлъ свѣтъ, возразилъ дядя: — ты слыхалъ, что звонятъ, да не знаешь на какой колокольнѣ. Знаменитые люди! Есть артисты, и лекаря есть тоже знаменитые люди: а когда они знаменитыми дѣлаются, спроси-ка? Когда въ службѣ состоятъ и дойдутъ до тайнаго совѣтника! Соборъ выстроитъ или монументъ на площади поставитъ — вотъ его и пожалуютъ! А начинаютъ они отъ бѣдности, изъ куска хлѣба — спроси: все большею частью вольноотпущенные, мѣщане, или иностранцы, даже жиды. Ихъ неволя гонитъ въ художники, вотъ они и напираютъ на искусство. А ты — Райскій! У тебя земля и готовый хлѣбъ. Конечно, для общества почему не имѣть пріятныхъ талантовъ: сыграть на фортепіано, нарисовать что̀-нибудь въ альбомъ, спѣть романсъ... вотъ я тебѣ и нѣмца нанялъ. Но быть артистомъ по профессіи — что за блажь! Слыхалъ ли ты когда-нибудь, чтобъ нарисовалъ картину какой-нибудь князь, графъ, или статую слѣпилъ старый дворянинъ... нѣтъ: отъ чего это?...

— А Рубенсъ? вдругъ перебилъ Райскій: — онъ былъ придворный, посланникъ...

— Куда хватилъ: это лѣтъ двѣсти назадъ! сказалъ опекунъ: тамъ, у нѣмцевъ.... А ты поступишь въ университетъ, въ юридическій факультетъ, потомъ служи въ Петербургѣ, учись дѣлу, добивайся прокурорскаго мѣста, а родня выведетъ тебя въ камеръ-юнкеры. И если не будешь дремать, то съ твоимъ именемъ и родствомъ тридцати лѣтъ будешь губернаторомъ. Вотъ твоя карьера! Но вотъ бѣда, я не вижу, чтобъ у тебя было что̀-нибудь серьезное на умѣ: удишь съ мальчишками рыбу,

вонъ болото нарисовалъ, пьянаго мужика у кабака... Ходишь по полямъ и въ лѣсъ, а хоть бы разъ спросилъ мужика, какой хлѣбъ когда сѣютъ, почемъ продаютъ... ничего! И хозяина не обѣщаешь!

Дядя вздохнулъ, и Райскій пріунылъ: дядино поученье безотрадно подѣйствовало только на его нервы.

Учитель нѣмецъ, какъ Васюковъ, прежде всего исковеркалъ ему руки и началъ притопывать ногой и напѣвать, слѣдя за каждымъ ударомъ по клавишу: а-а-у-у-о-о. Только совѣстясь опекуна, не бросалъ Райскій этой пытки и кое-какъ въ нѣсколько мѣсяцевъ удалось ему сладить съ первыми шагами. И то онъ все капризничалъ: то игралъ не тѣмъ пальцемъ, которымъ требовалъ учитель, а какимъ казалось ему ловчѣе, не хотѣлъ играть гаммъ, а ловилъ ухомъ мотивы, какіе западутъ въ голову, и бывалъ счастливъ, когда удавалось ему уловить ту же экспрессію или силу, какую слышалъ у кого-нибудь и поразился ею, какъ прежде поразился штрихами и точками учителя. А съ нотами онъ не дружился, не проходилъ постепенно одну за другою запыленныя, пожелтѣвшія, приносимыя учителемъ тетради музыкальной школы. Но часто онъ задумывался, слушая свою игру, и мурашки бѣгали у него по спинѣ. Вдалекѣ видѣлась уже ему наполненная зала, и онъ своей игрой потрясалъ стѣны и сердца знатоковъ. Женщины съ горящими щеками слушали его, и его лице горѣло стыдливымъ торжествомъ... Онъ тихонько утиралъ слезы, катившіяся по щекамъ, горѣлъ, млѣлъ отъ своей мечты. Когда наконецъ онъ одолѣлъ, съ грѣхомъ пополамъ, первые шаги, пальцы играли уже что-то свое, играли они ему эту, кажется, залу, этихъ женщинъ, и трепетъ похвалъ, а трудной школы не играли. Скоро онъ перегналъ розовенькихъ уѣздныхъ барышень и изумлялъ ихъ силою и смѣлостью игры, пальцы бѣгали свободно и одушевленно. Онѣ еще сидятъ на какомъ-то допотопномъ рондо, да на сонатахъ въ четыре руки, а онъ перескочилъ черезъ школу и черезъ сонаты, сначала на кадрили, на марши, а потомъ на оперы, проходя курсъ по своей программѣ, продиктованной воображеніемъ и слухомъ. Онъ услышитъ оркестръ, затвердитъ то, что увлекло его, и повторяетъ мотивы, упиваясь удивленіемъ барышень: онъ былъ первый, лучше всѣхъ; нѣмецъ говоритъ, что способности у него быстрыя, удивительныя, но лѣнь еще удивительнѣе. Но это не бѣда: лѣнь, небрежность какъ-то къ лицу артистамъ. Да еще кто-то сказалъ ему, что при талантѣ не нужно много и работать, что работаютъ только бездарные, чтобы вымучить себѣ кропотливо жалкое подобіе могучаго и всепобѣднаго дара природы — таланта.

VII.

Райскій вышелъ изъ гимназіи, вступилъ въ университетъ и въ одно лѣто поѣхалъ на каникулы къ своей двоюродной бабушкѣ, Татьянѣ Марковнѣ Бережковой. Бабушка эта жила въ родовомъ маленькомъ имѣніи, доставшемся Борису отъ матери. Оно все состояло изъ небольшой земли, лежащей вплоть у города, отъ котораго отдѣлялось полемъ и слободой близъ Волги, изъ пятидесяти душъ крестьянъ да изъ двухъ домовъ — одного каменнаго, оставленнаго и запущеннаго, и другого деревяннаго домика, выстроеннаго его отцомъ, и въ этомъ-то домикѣ и жила Татьяна Марковна, съ двумя, тоже двоюродными, внучками-сиротами, дѣвочками по седьмому и шестому году, оставленными ей двоюродной племянницей, которую она любила какъ дочь. У бабушки былъ свой капиталъ, выдѣленный ей изъ семьи, своя родовая деревенька; она осталась дѣвушкой, и послѣ смерти отца и матери Райскаго, ея племянника и племянницы, поселилась въ этомъ маленькомъ имѣньицѣ. Она управляла имъ, какъ маленькимъ царствомъ, мудро, экономно, кропотливо, но деспотически и на феодальныхъ началахъ. Опекуну она не давала сунуть носа въ ея дѣла и, не признавая никакихъ документовъ, бумагъ, записей и актовъ, поддерживала порядокъ, бывшій при послѣднихъ владѣльцахъ, и отзывалась въ отвѣтъ на письма опекуна, что всѣ акты, записи и документы записаны у ней на совѣсти, и она отдастъ отчетъ внуку, когда онъ выростетъ, а до тѣхъ поръ, по словесному завѣщанію отца и матери его, она полная хозяйка. Тотъ пожалъ плечами и махнулъ рукой, потому-что имѣніе небольшое, да и въ рукахъ такой хозяйки, какъ бабушка, лучше сбережется. Къ ней-то пріѣхалъ Райскій, вступивъ въ университетъ — побывать и проститься, можетъ быть, надолго.

Какой эдемъ распахнулся ему въ этомъ уголкѣ, откуда его увезли въ дѣтствѣ, и гдѣ потомъ онъ гостилъ мальчикомъ иногда, въ лѣтніе каникулы. Какіе виды кругомъ — каждое окно въ домѣ было рамой своей особенной картины! Съ одной стороны Волга съ крутыми берегами и Заволжьемъ; съ другой широкія поля, обработанныя и пустыя, овраги, и все это замыкалось далью синѣвшихъ горъ; съ третьей стороны видны села, деревни и часть города. Воздухъ свѣжій, прохладный, отъ котораго, какъ отъ лѣтняго купанья, пробѣгаетъ по тѣлу дрожь бодрости.

Домъ весь былъ окруженъ этими видами, этимъ воздухомъ,

да полями, да садомъ. Садъ обширный около обоихъ домовъ, содержавшійся въ порядкѣ, съ темными аллеями, бесѣдкой и скамьями. Чѣмъ далѣе отъ домовъ, тѣмъ садъ былъ запущеннѣе. Подлѣ огромнаго, развѣсистаго вяза, съ сгнившей скамьей, толпились вишни и яблони; тамъ рябина; тамъ шла кучка липъ, хотѣла было образовать аллею, да вдругъ ушла въ лѣсъ и братски перепуталась съ ельникомъ, березнякомъ. И вдругъ все кончалось обрывомъ, поросшимъ кустами, идущими почти на полверсты берегомъ до Волги. Подлѣ сада, ближе къ дому, лежали огороды. Тамъ капуста, рѣпа, морковь, петрушка, огурцы, потомъ громадныя тыквы, а въ парникѣ арбузы и дыни. Подсолнечники и макъ, въ этой массѣ зелени, дѣлали яркія, бросавшіяся въ глаза, пятна; около тычинокъ вились турецкіе бобы. Передъ окнами маленькаго домика пестрѣлъ на солнцѣ большой цвѣтникъ, изъ котораго вела дверь во дворъ, а другая, стеклянная дверь, съ большимъ балкономъ, въ родѣ веранды, въ деревянный, жилой домъ. Татьяна Марковна любила видѣть открытое мѣсто передъ глазами, чтобъ не походило на трущобу, чтобъ было солнышко, да пахло цвѣтами.

Съ другой стороны дома, обращенной къ дворамъ, ей было видно все, что дѣлается на большомъ дворѣ, въ людской, въ кухнѣ, на сѣновалѣ, въ конюшнѣ, въ погребахъ. Все это было у ней передъ глазами, какъ на ладони.

Одинъ только старый домъ стоялъ въ глубинѣ двора, какъ бѣльмо на глазу, мрачный, почти всегда въ тѣни, сѣрый, полинявшій, мѣстами съ забитыми окнами, съ поросшимъ травой крыльцомъ, съ тяжелыми дверьми, замкнутыми тяжелыми же задвижками, но прочно и массивно выстроенный. За то на маленькій домикъ съ утра до вечера жарко лились лучи солнца, деревья отступили отъ него, чтобъ дать ему простора и воздуха. Только цвѣтникъ, какъ гирлянда, обвивалъ его со стороны сада, и махровыя розы, даліи и другіе цвѣты такъ и просились въ окна. Около дома вились ласточки, свившія гнѣзда на кровлѣ; въ саду и рощѣ водились малиновки, иволги, чижи и щеглы, а по ночамъ щолкали соловьи. Дворъ былъ полонъ всякой домашней птицы, разношерстныхъ собакъ. Утромъ уходили въ поле и возвращались къ вечеру четыре коровы и козелъ съ двумя подругами. Нѣсколько лошадей стояли почти праздно на конюшняхъ. Надъ цвѣтами около дома рѣяли пчелы, шмели, стрекозы, трепетали на солнышкѣ крыльями бабочки, по уголкамъ жались, грѣясь на солнышкѣ, кошки, котята.

Въ домѣ какая радость и миръ жили! Чего тамъ не было? Комнатки маленькія, но уютныя, съ старинной, взятой изъ

большого дома мёбелью дѣдовъ, дядей, и съ улыбавшимися портретами отца и матери Райскаго, и также родителей двухъ оставшихся на рукахъ у Бережковой дѣвочекъ-малютокъ. Полы были выкрашены, натерты воскомъ и устланы клеенками; печи обложены пестрыми, старинными, тоже взятыми изъ дома, изразцами. Шкапы биткомъ набиты старой, дрожавшей отъ шаговъ, посудой и звенѣвшимъ серебромъ. На виду красовались старинныя саксонскія чашки, пастушки, маркизы, китайскіе уродцы, бочкообразные чайники, сахарницы, тяжелыя ложки. Кругленькіе стулья, съ мѣдными ободочками и съ деревянной мозаикой столы, столики, жались по уютнымъ уголкамъ. Въ кабинетѣ Татьяны Марковны стояло старинное, тоже окованное бронзой и украшенное рѣзьбой, бюро съ зеркаломъ, съ урнами, съ лирами, съ геніями. Но бабушка завѣсила зеркало: «мѣшаетъ писать, когда видишь свою рожу напротивъ», говорила она. Еще тамъ былъ круглый столъ, на которомъ она обѣдала, пила чай и кофе, да довольно-жосткое, обитое кожей старинное же кресло, съ высокой спинкой рококо. Бабушка, по воспитанію, была стараго вѣка и разваливаться не любила, а держала себя прямо, съ свободной простотой, но и съ сдержаннымъ приличіемъ въ манерахъ, и ногъ подъ себя, какъ дѣлаютъ нынѣшнія барыни, не поджимала: «это стыдно женщинѣ», говорила она. Какой она красавицей показалась Борису, и въ-самомъ-дѣлѣ была красавица.

Высокая, не полная и не сухощавая, но живая старушка... даже не старушка, а лѣтъ около пятидесяти женщина, съ черными, живыми глазами и такой доброй и граціозной улыбкой, что когда и разсердится и засверкаетъ гроза въ глазахъ, такъ за этой грозой опять видно чистое небо. Надъ губами маленькіе усики; на лѣвой щекѣ, ближе къ подбородку, родимое пятно съ густымъ кустикомъ волосъ. Это придавало лицу ея еще какой-то штрихъ доброты. Она стригла сѣдые волосы и ходила дома по двору и по саду съ открытой головой, а въ праздникъ и при гостяхъ надѣвала чепецъ; но чепецъ держался чуть-чуть на маковкѣ, не шелъ ей и какъ-будто готовъ былъ каждую минуту слетѣть съ головы. Она и сама, просидѣвъ пять минутъ съ гостемъ, извинится и сниметъ. До полудня она ходила въ широкой бѣлой блузѣ, съ поясомъ и большими карманами, а послѣ полудня надѣвала коричневое, по большимъ праздникамъ свѣтлое, точно серебрянное, едва-гнувшееся и шумящее платье, а на плечи накидывала старинную шаль, которая вынималась и выкладывалась одной только Василисой.—«Дядя Иванъ Кузьмичъ съ Востока вывезъ, триста червонныхъ заплатилъ: теперь этакой ни за какія деньги не отъищешь!» хвасталась она.

На поясѣ и въ карманахъ висѣло и лежало множество ключей, такъ что бабушку, какъ гремучую змѣю, можно было слышать издали, когда она идетъ по двору или по саду. Кучера при этомъ звукѣ быстро прятали трубки въ сапоги, потому-что она больше всего на свѣтѣ боялась пожара, и куренье табаку относила — по этой причинѣ — къ большимъ порокамъ. Повара и кухарки, тоже заслышавъ звонъ ключей, принимались — за ножъ, за уполовникъ или за метлу, а Кирюшка быстро отскакивалъ отъ Матрены къ воротамъ, а Матрена шла уже въ хлѣвъ, будто черезъ силу тащила корытцо, прежде нежели бабушка появилась. Въ домѣ, заслышавъ звонъ ключей возвращавшейся со двора барыни, Машутка проворно сдергивала съ себя грязный фартукъ, утирала чѣмъ попало, иногда барскимъ платкомъ, а иногда тряпкой, руки. Поплевавъ на нихъ, она крѣпко приглаживала сухія, непокорныя косички, потомъ постилала тончайшую, чистую скатерть на круглый столъ, и Василиса, молчаливая, серьёзная женщина, ровесница барыни, не то что полная, а рыхлая и выцвѣтшая тѣломъ женщина отъ вѣчнаго сидѣнья въ комнатѣ, несла кипящій серебрянный кофейный сервизъ. Машутка становилась въ уголъ, подальше, всегда прячась отъ барыни въ тѣни и стараясь притвориться опрятной. Барыня требовала этого, а Машуткѣ какъ-то неловко было держать себя въ чистотѣ. Чисто-вымытыми руками она не такъ цѣпко беретъ вещь въ руки и того-гляди уронитъ; самоваръ или чашки скользятъ изъ рукъ; въ чистомъ платьѣ тоже несвободно ходить. Когда ей велятъ причесаться, вымыться и одѣться въ воскресенье, такъ она, по словамъ ея, точно въ мѣшокъ зашита цѣлый день. Она, кажется, только тогда и была счастлива, когда вся вымажется, растреплется отъ натиранья половъ, мытья оконъ, посуды, дверей, когда лицо, голова сдѣлаются неузнаваемы, а руки до того выпачканы, что если понадобится почесать носъ или бровь, такъ она прибѣгаетъ къ локтю. Василиса, напротивъ, была чопорная, важная, вѣчно шепчущая и одна во всей дворнѣ только опрятная женщина. Она съ ранней юности поступила на службу къ барынѣ, въ качествѣ горничной, не разставалась съ ней, знаетъ всю ея жизнь и теперь живетъ у нея, какъ экономка и довѣренная женщина. Онѣ говорили между собой односложными словами. Бабушкѣ почти не нужно было отдавать приказаній Василисѣ: она сама знала все, что̀ надо дѣлать; а если надобилось что-нибудь экстренное, бабушка не требовала, а какъ-будто совѣтовала сдѣлать то или другое. Просить бабушка не могла своихъ подчиненныхъ: это было не въ ея феодальной натурѣ. Человѣкъ,

лакей, слуга, дѣвка — все это навсегда, несмотря ни на что, оставалось для нея человѣкомъ, лакеемъ, слугой и дѣвкой. Личнымъ приказомъ она удостоивала немногихъ: по домашнему хозяйству Василисѣ отдавала ихъ, а по деревенскому — прикащику или старостѣ; кромѣ Василисы, никого она не называла полнымъ именемъ, развѣ уже встрѣтится такое имя, что его никакъ не сожмешь и не обрѣжешь; напримѣръ, мужики: Ѳерапонтъ и Пантелеймонъ такъ и назывались Ѳерапонтомъ и Пантелеймономъ, да старосту звала она Степанъ Васильевъ, а прочіе всѣ были: Матрёшка, Машутка, Егорка и т. д. Если же кого-нибудь называла по имени и по отчеству, такъ тотъ зналъ, что надъ нимъ собралась гроза:—«Поди-ка сюда, Егоръ Прохорычъ, ты куда это вчера пропадалъ цѣлый день?» или «Семенъ Васильичъ, ты, кажется, вчера изволилъ трубочку покуривать на сѣновалѣ? смотри у меня!» Она грозила ему пальцемъ и иногда ночью вставала посмотрѣть въ окно, не вспыхиваетъ ли огонекъ въ трубкѣ, не ходитъ ли кто съ фонаремъ по двору или сараѣ?

Различія между «людьми» и господами никогда и ничто не могло истребить. Она была въ мѣру строга, въ мѣру снисходительна, человѣколюбива, но все въ размѣрахъ барскихъ понятій. Даже когда являлся у Ирины, Матрены, или другой дворовой дѣвки, непривилегированный ребенокъ, она выслушаетъ донесеніе объ этомъ молча, съ видомъ оскорбленнаго достоинства; потомъ велитъ Василисѣ дать чего тамъ нужно, съ презрѣніемъ глядя въ сторону, и только скажетъ: «Чтобъ я ее не видала, негодяйку!» Матрена и Ирина, оправившись, съ мѣсяцъ прятались отъ барыни, а потомъ опять ничего, а ребенокъ отправлялся «на село». Заболѣетъ ли кто-нибудь изъ людей — Татьяна Марковна вставала даже ночью, посылала ему спирту, мази, но отсылала на другой день въ больницу, а больше къ Меланхолихѣ, но доктора не звала. Между-тѣмъ, чуть у которой-нибудь внучки язычекъ зачешется или брюшко немного вспучитъ, Кирюшка или Власъ скакали, болтая локтями и ногами, на неосѣдланной лошади, въ городъ, за докторомъ.

«Меланхолихой» звали какую-то бабу въ городской слободѣ, которая простыми средствами лечила «людей» и снимала недуги какъ рукой. Бывало, послѣ ея леченья, иного скоробитъ на весь вѣкъ въ три погибели, или другой перестанетъ говорить своимъ голосомъ, а только кряхтитъ потомъ всю жизнь; кто-нибудь воротится отъ нея безъ глаза или безъ челюсти — а все же боль проходила, и мужикъ или баба работали опять. Этого было довольно и больнымъ, и лекаркѣ, а помѣщику и подавно. Такъ

какъ Меланхолиха практиковала только надъ крѣпостными людьми и мѣщанами, то врачебное управленіе не обращало на нее вниманія.

Кормила Татьяна Марковна людей сытно, плотно, до отвала, щами, кашей, по праздникамъ пирогами и бараниной; въ Рождество жарили гусей и свиней; но нѣжностей въ ихъ столѣ и платьѣ не допускала, а давала, въ видѣ милости, остатки отъ своего стола то той, то другой женщинѣ. Чай и кофе пила, непосредственно послѣ барыни, Василиса, горничныя и пожилой Яковъ. Кучерамъ, дворовымъ мужикамъ и старостѣ въ праздники подносили по стакану вина, ради ихъ тяжелой работы.

Когда утромъ убирали со стола кофе, въ комнату вваливалась здоровая баба, съ необъятными, красными щеками и вѣчно-смѣющимся — хоть бей ее—ртомъ: это нянька внучекъ, Вѣрочки и Марѳиньки. За ней входила лѣтъ двѣнадцати дѣвчонка, ея помощница. Приводили дѣтей завтракать въ комнату къ бабушкѣ.

— Ну, птички мои, ну, что̀? говорила бабушка, всегда затрудняясь, которую прежде поцѣловать: — ну, что̀, Вѣрочка? вотъ умница: причесалась.

— И я, бабенька, и я! кричала Марѳинька.

— Что это у Марѳиньки глазки красны? не плакала ли во снѣ? заботливо спрашивала она у няни: — не солнышко ли нажгло? Закрыты ли у тебя занавѣски? Смотри, вѣдь, ты розиня! Я ужо посмотрю!

Еще въ дѣвичьей сидѣли три-четыре молодыя горничныя, которыя цѣлый день, не разгибаясь, что-нибудь шили или плели кружева, потому что бабушка не могла видѣть человѣка безъ дѣла — да въ передней праздно сидѣлъ, вмѣстѣ съ мальчишкой лѣтъ шестнадцати, Егоркой-зубоскаломъ, задумчивый Яковъ и еще два-три лакея, на помощь ему, ничего недѣлавшіе и часто мѣнявшіеся. И самъ Яковъ только служилъ за столомъ, лѣниво обмахивалъ вѣткой мухъ, лѣниво и задумчиво мѣнялъ тарелки и неохотникъ былъ говорить. Когда и барыня спроситъ его, такъ онъ еле-отвѣтитъ, какъ-будто ему было Богъ-знаетъ какъ тяжело жить на свѣтѣ, будто гнётъ какой-нибудь лежалъ на душѣ, хотя ничего этого у него не было. Барыня назначила его дворецкимъ за то только, что онъ смиренъ, пьетъ умѣренно, т. е. мертвецки не напивается, и не куритъ; притомъ онъ усерденъ къ церкви.

VIII.

Райскій засталъ бабушку за дѣтскимъ завтракомъ. Бабушка такъ и всплеснула руками, такъ и прыгнула; чуть не попадали тарелки со стола.

— Проказникъ ты, Бо́рюшка! и не написалъ, нагрянулъ: вѣдь ты перепугалъ меня, какъ вошелъ.

Она взяла его за голову, поглядѣла съ минуту ему въ лицо, хотѣла будто заплакать, но только сжала голову, видно раздумала, быстро взглянула на портретъ матери Райскаго и подавила вздохъ.

— Ну, ну, ну... хотѣла она что-то сказать, спросить — и ничего не сказала, не спросила, а только засмѣялась и проворно отерла глаза платкомъ. — Маменькинъ сынокъ: весь, весь въ нее! Посмотри, какая она красавица была. Посмотри, Василиса.... Помнишь? вѣдь похожъ!

Кофе, чай, булки, завтракъ, обѣдъ — все это опрокинулось на студента, еще стыдливаго, робкаго, нѣжнаго юношу, съ аппетитомъ ранней молодости; и всему онъ сдѣлалъ честь. А бабушка почти не сводила глазъ съ него.

— Позови людей, старостѣ скажи, всѣмъ, всѣмъ: хозяинъ, молъ, пріѣхалъ, настоящій хозяинъ, баринъ! Милости просимъ, батюшка! милости просимъ въ родовое гнѣздо! съ шутливо-ироническимъ смиреніемъ говорила она, поддѣлываясь подъ мужицкій ладъ: «не оставьте насъ своей милостью: Татьяна Марковна насъ обижаетъ, разоряетъ, заступитесь!...» Ха-ха-ха. — На̀ тебѣ ключи, на̀ вотъ счеты, изволь командовать, требуй отчета отъ старухи: куда все растранжирила, отчего избы развалились?... Поди-ка, въ городѣ все Малиновскіе мужики подъ окошками побираются... Ха-ха-ха! А у дядюшки-опекуна тамъ, въ новомъ имѣніи, я чаю, мужики въ смазныхъ сапогахъ ходятъ, да въ красныхъ рубашкахъ; избы въ два этажа... Да что̀ жъ ты, хозяинъ, молчишь? Что́ не спрашиваешь отчета? Позавтракай, а потомъ я тебѣ все покажу.

Послѣ завтрака, бабушка взяла большой зонтикъ, надѣла ботинки съ толстой подошвой, голову прикрыла полотнянымъ капоромъ и пошла показывать Борису хозяйство.

— Ну, хозяинъ, смотри же, замѣчай, и чуть что́ неисправно, не давай потачки бабушкѣ. Вотъ садикъ-то, что̀ у окошекъ, я, видишь, недавно разбила, говорила она, проходя чрезъ цвѣтникъ и направляясь къ двору: — Вѣрочка съ Марѳинькой тутъ у меня все на глазахъ играютъ, роются въ пескѣ. На няньку

надѣяться нельзя: я и вижу изъ окошка, что̀ онѣ дѣлаютъ. Вотъ подростутъ, цвѣтовъ не надо покупать: свои есть.

Они вошли на дворъ.

— Кирюшка, Ерёмка, Матрёшка! куда это всѣ спрятались? взывала бабушка, стоя посреди двора: — жарко что̀-ли? выдьте сюда кто-нибудь!

Вышла Матрёшка и доложила, что Кирюшка и Ерёмка посланы въ село за мужиками.

— Вотъ Матрёшка: помнишь ли ты ее? говорила бабушка.— А ты, подойди, дура, что̀ стоишь? Поцѣлуй ручку у барина: вѣдь это внучекъ.

— Оробѣла, барыня, не смѣю! сказала Матрёна, подходя къ барину.

Онъ стыдливо обнялъ ее.

— Это новый флигель, бабушка: его не было, замѣтилъ Борисъ.

— Замѣтилъ! Да̀, да̀, помнишь старый? Весь сгнилъ, щели въ полу въ ладонь, чернота, копоть, а теперь вотъ посмотри!

Они вошли въ новый флигель. Бабушка показала ему передѣлки въ конюшняхъ, показала и лошадей, и особое отдѣленіе для птицъ и прачечную, даже хлѣвы.

— Старой кухни тоже нѣтъ; вотъ новая, нарочно выстроила, чтобъ въ дому огня не разводить, и чтобъ людямъ не тѣсно было. Теперь у всякаго и у всякой свой уголъ есть, хоть маленькій, да особый. Вотъ здѣсь хлѣбъ, провизія; вотъ тутъ погребъ новый, подвалы тоже заново передѣланы.

— Ты что̀ тутъ стоишь? оборотилась она къ Матрёнѣ: — поди скажи Егоркѣ, чтобъ онъ бѣжалъ въ село и сказалъ старостѣ, что мы сами идемъ туда.

Въ саду Татьяна Марковна отрекомендовала ему каждое дерево и кустъ, провела по аллеямъ, заглянула съ нимъ въ рощу съ горы, и наконецъ они вышли въ село. Было тепло, и озимая рожь плавно волновалась отъ тихаго, полуденнаго вѣтерка.

— Вотъ внукъ мой, Борисъ Павлычъ, сказала она старостѣ: — что̀, убираютъ ли сѣно, пока горячо на дворѣ? Пожалуй, дожди послѣ жары пойдутъ. Вотъ баринъ, настоящій баринъ пріѣхалъ, внукъ мой, говорила она мужикамъ. — Ты видалъ ли его, Гараська? Смотри же, какой онъ! А это твой, что̀ ли, теленокъ во ржи, Илюшка? спрашивала при этомъ, потомъ мимоходомъ заглянула на прудъ.

— Опять на деревья бѣлье вѣшаютъ! гнѣвно замѣтила она, обратясь къ старостѣ: — я велѣла веревку протянуть. Скажи

слѣпой Агашкѣ: это она все любитъ на иву рубашки вѣшать: сокровище! Обломаетъ вѣтки!..

— Веревки такой длинной нѣтъ, сонно отозвался староста:— ужо надо въ городѣ купить...

— Что-жъ не скажешь Василисѣ: она доложила бы мнѣ. Я всякую недѣлю ѣзжу: давно бы купила.

— Я сказывалъ; да забываетъ — или говоритъ, «не стоитъ барыню тревожить».

Бабушка завязала на платкѣ узелокъ. Она любила говорить, что безъ нея ничего не сдѣлается, хотя, напримѣръ, веревку могъ купить всякій. Но Боже сохрани, чтобъ она повѣрила кому-нибудь деньги! Хотя она была нескупа, но обращалась съ деньгами съ бережливостью; передъ издержкой задумывалась, была безпокойна, даже сердита немного; но, выдавъ разъ деньги, тотчасъ же забывала о нихъ, и даже не любила записывать; а если записывала, такъ только для того, по ея словамъ, чтобъ потомъ не забыть, куда деньги дѣла, и не испугаться. Пуще всего она не любила платить вдругъ много, большіе куши. Кромѣ крупныхъ распоряженій, у ней жизнь кишила маленькими заботами и дѣлами. То она заставитъ дѣвокъ кроить, шить, то чинить что-нибудь, то варить, чистить. «Дѣлать все самой» она называла смотрѣть, чтобъ все при ней дѣлали. Она собственно не дотронется ни до чего, а старчески-граціозно подопретъ одной рукой бокъ, а пальцомъ другой повелительно указываетъ, что̀ какъ сдѣлать, куда поставить, убрать. Звенѣвшіе ключи были отъ домашнихъ шкаповъ, сундуковъ, ларцовъ и шкатулокъ, гдѣ хранились старинное богатое бѣлье, полотна, пожелтѣвшія драгоцѣнныя кружева, брильянты, назначавшіеся внучкамъ въ приданое, а главное — деньги. Отъ чая, сахара, кофе и прочей провизіи ключи были у Василисы.

Распорядившись утромъ по хозяйству, бабушка, послѣ кофе, стоя сводила у бюро счеты, потомъ садилась у оконъ и глядѣла въ поле, слѣдила за работами, смотрѣла, что̀ дѣлалось на дворѣ и посылала Якова или Василису, если на дворѣ дѣлалось что̀-нибудь не такъ, какъ ей хотѣлось. Потомъ, если нужно, ѣхала въ ряды, и заѣзжала съ визитами въ городъ, но никогда не засиживалась, а только заглянетъ минутъ на пять и сейчасъ къ другому, къ третьему, и къ обѣду домой. Не то, такъ принимала сама визиты, любила пуще всего угощать завтраками и обѣдами гостей. Еще ни одного человѣка не выпустила отъ себя, сколько ни живетъ бабушка, не напичкавъ его чѣмъ-нибудь во всякую пору, утромъ и вечеромъ.

Послѣ обѣда, бабушка зимой, сидя у камина, часто задум-

чиво молчала, когда была одна. Она сидѣла безпечной барыней, въ красивой позѣ, съ средоточенной будто бы мыслью или какимъ-то глубокимъ воспоминаніемъ — и любила тогда около себя тишину, оставаясь долго въ сумеркахъ одна. Лѣто проводила въ огородѣ и саду: здѣсь она позволяла себѣ, надѣвъ замшевыя перчатки, брать лопатку, или грабельки, или лейку въ руки, и, для здоровья, вскопаетъ грядку, польетъ цвѣты, обчиститъ какой-нибудь кустъ отъ гусеницы, сниметъ паутину съ смородины и, усталая, кончитъ вечеръ за чаемъ, въ обществѣ Тита Никоныча Ватутина, ея стариннаго и лучшаго друга, собесѣдника и совѣтника.

IX.

Титъ Никонычъ былъ джентльменъ по своей природѣ. У него было тутъ же, въ губерніи, душъ двѣсти-пятьдесятъ или триста—онъ хорошенько не зналъ, никогда въ имѣніе не заглядывалъ и предоставлялъ крестьянамъ дѣлать, что хотятъ, и платить ему оброку, сколько имъ заблагоразсудится. Никогда онъ ихъ не повѣрялъ. Возьметъ стыдливо привезенныя деньги, не считая, положитъ въ бюро, а мужикамъ махнетъ рукой, чтобъ ѣхали куда хотятъ. Служилъ онъ прежде въ военной службѣ. Старики помнятъ его очень красивымъ, молодымъ офицеромъ, скромнымъ, благовоспитаннымъ человѣкомъ, но съ смѣлымъ, открытымъ характеромъ. Въ юности онъ пріѣзжалъ не разъ къ матери, въ свое имѣніе, проводилъ время отпуска и уѣзжалъ опять, и наконецъ вышелъ въ отставку, потомъ пріѣхалъ въ городъ, купилъ маленькій сѣренькій домикъ, съ тремя окнами на улицу, и свилъ себѣ тутъ вѣчное гнѣздо. Хотя онъ получилъ довольно слабое воспитаніе въ какомъ-то корпусѣ, но любилъ читать, а особенно по части политики и естественныхъ наукъ. Слова его, манеры, поступь, были проникнуты какою-то мягкою стыдливостью, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ этой мягкостью скрывалась увѣренность въ своемъ достоинствѣ, и никогда не высказывалась, а какъ-то видимо присутствовала въ немъ, какъ-будто готовая обнаружиться, когда дойдетъ до этого необходимость. Онъ сохранялъ всегда учтивость и сдержанность въ словахъ и жестахъ, какъ бы съ кѣмъ близокъ ни былъ. И губернатору, и пріятелю, и новому лицу онъ всегда одинаково поклонится, шаркнетъ ногой и приподниметъ ее немного назадъ, соблюдая старинные фасоны вѣжливости; передъ дамой никогда не сядетъ и на улицѣ говоритъ безъ шапки, прежде всѣхъ подниметъ платокъ и подвинетъ скамеечку. Если въ домѣ есть дѣвицы, то принесетъ фунтъ

конфектъ, букетъ цвѣтовъ, и старается подладить тонъ разговора подъ ихъ лѣта, занятія, склонности, сохраняя утонченнѣйшую учтивость, смѣшанную съ неизмѣнною почтительностью рыцарей стараго времени, не позволяя себѣ нескромной мысли, не только намека въ рѣчи, не являясь передъ ними иначе, какъ во фракѣ. Онъ не курилъ табаку, но не душился, не молодился, а былъ какъ-то опрятенъ, изящно-чистъ и благороденъ видомъ, манерами, обхожденіемъ. Одѣвался всегда чисто, особенно любилъ бѣлье и блисталъ, не вышивками какими-нибудь, не фасонами, а бѣлизной. Все просто на немъ, но все какъ-будто сіяетъ. Нанковые панталоны выглажены, чисты; синій фракъ, какъ съ иголочки. Ему было лѣтъ пятьдесятъ, а онъ имѣлъ видъ сорокалѣтняго свѣжаго, румянаго человѣка, благодаря парику и всегда гладко-обритому подбородку. Взглядъ и улыбка у него были такъ привѣтливы, что съ разу располагали въ его пользу. Не смотря на свои ограниченныя средства, онъ имѣлъ видъ щедраго барина: такъ легко и радушно бросалъ онъ сто рублей, какъ будто бросалъ тысячи.

Къ бабушкѣ онъ питалъ какую-то почтительную, почти благоговѣйную дружбу, но пропитанную такой теплотой, что по тому только, какъ онъ входилъ къ ней, садился, смотрѣлъ на нее, можно было заключить, что онъ любилъ ее безъ памяти. Никогда, ни въ отношеніи къ ней, ни при ней, онъ не обнаружилъ, по своему обыкновенію, признака короткости, хотя былъ ежедневнымъ ея гостемъ.

Она платила ему такой же дружбой, но въ тонѣ ея было больше живости и короткости. Она даже брала надъ нимъ верхъ, чему, конечно, была обязана бойкому своему нраву. Помнившіе ее молодою, говорятъ, что она была живая, очень красивая, стройная, немного чопорная дѣвушка, и что возня съ хозяйствомъ обратила ее въ вѣчно-движущуюся и бойкую на слова женщину. Но слѣды молодости и иныхъ манеръ остались въ ней. Накинувъ шаль и задумавшись, она походила на одинъ старый женскій портретъ, бывшій въ старомъ домѣ въ галлереѣ предковъ. Иногда вдругъ появлялось въ ней что-то сильное, властное, гордое: она выпрямлялась, лицо озарялось какою-то внезапною строгою или важною мыслію, какъ будто уносившею ее далеко отъ этой мелкой жизни въ какую-то другую жизнь. Сидя одна, она иногда улыбалась такъ граціозно и мечтательно, что походила на беззаботную, богатую, избалованную барыню. Или когда, подперевъ бокъ рукою или сложивъ руки крестомъ на груди, смотритъ на Волгу и забудетъ о хозяйствѣ, то въ лицѣ носится что-то грустное. Не проходило почти дня, чтобъ Титъ Никонычъ

не принесъ какого-нибудь подарка бабушкѣ, или внучкамъ. Въ мартѣ, когда еще о зелени не слыхать нигдѣ, онъ принесетъ свѣжій огурецъ, или корзиночку земляники, въ апрѣлѣ горсточку свѣжихъ грибовъ — «первую новинку». Привезутъ въ городъ апельсины, появятся персики—они первые подаются у Татьяны Марковны.

Въ городѣ прежде былъ, а потомъ замолкъ, за давностію, слухъ, о томъ, какъ Титъ Никонычъ, въ молодости, пріѣхалъ въ городъ, влюбился въ Татьяну Марковну, и Татьяна Марковна въ него. Но родители не согласились на бракъ, а назначали ей въ женихи кого-то другого. Она, въ свою очередь, не согласилась и осталась дѣвушкой.

Правда-ли это, нѣтъ-ли—знали только они сами. Но правда то, что онъ ежедневно являлся къ ней, или къ обѣду, или вечеромъ, и тамъ кончалъ свой день. Къ этому всѣ привыкли, и дальнѣйшихъ догадокъ на этотъ счетъ никакихъ не дѣлали.

Титъ Никонычъ любилъ бесѣдовать съ нею о томъ, что̀ дѣлается въ свѣтѣ, кто съ кѣмъ воюетъ, за что̀; зналъ, отчего у насъ хлѣбъ дешевъ, и что̀ бы было, еслибъ его можно было возить отвсюду за границу. Зналъ онъ еще наизусть всѣ старинные дворянскіе домы, всѣхъ полководцевъ, министровъ, ихъ біографіи; разсказывалъ, какъ одно море лежитъ выше другого; первый увѣдомитъ, что̀ выдумали англичане или французы, и рѣшитъ, полезно-ли это или нѣтъ. Онъ же сообщалъ Татьянѣ Марковнѣ, что сахаръ подешевѣлъ въ Нижнемъ, чтобы не обманули купцы, или что чай скоро вздорожаетъ, чтобъ она заблаговременно запаслась. Въ присутственномъ мѣстѣ понадобится что-нибудь — Титъ Никонычъ все сдѣлаетъ, исправитъ, иногда даже утаитъ лишнюю издержку, развѣ нечаянно откроется, чрезъ другихъ, и она пожуритъ его, а онъ сконфузится, попроситъ прощенія, расшаркается и поцалуетъ у нея ручку. Она была всегда въ оппозиціи съ мѣстными властями: постой ли къ ней назначатъ, или велятъ дороги чинить, взыскиваютъ ли подати: она считала всякое подобное распоряженіе начальства насиліемъ, бранилась, ссорилась, отказывалась платить, и объ общемъ благѣ слышать не хотѣла: «знай всякій себя», говорила она, и не любила полиціи, особенно одного полиціймейстера, видя въ немъ почти разбойника. Титъ Никонычъ, попытавшись нѣсколько разъ, но тщетно, примирить ее съ идеей объ общемъ благѣ, ограничился тѣмъ, что мирилъ ее съ мѣстными властями и полиціей.

Вотъ въ какое лоно патріархальной тишины попалъ юноша

Райскій. У него, у сироты, вдругъ какъ будто явилось семейство, мать и сестры, въ Титѣ Никонычѣ—идеалъ добраго дяди.

X.

Бабушка только было-расположилась объяснять ему, чѣмъ засѣвается у нея земля, и что выгоднѣе всего воздѣлывать по нынѣшнему времени, какъ внучекъ сталъ зѣвать.

«А ты послушай: вѣдь это все твое; я твой староста...», говорила она. Но онъ зѣвалъ, смотрѣлъ, какія это птицы прячутся въ рожь, какъ летаютъ стрекозы, срывалъ васильки и пристально разглядывалъ мужиковъ, еще пристальнѣе слушалъ деревенскую тишину, смотрѣлъ на синее небо, какимъ оно далекимъ кажется здѣсь. Бабушка что-то затолковалась съ мужиками, а онъ прибѣжалъ въ садъ, сбѣжалъ съ обрыва внизъ, продрался сквозь чащу на берегъ, къ самой Волгѣ, и онѣмѣлъ передъ лежавшимъ пейзажемъ.

«Нѣтъ, молодъ, еще дитя: не разумѣетъ дѣла», думала бабушка, провожая его глазами. «Вонъ какъ подралъ! что-то выйдетъ изъ него?»

Волга задумчиво текла въ берегахъ, заросшая островами, кустами, покрытая мелями. Вдали желтѣли песчаные бока горъ, а на нихъ синѣлъ лѣсъ; кое-гдѣ бѣлѣлъ парусъ, да чайки, плавно махая крыльями, опускаясь на воду, едва касались ея и кругами поднимались опять вверхъ, а надъ садомъ высоко и медленно плавалъ коршунъ. Борисъ уже не смотрѣлъ передъ собой, а чутко замѣчалъ, какъ картина эта повторяется у него въ головѣ; какъ тамъ расположились горы, попала-ли туда вонъ та избушка, изъ которой валилъ дымъ; повѣрялъ и видѣлъ, что и мели тамъ, и паруса бѣлѣютъ. Онъ долго стоялъ и, закрывъ глаза, переносился въ дѣтство, помнилъ, что подлѣ него сиживала мать, вспоминалъ ея лицо, и задумчивое сіяніе глазъ, когда она глядѣла на картину... Опъ пошелъ тихонько домой; сталъ карабкаться на обрывъ, а картина какъ будто зашла впередъ его и легла передъ глазами.

Объ этомъ обрывѣ осталось печальное преданіе въ Малиновкѣ и во всемъ околоткѣ. Тамъ, на днѣ его, среди кустовъ, еще при жизни отца и матери Райскаго, убилъ за невѣрность жену и соперника, и тутъ же самъ зарѣзался, одинъ ревнивый мужъ, портной изъ города. Самоубійцу тутъ и зарыли, на мѣстѣ преступленія. Вся Малиновка, слобода и домъ Райскихъ, и городъ, были поражены ужасомъ. Въ народѣ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ,

возникли слухи, что самоубійца, весь въ бѣломъ, блуждаетъ по лѣсу, взбирается иногда и на обрывъ, смотритъ на жилыя мѣста и исчезаетъ. Отъ суевѣрнаго страха, ту часть сада, которая шла съ обрыва по горѣ и отдѣлялась плетнемъ отъ ельника и кустовъ шиповника, забросили. Никто изъ дворни уже не сходилъ въ этотъ обрывъ, и мужики изъ слободы и Малиновки обходили его, предпочитая спускаться съ горы къ Волгѣ по другимъ скатамъ и обрывамъ, или по проѣзжей, хотя и крутой дорогѣ, между двухъ плетней. Плетень, отдѣлявшій садъ Райскихъ отъ лѣса, давно упалъ и исчезъ. Деревья изъ сада смѣшались съ ельникомъ и кустами шиповника и жимолости, переплелись между собою и образовали глухое, дикое мѣсто, въ которомъ пряталась заброшенная и полуразвалившаяся бесѣдка. Отецъ Райскаго велѣлъ даже въ верхнемъ саду выкопать ровъ, который и составлялъ границу сада, не далеко отъ того мѣста, гдѣ начинался обрывъ.

Райскій вспомнилъ это печальное преданіе, и у него плеча немного холодѣли отъ дрожи, когда онъ спускался съ обрыва, въ чащу кустовъ. Ему живо представлялась картина, какъ ревнивый мужъ, трясясь отъ волненія, пробирался между кустовъ, какъ бросился къ своему сопернику, ударилъ его ножемъ; какъ, можетъ быть, жена билась у ногъ его, умоляя о прощеніи. Но онъ, съ пѣной у рта, наносилъ ей рану за раной, и потомъ, надъ обоими трупами, перерѣзалъ горло и себѣ. Райскій вздрогнулъ, и взволнованный, грустный, воротился домой отъ проклятаго мѣста. А между тѣмъ эта дичь лѣса манила его къ себѣ, въ таинственную темноту, къ обрыву, съ котораго видъ былъ хорошъ на Волгу и оба ея берега.

Борисъ былъ весь въ картинѣ; задумчивость лежала на лицѣ, ему было такъ хорошо — вѣкъ бы тутъ стоять. Онъ закроетъ глаза и хочетъ поймать, о чемъ онъ думаетъ, но не поймаетъ; мысли являются и утекаютъ, какъ волжскія струи; только въ немъ точно поетъ ему какой-то голосъ, и въ головѣ, какъ въ какомъ-то зеркалѣ, стоитъ та же картина, что передъ глазами.

Вѣрочка и Марѳинька развлекли его. Онѣ не отставали отъ него, заставляли рисовать куръ, лошадей, домы, бабушку и себя, и не отпускали его ни на шагъ.

Вѣрочка была съ черными, вострыми глазами, смугленькая дѣвочка, и ужъ начинала немного важничать, стыдиться шалостей: она скакнетъ два-три шага по-дѣтски и вдругъ остановится и стыдливо поглядитъ вокругъ себя, и пойдетъ плавно, потомъ побѣжитъ, и тайкомъ, быстро, какъ птичка клюнетъ, сор-

ветъ вѣтку ягодъ, смородины, проворно спрячетъ въ ротъ и сдѣлаетъ губы смирно. Если Борисъ тронетъ ее за голову, она сейчасъ поправитъ волосы; если поцѣлуетъ, она тихонько оботрется. Схватитъ мячикъ, броситъ его раза два, и если онъ укатился, она не пойдетъ поднять его, а прыгнетъ, сорветъ листокъ и старается щелкнуть. Она упряма: если скажутъ, пойдемъ туда, она не пойдетъ, или пойдетъ не съ разу, а прежде покачаетъ отрицательно головой, потомъ не пойдетъ, а побѣжитъ, и все въ припрыжку. Она не проситъ рисовать; а если Марѳинька попроситъ, она пристальнѣе Марѳиньки смотритъ, какъ рисуютъ, и ничего не скажетъ. Рисунковъ и карандашей, какъ Марѳинька, тоже не проситъ. Ей было лѣтъ шесть съ небольшимъ.

Марѳинька, напротивъ, бѣленькая, красненькая и пухленькая дѣвочка по пятому году. Она часто капризничаетъ и плачетъ, но не долго: сейчасъ же, съ невысохшими глазами, уже визжитъ и смѣется. Вѣрочка плачетъ рѣдко и потихоньку, и если огорчатъ ее чѣмъ-нибудь, она дѣлается молчалива и не скоро приходитъ въ себя, не любитъ, чтобъ ее заставляли просить прощенья. Она молчитъ, молчитъ, потомъ вдругъ неожиданно придетъ въ себя и станетъ опять бѣгать въ припрыжку и тихонько срывать смородину, а еще чаще воронашки, черную, приторно-сладкую ягоду, ростущую въ канавахъ и строго-запрещенную бабушкой, потому что отъ нея будто бы тошнитъ.

«О чемъ это онъ все думаетъ?» пыталась отгадать бабушка, глядя на внука, какъ онъ внезапно задумывался послѣ веселости, часто также внезапной,— «и что это онъ все тамъ у себя дѣлаетъ?»

Но Борисъ не заставилъ ждать долго отвѣта: онъ показалъ бабушкѣ свой портфёль съ рисунками, потомъ переигралъ ей всѣ кадрили, мазурки и мотивы изъ оперъ, наконецъ свои фантазіи. Бабушка такъ и ахнула. — «Весь, весь въ мать!» говорила она: «Та тоже все, бывало, тоскуетъ, ничего не надо, все о чемъ-то вздыхаетъ, какъ будто ждетъ чего-нибудь, да вдругъ заиграетъ и развеселится; или отъ книжки не оттащишь. Смотри, Василиса, и тебя и меня сдѣлалъ, да вѣдь, какъ вылитыя! Вотъ постой, Титъ Никонычъ придетъ, а ты притаись, да и срисуй его, а завтра тихонько пошлемъ къ нему въ кабинетъ на стѣну приклеить! Каковъ внучекъ? Какъ играетъ! не хуже француза-эмигранта, что̀ у тётки жилъ... И молчитъ, не скажетъ! Завтра же въ городъ повезу, къ княгинѣ, къ предводителю! Вотъ только никакъ не заставишь его о хозяйствѣ слушать: молодъ!»

Борисъ успѣлъ пересказать бабушкѣ и «Освобожденный Іерусалимъ», и «Оссіяна», и даже изъ Гомера, и изъ лекцій кое-что, рисовалъ портреты съ нея, съ дѣтей, съ Василисы; опять игралъ на фортепьяно. Потомъ бѣжалъ на Волгу, садился на обрывъ, или сбѣгалъ къ рѣкѣ, ложился на песокъ, смотрѣлъ за каждой птичкой, за ящерицей, за букашкой въ кустахъ, и глядѣлъ въ себя, наблюдая, отражается ли въ немъ картина, все ли въ ней такъ же вѣрно и ярко, и чрезъ недѣлю сталъ замѣчать, что картина пропадаетъ, блѣднѣетъ, и что ему какъ-будто уже... скучно. А бабушка все хотѣла показывать ему счеты, объясняла, сколько она откладываетъ въ приказъ, сколько идетъ на ремонтъ хозяйства, что̀ стоили передѣлки.

— Вѣрочкины и Марѳинькины счеты особо: вотъ смотри, говорила она: — не думай, что на нихъ хоть копѣйка твоя пошла. Ты послушай...

Но онъ не слушалъ, а смотрѣлъ, какъ писала бабушка счеты, какъ она глядитъ на него черезъ очки, какія у нея морщины, родимое пятнышко, и лишь доходилъ до глазъ и до улыбки, вдругъ засмѣется и бросится цѣловать ее.

— Ты ему о̀ дѣлѣ, а онъ шалитъ: пустота какая — мальчикъ! говорила однажды бабушка. — Прыгай да рисуй, а ужо̀ спасибо скажешь, какъ подъ старость будетъ уголокъ. Еще то̀ имѣніе-то, Богъ знаетъ, что̀ будетъ, какъ опекунъ управится съ нимъ! а это ужъ старое, прижилось въ немъ...

Онъ сталъ проситься посмотрѣть старый домъ. Неохотно дала ему ключи отъ него бабушка, но отказать не могла, и онъ отправился смотрѣть комнаты, въ которыхъ родился, жилъ, и о которыхъ осталось у него смутное воспоминаніе. — «Василиса, ты бы пошла за нимъ», сказала бабушка. Василиса тронулась-было съ мѣста. — «Не надо, не надо; я одинъ», упрямо сказалъ Борисъ и отправился, разглядывая тяжелый ключъ, въ которомъ пустыя мѣста между зубцами заросли ржавчиной. Егорка, прозванный зубоскаломъ — потому-что сидѣлъ все въ дѣвичьей и немилосердо издѣвался надъ горничными — отперъ ему двери. — «И я, и я пойду съ дядей», запросилась-было Марѳинька. — «Куда ты, милая? тамъ страшно — у!» сказала бабушка. — Марѳинька, испугалась. Вѣрочка ничего не сказала; но когда Борисъ пришелъ къ двери дома, она ужъ стояла, крѣпко прижавшись къ ней, боясь, чтобъ ее не оттащили прочь, и ухватясь за ручку замка.

Со страхомъ и замираніемъ въ груди, вошелъ Райскій въ прихожую и боязливо заглянулъ въ слѣдующую комнату: это была зала съ колоннами, въ два свѣта, но до того съ затянутыми пылью и плѣсенью окнами, что въ ней было, вмѣсто

двухъ свѣтовъ, двои сумерекъ. Вѣрочка только-что ворвалась въ переднюю, какъ бросилась въ припрыжку впередъ и исчезла изъ глазъ, вскидывая далеко пятки и едва глядя по сторонамъ, на портреты.—«Куда ты, Вѣра, Вѣра?» кричалъ онъ. Она остановилась и глядѣла на него молча, положивъ руку на замокъ слѣдующей двери. Онъ не успѣлъ дойти до нея, а она уже скрылась за дверью. За залой шли мрачныя, закоптѣвшія гостиныя; въ одной были закутанныя въ чахлы двѣ статуи, какъ два привидѣнія, и старыя, тоже закрытыя люстры. Вездѣ почернѣвшія, массивныя, дубовыя и изъ чёрнаго дерева кресла, столы, съ бронзовой отдѣлкой и деревянной мозаикой; большія китайскія вазы; часы — Вакхъ, ѣдущій на бочкѣ; большія овальныя, въ золоченыхъ, въ видѣ вѣтокъ, рамахъ зеркала; громадная кровать въ спальнѣ стояла какъ пышный гробъ, покрытый глазетомъ. Райскій съ трудомъ представлялъ себѣ, какъ спали на этихъ катафалкахъ; казалось ему, не уснуть живому человѣку тутъ. Подъ балдахиномъ вызолоченный висящій купидонъ, весь въ пятнахъ, полинявшій, натягивалъ стрѣлу въ постель; по угламъ рѣзные шкапы, съ насѣчкой изъ кости и перламутра.

Вѣрочка отворила одинъ шкапъ и сунула туда личико, потомъ отворила, одинъ за другимъ, ящики и также сунула личико: изъ шкаповъ понесло сыростью и пылью отъ старинныхъ кафтановъ и шитыхъ мундировъ съ большими пуговицами. По стѣнамъ портреты: отъ нихъ не уйдешь никуда—они провожаютъ всюду глазами. Весь домъ пропитанъ пылью и пустотой. По угламъ какъ-будто раздается шорохъ. Райскій ступилъ шагъ, и въ углу какъ-будто кто-то ступилъ. Отъ сотрясенія пола подъ шагами, съ колоннъ и потолковъ тихо сыпалась давнишняя пыль; кое-гдѣ на полу валялись куски и крошки отвалившейся штукатурки; въ окнѣ жалобно жужжитъ и просится въ запыленное стекло наружу муха.

— Да, бабушка правду говоритъ: здѣсь страшно! говорилъ, вздрагивая, Райскій.

Но Вѣрочка обѣгала всѣ углы и уже возвращалась сверху, изъ внутреннихъ комнатъ, которыя, въ противоположность большимъ нижнимъ заламъ и гостинымъ, походили на кельи, отличались сжатостью, уютностью, и смотрѣли окнами на всѣ стороны. Въ комнатѣ сумрачно, мертво, все — подобіе смерти, а взглянешь въ окно — и отдохнешь: тамъ кайма синяго неба, зелень мелькаетъ, люди шевелятся. Вѣрочка походила на молодую птичку среди этой ветоши и не смущалась, ни преслѣдующими взглядами портретовъ, ни сыростью, ни пылью, всѣмъ этимъ печальнымъ запустѣніемъ.

— Здѣсь хорошо, мѣста много! сказала она, оглядываясь.— Какъ тамъ хорошо, вверху! какія большія картины, книги!

— Картины, книги? гдѣ? Какъ это я не вспомнилъ о нихъ! Ай-да-Вѣрочка!

Онъ поймалъ и поцѣловалъ ее. Она отерла губы и побѣжала показывать книги.

Райскій нашелъ тысячи двѣ томовъ и углубился въ чтеніе заглавій. Тутъ были всѣ энциклопедисты, и Расинъ съ Корнелемъ, Монтескье, Макіавелли, Вольтеръ, древніе классики во французскомъ переводѣ, и неистовый Орландъ, и Сумароковъ съ Державинымъ, и Вальтеръ-Скоттъ, и знакомый «Освобожденный Іерусалимъ» и «Иліада» по-французски, и «Оссіанъ» въ переводѣ Карамзина, Мармонтель и Шатобріанъ, и безчисленные мемуары. Многіе еще не разрѣзаны: какъ видно, владѣтели, т. е. отецъ и дѣдъ его, не успѣли прочесть ихъ. Съ тѣхъ-поръ не стало слышно Бориса въ домѣ; онъ даже не ходилъ на Волгу, пожирая жадно волюмы за волюмами. Онъ читалъ, рисовалъ, игралъ на фортепьяно, и бабушка заслушивалась; Вѣрочка, не сморгнувъ, глядѣла на него во всѣ глаза, положивъ подбородокъ на фортепьяно. То писалъ онъ стихи и читалъ громко, упиваясь музыкой ихъ, то рисовалъ опять берегъ и плавалъ въ трепетѣ, въ негѣ; чего-то ждалъ впереди — не зналъ чего, но вздрагивалъ страстно, какъ-будто предчувствуя какія-то исполинскія, роскошныя наслажденія, видя тотъ міръ, гдѣ все слышатся звуки, гдѣ все носятся картины, гдѣ плещетъ, играетъ, бьется другая, заманчивая, жизнь, какъ въ тѣхъ книгахъ, а не та, которая окружаетъ его....

— Послушай, что я хотѣла тебя спросить, сказала однажды бабушка: за чѣмъ ты опять въ школу поступилъ?

— Въ университетъ, бабушка, а не въ школу.

— Все равно: вѣдь ты учишься тамъ. Чему? У опекуна учился, въ гимназіи учился: рисуешь, играешь на клавикордахъ— чего еще? А студенты выучатъ тебя только трубку курить, да пожалуй—Боже сохрани—вино пить. Ты бы въ военную службу поступилъ, въ гвардію.

— Дядя говоритъ, что средствъ нѣтъ...

— Какъ нѣтъ: а это что?

Она указала на поля и деревушку.

— Да что-жъ это?... чѣмъ тутъ...

— Какъ чѣмъ! — И начала высчитывать сотни и тысячи....

Она не живала въ столицѣ, никогда не служила въ военной службѣ, и потому не знала, чего и сколько нужно для этого.

— Средствъ нѣтъ! Да я тебѣ одной провизіи на весь полкъ пришлю? Что ты... средствъ нѣтъ! А дядюшка куда доходы дѣваетъ? —

— Я, бабушка, хочу быть артистомъ.

— Какъ артистомъ?

— Художникомъ... Послѣ университета въ академію пойду...

— Что ты, Борюшка, перекрестись! сказала бабушка, едва понявъ, что онъ хочетъ сказать. — Это ты хочешь учителемъ быть?

— Нѣтъ, бабушка, не всѣ артисты — учители; есть знаменитые таланты: они въ большой славѣ и деньги большія получаютъ за картины или за музыку.

— Такъ ты за свои картины будешь деньги получать, или играть по вечерамъ за деньги!... Какой срамъ!

— Нѣтъ, бабушка, артистъ...

— Нѣтъ, Борюшка, ты не огорчай бабушку: дай дожить ей до такой радости, чтобъ увидѣть тебя въ гвардейскомъ мундирѣ: молодцомъ пріѣзжай сюда....

— А дядюшка говоритъ, чтобъ я шелъ въ статскую...

— Въ приказные! Писать согнувшись, купаться въ чернилахъ, бѣгать въ палату: кто потомъ за тебя пойдетъ! Нѣтъ, нѣтъ, пріѣзжай офицеромъ, да женись на богатой!

Хотя Райскій не раздѣлялъ мнѣнія, ни дяди, ни бабушки, но въ перспективѣ у него мелькала собственная его фигура, то въ гусарскомъ, то въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ. Онъ смотрѣлъ, хорошо ли онъ сидитъ на лошади, ловко ли танцуетъ. Въ тотъ день онъ нарисовалъ себя небрежно-опершагося на сѣдло, съ буркой на плечахъ.

XI.

Однажды бабушка велѣла заложить свою старую, высокую карету, надѣла чепчикъ, серебристое платье, турецкую шаль, лакею велѣла надѣть ливрею и поѣхала въ городъ съ визитами, показывать внучка, и въ лавки, дѣлать закупки. Ихъ везла пара сытыхъ лошадей, ѣхавшихъ медленной рысью; въ груди у нихъ что-то отдавалось, точно икота. Кучеръ держалъ кнутъ въ кулакѣ, возжи лежали у него на колѣняхъ, и онъ изрѣдка подергивалъ ими, съ лѣнивымъ любопытствомъ и зѣвотой поглядывая на знакомые предметы по сторонамъ. Это было болѣе торжественное шествіе

бабушки по городу. Не было человѣка, который бы не поклонился ей. Съ иными она останавливалась поговорить. Она называла внуку всякаго встрѣчнаго, объясняла, проѣзжая мимо домовъ, кто живетъ, и какъ, — все это бѣгло, на ходу.

Доѣхали они до деревянныхъ рядовъ. Купецъ встрѣтилъ ее съ поклонами и съ улыбкой, держа шляпу на отлетѣ и голову наклонивъ немного въ сторону.

— Татьянѣ Марковнѣ!... говорилъ онъ съ улыбкой, показывая рядъ блестящихъ бѣлыхъ зубовъ.

— Здравствуйте. Вотъ вамъ внука привезла, настоящаго хозяина имѣнія. Его капиталъ мотаю я у васъ въ лавкѣ. Какъ рисуетъ, играетъ на фортепьяно!

Райскій дернулъ бабушку за рукавъ.

Кузьма Ѳедотычъ отвѣсилъ и Райскому такой же поклонъ.

— Хорошо ли торгуете? спросила бабушка.

— Грѣхъ пожаловаться, сударыня. Только вы рѣдко стали жаловать, отвѣчалъ онъ, смахивая пыль съ кресла и почтительно подавая ей, а Райскому поставивъ стулъ.

Въ лавкѣ были сукна и матеріи, въ другой комнатѣ — сыръ и леденцы, и пряности, и даже бронза.

Бабушка пересмотрѣла всѣ матеріи, прицѣнилась и къ сыру, и къ карандашамъ, поговорила о цѣнѣ на хлѣбъ и перешла въ другую, потомъ въ третью лавку, наконецъ, проѣхала черезъ базаръ и купила только веревку, чтобъ не вѣшали бабы бѣлье на дерево, и отдала Прохору. Онъ долго ее разсматривалъ, все потягивая въ рукахъ каждый вершокъ, потомъ осмотрѣлъ оба конца и спряталъ въ шапку.

— Ну, теперь пора съ визитами, сказала она. Поѣдемъ къ Нилу Андреичу.

— Кто это Нилъ Андреичъ? спросилъ Борисъ.

— Развѣ я тебѣ не говорила? это предсѣдатель палаты, важный человѣкъ: солидный, умный, молчитъ все; а если скажетъ, даромъ словъ не тратитъ. Его всѣ боятся въ городѣ: что онъ сказалъ, то и свято. Ты приласкайся къ нему: онъ любитъ пожурить...

— Что-жъ, бабушка, толку, что журитъ? Я не хочу...

— Молодъ, молодъ ты; послѣ самъ спасибо скажешь. Слава Богу, что не вывелись такіе люди, что уму-разуму учатъ! За то какъ лестно, когда кого похвалитъ! Набожный такой! Одного франта такъ отдѣлалъ, узнавъ, что онъ въ Троицу не былъ въ церкви, что тотъ и языкъ прикусилъ. «Я, говоритъ, донесу на васъ: это вольнодумство!» И вѣдь донесетъ, съ нимъ шутить

нельзя. Двухъ помѣщиковъ подъ опеку подвелъ. Его боятся, какъ огня. А такъ онъ добрый: ребенка встрѣтитъ — по головѣ погладитъ, букашку на дорогѣ никогда не раздавитъ, а отодвинетъ тростью въ сторону: «Когда не можешь, говоритъ, дать жизни, и не лишай». И съ вида важный; лобъ, какъ у твоего дѣдушки, лицо строгое, брови срослись. Какъ хорошо говоритъ — заслушаешься! Ты приласкайся къ нему. И богатъ. Говорятъ, что въ карманѣ у себя онъ тоже казенную палату завелъ, да будто родную племянницу обобралъ и въ сумасшедшій домъ заперъ. Есть грѣхъ, есть грѣхъ...

Но Нила Андреевича они не застали дома: онъ былъ въ палатѣ.

Проѣзжая мимо дома губернатора, бабушка горделиво отвернулась.

— Тутъ живетъ губернаторъ Васильевъ... или Поповъ какой-то. (Бабушка очень хорошо знала, что онъ Поповъ, а не Васильевъ.) Онъ воображаетъ, что я явлюсь къ нему первая съ визитомъ, и не заглянулъ ко мнѣ: Татьяна Марковна Бережкова поѣдетъ къ какому-то Попову или Васильеву!

Губернаторъ ничего «не воображалъ», но Бережковой было досадно, что онъ не оказалъ ей вниманія.

— Нилъ Андреичъ поважнѣе, постарше и посолиднѣе его, а въ новый годъ и на пасху всегда заѣдетъ съ визитомъ, и кушать иногда жалуетъ!

Заѣхали потомъ къ старой княгинѣ, жившей въ большомъ темномъ домѣ. Тамъ жилымъ пахло только въ одномъ уголкѣ, гдѣ она гнѣздилась, а другія двадцать комнатъ походили на покои въ старомъ бабушкиномъ домѣ. Княгиня была востроносая, худенькая старушка, въ темномъ платьѣ, въ кружевахъ, въ большомъ чепцѣ, съ сухими, костлявыми, маленькими руками, переплетенными синими жилами, и со множествомъ старинныхъ перстней на пальцахъ.

— Княгиня-матушка!...

— Татьяна Марковна!... воскликнули старушки.

Болонка яростно лаяла изъ-подъ канапе.

— Вотъ внука привезла показать — настоящаго хозяина: какъ играетъ, рисуетъ!

Онъ долженъ былъ поиграть на фортепьяно. Потомъ ему принесли тарелку земляники. Бабушка съ княгиней пила кофе, Райскій смотрѣлъ на комнаты, на портреты, на мебель и на весело-глядѣвшую въ комнаты изъ сада зелень; видѣлъ расчищенную дорожку, вездѣ чистоту, чопорность, порядокъ; слушалъ,

какъ во всѣхъ комнатахъ попеременно пробили съ полдюжины столовыхъ, стѣнныхъ, бронзовыхъ и малахитовыхъ часовъ; разсматривалъ портретъ косого князя, въ красной лентѣ, самой княгини, съ бѣлой розой въ волосахъ, съ румянцемъ, живыми глазами, и сравнивалъ съ оригиналомъ. И все это точно складывалъ въ голову, слѣдилъ, какъ тамъ, гдѣ-то, отражался домъ, княгиня, болонка, пожилой слуга съ просѣдью, въ ливрейномъ фракѣ, слышался бой часовъ...

Заѣхали они еще къ одной молодой барынѣ, мѣстной львицѣ, Полинѣ Карповнѣ Крицкой, которая смотрѣла на жизнь, какъ на рядъ побѣдъ, считая потерянным день, когда на нее никто не взглянетъ нѣжно, или не шепнетъ ей хоть намека на нѣжность. Нравственныя женщины, строгіе судьи, и между прочимъ Нилъ Андреевичъ, вслухъ порицали ее; Татьяна Марковна просто не любила, считала пустой вертушкой, но принимала, какъ всѣхъ, дурныхъ и хорошихъ. За то молодежь гонялась за Крицкой. У Полины Карповны Крицкой бабушка пробыла всего минутъ десять, но хозяйка успѣла надѣть блузу съ кружевами, плохо-сходившуюся спереди. Она обливала взглядами Райскаго; нужды ей нѣтъ, что онъ былъ ранній юноша, успѣла ему сказать, что у него глаза и ротъ обворожительны; и что онъ много побѣдъ сдѣлаетъ, начиная съ нея...

— Что вы это ему говорите! онъ еще дитя! полугнѣвно замѣтила бабушка и стала прощаться. Полина Карповна извинялась, что мужъ въ палатѣ, обѣщала пріѣхать сама, и въ заключеніе взяла руками Райскаго за обѣ щеки и поцѣловала въ лобъ.

«Безстыдница! безпутная! и ребенка не пропустила!» ворчала бабушка дорогой. А Райскій былъ смущенъ. Молодая женщина, бѣлая шея, свобода въ рѣчахъ и обдаванье смѣлыми взглядами вскипятили воображеніе мальчика. Она ему казалась какой-то свѣтлой богиней, королевой... «Армида!» вслухъ, забывшись, сказалъ онъ, внезапно вспомнивъ объ «Освобожденномъ Іерусалимѣ».

— Безстыжая! ворчала бабушка, подъѣзжая къ крыльцу предводителя. — Узнаетъ Нилъ Андреичъ, что онъ скажетъ? Будетъ тебѣ, вертушка!

Какой обширный домъ, какой видъ у предводителя изъ дома! Впрочемъ, въ провинціи изъ рѣдкаго дома нѣтъ прекраснаго вида: пейзажи, вода и чистый воздухъ — тамъ дешевыя и всѣмъ дающіяся блага. Обширный дворъ, обширные сады, господскія службы, конюшни. Домъ вытянулся въ длину, въ одинъ этажъ, съ мезониномъ. Во всемъ благословенное обиліе: гость пріѣдетъ —

какъ Одиссей въ гости къ царю. Многочисленное семейство то-и-дѣло сидитъ за столомъ, а въ семействѣ человѣкъ восемнадцать: то чай кушаютъ, то кофе кушаютъ, то просто кушаютъ. Кушаютъ въ столовой, кушаютъ въ бесѣдкѣ, кушаютъ на лужку, кушаютъ на балконѣ. Экономка весь день гремитъ ключами; буфетъ не затворяется. По двору поминутно носятъ полныя блюда изъ кухни въ домъ, а обратно человѣкъ тихимъ шагомъ несетъ пустое блюдо, пальцемъ или языкомъ очищая остатки. То барынѣ бульонъ, то тетенькѣ постное, то барченку кашки, барину чего-нибудь посолиднѣе. Гостей вѣчный рой, прислуги человѣкъ сорокъ, изъ которыхъ иные, пообѣдавъ прежде господъ, лѣниво отмахиваютъ мухъ вѣтвями, а другой, задремавъ, покроетъ вѣтвью лысую голову барина или величавый чепецъ барыни. За обѣдомъ подаютъ по два супа, по два холодныхъ блюда, по четыре соуса и по пяти пирожныхъ. Вина — одно кислѣе другого — все, какъ слѣдуетъ въ открытомъ домѣ въ провинціи.

На конюшнѣ двадцать лошадей: однѣ въ карету барыни, другія въ коляску барину; то для парныхъ дрожекъ, то въ одиночку, то для большой коляски — дѣтей катать, то воду возить; верховыя для старшаго сына, клепперъ для младшихъ, и наконецъ лошачекъ для четырехлѣтняго. Комнатъ въ домѣ сколько! учителей, мамзелей, гувернантокъ, приживалокъ, горничныхъ.... И долговъ на домѣ сколько!

Татьяну Марковну и Райскаго всѣ встрѣтили шумно, громко, человѣческими голосами, собачьимъ лаемъ, поцѣлуями, двиганьемъ стульевъ, и сейчасъ начали кормить завтракомъ, поить кофе, потчивать ягодами. Побѣжали въ кухню и изъ кухни, люди, дѣвки — какъ бабушка ни отбивалась отъ угощенья!

Райскаго окружили сверстники, заставили его играть, играли сами, заставили рисовать, рисовали сами, привели француза-учителя. «Vous avez du talent, monsieur, vraiment!» сказалъ тотъ, посмотрѣвъ его рисунокъ. И Райскій былъ на седьмомъ небѣ. Потомъ повели въ конюшню, осѣдлали лошадей, ѣздили въ манежѣ и по двору, и Райскій ѣздилъ. Двѣ дочери, одна черненькая, другая бѣленькая, еще съ красненькими, длинными, не по росту, кистями рукъ, какъ бываетъ у подрастающихъ дѣвицъ, но уже затянутыя въ корсетъ и бойко говорящія французскія фразы, обворожили юношу.

Съ пріятнымъ волненіемъ и задумчиво ѣхалъ оттуда Райскій. Ему бы хотѣлось домой; но бабушка велѣла еще повернуть въ какой-то переулокъ.

— Куда, бабушка? Пора домой, сказалъ Райскій.

— Вотъ еще къ старичкамъ Молочковымъ заѣдемъ, да и домой.

— Чѣмъ же они замѣчательны?

— Да тѣмъ, что они... старички, сказала бабушка.

— Ну, вотъ, старички! съ неудовольствіемъ проговорилъ Райскій, подъ впечатлѣніемъ отъ живой картины предводительскаго дома и поцѣлуя Полины Карповны.

— Почтенные такіе, сказала бабушка: — лѣтъ по восьмидесяти мужу и женѣ. И не слыхать ихъ въ городѣ: тихо у нихъ, и мухи не летаютъ. Сидятъ да шепчутся, да угождаютъ другъ другу. Вотъ примѣръ всякому: прожили вѣкъ, какъ-будто проспали. Ни дѣтей у нихъ, ни родныхъ! Дремлютъ да живутъ!

— Старички! съ неудовольствіемъ говорилъ Райскій.

— Что морщишься: надо уважать старость!

Въ самомъ дѣлѣ, мужъ и жена, къ которымъ они пріѣхали, были только старички, и больше ничего. Но какіе бодрые, тихіе, задумчивые, хорошенькіе старички! Оба такіе чистенькіе, такъ свѣжо одѣты; онъ выбритъ, она въ сѣдыхъ букляхъ, такъ тихо говорятъ, такъ любовно смотрятъ другъ на друга и такъ имъ хорошо въ темныхъ, прохладныхъ комнатахъ, съ опущенными сторами. И въ жизни, должно быть, хорошо!

Бабушка съ почтеніемъ и съ завистью, а Райскій съ любопытствомъ глядѣлъ на стариковъ, слушалъ, какъ они припоминали молодость, не вѣрилъ ихъ словамъ, что она была первая красавица въ губерніи, а онъ—молодецъ, и сводилъ, будто, женщинъ съ ума. Онъ поигралъ и имъ, по настоянію бабушки, и унесъ какое-то тихое воспоминаніе, дремлющую картину въ головѣ объ этой, давно и медленно-ползущей жизни.

Но Армида и двѣ дочки предводителя царствовали наперекоръ всему. Онъ поперемѣнно ставилъ на пьедесталъ то одну, то другую, мысленно становился на колѣни передъ ними, пѣлъ, рисовалъ ихъ, или грустно задумывался, или мурашки бѣгали по немъ, и онъ ходилъ поднявъ голову высоко, пѣлъ на весь домъ, на весь садъ, плавалъ въ безумномъ восторгѣ. Нѣсколько сутокъ онъ безпокойно спалъ, метался...

Передъ нимъ носится какая-то картина; онъ стыдливо и лукаво смѣется, кого-то ловитъ руками, будто обнимаетъ, и хохочетъ въ дикомъ опьянѣніи...

XII.

Въ университетѣ Райскій дѣлитъ время, по утрамъ между лекціями и Кремлевскимъ садомъ, въ воскресенье ходитъ въ Никитскій монастырь къ обѣднѣ, заглядываетъ на разводъ и посѣщаетъ кандитеровъ Пеэра и Педотти. По вечерамъ сидитъ въ «своемъ кружкѣ», т. е. избранныхъ товарищей, горячихъ головъ, великодушныхъ сердецъ. Все это кипитъ, шумитъ и гордо ожидаетъ великой будущности.

Вглядѣвшись пытливо въ каждаго профессора, въ каждаго товарища, какъ въ школѣ, Райскій отъ скуки, для развлеченія, сталъ прислушиваться къ тому, что говорятъ на лекціи. Какъ въ школѣ у русскаго учителя, онъ не слушалъ законовъ строенія языка, а разсматривалъ все, какъ говоритъ профессоръ, какъ падаютъ у него слова, какъ кто слушаетъ. Но лишь коснется рѣчь самой жизни, являются на сцену лица, событія, заговорятъ въ исторіи, въ поэмѣ или романѣ, греки, римляне, германцы, русскіе — но живыя лица, — у Райскаго ухо невольно открывается: онъ весь тутъ и видитъ этихъ людей, эту жизнь. Одинъ онъ, даже съ помощію профессоровъ, не сладилъ бы съ классиками: въ русскомъ переводѣ ихъ не было, въ деревнѣ у бабушки, въ отцовской библіотекѣ, хотя и были нѣкоторые во французскомъ переводѣ, но тогда еще онъ, безъ руководства, не понималъ значенія и обѣгалъ ихъ. Они казались ему строги и сухи. Только на второмъ курсѣ, съ двухъ или трехъ каѳедръ, заговорили о нихъ, и у «первыхъ учениковъ» явились въ рукахъ оригиналы. Тогда Райскій сблизился съ однимъ, забитымъ бѣдностью и робостью товарищемъ, Козловымъ. Этотъ Козловъ, сынъ дьякона, сначала въ семинаріи, потомъ въ гимназіи, и дома — изучилъ греческій и латинскій языки, и учась имъ, изучилъ древнюю жизнь, а современной почти не замѣчалъ. Райскій приласкалъ его и приласкался къ нему, сначала ради его одиночества, сосредоточенности, простоты и доброты, потомъ вдругъ открылъ въ немъ страсть, «священный огонь», глубину пониманія до степени ясновидѣнія, строгость мысли, тонкость анализа — относительно древней жизни. Онъ-то и посвятилъ Райскаго, насколько поддалась его живая, вѣчно какъ море волнующаяся натура, въ тайны разумѣнія древняго міра, но задержать его на долго, навсегда, какъ самъ задержался на древней жизни, не могъ. Райскій унесъ кое-что оттуда и ускользнулъ, оставивъ Козлову свою дружбу, а у себя навсегда образъ его простой, младенческой души.

Отъ Плутарха и «Путешествія Анахарсиса Младшаго», онъ перешелъ къ Титу-Ливію и Тациту, зарываясь въ мелкихъ деталяхъ перваго и въ сильныхъ сказаніяхъ второго, спалъ съ Гомеромъ, съ Дантомъ, и часто забывалъ жизнь около себя, живя въ анналахъ, сагахъ, даже въ русскихъ сказкахъ... А когда зададутъ тему на диссертацію, онъ терялся, впадалъ въ уныніе, не зная, какъ приступить къ разсужденію, напримѣръ, «объ источникахъ къ изученію народности», или «о древнихъ русскихъ деньгахъ», или «о движеніи народовъ съ сѣвера на югъ». Онъ вмѣсто того, чтобъ разсуждать, вдумывается и вглядывается въ движеніе народовъ, какъ будто оно передъ глазами. Онъ видитъ, какъ туча народа, точно саранча, движется, располагается на бивуакахъ, зажигаетъ костры; видитъ мужчинъ въ звѣриныхъ кожахъ, съ дубинами, оборванныхъ матерей, голодныхъ дѣтей; видитъ какъ они рѣжутъ, истребляютъ все на пути, какъ гибнутъ отсталые. Видитъ сѣрое небо, скудныя страны, и даже древнія русскія деньги; видитъ такъ живо, что можетъ нарисовать, но не знаетъ, какъ «разсуждать» объ этомъ: и чего тутъ разсуждать, когда ему и такъ ясно видно?

Лѣтомъ любилъ онъ уходить въ окрестности, забирался въ старые монастыри и вглядывался въ темные углы, въ почернѣлые лики святыхъ и мучениковъ, и фантазія, лучше профессоровъ, уносила его въ русскую старину. Тамъ, точно живые, толпились старые цари, монахи, воины, подъячіе; Москва казалась необъятнымъ ветхимъ царствомъ. Драки, казни, татары, Донскіе, Іоанны, — все приступало къ нему, все звало къ себѣ въ гости, смотрѣть на ихъ жизнь. Долго, бывало, смотритъ онъ, пока не стукнетъ что-нибудь около; онъ очнется — передъ нимъ старая стѣна монастырская, старый образъ: онъ въ кельѣ или въ теремѣ. Онъ выйдетъ задумчиво изъ копоти древняго мрака, пока не обвѣетъ его свѣжій, теплый воздухъ.

Райскій началъ писать и стихи и прозу, показалъ сначала одному товарищу, потомъ другому, потомъ всему кружку, а кружокъ объявилъ, что онъ талантъ. Тогда Борисъ приступилъ къ историческому роману, написалъ нѣсколько главъ и прочелъ также въ кружкѣ. Товарищи стали уважать его, «какъ надежду», ходили съ нимъ толпой. Райскій и кружокъ его падали только на репетиціяхъ и на экзаменахъ; они уходили тогда на третій планъ и на четвертую скамью. На первый и второй являлись, опять-таки, «первые ученики», которые такъ смирно сидятъ на лекціи, у которыхъ всѣ записки есть, которые гордо и покойно идутъ на экзаменъ, и еще болѣе гордо и спокойно возвращаются съ экзамена: это—будущіе кандидаты. Они холодно смот-

рѣли на кружокъ, опредѣлили Райскаго словомъ «романтикъ», холодно слушали или вовсе не слушали его стихи и прозу и не ставили его ни во что. Они одинаково прилежно занимались по всѣмъ предметамъ, не пристращаясь ни къ одному исключительно. И послѣ, въ службѣ, въ жизни, куда ихъ ни сунутъ, въ какое положеніе ни поставятъ — вездѣ и всякое дѣло они дѣлаютъ «удовлетворительно», идутъ ровно, не увлекаясь ни въ какую сторону.

Товарищи Райскаго показали его стихи и прозу «геніальнымъ» профессорамъ, «пророкамъ», какъ ихъ звалъ кружокъ, хвостомъ ходившій за ними. «Ахъ, Иванъ Иванычъ! Ахъ Петръ Петровичъ! Это геніи, наши свѣтила!» закатывая глаза подъ лобъ повторяли восторженно юноши. Одинъ изъ «пророковъ» разобралъ стихи публично на лекціи и сказалъ, что «въ нихъ преобладаетъ элементъ живописи, обиліе образовъ и музыкальность, но нѣтъ глубины и мало силы», однако, предсказывалъ, что съ лѣтами это придетъ, поздравилъ автора тоже съ талантомъ и совѣтывалъ «беречь и лелѣять музу», т. е. заняться серьезно. Райскій, шатаясь отъ упоенія, вышелъ изъ аудиторіи, и въ кружкѣ, по этому случаю, былъ трехдневный ревъ. Другой «пророкъ» прочелъ начало его романа и пригласилъ Райскаго къ себѣ. Онъ вышелъ отъ профессора, какъ изъ бани, тоже съ патентомъ на талантъ и съ кучей старыхъ книгъ, лѣтописей, грамотъ, договоровъ. «Готовьте серьезнымъ изученіемъ вашъ талантъ: у васъ есть будущность». Райскій еще «серьезнѣе», занялся хожденіемъ въ окрестности, проникалъ опять въ старыя зданія, глядѣлъ, щупалъ, нюхалъ камни, читалъ надписи, но не разобралъ и двухъ страницъ данныхъ профессоромъ хроникъ, а писалъ русскую жизнь, какъ она снилась ему въ поэтическихъ видѣніяхъ, и кончилъ тѣмъ, что очень «серьезно» написалъ шутливую поэму, воспѣвъ въ ней товарища, написавшаго диссертацію «о долговыхъ обязательствахъ» и никогда не платившаго за квартиру и за столъ хозяйкѣ. Переходилъ онъ изъ курса въ курсъ съ затрудненіями, все теряясь и сбиваясь на экзаменахъ. Но его выкупила репутація будущаго таланта, нѣсколько удачныхъ стихотвореній и прозаическіе взмахи и очерки изъ русской исторіи.

— Вы куда хотите поступить на службу? вдругъ раздался однажды надъ нимъ вопросъ декана.—Черезъ недѣлю вы выйдете. Что вы будете дѣлать?

Райскій молчалъ.

— Какое званіе изберете? спросилъ опять тотъ.

— Я... художникомъ хочу быть... думалъ-было онъ ска-

зать, да вспомнилъ, какъ приняли это опекунъ и бабушка, и не сказалъ.

— Я... стихи буду писать.

— Но вѣдь это не званіе: это такъ... между прочимъ, замѣтилъ деканъ.

— И повѣсти тоже... сказалъ Райскій.

— И повѣсти можно: конечно, у васъ есть талантъ. Но вѣдь это впослѣдствіи, когда талантъ выработается. А званіе... званіе, я спрашиваю?

— Сначала я пойду въ военную службу, въ гвардію, а потомъ въ статскую, въ прокуроры... въ губернаторы... отвѣчалъ Райскій.

Деканъ улыбнулся.

— Стало быть, прежде въ юнкера — вотъ это понятно! сказалъ онъ. — Вы, да Леонтій Козловъ, только не имѣете ничего въ виду, а прочіе всѣ имѣютъ назначеніе.

Когда Козлова спрашивали, куда онъ хочетъ, онъ отвѣчалъ: «въ учителя куда-нибудь въ губернію», и на томъ уперся.

XIII.

Въ Петербургѣ, Райскій поступилъ въ юнкера: онъ съ одушевленіемъ скакалъ во фронтѣ, млѣя и горя, съ бѣгающими по спинѣ мурашками, при звукахъ полковой музыки, вытягивался, стуча саблей и шпорами, при встрѣчѣ съ генералами, а по вечерамъ въ удалой компаніи на тройкахъ уносился за городъ на веселые пикники, или бралъ уроки жизни и любви у столичныхъ, русскихъ и нерусскихъ «Армидъ», въ томъ волшебномъ царствѣ, гдѣ «гаснетъ вѣра въ лучшій край».

Въ самомъ дѣлѣ, у него чуть не погасла вѣра въ честь, честность, вообще въ человѣка. Онъ, не желая, не стараясь, часто бѣгая прочь, извѣдалъ этотъ «чудесный міръ» — силою своей впечатлительной натуры, вбиравшей въ себя, какъ губка, всѣ задѣвавшія его явленія.

Женщины того міра казались ему особой породой. Какъ паръ и машины замѣнили живую силу рукъ, такъ тамъ цѣлая механика жизни и страстей замѣнила природную жизнь и страсти. Это міръ безъ привязанностей, безъ дѣтей, безъ колыбелей, безъ нянекъ, безъ домашнихъ очаговъ, безъ мужей и безъ женъ, а только съ мужчинами и женщинами.

Мужчины, одни среди дѣлъ и заботъ, по лѣни, по грубости, часто бросая теплый огонь, тихія симпатіи семьи, бросаются въ

этотъ міръ всегда готовыхъ, романовъ и драмъ, какъ въ игорный домъ, чтобъ охмѣлѣть въ чаду притворныхъ чувствъ и дорого купленной нѣги. Другихъ молодость и пылъ влекутъ туда, въ царство поддѣльной любви, со всей утонченной ея игрой, какъ гастронома влечетъ отъ домашняго простого обѣда изысканный обѣдъ искуснаго повара.

Тамъ царствуетъ безконечно-разнообразный разсчетъ: разсчетъ роскоши, разсчетъ честолюбія, разсчетъ зависти, рѣдко — самолюбія, и никогда — сердца, т. е. чувства. Красавицы приносятъ все въ жертву разсчету; самую страсть, если постигаетъ ихъ страсть, даже темпераментъ, когда потребуетъ того роль, выгода положенія.

Онѣ — не жертвы общественнаго темперамента, какъ тѣ несчастныя созданія, которыя, за кусокъ хлѣба, за одежду, а не за нарядъ, за обувь и кровъ, служатъ животному голоду. Нѣтъ: тамъ жрицы сильныхъ, хотя искусственныхъ страстей, тонкія актрисы играютъ въ любовь и жизнь, какъ игрокъ въ карты.

Тамъ нѣтъ глубокихъ цѣлей, нѣтъ прочныхъ конечныхъ намѣреній и надеждъ. Бурная жизнь не манитъ къ тихому порту. У жрицы этого культа, у «матери наслажденій» — нѣтъ въ виду, какъ и у истиннаго игрока по страсти, выиграть фортуну и кончить, оставить все, успокоиться и жить другой жизнью. Если бы явилась въ томъ кругѣ такая, она потеряла бы свой характеръ, свою прелесть: ее, какъ игрока, увлекутъ отъ прочнаго или добраго пути, или она утратитъ цѣну въ глазахъ поклонниковъ, потерявъ свободу понятій и нравовъ. Жизнь ея — вѣчная игра въ страсти, цѣль — нескончаемое наслажденіе, переходящее въ привычку, когда она устанетъ, пресытится. У ней одинъ ужасъ впереди — это состарѣться и стать ненужной.

Больше она ничего не боится. Играя въ страсти, она принимаетъ всѣ виды, всѣ лица, всѣ характеры, нужныя для роли, заимствуя ихъ, какъ маскарадныя платья на прокатъ. Она робка, скромна, или горда, неприступна, или нѣжна, послушна — смотря по роли, по моменту. Но сбросивъ маску, она часто зла, груба, и даже страшна. Испугать и оскорбить ее нельзя, а она не задумается, для мщенія, или для забавы, разрушить семейное счастіе, спокойствіе человѣка, не говоря о фортунѣ: разрушать экономическое благосостояніе — ея призваніе.

Ее должна окружать безконтрольная роскошь. Желаній она не должна успѣвать имѣть.

Квартира у нея — храмъ, но походящій на выставку мебели, дорогихъ бездѣлицъ. Вкусъ въ убранствѣ принадлежитъ не хозяйкѣ, а мебельщику и обойщику. Печати тонкой, артистической

жизни нѣтъ: та, у кого бы она была, не могла бы жить этой жизнью: она задохнулась бы. Тамъ вкусъ въ сервизахъ, экипажахъ, лошадяхъ, лакеяхъ, горничныхъ, одѣтыхъ, какъ балетныя феи. Если случайно попадетъ туда высокой кисти картина, дорогая статуя — онѣ цѣнятся не удивленіемъ кисти и рѣзцу, а заплаченной суммой. Ни хозяина, ни хозяйки, ни дѣтей, ни старыхъ преданныхъ слугъ — нѣтъ въ ея квартирѣ. Она хозяйка — какъ будто занятаго въ отелѣ номера, готовая ежеминутно выѣхать. Нѣтъ у нея друзей — ни мужчинъ, ни женщинъ, а только множество знакомыхъ.

Жизнь красавицы этого міра или «тряпичнаго царства», какъ называлъ Райскій — мелкій, пестрый, вѣчно движущійся узоръ: визиты въ своемъ кругу, театръ, катанье, роскошные до безобразія завтраки и обѣды до утра, и ночи, продолжающіяся до обѣда. Забота одна — чтобъ не было остановокъ отъ этой пестроты. Пустой, не наполненный день, вечеръ — безъ суеты, выѣздовъ, театра, свиданій — страшенъ. Тогда проснулась бы мысль, съ какими-нибудь докучливыми вопросами, пожалуй чувство, совѣсть, всталъ бы призракъ будущаго... Она со страхомъ отряхается отъ непривычной задумчивости, гонитъ вопросы — и ей опять легко. Это бываетъ рѣдко и у немногихъ. Мысль у ней большею частію нетронута, сердце отсутствуетъ, знанія никакого.

Накупать брилліянтовъ, конечно, не самой — (это все, что есть неподдѣльнаго въ ея жизни) — нарядовъ, непремѣнно больше чѣмъ нужно, дѣлая фортуну поставщиковъ — вотъ главный пунктъ ея тщеславія. Широкая затѣя — это вояжъ: прикинуться графиней въ Парижѣ, занять палаццо въ Италіи, сверкнуть золотомъ и красотой, покоряя мимоходомъ того, другого, смотря по рангу, положенію, фортунѣ.

Идеалъ мужчины у нея — прежде всего homme généreux, libéral, который «благородно» сыплетъ золото, потомъ comte, prince и т. п. Понятія объ умѣ, чести, правахъ свои, особенныя.

Уродство въ мужчинѣ — это экономія, сдержанность, порядокъ. Скупость — синонимъ низости и всѣхъ пороковъ.

Райскій, кружась въ свѣтѣ петербургской, «золотой молодежи», бывши молодымъ офицеромъ, потомъ молодымъ бюрократомъ, заплатилъ обильную дань поклоненія этой красотѣ, и уходя изъ него унесъ глубокую грусть надолго и много опытовъ, безъ которыхъ могъ обойтись.

Напрасно упрямился онъ оставаться офицеромъ, ему неотступно снились, то Волга и берега ея, тѣнистый садъ и роща

съ обрывомъ, то видѣлъ онъ дикіе глаза и изступленное лице Васюкова и слышалъ звуки скрипки. Снилась ему широкая арена искусства: академія или консерваторія, любилъ онъ воображать себя труженикомъ искусства. Ему рисовалась темная, запыленная мастерская, съ завѣшаннымъ свѣтомъ, съ кусками мрамора, съ начатыми картинами, съ манекеномъ,—и самъ онъ, въ изящной блузѣ, съ длинными волосами, съ нѣгой и счастьемъ, смотритъ на свое произведеніе: подъ кистью у него рождается чья-то голова. Она еще неодушевлена, въ глазахъ нѣтъ жизни, огня. Но вотъ онъ посадитъ въ нихъ двѣ магическія точки, проведетъ два какихъ-то рѣзкихъ штриха, и вдругъ голова ожила, заговорила, она смотритъ такъ открыто, въ ней горятъ мысль, чувство, красота... Въ комнату заглядываютъ робко посѣтители, шепчутся... Наконецъ, вотъ выставка. Онъ изъ угла смотритъ на свою картину, но ея не видать, передъ ней толпа, тамъ произносятъ его имя. Кто-то измѣнилъ ему, назвалъ его, и толпа отъ картины обратилась къ нему. Онъ сконфузился и очнулся.

Онъ подалъ просьбу къ переводу въ статскую службу и былъ посаженъ къ Аянову въ столъ. Но читатель уже знаетъ, что и статская служба удалась ему не лучше военной. Онъ оставилъ ее и сталъ ходить въ академію. Онъ робко пришелъ туда и осмотрѣлся кругомъ. Всѣ сидятъ молча и рисуютъ съ бюстовъ. Онъ началъ тоже рисовать, но черезъ два часа ушелъ и сталъ рисовать съ бюста дома. Но дома, то сигарку закуритъ, то сядетъ съ ногами на диванъ, почитаетъ, или замечтается, и въ головѣ раздадутся звуки. Онъ за фортепіано—и забудется. Недѣли черезъ три онъ опять пошелъ въ академію: тамъ опять всѣ молчатъ и рисуютъ съ бюстовъ. Онъ кое-съ-кѣмъ изъ товарищей познакомился, зазвалъ къ себѣ и показалъ свою работу.—«У васъ есть талантъ, гдѣ вы учились?» сказали ему: «только... вонъ эта рука длинна... да и спина не такъ... рисунокъ не вѣренъ!» Между тѣмъ затѣяли пирушку, пригласили Райскаго, и онъ слышалъ одно: то о колоритѣ, то о бюстахъ, о рукахъ, о ногахъ, «о правдѣ» въ искусствѣ, академія, да въ перспективѣ Дюссельдорфъ, Парижъ, Римъ. Отмѣривали при немъ года своей практики, ученичества или «мученичества», прибавлялъ Райскій. Семь, восемь лѣтъ — страшныя цифры. И всѣ уже взрослые. Онъ не ходилъ мѣсяцевъ шесть, потомъ пошелъ, и тѣ же самые товарищи рисовали... съ бюстовъ. Онъ заглянулъ въ другой классъ: тамъ стоялъ натурщикъ, и толпа молча рисовала съ натуры торсъ. Райскій пришелъ черезъ мѣсяцъ—и тоже углубленіе въ торсъ и въ свой рисунокъ. Тоже молчаніе, тоже напряженное вниманіе. Онъ по-

шелъ въ мастерскую профессора и увидѣлъ снившуюся ему картину: запыленную комнату, завѣшанный свѣтъ, картины, маски, руки, ноги, манекенъ... все. Только художникъ представился ему не въ изящной блузѣ, а въ испачканномъ пальто, не съ длинными волосами, а гладко остриженный; не нѣга у него на лицѣ, а мука внутренней работы и безпокойство, усталость. Онъ вперяетъ мучительный взглядъ въ свою картину, то подходитъ къ ней, то отойдетъ отъ нея, задумывается... Потомъ вдругъ опять, какъ будто утонетъ, замретъ, онѣмѣетъ, только глаза блестятъ, да рука, какъ бѣшеная, стираетъ, заглаживаетъ прежнее и торопится бросать новую, только что пойманную, вымученную черту, какъ будто боясь, что она забудется...

Робко ушелъ къ себѣ Райскій, натянулъ на рамку холстъ и началъ чертить мѣломъ. Три дня чертилъ онъ, стиралъ, опять чертилъ, и бросивъ бюсты, рисунки, взялъ кисть. Три полотна перемѣнилъ онъ и на четвертомъ нарисовалъ ту голову, которая снилась ему, голову Гектора и лице Андромахи и ребенка. Но рукъ не додѣлалъ: «это послѣднее дѣло, руки!» думалъ онъ. Костюмы набросалъ на обумъ, кое-какъ, что наскоро прочелъ у Гомера: другихъ источниковъ подъ рукой не было, а гдѣ ихъ искать, и скоро ли найдешь?

Полгода онъ писалъ картину. Лица Гектора и Андромахи поглотили все его творчество, аксесуарами онъ не занимался: «это послѣ, когда-нибудь.» Ребенка нарисовалъ тоже кое-какъ, и то нарисовалъ потому, что безъ него не вѣрна была бы сцена прощанія. Онъ хотѣлъ показать картину товарищамъ, но они сами красками еще не писали, а все копировали съ бюстовъ, нужды нѣтъ, что у самихъ бороды поросли. Онъ рѣшился показать профессору: профессоръ не заносчивъ, снисходителенъ и вѣроятно оцѣнитъ трудъ по достоинству. Съ замирающимъ сердцемъ принесъ онъ картину и оставилъ въ корридорѣ. Профессоръ велѣлъ внести ее въ мастерскую, посмотрѣлъ: «Что это за блинъ?» сказалъ онъ, скользнувъ взглядомъ по картинѣ, но взглянувъ мелькомъ въ другой разъ, вдругъ быстро схватилъ ее, поставилъ на мольбертъ и вонзилъ въ нее испытующій взглядъ, сильно сдвинувъ брови.

— Это вы дѣлали? спросилъ онъ, указавъ на голову Гектора.

— Я-съ.

— И это вы? профессоръ указалъ на Андромаху.

— Тоже я-съ.

— А это? спрашивалъ тотъ, указывая на ребенка.

— Я же.

— Не можетъ быть: это двое дѣлали, отрывисто отвѣчалъ

профессоръ, и отворивъ дверь въ другую комнату, закричалъ: Иванъ Ивановичъ!

Пришелъ Иванъ Ивановичъ, какой-то художникъ.

— Посмотри!—Онъ показалъ ему на головы двухъ фигуръ и ребенка. Тотъ молча и пристально разсматривалъ. Райскій дрожалъ.

— Что̀ ты видишь? спросилъ профессоръ.

— Что̀? сказалъ тотъ: это не изъ нашихъ: кто же придѣлалъ голову къ этой мазнѣ... Да, голова... мм-ъ..., а ухо не на мѣстѣ. Кто это?

Профессоръ спросилъ Райскаго, гдѣ онъ учился, подтвердилъ, что у него талантъ, и разразился сильной бранью, узнавъ, что Райскій только разъ десять былъ въ академіи и съ бюстовъ не рисуетъ.

— Посмотрите: ни одной черты нѣтъ вѣрной. Эта нога короче, у Андромахи плечо не на мѣстѣ; если Гекторъ выпрямится, такъ она ему будетъ только по брюхо. А эти мускулы, посмотрите...

Онъ обнажилъ, показалъ колѣнко, потомъ руку.

— Вы не умѣете рисовать, сказалъ онъ: — вамъ года три надо учиться съ бюстовъ, да анатомію... А голова Гектора, глаза... Да вы ли дѣлали?

— Я, сказалъ Райскій.

Профессоръ пожалъ плечами.

И Иванъ Иванычъ сдѣлалъ: «Гмъ! У васъ есть талантъ, это видно. Учитесь; со временемъ...»

«Все учитесь: со временемъ!» думалъ Райскій, а ему бы хотѣлось — не учась — и сейчасъ.

Онъ въ раздумьи воротился домой: тамъ нашелъ письма. Бабушка бранила его, что онъ вышелъ изъ военной службы, а опекунъ совѣтовалъ опредѣлиться въ сенатъ. Онъ прислалъ ему рекомендательныя письма. Но Райскій въ сенатъ не поступилъ, въ академіи съ бюстовъ не рисовалъ, между тѣмъ много читалъ, много писалъ стиховъ и прозы, танцовалъ, ѣздилъ въ свѣтъ, ходилъ въ театръ и къ «Армидамъ», и въ это время сочинилъ три вальса и нарисовалъ нѣсколько женскихъ портретовъ. Потомъ, послѣ бѣшеной масляницы, вдругъ очнулся, вспомнилъ о своей артистической карьерѣ и бросился въ академію: тамъ ученики молча, углубленно рисовали съ бюста, въ другой студіи писали съ торса...

XIV.

Въ назначенный вечеръ, Райскій и Бѣловодова опять сошлись у ней въ кабинетѣ. Она была одѣта, чтобы ѣхать въ спектакль: отецъ хотѣлъ заѣхать за ней съ обѣда, но не заѣзжалъ, хотя было уже половина восьмого.

— Я все думаю о нашемъ разговорѣ, кузина: а вы? спросилъ онъ.

— Я, cousin... виновата: не думала о немъ. Что́ такое мы говорили?... Ахъ, да! припомнила она. — Вы что-то меня спрашивали.

— И вы что-то мнѣ обѣщали.

— Что́-же?

— Разсказать... какую-то «глупость», ребячество и потомъ вашу законную любовь...

— Все это такъ просто, cousin, что я даже не съумѣю разсказать: спросите у всякой замужней женщины. Вонъ хоть у Катринь...

— Ахъ нѣтъ, кузина, только не у Катринь: наряды и выѣзды, выѣзды и наряды...

— Что̀ мнѣ вамъ разсказывать? Я не знаю съ чего начать. Paul сдѣлалъ черезъ княгиню предложеніе, та сказала maman, maman теткамъ; позвали родныхъ, потомъ объявили папа̀... Какъ всѣ дѣлаютъ.

— Послѣ всѣхъ! весело замѣтилъ Райскій. — А вы когда узнали?

— Въ тотъ же вечеръ, разумѣется. Какой вопросъ! Не думаете ли вы, что меня принуждали...

— Нѣтъ, нѣтъ, кузина: не такъ разсказываете. Начните, пожалуйста, съ воспитанія. Какъ, гдѣ вы воспитывались? прежде разскажите ту «глупость...»

— Дома воспитывалась, вы знаете... Maman была строга и серьезна, никогда не шутила, почти не смѣялась, ласкала мало, всѣ ее слушались въ домѣ: няньки, дѣвушки, гувернантки дѣлали все, что́ она приказывала, и папа́ тоже. Въ дѣтскую она не ходила, но порядокъ былъ такой, какъ будто она тамъ жила. Когда мнѣ было лѣтъ семь, за мной, помню, ходила нѣмка Маргарита: она причесывала и одѣвала меня, потомъ будили миссъ Дредсонъ и шли къ maman. Maman, прежде нежели поздоровается, пристально поглядитъ мнѣ въ лицо, обернетъ меня раза три, посмотритъ, все ли хорошо, даже ноги посмотритъ, потомъ глядитъ, какъ я дѣлаю книксъ, и тогда поцѣлуетъ въ лобъ и от-

пустить. Послѣ завтрака меня водили гулять, или въ дурную погоду ѣздили въ колескѣ...

— Какъ вы шалили, рѣзвились? разскажите...

— Я не шалила: миссъ Дредсонъ шла рядомъ и дальше трехъ шаговъ отъ себя не пускала. Однажды мальчикъ бросилъ мячикъ, и онъ покатился мнѣ въ ноги, я поймала его и побѣжала отдать ему, миссъ сказала maman, и меня три дня не пускали гулять. Впрочемъ, я мало помню, что было, помню только, что ѣздилъ танцмейстеръ и училъ: chassé en avant, chassé à gauche, tenez-vous droit, pas de grimaces... Послѣ обѣда мнѣ позволяли въ большой залѣ играть часъ въ мячикъ, прыгать черезъ веревочку, но тихонько, чтобъ не разбить зеркалъ и не топать ногами. Maman не любила, когда у меня раскраснѣются щеки и уши, и потому мнѣ не велѣно было слишкомъ бѣгать. Еще увѣряли, что будто я... (она засмѣялась) языкъ показывала, когда рисую и пишу и даже танцую — и оттого pas de grimaces раздавалось чаще всего.

— Chassé en avant, chassé à gauche и pas de grimaces: да, это хорошій курсъ воспитанія: все равно, что военная выправка. Что же дальше?

— Дальше, приставили француженку, madame Cléry, но... не знаю, почему-то скоро отпустили. Я помню, какъ папа защищалъ ее, но maman слышать не хотѣла...

— Ну, теперь я вижу, что у васъ не было дѣтства: это кое-что объясняетъ мнѣ... Учили васъ чему-нибудь? спросилъ онъ.

— Безъ сомнѣнія: histoire, géographie, calligraphie, l'orthographe, еще по-русски...

Здѣсь Софья Николаевна немного остановилась.

— Я увѣренъ, что мы подходимъ къ катастрофѣ, и что герой ея — русскій учитель, сказалъ Райскій.—Это наши jeunes premiers...

— Да... вы угадали! засмѣявшись отвѣчала Бѣловодова.

— Я всѣ уроки учила одинаково, то-есть всѣ дурно. Въ исторіи знала только двѣнадцатый годъ, потому что mon oncle prince Serge служилъ въ то время и дѣлалъ кампанію, онъ разсказывалъ часто о немъ; помнила, что была Екатерина II, еще революція, отъ которой бѣжалъ M-r de Querney, а остальное все... тамъ эти войны, греческія, римскія, что-то про Фридриха Великаго — все это у меня путалось. Но по-русски, у M-r Ельнина, я выучивала почти все, что задавалъ учитель...

— До сихъ поръ все идетъ прекрасно. Что же вы дѣлали еще?

— Читали. Онъ прекрасно читалъ, приносилъ книги...

— Какія же книги?

— Я теперь забыла...

— Что́ же дальше, кузина?

— Потомъ, когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ, мнѣ дали особыя комнаты и поселили со мной ma tante Анну Васильевну, а миссъ Дредсонъ уѣхала въ Англію. Я занималась музыкой, и мнѣ оставили французскаго профессора и учителя по-русски, потому что тогда въ свѣтѣ заговорили, что надо знать по-русски, почти такъ же хорошо, какъ по-французски...

— M-r Ельнинъ былъ очень... очень... милъ, хорошъ и... comme il faut?.. спросилъ Райскій.

— Oui, il était tout-à-fait bien, сказала, покраснѣвъ немного, Бѣловодова: — я привыкла къ нему... и когда онъ манкировалъ, мнѣ было досадно, а однажды онъ заболѣлъ и недѣли три не приходилъ...

— Вы были въ отчаяніи? перебилъ Райскій: — плакали, не спали ночей и молились за него? — да? Вамъ было...

— Мнѣ было жаль его, — и я даже просила папа́ послать узнать о его здоровьѣ.

— Даже! Ну, что-жъ папа́?

— Самъ съѣздилъ, нашелъ его convalescent и привезъ къ намъ обѣдать. Maman спачала было разсердилась и начала сцену съ папа́, но Ельнинъ былъ такъ приличенъ, скроменъ, что и она пригласила его на наши soirées musicales и dansantes. Онъ былъ хорошо воспитанъ, игралъ на скрипкѣ...

— Что́ же дальше? съ нетерпѣніемъ спросилъ Райскій.

— Когда папа́ привезъ его въ первый разъ послѣ болѣзни, онъ былъ блѣденъ, молчаливъ... глаза такіе томные... Мнѣ стало очень жаль его, и я спросила за столомъ, чѣмъ онъ былъ боленъ.... Онъ взглянулъ на меня съ благодарностью, почти нѣжно... Но maman послѣ обѣда отвела меня въ сторону о сказала, что это ни на что не похоже — дѣвицѣ спрашивать и здоровьѣ посторонняго молодого человѣка, еще учителя, «и Богъ знаетъ, кто онъ такой!» прибавила она. Мнѣ стало стыдно, я ушла и плакала въ своей комнатѣ, потомъ ужъ никогда ни о чемъ его не спрашивала...

— Дѣло! иронически замѣтилъ Райскій: — чуть было съ Олимпа спустились одной ногой къ людямъ — и досталось.

— Не перебивайте меня: я забуду! сказала она. — Ельнинъ продолжалъ читать со мной, заставлялъ и меня сочинять, но maman велѣла больше сочинять по-французски.

— Что жъ Ельнинъ, все читалъ?

— Да, читалъ и аккомпанировалъ мнѣ на скрипкѣ: онъ бы-

валъ страненъ, иногда задумается и молчитъ полчаса, такъ что вздрогнетъ, когда я назову его по имени, смотритъ на меня очень странно... какъ иногда вы смотрите, или сядетъ такъ близко, что́ испугаетъ меня. Но мнѣ не было... досадно на него... Я привыкла къ этимъ странностямъ; онъ разъ положилъ свою руку на мою: мнѣ было очень неловко. Но онъ не замѣчалъ самъ, что дѣлаетъ—и я не отняла руки. Даже однажды... когда онъ не пришелъ на музыку, на другой день я встрѣтила его очень холодно.

— Браво! а предки ничего? спросилъ Райскій.

— Смѣйтесь, cousin: оно въ самомъ дѣлѣ смѣшно...

— Я радуюсь, кузина, а не смѣюсь: не правда-ли, вы жили тогда, были счастливы, веселы, — не такъ, какъ послѣ, какъ теперь...

— Да, правда: мнѣ, какъ глупой дѣвочкѣ, было весело смотрѣть, какъ онъ вдругъ робѣлъ, боялся взглянуть на меня, а иногда, напротивъ, долго глядѣлъ,—иногда даже поблѣднѣетъ. Можетъ быть, я немного кокетничала съ нимъ, по-дѣтски конечно, отъ скуки... У насъ было иногда... очень скучно! Но онъ былъ, кажется, очень добръ и несчастливъ: у него не было родныхъ никого... Я принимала большое участіе въ немъ, и мнѣ было съ нимъ весело, это правда. За то, какъ я дорого заплатила за эту глупость...

— Ахъ, скорѣе! сказалъ Райскій: — жду драмы.

— Въ день моихъ имянинъ у насъ былъ пріемъ, меня уже вывозили. Я разучивала сонату Бетховена, ту, которою онъ восхищался, и которую вы тоже любите....

— Такъ вотъ откуда совершенство, съ которымъ вы играете ее... Дальше, кузина: это интересно!

— Въ свѣтѣ ужъ обо мнѣ тогда знали, что я люблю музыку, говорили, что я буду первоклассная артистка. Прежде maman хотѣла взять Гензельта, но услыхавши это, отдумала.

— Мудрость предковъ говоритъ, что неприлично артисткой быть, замѣтилъ Райскій.

— Я ждала этого вечера съ нетерпѣніемъ, продолжала Софья, потому что Ельнинъ не зналъ, что я разучиваю ее для... Бѣловодова остановилась въ смущеніи.

— Понимаю! подсказалъ Райскій.

— Всѣ собрались, тутъ пѣли, играли другіе, а его нѣтъ; maman два раза спрашивала, что-жъ я, сыграю ли сонату, я отговаривалась, какъ могла, наконецъ она приказала играть: j'avais le coeur gros — и сѣла за фортепіано. Я думаю, я была блѣдна: но только я сыграла интродукцію, какъ вижу въ зеркалѣ—Ель-

нинъ стоитъ сзади меня... Мнѣ потомъ сказали, что будто я вспыхнула: я думаю, это неправда, стыдливо прибавила она. Я просто рада была потому, что онъ понималъ музыку...

— Кузина! говорите сами, не заставляйте говорить предковъ.

— Я играла, играла...

— Съ одушевленіемъ, горячо, со страстью... подсказывалъ онъ.

— Я думаю — да, потому что сначала всѣ слушали молча, никто не говорилъ банальныхъ похвалъ: «charmant, bravo», а когда кончила—всѣ закричали въ одинъ голосъ, окружили меня... Но я не обратила на это вниманія, не слыхала поздравленій, я обернулась, только лишь кончила, къ нему... Онъ протянулъ мнѣ руку, и я...

Софья остановилась въ смущеніи...

— Ну, вы бросились къ нему...

— Ужъ и бросилась! Нѣтъ, я протянула ему тоже руку и онъ... пожалъ ее! и кажется, мы оба покраснѣли...

— Только?

— Я скоро опомнилась и стала отвѣчать на поздравленія, на привѣтствія, хотѣла подойти къ maman, но взглянула на нее и... мнѣ страшно стало: подошла къ теткамъ, но обѣ онѣ сказали что-то вскользь и отошли. Ельнинъ изъ угла слѣдилъ за мной такими глазами, что я ушла въ другую комнату. Maman, не простясь, ушла послѣ гостей къ себѣ. Надежда Васильевна, прощаясь, покачала головой, а у Анны Васильевны на глазахъ были слезы...

— Помѣшательства бываютъ разныя, замѣтилъ Райскій: — эти всѣ рехнулись на приличіи... Ну, что же на утро?

— На утро, продолжала Софья со вздохомъ:—я ждала пока позовутъ меня къ maman, но меня долго не звали. Наконецъ за мной пришла ma tante, Надежда Васильевна, и сухо сказала, чтобы я шла къ maman. У меня сердце сильно билось, и я сначала даже не разглядѣла, что было и кто былъ у maman въ комнатѣ. Тамъ было темно, портьеры и сторы спущены, maman казалась утомлена; подлѣ нея сидѣли тетушка, mon oncle prince Serge и папа...

— Весь ареопагъ — и портреты тутъ.

— Папа стоялъ у камина и грѣлся. Я посмотрѣла на него и думала, что онъ взглянетъ на меня ласково: мнѣ бы легче было. Но онъ старался не глядѣть на меня; бѣдняжка папа боялся maman, а я видѣла, что ему было жалко. Онъ все жевалъ губами, онъ это всегда дѣлаетъ въ ажитаціи, вы знаете.

— И что же они?

— «Позвольте васъ спросить, кто вы и что вы?» тихо спро-

сила maman.—«Ваша дочь», чуть чуть внятно отвѣтила я. — «Не похоже. Какъ вы ведете себя?» — Я молчала: отвѣчать было нечего...

— Боже мой! нечего! произнесъ Райскій.

«Что̀ это за сцену разыграли вы вчера, комедію, драму? чье это сочиненіе, ваше, или учителя этого... Ельнина?» — Maman, я не играла сцены, я нечаянно... «едва проговорила я, такъ мнѣ было тяжело. — «Тѣмъ хуже, сказала она: il y a donc du sentiment là dedans? вотъ послушайте, обратилась она къ папа́: что̀ говоритъ ваша дочь... какъ вамъ нравится это признаніе?...»

— Онъ, бѣдный, былъ смущенъ и жалокъ больше меня и смотрѣлъ внизъ; я знала, что онъ одинъ не сердится, а мнѣ хотѣлось бы умереть въ эту минуту со стыда... «Знаете-ли кто онъ такой? сказала maman: — вашъ учитель? вотъ князь Serge все узналъ: онъ сынъ какого-то лекаря, бѣгаетъ по урокамъ, сочиняетъ, пишетъ русскимъ купцамъ французскія письма за границу за деньги, и этимъ живетъ...» — «Какой срамъ!» — сказала ma tante.— Я не дослушала дальше, мнѣ сдѣлалось дурно. Когда я опомнилась, подлѣ меня сидѣли обѣ тетушки, и папа́ стоялъ со спиртомъ. Maman не было. Я не видала ее двѣ недѣли. Потомъ, когда увидалась, я плакала, просила прощенія. Maman говорила, какъ поразила ее эта сцена, какъ она чуть не занемогла, какъ это все замѣтила кузина Нелюбова и пересказала Михиловымъ, какъ тѣ обвинили ее въ недостаткѣ вниманія, бранили, зачѣмъ принимали Богъ знаетъ кого. «Вотъ чему ты подвергла меня!» — заключила maman. Я просила простить и забыть эту глупость и дала слово впередъ держать себя прилично.

Райскій расхохотался.

— Я думалъ Богъ знаетъ какая драма! сказалъ онъ — а вы мнѣ разсказываете исторію шестилѣтней дѣвочки! Надѣюсь, кузина, когда у васъ будетъ дочь, вы поступите иначе...

— Какъ же: отдать ее за учителя? сказала она.—Вы не думаете сами серьёзно, чтобъ это было возможно.

— Почему нѣтъ, если онъ честенъ, хорошо воспитанъ?...

— Никто не знаетъ, честенъ ли Ельнинъ: напротивъ, ma tante и maman говорили, что будто у него были дурныя намѣренія, что онъ хотѣлъ вскружить мнѣ голову... изъ самолюбія, потому что серьёзныхъ намѣреній онъ имѣть не смѣлъ....

— Нѣтъ! пылко возразилъ Райскій: — васъ обманули. Не блѣднѣютъ и не краснѣютъ, когда хотятъ кружить головы ваши франты, кузены, prince Pierre, comte Serge: вотъ у кого дурное на умѣ! А у Ельнина не было никакихъ намѣреній, онъ, какъ я вижу изъ вашихъ словъ, любилъ васъ искренно. А эти —

онъ не оборачиваясь указалъ назадъ на портреты: — женятся на васъ par convenance, и потомъ промѣняютъ на танцовщицу...

— Cousin! серьезно, почти съ испугомъ, сказала она.

— Да, кузина, вы сами знаете это...

— Что же мнѣ было дѣлать? Сказать maman, что я выйду за М-г Ельнина...

— Да, упасть въ обморокъ не оттого, отъ чего вы упали, а отъ того, что осмѣлились распоряжаться вашимъ сердцемъ, потомъ уйти изъ дома и сдѣлаться его женой. «Сочиняетъ, пишетъ письма, даетъ уроки, получаетъ деньги и этимъ живетъ!» въ самомъ дѣлѣ, какой позоръ! А они (онъ опять указалъ на предковъ) получали, ничего не сочиняя, и проѣдали весь свой вѣкъ чужое—какая слава!... Что же сталось съ Ельнинымъ?

— Не знаю, равнодушно сказала она: — ему отказали отъ дома, и я не видала его никогда.

— И вы — ничего?

— Ничего...

— Передъ вами являлась лицомъ къ лицу настоящая, живая жизнь, счастье — и вы оттолкнули это отъ себя! изъ чего, для чего?

— Но, cousin, вы знаете, что я была замужемъ и жила этой жизнью...

— Съ нимъ? спросилъ онъ, глядя на портретъ ея мужа.

— Съ нимъ! сказала она, глядя съ кроткой лаской тоже на портретъ.

— Какъ вы вышли замужъ?

— Очень просто. Онъ тогда только-что воротился изъ-за границы и бывалъ у насъ, разсказывалъ что дѣлается въ Парижѣ, говорилъ о королевѣ, о принцессахъ, иногда обѣдалъ у насъ, и черезъ княгиню сдѣлалъ предложеніе.

— Ну, когда согласились и вы остались съ нимъ въ первый разъ однѣ... что онъ?...

— Ничего! сказала она съ улыбкой удивленія.

— Но вѣдь... говорилъ же онъ вамъ, почему искалъ вашей руки, что его привлекло къ вамъ... что не было никого прекраснѣе, блистательнѣе...

— И «что онъ никогда не кончилъ бы, говоря обо мнѣ, но боится быть сентиментальнымъ»... добавила она.

— Потомъ?

— Потомъ сѣлъ играть въ карты, а я пошла одѣваться; въ этотъ вечеръ онъ былъ въ нашей ложѣ и на другой день объявленъ женихомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ это очень просто! замѣтилъ Райскій.— Ну, потомъ, послѣ свадьбы?..

— Мы уѣхали за границу.

— А! наконецъ, не до свѣта, не до родныхъ: куда-нибудь въ Италію, въ Швейцарію, на Рейнъ, въ уголокъ, и тамъ сердце взяло свое...

— Нѣтъ, нѣтъ, cousin,— мы поѣхали въ Парижъ: мужу дали порученіе, и онъ представилъ меня ко двору.

— Господи! воскликнулъ Райскій: — этого не доставало!

— Я была очень счастлива, сказала Бѣловодова, и улыбка и взглядъ говорили, что она съ удовольствіемъ глядитъ въ прошлое. — Да, cousin, когда я въ первый разъ пріѣхала на балъ въ Тюльери и вошла въ кругъ, гдѣ былъ король, королева и принцы....

— Всѣ ахнули? сказалъ Райскій.

Она кивнула головой, потомъ вздохнула, какъ будто жалѣя, что это прекрасное прошлое невозвратимо.

— Мы принимали въ Парижѣ; потомъ уѣхали на воды; тамъ мужъ устроивалъ праздники, балы: тогда писали въ газетахъ.

— И вы были счастливы?

— Да, сказала она,—счастлива: я никогда не видала недовольной мины у Paul, не слыхала...

— Нѣжнаго, задушевнаго слова, не видали минуты увлеченія...

Она задумчиво и отрицательно покачала головой.

— Не слыхала отказа въ желаніяхъ, даже въ капризахъ... добавила она.

— Будто у васъ были и капризы?

— Да: въ Вѣнѣ онъ за полгода велѣлъ приготовить отель, мы пріѣхали, мнѣ не понравилось, и...

— Онъ нанялъ другой: какой нѣжный мужъ!

— Какое вниманіе, égard, говорила она, — какое уваженіе въ каждомъ словѣ...

— Еще бы: вѣдь вы Пахотина; шутка ли?

— Да, я была счастлива, рѣшительно сказала она — и уже такъ счастлива не буду.

— И слава Богу: аминь! заключилъ онъ.—Канарейка тоже счастлива въ клѣткѣ, и даже поетъ; но она счастлива канареечнымъ, а не человѣческимъ счастьемъ..... Нѣтъ, кузина, надъ вами совершено систематически утонченное умерщвленіе свободы духа, свободы ума, свободы сердца! Вы — прекрасная плѣнница въ свѣтскомъ сералѣ и прозябаете въ своемъ невѣдѣніи.

— И не хочу мѣнять этого невѣдѣнія на ваше опасное вѣдѣніе....

— Да, перебилъ онъ: — и засидѣвшаяся канарейка, когда отворятъ клѣтку, не летитъ, а боязливо прячется въ гнѣздо. Вы — тоже. Воскресните, кузина, отъ сна, бросьте вашихъ Катринь, m-me Basil, эти выѣзды—и узнайте другую жизнь. Когда запроситъ сердце свободы, не справляйтесь, что́ скажетъ кузина...

— А что̀ скажетъ cousin — да?

— Да, тогда вспомните кузена Райскаго и смѣло подите въ жизнь страстей, бросьтесь въ незнакомую вамъ сторону.

— Но зачѣмъ же непремѣнно страсти, возражала она: — развѣ въ нихъ счастье?...

— Зачѣмъ гроза въ природѣ?... Страсть — гроза жизни... О, еслибъ испытать эту сильную грозу! съ увлеченіемъ сказалъ онъ и задумался.

— Вотъ видите, cousin: все прочее, кромѣ васъ, велитъ бѣжать страстей, а вы меня хотите толкнуть, чтобы потомъ всю жизнь раскаяваться...

— Нѣтъ, не къ раскаянію поведетъ васъ страсть: она очиститъ воздухъ, прогонитъ міазмы, предразсудки, и дастъ вамъ дохнуть настоящей жизнью... Вы не упадете, вы слишкомъ чисты, свѣтлы; порочны вы быть не можете. Страсть не исказитъ васъ, а только подниметъ высоко. Вы черпнете познанія добра и зла, упьетесь счастьемъ и потомъ задумаетесь на всю жизнь,— не этой красивой, сонной задумчивостью. Въ вашемъ покоѣ будетъ биться пульсъ, будетъ жить сознаніе счастья; вы будете прекраснѣе во сто разъ, будете нѣжны, грустны, передъ вами откроется глубина собственнаго сердца, и тогда весь міръ упадетъ передъ вами на колѣни, какъ падаю я...

Онъ въ самомъ дѣлѣ опускался на колѣни, но она сдѣлала движеніе ужаса, и онъ остановился.

— И когда я васъ встрѣчу потомъ, можетъ быть измученную горемъ,—но богатую и счастьемъ и опытомъ, вы скажете, что вы не даромъ жили, и не будете отговариваться невѣдѣніемъ жизни. Вотъ тогда выглянете и туда, на улицу, захотите узнать, что̀ дѣлаютъ ваши мужики, захотите кормить, учить, лечить ихъ...

Она слушала задумчиво. Сомнѣнія, тѣни, воспоминанія, проходили по лицу.

— Не всѣ мужчины—Бѣловодовы, продолжалъ онъ:—не побоится другъ вашъ дать волю сердцу и языку, а услыхавши разъ голосъ сердца, поживъ въ тишинѣ, наединѣ—гдѣ-нибудь въ чухонской деревнѣ, вы ужаснетесь вашего свѣта. Парижъ и Вѣна по-

блѣднѣютъ передъ той деревней. Прочь prince Pierre, comte Serge, тетушки, эти портьеры, драпри, съ глазъ долой портреты, все это мѣшаетъ только счастью. Вы возненавидите и Пашу съ Дашей, и швейцара, всѣ выѣзды — все вамъ опротивѣетъ тогда. Положеніе ваше будетъ душить васъ, вамъ покажется здѣсь тѣсно, скучно, безъ того, кого полюбите, кто научитъ васъ жить. А когда онъ придетъ, вы будете неловки, вздрогнете отъ его голоса, покраснѣете, поблѣднѣете, а когда онъ уйдетъ, сердце у васъ вскрикнетъ и помчится за нимъ, будетъ ждать томительно завтра, послѣзавтра... Вы не будете обѣдать, не уснете, и просидите ночь вотъ тутъ въ креслѣ, безъ сна, безъ покоя. Но если увидите его завтра, даже почуете надежду увидѣть, вы будете свѣжѣе этого цвѣтка, и будете счастливы, и онъ счастливъ этимъ блестящимъ взглядомъ — не только онъ, но и чужой, кто васъ увидитъ въ этихъ лучахъ красоты...

— Что̀ это, видно папа̀ не будетъ? сказала она, оглядываясь вокругъ себя. — Это невозможно, что̀ вы говорите! тихо прибавила потомъ.

— Почему? спросилъ онъ, впиваясь въ нее глазами.

У него воображеніе было раздражено: онъ невольно ставилъ на мѣстѣ героя себя; онъ глядѣлъ на нее, то смѣло, то стоялъ мысленно на колѣняхъ и млѣлъ, лицо тоже млѣло. Она взглянула на него раза два и потомъ боялась или не хотѣла глядѣть.

— Почему невозможно? возразилъ онъ.

— Вѣдь я — канарейка!

— О, тогда эта портьера упадетъ, и вы выпорхнете изъ клѣтки; тогда вы возненавидите и тетокъ, и этихъ полинявшихъ господъ, а на этотъ портретъ (онъ указалъ на портретъ мужа) взглянете съ враждой.

— Ахъ, cousin... съ упрекомъ остановила она.

— Да, кузина, вы будете считать потерянною всякую минуту, прожитую какъ вы жили и какъ живете теперь... Пропадетъ этотъ величавый, стройный видъ, будете задумываться, забудете одѣться въ это несгибающееся платье... съ досадой бросите массивный браслетъ, и крестикъ на груди не будетъ лежать такъ правильно и покойно. Потомъ, когда преодолѣете предковъ, тетушекъ, перейдете Рубиконъ — тогда начнется жизнь... мимо васъ будутъ мелькать дни, часы, ночи...

Онъ сѣлъ близко подлѣ нея: она не замѣчала, погруженная въ задумчивость.

— Вы не будете замѣчать ихъ, шепталъ онъ, вы будете только наслаждаться, не оторвете вашей мечты отъ него, не сла-

дите съ сердцемъ, вамъ все будетъ чудиться, чего съ вами никогда не было.

Онъ взялъ ее за руку, она вздрогнула.

— Одна, дома, вы вдругъ заплачете отъ счастья: около васъ будетъ кто-то невидимо ходить, смотрѣть на васъ... и если въ эту минуту явится онъ, вы закричите отъ радости, вскочите и... и... броситесь къ нему...

Оба они вдругъ встали.

— И отдадите все... все..., шепталъ онъ, держа ее за руку.

—Assez, cousin, assez, говорила она въ волненіи, съ нетерпѣніемъ, почти съ досадой отнимая руку.

— И будете еще жалѣть, — все шепталъ онъ: — что нечего больше отдать, что нѣтъ жертвы! Тогда пойдете и на улицу, въ темную ночь, однѣ... если...

— Mon Dieu, mon Dieu! говорила она, глядя на дверь:— что́ вы говорите?... вы знаете сами, что это невозможно!

— Все возможно, шепталъ онъ: — вы станете на колѣни, страстно прильнете губами къ его рукѣ, и будете плакать отъ наслажденія...

Она сѣла на кресло, откинула голову и вздохнула тяжело.

— Je vous demande une grâce, cousin, сказала она.

— Требуйте, приказывайте! говорилъ онъ восторженно.

— Laissez moi!

Онъ пошелъ къ двери и оглянулся. Она сидитъ неподвижно: на лицѣ только нетерпѣніе, чтобъ онъ ушелъ. Едва онъ вышелъ, она налила изъ графина въ стаканъ воды, медленно выпила его и потомъ велѣла отложить карету. Она сѣла въ кресло и задумалась, не шевелясь.

Черезъ нѣсколько минутъ послышались шаги, портьера распахнулась. Софья вздрогнула, мелькомъ взглянула въ зеркало и встала. Вошелъ ея отецъ, съ нимъ какой-то гость, мужчина среднихъ лѣтъ, высокій, брюнетъ, съ задумчивымъ лицомъ. Физіономія не русская. Отецъ представилъ его Софьѣ.

— Графъ Милари, ma chère amie, сказалъ онъ: — grand musicien et le plus aimable garçon du monde. Двѣ недѣли здѣсь: ты видѣла его на балѣ у княгини? Извини, душа моя, я былъ у графа: онъ не пустилъ въ театръ.

— Я велѣла отложить карету, папà; мнѣ тоже не хочется, отвѣчала она.

Софья попросила гостя сѣсть. Они стали говорить о музыкѣ, а Николай Васильевичъ, пожевавъ губами, ушелъ въ гостиную.

XV.

Райскій вернулся домой въ чаду, едва замѣчая дорогу, улицы, проходящихъ и проѣзжающихъ. Онъ видѣлъ все одно — Софью, какъ картину въ рамкѣ изъ бархата, кружевъ, всю въ шелку, въ брилліантахъ, но уже не прежнюю покойную и недоступную чувству Софью. На лицѣ у ней онъ успѣлъ прочесть первые, робкіе лучи жизни, мимолетные проблески нетерпѣнія, потомъ тревоги страха, и, наконецъ, добился вызвать какое-то волненіе, можетъ быть, безсознательную жажду любви. Онъ бросилъ сомнѣніе въ нее, вопросы, можетъ быть сожалѣніе о даромъ потерянномъ прошломъ, словомъ, взволновалъ ее. Ему снилась въ перспективѣ страсть, драма, превращеніе статуи въ женщину. Пока онъ гордился про себя и тѣмъ крошечнымъ успѣхомъ своей пропаганды, что, кажется, предки сошли въ ея глазахъ съ высокаго пьедестала. «Еще два, три вечера, думалъ онъ, еще приподниметъ онъ ей уголокъ завѣсы, она взглянетъ въ лучистую даль, и вдругъ пойметъ жизнь и счастье. Потомъ дальше, когда-нибудь взглядъ ея остановится на комъ-то въ изумленіи, потомъ опустится, взглянетъ широко опять и онѣмѣетъ — и она мгновенно преобразится. Но кто онъ, этотъ «кто-то?» спросилъ онъ ревниво. Не тотъ ли, кто первый вызвалъ въ ней сознаніе о чувствѣ? Не онъ ли вправѣ бросить ей въ сердце и самое чувство»?

Онъ поглядѣлъ въ зеркало и задумался, подошелъ къ форточкѣ, отворилъ ее, дохнулъ свѣжимъ воздухомъ: до него донеслись звуки віолончели. — «Ахъ, опять этотъ пилитъ! съ досадой сказалъ онъ, глядя на противоположное окно флигеля. И опять то же»! прибавилъ онъ, захлопывая форточку. Звуки, хотя глухо, но все доносились до него. Каждое утро и каждый вечеръ видѣлъ онъ въ окно человѣка, нагнувшагося надъ инструментомъ и слышалъ повтореніе, по цѣлымъ недѣлямъ, почти неисполнимыхъ пассажей, по пятидесяти, по сто разъ. И мѣсяцы проходили такъ.—«Оселъ!» сказалъ Райскій и легъ на диванъ, хотѣлъ заснуть, но звуки не давали, какъ онъ ни прижималъ ухо къ подушкѣ, чтобъ заглушить ихъ. Нѣтъ, такъ и рѣжутъ.—«Право, оселъ!» повторилъ онъ и самъ сѣлъ за фортепьяно и началъ брать сильные аккорды, чтобъ заглушить віолончель. Потомъ залился веселою трелью, перебралъ мотивы изъ нѣсколькихъ оперъ, чтобъ не слыхать несноснаго мычанья, и насилу забылся за импровизаціей. Передъ нимъ была Софья: играя, онъ видѣлъ все ее, уже съ пробудившимися страстями, страдающую и любящую — и только дошло

до вопроса: «кого?» звуки у него будто оборвались. Онъ всталъ и опять открылъ форточку.—«Все еще играетъ!» съ изумленіемъ повторилъ онъ и хотѣлъ снова захлопнуть, но вдругъ остановился и замеръ на мѣстѣ. Звуки не тѣ: не мычанье, не повтореніе трудныхъ пассажей слышитъ онъ. Сильная рука водила смычкомъ, будто по нервамъ сердца: звуки послушно плакали и хохотали, обдавали слушателя точно морской волной, бросали въ пучину и вдругъ выкидывали на высоту и несли въ воздушное пространство. Цѣлые міры отверзались передъ нимъ, понеслись видѣнія, открылись волшебныя страны. У Райскаго широко открылись глаза и уши: онъ видѣлъ только фигуру человѣка въ одномъ жилетѣ, свѣча освѣщала мокрый лобъ, глазъ было не видно. Борисъ пристально смотрѣлъ на него, какъ бывало на Васюкова.—«А! что̀ это такое!» думалъ онъ, слушая съ дрожью почти ужаса эти широко-разливающіяся волны гармоніи. «Что̀ это такое? повторилъ онъ: откуда онъ взялъ эти звуки? Кто ихъ далъ ему? Ужели мѣсяцы и годы ослинаго терпѣнія и упорства? Рисовать съ бюстовъ, пилить по струнамъ—годы! А даетъ человѣческой фигурѣ, въ картинѣ, огонь, жизнь — одна волшебная точка, штрихъ; страсть въ звуки вливаетъ—одна нервная дрожь пальца! У меня есть и точка, и нервная дрожь—и всѣ эти молніи горятъ, здѣсь, въ груди — говорилъ онъ, ударяя себя въ грудь. И я безсиленъ перебросить ихъ въ другую грудь, зажечь огнемъ своимъ огонь въ крови зрителя, слушателя. Священный огонь не переходитъ у меня въ звуки, не ложится послушно въ картину? Зачѣмъ не группируются стройно лица поэмы и романа?» И опять слушалъ онъ, замирая: не слыхать ни смычка, ни струнъ; инструмента не было, а пѣла свободно, вдохновенно, будто грудь самого артиста. У Райскаго навернулись слезы умиленія, и онъ тихо закрылъ форточку.

А вѣдь есть упорство и у него, у Райскаго! Какія усилія напрягалъ онъ, чтобъ... сладить съ кузиной, сколько ума, игры, воображенія, труда положилъ онъ, чтобъ пробудить въ ней огонь, жизнь, страсть... Вотъ куда уходятъ его силы! «Не вноси искусства въ жизнь, шепталъ ему кто-то, а жизнь въ искусство... Береги его, береги силы!» Онъ подошелъ къ мольберту, снялъ зеленую тафту: тамъ былъ портретъ Софьи — глаза ея, плечи ея и спокойствіе ея.—«Но теперь она ужъ не такая: явились признаки жизни — я ихъ вижу; вотъ они, передъ глазами у меня: какъ уловить ихъ...» Онъ схватилъ кисть, палитру, помалевалъ глаза, измѣнилъ немного линію губъ—и со вздохомъ положилъ кисть и отошелъ. Платье, эти кружева, бархатъ кое-какъ набросаны. А пуще всего руки не вѣрны. И темно: краски вечеромъ

измѣняются. Онъ поглядѣлъ еще нѣсколько запыленныхъ картинъ: все начатые и брошенные эскизы, потомъ подошелъ къ печкѣ, перебралъ нѣсколько рамокъ, останавливаясь на нѣкоторыхъ, и между прочимъ, на головѣ Гектора. Наконецъ, досталъ небольшой масляный, будто скорой рукой набросанный и едва подмалеванный портретъ молодой, бѣлокурой женщины, поставилъ его на мольбертъ и, облокотясь локтями на столъ, впустивъ пальцы въ волосы, остановилъ неподвижный, исполненный глубокой грусти взглядъ на этой головѣ. Долго сидѣлъ онъ въ задумчивомъ снѣ, потомъ очнулся, пересѣлъ за письменный столъ и началъ перебирать рукописи,—на нѣкоторыхъ останавливался, качалъ головой, рвалъ и бросалъ въ корзину, подъ столъ, другія откладывалъ въ сторону. Между кипами литературныхъ опытовъ, стиховъ и прозы, онъ нашелъ одну тетрадь, въ заглавіи которой стояло: «Наташа». Тамъ былъ записанъ старый эпизодъ, когда онъ только-что расцвѣталъ, сближался съ жизнью, любилъ и его любили. Онъ записалъ его когда-то, подъ вліяніемъ чувства, которымъ жилъ, не зная тогда еще, зачѣмъ,—можетъ быть, съ сентиментальной цѣлью—посвятить эти листки памяти своей тогдашней подруги, или оставить для себя замѣтку и воспоминаніе въ старости о молодой своей любви, а можетъ быть у него уже тогда бродила мысль о романѣ, о которомъ онъ говорилъ Аянову, и мелькалъ сюжетъ для трогательной повѣсти изъ собственной жизни. Онъ тамъ говорилъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, набрасывая легкій очеркъ, сквозь который едва пробивался образъ нѣжной, любящей женщины. Думая впослѣдствіи о своемъ романѣ, онъ предполагалъ выработать этотъ очеркъ и включить въ романъ, какъ эпизодъ.

«.... Онъ, воротясь домой послѣ обѣда въ артистическомъ кругу,—читалъ Райскій въ полголоса свою тетрадь—нашелъ у себя на столѣ записку, въ которой было сказано: «Навѣсти меня, милый Борисъ: я умираю!... Твоя Наташа».

«Боже мой, Наташа! закричалъ онъ не своимъ голосомъ и побѣжалъ съ лѣстницы, бросился на улицу и поскакалъ на извощикѣ къ Знаменью, въ переулокъ, вбѣжалъ въ домъ, въ третій этажъ. «Двѣ недѣли не былъ, двѣ недѣли — это вѣчность! Что она?»

«Онъ остановился передъ дверью, переводя духъ, и отъ волненія, то брался за ручку колокольчика, то опять оставлялъ ее. Наконецъ позвонилъ и вошелъ. Его встрѣтила хозяйка квартиры, пожилая женщина, чиновница, молча, опустивъ глаза, какъ будто съ укоризной отвѣчала на поклонъ, а на вопросъ его, сдѣ-

ланный шопотомъ, съ дрожью: «что она?» — ничего не сказала, а только пропустила его впередъ, осторожно затворила за нимъ дверь и сама ушла. Онъ на цыпочкахъ вошелъ въ комнату и оглядѣлъ ее, съ безпокойствомъ отыскивая, гдѣ Наташа. Въ комнатѣ былъ волосяной диванъ краснаго дерева, круглый столъ передъ диваномъ; на столѣ стоялъ рабочій ящикъ и лежали неконченныя женскія работы. Въ углу теплилась лампада; по стѣнамъ стояли волосяныя стулья; на окнахъ горшки съ увядшими цвѣтами, да двѣ клѣтки, въ которыхъ дремали насупившіяся канарейки. Онъ глядѣлъ на ширмы и стоялъ боязливо, боялся идти туда.

— «Кто тамъ? раздался слабый голосъ изъ-за ширмъ. Онъ вошелъ.

«За ширмами, на постели, среди подушекъ лежала, освѣщаемая томнымъ свѣтомъ маленькаго ночника, какъ восковая, молодая, бѣлокурая женщина. Взглядъ былъ горячъ, но сухъ, губы тоже жаркія и сухія. Она хотѣла повернуться, увидѣвъ его, сдѣлала живое движеніе и схватилась рукой за грудь.

— «Это ты, Борисъ, ты! съ нѣжной, томной радостью говорила она, протягивая ему обѣ исхудалыя, блѣдныя руки, глядѣла и не вѣрила глазамъ своимъ.

«Онъ бросился къ ней и поцѣловалъ обѣ руки.

— «Ты въ постели—и до сегодня не дала мнѣ знать! упрекалъ онъ.

«Она старалась слабой рукой сжать его руку и не могла, опустила голову опять на подушку.

— «Прости, что потревожила и теперь, старалась она выговорить, мнѣ хотѣлось увидѣть тебя. Я всего недѣлю, какъ слегла: грудь заболѣла... Она вздохнула.

«Онъ не слушалъ ее, съ ужасомъ вглядываясь въ ея лицо, недавно еще смѣющееся. И что стало теперь съ ней!

— «Что съ тобой?... хотѣлъ онъ сказать, не выдержалъ; и опустивъ лицо въ подушку къ ней, вдругъ разразился рыданіемъ.

— «Что ты, что ты! говорила она, лаская нѣжно рукой его голову: она была счастлива этими слезами.—Это ничего, докторъ говоритъ, что пройдетъ...

«Но онъ рыдалъ, онъ понималъ, что не пройдетъ.

— «Я думала, ты утѣшишь меня. Мнѣ такъ было скучно одной и страшно... Она вздрогнула и оглянулась около себя.— Книги твои всѣ прочла, вонъ онѣ, на стулѣ, прибавила она. Когда будешь пересматривать, увидишь тамъ мои замѣтки карандашомъ; я подчеркивала всѣ мѣста, гдѣ находила сходство... какъ ты и я.... любили.... Охъ, устала, не могу говорить....» Она оста-

новилась, смочила языкомъ горячія губы. «Дай мнѣ пить, вонъ тамъ, на столѣ!» Проглотивъ нѣсколько капель, она указала ему мѣсто на подушкѣ и сдѣлала знакъ, чтобъ онъ положилъ свою голову. Она положила ему руку на голову, а онъ украдкой утиралъ слезы.

— «Тебѣ скучно здѣсь, заговорила она слабо, прости, что я призвала тебя.... Какъ мнѣ хорошо теперь, еслибъ ты зналъ!» въ мечтательномъ забытьи говорила она, закрывъ глаза и перебирая рукой его волосы. Потомъ обняла его, поглядѣла ему въ глаза, стараясь улыбнуться. Онъ молча и нѣжно отвѣчалъ на ея ласки, глотая навернувшіяся слезы.

— «Ты посидишь со мною сегодня? спросила она, глядя ему въ глаза.

— «Весь вечеръ, всю ночь; я не отойду отъ тебя, пока....

«Слезы опять подступили и онъ едва справился съ ними.

— «Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ? Я не хочу, чтобъ ты скучалъ.... Ты усни, успокойся, со мной ничего, право, ничего.... Она хотѣла улыбнуться и не могла.

— «Я что-то скажу тебѣ: ты не разсердишься?...

«Онъ пожалъ ей влажную руку.

— «Я схитрила.... шептала она, приложивъ свою щеку къ его щекѣ, мнѣ вотъ ужъ третій день легче, а я написала, что умираю.... мнѣ хотѣлось заманить тебя.... Прости меня!

«Она улыбнулась, а онъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса: онъ слыхалъ, что́ значитъ это «легче». Но онъ старался улыбнуться, судорожно сжалъ ей руки и съ боязнію глядѣлъ то на нее, то вокругъ себя.

«Вдругъ изъ свѣта, изъ толпы веселыхъ пріятелей, художниковъ, красавицъ, онъ попалъ какъ будто въ склепъ. Онъ сѣлъ подлѣ постели и ушелъ въ свою фантазію, гдѣ и раздолье молодой его жизни и вдругъ упавшее на него горе стояли какъ двѣ противуположныя картины. Большая, веселая комната, группа собесѣдниковъ, здоровыхъ, поющихъ, говорящихъ шумно вокругъ стола; за роскошнымъ обѣдомъ, среди цвѣтовъ, шипящихъ бокаловъ. Между собесѣдниками веселыя лица женщинъ блестятъ красотой, наслажденіемъ. Тутъ артистки музыки, балета, пѣвцы, художники и золотая молодежь, красота, умъ, таланты, юморъ — вся солнечная сторона жизни! Вдругъ онъ шагнулъ въ ея мрачную тѣнь: эта маленькая, бѣдная комната и въ ней угасающая, подкошенная жизнь. Тамъ, у царицы пира, свѣжій, блистающій молодостью лобъ и глаза, каскадомъ падающая на затылокъ и шею темная коса, высокая грудь и роскошныя плечи. — Здѣсь эти впадшіе, едва мерцающіе, какъ

искры, глаза, сухіе, безцвѣтные волосы, осунувшіяся кости рукъ... Обѣ картины подавляли его ужасающими крайностями, между которыми лежала такая бездна, а между тѣмъ онѣ стояли такъ близко другъ къ другу. Въ галлереѣ ихъ не поставили бы рядомъ: въ жизни онѣ сходились — и онъ смотрѣлъ одичалыми глазами на обѣ. Его пронимала дрожь ужаса и скорби. Онъ, противъ воли, группировалъ фигуры, давалъ положеніе тому, другому, себѣ, добавлялъ чего недоставало, исключалъ, что портило общій видъ картины. И въ тоже время, самъ ужасался процесса своей безпощадной фантазіи, хватался рукой за сердце, чтобъ унять боль, согрѣть леденѣющую отъ ужаса кровь, скрыть муку, которая готова была страшнымъ воплемъ исторгнуться у него изъ груди при каждомъ ея болѣзненномъ стонѣ. Эта любовь на смертномъ одрѣ жгла его, какъ раскаленное желѣзо; каждую ласку принималъ онъ съ рыданіемъ, какъ сорванный съ могилы цвѣтокъ.

«Когда умолкала боль, и слышались только трудные вздохи Наташи, передъ нимъ тихо развертывалась вся исторія этого, теперь угасающаго бытія. Онъ видѣлъ тамъ ее когда-то молоденькой дѣвочкой, со стыдливымъ, простодушнымъ взглядомъ, живущей подъ слабымъ присмотромъ бѣдной, больной матери. Онъ узналъ Наташу въ опасную минуту, когда ея простодушной невинности готовились сѣти. Матери, подъ видомъ участія и старой дружбы, выхлопоталъ посѣдѣвшій мнимый другъ пенсіонъ, присылалъ доктора и каждый день пріѣзжалъ, по вечерамъ, узнавать о здоровьѣ, отечески горячо цѣловалъ дочь... Между тѣмъ мать медленно умирала той же болѣзнью, отъ которой угасала теперь, немногими годами пережившая ее дочь. Райскій понялъ все и рѣшился спасти дитя. Спасая искренно и горячо отъ сѣтей «благодѣтеля», открывая глаза и матери, и дочери, на значеніе его благодѣяній — онъ влюбился самъ въ Наташу, Наташа влюбилась въ него — и оба нашли счастье другъ въ другѣ, оба у смертнаго одра матери получили на него благословеніе. У обоихъ былъ одинъ простой и честный образъ семейнаго союза. Онъ уважалъ ея невинность, она цѣнила его сердце — оба протягивали руки къ брачному вѣнку—и оба.... не устояли. Полгода томилась мать на постели и умерла. Этотъ гробъ, ставши между ими и бракомъ — глубокій трауръ, вдругъ облекшій ея молодую жизнь, надломилъ и ея хрупкій, наслѣдственно-болѣзненный организмъ, въ которомъ, еще сильнѣе скорби и недуга, горѣла любовь и волновала нетерпѣніемъ и жаждой счастья. Доктора положили свой запретъ на нетерпѣливыя желанія: «надо подождать,» говорили имъ, три мѣ-

сяца-четыре. Брачный алтарь ждалъ, а любовь увлекла ихъ впередъ... И онъ спасъ ее отъ старика, спасъ отъ бѣдности, но не спасъ отъ себя. Она полюбила его, не страстью, а какою-то ничѣмъ невозмутимою, ничего не боящеюся любовью, безъ слезъ, безъ страданій, безъ жертвъ, потому что она не понимала, что́ такое жертва, не понимала, какъ можно полюбить и опять не полюбить. Для нея любить — значило дышать, жить, не любить — перестать дышать и жить. На вопросы его: «любишь-ли? Какъ?» Она, сжавъ ему крѣпко шею и стиснувъ зубы, по-дѣтски отвѣчала: «Вотъ такъ!» А на вопросъ: «Перестанешь ли любить,» говорила задумчиво: «Когда умру, такъ перестану.» Она любила, ничего не требуя, ничего не желая, приняла друга, какъ онъ есть, и никогда не представляла себѣ, могъ ли бы, или долженъ ли бы онъ быть инымъ? бываетъ ли другая любовь, или всѣ такъ любятъ, какъ она? А онъ мечталъ о страсти, о ея безконечно-разнообразныхъ видахъ, о всѣхъ сверкающихъ молніяхъ, и о всемъ зноѣ сильной, пылкой, ревнивой, любви и тогда, когда они вошли въ ея лѣто, въ жаркую пору. Наташа похорошѣла, пополнѣла, была весела, ясна, но ни разу на лицѣ у ней не блеснулъ таинственный лучъ затаеннаго, сдержаннаго упоенія, никогда потеряннаго, безумнаго взгляда, которымъ выговаривается пожирающее душу счастье.

«А между тѣмъ тутъ все было для счастья: для сердца открывался вѣчный, теплый пріютъ. Для ума предстояла длинная, нескончаемая работа—развиваться, развивать ее, руководить, воспитывать молодой, женскій, воспріимчивый умъ. Работа тоже творческая — творить на благодарной почвѣ, творить для себя, создавать живой идеалъ собственнаго счастья.

«Но фантазія требовала роскоши, тревогъ. Покой усыплялъ ее — и жизнь его какъ будто останавливалась. А она ничего этого не знала, не подозрѣвала, какой змѣй гнѣздился въ немъ рядомъ съ любовью. Съ той минуты, какъ она полюбила, въ глазахъ и улыбкѣ ея засвѣтился тихій рай: онъ свѣтился два года и свѣтился еще теперь изъ ея умирающихъ глазъ. Похолодѣвшія губы шептали свое неизмѣнное «люблю», рука повторяла привычную ласку. Онъ иногда утомлялся, исчезалъ на мѣсяцы и, возвращаясь, бывалъ встрѣчаемъ опять той же улыбкой, тихимъ свѣтомъ глазъ, шепотомъ нѣжной, кроткой любви. Онъ былъ увѣренъ, что встрѣтитъ это всегда, долго наслаждался этой увѣренностью, а потомъ въ ней же нашелъ и зерно скуки и начало разложенія счастья.

«Никогда — ни упрека, ни слезы, ни взгляда удивленія

или оскорбленія за то, что онъ прежде былъ не тотъ, что завтра будетъ опять иной, чѣмъ сегодня, что она проводитъ дни оставленная, забытая, въ страшномъ одиночествѣ. У ней и въ сердцѣ и въ мысли не было упрековъ и слезъ, не сходили укоризны съ языка. Она не подозрѣвала, что можно сердиться, плакать, ревновать, желать, даже требовать чего-нибудь именемъ своихъ правъ. У ней было одно желаніе и право: любить. Она думала и вѣрила, что такъ, а не иначе, надо любить и быть любимой и что весь міръ такъ любитъ и любимъ. На отлучки его она смотрѣла, какъ на непріятное, случайное обстоятельство, какъ, напримѣръ, на то, еслибъ онъ заболѣлъ. А возвращался онъ, — она была кротко счастлива, и полагала, что если его не было, то это такъ надо, это въ порядкѣ вещей. Обида, зло падали въ жизни на нее иногда и съ другихъ сторонъ: она блѣднѣла отъ боли, отъ изумленія, подкашивалась и безсознательно страдала, принимая зло покорно, не зная, что можно отдать обиду, заплатить зломъ. Она привязывалась къ тому, что̀ нравилось ей, и умирала съ привязанностью, все думая, что *такъ надо*. Это былъ чистый, свѣтлый образъ, какъ Перуджиніевская фигура, простодушно и безсознательно жившій и любившій, съ любовью пришедшій въ жизнь и съ любовью отходящій отъ нея, да съ кроткой и тихой молитвой. Жизнь и любовь какъ будто пропѣли ей гимнъ и она сладко задумалась, слушая его, и только слезы умиленія и вѣры застывали на ея умирающемъ лицѣ, безъ укоризны за зло, за боль, за страданія.

«Умирала она, частію отъ небрежнаго воспитанія, отъ небрежнаго присмотра, отъ проведеннаго, въ скудости и тѣснотѣ, болѣзненнаго дѣтства, отъ попавшей въ ея организмъ наслѣдственной капли яда, развившагося въ смертельный недугъ, отъ того наконецъ, что всѣ эти «такъ надо», хотя не встрѣчали ни воплей, ни раздраженія съ ея стороны, а все же ложились на слабую, молодую грудь и подтачивали ее. Она прожила бы до старости, не упрекнувъ ни жизнь, ни друга, ни его непостоянную любовь, и никого ни въ чемъ, какъ не упрекаетъ теперь никого и ничего въ своей смерти. И ея болѣзненная, страдальческая жизнь и преждевременная смерть казались ей *такъ надо*. Она никогда не искала смысла той апатіи, скуки и молчанія, съ которыми другъ ея иногда смотрѣлъ на нее, не догадывалась объ отжившей любви и не поняла бы никогда причинъ. А онъ думалъ часто, сидя, какъ убитый, въ зломъ молчаніи, около нея, не слушая ея простодушнаго лепета, не отвѣчая на кроткія ласки: «нѣтъ — это не та женщина, которая, какъ сильная

рѣка, ворвется въ жизнь, унесетъ всѣ преграды, разольется по полямъ. Или какъ огонь, освѣтитъ путь, вызоветъ силы, закалитъ ихъ энергіей и броситъ трепетъ, жаръ, нѣгу и страсть въ каждый моментъ, въ каждую мысль... направитъ жизнь, поможетъ угадать ея смыслъ, задачу и совершить ее. Гдѣ взять такую львицу? А этотъ ягненокъ нѣжно щиплетъ травку, обмахивается хвостомъ и жмется ко мнѣ, какъ къ маткѣ... Нѣтъ, это растительная жизнь, не жизнь, а сонъ...» Онъ широкой зѣвотой отвѣчалъ на ея лепетъ, ласки, бралъ шляпу и исчезалъ по недѣлямъ, по мѣсяцамъ, или въ студію художника, или на тѣ обѣды и ужины, гдѣ охватывалъ его чадъ и шумъ.

«Сидя теперь у одра, онъ мысленно читалъ исторію Наташи и своей любви, и когда вся исторія тихо развилась, и образъ умирающей сталъ передъ нимъ нѣмымъ укоромъ, онъ поблѣднѣлъ. Онъ вспомнилъ свое забвеніе, небрежность,—другихъ оскорбленій быть не могло: самъ дьяволъ упалъ бы на колѣни передъ этимъ голубинымъ, нѣжнымъ, безотвѣтнымъ взглядомъ. Онъ клялъ себя, что не отвѣчалъ цѣлымъ океаномъ любви на отданную ему одному жизнь, что не окружилъ ее оградой нѣжности отца, брата, мужа, далъ дохнуть на нее, не только вѣтру, но и смерти.

«Смерть! Боже, дай ей жизнь и счастье и возьми у меня все!» вопила въ немъ поздняя, отчаянная мольба. Онъ мысленно всходилъ на эшафотъ, самъ клалъ голову на плаху и кричалъ: «Я преступникъ!... если не убилъ, то далъ убить ее: я не хотѣлъ понять ее, искалъ ада и молній тамъ, гдѣ былъ только тихій свѣтъ лампады и цвѣты. Что́ же я такое, Боже мой! Злодѣй! Ужели я...» Онъ опять приникалъ лицомъ къ ея подушкѣ и мысленно молилъ не умирать, творилъ обѣты счастья до самопожертвованія. «Поздно! Поздно!» говорило ему отчаяніе и ея трудные вздохи.

«Онъ вспомнилъ, что когда она стала будто бы цѣлью всей его жизни, когда онъ ткалъ узоръ счастья съ ней,—онъ, какъ змѣй, убирался въ ея цвѣты, окружалъ себя, какъ въ картинѣ, этимъ же тихимъ свѣтомъ; увидѣвъ въ ней искренность и нѣжность, изъ которыхъ создано было ея нравственное существо, онъ былъ искренъ, улыбался ея улыбкой, любовался съ ней птичкой, цвѣткомъ, радовался дѣтски ея новому платью, шелъ съ ней плакать на могилу матери и подруги, потому что плакала она, сажалъ цвѣты... И вспомнилъ онъ, что любовался птичкой, сажалъ цвѣты и плакалъ — искренно, какъ и она. Куда же дѣлись эти слезы, улыбки, наивныя радости и зачѣмъ опошлились онѣ, и зачѣмъ она не нужна для него теперь?..

— «О чемъ ты думаешь? раздался слабый голосъ у него надъ ухомъ: дай еще пить... Да не гляди на меня, продолжала она, напившись: я стала ни на что не похожа. Дай мнѣ гребенку и чепчикъ, я надѣну. А то ты.... разлюбишь меня, что я такая... гадкая!...

«Она думала, что онъ еще не разлюбилъ ее! Онъ подалъ ей гребенку, маленькій чепчикъ; она хотѣла причесаться, но рука съ гребенкой упала на колѣни.

«Не могу, устала! сказала она и печально задумалась. А его рѣзали ножи, голова у него горѣла. Онъ вскочилъ и ходилъ съ своей картиной въ головѣ по комнатѣ, бросаясь почти въ изступленіи во всѣ углы, не помня себя, не зная, что онъ дѣлаетъ. Онъ вышелъ къ хозяйкѣ, спросилъ, ходилъ ли докторъ, которому онъ поручилъ ее. Та сказала, что ходилъ и привозилъ съ собой другихъ, что она переплатила имъ вотъ столько-то. «У меня записано», прибавила она.—Чтожъ тѣ? спросилъ онъ. «Извѣстно что: смотрѣли ее, слушали ея грудь, выходили въ другую комнату, молча пожимали плечами и сжавъ въ кулакъ сунутую ассигнацію, застегивали фракъ и проворно исчезали.» Райскій, цѣпѣнѣя отъ ужаса, выслушалъ этотъ краткій отчетъ и съ новымъ ужасомъ шелъ къ постели. Оживленный пиръ съ друзьями, артисты, пѣвицы, хмѣльное веселье, — все это пропало вмѣстѣ со всякой надеждой продлить эту жизнь. Передъ нимъ было только это угасающее лицо, страдающее безъ жалобы, съ улыбкой любви и покорности; — это, не просящее ничего, ни защиты, ни даже немножко силъ, существо! А онъ стоялъ тутъ, полный здоровья и этой силы, которую расточалъ, еще сегодня, гдѣ не нужно ея, и бросилъ эту птичку на долю бурь и непогодъ! Зачѣмъ не приковалъ онъ себя тутъ, зачѣмъ уходилъ, когда привыкъ къ ея красотѣ, когда оттискъ этой, когда-то милой, нѣжной головки сталъ блѣднѣть въ его фантазіи? Зачѣмъ, когда туда стали тѣсниться другіе образы, онъ не перетерпѣлъ, не воздержался, не остался вѣренъ ему? Это былъ не подвигъ, а долгъ. Безъ жертвъ, безъ усилій и лишеній нельзя жить на свѣтѣ; «жизнь—не садъ, въ которомъ ростутъ только одни цвѣты», поздно думалъ онъ и вспомнилъ картину Рубенса: «Садъ любви», гдѣ подъ деревьями попарно сидятъ изящные господа и прекрасныя госпожи, а около нихъ порхаютъ амуры. «Лжецъ! обозвалъ онъ Рубенса: зачѣмъ въ перемѣжку съ любовниками не насажалъ онъ въ саду нищихъ въ рубищѣ и умирающихъ больныхъ: это было бы вѣрно!...» «А могъ ли бы я?» спросилъ онъ себя. Что бы было, еслибъ онъ принудилъ себя жить съ нею и для нея? Сонъ, апатія и лютѣйшій врагъ—скука!

Явилась въ готовой фантазіи длинная перспектива этой жизни, картина этого сна, апатіи, скуки: онъ видѣлъ тамъ себя, какъ онъ былъ мраченъ, жестокъ, сухъ, и какъ, можетъ быть, еще скорѣе свелъ бы ее въ могилу. Онъ съ отчаяніемъ махнулъ рукой. «Можно удержаться отъ бѣшенства, оправдывалъ онъ себя, но отъ апатіи не удержишься, скуку не утаишь, хоть подвинь всю свою волю на это.» А это убило бы ее: съ лѣтами она догадалась бы... Да, съ лѣтами, а потомъ примирилась бы, привыкла, утѣшилась бы — и жила! А теперь умираетъ, и въ жизни его вдругъ ложится неожиданная и быстрая драма, цѣлая трагедія, глубокій, психологическій романъ.

— «Поди сюда, посиди со мной!» раздался голосъ Наташи, прервавшій его мысли...

«Черезъ недѣлю послѣ того, онъ шелъ, съ поникшей головой за гробомъ Наташи, то читая себѣ проклятія за то, что разлюбилъ ее скоро, забывалъ по-долгу и по-часту, не берегъ, то утѣшаясь тѣмъ, что онъ не властенъ былъ въ своей любви, что сознательно онъ никогда не огорчилъ ее, былъ съ нею нѣженъ, внимателенъ, что наконецъ не въ немъ, а въ ней не доставало матеріала, чтобъ поддержать неугасимое пламя, что она уснула въ своей любви и уже никогда не выходила изъ тихаго сна, не будила и его, что въ ней не было признака страсти, этого бича, которымъ подгоняется жизнь, отъ которой рождается благотворная сила, производительный трудъ... «Нѣтъ, нѣтъ, — она не то, она — голубь, а не женщина,» думалъ онъ, заливаясь слезами и глядя на тихо качающійся гробъ.

«Онъ задумчиво стоялъ въ церкви, смотрѣлъ на вибрацію воздуха отъ теплящихся свѣчъ — и на небольшую кучку провожатыхъ: впереди всѣхъ стоялъ какой-то толстый, высокій господинъ, родственникъ, и равнодушно нюхалъ табакъ. Рядомъ съ нимъ видѣлось расплывшееся и раскраснѣвшееся отъ слезъ лице тетки, тамъ кучка дѣтей и нѣсколькихъ убогихъ старухъ; у гроба на полу стояла на колѣняхъ послѣ всѣхъ пришедшая и болѣе всѣхъ пораженная смертью Наташи ея подруга: волосы у ней были не причесаны, она дико осматривалась вокругъ, потомъ глядѣла на лице умершей, и положивъ голову на полъ, судорожно рыдала...

«Онъ медленно ушелъ домой и двѣ недѣли ходилъ убитый, молчаливый, не заглядывалъ въ студію, не видался съ пріятелями, и бродилъ по уединеннымъ улицамъ. Горе укладывалось, слезы изсякли, острая боль затихла и въ головѣ только оставалась вибрація воздуха отъ свѣчъ, тихое пѣніе, расплывшееся

отъ слезъ лице тетки и безмолвный, судорожный плачъ подруги...» Здѣсь кончилась рукопись.

Райскій, окончивъ чтеніе, сидѣлъ нѣсколько времени угрюмый, задумчивый. «Блѣденъ этотъ очеркъ, сказалъ онъ про себя: такъ теперь не пишутъ. Эта наивность достойна эпохи «Бѣдной Лизы». «И портретъ ея (онъ подошелъ къ мольберту) — не портретъ, а чуть подмалеванный эскизъ. Бѣдная Наташа! со вздохомъ отнесся онъ наконецъ къ ея памяти, глядя на эскизъ: ты и живая была также блѣдно окрашена въ цвѣта жизни, какъ и на полотнѣ моей кистью, и на бумагѣ перомъ! Надо передѣлать и то, и другое!» заключилъ онъ. Потомъ со вздохомъ спряталъ тетрадь, взялъ кучку бѣлыхъ листковъ и началъ набрасывать программу новаго своего романа. Эпизодъ, обратившійся въ воспоминаніе, представлялся ему чужимъ событіемъ. Онъ смотрѣлъ на него объективно и внесъ на первый планъ въ своей программѣ. Онъ прописалъ до свѣта, возвращался къ тетрадямъ не одинъ разъ во дню, приходя домой вечеромъ опять садился къ столу и записывалъ, что̀ снилось ему въ перспективѣ. Сцены, характеры, портреты родныхъ, знакомыхъ, друзей, женщинъ, передѣлывались у него въ типы и онъ исписалъ цѣлую тетрадь, носилъ съ собой записную книжку, и часто въ толпѣ, на вечерѣ, за обѣдомъ, вынималъ клочекъ бумаги, карандашъ, чертилъ нѣсколько словъ, пряталъ, вынималъ опять и записывалъ, задумываясь, забываясь, останавливаясь на полусловѣ, удаляясь внезапно изъ толпы въ уединеніе. Между тѣмъ жизнь будила и отрывала его отъ творческихъ сновъ и звала отъ художественныхъ наслажденій и мукъ къ живымъ наслажденіямъ и реальнымъ горестямъ, среди которыхъ самою лютою была для него скука. Онъ бросался отъ ощущенія къ ощущенію, ловилъ явленія, берегъ и задерживалъ почти силою впечатлѣнія, требуя пищи не одному воображенію, но все чего-то ища, желая, требуя на чемъ-то остановиться...

Теперь онъ возложилъ какія-то, еще неясныя ему самому надежды на кузину Бѣловодову—наслаждаясь сближеніемъ съ ней. Ему пока ничего нехотѣлось больше, какъ видѣть ее чаще, говорить, пробуждать въ ней жизнь, если можно—страсть. Но она была неприступна. Онъ сталъ уставать, начала пробиваться скука...

XVI.

Прошелъ май. Надо было уѣхать куда-нибудь, спасаться отъ полярнаго петербургскаго лѣта. Но куда? Райскому было все равно. Онъ дѣлалъ разные проекты, не останавливаясь ни на одномъ: хотѣлъ съѣздить въ Финляндію, но отложилъ и рѣшилъ поселиться въ уединеніи на Парголовскихъ озерахъ, писать романъ. Отложилъ и это и собрался не шутя съ Пахотиными въ Рязанское имѣніе. Но они измѣнили намѣреніе и остались въ городѣ. Общая лѣтняя эмиграція увлекла-было за границу и его, какъ вдругъ дѣло рѣшилось неожиданно иначе. Однажды, воротясь домой, онъ нашелъ у себя два письма, одно отъ Татьяны Марковны Бережковой, другое отъ университетскаго товарища своего, учителя гимназіи на родинѣ его, Леонтья Козлова. Оба письма были — рѣдкость. Сначала бабушка писывала къ нему часто, присылала счеты: онъ на письма отвѣчалъ коротко, съ любовью и лаской къ горячо любимой старушкѣ, долго замѣнявшей ему мать, а счеты рвалъ и бросалъ подъ столъ. Потомъ она стала писать рѣже, жалуясь на старость, слѣпоту и на заботы по воспитанію внучекъ. Года три, четыре, онъ не получалъ отъ нея ни строчки. Какъ онъ обрадовался, увидя ея почеркъ, крупный, четкій, рѣшительный.

«...Не грѣхъ-ли тебѣ, Борисъ Павловичъ, писала она между прочимъ: забывать меня старуху? У тебя вѣдь только и родни, что я. Видно, нынче, въ новыя времена, старухи стали лишнія на свѣтѣ: такъ разсуждаетъ молодость. А мнѣ и умереть нельзя: у меня на рукахъ двѣ внуки, давно невѣсты. Пока не пристрою ихъ, буду молить Бога продлить мнѣ вѣку, а тамъ—Его святая воля!

«Я не сѣтую на тебя, что забываешь меня: но если — сохрани Боже—меня не станетъ, дѣвочки мои, твои сестры, хоть и дальнія, останутся однѣ. Ты ихъ ближній родственникъ и покровитель. Подумай также и объ имѣніи: я становлюсь стара и прикащицей твоей долго не буду: на кого ты покинешь свое добро? Растащатъ все и не останется ничего. Ужели береженое добро прахомъ пойдетъ? У меня сердце замираетъ, какъ подумаешь, что твое фамильное серебро, бронза, картины, брилліянты и кружева, фарфоръ, хрусталь—все разойдется по рукамъ челяди, перейдетъ къ жидамъ, ростовщикамъ, сплыветъ по Волгѣ на ярмарку и пропадетъ ни за-что! Пока бабушка жива, будь покоенъ, ни нитки не пропадетъ, а послѣ понадѣяться не на кого. Двѣ внуки—что́ онѣ? Вѣра добрая и умная, да дикая нелюдимка, не входитъ ни во что. Марѳинька

будетъ примѣрная хозяйка, да молода; нужды нѣтъ, что за-мужъ давно пора, а понятія у ней дѣтскія — и слава Богу! Успѣетъ созрѣть, какъ опытъ придетъ, а я ее берегу, и она это цѣнитъ и изъ воли бабушки не выходитъ, за что наградитъ ее Господь. По дому она мнѣ помощница, а до имѣнія я ее не допускаю: не дѣвичье дѣло. У меня теперь въ дворнѣ есть серьезный мужикъ, Савельемъ зовутъ: сама я становлюсь слаба, онъ по деревнѣ, а Яковъ да Василиса по дому, у меня всѣ нужныя дѣла дѣлаютъ.

«Не откладывай же и порадуй бабушку пріѣздомъ: она тебѣ близка — не по родству только, а и по сердцу: ты, будучи молодъ, это чувствовалъ, — не знаю, каковъ сталъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, а былъ добрымъ внукомъ. Пріѣзжай хоть на сестеръ посмотрѣть; а можетъ быть, тебѣ выпадетъ и счастье— хотѣла смолчать до пріѣзда, да по бабьей привычкѣ не утерплю. Къ намъ изъ Москвы переселился Мамыкинъ, откупщикъ: у него дочь невѣста, одна, больше дѣтей нѣтъ. Вотъ еслибъ Богъ благословилъ меня дождаться такой радости: женить тебя и сдать имѣніе съ рукъ на руки, тогда я покойно закрыла бы глаза. Женись, Борюшка, ты ужъ давно въ лѣтахъ, тогда и дѣвочки мои не останутся послѣ меня бездомными сиротами. Ты будешь имъ братомъ, защитникомъ, а жена твоя доброй сестрой. При тебѣ, пока ты холостъ, имъ жить нельзя — женись, угоди бабушкѣ, и Богъ не оставитъ тебя!

«Буду ждать отвѣта: напиши напередъ, я велю тебѣ очистить и убрать три комнаты внизу, а Марѳиньку запрячу въ свѣтелку: ты хозяинъ!

«Титъ Никонычъ тебѣ кланяется: онъ постарѣлъ, но еще молодецъ. Улыбка такая же и все также умно говоритъ и пріятно кланяется: молодыхъ франтовъ за поясъ заткнетъ. Привези пожалуста, другъ мой, замшевую фуфайку и панталоны: говорятъ, пыньче отъ ревматизмовъ носятъ. Я бы ему сюрпризъ сдѣлала.

«Посылаю счеты за послѣдніе два года. Пріими мое благословеніе и т. д.

«Татьяна Бережкова.»

«Бабушка! съ радостью воскликнулъ Райскій. Боже мой! она зоветъ меня: ѣду, ѣду! Вѣдь тамъ тишина, здоровый воздухъ, здоровая пища, ласки доброй, нѣжной, умной женщины; и еще двѣ сестры, два новыхъ, неизвѣстныхъ мнѣ и въ тоже время близкихъ лица... (барышни въ провинціи; немного страшно: можетъ быть нелѣпость! успѣлъ онъ подумать поморщась), однако ѣду: это судьба посылаетъ меня... А если тамъ скука?»

Онъ испугался и потомъ опять успокоился. «Сейчасъ же уѣду прочь, при первой зѣвотѣ, утѣшился онъ. Ѣду, ѣду! тамъ и Ле-

онтій, Леонтій!» произнесъ Райскій и разсмѣялся, вспомнивъ этого Леонтія. Что̀ онъ пишетъ?

«...Вчера я нечаянно, и самъ не знаю какъ, забрелъ въ твои маетности:—писалъ Леонтій:—должно быть по разсѣянности (за мной, ты знаешь, есть этотъ грѣхъ) попалъ не въ тотъ переулокъ, спустился подъ гору, и когда поднялся, то узналъ, что очутился въ саду твоей бабушки, и хотѣлъ идти назадъ. Но Татьяна Марковна увидала меня изъ окна и, принявъ сначала въ сумерки за вора, спустила-было собакъ и людей, а узнавши, что это я, зазвала къ себѣ, обласкала, накормила до отвала ужиномъ, хотѣла даже спать укладывать, а пуще всего разбранила, что рѣдко бываю, и велѣла непремѣнно написать къ тебѣ, уговаривать пріѣхать сюда. Имѣніе, говоритъ она, повѣрить и, если поселишься здѣсь, то принять его изъ рукъ въ руки.

«Признаться, любезный мой другъ, Борисъ Павловичъ, я и самъ хотѣлъ писать, да духу не хватило, а почему—скажу ниже. Имѣніе—пустой предлогъ: бабушкѣ хочется повидаться съ тобой и она не знаетъ чѣмъ заманить. Лучше ея не управишь. Но это въ сторону: я затрудняюсь, не знаю, какъ коснуться главнаго предмета, который требуетъ твоего немедленнаго прибытія, потомъ строжайшаго суда и кары виновныхъ. Я говорю о твоей библіотекѣ.

«Послушай—ты любишь меня, я знаю. Въ школѣ и въ университетѣ, ты лучше всѣхъ былъ со мною: ты меня ободрялъ бывало, читывалъ со мной вмѣстѣ, любилъ меня и помогалъ иногда, платилъ хозяйкѣ.... бѣлье тоже... (Райскій быстро пропустилъ эту строку), не дразнилъ, не игралъ «штукъ» со мной, не билъ — или билъ самую малость: оттаскалъ за волосы всего какихъ-нибудь два раза, тогда какъ другіе... Но Богъ съ ними, съ повѣсами! они тоже не со зла, а такъ, отъ праздности и вертопрашества! Итакъ, именемъ этой дружбы, прошу тебя не сердись... или нѣтъ, бей, оттаскай еще третій разъ, но выслушай. Помнишь старыя готскія изданія классиковъ (да какъ не помнить!) въ драгоцѣнныхъ переплетахъ? Ты, бывало, самъ любовался на нихъ. Помнишь стараго Шекспира, текстъ пополамъ съ комментаріями? Помнишь... французскихъ энциклопедистовъ въ пергаментѣ, первоначальныя изданія? Помнишь... (конечно помнишь—лучше бы ты забылъ) вотъ каталогъ, мной составленный! противъ этихъ изданій я поставилъ, какъ на могилахъ, черные кресты! Слушай и бей меня: творенія св. отцевъ цѣлы, весь богословскій отдѣлъ остался неприкосновеннымъ; Платонъ, Ѳукидидъ—и другіе историки и поэты тоже уцѣлѣли. А Спиноза, Макіавелли и еще увражей полсотни изъ прочихъ отдѣловъ перепорчены... конечно, по моей слабости, трусости и проклятой довѣрчивости.

«Кто же? спросишь ты, этотъ Омаръ? Маркъ Волоховъ, зовутъ его: для него нѣтъ ничего святого въ мірѣ. Дай ему хоть эльзевира, онъ и оттуда выдеретъ листы. У него, какъ я съ ужасомъ узналъ, къ сожалѣнію поздно, есть скверная привычка: когда онъ читаетъ книгу, то изъ прочитаннаго вырываетъ листикъ и закуриваетъ сигару, или сдѣлаетъ изъ него трубочку и чиститъ ею ногти или уши. Я точно сквозь сонъ замѣчалъ, что книги возвращаются отъ него, какъ будто тоньше, нежели были прежде, но долго не догадывался, отъ чего, пока онъ не сдѣлалъ это, сидя у меня. Какъ путный, взялъ Аристофана — гдѣ греческій текстъ напечатанъ съ французскимъ переводомъ — да тутъ же, при мнѣ, вдругъ сзади и вырвалъ страницу—я даже мигнуть не успѣлъ. Этотъ Волоховъ—чудо нашего города. Его здѣсь никто не любитъ и всѣ боятся. Что касается до меня, то я не могу не любить его, да и не бояться не могу. Онъ, то фуражку дорогой сниметъ съ меня и наслаждается, если я не замѣчу, то ночью застучитъ въ окна. За то иногда вдругъ принесетъ бутылку отличнаго вина, или съ огорода притащитъ (онъ у огородника на квартирѣ живетъ) цѣлый возъ овощей. Онъ присланъ сюда на житье, подъ присмотръ полиціи, и съ тѣхъ поръ городъ—нельзя сказать, чтобъ былъ въ безопасности.

«Ради Бога, не передай ему этой моей рекомендаціи о немъ. Онъ непремѣнно сдѣлаетъ штуку и со мной, и съ тобой, пожалуй. Я по поводу попорченныхъ книгъ потребовалъ-было объясненій, но онъ мнѣ такое лицо сдѣлалъ, что я не рѣшился продолжать. Онъ говоритъ, что былъ въ одно время съ нами въ университетѣ, только не по одному факультету. Кажется, вретъ.

«Здѣсь извѣстно, что онъ служилъ въ Петербургѣ въ полку, и тоже не ужился, переведенъ былъ куда-то внутрь Россіи, вышелъ въ отставку, жилъ въ Москвѣ, попалъ въ какую-то исторію—и вотъ теперь присланъ сюда, какъ я сказалъ, подъ присмотръ полиціи. Съ ней онъ въ вѣчной враждѣ. Нилъ Андреичъ, Татьяна Марковна слышать о немъ не могутъ. Но, довольно о немъ! Пріѣзжай, самъ увидишь, каковъ онъ. Теперь я сбылъ тяжесть признаніемъ, и у меня легче на душѣ. Послѣ этого не такъ страшно встрѣтить тебя.

«Пріѣзжай, Борисъ, другъ мой, повидаться съ бабушкой: еслибъ ты видѣлъ, какъ она любитъ тебя, какъ бережетъ твое имѣніе (не такъ какъ я библіотеку)! Какія у тебя красавицы сестры, Вѣра и Марѳа Васильевны, какъ тебя все это ждетъ, какой у тебя садъ, какіе виды на Волгу!.. Еслибъ ты все это зналъ, ты бы не мѣшкалъ ни минуты и пріѣхалъ: пріѣхалъ бы принять отъ Татьяны Марковны имѣніе, а отъ меня библіотеку,—

пріѣхалъ бы наказать и обнять виновнаго, но любящаго тебя товарища и друга

«Леонтія Козлова.

«Жена моя тебѣ кланяется и велитъ сказать, что она любитъ тебя по прежнему, а когда пріѣдешь, полюбитъ еще больше».

Райскій почти со слезами читалъ это длинное посланіе и вспоминалъ чудака Леонтья, его библіоманію, и смѣялся его тревогамъ на счетъ библіотеки. «Подарю ее ему», подумалъ онъ.

«Леонтій, бабушка! мечталъ онъ: красавицы троюродныя сестры, Вѣрочка и Марѳинька! Волга съ прибрежьемъ, дремлющая, блаженная тишь, гдѣ не живутъ, а растутъ люди и тихо вянутъ, гдѣ ни бурныхъ страстей, съ тонкими, ядовитыми наслажденіями, ни мучительныхъ вопросовъ, никакого движенія мысли, воли—тамъ я сосредоточусь, разберу матеріалы и напишу романъ. Теперь только закончу какъ-нибудь портретъ Софьи, распрощаюсь съ ней—и Dahin! dahin!

XVII.

Райскій съ ранняго утра сидитъ за портретомъ Софьи, и не первое утро сидитъ онъ такъ. Онъ измученъ этой работой. Посмотритъ на портретъ и вдругъ съ досадой наброситъ на него занавѣску и пойдетъ шагать по комнатѣ, остановится у окна, посвиститъ, побарабанитъ пальцами по стекламъ, иногда уйдетъ со двора и бродитъ угрюмый, недовольный. На утро опять та же исторія, то же недовольство и озлобленіе. А иногда сидитъ, сидитъ и вдругъ схватитъ палитру и живо примется подмазывать кое-гдѣ, подтушевывать, остановится, посмотритъ и задумается. Потомъ покачаетъ головой отрицательно, вздохнетъ и броситъ палитру.

А портретъ похожъ, какъ двѣ капли воды. Софья такая, какою всѣ видятъ и знаютъ ее: невозмутимая, сіяющая. Та же гармонія въ чертахъ; ея возвышенный бѣлый лобъ, открытый, невинный, какъ у дѣвушки, взглядъ, гордая шея, и спящая сномъ покоя высокая, пышная грудь. Она—вся она, а онъ недоволенъ, терзается художническими болями. Онъ вызвалъ жизнь въ подлинникѣ, внесъ огонь во тьму, у ней явились волненія, признаки новой жизни, а въ портретѣ этого нѣтъ!

«Что это Кириловъ нейдетъ? а обѣщалъ. Можетъ быть, онъ навелъ бы на мысль, что̀ надо сдѣлать, чтобъ изъ богини вышла женщина», подумалъ онъ.

И опять задумался, съ палитрой на пальцѣ, съ поникшей головой, съ мучительной жаждой овладѣть тайной искусства, создать на полотнѣ ту Софью, какая снится ему теперь. Онъ вспомнилъ ея волненіе, умоляющій голосъ оставить ее, уйти; какъ она хотѣла призвать на помощь гордость и не могла; какъ хотѣла отнять руку и не отняла изъ его руки, какъ не смогла одолѣть себя... Какъ она была тогда непохожа на этотъ портретъ!

Онъ видѣлъ, что заронилъ въ нее сомнѣнія, что эти сомнѣнія—гамлетовскія. Онъ читалъ ихъ у ней въ сердцѣ: «въ самомъ ли дѣлѣ я живу такъ, какъ нужно? Не жертвую ли я чѣмъ-нибудь живымъ, человѣческимъ, этой мертвой гордости моего рода и круга, этимъ приличіямъ? Вѣдь надо сознаться, что мнѣ иногда бываетъ скучно съ тётками, съ папà, и съ Катринь... Одинъ только cousin Райскій...»

У Райскаго сердце забилось, когда онъ довелъ мечту Софьи до себя.

Онъ уже не видитъ портрета, а видитъ что-то другое. Глаза, какъ у лунатика, широко открыты, не мигнутъ; они глядятъ куда-то и видятъ живую Софью, какъ она одна дома мечтаетъ о немъ, погруженная въ задумчивость, не замѣчаетъ гдѣ сидитъ, или идетъ безъ цѣли по комнатѣ, останавливается, будто внезапно пораженная какимъ-то новымъ лучемъ мысли, подходитъ къ окну, открываетъ портьеру и погружаетъ любопытный взглядъ въ улицу, въ живой потокъ головъ и лицъ, зорко слѣдитъ за общественнымъ круговоротомъ; не дичится этого шума, не гнушается грубой толпы, какъ будто и она стала ея частью, будто понимаетъ, куда такъ торопливо бѣжитъ какой-то господинъ, съ боязнью опоздать; она уже, кажется, знаетъ, что это чиновникъ, продающій за триста-четыреста рублей въ годъ двѣ трети жизни, кровь, мозгъ, нервы. Ей жаль мужика, который едва тащитъ мѣшокъ на спинѣ. Она догадывается, что вонъ эта женщина торопится съ узломъ заложить послѣдній салопъ, чтобъ заплатить за квартиру и т. д. Всякаго и всякую провожаетъ задумчиво-заботливый взглядъ Софьи. Она долго глядитъ на эту жизнь и, кажется, понимаетъ ее и нехотя отходитъ отъ окна, забывъ опустить занавѣсъ. Она беретъ книгу, развертываетъ страницу и опять погружается въ мысль о томъ, какъ живутъ другіе. Красота ея осмысленна, глаза не глядятъ беззаботно и свѣтло, а думаютъ. Въ нихъ тревога за этихъ «другихъ», бѣгающихъ по улицѣ, скорбящихъ, нуждающихся, трудящихся и вопіющихъ. Она вдругъ почувствовала, что она не жила, а росла и прозябала. Ее мучитъ жажда этой жизни, ея живыхъ симпатій и скорбей, труда, но прежде симпатій. Книга выпадаетъ изъ рукъ на полъ. Софья

не заботится поднять ее; она разсѣянно беретъ цвѣтокъ изъ вазы, не замѣчая, что прочіе цвѣты раскинулись прихотливо и нѣкоторые выпали. Она нюхаетъ цвѣтокъ и, погруженная въ себя, разсѣянно ощипываетъ листья губами и тихо идетъ, не сознавая почти что дѣлаетъ, къ роялю, садится бокомъ, небрежно, на табуретъ, и одной рукой беретъ задумчивые аккорды и все думаетъ, думаетъ... Потомъ тихо, чуть-чуть, какъ духъ, произнесла чье-то имя и вздрогнула, робко оглянулась и закрыла лицо руками и такъ осталась. Въ комнатѣ никого, только въ незакрытое занавѣсомъ окно ворвались лучи солнца и вольно гуляютъ по зеркаламъ, дробятся на граненомъ хрусталѣ. Раскрытая книга валяется на полу, у ногъ ея ощипанные листья цвѣтка...

Онъ схватилъ кисть и жадными, широкими глазами глядѣлъ на ту Софью, какую видѣлъ въ эту минуту въ головѣ, и долго, съ улыбкой мѣшалъ краски на палитрѣ, нѣсколько разъ готовился дотронуться до полотна и въ нерѣшительности останавливался, наконецъ провелъ кистью по глазамъ, потушевалъ, открылъ немного вѣки. Взглядъ у ней сталъ шире, но былъ все еще покоенъ. Онъ тихо, почти машинально, опять коснулся глазъ: они стали болѣе жизненны, говорящи, но еще холодны. Онъ долго водилъ кистью около глазъ, опять задумчиво мѣшалъ краски и провелъ въ глазу какую-то черту, поставилъ нечаянно точку, какъ учитель нѣкогда въ школѣ поставилъ на его безжизненномъ рисункѣ, потомъ сдѣлалъ что-то, чего и самъ объяснить не могъ, въ другомъ глазу... И вдругъ самъ замеръ отъ искры, какая блеснула ему изъ нихъ. Онъ отошелъ, посмотрѣлъ и обомлѣлъ: глаза бросили снопъ лучей прямо на него, но выраженіе все было строго. Онъ безсознательно, почти случайно, чуть-чуть измѣнилъ линію губъ, провелъ легкій штрихъ по верхней губѣ, смягчилъ какую-то тѣнь, и опять отошелъ, посмотрѣлъ: «она, она!» говорилъ онъ едва дыша: «нынѣшняя, настоящая Софья!» Онъ услышалъ сзади себя шаги и въ живостью обернулся: пришелъ Аяновъ.

— Иванъ Иванычъ! торжественно сказалъ Райскій: — какъ я радъ, что ты пришелъ! Смотри — она, она? Говори же!

— Постой, дай посмотрѣть.

Иванъ Ивановичъ долго смотрѣлъ. Райскій ждалъ съ нетерпѣніемъ.

— Кто это? флегматически спросилъ Аяновъ.

Райскій остолбенѣлъ.

— Ты не узналъ Софью? спросилъ онъ, едва приходя въ себя отъ изумленія.

— Какъ, Софья Николаевна? можетъ ли быть? говорилъ Ая-

новъ, глядя во всѣ широкіе глаза на портретъ. — Вѣдь у тебя былъ другой? — тотъ, кажется, лучше: гдѣ онъ?

Райскій съ досадой, почти съ презрѣніемъ, махнулъ рукой.

— Все тотъ же! замѣтилъ онъ: — я только передѣлалъ. Какъ ты не видишь, напустился онъ на Аянова: — что тотъ былъ безъ жизни, безъ огня, сонный, вялый, а этотъ!..

— Воля твоя, тотъ былъ больше похожъ! упрямо возражалъ Аяновъ: — а этотъ... она тутъ какъ будто пьяна.

— Самъ ты пьянъ! Поди прочь!

— Я, вѣдь, не знаю толку, равнодушно отозвался Аяновъ.

Райскій, не отвѣчая ему, сердито подмалевывалъ волосы, бархатъ на портретѣ.

Чрезъ четверть часа пришелъ Кириловъ. Это былъ маленькій, сухощавый человѣчекъ, весь спрятавшійся въ бакенбарды, усы и бороду. Тѣла почти совсѣмъ было не видно, только впалые глаза неестественно блестѣли, да носъ вдругъ рѣзкимъ горбомъ выходилъ изъ чащи, а концомъ опять упирался въ волосы, за которыми не видать было ни щекъ, ни подбородка, ни губъ. Шея крылась тоже подъ бородой, а все остальное туловище, точно въ мѣшокъ, было завернуто въ широкое, складками висѣвшее пальто, изъ подъ котораго выглядывали полы другого пальто или сюртука, покрытыя пятнами масляныхъ красокъ. На ногахъ была какая-то, мягко-шаркавшая при походкѣ обувь, шляпа истертая, съ лоскомъ, съ покрившимся бокомъ.

Глядя на эти задумчивые, сосредоточенные и горячіе взгляды, на это какъ будто уснувшее, подъ непроницаемымъ покровомъ волосъ, суровое, неподвижное лицо, особенно, когда онъ, съ палитрой, предъ мольбертомъ, въ своей темной артистической кельѣ, вонзитъ дикій и острый, какъ гвоздь, взглядъ въ ликъ изображеннаго имъ святого, не подумаешь, что это вольный, какъ птица, художникъ міра, ищущій свѣтлыхъ сторонъ жизни, а примешь его самого за мученика, за монаха искусства, возненавидѣвшаго радости и понявшаго только скорби. Таковъ онъ, кажется, и былъ.

Онъ молча, медленно и глубоко погрузился въ портретъ. Райскій съ безпокойствомъ слѣдилъ за выраженіемъ его лица. Кириловъ въ первое мгновеніе съ изумленіемъ остановилъ глаза на лицѣ портрета и долго покоилъ, казалось, одобрительный взглядъ на глазахъ; морщины у него разгладились. Онъ какъ будто видѣлъ пріятный сонъ. Потомъ вдругъ точно проснулся; нерадостное, а печальное изумленіе медленно разлилось по лицу, лобъ наморщился. Онъ отвернулся, положилъ шляпу на столъ, досталъ папироску и сталъ закуривать.

— Что̀ же вы? спросилъ Райскій.

— За этимъ вы меня звали? спросилъ Кириловъ.

— А что̀?

— Прощайте: я пойду домой...

— Постойте, скажите что-нибудь.

— Что̀ говорить: пустое!

— Ну, да, у васъ чуть изъ облаковъ спустишься—такъ пустое! возразилъ обиженный Райскій. — Ахъ, вы, мертвецы! Вы прежде во мнѣ признавали дарованіе, Семенъ Семенычъ...

— Что̀ вамъ повторять? я ужъ говорилъ! (Онъ вздохнулъ.) Если будете этимъ путемъ идти, тратить себя на модныя вывѣски... прибавилъ онъ.

— Модныя вывѣски! Знаете ли вы, кто это?

— Кто? повторилъ Кириловъ, бѣгло взглянувъ на портретъ. — Какая-нибудь актриса...

— Что́ вы, точно оба съ ума сошли! тотъ видитъ пьяную женщину, этотъ актрису! Что̀ съ вами толковать!

Райскій сталъ закрывать портретъ.

— Повезу его къ ней: самъ оригиналъ оцѣнитъ лучше. Семенъ Семенычъ, отъ васъ я надѣялся хоть привѣтливаго слова: вы, бывало, во всякомъ моемъ трудѣ находили что-нибудь, хоть искру жизни...

— И здѣсь искра есть! сказалъ Кириловъ, указывая на глаза, на губы, на высокій, бѣлый лобъ.—Это превосходно, это... Я не знаю подлинника, а вижу, что здѣсь есть правда. Это стоитъ высокой картины и высокаго сюжета. А вы дали эти глаза, эту страсть, теплоту, какой-нибудь вертушкѣ, куклѣ, барынѣ, кокеткѣ! съ презрительной досадой говорилъ онъ.

— Нѣтъ, Семенъ Семенычъ, выше этого сюжета не можетъ выбрать живописецъ. Это не вертушка, не кокетка: она достойна была бы вашей кисти: это идеалъ строгой чистоты, гордости; это богиня, хоть олимпійская... но она въ вашемъ родѣ, то есть— не отъ міра сего!

— Это бы лицо, да съ молитвеннымъ, напряженнымъ взглядомъ, безъ этого страстнаго вожделѣнія... Послушайте, Борисъ Павлычъ, передѣлайте портретъ въ картину; бросьте вашъ свѣтъ, глупости, волокитства... завѣсьте окна да закупорьтесь мѣсяца на три, на четыре...

— Зачѣмъ?

— Сдѣлайте молящуюся фигуру! сморщившись, говорилъ Кириловъ, такъ-что и носъ ушелъ у него въ бороду и все лицо казалось щеткой.—Долой этотъ бархатъ, шелкъ! поставьте ее на колѣни, просто, на камнѣ, набросьте ей на плечи грубую мантію, сло-

жите руки на груди... Вотъ здѣсь, здѣсь (онъ пальцомъ чертилъ около щекъ) меньше свѣту, долой это мясо, смягчите глаза, накройте немного вѣки... и тогда сами станете на колѣни и будете молиться.

— Нѣтъ, Семенъ Семенычъ, я не хочу въ монастырь; я хочу жизни, свѣта и радости. Я безъ людей никуда, ни шагу; я поклоняюсь красотѣ, люблю ее (онъ нѣжно взглянулъ на портретъ) тѣломъ и душой, и, признаюсь... (онъ комически вздохнулъ) больше тѣломъ...

Кириловъ махнулъ рукой и началъ ходить по комнатѣ.

— Въ васъ погибаетъ талантъ; вы не выбьетесь, не выйдете на широкую дорогу. У васъ недостаетъ упорства, есть страстность, да страсти, терпѣнія нѣтъ! Вотъ и тутъ, смотрите, руки только-что намѣчены, и невѣрно, плеча несоразмѣрны, а вы ужь завертываете, бѣжите показывать, хвастаться...

— Не въ мазаньи дѣло, Семенъ Семенычъ! возразилъ Райскій. — Сами же вы сказали, что въ глазахъ, въ лицѣ есть правда; и я чувствую, что поймалъ тайну. Что жъ за дѣло до волосъ, до рукъ?..

— Полноте, полноте лукавить! перебилъ Кириловъ: — не умѣете дѣлать рукъ, а поучиться — терпѣнья нѣтъ! Вѣдь, если вытянуть эту руку, она будетъ короче другой; уродецъ, въ сущности, ваша красавица! Вы все шутите, а ни жизнью, ни искусствомъ шутить нельзя. То и другое строго: оттого немного на свѣтѣ и людей, и художниковъ...

Онъ вздохнулъ и лицо глубже ушло въ волосы.

— Что жъ, по вашему, спрятаться отъ жизни, отъ людей, нахмуриться, не улыбнуться никогда и...

— Да, не погнѣвайтесь! перебилъ Кириловъ: — если хотите въ искусствѣ чего-нибудь прочнѣе сладенькихъ улыбокъ да пухлыхъ плечъ, или почище заднихъ дворовъ и пьянаго мужичья, такъ бросьте красавицъ и пирушки, а будьте трезвы, работайте до тумана, до обморока въ головѣ; надо падать и вставать, умирать съ отчаянія и опять понемногу оживать, вскакивать ночью...

— Я дѣлаю это... почти... сказалъ Райскій: — вскакиваю съ постели, иногда плачу, дохожу до безумія...

— Всѣ вы сумасшедшіе, какъ я погляжу! равнодушно замѣтилъ Аяновъ.

— Да, вскакиваете, чтобъ мазнуть вашу вотъ эту «правду» (онъ указалъ на открытое плечо Софьи). Нѣтъ, вы встаньте ночью, да эту же фигуру начертите разъ десять, пока будетъ вѣрно. Вотъ вамъ задача на двѣ недѣли: я приду и посмотрю. А теперь прощайте.

— Постойте, учитель! постойте! останавливалъ Райскій.

— Пустите! Нѣтъ у васъ уваженія къ искусству, говорилъ Кириловъ:—нѣтъ уваженія къ самому себѣ. Общество художниковъ — это орденъ братства, все-равно, что масонскій орденъ: онъ разсѣянъ по всему міру и всѣ идутъ къ одной цѣли. Художники—ровесники «каменьщиковъ». Вспомните Хирама и его тайну. Да, вотъ что! Нельзя наслаждаться жизнію, шалить, ѣздить въ гости, танцовать и, между прочимъ, сочинять, рисовать, чертить и ваять. Нѣтъ,—горячо и почти грубо напалъ онъ на Райскаго—: бросьте эти конфекты и подите въ монахи, какъ вы сами удачно выразились, и отдайте искусству все, молитесь и поститесь, будьте мудры и, вмѣстѣ, просты, какъ змѣи и голуби, и что бы ни дѣлалось около васъ, куда бы ни увлекала жизнь, въ какую бы яму ни падали, помните и исповѣдуйте одно ученіе, чувствуйте одно чувство, испытывайте одну страсть — къ искусству! Пусть васъ клянутъ, презираютъ, во имя его — идите: тогда только призваніе и служеніе совершатся, и тогда будетъ «многа ваша мзда», то-есть безсмертіе. А вамъ недостаетъ мужества, силы нѣтъ, и недостаетъ еще бѣдности. Отдайте ваше имѣніе нищимъ и идите вслѣдъ за спасительнымъ свѣтомъ творчества. Гдѣ вамъ! вы—баринъ, вы родились не въ ясляхъ искусства, а въ шелку, въ бархатѣ. А искусство не любитъ баръ... оно тоже избираетъ «худородныхъ»... Закройте эту безстыдницу, или передѣлайте ее въ блудницу у ногъ Христа. Прощайте. Чрезъ двѣ недѣли зайду посмотрѣть.

Онъ бросилъ папироску въ песочницу, схватилъ шляпу и исчезъ прежде, нежели Райскій успѣлъ остановить его.

— Каковъ! сказалъ Аяновъ. — Чудакъ! Онъ, въ самомъ дѣлѣ, не въ монахи ли собирается? Шляпа продавлена, весь въ масляныхъ пятнахъ, нищъ, ободранъ. Сущій мученикъ! Не пьетъ ли онъ?

— Кромѣ воды ничего.

— Ну, такъ удавится, или съ ума сойдетъ.

Райскій глубоко вздохнулъ.

— Да, сказалъ онъ: — это одинъ изъ послѣднихъ могиканъ: истинный, цѣльный, но ненужный болѣе художникъ. Искусство сходитъ съ этихъ высокихъ ступеней въ людскую толпу, т. е. въ жизнь. Такъ и надо! Что онъ проповѣдуетъ: это изувѣръ!

Однако, продолжая сравненіе Кирилова, онъ мысленно сравнилъ себя съ тѣмъ юношей, которому неудобно было войти въ царствіе небесное. Онъ задумчиво ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Уныніе поглотило его: у него на сердцѣ стояли слезы. Онъ въ эту минуту непритворно готовъ былъ бросить все, уйти

въ пустыню, надѣть изношенное платье, ѣсть одно блюдо, какъ Кириловъ, завѣситься отъ жизни, какъ Софья, и мазать, мазать до упадка, передѣлать Софью въ блудницу. Онъ даже быстро схватилъ новый натянутый холстъ, поставилъ на мольбертъ и началъ мѣломъ крупно чертить молящуюся фигуру; онъ вытянулъ у ней руку и задорно, съ яростью, выдѣлывалъ пальцы; сотретъ, опять начертитъ, опять сотретъ — все не выходитъ! Его стало грызть нетерпѣніе, которое, при первомъ неудачномъ чертежѣ, перешло въ озлобленіе. Онъ стеръ, опять началъ чертить медленно, проводя густыя, яркія черты, какъ будто хотѣлъ продавить холстъ. Уже то отчаяніе, о которомъ говорилъ Кириловъ, начало смѣнять озлобленіе. Онъ положилъ мѣлъ, отеръ пальцы о волосы и подошелъ къ портрету Софьи.

«Передѣлать портретъ», думалъ онъ. «Правъ ли Кириловъ? Вся цѣль моя, задача, идея — красота! Я охваченъ ею и хочу воплотить этотъ, овладѣвшій мною, сіяющій передо мною образъ: если я поймалъ эту «правду» красоты — чего еще? Нѣтъ, Кириловъ — аскетъ: онъ ищетъ красоту въ небѣ, я — на землѣ... Покажу портретъ Софьѣ: что она скажетъ? а потомъ уже передѣлаю... только не въ блудницу!»

Онъ засмѣялся, подумавъ, что бы сказала Софья, еслибъ узнала эту мысль Кирилова? Онъ мало по малу успокоился, любуясь «правдой» на портретѣ и возвратился къ прежнимъ, вольнымъ мечтамъ, вольному искусству и вольному труду. Тщательно оберегая портретъ, онъ повезъ его къ Софьѣ.

XVIII.

Райскій вѣрилъ и не вѣрилъ, что увидитъ ее, и какъ и что будетъ говорить. «Какъ тутъ закипаетъ!» — думалъ онъ, трогая себя за грудь. «О! быть бурѣ, и дай Богъ бурю! Сегодня рѣшительный день, сегодня тайна должна выйдти наружу, и я узнаю... любитъ ли она, или нѣтъ? Если да, жизнь моя... *наша* должна измѣниться, я не ѣду.... или, нѣтъ, *мы* ѣдемъ туда, къ бабушкѣ, въ уголокъ, оба...» Онъ развернулъ портретъ, поставилъ его въ гостиной на кресло и тихо пошелъ по анфиладѣ къ комнатамъ Софьи. Ему сказали внизу, что она была одна: тётки уѣхали къ обѣднѣ. Онъ, держась за сердце, какъ будто унимая, чтобъ оно не билось, шелъ на цыпочкахъ. Ему все снились разбросанные цвѣты, поднятый занавѣсъ, дерзкіе лучи, играющіе на хрусталѣ. Онъ тихо подкрался и увидѣлъ Софью. Она сидитъ, опершись локтями на столъ, положивъ лицо въ ладони и мечтаетъ, дрем-

летъ, или... плачетъ. Она въ неглижé, не затянута въ латы негнущагося платья, безъ кружевъ, безъ браслетъ, даже не причесана; волосы небрежно, кучей лежатъ въ сѣткѣ; блуза стелется по плечамъ и падаетъ широкими складками у ногъ. На коврѣ лежатъ двѣ атласныя туфли; ноги просто въ чулкахъ покоятся на бархатной скамеечкѣ. Онъ никогда не видалъ ее такою. Она не замѣчаетъ его, а онъ боится дохнуть.

— Кузина, Sophie! назвалъ онъ ее чуть-чуть слышно.

Она вздрогнула, немного отшатнулась отъ стола и съ удивленіемъ глядѣла на Райскаго. У нея въ глазахъ стояли вопросы: «Какъ онъ? откуда взялся? зачѣмъ тутъ?»

— Sophie! повторилъ онъ.

Она встала и выпрямилась во весь ростъ.

— Что съ вами, cousin? спросила она коротко.

— Виноватъ, кузина, уже безъ восторга сказалъ онъ: — я васъ засталъ нечаянно... въ такомъ поэтическомъ безпорядкѣ.

Она оглянулась около себя и вдругъ будто спохватилась и позвонила.

— Pardon, cousin, я одѣнусь! сухо сказала она и ушла съ дѣвушкой въ спальню.

Онъ слышалъ, что она сдѣлала выговоръ Пашѣ, зачѣмъ ей не доложили о пріѣздѣ Райскаго.

«Что же это такое?» думалъ Райскій, глядя на привезенный имъ портретъ, «она опять не похожа, она все такая же... Да нѣтъ, она не обманетъ меня: это спокойствіе и холодъ, которымъ она сейчасъ вооружилась передо мной, не прежній холодъ — о, нѣтъ! это натяжка, принужденіе. Тамъ что-то прячется, подъ этимъ льдомъ — посмотримъ».

Наконецъ, она вышла, причесанная, одѣтая, въ шумящемъ платьѣ. Она, не глядя на него, стала у зеркала и надѣвала браслетъ.

— Я привезъ вашъ портретъ, кузина.

— Гдѣ? Покажите, сказала она, и пошла за нимъ въ гостиную.

— Вы польстили мнѣ, cousin: я не такая, говорила она, вглядываясь въ портретъ.

— Ахъ, нѣтъ, я далеко отъ истины! сказалъ онъ съ непритворнымъ унынiемъ, видя передъ собой подлинникъ. — Красота, какая это сила! Ахъ, еслибъ мнѣ этакую!

— Что жъ бы вы сдѣлали?

— Что бы я сдѣлалъ? повторилъ онъ, глядя на нее пристально и лукаво. — Сдѣлалъ бы кого-нибудь очень-счастливымъ...

— И надѣлали бы тысячу несчастныхъ — да? Стали бы пробовать свою силу надъ всѣми, и не было бы пощады никому...

— А! поймалъ ее Райскій:—не изъ состраданія ли вы такъ неприступны?... Вы боитесь бросить лишній взглядъ, зная, что это никому не пройдетъ даромъ. Новая изящная черта! самоувѣренность вамъ къ лицу. Эта гордость лучше родовой спѣси: красота — это сила, и гордость тутъ имѣетъ смыслъ.

Онъ обрадовался, что открылъ, какъ казалось ему, почему она такъ упорно кроется отъ него, почему такъ вдругъ измѣнила мечтательную позу и ушла опять въ свои окопы.

— Не будьте однако слишкомъ сострадательны: кто откажется отъ страданій, чтобъ подойдти къ вамъ, говорить съ вами? Кто не поползетъ на колѣняхъ вслѣдъ за вами на край свѣта, не только для торжества, для счастья и побѣды — просто, для одной слабой надежды на побѣду...

— Полноте, cousin, вы опять за свое! сказала она, но не совсѣмъ равнодушнымъ тономъ. Она какъ-будто сомнѣвалась, такъ ли она сильна, такъ ли всѣ поползли бы за ней, какъ этотъ восторженный, горячій, сумасбродный артистъ?

И этотъ тонкій оттѣнокъ сомнѣнія не ускользнулъ отъ Райскаго. Онъ прозрѣвалъ въ ея взгляды, слова, ловилъ, иногда безсознательно, всѣ лучи и тѣни, мелькавшія въ ней, не только проникалъ смысломъ, но какъ-будто чуялъ нервами, что̀ произошло, даже что̀ должно было произойдти въ ней.

— Вы сами видите это, продолжалъ онъ:—что за одинъ ласковый взглядъ, безъ особеннаго значенія, за одно слово, безъ обѣщаній награды, всѣ бѣгутъ, суетятся, ловятъ ваше вниманіе.

— Будто бы?

— А вы не замѣтили? Полноте!

— Право, нѣтъ.

— Право, замѣтили и втихомолку торжествуете, да еще издѣваетесь надо мной, заставляя высказывать васъ же самихъ. Вы знаете, что я говорю правду, и въ словахъ моихъ видите свой образъ и любуетесь имъ.

— Пока еще я видѣла его въ портретѣ, и то преувеличенно, а на словахъ вы только бранитесь.

— Нѣтъ, портретъ—это слабая, блѣдная копія; вѣренъ только одинъ лучъ вашихъ глазъ, ваша улыбка, и то не всегда: вы рѣдко такъ смотрите и улыбаетесь, какъ-будто боитесь. Но иногда это мелькнетъ; однажды мелькнуло, и я поймалъ, и только намекнулъ на правду, и ужъ смотрите, что̀ вышло. Ахъ, какъ вы были хороши тогда!

— Когда это?

— Вотъ тутъ, когда я говорилъ вамъ... еще, помните вашъ папà привелъ этого Милари...

Она молчала.

— Милари? повторилъ онъ.

— Помню, сухо сказала она.

— Что̀, онъ часто бываетъ у васъ? спросилъ Райскій, замѣтивъ и эту сухость тона.

— Да̀... иногда. Онъ очень хорошо поетъ, прибавила она и сѣла на диванъ, спиной къ свѣту.

— Когда онъ будетъ у васъ, я бы заѣхалъ... дайте мнѣ знать.

— Здѣсь свѣжо! замѣтила она, дѣлая движеніе плечами — надо велѣть затопить каминъ.

— Я пришелъ проститься съ вами; я ѣду—вы знаете? спросилъ онъ вдругъ, взглянувъ на нее.

Она ничего.

— Куда? спросила только.

— Въ деревню, къ бабушкѣ... Вамъ не жаль, не скучно будетъ безъ меня?

Она думала и, казалось, рѣшала эти вопросы про-себя.

— Видите, кузина, для меня и то ужъ счастье — что тутъ есть какое-то колебаніе, что у васъ не вырвалось ни да, ни нѣтъ. Внезапное *да*,—значило бы обманъ, любезность или ужъ такое счастье, какого я не заслужилъ; а отъ *нѣтъ* было бы мнѣ больно. Но вы не знаете сами, жаль вамъ или нѣтъ, это ужъ много отъ васъ, это половина побѣды.

— А вы надѣетесь на полную? спросила она съ улыбкой.

— «Плохой солдатъ, который не надѣется быть генераломъ!» сказалъ бы я, но не скажу: это было бы слишкомъ... невозможно.

Онъ глядѣлъ на нее и хотѣлъ бы, далъ бы, Богъ-знаетъ что̀, даже втайнѣ ждалъ, чтобъ она спросила «почему?» но она не спросила, и онъ подавилъ вздохъ.

— Невозможно, повторилъ онъ: — и въ доказательство, что у меня нѣтъ такихъ колоссальныхъ надеждъ, я пришелъ проститься съ вами, можетъ-быть, надолго.

— Мнѣ жаль васъ, cousin, вдругъ сказала она тихо, мягко и почти съ чувствомъ.

Онъ обернулся къ ней такъ живо, какъ человѣкъ, у котораго болѣли зубы и вдругъ прошла боль.

— «Жаль!» повторилъ онъ: — правда ли это?

— Совершенно. Вы знаете, я никогда не лгу.

Онъ взялъ ея ладонь и съ упоеніемъ цѣловалъ. Она не отнимала руки.

— Вотъ, вотъ, за это право цѣловать такъ вашу руку, чего бы не сдѣлали всѣ эти, которые толпятся около васъ!

— Стало-быть, вы счастливы: вы пользуетесь этимъ правомъ свободно...

— Да, какъ cousin! Но чего бы не сдѣлалъ я, говорилъ онъ, глядя на нее почти пьяными глазами: — чтобъ цѣловать эту ладонь иначе... вотъ такъ...

Онъ хотѣлъ опять цѣловать, она отняла руку.

— Не смѣю сомнѣваться, что вамъ немного... жаль меня, продолжалъ онъ: — но какъ бы хотѣлось знать, отчего? зачѣмъ бы вы желали иногда видѣть меня?

— Чтобъ слышать васъ. Вы много, конечно, преувеличиваете, но иногда объясняете вѣрно тамъ, гдѣ я понимаю, но не могу сама сказать, не умѣю...

— А, сознались наконецъ! Такъ вотъ зачѣмъ я вамъ нуженъ: вы заглядываете въ меня, какъ въ арабскій словарь... Не завидная роль! прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Но вы сами, cousin, сейчасъ сказали, что не надѣетесь быть генераломъ, и что всякій просто за вниманіе мое готовъ былъ... поползти куда-то... Я не требую этого, но если вы мнѣ дадите немного...

— Дружбы? спросилъ Райскій.

— Да.

— Ну, такъ, я зналъ. Охъ, эта дружба!

— Нѣтъ, cousin, я вижу, что вы не отказались отъ «генеральскаго чина»...

— Нѣтъ, нѣтъ, кузина, я не надѣюсь, и отъ того, повторяю, ѣду. Но вы сказали мнѣ, что вамъ скучно безъ меня, что меня вамъ будетъ недоставать и я, какъ утопающій, хватаюсь за соломинку.

— И не напрасно хватаетесь: я предлагаю вамъ не бездѣлицу: дружбу. Если для одного ласковаго взгляда или слова можно ползти такую даль, на край свѣта, то для дружбы, которой я никому легко не даю...

— Дружба хороша, кузина, когда она—шагъ къ любви, или, иначе, она просто нелѣпость, даже иногда оскорбленіе.

— Какъ это?

— Такъ. Вы мнѣ дадите право входить безъ доклада къ себѣ, и то невсегда: вотъ сегодня разсердились, будете гонять меня по городу съ порученіями — это привилегія кузенъ, даже совѣтоваться со мной, если у меня есть вкусъ, какъ одѣться; удостоите

искренняго отзыва о вашихъ родныхъ, знакомыхъ, и наконецъ, дойдетъ до оскорбленія... до того, что повѣрите мнѣ сердечный секретъ, когда влюбитесь...

У Софьи въ лицѣ показалось принужденіе; она даже притворно зѣвнула въ сторону. Онъ замѣтилъ.

— Не влюбились ли вы уже? вдругъ спросилъ онъ.

— А что? съ живостью перебила она.

— Что значитъ это смущеніе?

— Смущеніе? Я смутилась? говорила она и поглядѣла въ зеркало. — Я не смутилась, а вспомнила только, что мы условились не говорить о любви. Прошу васъ, cousin, вдругъ серьезно прибавила она: — помнить уговоръ. Не будемъ, пожалуйста, говорить объ этомъ.

Онъ удивился этой просьбѣ и задумался. Она и прежде просила, но шутя, съ улыбкой. Самолюбіе шепнуло-было ему, что онъ постучался въ ея сердце не даромъ, что оно отзывается, что смущеніе и внезапная, неловкая просьба не говорить о любви — есть боязнь, осторожность. Потомъ онъ отбросилъ эту мысль и самъ покраснѣлъ отъ сознанія, что онъ фатъ, и искалъ другихъ причинъ, а сердце ноетъ, мучится, терзается, глаза впиваются въ нее съ вопросами, слова кипятъ на языкѣ и не сходятъ. Его уже гложетъ ревность.

«Что-жъ это? Ужели я не шутя влюбленъ?» думалъ онъ. «Нѣтъ, нѣтъ! И что мнѣ за дѣло, вѣдь я не для себя хлопоталъ, а для нея же... для развитія... «для общества». Еще послѣднее усиліе!...»

— Послѣдній вопросъ, кузина, сказалъ онъ вслухъ:—еслибъ.... И задумался: вопросъ былъ рѣшителенъ: — еслибъ я не принялъ дружбы, которую вы подносите мнѣ, какъ похвальный листъ за благонравіе, а задался бы задачей «быть генераломъ»: что-бъ вы сказали? могъ ли бы, могу ли я?... «Она не кокетка, она скажетъ истину!!...» подумалъ онъ.

— Поддержали бы вы эту надежду, кузина?

Онъ дрожа выговаривалъ послѣднія слова и боялся взглянуть на нее. Она засмѣялась.

— У васъ нѣтъ никакихъ надеждъ, cousin, произнесла она равнодушно.

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, какъ-будто сомнѣніе въ этомъ было невозможно.

— Нѣтъ, и не можетъ быть! повторила она рѣшительно.— Вы все преувеличиваете: простая любезность вамъ кажется какимъ-то entraînement, въ обыкновенномъ вниманіи вы видите

страсть и сами въ какомъ-то бреду. Вы выходите изъ роли кузена и друга — позвольте напомнить вамъ.

— Такъ вы смѣшиваете меня съ свѣтскими любезниками, волокитами!

— Fi, quelles expressions!

— Да, вотъ съ этими, что̀ порхаютъ по гостинымъ, по ложамъ, съ псевдо-нѣжными взглядами, страстно-почтительными фразами и заученнымъ остроуміемъ. Нѣтъ, кузина, если я говорю о себѣ, то говорю, что̀ во мнѣ есть; языкъ мой вѣрно переводитъ голосъ сердца. Вотъ годъ я у васъ: ухожу и уношу мысленно васъ съ собой, и что̀ чувствую, то съумѣю выразить.

— Зачѣмъ мнѣ это? вдругъ спросила она.

Онъ замолчалъ, озадаченный этимъ «зачѣмъ». Тутъ былъ весь отвѣтъ на его вопросъ о надеждахъ на «генеральство.» И довольно бы, не спрашивать бы ему дальше, а онъ спрашивалъ!

— Вы... не любите меня, кузина? спросилъ онъ тихо и вкрадчиво.

— Очень! весело отвѣчала она.

— Не шутите, ради Бога! раздражительно сказалъ онъ.

— Даю вамъ слово, что не шучу.

«Спросить, влюблены ли вы въ меня — глупо, такъ глупо», думалъ онъ, «что лучше уѣду, ничего не узнавъ, а ни за что̀ не спрошу... Вотъ, поди-жъ ты: «выше міра и страстей», а хитритъ, вертится и ускользаетъ, какъ любая кокетка! Но я узна̀ю! брякну неожиданно, что̀ у меня бродитъ въ душѣ!...»

Во время этого мысленнаго монолога, она съ лукавой улыбкой смотрѣла на него и, кажется, нечужда была удовольствія помучить его и помучила бы, еслибъ... онъ не «брякнулъ» неожиданнымъ вопросомъ:

— Вы влюблены въ этого итальянца, въ графа Милари—да? спросилъ онъ и погрузилъ въ нее взглядъ и чувствовалъ самъ, что блѣднѣетъ, что однимъ мигомъ какъ-будто взвалилъ тысячи пудъ себѣ на плечи.

Улыбка, дружескій тонъ, свободная поза—все исчезло въ ней отъ его вопроса. Передъ нимъ холодная, суровая, чужая женщина. Она была такъ близка къ нему, а теперь казалась гдѣ-то далеко, на высотѣ, не родня и не другъ ему.

«Должно-быть, это правда: я угадалъ!» подумалъ онъ и разбиралъ, отчего угадалъ онъ, что̀ подало поводъ ему къ догадкѣ? Онъ не видалъ никогда Милари у ней, а только когда заговорилъ о немъ — у ней пробѣжала какая-то тѣнь по лицу, да пересѣла она спиной къ свѣту. «Боже мой! зачѣмъ я все вижу и знаю, гдѣ̀ другіе слѣпы и счастливы? Зачѣмъ для меня до-

вольно шороха, вѣтерка, самаго молчанія, чтобъ знать? Проклятое чутье! Вотъ теперь ядъ прососался въ сердце, а изъ какихъ благъ?»

Она молчала.

— Вы обидѣлись, кузина?

Она молчала.

— Скажите: да?

— Вы сами знаете, что̀ можетъ произвести подобная догадка.

— Я знаю больше, кузина: я знаю и причину, почему вы обидѣлись.

— Позвольте узнать!

— Потому-что это правда.

Она сдѣлала движеніе и поглядѣла на него съ изумленіемъ, какъ-будто говоря: «вы еще настаиваете!»

— И этотъ взглядъ не вашъ, кузина, а заимствованный?

— Я притворяюсь. Вы приписываете себѣ много чести, мсьё Райскій.

Онъ засмѣялся, потомъ вздохнулъ.

— Если это не правда, то... что̀ обиднаго въ моей догадкѣ? сказалъ онъ: — а если правда, то опять-таки, что̀ обиднаго въ этой правдѣ? Подумайте надъ этой дилеммой, кузина, и покайтесь, что вы напрасно хотѣли подавить достоинствомъ вашего бѣднаго cousin.

Она слегка пожала плечами.

— Да, это такъ, и все, что̀ вы дѣлаете въ эту минуту, выражаетъ не оскорбленіе, а досаду, что у васъ похитили тайну... и самое оскорбленіе это — только маска.

— Какая тайна? Что вы! говорила она, возвышая голосъ и дѣлая большіе глаза. — Вы употребляете во зло права кузена — вотъ въ чемъ и вся тайна. А я неосторожна тѣмъ, что принимаю васъ во всякое время, безъ тётушекъ и папа̀.

— Кузина, бросьте этотъ тонъ, началъ онъ дружески, горячо и искренно, такъ-что она почти смягчилась и мало-по-малу приняла прежнюю, свободную, довѣрчивую позу, какъ-будто видѣла, что тайна ея попала не въ дурныя руки, если только тутъ была тайна.

— Вотъ что̀ значитъ Олимпъ! продолжалъ онъ. — Будь вы просто женщина, не богиня, вы бы поняли мое положеніе, взглянули бы въ мое сердце и поступили бы не сурово, а съ пощадой, даже еслибъ я былъ вамъ совсѣмъ чужой. А я вамъ близокъ. Вы говорите, что любите меня дружески, скучаете не видя меня... Но женщина бываетъ сострадательна, нѣжна, че-

стна, справедлива, только съ тѣмъ, кого любитъ, и безжалостна ко всему прочему. У злодѣя, подъ ножомъ, скорѣе допросишься пощады, нежели у женщины, когда ей нужно закрыть свою любовь и тайну.

— Къ-чему вы это мнѣ говорите? со мной это вовсе не у мѣста. А я еще просила васъ оставить разговоръ о любви, о страстяхъ...

— Знаю, кузина, знаю и причину: я касаюсь вашей раны. Но уже-ли мое дружеское прикосновеніе такъ грубо... уже-ли я не стою довѣренности?...

— Какой довѣренности? Какія тайны? ради Бога, cousin, говорила она, глядя въ безпокойствѣ по сторонамъ, какъ-будто хотѣла уйти, заткнуть уши, не слышать, не знать.

— Пусть я смѣшонъ съ своими надеждами на «генеральство», продолжалъ онъ, не слушая ее, горячо и нѣжно:—но, однакожъ, чего-нибудь же да стóю я въ вашихъ глазахъ — не правда ли? Скажу больше: около васъ, во всей вашей жизни никогда не было и нѣтъ, можетъ быть, и не будетъ человѣка ближе къ вамъ. И вы сами давича сказали то же, хотя не такъ ясно. У васъ не было человѣка настоящаго, живого, который бы такъ коротко зналъ людей, и сердце, и объяснялъ бы вамъ васъ самихъ. Вы во мнѣ читаете свои мысли, повѣряете чувства. Я не тетушка, не папà, не предокъ вамъ, не мужъ—никто изъ нихъ не зналъ жизни, всѣ они на ходуляхъ, всѣ замкнулись въ кружокъ старыхъ скудныхъ понятій, условнаго воспитанія, такъ называемаго «тона», и нищенски пробавляются ими. Я живой, свѣжій человѣкъ; я приношу къ вамъ сюда незнакомыя здѣсь понятія и чувства, я новость для васъ; я занимаю... виноватъ... занималъ васъ... Правда ли это, кузина?

Она молчала.

— Теперь, конечно, другое дѣло: теперь вы рады, что я ѣду, продолжалъ онъ:—всѣ прочіе могутъ остаться; вамъ нужно, чтобъ я одинъ уѣхалъ...

— Почему?

— Потому, что одинъ я лишній въ эту минуту, одинъ я прочелъ вашу тайну въ зародышѣ. Но... если вы мнѣ ввѣрите ее, тогда я, послѣ *него*, буду дороже для васъ всѣхъ...

Она сдѣлала движеніе, встала, прошлась по комнатѣ, оглядывая стѣны, портреты, глядя далеко въ анфиладу комнатъ и какъ-будто не видя выхода изъ этого положенія, и съ нетерпѣніемъ сѣла въ кресло.

— Но... началъ онъ опять нѣжнымъ, дружескимъ голосомъ:—

я васъ люблю, кузина (она выпрямилась), всячески люблю, и больше всего люблю за эту поразительную красоту; вы владѣете мной невольно и безсознательно. Вы можете сдѣлать изъ меня все — вы это знаете...

— Послушайте... вы хотите увѣрить меня, что у васъ... что-то въ родѣ страсти, сказала она, дѣлая какъ-будто уступку ему, чтобъ отвлечь, затушевать его настойчивый анализъ: — смотрите, не лжете ли вы... положимъ — невольно, прибавила она, видя, что онъ собирается разразиться какимъ-нибудь монологомъ. — Мѣсяцъ, два тому назадъ ничего не было, были какіе-то порывы — и вдругъ такъ скоро... Вы видите, что это ненатурально, ни ваши восторги, ни мученія, извините — cousin, я имъ не вѣрю, и оттого у меня нѣтъ и пощады, которой вы добиваетесь. Воля ваша, а мнѣ придется разжаловать васъ изъ кузеней: вы самый безпокойный cousin и другъ...

— Для страсти не нужно годовъ, кузина: она можетъ зародиться въ одно мгновеніе. Но я и не увѣряю васъ въ страсти, уныло прибавилъ онъ: — а что я взволнованъ теперь — такъ я не лгу. Не говорю опять, что я умру съ отчаянія, что это вопросъ моей жизни — нѣтъ; вы мнѣ ничего не дали и нечего вамъ отнять у меня, кромѣ надеждъ, которыя я самъ возбудилъ въ себѣ... Я ихъ беру назадъ. Это ощущеніе: оно, конечно, скоро пройдетъ, я знаю. Впечатлѣніе, за недостаткомъ пищи, не упрочилось — и слава Богу.

Онъ вздохнулъ.

— Чего же вы хотите? спросила она.

— Меня оскорбляетъ вашъ ужасъ, что я заглянулъ къ вамъ въ сердце...

— Тамъ ничего нѣтъ, монотонно сказала она.

— Есть, есть, и мнѣ тяжело, что я не выигралъ даже этого довѣрія. Вы боитесь, что я не умѣю обойтись съ вашей тайной. Мнѣ больно, что васъ пугаетъ и стыдитъ мой взглядъ... кузина, кузина! — а вѣдь, это мое дѣло, моя заслуга, вѣдь, я виноватъ... что вывелъ васъ изъ темноты и слѣпоты, что этотъ Милари...

Она слушала довольно-спокойно, но при послѣднемъ словѣ быстро встала.

— Если вы, cousin, дорожите немного моей дружбой, заговорила она, и голосъ у ней даже немного измѣнился, какъ-будто дрожалъ: — и если вамъ что-нибудь значитъ быть здѣсь... видѣть меня... то... не произносите имени.

«Да, это правда, я попалъ: она любитъ его!» рѣшилъ Райскій, и ему стало уже легче, боль замирала отъ безнадежности, отъ того, что вопросъ былъ рѣшенъ, и тайна объяснилась. Онъ

уже сталъ смотрѣть на Софью, на Милари, даже на самого себя со стороны, объективно.

— Не бойтесь, кузина, ради Бога не бойтесь, говорилъ онъ. — Хороша дружба! Бояться какъ шпіона, стыдиться...

— Мнѣ бояться и стыдиться некого и нѣчего, сказала она.

— Какъ нѣчего, а свѣта, а ихъ! указалъ онъ на портреты предковъ.—Вонъ какъ они вытаращили глаза! Но развѣ я—они? развѣ я — свѣтъ?

— И правду сказать, есть чего бояться предковъ! замѣтила совершенно-свободно и спокойно Софья:—если только они слышатъ и видятъ васъ—чего не было сегодня! И упреки и déclaration, и ревность... Я думала, что это возможно только на сценѣ... Ахъ, cousin!... съ веселымъ вздохомъ заключила она, впадая въ свой слегка-насмѣшливый и покойный тонъ.

Въ самомъ дѣлѣ ей нѣчего было ужасаться и стыдиться: графъ Милари былъ у ней разъ шесть, всегда при другихъ, пѣлъ, слушалъ ея игру и разговоръ, никогда не выходилъ изъ предѣловъ обыкновенной учтивости, едва-замѣтнаго благоуханія тонкой и покорной лести. Другая бы сама бойко произносила имя красавца-Милари, тщеславилась бы его вниманіемъ, немного бы пококетничала съ нимъ, а Софья запретила даже называть его имя и не знала, какъ зажать ротъ Райскому, когда онъ такъ невпопадъ догадался о «тайнѣ». Никакой тайны нѣтъ, и если она приняла эту догадку неравнодушно, такъ, вѣроятно, потому, чтобъ истребить и въ немъ даже тѣнь подозрѣнія. Она влюблена—какая нелѣпость, Боже сохрани! Этому никто и не повѣритъ. Она, попрежнему, смѣло подняла голову и покойно глядѣла на него.

— Прощайте, кузина! сказалъ онъ вяло.

— Развѣ вы не у насъ сегодня? отвѣчала она ласково. — Когда вы ѣдете?

«Лесть, хитрость: золотитъ пилюлю!» думалъ Райскій.

— Зачѣмъ я вамъ? отвѣчалъ онъ вопросомъ.

— Вижу, что дружба моя для васъ—ничто! сказала она.

— Ахъ, неправда, кузина! Какая дружба — вы боитесь меня.

— Слава Богу, мнѣ еще нѣчего бояться.

— *Еще* нѣчего? А если будетъ что-нибудь, удостоите ли вы меня вашего довѣрія?

— Но вы говорите, что это оскорбительно: послѣ этого я боялась бы...

— Не бойтесь! Я сказалъ, что надежды могли бы разыграться отъ взаимности, а ея вѣдь... нѣтъ? робко спросилъ онъ и пытливо взглянулъ на нее, чувствуя, что, при всей безнадеж-

ности, надежда еще не совсѣмъ испарилась изъ него, и тутъ же мысленно назвалъ себя дуракомъ.

Она медленно и отрицательно покачала головой.

— И... быть не можетъ? все еще пытливо спрашивалъ онъ. Она засмѣялась.

— Вы неисправимы, cousin, сказала она. — Всякую другую вы поневолѣ заставите кокетничать съ собой. Но я не хочу и прямо скажу вамъ: нѣтъ.

— Слѣдовательно, вамъ и бояться нечего ввѣриться мнѣ! съ унынiемъ договорилъ онъ.

— Parole d'honneur, мнѣ нечего ввѣрять.

— Ахъ, есть, кузина!

— Что же такое хотите вы, чтобъ я ввѣрила вамъ, dites positivement.

— Хорошо: скажите, чувствуете ли вы какую-нибудь перемѣну съ тѣхъ поръ, какъ этотъ Милари...

Она сдѣлала движенiе, и лицо опять мѣнялось у нея изъ дружескаго на принужденное и холодное.

— Нѣтъ, нѣтъ, pardon—я не назову его... съ тѣхъ поръ, хочу я сказать, какъ *онъ* появился, сталъ ѣздить въ домъ.

— Послушайте, cousin... начала она и остановилась на минуту, затрудняясь, повидимому, продолжать:— положимъ, еслибъ... enfin si c'était vrai—это быть не можетъ (скороговоркой, будто въ скобкахъ, прибавила она), но что... вамъ... за дѣло послѣ того, какъ...

Онъ вспыхнулъ какъ порохъ.

— Что за дѣло! вдругъ горячо перебилъ онъ, дѣлая большiе глаза.—Что за дѣло, кузина! Вы снизойдете до какого-нибудь parvenu, до какого-то Милари, итальянца, вы, Пахотина, блескъ, гордость, перлъ нашего общества! вы... вы! съ изумленiемъ, почти съ ужасомъ повторялъ онъ.

А она съ изумленiемъ смотрѣла на него, какъ онъ весь внезапно вспыхнулъ, какiе яростные взгляды металъ на нее.

— Но онъ, во-первыхъ, графъ... а не parvenu... сказала она.

— Купленный или украденный титулъ! возражалъ онъ въ пылу.—Это одинъ изъ тѣхъ пройдохъ, что, по словамъ Лермонтова, пріѣзжаютъ сюда «на ловлю счастья и чиновъ», втираются въ большiе дома, ищутъ протекцiи женщинъ, протираются въ службу и потомъ дѣлаются гран-сеньорами. Берегитесь, кузина, мой долгъ оберечь васъ! я вамъ родственникъ!

Все это онъ говорилъ чуть не съ пѣной у рта.

— Никто ничего подобнаго не замѣтилъ за нимъ! съ воз-

растающимъ изумленіемъ говорила она: — и если папà и mes tantes принимаютъ его...

— Папà и mes tantes! съ пренебреженіемъ повторилъ онъ: — много знаютъ они: послушайте ихъ!

— Кого же слушать? васъ? Она улыбнулась.

— Да, кузина, и я вамъ говорю: остерегайтесь! Это опасные выходцы: можетъ-быть, подъ этой интересной блѣдностью, мягкими кошачьими манерами, кроется безстыдство, алчность и Богъ-знаетъ что! Онъ компрометтируетъ васъ...

— Но онъ вездѣ принятъ, онъ очень-скроменъ, деликатенъ, прекрасно воспитанъ.

— Все это вы видите въ своемъ воображеніи, кузина—повѣрьте! желчно говорилъ онъ.

— Но вы его не знаете, cousin, возражала она съ полуулыбкой, начиная наслаждаться его внезапной раздражительностью.

— Довольно мнѣ одной минуты было, чтобъ разглядѣть, что это одинъ изъ тѣхъ chevaliers d'industrie, которые сотнями бѣгутъ съ голода изъ Италіи, чтобъ поживиться...

— Онъ артистъ, защищала она: — и если онъ не на сценѣ, такъ потому, что онъ графъ и богатъ... c'est un homme distingué.

— А! вы защищаете его — поздравляю! Такъ вотъ на кого упали лучи съ высоты Олимпа! Кузина! кузина! на комъ вы удостоили остановить взоры! Опомнитесь, ради Бога! Вамъ ли, съ вашими высокими понятіями, снизойдти до какого-то безвѣстнаго выходца, можетъ-быть, самозванца-графа...

Она уже окончательно развеселилась и, казалось, забыла свой страхъ и осторожность.

— А Ельнинъ? вдругъ спросила она.

— Что Ельнинъ? спросилъ и онъ, внезапно остановленный ею. — Ельнинъ—Ельнинъ... замялся онъ: — Это дѣтская шалость, институтское обожаніе. А здѣсь страсть, горячая, опасная!

— Что же: вы бредили страстью для меня — ну, вотъ я страстно влюблена, смѣялась она.—Развѣ мнѣ не все-равно идти туда (она показала на улицу), что съ Ельнинымъ, что съ графомъ? вѣдь тамъ я должна «увидѣть счастье, упиться имъ».

Райскій стиснулъ зубы, сѣлъ на кресло и злобно молчалъ. Она продолжала наслаждаться его положеніемъ.

«Уфъ!» говорилъ онъ, мучаясь, волнуясь, не отъ того, что его поймали и уличили въ противорѣчіи самому себѣ, не отъ того, что у него ускользала красавица-Софья, а отъ подозрѣнія только, что счастье быть любимымъ выпало другому. Не будь другого, онъ бы покойнѣе покорился своей судьбѣ.

А она смотрѣла на него съ торжествомъ, такъ ясно, покойно. Она была права, а онъ запутался.

— Что же, cousin, чему я должна вѣрить: имъ ли? она указала на предковъ: — или, бросивъ все, не слушая никого, вмѣшаться въ толпу и жить «новою жизнью?»

— И тутъ вы остались вѣрны себѣ! возразилъ онъ вдругъ съ радостью, хватаясь за соломинку: — завѣтъ предковъ виситъ надъ вами: вашъ выборъ палъ все-таки на графа! Ха-ха-ха! судорожно засмѣялся онъ.—А остановили ли бы вы вниманіе на немъ, еслибъ онъ былъ не графъ? Дѣлайте, какъ хотите, съ досадой махнулъ онъ рукой... вѣдь... «что мнѣ за дѣло?» возразилъ онъ ея словами. Я вижу, что онъ, этотъ homme distingué, изящнымъ разговоромъ, полнымъ ума, новизны, какого-то трепета, уже тронулъ, пошевелилъ и... и... да, да?

Онъ принужденно засмѣялся.

— Что-жъ, прекрасно! Италія, небо, солнце и любовь... говорилъ онъ, качая, въ волненіи, ногой.

— Да, помните, въ вашей программѣ было и это: замѣтила она,—вы посылали меня въ чужіе края, даже въ чухонскую деревню, и тамъ, «наединѣ съ природой»... По вашимъ словамъ, я должна быть теперь счастлива? дразнила она его. Ахъ, cousin! прибавила она и засмѣялась, потомъ вдругъ сдержала смѣхъ.

Онъ исподлобья смотрѣлъ на нее. Она опять становилась задумчива и холодна; опять осторожность начала брать верхъ.

— Успокойтесь: ничего этого нѣтъ, сказала она кротко: и мнѣ остается только поблагодарить васъ за этотъ новый урокъ, за предостереженіе. Но я въ затрудненіи теперь: чему слѣдовать: тогда вы толкали меня туда, на улицу — теперь... боитесь за меня. Что же мнѣ, бѣдной, дѣлать?... съ комическимъ послушаніемъ спросила она.

Оба молчали.

— Я возьму портретъ съ собой, вдругъ сказалъ онъ.

— Зачѣмъ? вы говорили, что готовите мнѣ подарокъ.

— Нѣтъ, я передѣлаю: я сдѣлаю изъ него... грѣшницу...

Она опять засмѣялась.

— Дѣлайте, что́ хотите cousin, Богъ съ вами!

— И съ вами тоже! Но... кузина...

Онъ остановился: у него вдругъ отошло отъ сердца. Онъ засмѣялся добродушно, не то надъ ней, не то надъ собой.

— Но... но... уже ли мы такъ разстанемся: холодно, съ досадой, не друзьями?... вдругъ прорвалось у него, и досада миновала. Онъ, вставъ, протянулъ къ ней руки, и глаза опять съ упоеніемъ смотрѣли на нее. Ему не то, чтобы хотѣлось дружбы,

не то, чтобы сердце развернулось къ прежнимъ, добрымъ чувствамъ. А зародышъ впечатлѣнія еще не совсѣмъ угасъ, еще искра тлѣла и его влекло къ ней, пока онъ ее видѣлъ. Въ голосѣ у него все еще слышалась робкая дрожь. Говорила вмѣстѣ и доброта, прирожденная его душѣ, гдѣ не упрочивались никогда дурныя чувства.

— Друзьями! Какъ вы поступили съ моей дружбой?... упрекнула она.

— Дайте, возвратите ее кузина, умолялъ онъ, простите немножко... влюбленнаго въ васъ cousin, и прощайте!

Онъ поцѣловалъ у ней руку.

— Развѣ я не увижу васъ больше? живо спросила она.

— За этотъ вопросъ дайте еще руку. — Я опять прежній Райскій и опять говорю вамъ: любите, кузина, наслаждайтесь, помните, что̀ я вамъ говорилъ вотъ здѣсь,—только не забывайте до конца Райскаго. Но... зачѣмъ вы полюбили.:: графа? съ улыбкой, тихо прибавилъ онъ.

— Вы опять свое: «любить»!...

— Полноте притворяться, полноте! Богъ съ вами, кузина:— что̀ мнѣ за дѣло? Я закрываю глаза и уши, я слѣпъ, глухъ и нѣмъ, говорилъ онъ, закрывая глаза и уши. — Но если, вдругъ прибавилъ онъ, глядя прямо на нее:—вы почувствуете все, что̀ я говорилъ, предсказывалъ, что̀, можетъ быть, вызвалъ въ васъ... на свою шею—скажете ли вы мнѣ?... я сто́ю этого.

— Вы напрашиваетесь на «оскорбленіе?»

— Нужды нѣтъ, я буду героемъ, рыцаремъ дружбы, первымъ изъ кузеней! Подумавъ, я нахожу, что дружба кузеней и кузинъ очень пріятная дружба, и принимаю вашу.

— A la bonne heure! сказала она, протягивая ему руку: и если я почувствую что-нибудь, что̀ вы предсказывали, то скажу вамъ однимъ, или никогда никому и ничего не скажу. Но этого никогда не будетъ и быть не можетъ! торопливо добавила она.— Довольно, cousin, вонъ карета подъѣхала: это тетушки.

Она встала, оправилась у зеркала и пошла имъ на встрѣчу.

— А будете отвѣчать мнѣ на письма? спросилъ онъ, идучи за ней.

— Съ удовольствіемъ; обо всемъ, кромѣ... любви, прибавила она.

— «Неисправима!» подумалъ онъ; «но посмотримъ, что̀ будетъ!»

Онъ шелъ тихій, задумчивый, съ блуждающимъ взглядомъ, погруженный глубоко въ себя. Въ немъ постепенно гасли боли корыстной любви и печали. Не стало страсти — не стало какъ-будто самой Софьи, этой суетной и холодной женщины; исчезла пестрая мишура украшеній; исчезли портреты предковъ, тетки, не было и ненавистнаго Милари. Передъ нимъ, какъ изъ тумана, возникалъ одинъ строгій образъ чистой женской красоты, и Софьи, и какой-то будто античной, нетлѣнной, женской фигуры. Снилась одна только творческая мечта, развивалась грандіозной картиной, охватывала его все болѣе и болѣе. Онъ, притаивъ дыханіе, погрузился въ артистическій сонъ и наблюдалъ видѣніе, боялся дохнуть.

Женская фигура, съ лицомъ Софьи, рисовалась ему бѣлой, холодной статуей, гдѣ-то въ пустынѣ, подъ яснымъ, будто лунным небомъ, но безъ луны; въ свѣтѣ, но не солнечномъ, среди сухихъ, нагихъ скалъ, съ мертвыми деревьями, съ нетекущими водами, съ страннымъ молчаніемъ. Она, обративъ каменное лицо къ небу, положивъ руки на колѣни, полуоткрывъ уста, кажется, жаждала пробужденія. И вдругъ изъ-за скалъ мелькнулъ яркій свѣтъ, задрожали листья на деревьяхъ, тихо зажурчали струи водъ. Кто-то встрепенулся въ вѣтвяхъ, кто-то пробѣжалъ по лѣсу; кто-то вздохнулъ въ воздухѣ—и воздухъ заструился и лучъ озолотилъ блѣдный лобъ статуи; вѣки медленно открылись и искра пробѣжала по груди, дрогнуло холодное тѣло, блѣдныя щеки зардѣли, лучи упали на плечи. Сзади оторвалась густая коса и разсыпалась по спинѣ, краски облили камень, и волна жизни пробѣжала по бедрамъ, задрожали колѣни, изъ груди вырвался вздохъ—и статуя ожила, повела радостный взглядъ вокругъ... И дальше, дальше жизнь волнами вторгалась въ пробужденное созданіе... Члены стали жизненны, тѣлесны; статуя шевелилась, широко глядѣла лучистыми глазами вокругъ, чего-то просила, ждала, о чемъ-то начала тосковать. Воздухъ наполнился тепломъ; надъ головой распростерлись вѣтви; у ногъ явились цвѣты... Райскій все шелъ тихо, глядя душой въ этотъ сонъ: статуя и все кругомъ постепенно оживало, дѣлалось ярче... И когда онъ дошелъ до дома, созданная имъ женщина мало-помалу опять обращалась въ Софью. Пустыня исчезла; Софья, въ мечтѣ его, была уже опять въ своемъ кабинетѣ, затянутая въ свое платье, за сонатой Бетховена, и въ трепетѣ слушала шепотъ блѣднаго, страстнаго Милари. Но ни ревности, ни боли онъ не чувствовалъ и только трепеталъ отъ красоты, какъ-будто перерожденной, новой для него женщины. Онъ любовался уже ихъ любовью и радовался ихъ радостью, томясь жаждой превра-

тить и то и другое въ образы и звуки. Въ немъ умеръ любовникъ и ожилъ безкорыстный артистъ. «Да, артистъ не долженъ пускать корней и привязываться безвозвратно», мечталъ онъ въ забытьи, какъ въ бреду. «Пусть онъ любитъ, страдаетъ, платитъ всѣ человѣческія дани... но пусть никогда не упадетъ подъ бременемъ ихъ, но расторгнетъ эти узы, встанетъ бодръ, безстрастенъ, силенъ и творитъ: и пустыню, и каменья, и наполнитъ ихъ жизнью и покажетъ людямъ — какъ они живутъ, любятъ, страдаютъ, блаженствуютъ и умираютъ... Зачѣмъ художникъ посланъ въ міръ!...»

Райскій тщательно внесъ въ программу будущаго романа и это видѣніе, какъ прежде внесъ разговоры съ Софьей и эпизодъ о Наташѣ и многое другое, что должно поступить въ лабораторію его фантазіи. «Гдѣ же тутъ романъ? печально думалъ онъ: нѣтъ его! Изъ всего этого матеріала можетъ выйдти развѣ прологъ къ роману: а самый романъ—впереди, или вовсе не будетъ его! Какой романъ найду я тамъ, въ глуши, въ деревнѣ! Идиллію, пожалуй, между курами и пѣтухами, а не романъ у живыхъ людей, съ огнемъ, движеніемъ, страстью!»

Однако онъ прежде всего погрузилъ на дно чемодана весь свой литературный матеріалъ, потомъ въ особый ящикъ помѣстилъ эскизы карандашемъ и кистью пейзажей, портретовъ и т. п., захватилъ краски, кисти, палитру, чтобы устроить въ деревнѣ небольшую мастерскую, на случай, если романъ не пойдетъ на ладъ. Потомъ уже уложилъ запасъ бѣлья, платья и нѣкоторые подарки бабушкѣ, сестрамъ, и замшевую фуфайку съ панталонами Титу Никонычу, по порученію Татьяны Марковны.

— Ну, теперь—Dahin! Посмотримъ, что будетъ! задумчиво говорилъ онъ, уѣзжая изъ Петербурга.

И. Гончаровъ.

ДУХОВЕНСТВО И ШКОЛЫ

ВЪ

НАШИХЪ НѢМЕЦКИХЪ КОЛОНІЯХЪ.

«Нравственное и духовное воспитаніе должно идти на ряду съ вещественнымъ благосостояніемъ всякаго народа; въ семъ заключается единственное средство, чтобы добро было прочное»,— вотъ, по словамъ одной изъ нашихъ правительственныхъ инструкцій 1816 г. [1]), правило, которымъ власть обязана руководиться, устроивая бытовыя условія подначальнаго населенія. Къ сожалѣнію, подобныя общія начала и законы, какъ бы раціональны они ни были, слишкомъ часто остаются мертвою буквою, извращаясь и погибая иногда окончательно въ массѣ противорѣчивыхъ частныхъ, дополнительныхъ постановленій и распоряженій, такъ что на практикѣ только самый пытливый анализъ, среди болѣе или менѣе разнообразныхъ плевелъ, едва-едва откроетъ тощія зерна, свято охраняющія здоровый зародышъ общаго начала. Инструкція, слова которой приведены нами выше, излагаетъ въ подробности цѣлую правительственную систему, которой держался императоръ Александръ I во вторую половину своего царствованія, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи Бессарабіи и колоній; она же, по нашему мнѣнію, во многихъ отношеніяхъ можетъ служить поясненіемъ тѣхъ гуманныхъ воззрѣ-

[1]) Выс. утв. 21 мая 1821 года записка, «служащая полномочному намѣстнику Бессарабіи руководствомъ къ образованію ея правленія». Краткій отрывокъ этого замѣчательнаго акта помѣщенъ въ Полн. Собр. Зак. т. XXXIII, № 26.271, во всемъ же объемѣ онъ, сколько знаемъ, не появлялся еще въ печати.

ній, которыя дали осуществиться у насъ на нѣкоторое время такому замѣчательному явленію, какимъ въ нашей бытовой исторіи представляется Русское Библейское Общество. Появленіе инструкціи совпало съ тѣмъ временемъ, когда это Общество, имѣя основною цѣлью проводить начала безусловной вѣротерпимости, просвѣщенія и гуманизма относительно низшихъ, невѣжественныхъ классовъ народа, охватывало всю Россію непрерывною сѣтью комитетовъ, отдѣловъ и сотрудниковъ; когда повсюду открывались у насъ школы взаимнаго обученія, а Библейское Общество и частныя лица высшихъ сферъ съ замѣчательнымъ увлеченіемъ издавали массу книгъ, брошюръ и назидательныхъ «трактатовъ» для народнаго чтенія; когда, наконецъ, начиная отъ высшихъ сановниковъ церкви и правительства до капитанъ-исправниковъ и благочинныхъ, съ ихъ подчиненными, однимъ словомъ, все и вся внезапно обнаруживало небывалую ревность къ Слову Божію и страстное стремленіе просвѣщать «сѣдящихъ въ сѣни смертней». И что же?—весь этотъ порывъ оказался лишь блестящимъ фальшфейеромъ: Библейское Общество, вопреки основнымъ началамъ своимъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи пришло къ печальному концу также быстро, какъ и возродилось, оставивъ послѣ себя одинъ только смрадъ обскурантизма. Собственно въ русскихъ народныхъ массахъ оно прошло безслѣдно; но нельзя сказать того же о нашихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Здѣсь Библейское Общество находило населеніе болѣе или менѣе грамотное, а, слѣдовательно, и вполнѣ подготовленное для его цѣлей. Особенно у меннонитовъ и протестантовъ потребность школьнаго обученія является прямымъ послѣдствіемъ конфессіонализма, и потребность эта привилась къ населенію въ такой степени, что всякое отдѣльное поселеніе его, все-равно, большое или малое, на собственной или арендной землѣ, считается прочнымъ, самобытнымъ не прежде, какъ въ центрѣ его появится школьный домъ, съ учителемъ (онъ же обыкновенно и кистеръ, а нерѣдко и сельскій писарь). За неимѣніемъ церкви, школьный домъ служитъ для общихъ молитвъ и обученія дѣтей, а учитель, въ качествѣ кистера, исполняетъ требы, управляетъ божественною службою и т. д. У колонистовъ-католиковъ постановка этого дѣла нѣсколько иная; у нихъ на первомъ планѣ — церковь, ея благолѣпіе и ксендзъ, а затѣмъ уже и школа. Такимъ образомъ, меннонитское или протестантское поселеніе, водворясь на новомъ мѣстѣ, первые прибытки свои обращаетъ на устройство школы, забота же о постройкѣ молитвеннаго дома или церкви отлагается до болѣе благопріятнаго времени, до накопленія нѣкотораго избытка матеріяльныхъ средствъ.

Само собою понятно, что въ числѣ членовъ русскаго Библейскаго Общества не послѣднее мѣсто принадлежало протестантскимъ пасторамъ, а отчасти и католическимъ ксендзамъ нашихъ нѣмецкихъ колоній. Пасторы, послѣ паденія русскаго Общества, и по сіе время остаются ревностными сотрудниками протестантскаго Библейскаго Общества, представляющагося какъ бы осколкомъ и продолжателемъ перваго. Такимъ образомъ, въ нашихъ нѣмецкихъ колоніяхъ, при матеріяльномъ и гражданскомъ благоустройствѣ ихъ, дѣлу народнаго образованія слѣдовало бы, кажется, стоять «на ряду съ вещественнымъ благосостояніемъ народа». А между тѣмъ, такое предположеніе, какъ увидимъ, не оправдывается дѣйствительностью; вліянія Библейскаго Общества, какъ прежняго русскаго, такъ и позднѣйшаго протестантскаго, и здѣсь не похвалятся особенно-благопріятными результатами. Положеніе школьнаго дѣла въ нашихъ колоніяхъ, большею частью, очень печальное, служитъ наглядным примѣромъ, что ни законъ, ни идущія ему навстрѣчу общественныя стремленія, не достигаютъ цѣли, если посредствующія между законодательною властью и народомъ звенья не проникнуты мыслью законодателя и оказываются плохими проводниками для истинныхъ народныхъ нуждъ и потребностей. Разъяснить эту мысль во всѣхъ подробностяхъ—составляетъ задачу настоящаго изслѣдованія.

I.

Для изученія сущности вопросовъ о духовенствѣ, школѣ и русскомъ языкѣ вообще въ нашихъ колоніяхъ, достаточно ознакомиться съ исторіею и постановкою ихъ въ двухъ колонистскихъ водвореніяхъ, Саратовско-Самарскомъ и южной Россіи. Всѣ остальныя поселенія нашихъ колонистовъ и ничтожны по числу населенія, и далеко отстали отъ поволжскихъ и особенно южныхъ единоплеменниковъ своихъ, въ смыслѣ культуры и интеллигенціи, хотя въ то же время мало отличаются отъ нихъ по своимъ церковнымъ и школьнымъ порядкамъ.

Меннонитское братство подчиняется правительственнымъ органамъ исключительно только въ своихъ гражданскихъ условіяхъ; дѣла же вѣры, церкви и школы вѣдаются самими обществами, приходскимъ и сельскимъ, чрезъ избираемыхъ ими изъ своей среды духовныхъ старшинъ и наставниковъ-проповѣдниковъ. Характеристику первыхъ поселенцевъ, основавшихъ въ 1764—1770 годахъ поволжскія колоніи, мы находимъ въ длинной

поэмѣ нѣкоего Платера [1]). Въ поэмѣ этой, записанной нами въ поволжьѣ со словъ старожиловъ, Платеръ повѣствуетъ о томъ, какъ и съ какими надеждами онъ попалъ въ число переселенцевъ-колонистовъ; какъ въ составѣ переселенческой партіи онъ слѣдовалъ къ мѣсту назначенія: изъ Любека, моремъ, въ Петербургъ; отсюда Невою и Волгою до Саратова. «Городъ Любекъ — говоритъ нашъ піита — то мѣсто, гдѣ вербовали переселенцевъ, гдѣ старъ и младъ, великій и малый безпрепятственно могли сдѣлаться участниками гостепріимнаго призыва. Мои же обстоятельства дошли въ то время до крайности: не было у меня ни одежды, ни денегъ, ни имущества; стыдно было предъ людьми; я ходилъ босой, не на что́ было вышить даже шнапсу. Вотъ и взяло меня раздумье: не попытать ли счастья въ Россіи? Наконецъ, рѣшившись, являюсь къ коммиссару и говорю ему: я офицеръ, хорошаго дворянскаго происхожденія и желаю служить императрицѣ». Безъ дальнихъ околичностей, Платеръ былъ принятъ въ число переселенцевъ, и съ того же дня сталъ получать по 8 шиллинговъ въ день кормовыхъ. Неудивительно, конечно, если въ Саратовъ прибывалъ самый разнообразный сбродъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ и Платеръ. Въ заключительныхъ словахъ его поэмы слышится все разнообразіе профессій, званій и понятій переселенцевъ. По прибытіи въ Саратовъ, «послѣдовалъ

---

[1]) Вотъ отрывокъ изъ нея:

Was ist dass für ein Schmerz,
Dass ich muss Deutschland meiden
Und nun, als Kolonist,
Viel Plag'und Hunger leiden,
Betrübniss und Verdruss
Zu Wasser und zu Land;
Drum bin ich ärgerlich
In diesem neuen Stand.
Stadt Lübeck war der Ort,
Wo man that engagiren;
Da konnte wer da wollt':
Jung, Alt, ja Gross und Klein,
Zu diesem Gastgebot
Bald eingeladen sein.
Drum thät ich alle Tag'
Mir mit Gedanken quälen;
Mundirung, Geld und Gut
That mir nun gänzlich fehlen,
Kurtz, meine ganze Sach'
War herzlich schlecht bestellt:
Ich konnt' es ohne Klag'
Vor Leuten nicht verhelen:

Ich musste baarfuss geh'n,
Kein Schnapps war nicht zu wählen.
Drum resolvirt' ich mich
Auch mit dahin zu geh'n,
Ob ich mein Glück nicht könnt'
In Russland blühen seh'n.
Ging also eiligst hin
Zum Werbungs-Commissär;
Sagt', dass ich ein Officier,
Auch gut von Adel wär;
Bat mir zur Gnade aus
Der Kaiserin zu dienen
. . . . . .
. . . . . .
Ich kam auch allzugleich
In den Kolonistenstand.
Acht Schilling alle Tag'
Bekam ich zu verzehren,
Konnt geh'n wohin ich wollt'
Hatt'mich an Nichts zu kehren
. . . . . .
и т. д.

приказъ: долой съ корабля; вамъ укажутъ мѣста поселенія; всѣ вы теперь какъ бы крѣпостные. Вотъ ваше мѣсто, доставайте себѣ пропитаніе; работать вы должны bis in den Tod. Здѣсь нѣтъ ни профессіонизма, ни дворянства, ни служебнаго званія (Amtrecht), ни офицера; всѣ вы, безъ исключенія, должны быть крестьянами. O weh!...» Нашего піиту обратили въ учителя и, вспомнивъ при этомъ картину общаго и частнаго состоянія тогдашняго поволжья—неурожаи, нападенія киргизъ-кайсаковъ, пугачевскихъ шаекъ и т. д., мы легко объяснимъ себѣ всю искренность Платера, когда онъ, жалуясь на новый Kolonistenstand, выражаетъ свою тоску по прежней родинѣ.

Поселенцы, вышедшіе въ первую четверть текущаго столѣтія въ Новороссію и Бессарабію, въ огромномъ большинствѣ состояли изъ чистыхъ земледѣльцевъ и «полезныхъ въ сельскомъ быту» ремесленниковъ. Не малое число ихъ, и особенно меннониты, имѣли болѣе или менѣе значительныя денежныя средства, или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько рабочаго скота, фургоны и нужнѣйшій домашній скарбъ. Въ большинствѣ они прибывали сухимъ путемъ, организованные еще за границею, по взаимному соглашенію, въ отдѣльныя товарищества, съ выборнымъ старшиною во главѣ. Самое поселеніе ихъ не сопровождалось такими бѣдствіями, какія испытывала на первыхъ порахъ колонизація поволжья. Къ тому же и правительство, руководимое опытомъ, научилось входить въ нужды переселенцевъ и, устроивая ихъ бытъ, слѣдовать одной, положительно установленной системѣ. Все это сказалось въ дальнѣйшемъ развитіи обоихъ колонистскихъ водвореній — поволжскаго и южной Россіи, наложило на каждое изъ нихъ свою характеристическую печать, вопреки тождеству основныхъ началъ по правамъ состоянія, общественному самоуправленію и землевладѣнію (но не по порядкамъ *пользованія* землями) и привело къ органическому различію въ бытовыхъ условіяхъ тѣхъ и другихъ колоній.

Наши нѣмецкіе колонисты въ историческомъ отношеніи не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго [1]). Всѣ они принадлежатъ исключительно къ двумъ исповѣданіямъ — протестантскому и католическому; число же обратившихся изъ нихъ въ православіе — совершенно ничтожно. И хотя протестанты, какъ

---

[1]) Терминъ «нѣмецкій» не обнимаетъ меннонитовъ, которыхъ предки вышли изъ Нидерландовъ, и изъ голландцевъ и фризовъ обратились въ чистыхъ нѣмцевъ только въ Пруссіи. Поэтому, по преимущественно вслѣдствіе различій по вѣрѣ, правамъ состоянія и т. д. у насъ строго отличаютъ «колонистовъ-меннонитовъ» отъ «нѣмецкихъ колонистовъ».

показываетъ статистика, распадаются на лютеранъ, реформатовъ, пietистовъ, сектистовъ и сепаратистовъ, но это дѣленіе имѣетъ основаніемъ не столько догматическую рознь, сколько несогласіе различныхъ религіозныхъ партій въ нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ ученія Спасителя, и особенно въ отношеніи іерархически-административнаго церковнаго устройства. Поэтому, въ статистикѣ поволжскихъ колоній, гдѣ въ прежнее время, кромѣ лютеранъ и реформатовъ, иныхъ протестантскихъ сектъ не было, и по сіе время не допускаются тѣ различія, которыя дѣлаются на югѣ Россіи. Сюда, особенно въ позднѣйшія водворенія, сектаторское разномысліе занесено непосредственно изъ-за границы первыми переселенцами; главный контигентъ протестантовъ-сектаторовъ доставила намъ южная Германія, преимущественно Баварія и Виртембергъ. Къ тому же въ южныхъ нашихъ колоніяхъ, религіозная рознь совпадаетъ во многихъ случаяхъ съ національнымъ антагонизмомъ, что даетъ послѣдователямъ разныхъ толковъ извѣстную сплоченность, поддерживая ихъ особность. Въ степяхъ Новороссіи и Бессарабіи, къ общему сожительству сходились не одни нѣмцы, сами по себѣ вносившіе въ общественную жизнь колоній тоже самое разнообразіе семейно-гражданскихъ кодексовъ, обычныхъ понятій и племенной розни, которымъ такъ богата Германія. Значительный процентъ этихъ, такъ-называемыхъ «нѣмецкихъ» колоній составляетъ потомство вовсе не нѣмцевъ. Такъ, напримѣръ, въ нѣмецкихъ колоніяхъ Бессарабіи, занявшихъ территорію въ $1{,}258^1/_2$ квадр. верстъ, водворено первоначальныхъ поселенцевъ до 2,100 семействъ. Въ то число вошли: до 370 семействъ изъ Виртемберга, Баваріи и французской Швейцаріи; до 84 сем. изъ нашихъ херсонскихъ колоній, а остальныя 1,646 сем. изъ бывшаго Царства Польскаго, и преимущественно изъ Познанской области. Изъ этихъ 1,646 сем. едва одна треть состояла изъ «швабовъ» (виртембергцевъ, вышедшихъ до переселенія къ намъ въ Польшу), двѣ же трети были кашубы, т. е. славяне. Слѣдовательно, населеніе бессарабскихъ «нѣмецкихъ» колоній по крайней мѣрѣ на половину вовсе не нѣмецкое, а славянское. «Обѣ эти народности — отзывался колонистъ Іоганъ-Георгъ Курцъ еще въ 1857 году [1]), рѣзко отличаются одна отъ другой по языку и обычаямъ. Швабы вообще образованнѣе, развитѣе, мягче нравами, домовитѣе и зажиточнѣе кашубовъ; первые говорятъ на швабскомъ или верхненѣмецкомъ нарѣчіи, тогда какъ у кашубовъ въ употребленіи

[1]) Краткій статистико-историческій обзоръ нѣмецкихъ колоній въ Бессарабіи. Трудъ этотъ не напечатанъ; но въ нашихъ рукахъ подлинная рукопись.

идіомъ простонародный, нижне-германскій (Plattdeutsch) [1]). Это различіе сказывалось особенно сильно въ началѣ поселенія. Обѣ народности долгое время оставались во враждебныхъ отношеніяхъ, такъ что общительности между ними было мало. Но сила обстоятельствъ привела ихъ къ постепенному сближенію; взаимная рознь сглаживается, и кашубы все болѣе начинаютъ усвоивать себѣ образованіе и нравы швабовъ». Если и не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, но все же подобные примѣры онѣмеченія можно найти и въ другихъ колоніяхъ, въ составъ которыхъ вошли тѣ же кашубы, шведы, французы, итальянцы и т. д. Независимо отъ этой разноплеменности, устойчивость сектаторства объясняется еще недостаткомъ при началѣ поселенія въ пасторахъ и ксендзахъ, за неимѣніемъ которыхъ браки и иныя церковныя требы совершались нерѣдко простыми колонистами. Такимъ же образомъ отправлялась божественная служба, и населеніе, группируясь около людей, умѣвшихъ удовлетворять его духовной потребности, образовывало болѣе или менѣе замкнутые религіозные кружки, въ которыхъ поддерживались старые и выработывались новые взгляды на вопросы церкви и вѣры. То, что дѣлалось сперва по необходимости, входило мало по малу въ обычай, борьба съ которымъ прибывавшихъ новыхъ пасторовъ оказывалась безуспѣшною и, усложняясь все болѣе, приводила только къ большему отчужденію отъ церкви послѣдователей разныхъ толковъ. Ни постройка церквей, ни увеличеніе числа приходовъ, пасторовъ и ксендзовъ, не были въ состояніи отвратить частныя сходки въ обывательскихъ домахъ, гдѣ «кружки» занимались чтеніемъ и толкованіемъ св. писанія, молитвою, пѣніемъ псалмовъ и гимновъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ дѣло дошло до того, что протестантское духовенство стало настаивать на принятіи противъ сектаторовъ строгихъ полицейскихъ мѣръ. Объ этомъ настояніи въ 1843 г. было доведено до высочайшаго свѣдѣнія; но къ счастію, императоръ Николай I положилъ конецъ обскурантнымъ поползновеніямъ протестантскаго духовенства. «Доколѣ — гласило повелѣніе императора — сектаторы безусловно исполняютъ всѣ гражданскія свои обязанности, оставить ихъ безъ всякаго преслѣдованія; лютеранскому же духовенству не мѣрами гражданскими, а нравственнымъ вліяніемъ своего ученія слѣдуетъ удерживать паству свою въ любви и преданности своему исповѣданію».

Такимъ образомъ получили до извѣстной степени право граж-

---

[1]) Курцъ, конечно, не лингвистъ и едва ли знаетъ даже по-русски. Поэтому неудивительно, что кашубо-славянскую рѣчь онъ принимаетъ за Plattdeutsch.

данства секты піетистовъ и сепаратистовъ. О такъ-называемыхъ сектистахъ—мы не говоримъ, такъ какъ число ихъ ничтожно, и они, живя разрозненно среди массы протестантовъ-лютеранъ и реформатовъ, нигдѣ еще не успѣли сложиться въ болѣе или менѣе прочно организованное приходское общество.

Піетисты—это главные представители ультра-протестантскаго направленія. Не выдѣляясь изъ церкви, они, напротивъ, являются самыми ревностными ея сынами въ строго-ортодоксальномъ смыслѣ. Піетистъ не пропуститъ ни одной церковной службы; но этого ему кажется недостаточнымъ, и потому онъ участвуетъ еще въ частныхъ молебствіяхъ на дому, устраиваемыхъ въ опредѣленные часы. Развитію и поддержкѣ этого направленія всячески содѣйствовали пропаганда, шедшая изъ Сарепты, Библейское Общество и сами пасторы, нерѣдко навѣщающіе частныя собранія піетистовъ. Въ поволжскихъ колоніяхъ піетисты извѣстны подъ наименованіемъ «молельщиковъ» (Betbrüder), на югѣ Россіи — «штундистовъ», и тамъ уже, гдѣ устроены ими особые приходы, они именуются піетистами, т. е. благочестивыми. «Мало по малу—поясняетъ Курцъ, говоря о бессарабскихъ піетистахъ — установилось мнѣніе, что исключительно они могутъ быть признаны за истинныхъ, правовѣрныхъ протестантовъ. Такое высокое о себѣ мнѣніе усвоили прежде всего сами піетисты, которые, въ этомъ сознаніи, стали всячески стремиться подчинить своему исключительному вліянію всѣ церковныя и общественныя дѣла, школы, пасторовъ и шульмейстеровъ. Не всегда ихъ притязанія находили должную, по ихъ мнѣнію, поддержку, и въ такихъ случаяхъ лица, имъ противодѣйствовавшія, подвергались всевозможнымъ со стороны піетистовъ стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, какъ «враги истиннаго христіанства». При такомъ направленіи, сектанты эти сбивались постепенно съ истиннаго пути, указываемаго любовью къ ближнему, вѣротерпимостью и гражданскимъ долгомъ; кромѣ того, они впали между собою въ разномысліе, возбудившее въ ихъ средѣ раздоры, фанатизмъ и взаимную ненависть. И хотя многіе изъ нихъ похваляются христіанскими добродѣтелями; но на дѣлѣ они нерѣдко производятъ только прискорбныя смуты въ общественной жизни колоній». Таково, по словамъ Курца, въ 1857 году было положеніе піетистовъ бессарабскихъ колоній. «Къ нимъ—заключаетъ онъ—по всей справедливости примѣнимы слова евангелія: если же соль потеряетъ свою силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою?.. Она уже ни къ чему негодна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на попраніе людямъ». Отзывъ этотъ мы оставляемъ, конечно, на отвѣтственности самого автора, хотя, по нашимъ личнымъ наблюденіямъ,

онъ не лишенъ справедливаго основанія. Правда, въ южныхъ колоніяхъ мы не бывали; но поволжскіе молельщики, заслуживая полнаго уваженія, собственно какъ исправные хозяева, дѣйствительно готовы поддерживать всякую мѣру въ пользу церковнаго благочинія, какой бы насильственный и обскурантный характеръ она ни имѣла.

Образованіе секты *сепаратистовъ* приписываютъ главнѣйшимъ образомъ пропагандѣ католическаго декана Игнатія Линдля. Изъ изслѣдованія А. Н. Пыпина о русскомъ Библейскомъ Обществѣ [1]) видно, что Линдль, одинъ изъ главныхъ дѣятелей библейскаго общества въ южной Германіи и притомъ человѣкъ замѣчательный по образованію и проповѣдническому таланту, подвергался въ Баваріи преслѣдованіямъ со стороны ультра-католиковъ. Это подало поводъ къ призыву его, въ 1819 году, въ С.-Петербургъ. Но вскорѣ и здѣсь нашли нужнымъ удалить его на югъ Россіи. Кстати представился благовидный предлогъ. Будучи лично извѣстенъ императору Александру I, Линдль успѣлъ получить разрѣшеніе на поселеніе въ Бессарабіи преданной ему прежней паствы своей въ Баваріи, которая въ 1822 году и прибыла въ Россію, основавъ колонію Сарату. Сюда-то Линдль былъ назначенъ настоятелемъ, съ присвоеніемъ ему званія декана католическихъ церквей южной Россіи. По мысли и подъ руководствомъ его, саратскіе поселенцы устроились отдѣльными семьями и домами, но всѣ работы они производили сообща и только результаты общаго труда дѣлили между собою уравнительно. Цѣлью Линдля было — образовать особое религіозно-соціальное братство, едва-ли не по примѣру евангелическаго. Въ этомъ смыслѣ могучее слово его поучало поселянъ, а около каѳедры его усердно собирались католики и протестанты изъ ближнихъ и дальнихъ колоній. Но подобнаго рода пропаганда не входила въ разсчеты ни правительства, ни Библейскаго Общества, а тѣмъ менѣе католическаго духовенства. Уже въ декабрѣ 1823 года, Линдль долженъ былъ оставить Россію навсегда. Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ въ Сарату другой энтузіастъ, купецъ Вернеръ со своими приверженцами изъ Виртемберга. Съ этой личностью мы встрѣтимся еще впослѣдствіи; теперь же замѣтимъ только, что послѣдователи Линдля, оставивъ свои исключительные порядки, обратились къ протестантизму и соединились съ Вернеромъ и его партіею въ одно общество, усвоившее общую систему хозяйства юго-нѣмецкихъ колоній. Такой оборотъ саратское общество допустило не безъ вліянія на него начальства. Поэтому Линдль и

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1868, сент., окт., нояб. и дек.

его ученіе какъ здѣсь, такъ и въ другихъ колоніяхъ, сохранили не мало поклонниковъ, которые продолжали поддерживать прямыя сношенія съ своимъ учителемъ, изъ года въ годъ все болѣе расходясь съ ортодоксальнымъ лютеранствомъ. Наконецъ, около 1841 года, они выдѣлились окончательно въ особыя религіозныя общества, что и побудило мѣстное духовенство, какъ выше сказано, ходатайствовать о принятіи репрессивныхъ мѣръ. Съ этого времени послѣдователи Линдля именуются *сепаратистами*, потому что главнѣйшимъ поводомъ къ выдѣленію ихъ изъ прежнихъ приходовъ послужило раздѣленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ на приходы меньшаго размѣра и значительное увеличеніе, вслѣдствіе того, приходскихъ повинностей и сборовъ.

Не отступая отъ догматовъ лютеранскаго исповѣданія, сепаратисты придерживаются лишь болѣе строгому ученію о покаяніи. Главнымъ поводомъ спора служитъ радикализмъ ихъ въ отношеніи іерархическаго устройства и церковнаго благочинія. Основываясь на наказѣ Спасителя: «Даромъ получили, даромъ и давайте» (Матѳ. 10, 6—8)—сепаратисты утверждаютъ, что ни духовный пастырь, ни учитель (въ смыслѣ кистера) не вправѣ *требовать* себѣ особаго содержанія, а должны довольствоваться «посылаемыми имъ милостью божіею доброхотными даяніями». По мнѣнію сектаторовъ, нынѣшніе пасторы и кистеры—наемники, служащіе изъ-за жалованья, а не по призванію: «они не истинные работники въ вертоградѣ Господнемъ». Высшую, богословскую ученость сепаратисты признаютъ излишнею, на томъ основаніи, что сами апостолы были «люди простые, неученые, но просвѣщенные Духомъ Святымъ». Будучи того убѣжденія, что для проповѣднической должности пригоденъ всякій вѣрующій, «просвѣщенный духомъ», лишь бы онъ сознавалъ въ себѣ призваніе и способность, сектаторы эти называютъ пасторовъ не иначе, какъ «духовными торгашами», а церковь — «мертвой кучею камней»; они требуютъ возстановленія во всей строгости порядковъ древнеапостольской церкви, и особенно возстаютъ противъ пріобщенія св. таинъ безъ разбора всякаго, даже явныхъ грѣшниковъ, не требуя отъ нихъ, какъ бы слѣдовало, «искренняго покаянія и исправленія». Одна только безупречная и вполнѣ благочестивая жизнь достойна истиннаго христіанина и составляетъ его священный долгъ и непремѣнную обязанность. «Но эти тенденціи, говоритъ Курцъ, привели сепаратистовъ къ совершенному выдѣленію изъ церкви и къ избранію ими собственныхъ духовныхъ старшинъ и наставниковъ, непосредственно изъ своей среды. Они имѣютъ послѣдователей во всѣхъ бессарабскихъ колоніяхъ; но особенно велико ихъ число въ колоніяхъ Бородинѣ

и Лейпцигѣ. Дѣтей своихъ сектаторы крестятъ сами, и сами же пріобщаются св. таинъ; не будучи однако признаны оффиціально въ смыслѣ самостоятельнаго религіознаго общества, они по необходимости конфирмуютъ своихъ молодыхъ людей и вѣнчаютъ новобрачущихся въ церкви, чрезъ пасторовъ, платя послѣднимъ и шульмейстерамъ содержаніе наравнѣ со всѣми остальными общественниками. Карлъ Эни, въ кол. Бородинѣ, глава сепаратистовъ; независимо отъ него, во всякой колоніи они избираютъ себѣ особаго наставника, который руководитъ ихъ молитвенными собраніями и исполняетъ обыкновенныя требы, кромѣ конфирмаціи и вѣнчанія. Вообще нельзя не признать, что сепаратисты, строго придерживающіеся своихъ правилъ, отличаются добродѣтельною, честною и трудолюбивою жизнью, а старшины и наставники ихъ — основательнымъ знаніемъ слова божія, и что въ гражданскомъ отношеніи они несомнѣнно принадлежатъ къ числу самыхъ спокойныхъ и исполнительныхъ поселянъ».

Главную массу православныхъ колонистовъ составляютъ болгаро-греки. Намѣреваясь говорить объ нихъ подробнѣе въ другой разъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что въ болгаро-греческихъ нашихъ колоніяхъ церковно-іерархическое устройство подчинено св. синоду и ничѣмъ не отличается отъ нашихъ обыкновенныхъ сельскихъ причтовъ.

Католики и протестанты (лютеране и реформаты), какъ извѣстно, имѣютъ своихъ патеровъ и пасторовъ, подчиненныхъ консисторіямъ своего исповѣданія. Вообще же чрезъ общественный строй католическихъ и протестантскихъ колоній, также какъ въ православныхъ селеніяхъ, параллельно проходятъ два отдѣльныя вѣдомства — гражданское или свѣтское и духовное или церковно-приходское. Каждое вѣдомство имѣетъ свою независимую компетенцію, съ болѣе или менѣе рѣзко очерченными границами. Гражданской лѣствицѣ: приказамъ (выборному начальству), смотрителямъ колоній, конторѣ или комитету, соотвѣтствуетъ духовная: пасторъ или патеръ, съ выборными церковными старостами; пробсты или деканы, и консисторія. Высшая административная инстанція колоній: по гражданскимъ дѣламъ — министерство государственныхъ имуществъ, а по церковнымъ — министерство внутреннихъ дѣлъ. Нѣчто среднее представляетъ вѣдомство дѣлъ объ имуществахъ протестантскихъ церквей. Оно состоитъ изъ приходскаго пастора, съ выборными отъ сельско-приходскаго общества церковными старостами, какъ *ближайшаго приходскаго попечительства* [1]); изъ конторы опекунства (въ Одессѣ — попечи-

[1]) По основной мысли церковныхъ установленій, пасторъ и церковные старосты,

тельнаго комитета), обще съ духовнымъ засѣдателемъ изъ мѣстныхъ пасторовъ, какъ *главнаго церковнаго попечительства;* наконецъ, изъ *генеральной консисторіи и министерства внутреннихъ дѣлъ*. Такимъ образомъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, до 1838 года, было сосредоточено высшее управленіе колоніями какъ въ гражданскомъ, такъ и въ церковномъ отношеніяхъ. Но, съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, за министерствомъ внутреннихъ дѣлъ остались одни только дѣла церковнаго управленія.

Такое разобщеніе двухъ колоніальныхъ вѣдомствъ — гражданскаго и церковнаго — выразилось и въ дѣленіи колоній, съ одной стороны, на сельскія общества и округи (волости), а съ другой — на приходскія общества и пробства, или деканаты. Какъ дѣленіе колоній на округи не вездѣ соотвѣтствуетъ дѣленію на уѣзды, такъ еще менѣе совпадаетъ распредѣленіе окружное съ приходскимъ. Повсемѣстно въ колоніяхъ — округи, а во многихъ случаяхъ и отдѣльныя сельскія общества или колоніи, обнимаютъ населеніе различныхъ исповѣданій. Такъ, напримѣръ, населеніе одной колоніи Екатериштадта, въ Самарской губ., принадлежитъ къ приходамъ: двумъ лютеранскимъ, одному католическому и одному же православному. Напротивъ, въ составъ прихода входятъ колоніи разныхъ округовъ въ цѣломъ составѣ, или только частями населенія, по вѣроисповѣданіямъ.

Въ колоніяхъ протестантовъ и католиковъ законодательная и административная нивелировка такъ сильна, что независимо отъ особенностей, истекающихъ непосредственно изъ религіознаго различія, своеобразіе бытовыхъ условій въ отдѣльныхъ группахъ этихъ колоній выражается единственно только въ частностяхъ, какъ напримѣръ, въ употребительныхъ разговорныхъ жаргонахъ, составляющихъ смѣсь литературнаго нѣмецкаго языка съ идіомами тѣхъ мѣстностей Германіи, изъ которыхъ вышли первые поселенцы. Напротивъ, всѣ главнѣйшіе факторы, направляющіе жизнь населенія въ ту или другую сторону и обусловливающіе конечные ея результаты, остаются здѣсь повсюду одни и тѣже. Поэтому, въ отношеніи предлежащихъ нашему изслѣ-

---

какъ представители приходской общины, избираемые самостоятельно отъ каждаго входящаго въ составъ прихода *сельскаго* общества, должны бы составлять *приходское попечительство* по хозяйственно-имущественнымъ дѣламъ каждой церкви и цѣлаго прихода, состоящаго обыкновенно изъ нѣсколько церквей — Mutter-и Filial-Kirchen. Но протестантское духовенство успѣло замѣнить попечительство—*попечителемъ* въ лицѣ пастора, обратить выборныхъ старостъ изъ членовъ попечительства — въ покорныхъ слугъ попечителя, и такимъ образомъ устранить всякое *дѣйствительное* участіе приходскаго общества въ дѣлахъ по управленію церковными имуществами.

дованію вопросовъ, всю массу колонистовъ-протестантовъ и католиковъ мы смѣло можемъ принять за одну общую группу, несмотря даже на разбросанность этихъ колоній на дальнихъ разстояніяхъ.

Уже вслѣдствіе одного различія по церковному чиноначалію, нигдѣ въ колоніяхъ права общественнаго самоуправленія не могли имѣть такого широкаго примѣненія, какъ именно у меннонитовъ. Выборное начало, этотъ основной принципъ общественнаго самоуправленія, сохраняется въ пользу населенія еще и въ уставѣ протестантской церкви — лютеранской и реформатской (ч. I. Т. XI св. зак. изд. 1857 г.). Выше указано на выборы церковныхъ старостъ; но кромѣ того, въ протестантскихъ колоніяхъ, какъ мы увидимъ ниже, приходъ самъ избираетъ и своего пастора, и приходское же общество опредѣляетъ его содержаніе особою вызывною грамотою. Затѣмъ, право приходскаго общества на дальнѣйшее участіе въ дѣлахъ церкви выражается у лютеранъ и реформатовъ уже въ однихъ только матеріяльныхъ пожертвованіяхъ.

Католическая церковь признаетъ до нѣкоторой степени выборное начало исключительно только въ коллегіи кардиналовъ и отчасти въ монашескихъ орденахъ. Всѣ остальные чины духовной іерархіи, кончая послѣднимъ церковнымъ служителемъ, составляютъ только орудія и пружины въ рукахъ ближайшаго, по іерархической лѣстницѣ, высшаго чина. Для голоса самой паствы здѣсь нѣтъ мѣста.

Если нравственный уровень приходскаго духовенства католическаго, при семинарскомъ его воспитаніи и безбрачной жизни, и протестантскаго — при его университетскомъ образованіи и семейномъ бытѣ, вообще относится всегда и вездѣ, какъ 2 : 3, то это подтверждается и на нашихъ колоніяхъ того и другого исповѣданія — положеніемъ въ нихъ школьнаго дѣла, нравственности и умственнаго развитія населенія, общественнаго благоустройства и частной состоятельности. Это различіе по исповѣданіямъ выражается даже въ наружной обстановкѣ колоній, въ постройкахъ, семейномъ быту и т. д. Бросаясь невольно въ глаза всякому даже при одномъ лишь поверхностномъ обзорѣ колоній, оно замѣтно не только у нашихъ колонистовъ, но и за границею, однимъ словомъ повсюду, гдѣ рядомъ живутъ протестанты и католики, хотя бы при однихъ и тѣхъ же экономическихъ и гражданскихъ условіяхъ.

Въ свою очередь, подобныя же отношенія, какъ между католиками и протестантами, замѣчались также и между послѣдними и меннонитами, но уже къ невыгодѣ протестантовъ.

Обстоятельство это выражается особенно наглядно въ дѣлѣ школьнаго образованія. Впрочемъ, при подобныхъ сопоставленіяхъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что колонисты — протестанты и католики, находились противъ меннонитовъ и по всей экономической обстановкѣ всегда въ менѣе льготныхъ условіяхъ.

Наша періодическая печать, основываясь на заявленіяхъ разныхъ государственныхъ людей Германіи, уже неоднократно указывала на стремленіе германской расы подвигаться на Востокъ, и на то, что въ этомъ «Drang nach Osten» нѣмцы видятъ какъ бы свою историческую миссію. Что это замѣчаніе совершенно вѣрно, и «Drang nach Osten» глубоко проникаетъ въ низшіе слои германскаго народа, и особенно въ батрачій, тому лучшимъ доказательствомъ служитъ наша же колонизація. Намъ лично не одинъ разъ приводилось слышать изъ устъ передовыхъ меннонитовъ совершенно серьезно высказанную мысль, что братство ихъ видитъ свое историческое назначеніе, свою миссію, въ колонизаціи Востока. Въ подтвержденіе того они указываютъ на свою исторію, какъ предки ихъ, вышедши изъ Нидерландовъ, культивировали пустынныя и безплодныя низменности около Данцига; какъ, выполнивъ эту задачу, они двинулись въ наши Новороссійскія, маловодныя и безлѣсныя степи; какъ въ настоящее время они передвигаются въ такія же степи Самарской губ. и Кавказа. «И—присовокупляютъ меннониты—наши піонеры были бы даже на Амурѣ, если-бъ правительство не встрѣтило затрудненія принять предложенныя нами условія» [1]). Толковать здѣсь серьезно о какомъ-то «историческомъ призваніи» было-бы по меньшей мѣрѣ странно. Стремленіе германской расы на Востокъ находитъ, по нашему мнѣнію, свое полное объясненіе въ избыткѣ населенія Германіи, лишенномъ на родинѣ возможности основать себѣ собственный кровъ и очагъ.

---

[1]) Въ 1862 г., по вызову бывшаго генералъ-губернатора Восточной Сибири, двое депутатовъ отъ Молочанскихъ меннонитовъ были на Амурѣ. Избравъ близъ г. Благовѣщенска, на р. Зеѣ, участокъ земли, они обязывались въ теченіе 10 лѣтъ переселить туда 1000 сем. своихъ однообщественниковъ. Для этого они просили: а) гарантировать переселенцамъ тѣ самыя права и преимущества, которыми они пользуются въ нынѣшнихъ мѣстахъ приписки; б) отвести по 120 дес. на семейство въ надѣлъ; в) дать льготу въ податяхъ на 10 лѣтъ, и г) выдать безпроцентную на 10 лѣтъ ссуду по 600 р. на переселенческую семью. Но бывшій министръ графъ М. Н. Муравьевъ призналъ неудобнымъ допускать по заселенію Амурскаго края какія либо изъятія изъ общихъ правилъ, и тѣмъ дѣло это кончилось. Впрочемъ, намъ говорили, что въ нынѣшнемъ году отправилась отъ удѣльнаго вѣдомства на Амуръ цѣлая коммиссія, которая будетъ завѣдывать тамъ землями удѣла и колонизировать ихъ меннонитами; но какими именно меннонитами, т. е. нашими или изъ окрестностей Данцига,—намъ не могли сообщить.

Какъ безземельный и обезземеленный поселянинъ нашихъ колоній, селъ и деревень, скучившихъ несоразмѣрное съ экономическими средствами общины населеніе, рвется за предѣлы своего общества, и именно въ ту сторону, гдѣ есть еще территоріяльный просторъ и возможность къ пріобрѣтенію клочка земли, такъ и батраки Германіи, по тѣмъ же причинамъ, тянутъ на Востокъ, т. е. къ намъ въ Россію. Къ тому же въ теченіе почти цѣлаго вѣка мы сами поощряли нѣмецкую колонизацію чрезвычайными пособіями, льготами и преимуществами. А если государственные люди и вообще интеллигенція Германіи содѣйствуютъ всѣми мѣрами онѣмеченію смежныхъ съ нею славянскихъ земель, то въ этомъ руководятъ ими сколько желаніе распространить собственно территоріяльное господство своей расы и обезпечить этимъ путемъ устройство избытка своего населенія, не отрывая его отъ главнаго ствола, столько же и чувство самосохраненія, такъ какъ въ Германіи и мыслитель-политикъ, и собственникъ-практикъ одинаково сознаютъ, что излишнее накопленіе батраковъ или пролетаріата несовмѣстно съ условіями дальнѣйшаго преуспѣянія существующаго на западѣ политическо-соціальнаго строя. Тоже самое чувство самосохраненія и тѣ же опасенія за прочность сложившагося хозяйственнаго быта вынуждаютъ и наши колонистскія общества на пожертвованія въ пользу устройства безземельныхъ. Затѣмъ, если изъ Германіи и выходили къ намъ не одни батраки и бездомники, то это почти исключительно можетъ относиться только къ меннонитамъ. Изъ числа послѣднихъ, иногда подъ вліяніемъ мистическаго пониманія своей исторической задачи, но еще болѣе вслѣдствіе постоянно усиливавшагося напора на нихъ чуждаго имъ религіознаго элемента, а также изъ опасенія подпасть подъ лично-обязательную военную службу, оставляли и оставляютъ Пруссію дѣйствительно не одни только неимущіе. Напротивъ, между меннонитами-переселенцами всегда имѣлось немалое число хозяевъ зажиточныхъ, и даже капитальныхъ [1]). Въ то время какъ колонистовъ, протестантовъ и католиковъ, гнала изъ родины одна лишь матеріяльная нужда и надежда обезпечить въ Россіи, прежде всего, свой семейно-экономическій бытъ, меннониты, не говоря уже о Евангелическихъ братьяхъ, предварительно договаривались съ нашимъ

[1]) По газетамъ извѣстно, что недавно Пруссія привлекла меннонитовъ *лично* къ военной службѣ, съ тѣмъ, что, необязывая ихъ носить оружіе, они будутъ употребляемы въ лазаретахъ, фурштатахъ и т. д. Но едвали братство помирится на такой уступкѣ и, весьма вѣроятно, что значительная часть его членовъ перейдетъ къ намъ въ Россію.

правительствомъ, какъ люди, ясно сознававшіе за собою опору въ своемъ братствѣ, обезпечивавшемъ за ними всѣ насущныя средства жизни помимо переселенія. Напротивъ, остальные переселенцы приходили большею частью безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ — на авось, довольствуясь заявленными въ газетахъ призывами и общими условіями колонизаціи. Они спѣшили воспользоваться тѣмъ, что предлагалось; дома было и голодно и тѣсно, безъ надежды когда либо улучшить свое положеніе. И въ этомъ случаѣ, установленное въ 1804 г. правило, чтобы къ переселенію въ Россію были допускаемы только люди благонадежные, семейные и имѣющіе на семью до 300 гульденовъ, оставалось въ большинствѣ случаевъ мертвою буквою. Такъ, напр., въ 1817—18 г., разомъ прибыли изъ Виртемберга и другихъ мѣстъ Германіи болѣе 5,000 сем. Правда, всѣ они принадлежали къ разряду коренныхъ земледѣльцевъ, или полезныхъ въ сельскомъ быту ремесленниковъ; но ни свидѣтельствъ о благонадежности, ни требовавшагося имущественнаго обезпеченія у нихъ не было, такъ что правительство было поставлено ими въ крайнее затрудненіе и вынуждено на чрезвычайныя мѣропріятія. Соотвѣтственно имущественной бѣдности, этотъ разрядъ переселенцевъ не обладалъ ни тѣмъ нравственнымъ развитіемъ, ни тѣми знаніями, энергіею и взаимною связью, которыя отличали, а частью и теперь еще отличаютъ отъ нихъ меннонитское братство. Отсюда, конечно, вполнѣ понятны и меньшая щедрость и вообще меньшее довѣріе правительства къ этому разряду поселенцевъ.

II.

Доставленіе правильнаго духовнаго призрѣнія колонистамъ— протестантамъ и католикамъ, съ самаго начала ихъ поселенія въ Россіи, всегда составляло предметъ особенной заботливости правительства. Оно, въ теченіе льготныхъ лѣтъ, содержало колонистское духовенство даже на свой счетъ, платя изъ спеціальныхъ колонизаціонныхъ источниковъ: пастору по 600, а патеру по 500 руб. асс. жалованья въ годъ. Сверхъ того, въ колоніяхъ, за исключеніемъ однихъ поволжскихъ водвореній, къ каждому пасторату или приходу отведенъ въ пользу приходскаго священника особый земельный участокъ въ 60 — 120 десятинъ, который, наравнѣ съ землями православныхъ причтовъ, свободенъ отъ всякихъ сборовъ (ст. 155 прим. и 175 Уст. о кол).

Это, такъ-называемое, «казенное» содержаніе сохранено духовенству, по закону, и доселѣ; но со времени истеченія льготныхъ лѣтъ,

оно въ поволжьѣ производится уже на счетъ особаго общественнаго сбора (ст. 233 — 235 Уст. о кол.) съ колонистовъ-работниковъ 16—60-тилѣтняго возраста, уравнительною раскладкою на нихъ потребной суммы, по исповѣданіямъ. Здѣсь сборъ этотъ составлялъ въ 1867 году: у протестантовъ по 11-ти коп., у католиковъ по 18-ти коп. съ работника. Напротивъ, въ южныхъ колоніяхъ повинность эта давно уже вошла въ составъ «мірскихъ сборовъ», опредѣляемыхъ по приговорамъ обществъ и составлявшихъ въ томъ же 1867 году отъ 1 руб. 99 коп. до 6 руб. $83^3/_4$ к. на каждую ревизскую мужескаго пола душу.

Наконецъ, кромѣ доходовъ съ земельнаго участка, денежнаго жалованья и квартиры (пастората) съ отопленіемъ, духовенство всегда пользовалось еще болѣе или менѣе значительными «обычными даяніями» отъ своихъ прихожанъ, какъ-то: зерновымъ хлѣбомъ, сѣномъ, соломою и капустою, а также платою за требы и т. п. Въ эти частныя отношенія духовенства и прихожанъ правительство вступалось первоначально только въ случаѣ обоюдныхъ жалобъ и недоразумѣній; относительно собственно католическихъ и сектаторскихъ приходовъ—оно сохраняетъ это положеніе даже до настоящаго времени.

Не смотря на такую благопріятную обстановку духовенства, при замѣщеніи иновѣрческихъ колонистскихъ приходовъ весьма нерѣдко встрѣчались значительныя затрудненія и ощутительныя неудобства. Понятно, что правительство вообще избѣгало призыва духовныхъ лицъ изъ-за границы; но не всегда была возможность обойтись безъ нихъ вслѣдствіе совершеннаго недостатка подобныхъ лицъ въ Россіи. Въ такихъ случаяхъ требовалось принятіе призваннымъ иностраннымъ проповѣдникомъ присяги на вѣрноподданство Россіи. Но призываемые пасторы не всегда соглашались на это условіе: а иногда бывало и то, что подобныя лица, принявъ приходъ и проживъ въ немъ нѣсколько лѣтъ, возвращались обратно на родину. Особенно случалось это съ людьми, пропагандировавшими, какъ Линдль, какіе-либо соціалистическіе идеалы.

Въ большинствѣ случаевъ, колонистскіе протестантскіе приходы замѣщались какъ прежде, такъ и теперь, лицами, приготовившимися къ проповѣдническому званію въ предѣлахъ имперіи. Такъ въ должность протестантскаго пастора поступаютъ обыкновенно воспитанники богословскаго факультета Дерптскаго университета; но не малое число приходовъ, особенно въ поволжьѣ, занято базельскими миссіонерами, которымъ былъ дозволенъ свободный доступъ въ колоніи кавказскаго намѣстничества, откуда

они мало по малу, по призыву приходскихъ обществъ, переходили въ колоніи Европейской Россіи.

Приходы католическіе заняты почти исключительно ксендзами польскаго происхожденія. Къ сожалѣнію, ксендзы эти слишкомъ часто относятся къ нуждамъ своей паствы настолько же сочувственно, насколько сочувствіе ихъ принадлежитъ Россіи. Къ тому же они обыкновенно не вполнѣ свободно владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ, на которомъ приходится произносить проповѣди и поучать юношество. Поэтому, болѣе или менѣе неблаговидныя со стороны ксендзовъ столкновенія съ прихожанами составляютъ явленіе, слишкомъ часто повторяющееся въ колоніяхъ и по сіе время. Обстоятельство это не могло не обратить на себя вниманія правительства, и съ открытіемъ, въ 1858 году, Тираспольской римско-католической духовной семинаріи, въ Саратовѣ, приступлено къ приготовленію патеровъ изъ среды самихъ колонистовъ. Съ этой цѣлью воспитываются въ семинаріи, на счетъ общественныхъ суммъ, постоянно до 25-ти молодыхъ колонистовъ, и въ томъ числѣ изъ однѣхъ южныхъ колоній 13 человѣкъ, на что расходуется ежегодно до 1,000 рублей. Въ 1867 году былъ первый выпускъ этихъ воспитанниковъ съ званіемъ патера; но намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ результатъ этого выпуска. Какъ настоятельно скорѣйшее устраненіе изъ колоній польско-ксендзовскаго элемента, въ этомъ читатель можетъ убѣдиться изъ слѣдующихъ фактовъ. Не станемъ говорить о прежнихъ временахъ, когда іезуиты успѣли такъ глубоко внѣдриться и въ поволжьѣ, и на югѣ Россіи, что слѣды ихъ были явственны еще долгое время послѣ изгнанія ордена изъ имперіи. Даже и ревизія, въ 1860 году, поволжскихъ колоній и ихъ управленія находила еще уважительные поводы вновь обратить особенное вниманіе высшаго начальства на личный составъ мѣстнаго католическаго духовенства, какъ на одну изъ причинъ, вредно вліяющихъ на нравственность колонистовъ. Такъ было обнаружено, что въ четырехъ римско-католическихъ приходахъ (всего 10 колоній съ 11,365 обоего пола душъ 10-й ревизіи) долгое время занимали должности настоятелей личности, далеко недостойныя своего призванія. По жалобамъ прихожанъ на разныя обиды и вымогательства со стороны этихъ настоятелей, на возбужденіе ими въ населеніи смутъ, раздоровъ и интригъ, на непристойные сану ихъ поступки въ церкви и частной жизни, и т. д., много лѣтъ производились въ мѣстныхъ приказахъ и конторѣ дѣла, которыя однако, подъ вліяніемъ происковъ со стороны патеровъ, вели лишь къ перемѣщенію неблагонадежнаго патера изъ одного прихода въ другой, впредь до возникновенія но-

выхъ жалобъ, тогда какъ колонисты и ихъ начальство настаивали на совершенномъ удаленіи этихъ лицъ изъ вѣдомства колоній. Только энергическія настоянія изъ Петербурга побудили, наконецъ, духовную власть исполнить требованія мѣстнаго начальства; но и въ этомъ случаѣ, если не ошибаемся, ксендзы, оказавшіеся положительно вредными въ поволжьѣ, были только перемѣщены въ приходы южныхъ колоній.

При этомъ нельзя не замѣтить, что въ колоніяхъ подобострастіе прихожанъ-католиковъ къ своему духовному пастырю почти также велико, какъ и въ другихъ мѣстахъ. И здѣсь жалоба на ксендза, считаясь едва-ли не смертнымъ грѣхомъ, можетъ возникнуть только въ самыхъ крайнихъ, вопіющихъ случаяхъ; большею же частью и колонисты терпѣливо сносятъ произволъ настоятеля и покорно исполняютъ всѣ, хотя бы и произвольныя его требованія. При такихъ условіяхъ понятно, что католическое духовенство не ищетъ и никогда еще не пыталось искать законодательнаго нормированія, производимаго ему приходами содержанія: оно прекрасно обходится въ этомъ случаѣ и безъ закона, такъ что нѣтъ въ колоніяхъ ксендза, который въ 5 — 10 лѣтъ не составилъ бы себѣ порядочнаго капитала. О томъ, что произвольныя притязанія и вымогательства роняютъ духовный санъ, а на паству вліяютъ вредно и нравственно и экономически,—о подобныхъ вопросахъ заботится только рѣдкій изъ ксендзовъ: общество, огуломъ подвергнутое церковному отлученію за свою неподатливость патеру, есть явленіе, весьма часто встрѣчающееся въ колоніяхъ, чему не разъ мы сами были свидѣтелемъ.

Иначе сложились эти отношенія въ протестантскихъ приходахъ. Протестантскій пасторъ, какъ сказано, можетъ занять проповѣдническую должность только по избранію приходскаго общества, слѣдовательно, призывъ пастора въ тотъ или другой приходъ и возможность для него улучшить свое матеріальное обезпеченіе состоятъ въ прямой зависимости отъ его личныхъ качествъ, и въ томъ числѣ отъ проповѣдническаго таланта, который цѣнится колонистами особенно высоко. Будучи разъ избранъ и опредѣленъ въ приходъ, пасторъ, вопреки собственному желанію, можетъ быть удаленъ изъ него только по формальному судебному приговору, или же по особому высочайшему повелѣнію. Такимъ образомъ, пасторъ легко можетъ удержаться на всю свою жизнь въ занятомъ приходѣ, не нуждаясь въ особомъ расположеніи и довѣріи къ нему прихожанъ; но въ тоже время неблагопріятная о немъ репутація устраняетъ всякую надежду его на перезывъ въ другой, лучшій приходъ. Впрочемъ, до 1821 года такое независимое, повидимому, положеніе пастора не бы-

ло лишено извѣстнаго рода терній, такъ какъ приходское общество, пользуясь обычнымъ правомъ каждогодно вновь договариваться съ пасторомъ о количествѣ и качествѣ его содержанія, обращало это право не рѣдко въ репрессивную мѣру, при посредствѣ которой достигались прихожанами разныя уступки отъ пастора, а иногда даже и «добровольное» удаленіе его изъ прихода. Конечно, подобные результаты получались не безъ шума и скандала, въ особенности тамъ, гдѣ предметомъ спора бывалъ между прочимъ и вопросъ о замѣщеніи должности сельскаго учителя, вопросъ, волнующій и до настоящаго времени приходскія общества при всякомъ удобномъ случаѣ. Къ чести протестантскаго духовенства нужно сказать, что оно видѣло въ такихъ столкновеніяхъ ложность своего положенія и постаралось выдти изъ него. По ходатайству духовнаго начальства, въ 1821 году былъ изданъ законъ, установившій существующій по сіе время порядокъ составленія и утвержденія такъ-называемыхъ «вызывныхъ» или «пригласительныхъ грамотъ» (Vocation) протестантскаго духовенства, «Пріемля въ уваженіе — сказано въ этомъ актѣ [1])—что употребляющіяся въ евангелическихъ приходахъ пригласительныя грамоты на вызовъ пасторовъ, по существу своему, должны заключать въ себѣ такія условія, которыми налагаются на прихожанъ разные сборы, для чего необходимо добровольное ихъ согласіе и посему нельзя допустить, чтобы грамоты таковыя были приводимы въ исполненіе однимъ духовнымъ начальствомъ: ибо, въ семъ случаѣ—могли бы опредѣляемы быть съ колонистовъ поборы, несоотвѣтствующіе ихъ состоянію» и т. д. Въ предупрежденіе подобной возможности и бо́льшаго обезпеченія пасторовъ было постановлено, чтобы при всякомъ новомъ замѣщеніи прихода, составленная въ консисторіи пригласительная грамота предъявлялась приходскому обществу чрезъ посредство его *гражданскаго начальства*, и приводилась въ исполненіе безусловно только въ такомъ случаѣ, если «всѣ или бо́льшая часть прихожанъ на мірскомъ сходѣ на положеніе грамоты согласятся». Законъ этотъ, устранивъ прежній обычай обществъ каждогодно вновь договариваться со своимъ пасторомъ, придалъ вызывной грамотѣ значеніе личнаго договора, обязательность котораго для прихода прекращается только съ оставленіемъ пасторомъ должности.

Но за приходскимъ обществомъ все еще оставалось право, по произволу, назначать пастору содержаніе при всякомъ новомъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак. 1821 № 23.857.—Ст. 581 Уст. о кол., и 2 прим. къ ст. 292 Уст. еван. лют. церкви.

призывѣ. Отсюда возникали новыя затрудненія, которымъ былъ положенъ нормальный предѣлъ изданнымъ 28 декабря 1832 года уставомъ ев.-лют. церкви въ Россіи.

Самая важная въ этомъ уставѣ, по практическимъ послѣдствіямъ, была статья 352-я. По буквальному ея смыслу, здѣсь слѣдуетъ различать, съ одной стороны, доходы проповѣдника «на основаніи законовъ и мѣстныхъ обычаевъ», которые «не могутъ быть уменьшаемы по волѣ прихожанъ», а съ другой — «бывшія дотолѣ въ обыкновеніи даянія за совершеніе священнодѣйствій», которыя только *дозволяется* проповѣдникамъ принимать въ прежнемъ «количествѣ», и то лишь временно «впредь до новыхъ общихъ о семъ распоряженій». Въ сущности, *по закону*, пасторъ получаетъ, какъ нами выше объяснено, земельный участокъ, денежное жалованье, квартиру съ отопленіемъ и подводы для разъѣздовъ по приходу; всѣ же остальныя «даянія» никогда еще закономъ не были установляемы; они опредѣлялись сперва обычаемъ, а съ 1821 года формальнымъ срочнымъ договоромъ, т. е. вызывною грамотою. Поэтому возникаетъ вопросъ: какіе же именно изъ *обычныхъ* доходовъ и даяній слѣдуетъ признать обязательными, и какіе необязательными для прихожанъ?... Понимать настоящую статью въ томъ смыслѣ, что къ даяніямъ, которыя пастору *только дозволяется* принимать, относятся однѣ платы за требы, по нашему мнѣнію, никакимъ образомъ нельзя уже потому, что такса этихъ платъ, какъ прежде, такъ и теперь еще, весьма умѣренна и всегда сообразовывалась со средствами бѣднаго класса; слѣдовательно, эта статья пасторскаго дохода не такова, чтобы ради ея настояла надобность въ какихъ либо «новыхъ общихъ распоряженіяхъ». Ни въ полномъ сводѣ законовъ, ни въ доступныхъ для насъ архивахъ, намъ не удалось найти разрѣшенія настоящаго недоразумѣнія; но во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что мысль законодателя была та, что содержаніе пастора, количественно или качественно *опредѣленное ему положительнымъ закономъ*, слѣдуетъ считать окончательно и навсегда утвержденнымъ; всѣ же остальныя статьи пасторскаго дохода, какъ зависящія отъ соглашенія съ приходскимъ обществомъ, предполагалось нормировать особымъ законодательнымъ распоряженіемъ. Въ правильности этого заключенія насъ убѣждаютъ, *во-первыхъ*, вышеприведенные мотивы въ законѣ 1821 года; *во-вторыхъ*—то обстоятельство, что обѣщанныхъ статьею 352 «новыхъ общихъ распоряженій» не послѣдовало и до сего времени, тогда какъ иниціатива въ этомъ случаѣ принадлежала духовному начальству, которое даже слишкомъ ревниво охраняетъ самый мелочной матеріяльный интересъ приходскихъ проповѣдниковъ;

и *въ-третьихъ*, толкованіе, данное разбираемой статьѣ на практикѣ со стороны духовенства и консисторій. По мнѣнію послѣднихъ, ст. 352-я имѣетъ тотъ смыслъ, что *однажды назначенное приходомъ, по вызывной грамотѣ, пасторское содержаніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть уменьшено впослѣдствіи ни количественно, ни качественно, ни по порядкамъ раскладки и взиманія.* Строго придерживаясь этого толкованія и эксплуатируя въ этомъ смыслѣ страсть колонистскихъ приходскихъ обществъ къ перезыву изъ прихода въ приходъ лучшихъ проповѣдниковъ, содержаніе послѣднихъ доведено консисторіями до такихъ размѣровъ, что во многихъ приходахъ оно составляетъ теперь почти невыносимую тягость, если не въ количественномъ отношеніи, то качественно по неуравнительности раскладки и взиманія.

Дѣло въ томъ, что въ поволжскихъ колоніяхъ главная часть пасторскаго содержанія всегда составлялась не изъ тѣхъ статей, которыя опредѣлены положительно закономъ, а хлѣбной повинностью зерномъ, размѣръ которой опредѣляется въ вызывныхъ грамотахъ «пудовками съ вéрхомъ, или подъ гребло, *съ семейства*», безъ ограниченія самаго числа окладныхъ семей. Но извѣстно, что населеніе колоній въ 25 — 30 лѣтъ обыкновенно удвоивалось; къ тому же, по мѣрѣ развитія въ колоніяхъ ремеслъ, промысловъ и торговли, личный составъ семействъ дѣлался значительно меньше, такъ какъ ремесленно-промысловое населеніе, питающееся покупнымъ хлѣбомъ, склоннѣе земледѣльческаго къ семейнымъ раздѣламъ. Все это привело къ тому, что зерновая повинность, помимо воли приходскаго общества, росла безостановочно въ чрезвычайной прогрессіи; что повинность эта, взыскиваясь безразлично съ каждой семьи въ опредѣленномъ размѣрѣ зерномъ, ложилась на оставившихъ земледѣліе прихожанъ — двойною, тройною и болѣе значительною противъ многолюдныхъ земледѣльческихъ семействъ тягостью, особенно въ неурожайные годы, когда и хлѣбъ дорогъ, и всякаго рода заработки затруднены. Такимъ образомъ, пасторское содержаніе, выводя пастора на торговый рынокъ, въ качествѣ коммерсанта, и увеличиваясь, независимо отъ зерновой повинности, еще и въ другихъ статьяхъ, а также наддачами конкуррирующихъ приходовъ, не могло не сдѣлаться наконецъ обременительнымъ для прихожанъ. Сатира народная давно уже осудила это положеніе пастора въ обычной у колонистовъ поговоркѣ: «На!.. der Ruf des Herrn liegt bei dem Bauer im Ambar», т. е. «Ха! призывъ Господа (обыкновенная ссылка пасторовъ во время переговоровъ съ конкуррирующими приходами) — у крестьянина въ амбарѣ». Конечно, смыслъ этой поговорки ни въ ка-

комъ случаѣ не можетъ свидѣтельствовать въ пользу безкорыстія приходскаго духовенства, которое настолько же ретиво взыскиваетъ и продаетъ свое зерно въ неурожайные годы, насколько усердно придерживаетъ его во времена низкихъ цѣнъ. О суммѣ и прогрессивности пасторскаго содержанія, а равно о выгодахъ *своевременной* продажи пасторомъ своего зерна, читатель пусть судитъ по ниже приводимымъ фактическимъ даннымъ о содержаніи, которое производилось пасторамъ Таловскимъ и Лѣсно-Карамышскимъ приходами, Камышинскаго уѣзда, въ 1832, 1838 и 1858 годахъ. Онъ убѣдится, что пословица «курочка по зернышку клюетъ, и то сыта бываетъ» — не всегда справедлива.

Но прежде всего нужно замѣтить, что въ приводимую ниже таблицу пасторскаго содержанія не включены: а) пасторская хозяйственно-жилая усадьба, съ садомъ, или «пасторатъ», ремонтируемый на счетъ прихода; о пространности жилыхъ помѣщеній пастората можно судить по тому обстоятельству, что духовное начальство только послѣ многолѣтней и упорной переписки согласилось замѣнить обычный терминъ въ вызывныхъ грамотахъ «топливо сухими дровами по мѣрѣ потребности» нормальнымъ для всѣхъ поволжскихъ приходовъ количествомъ: въ 35 саженъ однополѣнныхъ березовыхъ, или же въ 70 саженъ сухихъ лѣсныхъ дровъ изъ мѣстныхъ дачъ; б) огородъ до одной и болѣе десятинъ, или же капуста и разныя овощи натурою; в) плата, обыкновенно производимая пастору, взамѣнъ подводъ, по особымъ соглашеніямъ, либо деньгами, либо овсомъ, сѣномъ и соломою, въ такомъ размѣрѣ, что на конюшнѣ всякаго пастора содержится на эти средства не менѣе «тройки» отличныхъ лошадей, съ кучеромъ; и г) тѣ доходы, которые пасторъ получаетъ за требы свыше таксы, и которые немаловажны уже потому, что только рѣдкій изъ сколько-нибудь зажиточныхъ колонистовъ ограничивается въ этомъ случаѣ платою по таксѣ.

Независимо отъ этихъ выгодъ и статей дохода, содержаніе пасторовъ названныхъ нами двухъ приходовъ составляло: *во-первыхъ*, по 171 р. 60 коп. въ годъ жалованья, которое опредѣлено закономъ и уплачивается изъ особаго общественнаго сбора съ колонистовъ-работниковъ; *во-вторыхъ*, разнаго хлѣба зерномъ: а) по Лѣсно-Карамышскому приходу — въ 1832 году, по среднимъ цѣнамъ, на 449 руб. серебромъ; въ 1838 на 747 руб.; въ 1858 на 1,035 руб.; б) по Таловскому приходу — въ 1832 году на 336 руб.; въ 1838 на 452 руб.; въ 1858 на 697 руб.; и *въ-третьихъ*, плата за требы по вызывнымъ грамотамъ: а) по Лѣсно-Карамышскому приходу—въ 1832 году до 178 рублей; въ 1838 до 202 руб.; въ 1858 до 348 рублей; б) по Таловскому

приходу — въ 1832 году до 114 руб.; въ 1838 до 156 руб.; въ 1858 до 162 рублей. Слѣдовательно, въ этихъ статьяхъ содержаніе пастора, помимо прямого согласія обществъ, вслѣдствіе одного лишь прироста окладныхъ семей, увеличилось съ 1832 по 1858 годъ, въ первомъ приходѣ, съ 837 до 1,555 рублей, а во второмъ — съ 621 до 1,030 рублей.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, въ какой прогрессіи пріумножалось въ поволжскихъ колоніяхъ неземледѣльческое населеніе, питающееся заработкомъ, ремесломъ, промысломъ и торговлею; но намъ извѣстно, что теперь названныя два приходскія общества состоятъ:

	изъ земледѣльцевъ.		на семью душъ.	неземледѣльцевъ.		на семью душъ.
	семей.	душъ.		семей.	душъ.	
Лѣсно-Карамышское .	773	3516	4,5	727	1821	2,5
Таловское	357	1531	4,3	330	745	2,2

Отсюда легко вычислить: на сколько тяжеле падаетъ зерновая повинность на людей, отставшихъ отъ земледѣлія, противъ хлѣбопашественныхъ семействъ, безусловнымъ преобладаніемъ которыхъ на сходахъ, въ прежнее время, пользовалось духовенство для сохраненія этой повинности. Можно бы возразить, что внутренняя раскладка самимъ обществомъ зерновой повинности если не вполнѣ, то весьма значительно, можетъ устранить ея неуравнительность; но это, очевидно, требовало бы уравнительной раскладки повинности, не на семью, а на души. Слѣдовательно, мы получили бы новый подушный налогъ продуктами, который еще въ 1796 году, какъ крайне отяготительный для крестьянъ вообще, былъ отмѣненъ по всей Имперіи [1]). Къ тому же, развитіе торговли, ремеслъ и промысловъ получило особенный толчокъ со времени введенія рѣчного пароходства, желѣзныхъ дорогъ и т. д., ими обезпечился постоянный сбытъ продуктовъ, такъ что теперь и для земледѣльца выгоднѣе, взамѣнъ натуры, нести повинности деньгами. Поэтому, колонистскія общества давно уже устранили отъ себя, по возможности, всякаго рода натуральныя повинности; остались одни приходскіе «пуды и пудовки съ верхомъ» или «подъ гребло» хлѣбнаго зерна, «пуды или возы сѣна, соломы» и т. д., за которые упорно держится духовенство.

«Главная обязанность пастыря — замѣчаетъ ревизія поволжья въ 1860 году — словомъ и дѣломъ развивать и укрѣплять въ народѣ добрыя, религіозно-нравственныя начала. Болѣе нежели

[1]) Полн. Собр. Зак. 1796 г. №№ 17.628 и 17.661.

обезпеченное положеніе колоніальныхъ священниковъ совершенно отклонило ихъ отъ этой обязанности: остался наружный видъ, а въ сущности—стремленіе къ пріобрѣтенію сколь возможно болѣе вещественныхъ благъ. Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія; но вообще это вполнѣ согласно съ положеніемъ вещей въ колоніяхъ. Въ тоже время важно еще то обстоятельство, что содержаніе священниковъ заключается преимущественно въ хлѣбѣ разнаго рода и другихъ продуктахъ, получаемыхъ ими натурою. Въ прежнее время, когда сбытъ продуктовъ не былъ обезпеченъ, какъ нынѣ, это условіе не могло имѣть столько вреднаго вліянія на экономическій бытъ колоній. Но теперь, съ развитіемъ торговыхъ сношеній края и обезпеченіемъ постоянно выгоднаго и безостановочнаго сбыта сельскихъ произведеній, производство пасторскаго содержанія продуктами дѣйствуетъ на населеніе разорительно. Въ урожайные годы и бѣдный легко отдѣлитъ на это содержаніе причитающееся съ него количество хлѣба, ибо въ тоже время бываютъ у него въ рукахъ и денежныя средства и ему все равно: давать ли продуктами, или деньгами. Но при неурожаѣ, у человѣка недостаточнаго, нерѣдко даже средне-крестьянскаго состоянія, запасовъ хлѣба и прочаго недостаетъ большею частью на его собственныя потребности, такъ что приходскую повинность онъ вынужденъ выполнить покупными продуктами за двойныя, тройныя цѣны, т. е. онъ противу урожайнаго года обязанъ платить вдвое, втрое больше, тогда какъ прямой экономическій разсчетъ требуетъ на это время возможнаго ограниченія въ расходахъ. Поэтому, одинъ, много два неурожайные года дѣйствуютъ на массу разорительно, а священникамъ—даютъ капиталы». По собраннымъ тою же ревизіею свѣдѣніямъ, духовенство поволжскихъ колоній (въ 1860 году 14 католическихъ и 19 протестантскихъ приходовъ) получало въ то время одного озимого и ярового хлѣба зерномъ до 50 тысячъ пудовъ; а платы за требы по таксамъ колебались:

За вѣнчаніе отъ	57	коп.	до	1	руб.	50	коп.
— крещеніе отъ	15	—	—	—	—	40	—
— конфирмацію.	28½	—	—	1	—	—	—
— похороны.	15	—	—	1	—	—	—
— отслуженіе католической обѣдни съ молебномъ отъ	25	—	—	—	—	50	—

Ревизія указывала на настоятельную необходимость отмѣнить всякое производство содержаній натуральными продуктами, съ замѣною ихъ денежнымъ окладомъ или жалованьемъ по разрядамъ. Она предлагала, принявъ «среднія цѣны продуктовъ, хотя за 10 лѣтъ, въ основаніе перевода на деньги всѣхъ содержаній

натурою, распредѣлить эту повинность денежнымъ сборомъ на число работниковъ».

Понятно, что всѣ эти выводы ревизіи основаны на фактахъ самой дѣйствительной жизни. Населеніе колоній давно уже тяготилось унаслѣдованнымъ положеніемъ вещей; но, съ одной стороны, замѣченный уже нами перевѣсъ земледѣльческаго элемента, а съ другой — срочная обязательность существующихъ вызывныхъ грамотъ и вообще авторитетъ духовенства и консисторій, продолжающихъ даже и до сего времени безусловно отрицать право приходскаго общества на отмѣну натуральныхъ повинностей, существующихъ въ пользу приходскаго проповѣдника, — все это въ совокупности ставило новому порядку вещей почти непреодолимыя преграды. Однако, ненормальность пасторскаго содержанія дѣлалась изъ года въ годъ осязательнѣе. Предпринятое съ 1847, и особенно съ 1860 года въ значительныхъ размѣрахъ выселеніе изъ коренныхъ поволжскихъ колоній избытка поселянъ на земли дополнительныхъ надѣловъ; образованіе, вслѣдствіе того, новыхъ приходовъ, требующее, сверхъ текущаго содержанія проповѣдника, весьма значительныхъ издержекъ на устройство новыхъ пасторатовъ, школьныхъ домовъ, церквей и т. д.; выдѣлъ переселенцамъ ихъ части изъ общественнаго и приходскаго имуществъ коренныхъ водвореній (мѣстами до 100 рублей и болѣе на ревизскую душу), — все это, вмѣстѣ съ вышеуказанными новыми бытовыми условіями, начало вызывать со стороны приходскихъ обществъ болѣе или менѣе энергическія попытки къ нормированію приходскихъ повинностей на болѣе современныхъ и справедливыхъ основаніяхъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о новой вызывной грамотѣ. А какъ въ этихъ случаяхъ недостатка не было, то мало-по-малу завязалась на этомъ полѣ формальная борьба между населеніемъ и гражданскимъ начальствомъ, съ одной, приходскимъ духовенствомъ и консисторіями, съ другой стороны. Особенно упорна стала эта борьба по поводу домогательствъ вдовье-сиротской кассы поволжскаго протестантскаго духовенства.

По уставу этой кассы, къ доходамъ ея отнесены: 1) проценты на основной капиталъ кассы, достигшій въ 1863 году до 63 тысячъ руб.; 2) ежегодные взносы членовъ-пасторовъ, размѣръ которыхъ установляетъ самъ синодальный съѣздъ послѣднихъ; 3) добровольныя даянія, собираемыя во всѣхъ протестантскихъ колоніяхъ имперіи два раза въ году — на Рождество и Вознесеніе Христово; 4) по $3^0/_0$ въ годъ съ капитала каждой протестантской церкви поволжскихъ колоній, и 5) пособія «человѣколюбивыхъ дателей» во всей имперіи. Нельзя сказать, чтобы

касса, въ началѣ ея учрежденія въ 1806 году, дѣлала значительные успѣхи; сами пасторы не облагали себя значительными взносами, а основного капитала въ тѣсномъ смыслѣ не было (онъ образовался только впослѣдствіи); пожертвованій поступало мало, налогъ же на церковные капиталы, установленный безъ предварительнаго соглашенія съ колонистскими обществами, возбудилъ въ 1826 году такой сильный протестъ со стороны послѣднихъ, что духовенство, во избѣжаніе скандала, само поспѣшило отказаться отъ 3% сбора въ кассу съ церковныхъ капиталовъ и довольствоваться каждогоднымъ денежнымъ взносомъ съ каждаго приходскаго общества. По состоявшемуся соглашенію, взносъ этотъ соразмѣренъ съ населенностію приходовъ; онъ составлялъ въ общемъ итогѣ: въ 1853 г. — 187 руб. 17 коп., а въ 1863 году — 219 р. 3 к., или около 0,31% съ валовой суммы церковныхъ капиталовъ (до 70 тысячъ руб.). Несмотря на такое существенное измѣненіе, на дѣлѣ, высочайше утвержденнаго въ 1806 году положенія кассы, и на пересмотръ этого положенія въ 1854 году (ст. 236 Уст. о кол.), оно, въ отношеніи 3-хъ-процентнаго сбора съ церковнаго капитала, остается въ своей силѣ, такъ что администрація кассы имѣла бы нѣкоторое основаніе требовать этотъ платежъ, т. е. получить съ одной этой статьи, напр. въ 1863 году, вмѣсто 219 руб. до 2,100 руб. Но духовенство весьма хорошо сознаётъ, къ чему повело бы такое притязаніе съ его стороны, и благоразумно молчитъ, тѣмъ болѣе, что взамѣнъ настоящаго прямого налога, оно давно уже успѣло установить въ пользу кассы другой, косвенный налогъ, взимаемый съ населенія въ формѣ монопольной продажи въ поволжскихъ колоніяхъ, издаваемыхъ средствами вдовье-сиротской кассы: сборника церковныхъ гимновъ, азбуки и лютерова катехизиса, употребленіе которыхъ духовенство же, какъ распорядитель церкви и школъ, сдѣлало обязательнымъ для колонистовъ-протестантовъ. Первое изданіе этихъ книгъ появилось въ 1815 году, съ разрѣшенія государственной юстицъ-коллегіи. Впослѣдствіи, въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, кассою было сдѣлано второе изданіе, съ употребленіемъ на него изъ средствъ кассы 2,000 руб. асс. (какъ сказано въ разрѣшеніи на изданіе, данномъ со стороны мин. внутр. дѣлъ). Распродажа этого изданія тянулась безъ малаго три десятилѣтія, и отъ одного лишь сборника гимновъ (по 1 р. 43 к. сер. за экземпляръ), касса получала доходу въ 1853 — 1863 годахъ, по собственному показанію консисторій «среднимъ числомъ до 986 руб. 69 коп. въ годъ». Отсюда понятно, какимъ путемъ и на чей счетъ образовался указанный выше основной капиталъ кассы, одни проценты съ котораго давно

уже, и даже съ излишкомъ, покрываютъ расходы ея на пособія вдовамъ и сиротамъ [1]). Въ виду такой обезпеченности, какъ средствъ кассы, такъ и матеріальнаго быта духовенства вообще, при ревизіи 1860 года возникъ вопросъ о передачѣ права на изданіе сборника гимновъ и прочихъ книгъ приходскимъ школамъ, «крайне нуждающимся въ такомъ пособіи»; а преобразованіе нашей кредитной системы, понизившее процентъ на помѣщенные въ кредитныхъ установленіяхъ безсрочными вкладами церковные капиталы до 2%, обратило вновь особенное вниманіе обществъ на сборъ съ послѣднихъ въ пользу пасторской вдовье-сиротской кассы. Наконецъ, мѣстный книгопродавецъ вызвался поставлять сборникъ гимновъ на хорошей бумагѣ по 80 коп., а въ коленкоровомъ переплетѣ по 1 руб. за экземпляръ. Но тѣмъ временемъ синодальный съѣздъ пасторовъ рѣшилъ сдѣлать новое изданіе сборника, съ тѣмъ, чтобы одинъ отдѣлъ его, признанный вздорнымъ и безсмысленнымъ (gehalt- und geistlos) былъ замѣненъ новыми гимнами, избранными спеціальною изъ пасторовъ коммиссіею. Эта операція, будучи приведена въ исполненіе, вытѣснила бы изъ употребленія всѣ экземпляры сборника прежнихъ изданій, т. е. касса сразу сбыла бы до 30,000 новыхъ книгъ, на сумму до 42,600 руб. Объ этомъ послѣдствіи предположеннаго изданія нѣтъ, конечно, помину въ протоколахъ синодальнаго собранія. Мы готовы вѣрить, что въ этомъ случаѣ руководили рѣшеніями пасторовъ не столько финансовыя цѣли, сколько тѣ истинно-пастырскіе мотивы, о которыхъ гласятъ протоколы; но при всемъ томъ, нельзя не замѣтить, что сюрпризъ готовился прихожанамъ за кулисами, такъ какъ синодальныя засѣданія не публичны, и въ нихъ нѣтъ представителей отъ прихожанъ, сами же пасторы не видѣли надобности разглашать о задуманной ими операціи. Но органъ протестантизма, петербургскій Sontagsblatt, который, въ синодальныхъ протоколахъ и представленіяхъ не видѣлъ вовсе финансовой стороны дѣла, далъ гласность заботѣ поволжскаго духовенства о благѣ прихожанъ; послѣдніе же (конечно, противъ всякаго ожиданія почтенной редакціи) поняли эту заботу единственно въ смыслѣ безцеремоннаго посягательства на ихъ карманъ. Тутъ встрепенулось уже все въ колоніяхъ, вспомнилось все, и начался болѣе или менѣе всеобщій походъ противъ финансовыхъ минъ духовенства. Но не дремало и послѣднее: жалобы его отправлялись, чрезъ кон-

[1]) Въ 1863 году, вдовье-сиротская касса производила пособія: 13 пасторскимъ вдовамъ по 110 руб. 62 коп. на каждую, и 10 сиротамъ пасторскимъ по 24 руб. на лице, всего 1,678 р. 6 коп.

систоріи, въ Петербургъ, даже по всякимъ мелочамъ. Въ итогѣ жалобы гласили, что приходы не даютъ пасторамъ въ филіалахъ прежняго столоваго содержанія (оно ни вызывными грамотами, ни закономъ и не обусловлено); что приходы требуютъ, чтобъ остатки отъ годичной пропорціи дровъ пасторы не продавали, по прежнему, въ свою пользу, а зачитывали эти остатки въ счетъ нормальной дачи на новый годъ, на томъ основаніи, что «дрова даются на отопленіе пастората, а не на усиленіе пасторскаго содержанія» и т. д., и т. д. Но главнѣйшими пунктами борьбы сдѣлались конечно: регаліи вдовье-сиротской кассы, новыя вызывныя грамоты и, какъ увидимъ впослѣдствіи, приходская школа.

Относительно новаго изданія церковнаго сборника, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, признавъ «независимо отъ всякой привилегіи, вообще неудобнымъ предоставленіе подобныхъ изданій конкуренціи частныхъ лицъ и обращеніе ихъ въ дѣло коммерческой спекуляціи», отклонилъ предположеніе мѣстнаго начальства колоній, полагавшаго пріостановить задуманное духовенствомъ новое изданіе, съ тѣмъ, чтобы «вопросъ о болѣе дешевомъ изданіи какъ сборника, такъ и вообще употребляемыхъ въ мѣстныхъ школахъ руководствъ, на счетъ свободныхъ мірскихъ суммъ, или посредствомъ сдѣлки съ издателемъ-книгопродавцемъ, былъ переданъ на совокупное обсужденіе уполномоченныхъ отъ протестантскихъ обществъ и депутатовъ отъ духовенства и Саратовской конторы». Консисторія, съ своей стороны, предложила «установить сборъ съ церковныхъ капиталовъ по $^1/_2\,^0/_0$, что̀ составило-бы по 350 р. въ годъ и дало-бы возможность предложить администраціи кассы печатать книги, вмѣсто С.-Петербурга и Москвы, въ Саратовѣ (?) гдѣ это можетъ стоить дешевле (?), или же другими мѣрами понизить сколь возможно цѣну издаваемыхъ книгъ, наблюдая, чтобы итогъ отъ прибыли не превышалъ 850 руб. въ годъ». Въ случаѣ же лишенія кассы привилегіи на изданіе книгъ, консисторія полагала взносъ въ пользу кассы съ церковныхъ капиталовъ установить не ниже 2 $^0/_0$ въ годъ. Въ разрѣшеніе этихъ вопросовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, въ іюлѣ 1866 года, предложило консисторіи наблюсти, чтобы цѣна книгамъ назначаема была «самая умѣренная» и чтобы сборникъ печатался въ прежнемъ видѣ, съ присовокупленіемъ новыхъ пѣсенъ особымъ прибавленіемъ, безъ возвышенія однако цѣны книги. Что же касается уничтоженія, согласно настояніямъ обществъ, сбора съ церковныхъ ихъ капиталовъ, то вопросъ этотъ предположено *разсмотрѣть особо*. Нужно надѣяться, что это «особое разсмотрѣніе» не заставитъ ожидать себя также долго, какъ упомянутыя въ ст. 352 церк. уст. «новыя об-

щія распоряженія», напрасно ожидаемыя и по сіе время, что̀ преимущественно содѣйствовало столкновеніямъ духовенства съ приходами.

Въ послѣднее десятилѣтіе, по поволжскимъ приходамъ не вступала въ силу почти ни одна вызывная грамота безъ того, чтобы утвержденію ея не предшествовала болѣе или менѣе сложная переписка между двумя вѣдомствами, гражданскимъ и духовнымъ, и безъ доведенія спора до высшихъ административныхъ инстанцій. Или консисторія не сходится съ приходскимъ обществомъ въ выборѣ пункта для пастората, (во вновь учреждаемыхъ приходахъ); или, по ея мнѣнію, кизякъ [1]), назначаемый пастору новыми степными приходами въ добавокъ къ нѣкоторому количеству дровъ, не можетъ быть употребляемъ имъ безъ вреда въ гигіеническомъ отношеніи; либо приходъ назначилъ слишкомъ мало сѣна, соломы, или слишкомъ низкія платы за требы, или же обратилъ зерновую повинность изъ посемейной, прогрессивно - возрастающей — въ валовую, отверженную, съ цѣлаго прихода и т. д. Почти во всѣхъ подобныхъ столкновеніяхъ, право и справедливость оказывались, въ концѣ концовъ, не на сторонѣ духовенства, такъ что жалобы его оставались безъ послѣдствій; но желая дать нашимъ читателямъ наглядный примѣръ подобнаго рода дѣлъ, мы ознакомимъ его съ однимъ изъ такихъ, которое и теперь, когда мы пишемъ эти строки, еще не разрѣшено окончательно.

Съ 1-го сентября 1864 года, послѣ смерти пастора Д., извѣстный уже читателю Лѣсно-Карамышскій приходъ (13,274 наличныхъ обоего пола душъ) остается незамѣщеннымъ и завѣдывается, какъ викаріатъ, поочередно наѣзжающими пасторами остальныхъ колонистскихъ приходовъ Саратовской губ. Неоднократно произведенные выборы новаго проповѣдника оставались безъ послѣдствій, потому что ни одинъ изъ избранныхъ не рѣшался принять призывъ въ виду несогласія консисторіи на содержаніе, назначенное приходомъ новому пастору. Дѣло въ томъ, что вопреки мнѣнію консисторіи, лѣсно-карамышское общество признаетъ *обязательнымъ* для себя производство своему будущему пастору лишь того содержанія, которое оно давало до 28-го декабря 1832 года; что̀ же касается послѣдующихъ къ сему содержанію надбавокъ, то общество полагаетъ себя въ правѣ вводить эту часть въ новыя грамоты, по своему усмотрѣнію, въ

---

[1]) Наземный кирпичъ, составляющій главное топливо въ поволжьѣ, а въ степныхъ колоніяхъ Самарской губ., вмѣстѣ съ соломою, даже единственный горючій матеріалъ въ хозяйствѣ.

сокращенномъ, измѣненномъ или усиленномъ размѣрѣ, сообразясь съ условіями даннаго времени. На этомъ основаніи, лѣсно-карамышское приходское общество, формальнымъ приговоромъ, постановило давать будущему проповѣднику: а) пасторатъ и для отопленія его 30 саж. дровъ, которыя приходъ каждогодно будетъ доставлять на пасторатскій дворъ; б) по 171 р. 60 коп. въ годъ изъ общественнаго сбора съ работниковъ; в) по 1000 р. въ годъ, вмѣсто хлѣбнаго зерна; г) аксиденцій: за похороны и крещеніе по 15 коп., за бракосочетаніе съ помолвкою 60 к. и за конфирмацію по 30 коп. съ лица (что́, по числу требъ въ 1858 году, составляетъ minimum 347 р. 85 к.); д) на все время нахожденія пастора въ приходѣ дается въ его пользованіе огородъ въ одну десятину; и наконецъ е) подводы для разъѣздовъ по филіальнымъ церквамъ—натурою, или же по особому съ пасторомъ соглашенію. — Консисторія, напротивъ, присвоивая себѣ безусловное право судить о достаточности или недостаточности пасторскаго содержанія и отрицая правильность толкованія приходомъ ст. 352 уст. Ев. цер., настаиваетъ на понужденіи къ назначенію новому пастору того же самаго содержанія, которое получалъ пасторъ Д. съ 1858 года (см. выше таблицу). Въ такомъ положеніи дѣло это предлежитъ къ разрѣшенію высшимъ административнымъ инстанціямъ.

Не вдаваясь здѣсь въ разсужденіе о томъ, на чьей сторонѣ право и справедливость, мы однако невольно задумываемся надъ вопросомъ: неужели minimum 1519 р. 45 к. деньгами, отличная квартира, съ отопленіемъ и всякаго рода хозяйственными службами, подводы, прогрессивная доходность съ требъ, пособіе на воспитаніе дѣтей, обезпеченный пенсіонъ на случай старости и болѣзни и обезпеченное же положеніе вдовъ и сиротъ на случай смерти пастора, неужели все это въ совокупности — такое недостаточное содержаніе, что неназначеніе приходомъ бо́льшаго оправдываютъ неуступчивость консисторіи и оставленіе приходскаго общества и школъ безъ должнаго призрѣнія, вотъ уже около 4 лѣтъ?... Неужели подобное назначеніе можетъ давать поводъ къ принятію со стороны консисторіи косвенно-репрессивныхъ мѣръ, каково, напримѣръ, требованіе съ прихода, въ силу произвольнаго толкованія закона, уплаты во вдовье - сиротскую кассу пасторовъ содержанія пастора Д., впредь до замѣщенія вакансіи?... Или, по мнѣнію духовенства, подобныя столкновенія могутъ укрѣпить въ паствѣ должное къ нему уваженіе?...

Но, быть можетъ, значительныя матеріальныя пожертвованія колонистовъ въ пользу духовенства съ лихвою вознаграждаются

попечительностью послѣдняго въ нравственномъ ихъ преуспѣяніи?...

Болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ дать, какъ намъ кажется, не столько исправное со стороны духовенства произнесеніе проповѣдей, исполненіе требъ, и т. д., однимъ словомъ не формальная сторона пастырской дѣятельности, которая, по словамъ ревизіи Поволжья 1860 года, ограничивается «однимъ наружнымъ видомъ», т. е. обратилась въ простую обрядность, сколько отношенія пасторовъ къ нравственнымъ потребностямъ своей паствы въ болѣе широкомъ смыслѣ, — въ смыслѣ человѣческаго и вообще гражданственнаго развитія.

Конечно, важнѣйшимъ органомъ воздѣйствія на массы въ этомъ направленіи есть народное образованіе, школа, — которая давно уже перешла въ полное безконтрольное распоряженіе колонистскаго, протестантскаго и католическаго духовенства. Но прежде, чѣмъ обратиться къ состоянію въ колоніяхъ школьнаго дѣла, мы желали бы коснуться нѣсколькими словами еще одной, по нашему мнѣнію, весьма важной стороны народной жизни—именно: обычаевъ и народныхъ празднествъ колонистовъ и отношеній къ нимъ духовенства.

Въ обычаяхъ и народныхъ празднествахъ прежде всего является весьма важнымъ условіемъ то, что здѣсь рабочій людъ старается удовлетворить присущей человѣку потребности—въ наслажденіи. Наслаждаясь, онъ собираетъ новыя силы на новый трудъ. Но извѣстно, что простой, умственно мало развитый человѣкъ, для удовлетворенія указанной общечеловѣческой потребности своей природы, не довольствуется однимъ физическимъ покоемъ; ему, чтобы въ наслажденіи не обезсилѣть, кромѣ покоя, необходимъ еще временный физическій разгулъ; иначе онъ впадетъ въ недовольство, апатію нравственную и физическую. — Смотря на обычныя въ простонародномъ быту празднества съ этой точки зрѣнія, никто конечно не станетъ требовать безусловнаго воспрещенія подобныхъ проявленій потому только, что форма, въ которой сказываются народныя увеселенія и наслажденія, не всегда соотвѣтствуетъ нашему личному вкусу, а въ иныхъ случаяхъ нарушаетъ въ «образованномъ» человѣкѣ даже чувства деликатности и благовоспитанности. Но «о вкусахъ не спорятъ» и всякій наслаждается по-своему.

Однако эти общепризнанныя истины для поволжскихъ пасторовъ, повидимому, не существуютъ. Правда, иныя мнѣнія ихъ по этому предмету совершенно безразличны для насъ, и не мы взялись бы упоминать о томъ или другомъ взглядѣ ихъ на на-

родныя празднества, еслибъ сами пасторы точно также, или хотя-бы нѣсколько помягче, относились въ этомъ случаѣ къ своей паствѣ. — Жизнь нашего крестьянина, неисключая поволжскаго колониста, — извѣстна: весна, лѣто и часть осени проходятъ въ безустанной работѣ; ни днемъ, ни ночью онъ не знаетъ покоя въ эту «страдную» пору. Въ степныхъ мѣстностяхъ, къ которымъ и до сего времени слѣдуетъ причислять поволжское колонистское водвореніе, въ продолженіе будничныхъ дней цѣлой недѣли все населеніе, кромѣ стариковъ и малыхъ дѣтей, проводитъ въ полѣ, являясь оттуда домой вечеромъ, наканунѣ воскресенья или праздника. На другой день, побывавши у обѣдни, а холостая и незамужняя молодежь, сверхъ того, еще въ послѣобѣденной катехизаціи [1]), все населеніе, по прежнему, обращается въ степь къ новому недѣльному труду. — Если въ эту «страду» и ищетъ кто удовольствій, то это въ колоніяхъ крайне рѣдкое явленіе и навѣрное какой-нибудь безнадежный забулдыга. Мы не говоримъ, конечно, о неугомонной молодежи; парни и дѣвушки точно также, какъ и въ другихъ мѣстахъ, всячески стараются вознаградить себя за недѣльный трудъ: играми, плясками и импровизованными пирушками на «посидѣлкахъ», продолжающихся иногда далеко за полночь подъ наступающій праздникъ. Для люда же остепенившагося, или что тоже — женатаго, время удовольствій и наслажденій наступаетъ не ранѣе осени. Послѣ уборки хлѣбовъ начинаются такъ-называемые «кермессы (Kirchmesse — день освященія церкви, престольный праздникъ); съ ними совпадаютъ обыкновенно мѣстныя ярмарки. Празднества эти, съ самаго учрежденія колоній, расположены такъ, что только въ рѣдкихъ случаяхъ «кермесъ» въ одной колоніи совпадаетъ съ тѣмъ же днемъ въ другомъ обществѣ; они чередуются съ воскресенья на воскресенье. Вотъ здѣсь уже и старъ, и младъ, и мужчины и женщины, каждый въ обычаѣ своего возраста и по вкусу, стараются вознаградить себя за всѣ лишенія рабочей поры, переѣзжаютъ почти цѣлымъ обществомъ на сосѣдній кермессъ, навѣщаютъ родныхъ въ дальнихъ колоніяхъ, и въ свою очередь угощаютъ у себя толпы гостей — знакомыхъ, родныхъ и даже вовсе чужихъ. Въ прежнія времена, какъ въ Германіи, такъ и въ поволжьѣ, кермессы сопровождались широкимъ разгуломъ, который не всегда обходился безъ дракъ и нарушеній порядковъ благоустройства. Казалось бы достаточнымъ под-

[1]) Родъ экзаменовъ, въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ съ приличными толкованіями по катехизису, Евангелію и Библіи.

чинить этотъ народный разгулъ нѣсколько болѣе бдительному полицейскому надзору, и именно въ этомъ смыслѣ долгое время относились къ дѣлу гражданское начальство и даже сами пасторы. Но мало-по-малу, особенно послѣ изданія въ 1832 году церковнаго устава, пасторы начали возставать противъ прежнихъ порядковъ празднованія «кермесса», требуя, чтобы обычные въ этотъ день дома «танцовальные» съ музыкою и т. д. были закрыты, и всякое шумное проявленіе народнаго разгула, попойки и т. д. были строго воспрещены, какъ «оскорбляющія святость празднества, нарушающія благопристойность и порядокъ, потворствующія пьянству и разврату, и вообще растлѣвающія народную нравственность». Подъ ту же категорію были подведены обычныя «посидѣлки» молодежи, катанье по улицамъ съ музыкою, пѣснями, стрѣльбою и т. д. во время свадебъ. Настоянія пасторовъ не остались безъ послѣдствій: кермессы, какъ *народныя* празднества, стрѣльба при свадебныхъ поѣздахъ и т. п. были строжайше воспрещены. Но въ подобныхъ случаяхъ настолько же легокъ запретъ, насколько немыслима ненарушимость его. Сначала даже выборное начальство мало придавало значенія послѣдовавшему распоряженію: кермессы и свадьбы пировались по прежнему. Но не таковы пасторы, чтобы, заручившись соотвѣтствующимъ ихъ цѣли закономъ или циркулярнымъ предписаніемъ гражданской власти, позволить пренебречь ихъ волею; насколько они способны вести дѣла, тому примѣры мы привели выше. Точно также и въ настоящемъ случаѣ они повели самую упорную борьбу противъ ненавистныхъ имъ обычаевъ; сами обращались нерѣдко въ грозныхъ представителей полиціи; мало-помалу — путемъ оштрафованія вслѣдствіе безустанныхъ жалобъ ихъ сельскихъ начальниковъ «за поблажку ослушникамъ» — они съумѣли внушить послѣднимъ ихъ обязанность, и теперь уже общія усилія пасторовъ и сельскихъ начальствъ загоняли любителей кермесса и шумныхъ пировъ въ самыя отдаленныя захолустья. Прежняя публичность празднествъ и пировъ уступила мѣсто — скрытному пьянству, игрѣ въ орлянку и карты на деньги, и подобнымъ «тихимъ» удовольствіямъ. Пасторы достигли наконецъ своей цѣли: по улицамъ и въ домахъ водворилась тишина; чувства ихъ не оскорблялись явнымъ разгуломъ; сонъ ихъ не тревожился пѣснями гуляющей за-полночь молодежи.

Но почему же, по словамъ ревизіи 1860 года — «упадокъ нравственности въ поволжскихъ колонистахъ, по сравненію ихъ прошедшаго съ настоящимъ, дѣйствительно составляетъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію и весьма разительный по обзору даже послѣдняго десятилѣтія»?.. Чѣмъ же объяснить, что изъ числа

саратовско-самарскихъ колонистовъ приходилось: уголовныхъ преступниковъ и исключенныхъ за пороки изъ колонистскаго званія, по приговорамъ обществъ:

въ 1850 году	1	лице	на	55,416	обоего	пола	душъ
— 1855 —	1	—	—	31,077	—	—	—
— 1859 —	1	—	—	15,017	—	—	—

Невольно приходится вѣрить словамъ той же ревизіи, что «протестантское духовенство не содѣйствуетъ улучшенію нравственности колонистовъ, такъ какъ оно обнаруживаетъ въ дѣятельности своей болѣе стремленія къ личнымъ интересамъ, нежели къ общественному благу населенія, и старается лишь объ утвержденіи того почти безграничнаго вліянія на свою паству, которымъ оно до сего времени столь успѣшно пользовалось для матеріальнаго обезпеченія себя и своего потомства, и—само собою разумѣется—не въ пользу колонистовъ». И нельзя сказать, чтобы протестантскіе пасторы поволжья сознавали наконецъ ошибочность и вредъ принятаго ими направленія. Лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить приговоръ, проведенный въ 1861 году однимъ изъ наиболѣе развитыхъ пасторовъ-университантовъ въ четырехъ обществахъ своего прихода и не вошедшій въ силу только вслѣдствіе вмѣшательства гражданской власти и высшихъ ея инстанцій. Этотъ приговоръ до того характеристиченъ, что мы приводимъ здѣсь главнѣйшія его положенія: 1) кто въ церкви во время богослуженія нарушитъ тишину и спокойствіе, или окажетъ церковнымъ старостамъ ослушаніе, тотъ подвергается денежному штрафу: въ первый разъ 10 коп., во второй 15 коп., и въ третій — 50 коп.; 2) съ каждой лишившейся цѣломудрія невѣсты, если она при вѣнчаніи наряжена будетъ въ вѣнчальный вѣнецъ (Brautschmuk, Brautkranz), взыскивается 1 р. 43 коп.; доказательствомъ служитъ метрическая книга; 3) кто во время вѣнчанія вблизи церкви или школьнаго дома нарушитъ тишину или спокойствіе, съ того штрафъ 30 коп.; 4) обрученные или оглашенные, овдовѣвшіе или холостые и незамужніе, если они до вѣнца имѣютъ сожительство, подвергаются штрафу въ 30 коп.; 5) кто безъ уважительной причины даетъ у себя убѣжище женщинѣ, оставившей своего мужа, съ того штрафъ 1 руб. и онъ обязывается удалить эту женщину изъ своего дома немедленно; 6) кто въ воскресные и вообще въ праздничные дни заведетъ у себя въ домѣ музыку, съ того штрафъ 3 руб., а съ каждаго музыканта по 1 руб.; 7) кто дозволитъ себѣ въ домѣ карточную игру на деньги, съ того штрафъ 3 руб., а съ каждаго участника игры по 50 коп.; 8)

кто въ воскресные или праздничные дни, до окончанія божественной литургіи, отправится на охоту, или на рыбную ловлю, съ того взыскивается 15 коп.; 9) кто въ тѣ же дни будетъ заниматься «будничною работою», какъ-то: возить воду, пахать, молоть на мельницѣ, или возить съ гумна во дворъ сѣно, солому и т. п., тотъ, «за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ случаевъ», штрафуется на 50 коп.; 10) кто не согласится уплатить наложенный на него штрафъ, или будетъ замѣченъ въ одномъ и томъ же проступкѣ болѣе трехъ разъ, тотъ представляется «какъ злоумышленный нарушитель порядка» сельскимъ приказомъ высшему начальству «для подверженія самому строгому наказанію», и 11) штрафные платежи поступаютъ: съ проступковъ п. 1 и 4-й въ церковную кассу, остальные же въ пользу мірскихъ кассъ, по принадлежности.

Прочитавъ такой приговоръ, читатель, быть можетъ, оцѣнитъ тѣ чувства, которыя сказываются противъ утвержденія подобнаго акта, въ протестѣ вновь назначеннаго, въ исходѣ 1860 года, управляющаго Саратовскою конторою:

«Владѣя значительными капиталами для оборотовъ,—говоритъ онъ, — распоряжаясь самовластно церковными школами; будучи церковными попечителями, они (т. е. пасторы), вслѣдствіе этихъ факторовъ и своего моральнаго вліянія, какъ священнослужители и проповѣдники, завладѣли авторитетомъ, по праву имъ не принадлежащимъ, и распространяютъ вліяніе свое, вопреки закону, на всѣ общественныя дѣла своего прихода, часто въ ущербъ добраго согласія, порядка, умственнаго развитія и самой нравственности населенія. Я долгомъ считаю обратить вниманіе на всю нелѣпость, въ юридическомъ смыслѣ, постановленныхъ приговоромъ правилъ (выше приведенныхъ), и на бездушную ихъ жестокость, которая съ безпримѣрнымъ цинизмомъ подвела подъ таксу женскую скромность и добродѣтель, а съ тѣмъ вмѣстѣ и добрую славу цѣлыхъ семействъ, безвинныхъ и безпричастныхъ къ караемымъ простушкамъ... Для взысканія подобныхъ штрафовъ потребуется варварскій контроль, и я отвергаю возможность приведенія въ дѣйствіе такихъ приговоровъ, какъ унизительныхъ для человѣческаго достоинства. Хотя московская евангелическая лютеранская консисторія не стѣснилась одобрить эти приговоры, но...» и т. д.

Итакъ, протестантскіе пасторы дошли еще въ одномъ отношеніи до геркулесовыхъ столповъ. Но ратовать въ пользу «добронравственности паствы» полицейскими мѣрами вѣроятно удобнѣе, нежели дѣйствовать путемъ проповѣди и убѣжденія. Пасторы упустили изъ виду, что какъ бы безапелляціонно не по-

работить человѣка, нравственную его природу можно только загнать, уродовать, лишить же ее вовсе жизненныхъ проявленій— дѣло невозможное. Говоря это, мы имѣемъ въ виду — сектаторскія движенія среди колонистовъ. Правда, мы далеки отъ мысли, чтобы взваливать вину за эти броженія исключительно на мѣстное духовенство; несомнѣнно, въ этихъ случаяхъ, какъ и всегда, ненормальности экономическаго и гражданскаго быта играютъ весьма важную, если не главную роль. Но въ тоже время нельзя не замѣтить, что отношенія колонистскаго духовенства къ своей паствѣ, и въ экономическомъ, и въ нравственномъ смыслѣ, вовсе не таковы, чтобы оно вполнѣ съ доброю совѣстью могло умыть руки въ дѣлахъ сектаторства. И главнымъ доказательствомъ тому служитъ стремленіе сектаторовъ — освободиться изъ-подъ авторитета пасторскаго: эту главнѣйшую цѣль преслѣдуютъ какъ сектисты, сепаратисты и гюпферы — на югѣ Россіи, такъ и «новые братья и сестры» въ поволжскихъ колоніяхъ. Единственно *вполнѣ* любезная пасторамъ партія — это на югѣ «піетисты или штундисты», а въ поволжьѣ — «молельщики» (Betbrüder); но этотъ разрядъ поселянъ не многочисленъ и вообще, вслѣдствіе ультрамонтанскаго направленія его, мало любимъ огромнымъ большинствомъ населенія, дѣлаясь нерѣдко мишенью народной сатиры. Самыя наименованія «Betbrüder, Hüpfer» и т. д. имѣютъ преимущественно саркастическое значеніе, и сами братья обижаются ими.

Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторую вѣротерпимость, de facto существующую въ колоніяхъ, тоже нельзя вмѣнить въ заслугу духовенству. Оно и въ этомъ отношеніи уступаетъ только категорически выраженной въ 1843 году высочайшей волѣ.

Впрочемъ, самымъ надежнымъ барометромъ для вѣрнаго опредѣленія степени радѣнія колонистскаго духовенства о насущныхъ интересахъ населенія, представляется дѣло народнаго образованія. Посмотримъ же, что̀ сдѣлало духовенство на этомъ широкомъ поприщѣ, состоящемъ въ «самовластномъ» распоряженіи его.

А. Клаусъ.

ИТАЛІЯ

и

МАЦЦИНИ

(1808 — 1868).

Life and Writings of J. Mazzini. London. 1864—1868.
Histoire politique des papes, p. Lanfrey. Paris 1868.
Geschichte Italien's v. Reuchlin. Leipzig. 1860.—Von Achtundvierzig bis Einundfünfzig, v. *I. Scherr.* Leipzig. 1868.
Die Nationale Presse in Italien und die Kunst der Rebellen, v. Cironi, übers. v. Assing. Leipzig. 1863.

I.

Когда народъ овладѣлъ въ Парижѣ Бастиліей, одинъ изъ несчастныхъ узниковъ, потерявшій зрѣніе отъ продолжительнаго заключенія въ подземельи, лишенномъ свѣта, бросился на своихъ избавителей, отворившихъ его тюрьму и долго защищался отъ нихъ цѣпями. Онъ принялъ избавителей за палачей. «Что случилось съ слѣпымъ узникомъ Бастиліи — говоритъ Эдг. Кинэ [1]) — то повторилось съ Италіей, когда французская революція пробила двери новому общественному порядку».

Въ то время Италія уже сошла съ колеи европейскаго прогресса и вернулась къ прежнему, средневѣковому быту, изъ котораго, въ эпоху «возрожденія», два вѣка предъ тѣмъ, сама указывала

[1]) Les revolutions d'Italie. Oeuvr. Compl. d. E. Quinet. T. IV. Paris, 1857.

другимъ путь ко всеобщему освобожденію. Раздробленіе полуострова сдѣлало италіянцевъ неспособными состязаться съ большими сосѣдними государствами въ могуществѣ и богатствѣ; господство католицизма и вліяніе папъ мѣшало имъ идти рядомъ съ образованіемъ другихъ странъ. Разъ связанные въ своемъ развитіи, они скоро потеряли самыя потребности образованныхъ народовъ и сдѣлались жертвою тупой апатіи, составляющей гибельнѣйшее свойство южной натуры. Низшій классъ народа впалъ въ крайнее суевѣріе и отупѣніе; дворянство потеряло чувство своего личнаго и политическаго достоинства; средняго сословія, этого связующаго звена различныхъ классовъ общества, не было; духовенство и правительство умышленно поддерживали въ узкомъ смыслѣ чувство привязанности людей къ мѣстности и тѣмъ подавляли духъ народнаго единства.

Никогда еще Италія не падала такъ низко, какъ въ XVIII вѣкѣ. Лучшіе ея люди теряли надежду на ея возрожденіе; ея философы забыли, какъ-будто, о своемъ отечествѣ. Сами они—больше космополиты, чѣмъ италіянцы. Ученія Филанджіери и Беккаріи принесли пользу скорѣе чужимъ странамъ, нежели ихъ родинѣ. Это въ особенности можно сказать о Беккаріи, теоріи котораго вошли почти цѣликомъ, напр., въ наказъ императрицы Екатерины II, оставаясь долгое время чуждыми большинству законодателей Италіи.

Въ эту-то пору оцѣпененія италіянскаго народа отъ рабства и невѣжества, разражается французская революція. Ея взрывъ отдается во всей Европѣ, но не находитъ отголоска въ Италіи. Провозглашенная во Франціи «Декларація правъ человѣка»—эта мечта Данте въ XIII вѣкѣ — не пробудила изъ апатіи его потомковъ XVIII вѣка. Сначала республиканская Франція думала, что ей не будетъ стоить труда воскресить италіянскія республики, но скоро она должна была увидѣть, какъ ошибочны были эти ожиданія. Въ первыя минуты появленія республиканскаго знамени въ Италіи — оно было встрѣчено глухимъ молчаніемъ. Если и была небольшая горсть людей, видѣвшихъ возможность возродить Италію при помощи Франціи, то масса народа не сознавала того и враждебно встрѣтила враговъ католицизма; ее почти не радовало изгнаніе австрійцевъ. Нѣсколько мѣсяцевъ французскаго владычества вызвало въ италіянскомъ народѣ сопротивленіе гораздо сильнѣйшее, нежели продолжительный гнетъ австрійцевъ. Давно въ Италіи не было народнаго движенія такого яростнаго и сильнаго, какъ возстаніе Милана и Павіи противъ французовъ, вспыхнувшее черезъ нѣсколько недѣль послѣ начала италіянскаго похода Бонапарте. Такова была первая

встрѣча Италіи съ революціонной Франціей, встрѣча, въ которой большинство французскихъ историковъ, въ томъ числѣ даже и Эдг. Кинэ, видятъ только отсутствіе политическаго развитія въ италіянскихъ массахъ. Но при этомъ они забываютъ, что народныя массы никогда и нигдѣ не доростали до способности увлекаться одними теоріями безъ практическихъ для себя результатовъ, если не въ настоящемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ самомъ близкомъ будущемъ. Улучшенія же быта италіянскаго народа французская революція не внесла съ собою въ Италію.

Быть можетъ, италіянскій народъ, какъ ни былъ онъ подавленъ, понялъ бы, что его спасеніе не въ австрійцахъ и папизмѣ, еслибы представителемъ революціонной Франціи въ Италіи явился болѣе искренній и честный республиканецъ, нежели какимъ былъ Бонапарте. Но онъ съ перваго шага своего въ Италію показалъ, что тутъ-то намѣренъ впервые примѣнить ту систему, которою онъ потомъ съ успѣхомъ пользовался во все время своей остальной карьеры. «Замѣчательно—говоритъ Э. Кинэ [1])—какъ уже въ 1796 году, въ политическихъ планахъ Наполеона, подъ республиканскими формами, къ которымъ вынуждали его требованія времени, имъ положены основы монархической власти; съ этой точки зрѣнія устройство, дарованное Наполеономъ италіянскимъ республикамъ, данныя имъ учрежденія и инструкціи могутъ служить образцами для всякаго, кто вынужденъ давать свободныя учрежденія съ затаеннымъ желаніемъ, чтобы изъ нихъ, современемъ, возрасла его собственная неограниченная власть».

Открывая италіянскую кампанію, Бонапарте не говорилъ въ своей прокламаціи къ арміи, какъ это дѣлали его предшественники, о желаніи французской республики разрушить цѣпи рабства и уничтожить деспотизмъ. Нѣтъ. Показывая голоднымъ и полуодѣтымъ солдатамъ плодоносныя равнины Италіи, онъ имъ обѣщалъ не одну славу, но и богатство. Французская армія не осталась глухою къ этому обѣщанію и предалась въ Италіи грабежу, который скоро дошелъ до такихъ размѣровъ, что испугалъ самого Бонапарте. Недолго спустя послѣ вступленія въ Италію, онъ писалъ директоріи, что французскіе солдаты предаются въ италіянскихъ городахъ такимъ звѣрствамъ и грабежу, которые оскорбляютъ человѣческое достоинство. Но угрожая прекратить это зло примѣрными наказаніями, Бонапарте самъ не стыдился грабить страну, которую явился освобождать. Послѣ первыхъ французскихъ побѣдъ, Италія не только заплатила за нихъ огромными контрибуціями, но еще лишилась своихъ памятниковъ, ху-

[1]) La Révolution, p. E. Quinet. t. II. Paris 1865. p. 484.

дожественныхъ произведеній, которыя, по выбору особыхъ комиссаровъ, выписанныхъ изъ Парижа, отправлялись во Францію [1]). Говоря объ этомъ ограбленіи италіянскихъ музеевъ и картинныхъ галлерей, одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, Ланфрѐ [2]), справедливо замѣчаетъ, что такого грабежа, какой производили французы въ Италіи, не видѣлъ міръ со времени взятія Коринѳа римлянами. Лишать италіянцевъ произведеній италіянскаго генія — это почти значило лишать ихъ народной славы. Всѣ завоеватели оставляли до тѣхъ поръ италіянцамъ эти памятники ихъ исторіи, которыми они гордились передъ другими народами и которыхъ они лишались теперь, благодаря своимъ освободителямъ. Такія дѣйствія французскаго главнокомандующаго имѣли на италіянскій народъ гораздо болѣе вліянія, нежели его прокламаціи къ италіянцамъ, въ которыхъ говорилось, что французская республика обѣщаетъ братство и союзъ народовъ, и что республиканская армія внушаетъ страхъ только тиранамъ, а не народамъ, которыхъ пришла освобождать. Насколько эти пышныя фразы противорѣчили дѣлу — Италія увидѣла еще яснѣе послѣ того, какъ находившаяся до тѣхъ поръ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Франціей Венеціанская республика была ограблена французами, лишена флота, обременена контрибуціями и затѣмъ брошена на жертву австрійцамъ по условіямъ кампоформійскаго мира.

Скоро Аппенинскій полуостровъ покрывается республиками, по образцу французской. Созидаются республики цизальпинская, лигурійская, транспаданская, римская, партенопейская. Но всѣ эти превращенія дѣлались завоевателемъ помимо народныхъ стремленій и традицій и оставались только на поверхности почвы, не проникая въ нее и не имѣя даже времени укрѣпиться. Привязанная насильственно къ Франціи, Италія испытывала на себѣ тѣ же удары, которые наносились во Франціи республиканской свободѣ. Новый порядокъ, водворяемый въ Италіи, насильно под-

---

[1]) Въ первые же мѣсяцы Бонапарте взялъ съ Пармы 2 милл. франковъ, 1,200 верховыхъ лошадей, 20 лучшихъ картинъ и продовольствіе на армію. Съ Модены онъ взялъ 10 милл. и 20 картинъ. Съ Ломбардіи онъ взялъ 20 милл. и множество картинъ и художественныхъ произведеній. Это разореніе Италіи не прекратилось и впослѣдствіи съ учрежденіемъ въ Италіи республикъ, королевствъ и департаментовъ. Италіянскій историкъ Цаноли сосчиталъ, что одно королевство италіянское потеряло, во время наполеоновскихъ войнъ, 124,729 человѣкъ изъ населенія, простиравшагося всего до 1.500,000 чел. и деньгами 723 милл. франковъ, не считая контрибуцій и 30 милл. франк., ежегодно платимыхъ Франціи. Кромѣ того, часть Италіи, превратившаяся во французскіе департаменты, потеряла 114,000 чел.

[2]) Histoire de Napoleon I, p. Lanfrey. t. I Paris. 1867. p. 100.

держивался французскими штыками, и это порабощеніе глубоко оскорбляло людей, сохранившихъ въ себѣ патріотическое чувство.

Военный деспотизмъ вызвалъ вопль негодованія и отчаянія изъ устъ двухъ италіянскихъ поэтовъ—Альфіери и Уго Фосколо.

Въ сочиненіяхъ Альфіери гораздо болѣе политическаго, нежели поэтическаго вдохновенія; въ нихъ видно одно желаніе—пробудить опустившихся соотечественниковъ къ завоеванію прежней славы, величія и свободы. Въ горькомъ негодованіи на изнѣженность окружающаго общества онъ противопоставлялъ женственному томленію любви и слезливой трогательности современныхъ ему поэтовъ—лица римской суровости и катоновскаго стоицизма. Въ противоположность современнымъ ему комедіямъ,—трагедіи Альфіери показывали другую жизнь, кромѣ жизни чичисбеевъ и кутилъ, другой героизмъ, кромѣ смѣлости драться на дуэли, или проигрывать все имѣніе въ кости. Альфіери привѣтствовалъ французскую революцію и разрушеніе стараго порядка. Но когда французы завоевали Италію, въ немъ пробуждается страшная ненависть къ этой «націи тигровъ», осквернившей свободу. Въ его глазахъ италіянцы, по своему развитію, по своей исторіи, по своей древней славѣ и величію, должны быть врагами, а не союзниками и подданными французовъ. Онъ сожалѣетъ объ испанцахъ и, говоря про Мадритъ, сдѣлавшійся опрятнѣе со времени преобладанія въ немъ французскаго вліянія, обращается къ нему съ такими словами: «Мадритъ! твои улицы стали чисты, какъ кристаллъ, но ты скоро увидишь, сколько ты утратилъ, промѣнявъ свою грязь на французское изящество». Въ своемъ негодованіи на мелочность современной жизни, въ которой нѣтъ ни великихъ дѣлъ, ни великихъ людей, достойныхъ стать на ряду съ героями древности, Альфіери выражаетъ глубокое презрѣніе ко всему современному міру. Онъ презираетъ Руссо, хотя подражаетъ ему; онъ презираетъ философовъ и невѣрующихъ столько же, какъ и ханжей и невѣждъ; онъ презираетъ италіянскую аристократію, изъ которой самъ вышелъ, и чернь, которой боялся, и для которой желалъ свободы. Его бѣшеное негодованіе на все окружающее оскорбляло приличіе и предразсудки также, какъ и всякую власть, возбуждая къ ней презрѣніе въ другихъ.

Трагедіи Альфіери долго не являлись на сценахъ италіянскихъ театровъ; этому, кромѣ самаго содержанія трагедій, мѣшали и другія обстоятельства: актеровъ-трагиковъ въ Италіи было мало, а италіянскіе театры, приводившіе въ восторгъ Вольтера, забавляли публику операми и комедіями, въ которыхъ не

было и намека на правду и современные нравы. Благодаря только случаю и покровительству папы Пія VII, нѣкоторыя изъ пьесъ Альфіери были розыграны въ Римѣ любителями драматическаго искусства на домашнихъ сценахъ тамошнихъ аристократовъ. Но если различныя обстоятельства мѣшали трагедіямъ Альфіери явиться на сценахъ публичныхъ театровъ, то скоро онѣ появились въ тавернахъ, на площадяхъ, разыгрываемыя бродячими актерами или даже просто рабочими, которые, собираясь въ свободное время, распредѣляли между собою роли и подъ открытымъ небомъ, передъ толпою, читали или пересказывали монологи, въ которыхъ каждая фраза дышала ненавистью къ угнетателямъ народа.

Послѣ драматическихъ произведеній, которыя въ настоящее время почти забыты, Альфіери написалъ два политическія сочиненія, еще и теперь сохраняющія свое значеніе: «Властители и литература», и «О тиранніи». Въ первомъ изъ этихъ сочиненій Альфіери доказываетъ, что человѣческая мысль только до тѣхъ поръ можетъ сохранять величіе и благородство, пока она безусловно свободна. Перебирая различныхъ властителей, покровительствовавшихъ литературѣ и преслѣдовавшихъ ее, Альфіери приходитъ къ выводу, что одна только свобода способствуетъ развитію человѣческой мысли, и что покровительство власти, имѣющее силу для поддержанія живописи, музыки, скульптуры, губитъ литературу.

Другое свое сочиненіе: «О тиранніи», Альфіери начинаетъ съ посвященія его «Свободѣ» въ противоположность прежнимъ писателямъ, посвящавшимъ свои сочиненія сильнымъ міра, и говоритъ, что берется за перо только потому, что живетъ въ несчастное время, когда нѣтъ другого поприща для дѣятельности. «Меня многіе упрекнутъ за то,—продолжаетъ далѣе Альфіери,—что я говорю только о тиранахъ, что мое желчное перо касается одной и той же струны, что оно еще никого не подвигнуло къ разрушенію цѣпей рабства; но можетъ быть мои слова не пропадутъ безслѣдно, если послѣ насъ родятся люди, которые на свободу будутъ смотрѣть, какъ на необходимое условіе ихъ собственной жизни».

Въ своей книгѣ «О тиранніи» онъ мечтаетъ воскресить древнюю свободу и вооружается противъ искусствъ и промышленности; народы христіанскаго міра, въ его глазахъ, находятся въ болѣе тяжкомъ рабствѣ, нежели народы языческаго Востока. Въ этомъ же сочиненіи, Альфіери возражаетъ Макіавелли, который, въ свое время, считалъ временную неограниченность княжеской власти зломъ неизбѣжнымъ для достиженія до-

бра. Съ глубокой скорбью свободной души и съ рѣзкостью характера, враждебнаго всякой серединѣ, Альфіери смѣло высказалъ, что тираннія уже слишкомъ долго тяготѣла надъ его отечествомъ. Папство онъ также включалъ въ эту тираннію и утверждалъ, что католическая религія несовмѣстима съ политической свободой, и что сѣверные народы только отпаденіемъ отъ нея проложили себѣ путь къ свободѣ. Не оставляя въ сторонѣ вопроса о томъ, какъ произошла тираннія, Альфіери въ немногихъ словахъ изложилъ италіянскія стремленія XIX вѣка: масса народа должна прежде всего почувствовать тяжесть гнета, который держится единственно его волей и его мнѣніемъ, и который, поэтому, можетъ быть уничтоженъ также единственно волей и мнѣніемъ всѣхъ или многихъ. «Со слезами» онъ признаетъ, что это медленный, но единственно вѣрный путь; поэтому онъ находитъ преждевременными всякіе заговоры до тѣхъ поръ, пока гнетъ тираніи не почувствуется всѣми [1]).

За мрачной, вызывающей фигурой Альфіери, слѣдовалъ другой боецъ національной независимости Италіи — Уго Фосколо, этотъ, по выраженію Байрона, сынъ классической Греціи, а не современной Италіи. Ставя себѣ высокимъ образцомъ Альфіери, и говоря, что это единственный человѣкъ, котораго онъ желалъ бы знать, Уго Фосколо превзошелъ Альфіери тѣмъ вліяніемъ, которое имѣли его сочиненія на италіянцевъ. Также, какъ и Альфіери, аристократъ по происхожденію, Уго Фосколо сначала ожидалъ возрожденія Италіи отъ революціонной Франціи. Но обманутый въ своихъ надеждахъ, онъ покидаетъ армію, въ которой служилъ и посвящаетъ себя литературѣ. Въ его сочиненіяхъ всюду просвѣчиваетъ стремленіе возбудить въ порабощенныхъ италіянцахъ чувство собственнаго достоинства, чтобы по крайней мѣрѣ замѣнить уваженіемъ,—презрѣніе къ нимъ притѣ-

---

[1]) Викторъ Альфіери род. въ гор. Асти, въ Піемонтѣ, въ 1749 г. отъ аристократическихъ родителей. Не получивъ хорошаго образованія, онъ до 25 лѣтъ ничѣмъ не обнаружилъ своего замѣчательнаго дарованія и проводилъ свою жизнь безплодно и пусто, пока не встрѣтился съ графиней Альбани, женой послѣдняго изъ потомковъ Стюарта. Любовь этой замѣчательно-образованной женщины совершенно измѣнила Альфіери. Онъ съ жаромъ предался литературѣ и въ теченіи семи лѣтъ написалъ 14 трагедій, изъ которыхъ многія до сихъ поръ могутъ считаться замѣчательными произведеніями. Въ это же время имъ написано и сочиненіе «О тираніи», переведенное на всѣ западные языки. Женившись на графинѣ Альбани, когда она овдовѣла въ 1788 г., Альфіери вмѣстѣ съ нею переселился во Францію, которую считалъ «отечествомъ свободы», но скоро принужденъ былъ бѣжать оттуда и поселился во Флоренціи. Онъ умеръ въ 1803 году, оставивъ послѣ себя нѣсколько посмертныхъ сочиненій, въ томъ числѣ и свою автобіографію, которыя впослѣдствіи изданы были графинею Альбани. На русскій языкъ переведены немногія изъ его трагедій.

снителей. Онъ упрекаетъ своихъ соотечественниковъ въ томъ, что они надѣются получить свободу отъ щедротъ другихъ народовъ, оставляютъ на ихъ долю труды и опасности, а сами ограничиваются однимъ желаніемъ быть независимыми. «Вы смѣло идете въ сраженіе,—говоритъ онъ имъ,—умѣете разгадать козни тиранніи, единодушны въ жалобахъ, но неподвижны, не заботитесь о томъ, какъ выдти изъ своего положенія, и послѣ этого хотите еще не жить рабами».

Самое замѣчательное произведеніе Уго Фосколо, это его романъ: «Послѣднія письма Джакопо Ортиса», который обратилъ на себя всеобщее вниманіе при самомъ появленіи и скоро сдѣлался любимымъ чтеніемъ италіянской молодежи, мечтавшей объ освобожденіи отечества. Происхожденіе этого романа, также, какъ и его заглавіе обязаны случаю: студентъ падуанскаго университета, Джакопо Ортисъ, кончилъ свою жизнь самоубійствомъ по неизвѣстной причинѣ. Защищая всегда право человѣка прекратить, по собственному желанію, свое существованіе, Уго Фосколо избралъ своимъ героемъ Ортиса. Самый романъ имѣетъ форму писемъ италіянскаго изгнанника, Ортиса, къ другу. Въ письмахъ Ортиса мрачными красками изображается положеніе человѣка, лишеннаго родины, разлученнаго съ любимой имъ женщиной, нигдѣ во всемъ мірѣ не находящаго себѣ пристанища и наконецъ самоубійствомъ прекращающаго свое тяжкое существованіе. «Наше отечество принесено въ жертву»,—такъ начинаетъ Ортисъ свое первое письмо отъ 11-го октября 1797 года, когда обезоруженная французами Венеція передавалась ими въ руки Австріи въ вознагражденіе за другія ея потери въ Италіи:—«Все погибло и если мы останемся въ живыхъ, то только для того, чтобы оплакивать наши несчастія и позоръ. Мое имя стоитъ на листѣ изгнанниковъ, я это знаю; побѣжденный слезами моей матери, я повиновался ей и покинулъ Венецію, чтобы избѣжать первыхъ, самыхъ жестокихъ гоненій. Но неужели я долженъ буду бѣжать изъ моего теперешняго пристанища, въ которомъ, не покидая навсегда мою несчастную родину, я бы могъ надѣяться провести еще нѣсколько спокойныхъ дней? Отчаявшись и въ отечествѣ и въ самомъ себѣ, спокойно ожидаю тюрьму и смерть. Смерть моя будетъ оплакана въ тайнѣ немногими добрыми людьми, товарищами нашихъ бѣдствій, и кости мои будутъ покоиться на землѣ отцевъ нашихъ.... Да и гдѣ искать пріюта? въ Италіи? Несчастная земля! вѣчная добыча побѣдителей! Могу-ли я смотрѣть безъ слезъ безсильной злобы на людей, насъ ограбившихъ, осмѣявшихъ и предавшихъ? Грабители народовъ злоупотребляютъ свободою, какъ папы пользовались, для своихъ

выгодъ, крестовыми походами. Увы! часто не имѣя надежды отомстить за себя, я готовъ бы вонзить себѣ ножъ въ сердце, чтобы излить всю мою кровь съ послѣднимъ вздохомъ моей отчизны.» За этимъ письмомъ слѣдуетъ рядъ писемъ, въ которыхъ отчаяніе все болѣе и болѣе овладѣваетъ изгнанникомъ, и онъ наконецъ рѣшается разстаться съ жизнью. «И когда Отецъ человѣчества призоветъ меня къ послѣднему суду, я покажу Ему руки мои, незапятнанныя кровью и сердце мое незапятнанное преступленіемъ. Если бы мнѣ даровано было отечество, я бы отдалъ ему весь мой умъ и всю мою кровь.... Я любилъ!... Богъ не отвратитъ своего взгляда отъ меня. Онъ знаетъ, что я не могу болѣе противиться; Онъ видѣлъ борьбу, которую я выдержалъ прежде, чѣмъ дошелъ до послѣдняго рѣшенія... Онъ слышалъ, какими молитвами я умолялъ Его отдалить отъ меня эту горькую чашу. Прощай же.... прощаюсь съ міромъ!...» [1]).

II.

Захвативъ почти всю Италію, Наполеонъ уничтожилъ мелкія самостоятельныя государства, присоединилъ ихъ частью къ Франціи, частью къ королевству италіянскому и ввелъ общее единообразное управленіе съ толпою различныхъ чиновниковъ, отъ которыхъ немногимъ отличались такъ-называемые короли и

---

[1]) Фосколо родился въ Занте, въ 1776 году. Одинъ изъ его предковъ былъ главнокомандующимъ венеціанскихъ войскъ, но родители Фосколо были люди небогатые, хотя и принадлежали къ венеціанской аристократіи. Привѣтствуя съ восторгомъ французскую революцію и ожидая отъ нея обновленія Италіи и одряхлѣвшей венеціанской республики, Фосколо оставилъ Венецію, поступилъ въ армію и участвуя въ кампаніи 1798—1799, отличился храбростью при Кастильоне, а послѣ сраженія при Маренго получилъ чинъ капитана. Скоро разочарованіе замѣнило энтузіазмъ его къ французамъ; онъ оставилъ французскую армію и впослѣдствіи занялъ каѳедру словесности въ Падуанскомъ университетѣ. Но самовластіе Наполеона его возмущало, и за нѣсколько намековъ, въ одномъ изъ его сочиненій, направленныхъ противъ французскаго правительства, онъ долженъ былъ переселиться изъ итальянскаго королевства. Послѣ паденія Наполеона, не желая принести присягу австрійскому правительству, онъ бѣжалъ въ Швейцарію, а оттуда въ Англію, гдѣ и умеръ почти въ нищетѣ, въ 1827 году, испытавъ всѣ униженія, соединенныя съ бѣдностью и подвергнувшись даже тюремному заключенію за долги. Изъ сочиненій Фосколо на русскій языкъ переведены, кажется, только нѣкоторыя изъ его стихотвореній. Но большая часть его романа: «Письма Джакопо Ортисъ», издана въ 1823 году въ Москвѣ, въ формѣ первоначальнаго чтенія для учащихся италіянскому языку подъ заглавіемъ: «Scelta di alcune lettere di Jacopo d' Ortis col'accento di prosodia. Mosca 1823». Сколько извѣстно, книга эта послѣ ея выхода не обратила на себя вниманія даже министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова.

вице-короли. Съ 1808 года, во всей Италіи введенъ одинъ кодексъ, одинаковое судопроизводство, народное образованіе, финансовая система; никогда еще со временъ римлянъ такого единства управленія не было въ Италіи. На землѣ гвельфовъ и гиббелиновъ, систематическаго раздробленія и безконечныхъ раздоровъ возрастало какое-то умственное единство, которое заглушало старыя преданія и предразсудки.

Но когда отрицаніе прошлаго достигло крайнихъ предѣловъ возможнаго, когда глава католической церкви изъ самостоятельнаго неограниченнаго владыки сдѣлался французскимъ епископомъ, получавшимъ жалованье отъ французскаго императора, когда старинная аристократія перемѣшалась съ выскочками, обогатившимися во время имперіи, когда народъ дошелъ до пониманія, что военная слава отнимаетъ у него рабочія руки и увеличиваетъ налоги,—тогда стали нарождаться новыя идеи. Мало по малу исходившія изъ Парижа приказанія и указы, казавшіеся тамъ, подъ вліяніемъ демагогическихъ или роялистическихъ традицій,—разумными и полезными, стали возбуждать негодованіе въ Туринѣ, Миланѣ, Флоренціи, Римѣ, Венеціи, Неаполѣ, привыкшихъ къ свободѣ, нераздѣльной въ ихъ понятіяхъ съ федераціей. Измѣнчивость французскаго государственнаго порядка, одинаково отражавшаяся на различныхъ частяхъ Италіи, пользовавшихся дотолѣ различною долею независимости, уже показывала вдали непрочность всего новаго порядка. То обманутая Венеція предается въ руки Австріи, то она снова завоевывается французами и подчиняется префекту Милана, своего стараго соперника. Сначала, въ 1796 году, часть Италіи образовала республику цизальпинскую; два года спустя, эта республика уничтожается, потомъ переименовывается въ республику италіянскую; наконецъ и эта республика исчезаетъ и становится монархіей, или, вѣрнѣе сказать, французскимъ пашалыкомъ. Модена, Болонья, Анкона поглощаются въ королевствѣ италіянскомъ. Тоскана подпадаетъ подъ французское вліяніе. Римъ, Генуа, Піемонтъ, Парма, становятся французскими департаментами. Неаполь теряетъ Сицилію и подчиняется сначала Іосифу Бонапарте, потомъ Мюрату. Остальныя италіянскія земли, раздробленныя на мелкія части, составили майораты, воскресившіе средніе вѣка въ пользу маршаловъ Франціи. Безпрестанно изъ Парижа получались распоряженія, уничтожавшія или созидавшія новое государство, и когда италіянцы, съ гнѣвомъ Альфіери или съ печалью Фосколо, старались разгадать смыслъ этихъ переворотовъ, то имъ приходило на память, что французы никогда и прежде не вносили въ Италію ничего, кромѣ разоренія, что они когда-

то разрушили республики Амальфи, Гаэту, Сорренто, Неаполь и Бари, что, наконецъ, объединеніе Италіи Наполеономъ поглотило республику венеціанскую и самостоятельность Рима. Разгадывая послѣдствія французскаго владычества, италіянскій народъ начиналъ одинаково ненавидѣть войну, завоеванія французовъ, опустошенія, производимыя конскрипціей и арміей, и, исполненный негодованія, смотрѣлъ на Наполеона, ожидая дня его паденія.

И вотъ, съ 1808 года начинается въ Италіи новое народное движеніе, на которое мало еще обращено вниманія позднѣйшими историками, но которое достойно стать на ряду съ движеніемъ Испаніи, съ патріотическимъ взрывомъ Германіи, движеніе вполнѣ народное и свободное.

Италіянскій народъ прислушивается къ грому войны, къ стону другихъ народовъ, къ голосу Испаніи и Тироля, и готовится сбросить съ себя чужеземное иго. Вся Италія покрывается тайными обществами, въ которыя вступаютъ прежніе государи Италіи во имя независимости и свободы. Уже въ 1808 году видны слѣды обширнаго тайнаго политическаго общества подъ названіемъ карбонаровъ. Начало этому обществу положили нѣсколько патріотовъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованія чужого правительства въ горы провинціи Абруццы, гдѣ для нихъ единственнымъ средствомъ существованія было дѣлать уголь (carbone). Отсюда произошло имя carbonari. По разнымъ мистическимъ обрядамъ, символическимъ испытаніямъ при пріемѣ членовъ, можно заключить, что это общество было въ связи съ масонскими и другими тайными обществами. По своему мистическому ученію карбонари имѣли цѣлью — свободу и водвореніе царства Христова на землѣ. По своей организаціи общество раздѣлялось на венты, (venti—поиталіянски значитъ двадцать), состоявшія каждая изъ двадцати братьевъ, которые узнавали другъ друга по условнымъ знакамъ, но не знали членовъ другихъ вентъ; депутаты двадцати вентъ составляли центральную венту, которая безпрекословно повиновалась верховной вентѣ. Каждый карбонаръ долженъ былъ имѣть ружье со штыкомъ и двадцатью пятью патронами, жертвовать ежемѣсячно въ общую кассу опредѣленную сумму, и при вступленіи принести клятву — сражаться до послѣдней капли крови за свободу и равенство противъ тиранніи и наказывать смертью измѣнниковъ общества. Скоро общество карбонаровъ сдѣлалось центромъ, вокругъ котораго группировались другія тайныя общества. Всѣ они не имѣли опредѣленной программы, и даже впослѣдствіи, когда карбонаризмъ изъ Италіи былъ перенесенъ во Францію, и число карбонаровъ достигало громадной цифры

нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ, различныя фракціи выражали различныя стремленія: одни стремились къ учрежденію италіянской федеративной республики, патріархомъ которой былъ бы папа, другія готовы были удовлетвориться конституціонной монархіей. Но въ началѣ всѣ сходились въ одномъ: въ стремленіи выгнать французовъ изъ Италіи. Въ виду этого желанія забываются прежнія распри, гоненія бывшихъ италіянскихъ государей, и король неаполитанскій, еще такъ недавно останавливавшій тюрьмою и пыткою всякое народное движеніе, дѣлается героемъ вентъ, душою карбонаризма, надеждою Италіи.

Въ 1812 году, образованный классъ въ первый разъ не только не отдѣляетъ своихъ интересовъ отъ народа, но сближается съ нимъ въ заговорѣ противъ французскаго владычества. Австрійцы и англичане являются въ Италіи братьями-освободителями. «Итальянцы, много лѣтъ были вы угнетены и должны были стонать подъ желѣзнымъ игомъ», говорилось въ прокламаціяхъ главнокомандующаго австрійско-британскими войсками, Нугента, къ народамъ Италіи —«нынѣ пришли мы съ войсками освободить васъ. Отнынѣ начинается для Италіи новый порядокъ вещей. Отъ васъ самихъ, храбрые и славные итальянцы, зависитъ, силою оружія, возстановить свободу, могущество и счастіе отечества. Возстаньте же, итальянцы! Вы должны образовать единый, независимый народъ. Посвятите всѣ свои силы на общее дѣло, и если вы довѣритесь тѣмъ, кто дѣлаетъ такія огромныя усилія на вашу пользу, вы скоро будете велики и счастливы; скоро будутъ завидовать вашей участи и удивляться вамъ. Союзники хотятъ соединить ваше политическое и гражданское существованіе съ правами законныхъ государей Италіи такъ, чтобы вы, въ ряду народовъ, представляли единое тѣло, единую націю, достойную уваженія сосѣдей и свободную отъ всякаго посторонняго вліянія».

Съ изгнаніемъ французовъ изъ Италіи и паденіемъ Наполеона перемѣнился и взглядъ на Италію ея мнимыхъ освободителей. «Народныя возстанія въ Италіи и другихъ странахъ впредь уже не могутъ быть намъ полезны», — писалъ великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ 1814 году въ циркулярѣ посланникамъ — «намъ нужны, напротивъ того, хорошо дисциплинированные и преданные своимъ государямъ солдаты, на которыхъ мы могли бы положиться; великобританскій кабинетъ признаетъ нынѣ болѣе приличнымъ поддерживать абсолютныя, чѣмъ либеральныя правительства.»

Но «поддерживать» то, что уже пало въ сознаніи итальянскаго народа, долго было нельзя, и напрасно король сардинскій

Викторъ-Эммануилъ утверждалъ, послѣ реставраціи, въ разговорѣ съ русскимъ посланникомъ, что ему стоило только принять бразды правленія, будто послѣ пятнадцатилѣтняго сна, и дѣйствовать, какъ будто онъ наканунѣ только выѣхалъ изъ своихъ владѣній. Италія 1815 года, — вовсе не Италія 1800 года: въ эти пятнадцать лѣтъ она измѣнилась больше, нежели въ предшествовавшіе три вѣка. Со времени паденія Италіи въ XVI вѣкѣ, въ ней мѣстами возникали попытки къ возрожденію; но эти попытки были рѣдки и не имѣли между собою никакой связи, какъ не имѣли и одной, опредѣленной цѣли. Двигатели ихъ выходили то изъ среды народа, то изъ среды аристократіи. Жизнь какъ будто пробуждалась то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ народнаго организма; но нигдѣ не было видно пробужденія всей итальянской націи. Въ XVII и XVIII вѣкѣ, Мазаніелло въ Неаполѣ и чернь въ Генуѣ выгоняютъ испанцевъ и австрійцевъ. Но въ этихъ движеніяхъ простого народа, дворянство и буржуазія не принимаютъ никакого участія. Усыпленная папизмомъ и іезуитами, Италія не сознаетъ еще вся своего рабства. Французское владычество разбудило усыпленную націю, оно возвратило ей сознаніе. Буржуазія возстаетъ противъ внутренняго порабощенія страны, народъ — противъ господства иностранцевъ, всѣ итальянцы сражаются противъ деспотизма Франціи.

Паденіе французской имперіи застало Италію раздѣленною на три большія части, изъ которыхъ одна управлялась вице-королемъ Евгеніемъ, другая — Мюратомъ, а третью часть составляли департаменты Франціи. Итальянцы, которымъ сначала Наполеонъ, а потомъ англичане и австрійцы обѣщали національное единство, — скоро увидѣли себя совершенно беззащитными при реставраціи. Въ 1815 году, они увидѣли себя гораздо менѣе свободными и независимыми, нежели передъ французской революціей, благодаря безсмысленной реакціи и неограниченному владычеству Австріи. Кромѣ Венеціанской области и Милана, Австрія пріобрѣла еще право содержать гарнизоны въ разныхъ частяхъ Италіи и владычествовала надъ всѣми государствами полуострова, представляя собою образецъ неограниченнаго произвола административнаго и религіознаго.

Піемонтъ, созданный вопреки желанію Австріи, въ которой это небольшое государство всегда возбуждало опасенія, — тотчасъ же попалъ подъ самый худшій деспотизмъ — деспотизмъ солдатчины и іезуитовъ. Король Викторъ-Эммануилъ, вступивъ на престолъ въ 1814 году, отмѣнилъ въ своемъ государствѣ все то, что внесли туда съ собою французы, и такимъ образомъ

воскресло законодательство и административный порядокъ 1770 года. Опять Піемонтъ увидѣлъ у себя десятину въ пользу духовенства, право первородства, привилегіи всякаго рода, монаховъ всевозможныхъ орденовъ, суды военные, церковные и удѣльные, лишенныхъ гражданскихъ правъ — протестантовъ и евреевъ, пытку, колесованіе, клейменіе, отнятіе рукъ передъ возведеніемъ на висѣлицу и четвертованіе. Ненависть короля ко всему французскому доходила до безумія: многихъ усилій стоило заставить его отказаться отъ желанія уничтожить дорогу черезъ Монъ-Сенисъ и взорвать великолѣпный мостъ черезъ По, только потому, что эти сооруженія были предприняты по распоряженію Наполеона.

Правосудіе перестало существовать, и судебные приговоры измѣнялись подъ вліяніемъ произвола и фаворитизма. Власть военныхъ губернаторовъ и комендантовъ сдѣлалась безграничною и давала имъ возможность поступать со страною по образцу турецкихъ пашей. За военною властью слѣдовало духовенство, монахи всѣхъ цвѣтовъ, и въ особенности іезуиты. Первоначальныя школы, коллегіи и университеты были подчинены ихъ власти. Іезуитскій духъ господствовалъ при дворѣ, между высшими сановниками и проникалъ во всѣ отрасли администраціи, правительственной и судебной. Посредствомъ исповѣди и подкупа слугъ, іезуиты узнавали семейныя тайны и сообщали ихъ полиціи. Ремесло шпіоновъ скоро сдѣлалось самымъ доходнымъ занятіемъ, и тайная полиція стала вѣрнымъ убѣжищемъ для всѣхъ ветерановъ разврата и преступленія. Литература, подъ вліяніемъ самой нелѣпой цензуры, упала: большая часть иностранныхъ книгъ и газетъ были запрещены.

Если такой порядокъ вещей воцарился, съ реставраціей, въ Піемонтѣ, въ которомъ Австрія привыкла прежде видѣть постоянное стремленіе къ свободному, независимому образу дѣйствій и къ цѣлямъ, несовмѣстнымъ съ цѣлями остальныхъ итальянскихъ владѣтелей и преимущественно самой Австріи, — то положеніе, въ которое поставлены были подданные другихъ государствъ Италіи, владѣтели которыхъ охотно слѣдовали австрійской политикѣ — было еще невыносимѣе.

Папа Пій VII, возвративъ себѣ свѣтскую власть, началъ съ того, что возстановилъ инквизицію и іезуитовъ, вмѣсто отмѣненнаго французскаго кодекса возстановилъ силу 84,000 законовъ, дѣйствовавшихъ до революціи, передалъ высшія судебныя должности духовенству и возвратилъ аристократіи всѣ прежнія привилегіи. Въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, съ отмѣной французскихъ порядковъ, вновь открылись монастыри, духовен-

ству возвращены секвестрованныя у нихъ когда-то имѣнія, и очень скоро духовенство, вмѣстѣ съ полиціею, стало распоряжаться имуществомъ и жизнью гражданъ. Даже въ Тосканѣ, гдѣ положеніе дѣлъ, благодаря личнымъ желаніямъ герцога Леопольда I, было немного лучше другихъ итальянскихъ государствъ, реставрація уничтожила мировыхъ судей, публичность судопроизводства и другія учрежденія Наполеона.

Но не смотря на всѣ эти, повидимому, непоправимыя несчастія, въ нравственномъ и умственномъ положеніи итальянскаго народа уже тогда обнаружилось явленіе, въ то время не обратившее на себя вниманія тѣхъ, кому оно грозило близкимъ паденіемъ. Идея итальянскаго единства, умершая со временъ Макіавелли — воскресла, проникла въ общественное сознаніе и скоро должна была обнаружить свою жизнь на дѣлѣ.

«Когда, скоро послѣ реставраціи», говоримъ словами итальянскаго историка Ботта, «произволъ одного человѣка былъ прекращенъ, но замѣнился произволомъ многихъ, — Италія вся почувствовала свое новое порабощеніе и, съ первыхъ же лѣтъ воцаренія стараго абсолютнаго порядка, не переставала обнаруживать признаки своей жизни и страданія.» Благодаря столькимъ великимъ событіямъ, благодаря столькимъ горькимъ испытаніямъ, люди новаго поколѣнія пробудились къ страданію, а какъ скоро возвратилась способность страдать, они научились и мыслить. Напрасно австрійскій императоръ Францъ и Меттернихъ выражали желаніе уничтожить всякую идею итальянскаго единства и превратить Италію въ географическое выраженіе. Французское владычество оставило въ Италіи неизгладимые слѣды: оно уничтожило многія вѣковыя злоупотребленія, упростило администрацію, пробудило стремленіе къ реформамъ политическимъ и гражданскимъ, — словомъ, создало множество потребностей, о которыхъ страна не имѣла понятія въ прежнее время. Въ этомъ отношеніи Италія вовсе не была похожа на то, чѣмъ она была лѣтъ двадцать тому назадъ: для нея должна была начаться новая жизнь. И очень скоро австрійское правительство, стоявшее въ Италіи на стражѣ стараго порядка, должно было убѣдиться, какъ перемѣнилась Италія послѣ революціоннаго погрома. «До французской революціи», говорилось десять лѣтъ послѣ реставраціи, въ одномъ донесеніи австрійской полиціи, «народы, подчиненные разнымъ итальянскимъ правительствамъ, или вовсе не сознавали недостатковъ соціальнаго и политическаго устройства, или не обращали на нихъ вниманія; всѣ въ счастливой апатіи спокойно подчинялись порядку вещей, существовавшему при отцахъ

и дѣдахъ; никто не надѣялся на преобразованія, никто и не желалъ преобразованій».

Выйдя разъ изъ «счастливой апатіи», италіянская нація могла, конечно, впасть опять въ тотъ летаргическій сонъ, въ которомъ она пребывала до начала XIX вѣка. Но для этого нужно было много условій, которыхъ уже въ это время не было. Проснувшееся народное сознаніе неминуемо должно было порождать людей, которые сдѣлались бы истолкователями народныхъ стремленій и воспитателями новаго, подроставшаго поколѣнія. Такихъ людей явилось въ Италіи не мало послѣ реставраціи. Но изъ всѣхъ наиболѣе выступаетъ впередъ одно лицо, съ жизнью котораго тѣсно связана бо̀льшая часть переворотовъ, испытанныхъ Италіею въ теченіи почти полустолѣтія.

Это былъ — Джузеппе Маццини, самый замѣтный изъ политическихъ дѣятелей Италіи со временъ Маккіавелли.

III.

Въ 1808 году, когда въ Италіи стали проявляться признаки пробуждавшейся народной жизни, въ главномъ городѣ французскаго департамента, въ Генуѣ, у небогатаго доктора Маццини, родился 28-го іюня сынъ, которому дали имя Джузеппе. Родители ребенка были люди простые, весьма любимые въ околоткѣ за свою готовность всегда помочь больному или нуждающемуся бѣдняку, хотя бы даже для этого пришлось упустить богатыхъ паціентовъ. По вечерамъ, въ маленькой квартирѣ доктора собирался небольшой кружокъ друзей, изъ которыхъ самымъ близкимъ семейству былъ нѣкто Андрей Гамбини. Любимымъ предметомъ разговоровъ этого кружка служили послѣднія французскія республиканскія войны, подававшія сначала такія большія надежды италіянцамъ и окончившіяся порабощеніемъ Италіи. Маленькій Джузеппе съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ воодушевленные разсказы очевидцевъ и участниковъ современныхъ событій, и эти разсказы, проникнутые неподдѣльною любовью къ родинѣ, вмѣстѣ съ демократическими тенденціями его отца, глубоко запали въ сердцѣ ребенка. Выучившись читать, онъ цѣлые дни просиживалъ за старыми журналами, отрытыми имъ въ библіотекѣ отца, въ числѣ которыхъ ему попалось нѣсколько нумеровъ «Chronique du mois», журнала, издававшагося жирондистами въ первые годы французской революціи, или за переводами Тита-Ливія и Тацита, которые задавалъ ему учитель латинскаго языка.

Все это постепенно вкореняло въ мальчикѣ широкія понятія о политической свободѣ.

Въ школу Джузеппе не ходилъ, но получивъ дома хорошее первоначальное образованіе, онъ готовился быть адвокатомъ и слушалъ юриспруденцію въ университетѣ, въ которомъ, впослѣдствіи, отецъ его былъ профессоромъ. Патріархальныя привычки семейства, вмѣстѣ съ серьезными и постоянными занятіями, образовали изъ него юношу съ простыми манерами, но строгаго и твердаго характера, задумчиваго, сосредоточеннаго и зрѣлаго прежде времени.

Дѣтство Мацціни проходило въ тяжелое для Италіи время. Старый порядокъ, водворенный реставраціей въ Европѣ, накоплялъ съ каждымъ годомъ горючіе матеріалы и вызвалъ возстаніе въ Испаніи, которое отозвалось въ Неаполѣ и Піемонтѣ. Въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, генералъ Пепе, старый заговорщикъ и карбонаръ, сталъ во главѣ возставшихъ войскъ, и 13-го іюля 1820 г. заставилъ короля учредить конституціонное управленіе, съ примѣненіемъ началъ, недавно провозглашенной въ Испаніи, конституціи къ неаполитанской государственной жизни.

Послѣ торжественной клятвы короля Фердинанда и его сына, хранить свято конституцію, Фердинандъ призвалъ на помощь австрійцевъ и уничтожилъ всѣ слѣды конституціоннаго порядка. Почти тоже самое повторилось въ Піемонтѣ, гдѣ въ отсутствіе короля Карла-Феликса, принцъ-регентъ, Карлъ-Альбертъ, присягнулъ конституціи и за тѣмъ бѣжалъ изъ Турина, куда скоро вернулся самъ король подъ прикрытіемъ австрійцевъ. Тюрьма и висѣлица грозили всѣмъ, принимавшимъ участіе въ этихъ революціонныхъ движеніяхъ, и, не считая себя безопасными въ Италіи, большая часть инсургентовъ рѣшилась бѣжать въ Испанію и Грецію. Съ разныхъ сторонъ они сходились въ приморскіе города, и многіе изъ нихъ бродили по Генуѣ, ожидая въ Санъ-Пьеръ-д'Арена случая сѣсть на корабль.

Въ одно воскресенье, въ апрѣлѣ 1821 года, Мацціни, тогда еще 13-ти лѣтъ, гулялъ съ матерью и Гамбини по Strada Nuova въ Генуѣ. Вдругъ человѣкъ строгой и энергической наружности, со взглядомъ, который Мацціни, какъ самъ писалъ впослѣдствіи, никогда не могъ забыть, остановился передъ нимъ. Протягивая разложенный бѣлый платокъ, онъ проговорилъ тихо: «Итальянскимъ изгнанникамъ». Мать и Гамбини положили въ платокъ нѣсколько монетъ, и незнакомецъ пошелъ дальше собирать подаяніе. Въ этотъ день, первый разъ въ умѣ Мацціни блеснула мысль, не о свободѣ и отечествѣ, которую ужъ онъ смутно имѣлъ, но мысль, что можно и должно бороться за свободу и отечество.

Возвратясь домой, Джузеппе распросилъ отца и Гамбини о причинахъ возстанія и его неудачи и, какъ ни былъ еще молодъ, понялъ, насколько въ дѣйствіяхъ и планахъ италіянскихъ либераловъ не доставало единства и опредѣленной цѣли. Мысль о томъ, чтобы возобновить попытку возстанія, овладѣла пылкимъ юношей, и онъ постоянно сталъ думать о средствахъ, какъ бы осуществить ее. Въ своей юношеской фантазіи, Маццини сталъ создавать всевозможные планы къ спасенію своей родины отъ австрійскаго ига. Но скоро онъ убѣдился въ безплодности своихъ мечтаній; слухи о страшной реакціи и преслѣдованіяхъ либераловъ доходили до него съ разныхъ сторонъ, и имъ овладѣло отчаяніе, заставлявшее его мать бояться, чтобы онъ не лишилъ себя жизни. Онъ сталъ одѣваться исключительно въ черное, въ знакъ того, что носитъ трауръ по родинѣ. Это душевное состояніе еще усилилось послѣ чтенія «Писемъ Джакопо Ортиса», которыя произвели на впечатлительнаго юношу потрясающее дѣйствіе, и онъ ихъ столько разъ перечитывалъ, что наконецъ выучилъ наизусть.

На университетской скамьѣ, посреди безпорядочной, шумной жизни студентовъ, рѣзко выдавался своими особенностями молодой Маццини. Забавы, общія его товарищамъ, не имѣли для него привлекательности. Единственными его удовольствіями были книги, сигара, которую онъ никогда не выпускалъ изо рта, и прогулки. Чистота его жизни и убѣжденій были безукоризненны; даже въ разговорѣ онъ не терпѣлъ двусмысленностей. Тщедушный и слабый тѣломъ, онъ отличался, еще въ университетѣ, неутомимою умственною дѣятельностью; онъ съ жаромъ изучалъ исторію и литературу; онъ писалъ много и хорошо въ прозѣ и въ стихахъ; не было рода, въ которомъ бы онъ себя не испытывалъ—историческіе этюды, литературныя критики и проч. Свобода во всѣхъ ея проявленіяхъ была любимымъ предметомъ его размышленій.

Въ университетѣ онъ болѣе всѣхъ своихъ товарищей подружился съ Дж. Руфини, принимавшимъ впослѣдствіи участіе въ италіянскомъ движеніи и бѣжавшимъ въ Англію, гдѣ онъ издалъ свои воспоминанія молодости, подъ названіемъ: «Записки заговорщика» (Memorie di un conspiratore), въ которыхъ бойкою кистью изобразилъ своего друга юности, подъ именемъ Фантазіо [1]).

Скоро около нихъ образовался кружокъ молодыхъ людей, составившихъ впослѣдствіи маленькое общество съ цѣлью полу-

---

[1]) Въ русскомъ переводѣ «Записки заговорщика» изданы въ 1861 году подъ заглавіемъ: «Записки Лоренцо Бенони», въ переводѣ Д. Михаловскаго.

чать запрещенныя книги и журналы [1]). Уже въ этомъ небольшомъ кружкѣ, соединившемъ многихъ молодыхъ людей съ замѣчательными способностями, проглядывало сильное вліяніе Маццини. Этому, кромѣ его основательныхъ познаній, много способствовала и его наружность. Онъ имѣлъ красивую голову, большой выпуклый лобъ, глаза черные, которые порою сверкали. Цвѣтъ лица у него былъ блѣдно-оливковый, и его черты, очень поразительныя въ цѣломъ, были какъ бы обрамлены длинными черными волосами. Задумчивое, минутами суровое выраженіе лица его смягчалось улыбкой, въ которой проглядывало что-то таинственное. Обширный, развитый лобъ, дѣятельная, сосредоточенная мысль, сверкавшая въ его печальныхъ глазахъ, необыкновенное спокойствіе и увѣренность во всей фигурѣ, и что-то фанатическое въ чертахъ, невольно производило какое-то очарованіе на окружающихъ.

Обладая діалектикою, которую онъ, можетъ быть, черезъ-чуръ любилъ выставлять на показъ, Маццини часто говорилъ съ своими товарищами о возрожденіи Италіи, литературы, философіи. Когда онъ увлекался споромъ о предметѣ интересовавшемъ его, тогда взглядъ его дѣлался повелительнымъ и наполнялъ непонятнымъ смущеніемъ того, на комъ останавливался. Такимъ, каковъ былъ Маццини въ генуэзскомъ университетѣ, онъ оставался всю свою жизнь. Лѣта измѣнили, конечно, его наружность, но его характеръ, обаяніе, которое внушалъ онъ окружающимъ, его пылкая натура сохранилась до сихъ поръ.

«Когда Маццини», разсказываетъ Монтаціо [2]), «въ 1849 году говорилъ свои пламенныя проповѣди толпѣ, прикованной къ его губамъ, — ни одинъ мускулъ не дрожалъ въ его лицѣ, никакой жестъ не помогалъ ему выражать свои мысли, которыя лились свободно, безъ запинокъ, безъ повтореній: одни глаза блестѣли». Такимъ его видѣли въ Неаполѣ въ послѣднюю революцію, таковъ онъ и теперь на лондонскихъ митингахъ.

Удивительное спокойствіе духа никогда его не оставляло. Посреди народныхъ волненій, также какъ и въ обыденной жизни, Маццини никогда не терялся. Когда въ послѣднюю неаполитанскую революцію, послѣ бѣгства Франциска въ Гаэту, онъ остался въ Неаполѣ, и въ одно утро, толпа лаццарони, подбитая агентами Кавура, увѣрившими ее, что Маццини бурбонскій респу-

---

[1]) Въ это тяжелое для Италіи время, стѣсненіе литературы и книжной торговли породили цѣлыя общества контрабандистовъ, производившихъ выгодную торговлю запрещенными, преимущественно, французскими политическими сочиненіями.

[2]) I contemporanei italiani. G. Mazzini p. E. Montazio. Torino, 1862.

бликанецъ, окружила его домъ, съ криками: «смерть Маццини»! то онъ не измѣнился даже въ лицѣ и прервавъ на минуту разговоръ, обратился къ бывшимъ въ комнатѣ италіянцамъ, упрашивавшимъ его скрыться:—«Напрасно вы безпокоитесь, они вѣдь меня не убьютъ, они только такъ кричатъ», и затѣмъ опять продолжалъ разговоръ.

Только этимъ необыкновеннымъ спокойствіемъ и присутствіемъ духа и можно себѣ объяснить постоянную безуспѣшность стараній полиціи почти всей Европы, схватить италіянскаго патріота, одна наружность котораго бросается въ глаза.

Вотъ два анекдотическіе случая изъ его путешествій.

31-го августа 1854 года, піемонтская полиція сообщила полиціи швейцарской, что Маццини путешествуетъ по кантонамъ и имѣетъ три паспорта съ именами Филипса, Лоранса и синьора Мартинелли, т. е. паспорты трехъ различныхъ націй. Швейцарцы долго не могли сообразить и понять эту тройственность въ одной особѣ, пока наконецъ совѣтникъ федераціи Нефъ не отправился самъ на почтовую станцію, ожидая Маццини при проѣздѣ въ Бернъ, и по подозрѣнію останавливалъ многихъ путешественниковъ. Но ни совѣтникъ, ни полицейскіе агенты не догадались о возможности имѣть четвертый паспортъ; а это именно и случилось. Подъ именемъ синьора Пажжи, Маццини пріѣхалъ на станцію, гдѣ его такъ нетерпѣливо ждали, самъ предъявилъ свой паспортъ и затѣмъ покойно продолжалъ путешествіе по Швейцаріи, благодаря своей находчивости и недогадливости швейцарцевъ, а также слишкомъ тщательному описанію туринскою полиціею его примѣтъ, въ число которыхъ была включена и та, что Маццини «никогда» не выпускаетъ сигары изо рта.

А между тѣмъ въ Базелѣ схватили какого-то Филипса, который оказался гражданиномъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ и потребовалъ 2,500 франковъ вознагражденія за неправильный арестъ.

Въ другой разъ, когда Маццини, въ 1859 году, путешествовалъ по средней Италіи, распространилась молва, что губернаторъ и самъ Риказоли, ему покровительствуютъ, — Риказоли, испытавъ сначала безуспѣшность обѣщаній денежнаго вознагражденія тому, кто захватитъ изгнанника, послалъ всѣмъ тосканскимъ делегатамъ фотографическій портретъ Маццини, съ строжайшими приказаніями схватить его. Полиція ревностно старалась исполнить приказаніе и отыскать по портрету Маццини, но все было напрасно. Маццини же кончилъ свое путешествіе по Италіи и возвратился въ Англію. Тогда только спохвати-

лись, что Риказоли, въ августѣ 1859 года, разослалъ портретъ Маццини, сдѣланный въ 1849 году и, что многіе изъ полицейскихъ агентовъ, благодаря этому, имѣли случай не разъ разговаривать съ агитаторомъ, сами того не подозрѣвая.

IV.

Общественная дѣятельность Маццини началась на поприщѣ литературы, единственномъ впрочемъ поприщѣ, на которомъ, не смотря на страшныя стѣсненія, была еще возможность, путемъ аллегорій и намековъ выражать стремленія италіянскаго общества, поддерживать въ немъ надежды и указывать средства къ измѣненію господствовавшаго порядка вещей.

Время, когда появились первые литературные опыты Маццини, было время переходное въ италіянской литературѣ; велись еще горячіе споры между классиками и романтиками. Послѣ объясненія, приписываемаго Виктору Гюго,—что романтизмъ есть либерализмъ литературы, безполезно отыскивать причины, по которымъ споры романтиковъ съ классиками такъ горячо и упорно велись въ Италіи; подъ литературнымъ вопросомъ скрывался вопросъ чисто политическій: война перомъ противъ авторитета Горація и Квинтильяна должна была кончиться войною противъ габсбургскаго дома и его приверженцевъ.

Борьба старой литературной школы съ новымъ направленіемъ почти окончилась со смертью Монти, этого послѣдняго талантливаго защитника искусства для искусства. Разрывая связь съ классицизмомъ, бросая Аристотеля и Буало, италіянцы принялись учиться и изслѣдовать. Началось преобразованіе вкуса.

Придя къ сознанію, что поэзія и искусство не должны стѣсняться внѣшнею формою, что не въ одномъ древнемъ греческомъ и римскомъ мірѣ слѣдуетъ искать идеалы и образцы, италіянцы открыли себѣ новый міръ для изученія. Они увидѣли Испанію, богатую драматизмомъ и оригинальностью ея народныхъ писателей, Англію, которой Шекспиръ и Байронъ показали образцы глубокаго знанія человѣческой природы и ѣдкой насмѣшки надъ ея слабостями, Германію, гдѣ Шиллеръ и Гете сбрасывали съ литературы старые путы, представляя геніальныя изображенія дѣйствительной природы и современныхъ людей. Въ тоже время начиналъ привлекать къ себѣ вниманіе народъ съ его нравами, привычками, преданіями и пѣснями. Изо всего этого должно было развиться новое направленіе. Знакомство съ нѣмецкой и англійской романтикой заставило италіянцевъ обра-

титься къ своей средневѣковой жизни, литературныя сокровища которой они стали теперь отыскивать съ благоговѣйнымъ усердіемъ. Первое мѣсто здѣсь занималъ Данте. Уго Фосколо первый увидѣлъ въ немъ не только поэта, но и великаго гражданина-реформатора, пророка національнаго единства Италіи. Къ нему-то и обратились новые писатели, видя въ «Божественной Комедіи» не только образецъ романтической поэзіи, но и кодексъ италіянскаго патріотизма.

Не разомъ, конечно, могли оторваться новые писатели отъ классическихъ преданій. Но охраняя еще формы и языкъ классиковъ, они влагали въ нихъ чувства и мысли современнаго имъ общества. Таковъ былъ Леопарди, этотъ италіянскій поэтъ скорби. Аристократъ по происхожденію, глубокій знатокъ классической древности, онъ сначала оставался безучастнымъ къ судьбамъ своей родины, посвящая свое время и труды на изученіе древнихъ Греціи и Рима. Но съ 1818 года въ дѣятельности его происходитъ рѣзкій переломъ: путешествіе по Италіи, которую онъ увидѣлъ задавленною и порабощенною, пробудило въ немъ патріотическое чувство. Глубокая скорбь видна въ этихъ новыхъ его произведеніяхъ, первымъ изъ которыхъ, по времени (1818 г.), была его «Ода къ Италіи». Въ этомъ стихотвореніи, обратившемъ на себя всеобщее вниманіе, Леопарди сравнивалъ прежнее величіе Италіи съ ея настоящимъ рабствомъ.

Безсиліе и слабость современныхъ его соотечественниковъ пробуждали въ немъ горькое негодованіе, вылившееся всего ярче въ его стихотвореніи «Къ Анджело Маи», когда тотъ нашелъ цицероновы книги «De Republica».

Стоя на рубежѣ стараго и новаго направленія, смотря на землю, какъ на юдоль безцѣльнаго страданія, на народъ, какъ на невѣжественную толпу, Леопарди не оставилъ послѣ себя послѣдователей. Для италіянскаго общества, жаждавшаго дѣятельности, нравственнаго и соціальнаго развитія народа, были непонятны ядовитыя раздумья и сокрушительныя сомнѣнія Леопарди; оно видѣло въ нихъ безплодную жалобу, слабое уныніе. Оно вызывало писателей на изученіе италіянскаго историческаго быта, жаждало отъ нихъ указаній, какъ выдти Италіи изъ ея печальнаго положенія. На эти требованія откликнулись историки: Серра, Варезе, Ботта, Колетта. Этимъ же требованіямъ думалъ удовлетворить и Манцони своимъ историческимъ романомъ и трагедіями, въ которыхъ, оставаясь добрымъ католикомъ, проповѣдывалъ христіанское равенство, и отвергалъ всякое народное движеніе, какъ средство развитія и освобожденія страны. Въ лучшихъ произведеніяхъ Манцони, каковы его трагедіи «Il conte

di Carmagnola» и «l'Adelchi», стоящія гораздо выше, по своему національному значенію и свободной формѣ, извѣстнаго его романа «Обрученные», написаннаго съ рабскимъ подражаніемъ Вальтеръ-Скотту, замѣтно только желаніе заклеймить самовластіе, развратъ, и проповѣдывать необходимость религіи и нравственности. Манцони и его послѣдователи, каковы Гросси, Пеллико, д'Азеліо говорили италіянскому народу: «молись, будь покоренъ въ несчастіи, потому что земной міръ не достоинъ вниманія: знаніе — тщета, правосудіе на землѣ—мечтаніе; обрати свои надежды на небо—тамъ твоя родина».

Эта проповѣдь покорности не могла долго удовлетворять италіянское общество, желавшее себѣ лучшей жизни не въ одномъ отдаленномъ будущемъ. Да и трудно было увѣриться италіянцамъ, что земля ихъ есть какое-то чистилище, когда кругомъ они видѣли народы, жившіе своею, самостоятельною жизнью.

За школой Манцони скоро выступили писатели, проповѣдывавшіе вѣчную борьбу за человѣческое право, за свободное, независимое существованіе и развитіе, борьбу противъ домашняго гнета, противъ чужеземнаго вліянія, каково бы оно ни было. Писатели этой школы старались подкрѣпить современные имъ слабые характеры примѣрами того, что̀ можетъ сдѣлать сильная воля. Желая сильнѣе дѣйствовать на воображеніе читателя, эти писатели прибѣгали иногда къ преувеличенію какъ добра, такъ и зла. Изображаемые ими люди—хорошіе или дурные, велики въ преступленіяхъ, какъ и въ добродѣтели, въ ихъ яркихъ, поражающихъ картинахъ сильныхъ страстей нѣтъ мѣста для обыкновенныхъ людей, съ ихъ будничными пороками и тихими привязанностями. Въ ряду этихъ писателей, страстныхъ и сильныхъ, занялъ впослѣдствіи первое мѣсто Гверацци съ своими историческими новеллами. Во всѣхъ сочиненіяхъ этого писателя видѣнъ энергическій протестъ противъ всего, что̀ давитъ и гнететъ италіянскую жизнь; онъ самъ говоритъ, что написалъ свой романъ «La Battaglia di Benevento» только потому, что не имѣлъ возможности дать сраженіе врагамъ Италіи.

Стараясь желаніемъ вызвать къ борьбѣ италіянское общество, Гверацци понималъ невозможность возникновенія новой жизни при помощи старыхъ, разбитыхъ силъ; онъ даже и не обращался къ людямъ, опытомъ извѣдавшихъ неудачи прежнихъ попытокъ къ освобожденію. Всѣ свои надежды онъ возлагалъ на молодое италіянское поколѣніе и стремленія свои выразилъ въ предисловіи къ роману: «Осада Флоренціи», написанномъ въ тюрьмѣ, куда онъ попалъ за участіе въ одномъ изъ революціонныхъ движеній. «Опытъ», говоритъ онъ въ этомъ предисловіи, «рано отучилъ

меня считать сѣдины вѣнцомъ мудрости,—каждый годъ убиваетъ въ человѣкѣ новую добродѣтель, новое великодушное чувство, и мы всѣ становимся мертвецами гораздо раньше наступленія смерти. И съ тѣхъ поръ, каждый разъ, когда мнѣ случалось говорить толпѣ, я обращался только къ молодымъ. «Братья», говорю я имъ, «ищите величія и славы. Я не безъ трепета призываю васъ къ этому, но изъ страха я не стану скрывать свои мысли. Надъ нами тяготѣлъ жестокій приговоръ: будь великъ и страдай вѣчно. Но не забывайте и того, что всѣ мы при рожденіи приговорены къ смерти. Этой судьбы не избѣжитъ никто изъ васъ, такъ изъ-за чего же вы будете жертвовать честью, для того только, чтобы на нѣсколько дней отсрочить то, что неминуемо случится? Неужели вы хотѣли бы для себя участи падающей звѣзды, которая блеститъ тысячи лѣтъ, слабымъ, ровнымъ свѣтомъ и, никѣмъ незамѣченная, исчезаетъ на горизонтѣ? Неужели вы не предпочли бы вѣкамъ такого существованія одну минуту жизни птицы, которая вѣчно летаетъ и поетъ—одинъ мигъ жизни молніи, наводящей страхъ на всѣхъ и ломающей вѣковые дубы въ свое минутное существованіе? Я призываю васъ на страшныя мученія и несчастія: сердце ваше разорвется и вы умрете, но умирая, вспомните изгнаніе Данте, цѣпи Христофора Колумба, пытку Маккіавелли, тюрьму Галилея, сумасшествіе Тасса—и эти воспоминанія дадутъ вамъ новыя силы, одѣнутъ васъ словно стальною бронею, которую не пробьютъ ядовитыя стрѣлы вашихъ преслѣдователей. Тотъ чугунный колоссъ, передъ которымъ вы дрожали, считая его непобѣдимымъ, потеряетъ въ вашихъ глазахъ и тѣнь всякой силы, вы разрушите его также легко, какъ ангелъ Данте стряхнулъ со своей одежды пыль и дымъ ада».

Изъ поэтовъ новой школы, Беркетъ и Джусти еще прежде выражали свое негодованіе противъ рабства Италіи, ѣдкою сатирою преслѣдовали чужеземныхъ угнетателей, но за то произведенія ихъ долгое время оставались ненапечатанными и распространялись лишь въ рукописяхъ.

Выступая въ переходное время на литературное поприще, Мацціни старался уяснить себѣ, чего онъ намѣренъ держаться, и опредѣлилъ слѣдующими словами обязанности италіянскаго писателя: «изучать наши историческія воспоминанія, забытыя, или непонятыя сочиненія нашихъ великихъ людей, стремленіе италіянскаго народа въ прошедшемъ, говорить италіянской молодежи о величіи ея предковъ, разсказывать исторію ихъ паденія и его причины, пробуждать уваженіе къ людямъ, пострадавшимъ за исполненіе своего долга, и презрѣніе къ измѣнившимъ ему изъ любви къ матеріяльнымъ наслажденіямъ; внушать, что только

нравственныя основы могутъ создать великій народъ, проповѣдывать любовь мужчины и женщины въ равноправномъ союзѣ,— такова священная обязанность писателя нашихъ дней». Эти стремленія Маццини выражалъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, начиная съ первой же написанной имъ, въ 1826 году, большой статьи: «О любви къ отечеству Данте», которую онъ послалъ во флорентинскій журналъ: «Антологія». Не напечатанная въ «Антологіи», статья эта, нѣсколько лѣтъ спустя, явилась въ «Subalpino», журналѣ, издававшемся Томассео въ Генуѣ и имѣвшемъ кратковременное, но не лишенное значенія существованіе.

«Въ то время, въ Генуѣ», разсказываетъ самъ Маццини о своихъ первыхъ литературныхъ трудахъ, «типографъ Понтаніеръ издавалъ журналъ, который долженъ былъ, согласно разрѣшенію правительства, ограничиваться самою узкою программой торговыхъ объявленій. Это былъ «Генуэзскій указатель» (l'Indicatore Genovese). Я убѣдилъ издателя печатать объявленія о поступавшихъ въ продажу книгахъ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ излагалось ихъ содержаніе, и самъ вызвался заниматься этимъ».

Мало-по-малу библіографическія замѣтки дѣлались обширнѣе и наконецъ превратились въ статьи. Правительство сначала не замѣтило этого; оно тогда ничего не замѣчало, лишь бы о томъ не кричали. Не смотря на чисто-литературныя заглавія статей Маццини, въ нихъ разбирались вопросы политическіе, — стоитъ только измѣнить и дополнить нѣсколько словъ, чтобы замѣтить это. Въ тѣ времена полицейской цензуры въ Италіи составился особый языкъ, понятный всякому, хотя сколько-нибудь посвященному въ тайны литературы. Этотъ же языкъ намековъ, три или четыре года спустя, доведенный до крайнихъ предѣловъ Дж. Никколини, заставилъ австрійскаго посланника сказать французскому, когда они присутствовали въ одной ложѣ при представленіи трагедіи «Іоаннъ Прочида» (Giovanni da Procida [1]), «это вызовъ, адресованный вамъ, но относящійся ко мнѣ».

Наконецъ, правительство начало читать «Генуэзскій указатель», разгадало его и запретило журналъ, именно въ то время, когда онъ, въ концѣ перваго года, обѣщалъ, въ слѣдующемъ году, издаваться по болѣе широкой программѣ.

Между тѣмъ, издатели этого маленькаго журнала пріобрѣли уже себѣ особый кругъ сотрудниковъ, корреспондентовъ, друзей, между которыми былъ и Гверацци. Познакомившись съ Гверац-

[1]) Іоаннъ Прочида былъ одинъ изъ предводителей заговора противъ французскаго владычества въ Сициліи, окончившагося избіеніемъ французовъ на пасхѣ 1282 года, извѣстнаго подъ именемъ «Сицилійскихъ вечерень».

ци поближе, Маццини переѣхалъ въ Ливорно, и они начали вмѣстѣ издавать «Indicatore Livornese». Но и тосканское правительство подняло голову при первой попыткѣ этой пропаганды, и за одну статью Маццини запретило «Ливорнскій указатель», сдѣлавшійся библіографической рѣдкостью, за которую платили большія деньги, какъ за всякую книгу, въ которой говорилось о свободѣ и независимости Италіи, напечатанную въ это тяжелое для нея время.

Тогда Маццини сдѣлался сотрудникомъ въ «Субальпино» и «Антологіи», и тамъ помѣстилъ двѣ свои статьи: объ европейской литературѣ и исторической драмѣ.

«Исторія», говоритъ Маццини въ послѣдней статьѣ, «излагаетъ событія, заноситъ на свои страницы имена лицъ и ихъ дѣянія, представляя сырой матеріялъ для разработки человѣческаго ума. Драма, дѣйствующая на человѣка со всею силою живого представленія, соперничествующая въ непосредственномъ вліяніи на народъ съ искусствомъ оратора, должна истолковывать внутренній смыслъ историческихъ фактовъ и раскрывать значеніе событій и ихъ связь между собою.

«Есть истина историческая или истина фактовъ, и есть нравственная истина или истина принциповъ. Вторая относится къ первой, какъ цѣлое къ части, какъ оригиналъ къ переводу. Одна представляетъ истину въ теоріи, а другая примѣненіе ея въ дѣйствительной жизни. Историческая драма должна обнимать собою какъ факты, такъ и выраженные въ нихъ принципы; вмѣстѣ съ тѣмъ она должна содержать въ себѣ урокъ человѣчеству и производить на зрителей возможно большее нравственное дѣйствіе.» Разъяснять принципъ фактомъ, учить истинѣ въ изображаемой дѣйствительности, вотъ къ чему «по мнѣнію Маццини», долженъ стремиться драматическій писатель, и чего достигаетъ Шиллеръ въ своемъ «Донъ-Карлосѣ».

«Драма», говоритъ далѣе Маццини, «которая, какъ могущественное средство развитія народа, должна быть въ высшей степени популярна, либеральна и національна, вмѣсто того явилась созданіемъ аристократіи, праздной забавой богатыхъ и сильныхъ. Но не смотря на то, что истинное значеніе драмы искажалось писателями, заимствовавшими у грековъ все, кромѣ ихъ привычекъ и образа жизни, которые дѣлали для нихъ театръ какъ бы добавленіемъ къ ихъ прочимъ народнымъ учрежденіямъ, а не пустою забавою праздныхъ лѣнтяевъ,—драма все же нравится народу и возбуждаетъ его вниманіе во все продолженіе представленія до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь катастрофа не положитъ конца драмѣ, а вмѣстѣ съ нею и волненію зрителей. Были,

правда, писатели, пытавшіеся возбудить въ зрителѣ такія страсти, которыя бы не улеглись и за стѣнами театра, но писатели эти, по большей части, старались возбуждать страсть къ разрушенію, а не созиданію. Таковы многія драмы Вольтера, воплотившаго въ себѣ стремленія XVIII вѣка, вѣка реакціи и разрушенія. Таковы также драмы Альфіери, подымающія въ насъ мучительное чувство злобы и бѣшенства, близкихъ къ отчаянію и омрачающихъ душу. Стремясь къ преобразованію смысла и тенденціи драмы, имѣя сердце переполненное благородной идеей, жаждой свободы, Альфіери былъ однако неспособенъ произвести литературную реформу. Самъ презирая толпу, вслѣдствіе сознаваемаго превосходства надъ нею, отсутствія наблюдательности, а можетъ быть и наслѣдственной аристократической привычки, Альфіери изгналъ народъ изъ своихъ драмъ и все вниманіе и весь интересъ сосредоточилъ на немногихъ личностяхъ, воплощающихъ его собственныя идеи. Читая драмы Альфіери, вамъ кажется, что вы слышите ученіе о свободѣ, раздающееся изъ глубины тюрьмы; чтеніе это вызываетъ только гнѣвъ противъ угнетенія и деспотизма; а гнѣвъ, не направленный къ опредѣленной цѣли, рѣдко приводитъ къ чему-либо другому, кромѣ безплодной мести».

Придавая исторической драмѣ значеніе могущественнаго образовательнаго средства, Маццини признавалъ полезнымъ знакомить народъ съ лучшими драматическими писателями. Съ этою цѣлью онъ самъ хотѣлъ издать сборникъ, въ который бы вошли сочиненія лучшихъ драматурговъ древнихъ и новыхъ; при этомъ только драматическія сочиненія Эсхила, Шекспира и Шиллера онъ считалъ полезнымъ помѣстить въ этотъ сборникъ въ полномъ ихъ объемѣ; изъ остальныхъ же должны были быть взяты только отрывки.

V.

Литературныя занятія не могли удовлетворять пылкую натуру молодого Маццини, искавшаго политической дѣятельности, и онъ поспѣшилъ вступить, какъ «ученикъ», въ венту карбонаровъ, тайное общество, которое хотя возникло въ Италіи, но въ это время управлялось «верховной вентою», находившеюся въ Парижѣ.

Разсказывая о своемъ посвященіи, Маццини говоритъ: «Я не былъ тогда въ состояніи самъ что-нибудь предпринять, и мнѣ помогли люди, которые и сами ничего не могли придумать, но у которыхъ никогда мысль не расходилась съ дѣломъ, которые, презирая отлученіе отъ церкви и казнь, упорно шли къ своей цѣли, и когда разрывалась одна нить заговора, начинали

другую. Этого было довольно, чтобы я далъ имъ мое содѣйствіе. И теперь даже, съ сѣдыми волосами, я думаю, что послѣ умѣнья вести предпріятіе къ цѣли, самое большое достоинство есть умѣнье слѣдовать, — слѣдовать, конечно, за тѣмъ, кто ведетъ къ добру. Покорность власти истинной и доброй, свободно-принятой — есть лучшее орудіе противъ власти ложной и насильственной».

При посвященіи Маццини, ему сказали, что его избавляютъ отъ принятыхъ, въ этомъ случаѣ, церемоній и испытаній, по причинѣ преслѣдованій правительства и необходимости соблюдать крайнюю осторожность. Его спросили только, готовъ ли онъ дѣйствовать и повиноваться инструкціямъ, передаваемымъ ему отъ времени до времени, а въ случаѣ нужды, принести себя въ жертву для блага ордена. Выйдя изъ дома, въ которомъ совершалось посвященіе, Маццини спросилъ своего пріятеля, карбонара: какая же цѣль у карбонаровъ, какое ихъ дѣло? Но его пріятель не могъ дать ему на это никакого отвѣта; онъ только поздравилъ его съ тѣмъ, что Маццини избѣгнулъ, при посвященіи, различныхъ испытаній, которымъ подвергались въ этомъ случаѣ другіе, испытаній, въ родѣ выстрѣла въ себя изъ пистолета и т. п. Маццини отвѣчалъ, что онъ и не сталъ бы подвергать себя подобнымъ испытаніямъ потому, что если это дѣлалось не для шутки, недостойной серьезныхъ людей, то было бы нелѣпостью приглашать человѣка бороться за отечество и вмѣстѣ съ тѣмъ ставить ему первою обязанностью — самоубійство. «Я съ удивленіемъ — говоритъ Маццини — думалъ о томъ, что клятва, которую отъ меня потребовали, заключала въ себѣ только обѣщаніе повиноваться, и что посвящавшій меня въ члены тайнаго политическаго общества въ Италіи не упомянулъ ни слова ни о федераціи или единствѣ Италіи, ни о республикѣ или монархіи».

Всякій, вступавшій въ общество карбонаровъ долженъ былъ вносить въ общую кассу 25 франковъ при вступленіи и 5 франковъ каждый мѣсяцъ. Маццини одобрялъ эту мѣру. «Подобное обязательство было тяжело, — говоритъ онъ — а для меня, небогатаго студента, болѣе, чѣмъ для кого-нибудь другого. Но тѣмъ не менѣе, я нахожу его полезнымъ. Не хорошо собирать чужія деньги для дурного употребленія, но еще хуже колебаться въ денежномъ пожертвованіи, когда можно надѣяться, что оно принесетъ пользу. Люди въ наше время — грустный признакъ эгоизма — спорятъ изъ-за одного франка, а между тѣмъ всякій день бросаютъ огромныя суммы для доставленія себѣ воображаемаго комфорта. На такое предпріятіе, какъ, напримѣръ, возрожденіе отечества и свободы, когда они должны бы были превратить свою кровь въ монету, они ссылаются на невозможность пожертвова-

ній, и отдаютъ на погибель жизнь, честь и достоинство, свои и своихъ братьевъ, охотнѣе, чѣмъ свой кошелекъ. Христіане первыхъ вѣковъ часто приносили на алтарь всѣ свои богатства для своихъ бѣдныхъ братьевъ, оставляя себѣ только необходимое. У насъ было бы утопическимъ предпріятіемъ найти между двадцатью-двумя-милліонами людей, толкующихъ о свободѣ, милліонъ, которые бы дали по франку на освобожденіе одного венеціанца. У первыхъ христіанъ была вѣра, а у насъ только убѣжденія».

Нѣсколько времени спустя, Маццини получилъ слѣдующую степень карбонаризма, «магистра» (del maestro), которая давала ему право посвящать другихъ. Такъ какъ онъ своимъ вліяніемъ, краснорѣчіемъ, уваженіемъ, которымъ пользовался между товарищами въ Генуѣ, многихъ присоединилъ къ обществу въ этомъ городѣ, то его, съ тою же цѣлью, послали въ Тоскану.

Повинуясь безпрекословно приказаніямъ, Маццини ничего не зналъ ни о дѣйствіяхъ, ни о цѣли карбонаровъ и начиналъ догадываться, что и въ дѣйствительности ничего этого не было. Въ своихъ собраніяхъ карбонары всегда говорили объ Италіи, какъ о странѣ, лишенной возможности воскреснуть къ самостоятельной жизни; въ ихъ разсужденіяхъ видны были скорѣе космополитическія, нежели національныя стремленія. Этого не могъ не замѣтить Маццини, которому было поручено написать статью о необходимости свободы для Испаніи и о дурныхъ слѣдствіяхъ вмѣшательства французскаго правительства въ 1823 году. «Съ этихъ поръ—разсказываетъ про себя самъ Маццини—принимая новыхъ членовъ тайнаго общества, я уже думалъ о томъ времени, когда наберется достаточное число единомышленниковъ, чтобы внести новую жизнь въ разрушавшееся тѣло карбонаризма.»

По пріѣздѣ въ Ливорно, Маццини собралъ венту и принялъ въ общество нѣсколько новыхъ членовъ. Возвратившись изъ Тосканы въ Геную, Маццини получилъ отъ центральной венты приказаніе отправиться въ извѣстный часъ въ одну гостинницу, гдѣ онъ долженъ былъ застать майора Коттина, и посвятить его во вторую степень. Въ гостинницѣ Маццини встрѣтилъ одного изъ начальниковъ карбонаровъ, французскаго консула въ Анконѣ, Пассано, который притворился, что не знаетъ его. Войдя въ комнату Коттина, Маццини вынулъ изъ своей палки шпагу и началъ, согласно обряду, приводить его къ присягѣ. Вдругъ изъ маленькой боковой двери выглянулъ какой-то незнакомый человѣкъ. Маццини смутился, но Коттина успокоилъ его, говоря, что это его слуга, который ничего не знаетъ. Затѣмъ онъ попросилъ Маццини написать ему форму присяги, говоря, что у него слаба память, и что ему необходимо имѣть форму присяги,

чтобы набирать членовъ въ арміи, въ Ниццѣ, куда онъ отправлялся черезъ три дня. Маццини, подозрѣвая что-нибудь дурное, отказался написать самъ, а продиктовалъ ему форму.

Нѣсколько дней спустя, выходя изъ дому, Маццини былъ взятъ полицейскими агентами, ожидавшими его у выхода; оказалось, что онъ попался въ ловушку, устроенную полиціей.

Въ минуту ареста, Маццини имѣлъ при себѣ ружейныя пули, которыя выливали заговорщики для предполагаемаго предпріятія, прокламацію, напечатанную на трехцвѣтной бумагѣ, форму присяги второй степени и палку со шпагой внутри; словомъ, у него было нѣсколько предметовъ, достаточныхъ для того, чтобы его осудили, какъ преступника. Но Маццини, съ необыкновенною ловкостью, съумѣлъ отдѣлаться отъ всего этого, по дорогѣ отъ дома до казармы карабинеровъ, на Піацца-Сарцана, куда его сначала посадили.

Нѣсколько дней онъ оставался подъ арестомъ, въ казармѣ, предоставленный насмѣшкамъ и остроумію карабинеровъ, изъ которыхъ одинъ, болѣе начитанный, назвалъ его вторымъ изданіемъ Джакопо Ортиса.

Между тѣмъ, кусочкомъ карандаша, который Маццини нашелъ въ кушаньѣ, присланномъ ему изъ дому, онъ переписывался съ своими друзьями. Бумагой ему служила скатерть, которую онъ, отобѣдавъ, отсылалъ домой. Такимъ способомъ онъ передалъ братьямъ Руфини и своей матери, чтобъ они уничтожили нѣкоторыя, компрометирующія бумаги.

Однажды ночью Маццини внезапно разбудили. Проснувшись, онъ увидѣлъ передъ собою двухъ карабинеровъ, которые сказали ему, чтобы онъ одѣлся и шелъ за ними. Сначала онъ думалъ, что его опять ведутъ къ допросу, но когда ему приказали взять съ собою все свое платье, то онъ понялъ, что навсегда оставляетъ казарму. На вопросъ, куда его ведутъ, онъ, конечно, получилъ отвѣтъ, что не знаютъ. При выходѣ изъ казармы, Маццини посадили въ портшезъ, который окружили карабинеры, и процессія двинулась по улицамъ Генуи.

Скоро портшезъ остановился, и Маццини услышалъ въ одно время лошадиный топотъ, изъ чего заключилъ, что его отправляютъ въ далекое путешествіе, и голосъ своего отца, уговаривавшаго его не падать духомъ.

Карабинеры грубо оттолкнули старика, когда онъ подошелъ къ сыну, который только успѣлъ пожать ему руку, и былъ брошенъ въ карету, куда сѣлъ также другой арестантъ, карбонаръ Пассано.

Арестантовъ отвезли въ крѣпость Савону и размѣстили по отдѣльнымъ камерамъ. Комендантъ крѣпости, 70-ти-лѣтній ста-

рикъ, шутилъ надъ Маццини, говоря ему, что онъ напрасно просиживаетъ ночи въ преступныхъ замыслахъ, что это вредно для его здоровья, что ему бы надо было успокоиться, и что онъ найдетъ здоровье и спокойствіе въ крѣпости. Маццини не отвѣчалъ ничего на эти шутки, но попросилъ сигару. На это комендантъ ему отвѣтилъ, что онъ долженъ спросить разрѣшенія губернатора Генуи. Маццини, оставшись одинъ, заплакалъ. «Первыя слезы моего заточенія — говоритъ онъ — были слезы бѣшенства, когда я увидѣлъ себя до такой степени во власти человѣка, котораго презиралъ».

Спустя мѣсяцъ, новый комендантъ не только позволилъ ему куреніе, но еще далъ библію, Тацита и Байрона. Товарищемъ заточенія Маццини была маленькая птичка, которую онъ приручилъ къ себѣ. Къ нему никого не пускали: изъ людей онъ видѣлъ только стараго сторожа Антоніетти, который былъ къ нему благосклоненъ, караульнаго офицера, каждый день появлявшагося у дверей, чтобы взглянуть на арестанта, служанку Катерину, приносившую ему обѣдъ, и коменданта Фонтана. Комендантъ, сожалѣя о заблужденіяхъ молодого человѣка, пробовалъ обратить его на путь истины всѣми способами, даже измѣняя своимъ инструкціямъ, приглашалъ его къ себѣ и часто бесѣдовалъ съ нимъ. Но, не смотря на это, Маццини продолжалъ быть заговорщикомъ и въ крѣпости. Каждые десять дней онъ получалъ незапечатанное письмо отъ своей матери, на которое могъ отвѣчать при своемъ сторожѣ, отдавая ему свое письмо также незапечатаннымъ, послѣ чего оно, прежде отправленія, тщательно разсматривалось полицейскими агентами. Со времени неудачнаго происшествія съ Коттиной, Маццини, опасаясь новой ловушки, уговорился съ Руфини о способахъ переписки на случай ареста, и въ письмахъ къ матери составлялъ нужныя слова первыми буквами каждаго періода. Сидя въ тюрьмѣ, онъ, по прежнему, интересовался всѣмъ, что дѣлалось за ея стѣнами и постоянно давалъ совѣты своимъ друзьямъ-карбонарамъ, надѣясь еще на то, что это тайное общество можетъ принести пользу Италіи. Но всѣ его предложенія не имѣли успѣха. Лица, стоявшія во главѣ тайнаго общества карбонаровъ, въ виду страшной реакціи и гоненій, были поражены страхомъ, и слышать не хотѣли ни о самомъ Маццини, ни о его планахъ. Между тѣмъ Пассано, встрѣтившись однажды съ Маццини въ тюремномъ коридорѣ, и узнавъ, что онъ переписывается со своими единомышленниками, призналъ за нужное посвятить его въ высшую степень, чѣмъ ту, какую уже имѣлъ Маццини, и для этого исполнилъ надъ нимъ различные мистическіе обряды.

Боязнь, обнаруженная карбонарами въ самую критическую минуту, этотъ пустой формализмъ, эти мелочи, театральная обстановка, недостойныя серьезныхъ людей, утвердили Маццини въ мысли, еще прежде приходившей ему въ голову, что карбонаризмъ отжилъ свой вѣкъ, что въ немъ больше пріемовъ, обрядовъ, чѣмъ дѣла, и что вмѣсто того, чтобы терять время и трудъ воскрешать его, лучше создать общество живое, новое. Впослѣдствіи Маццини прямо выразилъ свое осужденіе общества карбонаровъ. «Карбонаризмъ», говоритъ онъ, «возникъ въ эпоху, когда гигантское, но тираническое Наполеоновское единство клонилось къ паденію, среди развалинъ цѣлаго міра, борьбы между юными надеждами и старымъ деспотизмомъ; оттого онъ и носилъ на себѣ печать всѣхъ этихъ различныхъ элементовъ. Королевская протекція, которою онъ пользовался при своемъ возникновеніи и которая продолжалась до тѣхъ поръ, пока была необходимость употреблять его, какъ орудіе противъ владычества Франціи, дала этому обществу невѣрное направленіе, которое отвлекало его отъ національной цѣли; даже впослѣдствіи, когда онъ увидѣлъ себя обманутымъ, онъ сохранилъ нѣкоторыя изъ прежнихъ привычекъ, и болѣе всего пагубное стремленіе искать себѣ вождей въ высшихъ сферахъ общества, и смотрѣть на возрожденіе Италіи, какъ на дѣло высшихъ классовъ, а не какъ на долгъ народа.

«Единственнымъ оружіемъ карбонаризма было голое отрицаніе. Оно призывало людей къ разрушенію, но не учило ихъ, какъ строить новое зданіе на развалинахъ стараго. Вожди общества, изучая національныя стремленія, видѣли, что хотя италіянцы всѣ были согласны въ вопросѣ о независимости, но несходились въ вопросѣ объ единствѣ и свободѣ.

«Испуганные этимъ разногласіемъ, неспособные на то, чтобы рѣшиться идти по одному изъ двухъ путей, они выбрали средній и написали на своемъ знамени *Свобода* и *Независимость*. О равенствѣ они не говорили, или говорили такъ смутно, что каждому предоставлялось толковать его по-своему. Такъ они начали свое дѣло, не объяснивъ даже людямъ, которыхъ призывали на борьбу, какую будущность они могутъ предложить народу взамѣнъ поддержки, ожидаемой отъ него. Множество членовъ набралось въ общество изъ всѣхъ классовъ, такъ какъ всюду были недовольные, ожидавшіе случая свергнуть существовавшій порядокъ вещей, а также благодаря таинственности, окружавшей мельчайшія дѣйствія общества и производившей сильное впечатлѣніе на воображеніе италіянцевъ, всегда впечатлительныхъ до крайности.

«Необходимость удовлетворить вкусамъ огромнаго числа членовъ, составляющихъ различныя степени сложной и спутанной іерархіи карбонаризма, внушила мысль ввести множество знаковъ и непонятныхъ символовъ, скрывавшихъ отсутствіе истиннаго ученія и стремленій. Строгость дисциплины была болѣе кажущаяся, нежели дѣйствительная.

«Тѣмъ не менѣе это тайное общество достигло такой численной силы, которая была неизвѣстна послѣдующимъ политическимъ сектамъ. Но карбонары не знали на что̀ обратить свою силу; вожди не имѣли довѣрія къ народу и обращались къ нему скорѣе для того, чтобы пріобрѣсть въ немъ выраженіе силы и привлечь къ себѣ тѣхъ людей высшихъ классовъ, въ которыхъ однихъ они вѣрили, нежели для того, чтобы вести его къ дѣлу.

«Вслѣдствіе того, горячность и энергія молодежи, принадлежавшей къ обществу и мечтавшей о родинѣ, республикѣ, войнѣ и славѣ, — ввѣрялась управленію людей не только старыхъ годами, но проникнутыхъ идеями имперіи, не вѣрившими въ будущее, и вмѣсто того, чтобы возбуждать энтузіазмъ, укрощавшихъ всякое его проявленіе.

«Въ умственномъ отношеніи карбонары были матеріялисты и послѣдователи Макіавелли. Они проповѣдывали политическую свободу; но писатели изъ ихъ среды учили литературному рабству подъ именемъ классицизма. Таковы они были и въ политическомъ отношеніи. Они не имѣли вѣры ни въ одну форму правленія; они поддерживали монархію сначала какъ средство пріобрѣсть силу, а впослѣдствіи потому, что принятіе монархической системы избавляло ихъ отъ отвѣтственности руководить массами, которыхъ они боялись и не понимали; а наконецъ и потому, что окрестивъ возстаніе королевскимъ именемъ, надѣялись успокоить Австрію и пріобрѣсти благосклонность какой-нибудь великой державы — Англіи или Франціи. Поэтому они и обратили свои взоры на Карла-Альберта въ Піемонтѣ и принца Франциска въ Неаполѣ; первый изъ нихъ — тиранъ по природѣ и хотя честолюбивъ, но неспособенъ къ величію; второй — лицемѣръ и измѣнникъ съ самаго начала своей карьеры. Карбонары предоставили распоряженіе Италіею этимъ двумъ принцамъ, оставляя будущему согласить несовмѣстимыя притязанія обоихъ претендентовъ.

«Возстанія карбонаровъ были успѣшны въ началѣ; но немедленно за ними слѣдовали внутренніе раздоры. Исполнивъ дѣло разрушенія, каждый карбонаръ возвращался къ своей личной цѣли и убѣжденіямъ, и всѣ различно смотрѣли на предстоящее дѣло. Одни воображали, что они дѣйствуютъ въ интересахъ одной

монархіи; многіе были приверженцами французской конституціи, другіе — испанской; нѣкоторые стояли за республику, и всѣ жаловались на то, что были обмануты. Временныя революціонныя правительства были ослаблены, такимъ образомъ, при самомъ началѣ — открытой оппозиціей однихъ и бездѣйствіемъ другихъ.

«Предводители движенія, объявивъ народъ неспособнымъ ни освободить себя, ни управлять собою, не вооружали его и не позволяли ему принимать никакого участія въ управленіи дѣлами. Поэтому было необходимо замѣнить силу народа другою силою и искать себѣ поддержку извнѣ, у иностранныхъ кабинетовъ, или довольствоваться ложными обѣщаніями принцевъ взамѣнъ дѣйствительныхъ уступокъ. Все это доказывало паденіе карбонаризма, и онъ долженъ былъ окончить свое существованіе; но урокъ геройскаго постоянства, данный карбонарами, несмотря на гоненія ими претерпѣваемыя, значительно содѣйствовалъ пробужденію чувства равенства, врожденнаго итальянцамъ, и приготовилъ путь къ соединенію людей различныхъ провинцій и классовъ для одного дѣла».

Въ свое шестимѣсячное заключеніе Маццини составилъ планъ «Юной Италіи». Задумывая этотъ планъ, Маццини признавалъ, что предпринимаемое имъ дѣло должно имѣть программу не только политическаго преобразованія, но и нравственнаго и религіознаго переворота. Въ это время онъ уже разстался съ отрицательными теоріями.—«Въ первые годы моей университетской жизни», говоритъ онъ самъ, «умъ мой былъ нѣсколько склоненъ къ ученію иностранныхъ матеріялистическихъ школъ; но изученіе исторіи и внушенія совѣсти скоро возвратили меня къ спиритуализму нашихъ италіянскихъ отцовъ».

Между тѣмъ процессъ Маццини приходилъ къ концу: судъ оправдалъ его. Но губернаторъ Генуи, боясь мести народа за незаконное заключеніе Маццини, упросилъ короля Карла-Феликса выслать Маццини за границу.

Это распоряженіе было передано Маццини его отцемъ, пріѣхавшимъ въ Савону, вопреки королевскому запрещенію, не дозволявшему Маццини видѣться передъ отъѣздомъ, даже съ ближайшими родственниками.

Пассано, хотя болѣе виновный, былъ ранѣе освобожденъ, потому что былъ уроженецъ Корсики и состоялъ французскимъ консуломъ въ Анконѣ. «Старая привычка», говоритъ Маццини, «всѣхъ правительствъ Италіи—ненавидѣть Францію, но льстить и угождать ей.»

БИРЖЕВОЙ ОЛИМПЪ

И

АКЦІОНЕРНАЯ МИѲОЛОГІЯ.

Histoire du Crédit Mobilier. 1852—1867. Par M. Aycard. Par. 1867.
La spéculation devant les tribunaux. Pratique et théorie de l'agiotage, par Georges Duchêne. Par. 1867.

Въ щегольскомъ экипажѣ, запряженномъ парою великолѣпныхъ лошадей, проносится по одной изъ главныхъ улицъ какой-нибудь европейской столицы человѣкъ не старый, но съ тѣмъ выраженіемъ въ лицѣ, которое дается опытностью въ борьбѣ жизни. Всѣ оборачиваются и смотрятъ ему вслѣдъ. Счастливъ тотъ, кто имѣлъ право ему поклониться! Экипажъ исчезъ изъ виду, но оставилъ за собою какое-то обаятельное впечатлѣніе; всѣ замѣтили, всѣ узнали его владѣльца, и даже самые оживленные разговоры перемѣнили тему: вслѣдъ за экипажемъ только и говорили, что объ экипажѣ и объ особѣ, комфортабельно качавшейся на его рессорахъ.

Оно и немудрено; проѣхавшій джентльменъ—одинъ изъ тѣхъ, которые стоятъ у колеса громаднаго, всепоглощающаго общественнаго аллегри. Онъ вынимаетъ изъ этого колеса билеты, и если захочетъ, вынетъ и для васъ билетъ съ выигрышемъ. Ему стоитъ только на минуту сдѣлать кого-нибудь участникомъ его успѣха, чтобы осчастливить, такъ какъ тѣ билеты, которые онъ вынимаетъ для себя, всегда съ выигрышемъ.

Впечатлѣніе, которое онъ оставилъ за собою, пронесясь мимо

толпы въ своемъ изящномъ экипажѣ — неотразимо, потому что оно есть обаяніе успѣха. Этотъ человѣкъ — геній; въ головѣ его безпрерывно рождаются самобытныя идеи, но не изъ тѣхъ идей, которыя странствуютъ по свѣту года, даже столѣтія, вымаливая у сильныхъ міра средствъ къ своему осуществленію, или умоляя толпу принять себя, такъ какъ въ нихъ — истинное ея благосостояніе. Нѣтъ, тѣ идеи, которыя производитъ фосфорическій мозгъ этого человѣка, являются изъ его головы во всеоружіи, какъ сама богиня мудрости изъ головы отца боговъ. Никогда онѣ не бываютъ такъ блестящи, такъ увлекательны и богаты, какъ именно въ самый моментъ своего появленія на свѣтъ. Ихъ не надо даже причислять къ одной категоріи съ идеями-попрошайками и моралистками, которыя долго босо и безпріютно странствуютъ по свѣту. Veni, vidi, vici — ихъ девизъ; онѣ вылетаютъ раскаленными бомбами, ослѣпительными метеорами, которыя не сторонятся, а передъ которыми сторонятся. Бомба летитъ прямо къ цѣли: что вздумаетъ стать на ея пути — она уничтожаетъ, она летитъ и наконецъ, вдругъ... производитъ результаты ожидаемые, требуемые обществомъ. Оно требуетъ власти надъ собою, и безъ эксплуатаціи не умѣетъ жить. Когда на общественномъ тѣлѣ особенно расплодятся паразиты и станутъ выказывать особенно-оживленную дѣятельность, тѣло это ощущаетъ благосостояніе: какъ славно идутъ дѣла!

Всѣми своими благами общество пресыщаетъ этихъ баловней фортуны, вертящихъ колесо аллегри. Этотъ великій человѣкъ, что сейчасъ пронесся передъ вами, проживетъ сегодня сто вашихъ лучшихъ дней: захочетъ онъ любви, почестей, тончайшихъ наслажденій чувствъ, — все это явится по знаку его руки; вы почитаете искусства, а тутъ наоборотъ, искусства сами — боготворятъ его. Мало того: захочетъ онъ, и сегодня же выведетъ изъ бѣды множество бѣдняковъ, устроитъ множество счастій, счастій для него второстепенныхъ, мелкихъ. Этотъ человѣкъ въ годъ проживетъ болѣе, чѣмъ во всю жизнь человѣкъ «безбѣдный», о бѣдномъ ужъ и не говоримъ.

— Стоитъ ли трудиться изо дня въ день, откладывать рубль за рублемъ, выслуживать себѣ тридцатипятилѣтнюю эмеритуру — воскликнетъ кто-нибудь, вслѣдъ за тѣмъ экипажемъ.

— Но всѣ же не могутъ быть богаты... подумаетъ другой.

Могутъ, отвѣчаемъ мы: всѣ могутъ или по крайней мѣрѣ *всякъ*; а для кандидата въ богатые вѣдь это все равно. Въ томъ-то и дѣло, что всякъ можетъ. Оттого-то тридцатипятилѣтняя эмеритура все менѣе и менѣе кажется привлекательною; этотъ «finis» въ наше многомятежное время представляется пло-

химъ вѣнцомъ, и поневолѣ самъ «opus» колеблется и чувствуетъ, что его куда-то тянетъ, что гдѣ-то есть такой магнитъ, который внезапно удесятеритъ, сторицею пріумножитъ наши средства къ жизни, стало быть самую жизнь.

Всякъ можетъ, можете и вы! Мы запираемся и обдумываемъ предпріятіе. Намъ довольно придумать одно названіе. Вѣдь это не трудно! Разумѣется, театромъ подобныхъ дѣйствій мы избираемъ самую вершину биржевого Олимпа—Францію, хотя и ее еще находятъ arriéré въ финансовомъ дѣлѣ: такъ выражались учредители знаменитаго «Движимаго Кредита» о Франціи. Итакъ, мы въ Парижѣ объявляемъ предпріятіе, напримѣръ, добываніе масла изъ дерева. Ну, что за глупость... Ничего, вѣдь добывать мы не станемъ, намъ нужно только объявить предпріятіе, нужна форма предпріятія. Затѣмъ, мы выпускаемъ акціи, и ихъ, конечно, никто не беретъ. Это ничего: возьмутъ, надо только знать, какъ взяться за дѣло. Для того, чтобы акціи взяли, надо чтобы на нихъ можно было поживиться, *независимо отъ самаго предпріятія;* вотъ весь секретъ. Мы идемъ къ маклерамъ, къ коммиссіонерамъ, которые торгуютъ бумагами, и предлагаемъ купить тысячу нашихъ акцій, по сту франковъ наличныхъ за 500-франковую акцію. Каково бы ни было предпріятіе, но согласитесь, что купить акцій за 20% номинальной цѣны — соблазнительно. Но этого мало: мы успокоимъ покупщиковъ насчетъ риска даже этихъ 100 фр. Мы дадимъ имъ ручательство. Для этого, намъ стоитъ только прибѣгнуть къ самой употребительной на парижской биржѣ операціи, къ покупкѣ *на преміо*: мы продаемъ 1,000 акцій по 100 фр. наличными и въ тоже время заключаемъ условіе, которое обязываетъ насъ чрезъ двѣ недѣли взять эти 1,000 акцій назадъ уже по цѣнѣ 110 фр. за акцію, съ тѣмъ, что иначе мы платимъ неустойку въ 5 фр. на акцію. Какъ же не взять нашихъ акцій, когда мы обязуемся выкупить ихъ по высшей цѣнѣ и ручаемся въ томъ неустойкой? Придетъ срокъ, мы, дѣйствительно, платимъ неустойку. Покупщикъ остался съ акціями, которыя стоятъ ему уже только по 95 фр. Собственный интересъ побуждаетъ покупщиковъ продолжать подобныя сдѣлки на нихъ, и они будутъ ихъ дѣлать и всегда получать неустойку; а такъ какъ эта операція имѣетъ результатомъ повышеніе курса акцій, то они могутъ надѣяться даже сбыть акціи съ выгодою и вернуть свои деньги, оставивъ у себя всѣ полученныя неустойки.

Вотъ, мы помѣстили свои 1,000 акцій. Затѣмъ, такъ какъ за собою мы оставили ихъ 9,000, то при помощи нашихъ друзей, портьé и нанятыхъ людей, судьба предпріятія и всѣ счеты въ

нашихъ рукахъ, ибо въ нашихъ рукахъ огромное большинство голосовъ.

Это — только маленькое начало. Ничто не мѣшаетъ намъ спустить и большее число акцій или основать еще нѣсколько предпріятій на акціяхъ.

Но вы боитесь отвѣтственности передъ судомъ? Можно завоевать богатство вдругъ, и не принимая на себя отвѣтственности, ничего не учреждая. Мы изберемъ себѣ спеціальностью — ронять цѣнность бумагъ на биржѣ; это отличное предпріятіе и имъ съ большимъ успѣхомъ занимаются на парижской биржѣ коммиссіонеры-нѣмцы. Мы предлагаемъ поставить, къ опредѣленному сроку, какъ можно большее число какихъ-нибудь бумагъ, по пониженной цѣнѣ: охотники купить ихъ по этой цѣнѣ всегда найдутся, а операція эта роняетъ курсъ бумагъ. Естественно, что когда онѣ предлагаются въ немаломъ количествѣ по дешевой цѣнѣ, то онѣ теряютъ довѣріе. Когда же эти акціи упадутъ въ цѣнѣ ниже той, по которой мы обязались поставить ихъ, мы ихъ покупаемъ по этой нижайшей цѣнѣ и ставимъ по высшей, или просто кладемъ въ карманъ неустойку, если, какъ слѣдуетъ ожидать, покупщикъ откажется принять ихъ.

Эти примѣры—не отдѣльные случаи, записанные въ биржевой хроникѣ въ видѣ курьёзовъ. Именно такими путями составились громадныя состоянія всѣхъ тѣхъ блестящихъ геніевъ промышленности, которыхъ слава гремитъ по свѣту, этихъ Перейровъ и имъ подобныхъ; мало того, едва-ли найдется такое громадное состояніе, которое бы составилось иначе, какъ при помощи этихъ или подобныхъ спекуляцій... Итакъ, стоитъ ли работать, подумаетъ иной.

Спекуляціи! Мы назвали наконецъ вещь по имени. Хорошо ли быть спекулянтомъ, какъ-то посмотрятъ на спекулянта въ обществѣ, вѣдь безъ наружнаго уваженія и деньги пожалуй не въ прокъ? Успокойтесь: мало уваженія — тутъ предстоитъ почетъ, высокій почетъ. Спекулянтъ! Да это Аттила, Тамерланъ нашего времени... Удавшійся спекулянтъ — да это феодальный баронъ, передъ которымъ всѣ мы вассалы, передъ которымъ склоняются даже звѣзды первой величины, котораго населенія привѣтствуютъ какъ тріумфатора. И. Перейръ въѣзжаетъ въ Перпиньянъ, въ августѣ 1863 года, вотъ картина, извлеченная изъ мѣстной газеты:

«Г-нъ И. Перейръ пріѣхалъ въ нашъ городъ въ воскресенье, въ половинѣ восьмого, вечеромъ. Г. префектъ явился на станцію желѣзной дороги, чтобы встрѣтить представителя департамента. Г. мэръ, съ помощникомъ, и гг. члены избирательнаго комитета

были собраны въ пассажирскомъ залѣ и привѣтствовали г. Перейра при выходѣ его изъ вагона. Немедленно по прибытіи, г. Перейръ сѣлъ въ карету г. префекта, и они поѣхали въ отель префектуры, гдѣ былъ приготовленъ парадный обѣдъ. Во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя долженъ былъ проѣхать г. Перейръ, собралось много народу; но улица префектуры была набита битком. Фасадъ кофеенъ, находящихся на площади de la Loge былъ иллюминованъ. Однимъ словомъ, вторичный пріемъ, оказанный почтенному депутату, былъ фотографическимъ снимкомъ съ перваго: такая же толпа и тѣ же клики привѣтствія».

Но можетъ быть всѣ эти почести неразлучны въ провинціи съ званіемъ депутата? Нѣтъ; Жюль Фавръ, конечно, не чета Перейру по нравственному значенію — въѣзжалъ въ прошломъ августѣ въ Нимъ совсѣмъ иначе; власти, если и выказали при этомъ дѣятельность, то только въ томъ смыслѣ, что приказали кучеру Фавра своротить съ дороги, по которой онъ ѣхалъ, именно «для избѣжанія овацій».

Въ г. Перейрѣ почитали не депутата, а именно одного изъ раздавателей билетовъ фортуны и одного изъ самыхъ могущественныхъ людей во Франціи. Какъ было префекту не встрѣчать его на станціи; что̀ такое префектъ передъ Перейромъ! На что уже смѣлы журналисты: министрамъ, не только что префектамъ, отъ нихъ достается. Но и эти смѣльчаки въ теченіи десятка лѣтъ и пока звѣзда Перейровъ не стала клониться долу, не посмѣли разбирать ихъ дѣйствій, по тѣмъ или другимъ причинамъ.

Спекуляція! Это—изъ всѣхъ силъ нашего времени сильнѣйшая. Она творитъ чудеса; при ея помощи, Франція покрылась желѣзными дорогами, ею вызваны тысячи предпріятій, она пустила въ оборотъ всѣ капиталы страны, сосредоточила ея средства въ могущественные центры, которые, какъ громадные очаги предпріимчивости перетопили всѣ, даже самыя скромныя сбереженія въ дѣйствующіе, производящіе капиталы. Спекуляція дала парижской биржѣ значеніе важнѣйшаго денежнаго рынка въ свѣтѣ.

Въ этой великолѣпной картинѣ, конечно, есть и тѣнь: медаль, выбитая въ честь современнаго Маммона, разумѣется, имѣетъ и оборотную сторону. Не правда-ли, интересно сравнить обѣ стороны этой медали, ознакомиться съ физіономіею этихъ богатырей современной миѳологіи, приглядѣться поближе къ тѣмъ средствамъ, какія созидаютъ ихъ могущества, узнать ту тактику, которая доставляетъ побѣду этимъ новымъ завоевателямъ; наконецъ, обратить вниманіе и на дѣйствительныя послѣдствія той системы, при которой они не только возможны, но и неизбѣжны.

Нѣтъ предмета представляющаго болѣе современный интересъ, и болѣе привлекательный.

Вотъ этотъ-то предметъ мы желаемъ представить вниманію нашихъ чатателей; нами будутъ собраны поучительныя свѣдѣнія объ исторіи и главныхъ видахъ спекуляціи во Франціи изъ недавно вышедшихъ книгъ: «Исторія Движимаго-Кредита» банкира Айкара, и «Теорія и практика ажіотажа», Д. Дюшена. Свѣдѣнія эти мы дополнили отъ себя для того, чтобы ближе познакомить читателя съ самымъ механизмомъ спекуляціи, сдѣлать картину полнѣе. Съ этой цѣлью, мы опишемъ парижскую биржу, какъ храмъ спекуляціи, и представимъ жрецовъ ея—биржевыхъ агентовъ, съ ихъ обстановкою, дѣйствіями и нравами; за тѣмъ изложимъ механизмъ главныхъ биржевыхъ операцій, чтобы объяснить ажіотажъ и такъ-называемую биржевую игру; потомъ перейдемъ къ изложенію, на дѣйствительныхъ примѣрахъ, спекуляціи въ предпріятіяхъ промышленныхъ, преимущественно по желѣзнымъ дорогамъ, такъ какъ именно онѣ служили во Франціи главнымъ предметомъ высшей спекуляціи.

Картина цѣлаго общества предавшагося игрѣ, эксплуатируемаго игрою, естественно вызываетъ вопросъ: какъ же относится къ такому анормальному явленію органъ общества — періодическая печать? Намъ придется, такимъ образомъ, коснуться и этого вопроса, бросить взглядъ на условія и нравы газетной дѣятельности во Франціи. Затѣмъ, продолжая нашъ разсказъ, мы перейдемъ къ ажіотажу собственно въ банковыхъ предпріятіяхъ и представимъ исторію Движимаго-Кредита, какъ примѣръ громаднаго предпріятія этого рода, примѣръ въ высшей степени поучительный именно при подробномъ ознакомленіи, когда изслѣдующій изучаетъ самыя цифры, и чрезъ нихъ проникаетъ за кулисы оптимистическихъ отчетовъ. Однажды войдя за кулисы, мы присоединимъ еще нѣсколько примѣровъ, которыя познакомятъ насъ съ личностями Перейровъ, Мираса, Солара и др. героевъ спекуляціи.

Мораль всего этого уяснится сама собою, и намъ останется только бросить краткій взглядъ на отношенія между громаднымъ развитіемъ во Франціи спекуляціи и второю имперіею.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Величіе финансистовъ-спекулянтовъ нашего времени, типомъ которыхъ можетъ служить, наприм., Перейра, основано на реальномъ ихъ могуществѣ, а не на одной слабости людской, которая, по словамъ Гоголя, заставляетъ кланяться милліонеру, хотя бы и не предвидѣлось попользоваться какъ-нибудь его богатствомъ.

Спекуляція по самой своей природѣ есть не что иное, какъ борьба, отчаянная борьба, возможная при отсутствіи соглашеній въ большинствѣ общества, стало быть при отсутствіи и гарантій для него. Спекуляція сама ничего не производитъ, а если и касается предпріятій производительныхъ, то они для нея служатъ только картами или костями. Игроки не производятъ тѣхъ денегъ, которыя они выигрываютъ или проигрываютъ; они не производятъ даже тѣхъ картъ, которыми играютъ, и спекуляція есть только перемѣщеніе капиталовъ, захватъ ихъ посредствомъ силы или хитрости. Законъ спекуляціи — тоже кулачное право, только замаскированное. Но беззащитность большинства, безнаказанность силы и отчаянная борьба въ мірѣ промышленномъ, точно также какъ въ мірѣ политическомъ, ведетъ къ феодализму или олигархіи. Въ борьбѣ остается побѣдителемъ тотъ, кто сильнѣе, и этотъ сильный идетъ все далѣе и далѣе въ своихъ завоеваніяхъ, захватываетъ все больше и больше. Такимъ образомъ, сила сосредоточивается, наконецъ, въ нѣсколькихъ рукахъ. Въ мірѣ политическаго феодализма, кулачное право бароновъ привело въ Германіи и Франціи къ возвышенію сперва герцоговъ на степень могущественныхъ владѣтелей, а потомъ къ поглощенію этихъ герцоговъ королями. Исчезнувъ изъ общества такъ сказать гражданскаго, т. е. изъ внутренности отдѣльныхъ государствъ—именно вслѣдствіе усиленія королевской власти—кулачное право однако не исчезло изъ міра международной политики; единственнымъ ея закономъ продолжало и продолжаетъ быть право сильнаго. Естественно, что концентрація силы еще не кончилась; международная анархія, а съ нею борьба продолжаются: свидѣтельствомъ тому служатъ постоянныя опасенія войны международной.

Тоже самое произошло и въ мірѣ промышленной борьбы или спекуляціи. Желѣзныя дороги слились въ нѣсколько компаній; вся новѣйшая исторія французскихъ желѣзныхъ дорогъ есть исторія ихъ соединеній или слитій (fusions) въ рукахъ немногихъ, сильныхъ компаній. Точно также сильные банкиры поко-

рили себѣ денежный рынокъ; мелкіе спекулянты не могутъ бороться съ сильными, которые не только угадываютъ курсы, но сами «дѣлаютъ» ихъ.

Во Франціи, вторая имперія покровительствовала установленію такъ-называемыхъ «большихъ компаній», монополизированію кредита и предпріимчивости, въ то самое время, когда провозглашала сен-симонистскую мысль о «демократизаціи» капитала и кредита. Такая политика была въ природѣ второй имперіи и теперь привела уже къ краснорѣчивымъ результатамъ, съ которыми мы познакомимся далѣе, а теперь ограничимся примѣрами.

Вслѣдствіе постепенныхъ «слитій» желѣзнодорожныхъ компаній, которыя привели къ сосредоточенію всей желѣзнодорожной промышленности въ рукахъ всего шести большихъ компаній, поглотившихъ прежнія слишкомъ пятьдесятъ управленій, эти шесть совѣтовъ, состоящіе въ сложности изъ 136-ти директоровъ, распоряжаются *двумя съ половиною милліардами рублей* капитала, т. е. огромною частью всего народнаго капитала Франціи.

Но когда мы присмотримся къ составу этихъ совѣтовъ и управленій всѣхъ другихъ промышленныхъ компаній, то тотчасъ убѣдимся, что число тѣхъ людей, которые дѣйствительно представляютъ въ себѣ управленіе промышленностью и сосредоточиваютъ въ себѣ дѣйствительную силу, несравненно ограниченнѣе; ихъ насчитывается едва десятка три; вотъ это-то и есть новѣйшіе феодальные бароны—les hauts barons de la finance. Эмиль Перейръ въ 1862 году былъ членомъ совѣтовъ 19-ти компаній, съ капиталомъ въ 3,704 милліона руб. Братъ его, Исаакъ Перейръ былъ директоромъ въ 12-ти компаніяхъ; ихъ племянникъ Эженъ—въ 9-ти (по молодости). Ихъ же родственникъ—и Тюрнессень, который тоже участвовалъ въ совѣтахъ всѣхъ главныхъ компаній. Это уже въ родѣ девяти Ротшильдовъ, которые управляютъ европейскимъ кредитомъ. Точно также, фамильнымъ образомъ, распространили въ промышленномъ мірѣ Франціи свое господство роды нѣсколько менѣе извѣстные за ея предѣлами: Одьѐ, Талабо̀, Маллѐ, Дюбошѐ, Сальвадоры и др.

Ипполитъ Біеста̀, котораго имя мы еще встрѣтимъ далѣе,—директоръ въ 10-ти главныхъ компаніяхъ; Эйхталь — въ 9-ти. Айкаръ представляетъ слѣдующую интересную статистическую таблицу: одиннадцать человѣкъ во Франціи имѣютъ вліяніе почти на *всѣ* компаніи, потому что участвуютъ въ управленіи всѣми ими, и, конечно, тѣмъ вліятельнѣе въ каждой изъ нихъ, что имѣютъ вліяніе на всѣ:

Одинъ директоромъ въ 22 компаніяхъ.
Другой » » 19 »
Двое дирек., каждый » 14 »
Пятый директоромъ » 13 »
Шестой » » 12 »
Седьмой » » 11 »
Восьмой » » 10 »
Трое послѣдн. дир. въ 9 или 8 комп.

Трое Перейровъ, по согласнымъ показаніямъ Дюшена и Айкара, занимаютъ сорокъ мѣстъ администраторовъ! Мы увидимъ ниже, что администраторамъ принадлежитъ въ дѣлежѣ барышей «львиная часть». *Сорокъ* львиныхъ частей одному семейству — недурно!

Все управленіе въ компаніяхъ основано также на олигархіи; только 200, или менѣе того, *главныхъ* акціонеровъ допускаются въ общее собраніе; стало-быть 101 человѣкъ безусловно рѣшаютъ судьбу 50 или 100-милліоннаго предпріятія. Въ дѣйствительности, эти 101 человѣкъ представляютъ всего четырехъ или пятерыхъ.

Замѣчательно, что промышленная и финансовая монополія, которой такъ благопріятствовала вторая имперія, точно также, какъ само это правленіе, рядомъ съ захватомъ въ свои руки силы, власти, проводитъ принципъ *демократизаціи*, красуется имъ и любитъ на него ссылаться. Въ самомъ дѣлѣ, новѣйшая спекуляція точно также, какъ вторая имперія, основываетъ свою силу на теоретической полноправности, на практической безгласности массы. Спекуляція эта завладѣла всѣми мелкими сбереженіями. Акціонеры «Движимаго-Кредита» — самаго феодальнаго, самаго деспотическаго изъ всѣхъ предпріятій—владѣли въ средней цифрѣ, каждый только 15-ю акціями. Но 120-ю милліонами, которые представлялись ихъ сложностью, безконтрольно распоряжалось нѣсколько человѣкъ.

Могущественные бароны спекуляціи, господствующіе въ этомъ мірѣ, имѣютъ тысячи средствъ обогащаться и закрѣплять себѣ массу, водя ее на привязи ея невѣжества и собственной ея страсти. Спекулянты бываютъ ловкіе и благоразумные, находчивые и осторожные. Пріемы къ обогащенію избираются весьма различные; случаи представляются на каждомъ шагу: никогда не былъ такъ быстръ склонъ ручейковъ, впадающихъ въ рѣки, какъ въ наше время; таковъ ужъ періодъ.

Ловкій спекулянтъ замѣчаетъ линію, по которой въ скоромъ времени неизбѣжно должна явиться желѣзная дорога, линію между двумя сильно-развивающимися пунктами. Строить всю дорогу — это было бы уже не спекуляціей, значило бы затрачи-

вать капиталъ на обыкновенное промышленное предпріятіе. Но спекулянтъ хочетъ не процента съ предпріятія, а настоящей взятки. Что̀ дѣлаетъ онъ? Онъ беретъ концессію на готовый уже небольшой кусокъ этой дороги, начиная отъ одного изъ двухъ важныхъ пунктовъ; концессію ему даютъ потому, что онъ предлагаетъ дорогую арендную плату. Дѣло, повидимому, невыгодное, а смотришь, необходимость продолженія линіи стала настоятельною, сознана всѣми; миновать сдѣланнаго куска нельзя: выгоднѣе купить концессію на него, хотя бы втридорога. И вотъ, спекулянтъ срываетъ да̀ромъ милліонъ или болѣе.

Но сильному банкиру-спекулянту представляются случаи увеличивать свое богатство безъ риска, самымъ осторожнымъ, несомнѣннымъ образомъ. Правительство заключаетъ заемъ, положимъ, хочетъ выпустить 3% ренту. Оно обращается къ банкиру и даетъ ему заемъ на коммиссію по цѣнѣ 75 фр. 25 сант. за 100 фр. облигаціи. Банкиръ вноситъ только залогъ въ обезпеченіе этой операціи, и съ залога получаетъ надлежащіе проценты,, а самъ, между тѣмъ, пускаетъ заемъ въ продажу по 77 фр. Если заемъ въ 100 милл. фр., банкиръ получаетъ 1 милл. 750 тысячъ фр. барыша, безъ всякой затраты капитала.

Но мы будемъ говорить не о подобныхъ отдѣльныхъ случаяхъ спекуляціи, случаяхъ, которые нужно выжидать. Поучительно прослѣдить именно механизмъ заведенный, постоянно дѣйствующій. Для этого прежде всего намъ надо ознакомиться съ торговлею зна̀ками цѣнности и съ денежнымъ рынкомъ—биржею.

Подвижность капитала—одна изъ характеристическихъ чертъ въ жизни новѣйшаго общества. Встарину капиталъ, въ спеціяльномъ значеніи этого слова, то-есть собственность въ мѣновыхъ знакахъ, былъ почти столь же неподвиженъ, какъ земельная или иная недвижимая собственность. Сбереженія свои, выраженныя въ обмѣнныхъ знакахъ, человѣкъ встарину держалъ дома, даже зарывалъ ихъ въ землю, тѣмъ самымъ какъ бы отождествляя эти два вида собственности: движимую и недвижимую. Если же онъ рѣшался не оставлять свой капиталъ мертвымъ, бездоходнымъ, а хотѣлъ употреблять его или какъ орудіе производства, или какъ кредитный товаръ, то по большей части самъ же предпринималъ это производство или самъ пускалъ свои деньги въ ростъ.

По мѣрѣ того, какъ принципъ раздѣленія труда сталъ подчинять себѣ всѣ явленія экономическаго міра, это положеніе дѣлъ болѣе и болѣе измѣнялось. Сбереженія стали помѣщаться въ чужія предпріятія, и уже въ прошломъ вѣкѣ люди, гонялись за барышами, стали довѣрять свои капиталы кредитнымъ обще-

ствамъ и торговымъ домамъ, къ которымъ сами не принадлежали. Но независимо отъ такихъ примѣровъ, помѣщеніе капиталовъ, въ большей части случаевъ, имѣло характеръ долговременности и неподвижности. Капиталистъ отдавалъ свои деньги какому-нибудь банкиру или купцу, внушавшему ему особенное, личное довѣріе, и оставлялъ свой капиталъ у него, не гоняясь за временными барышами, о которыхъ могъ слышать съ иной стороны, не думая о томъ, чтобы капиталъ, въ каждый данный моментъ, былъ помѣщенъ наиболѣе выгодно. Заимодавецъ полагался болѣе на солидность лица, чѣмъ на выгодность предпріятія. Онъ или давалъ деньги подъ заемное письмо, или обезпечивалъ себя залогомъ, отдавалъ деньги подъ обезпеченіе недвижимымъ имуществомъ, и это обезпеченіе соотвѣтствовало характеру старинnаго кредита, своею вѣрностью и долгосрочностью ссуды.

Развитіе промышленности, спеціализація труда, успѣхи механическаго производства потребовали стеченія большихъ капиталовъ на каждое предпріятіе и обусловили совсѣмъ иную систему кредита: кредитъ сдѣлался краткосрочнымъ, потому что подвижность, измѣнчивость стала преобладающею чертой самаго производства, самой торговли. Встарину, когда средства производства долго оставались безъ измѣненія, когда между различными странами не было такой солидарности, что событія въ одной изъ нихъ тотчасъ отзываются на общемъ рынкѣ, выгодность предпріятій одного рода зависѣла именно болѣе всего отъ личности предпринимателя; потому-то и кредитъ имѣлъ характеръ преимущественно личный. Но теперь, ежегодно, можно сказать ежедневно, происходитъ измѣненіе въ самыхъ условіяхъ производства и торговли, такъ что барыши, которыхъ можно ожидать отъ предпріятій однородныхъ, очень различны. Каждое новое изобрѣтеніе измѣняетъ условія производства; фабрика съ улучшенными машинами работаетъ лучше, продаетъ дешевле и наноситъ подрывъ старымъ. Новыя средства сообщенія дали международной торговлѣ совсѣмъ новый характеръ: въ ней, какъ и въ производствѣ, конкурренція стала главнымъ условіемъ, а подвижность, измѣнчивость, стало быть, и рискованность — преобладающею чертою. Сдѣлки на ярмаркѣ живѣе и рискованнѣе, чѣмъ дѣла, дѣлаемыя дома; а благодаря новымъ средствамъ сообщенія, свѣтъ обратился въ одну ярмарку, въ общій рынокъ, на которомъ ежедневно открываются самыя отдаленныя и самыя непредвидимыя причины.

Понятно, что вслѣдствіе такой перемѣны въ условіяхъ производства и торговли, долженъ былъ совершенно измѣниться и

характеръ кредита. Измѣнчивость обстоятельствъ, рискованность дѣлъ сдѣлала его краткосрочнымъ. Капиталистъ не можетъ довольствоваться долговременнымъ помѣщеніемъ. Качества лица, которому онъ довѣряетъ деньги, уже не стоятъ на первомъ планѣ; на первомъ планѣ стоятъ самыя условія предпріятія, подлежащія безпрерывнымъ перемѣнамъ. Сверхъ того, безпрестанно появляются предпріятія новыя, болѣе выгодныя, такъ что капиталисту нѣтъ никакого разсчета связывать свой капиталъ долгими обязательствами: онъ долженъ имѣть его вѣчно въ рукахъ, чтобы не упустить случая спасти его изъ предпріятія, которое становится менѣе выгоднымъ, и помѣстить его въ другое дѣло, обѣщающее болѣе барышей, при равной солидности.

Отсюда—та краткосрочность, подвижность и вмѣстѣ ограниченность кредита, которая выражается въ компаніяхъ на паяхъ и акціяхъ. Паи и акціи—тѣ же деньги; ихъ всегда можно продать по курсу, и курсъ, отражая собою уравнительную солидность и выгодность предпріятій, служитъ указателемъ для помѣщенія капиталовъ. Кредитъ имѣетъ уже въ виду не качества лица, а условія, въ какихъ стоитъ предпріятіе. Такое положеніе дѣлъ было бы совершенно естественно, при нынѣшней экономической организаціи, еслибы только сами владѣльцы капитала, пущеннаго въ оборотъ, имѣли достаточно смѣтливости и энергіи, чтобы блюсти за цѣлостью своихъ помѣщеній и употребленіемъ ихъ.

Мы скоро возвратимся къ измѣненіямъ курса и очертимъ разные роды операцій, къ которымъ даетъ поводъ паденіе и повышеніе курса на разныя цѣнности, на парижской биржѣ. Сперва же объяснимъ самое значеніе устройства биржи, и опишемъ тѣхъ членовъ, признанныхъ и непризнанныхъ, чрезъ посредство которыхъ происходятъ въ Парижѣ биржевыя операціи.

Биржа необходима не только какъ мѣсто для заключенія торговыхъ сдѣлокъ относительно тѣхъ или иныхъ товаровъ, но и какъ рынокъ кредитныхъ цѣнностей. Понятно, что въ такихъ центрахъ торговли, какъ столицы промышленныхъ государствъ, биржа есть по преимуществу именно денежный и кредитный рынокъ.

Но ежечасныя измѣненія курсовъ необходимо должны были произвести торговлю особаго рода: спекуляцію на повышеніе или пониженіе цѣнъ къ опредѣленному сроку. Эта спекуляція, совершенно непроизводительная, эта биржевая игра въ самомъ дѣлѣ захватила на парижской биржѣ главное мѣсто, и въ томъ водоворотѣ дѣлъ, который тамъ кипитъ вѣчно, дѣла серьезныя, то-есть помѣщеніе капитала въ тѣ или другія цѣнности, съ

цѣлью удержать ихъ — составляютъ незначительное меньшинство. Большинство же сдѣлокъ представляетъ сдѣлки фиктивныя, договоры на поставку въ срокъ извѣстнаго числа цѣнностей, которыхъ покупатель часто вовсе не хочетъ взять, договоры разсчитанные только на уплату *разности* въ курсѣ предположенномъ и дѣйствительно состоявшемся, однимъ словомъ, настоящее пари, въ законной, обязательной формѣ.

Биржевой регламентъ строго воспрещаетъ игру. При самомъ основаніи парижской биржи, законодательство уже принимало мѣры къ отвращенію безплодной и безнравственной игры. Уже въ 1724 году было узаконено, чтобы продавцы и покупатели фондовъ или коммерческихъ бумагъ сдавали свои деньги и бумаги, съ объявленіемъ своихъ порученій, биржевымъ маклерамъ *до* открытія биржи. Во время республики, въ 1795 году состоялся уже декретъ, одушевленный обычной энергіею той эпохи, запрещавшій продавать на биржѣ товары или бумаги, не находящіяся во владѣніи продавца во время заключенія сдѣлки, то есть продавать собственно узаконенныя *обѣщанія* поставокъ, — подъ опасеніемъ вывода къ позорному столбу съ надписью на груди «agioteur», двугодичнаго заключенія и конфискаціи всего имущества «ажіотера». Декретъ этотъ былъ мотивированъ такъ, что изъ него видно, какое развитіе приняла уже въ то время биржевая игра: «биржевыя сдѣлки», говоритъ декретъ, «представляютъ единственно игру на преміи, въ которой всякъ продаетъ то чего у него нѣтъ и покупаетъ то, чего взять не намѣренъ, и въ которой много коммерсантовъ, но вовсе нѣтъ коммерціи». Эти и другія подобныя мѣры не имѣли успѣха, и декретъ 1802 года отмѣнилъ требованіе, чтобы продавецъ удостовѣрилъ владѣніе имъ тѣми бумагами или товарами, на которые онъ заключилъ сдѣлку. Этимъ же декретомъ, доступъ на биржу былъ разрѣшенъ всякому, какъ французу, такъ и иностранцу.

Оффиціальная биржа въ Парижѣ основана въ 1724 году, послѣ катастрофы, произведенной системою Лоу. Нынѣшнее зданіе биржи открыто въ 1826 году. Оно было построено на счетъ правительства, города Парижа и подписки негоціянтовъ и биржевыхъ маклеровъ. Входъ на биржу открытъ всѣмъ. Съ 1 января 1857 года при входѣ платится франкъ, а по абонементу 50 сантимовъ, въ пользу города. За общимъ порядкомъ на биржѣ наблюдаетъ полицейскій коммисаръ. Законъ воспрещаетъ всякого рода интервенцію военной власти на биржѣ. Биржа открыта ежедневно. Сдѣлки по фондамъ происходятъ на биржѣ между часомъ пополудни и тремя часами; сдѣлки торговыя —

отъ трехъ до пяти. Всякія сдѣлки чрезъ биржевыхъ агентовъ, внѣ часовъ опредѣленныхъ биржевымъ регламентомъ, воспрещены.

Оффиціальные биржевые агенты: маклера (agents de change) находятся внутри круга образуемаго двойными перилами; кромѣ нихъ туда никто не входитъ. Это мѣсто называется *le parquet*. Въ смыслѣ переносномъ parquet означаетъ сословіе биржевыхъ маклеровъ. «Кулиссою» (la coulisse) называется сословіе маклеровъ не оффиціальныхъ, кружки куртажныхъ агентовъ (coulissiers, courtiers marrons), которые торгуютъ фондомъ внѣ биржи, не имѣя на то права. Они собирались прежде въ Passage de l'Opéra, потомъ въ Casino, наконецъ, изгнанные и оттуда полиціею, стали держаться на бульварѣ, пока биржевые маклера не выиграли противъ нихъ процесса, которымъ человѣкъ пятнадцать этихъ кулиссьеровъ были приговорены каждый къ уплатѣ пени свыше десяти тысячъ франковъ. Съ тѣхъ поръ, они исчезли съ улицъ, и биржа уже не имѣетъ преддверія и замѣны, въ промежуточное время между ея часами, а частные маклера или кулиссьеры перестали существовать какъ сословіе.

Законъ признаетъ для совершенія коммерческихъ сдѣлокъ только оффиціальныхъ маклеровъ (agents de change) и товарныхъ посредниковъ (courtiers). Биржевые маклера составляютъ привилегированное сословіе. Законъ 1816 года даетъ имъ право «представлять» своихъ преемниковъ, исключая случая отрѣшенія отъ должности. Такимъ образомъ, мѣсто биржевого маклера можно пріобрѣсть неиначе, какъ заплативъ большую сумму. Еще до 1830 года, эти мѣста продавались уже по 400,000 франковъ. При Людовикѣ-Филиппѣ цѣна ихъ возвысилась до 950,000 франковъ. Теперь мѣста agents de change продаются до двухъ милліоновъ франковъ. Всѣхъ ихъ въ Парижѣ—60. Они вносятъ залогъ (125 т. фр.) и присягаютъ. Сословіе биржевыхъ маклеровъ въ Парижѣ представляется палатою старшинъ (chambre syndicale), которая подвѣдомственна министру финансовъ. Она состоитъ изъ синдика и шести адъюнктовъ, ежегодно избираемыхъ простымъ большинствомъ, въ общемъ собраніи маклеровъ [1]).

Исключительно биржевымъ маклерамъ присвоено право продажи и сдѣлокъ по государственнымъ (французскимъ и иностраннымъ) бумагамъ, акціямъ и облигаціямъ всякихъ торговыхъ об-

---

[1]) Кромѣ нихъ, законъ признаетъ еще посредниковъ courtiers, именно: courtiers de marchandises, courtiers d'assurances; courtiers interprètes et conducteurs de navires; courtiers de transport par terre et par eau; courtiers-dégustateurs (de vins). Въ Парижѣ—60 торговыхъ и 8 страховыхъ courtiers. Они тоже вносятъ залоги; первые по 13, вторые по 15 т. фр.

ществъ и предпріятій, допущеннымъ въ биржевой бюллетень. Бюллетень составляется по закрытіи биржи; въ него вносятся всѣ публичные фонды и всѣ признаваемыя биржею бумаги частныхъ предпріятій, съ показаніемъ послѣднихъ, состоявшихся на нихъ передъ закрытіемъ биржи цѣнъ. Этотъ бюллетень называется *la cote*. Когда облигаціи или вообще бумаги какого-либо правительства или предпріятія признаны достаточно серьезными, чтобы быть занесенными въ биржевой бюллетень, когда они допущены къ обращенію на биржѣ, то они *котированы*.

Курсъ, по которому заключаются сдѣлки, провозглашается маклерами громко (crier les cours). Они констатируютъ потомъ курсы бывшіе на бумаги, а также и курсъ металловъ.

По самому своему назначенію — быть *посредниками*, биржевые маклера обязуются закономъ сохранять въ торговомъ мірѣ строгій нейтралитетъ. Имъ воспрещено, подъ опасеніемъ пени въ 3,000 фр. и лишенія должности: быть участниками какого-либо банкирскаго или торговаго дома, или служить въ нихъ кассирами, бухгалтерами и проч., заниматься *отъ себя* какою бы то ни было торговлею и спекуляціею на бумаги. Вслѣдствіе такого поставленія маклеровъ внѣ участіи въ торговыхъ дѣлахъ на свой счетъ, законъ не допускаетъ для нихъ и возможности банкротства, а въ случаѣ банкротства, преслѣдуетъ маклера и всякаго торговаго посредника какъ банкрота злостнаго [1]). Они получаютъ со сдѣлокъ не выгоду, а опредѣленную плату за услуги.

Законъ строго воспрещаетъ имъ биржевую игру. Законъ вообще запрещаетъ игру на биржѣ. Въ приговорахъ всѣхъ судовъ, всякія сдѣлки разсчитанныя на биржевую игру признавались всегда совершенно ничтожными, на основаніи закона. Биржевымъ маклерамъ запрещается служить посредниками въ ней, а тѣмъ болѣе производить ее въ свою пользу: это для нихъ—двойное правонарушеніе.

Между тѣмъ, не только огромное большинство всѣхъ дѣлъ, производимыхъ на парижской биржѣ, принадлежитъ именно къ категоріи игръ, но и биржевые маклера видятъ въ ней главное свое занятіе и производятъ ее, не стѣсняясь, и въ свою пользу.

За свое посредничество маклера получаютъ куртажъ по опредѣленному тарифу: по $^1/_8{}^0/_0$ со сдѣлокъ по французскимъ правительственнымъ и банковымъ бумагамъ, и бумагамъ главныхъ

---

[1]) Les agents de change et courtiers qui auront fait faillite seront punis de la peine des travaux forcés à temps; s'ils sont convaincus de banqueroute frauduleuse la peine sera celle des travaux forcés *à perpétuité* (art. 404 du Code pénal).

французскихъ обществъ; по $^1/_4\%$ съ бумагъ менѣе значительныхъ предпріятій и нѣкоторыхъ иностранныхъ займовъ. Эта плата составляетъ тяжелый налогъ на операціи и огромный доходъ для маклеровъ. Ежегодный доходъ маклеровъ парижской биржи, въ сложности, исчисляется въ 80 милл. фр., изъ котораго цѣлая половина доставляется именно куртажемъ [1]). Но эти 80 милл. фр. представляютъ только плату получаемую маклерами; стало быть по 1,333,000 фр. на человѣка. А сколько они получаютъ отъ *поживы* насчетъ своихъ довѣрителей, да еще отъ собственныхъ, хотя и запрещенныхъ имъ операцій? Пожива здѣсь очень легка; стоитъ только «не деликатничать». Биржевой маклеръ получаетъ отъ своихъ кліентовъ порученіе купить столько-то бумагъ по сегодняшнему курсу. Но сегодня можетъ быть нѣсколько курсовъ на эти бумаги, то-есть курсъ можетъ нѣсколько разъ измѣниться. Маклеръ купитъ по низшему курсу, а кліенту поставитъ въ счетъ курсъ высшій, разность же положитъ въ карманъ.

Исторія парижской биржи представляетъ много примѣровъ банкротства и бѣгства маклеровъ. За первую четверть нынѣшняго вѣка изъ 121 маклеровъ, внесенныхъ въ списки, 61 обанкрутились, а 4 кончили жизнь самоубійствомъ. Въ 1859 году въ Парижѣ призванъ былъ къ суду биржевой маклеръ Жибленъ.

Разскажемъ его дѣло, для ознакомленія читателя съ «практикою» биржевыхъ мошенниковъ. Жибленъ былъ обвиненъ въ 1,800 подлогахъ, изъ которыхъ въ обвинительномъ актѣ упоминалось только о 180. Мѣсто свое онъ купилъ въ 1854 году, за одинъ милл. 100 т. фр.; капиталъ этотъ принадлежалъ не ему одному, а съ нимъ еще четыремъ лицамъ. Втеченіи одного года онъ заработалъ куртажемъ 1 милл. 200 т. фр., которые и дѣлились между товарищами. Но доля, приходившаяся ему, казалась ему малою. Онъ обратился къ «косвеннымъ» средствамъ. Придуманный имъ способъ состоялъ въ томъ, чтобы между маклеромъ, отъ котораго онъ покупалъ или которому продавалъ бумаги, по порученію своего кліента, и этимъ послѣднимъ, вставлять третье, фиктивное лицо, которому и доставалась вся выгода съ операціи. Такъ, Девіанъ, аміенскій банкиръ, поручилъ ему купить 100 акцій австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Жибленъ

[1]) Прудонъ замѣчаетъ по этому поводу, что если принять maximum куртажа ($^1/_4\%$) за среднюю цифру для исчисленія, какому итогу биржевыхъ дѣлъ соотвѣтствуетъ сумма 80 милл. фр. достающаяся маклерамъ, то итогъ этихъ дѣлъ представится въ 32 милліярда франковъ. Но такъ какъ среднимъ куртажемъ слѣдуетъ скорѣе считать $^1/_8\%$, то должно полагать, что сумма, на какую простирается въ годъ спекуляція на парижской биржѣ, доходитъ *до 60 или 80 милліярдовъ!*

купилъ ихъ у маклера Ружмона, по 741 фр. 25 сант., но не передалъ ихъ прямо отъ Ружмона Девіану, а будто бы продалъ ихъ нѣкоему Сен-При, отъ котораго затѣмъ будто бы купилъ ихъ для Девіана по 742 фр. 50 сант., выигравъ такимъ образомъ по 1 фр. 25 сант. на каждой акціи. Точно также онъ продавалъ отъ кліента фиктивному лицу и показывалъ сумму низшую, чѣмъ была получена. Фиктивное лицо было тутъ вставлено для того, чтобы измѣнять произвольно цѣну, не подвергаясь повѣркѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если кліентъ и узналъ, что Жибленъ купилъ у маклера Молина акцій положимъ по 500, а ему, кліенту, продалъ ихъ по 501 фр. 25 сант., то Жибленъ увѣрялъ его, что акціи у Молина купилъ для Сен-При, а не для кліента.

Вымышленныхъ лицъ у Жиблена было нѣсколько, и въ книгахъ его были ихъ счеты. По мнѣнію экспертовъ, счетъ вымышленнаго Сен-При доставилъ Жиблену поживы 91,000 фр., счетъ выдуманнаго Веррьера—около 86,000, счетъ Клербура около 46 тыс., а всѣ 11 вымышленныхъ счетовъ 320 тысячъ франковъ.

Банкиръ Девіанъ понесъ въ 1855 году сильную потерю на биржѣ и обратился къ Жиблену съ просьбою объ отсрочкѣ, напоминая ему, какъ много онъ выигралъ отъ коммиссій его, Девіана. Жибленъ отказалъ, и Девіанъ, какъ онъ самъ объявилъ въ судѣ, уѣхалъ въ Амьенъ, рѣшившись въ крайнемъ случаѣ *не платить разности*, должной имъ Жиблену, ссылаясь на незаконность биржевой игры. Между тѣмъ одинъ изъ конторщиковъ маклера выдалъ ему своего патрона, показавъ ему его книги. Девіанъ тотчасъ убѣдился въ подложности счетовъ Жиблена. Тогда на угрозу о тюрьмѣ, онъ отвѣчалъ самъ угрозою обличенія и сталъ въ такое положеніе, что условія мировой могъ уже предписывать самъ. Жибленъ сказалъ ему въ свое оправданіе только слѣдующее:

«Надо же мнѣ отыгрываться (il faut que je carotte), чтобы поддержать свое дѣло». Девіанъ предписалъ такія условія: возвращеніе ему его бумагъ, уничтоженіе продажи 50 австр. желѣзн. дор. акцій, уплата 15 тыс. фр. вознагражденія. За это онъ самъ обѣщалъ не судиться. Деньги были ему выданы, всѣ условія были исполнены, но Жибленъ затѣмъ потребовалъ, чтобы Девіанъ принялъ на себя издержки по процессу, который былъ между ними. Это ихъ снова разсорило и повело къ новому процессу, который Жибленъ проигралъ. Затѣмъ Жибленъ, хотя мошенникъ, понятно, не могъ отзываться съ особеннымъ уваженіемъ о Девіанѣ. Тогда Девіанъ, обязавшійся честнымъ словомъ молчать за 27-мь тысячъ франковъ, обличилъ Жиблена, взявъ деньги.

Маклеръ вовсе и не пытался отвергать подложности счетовъ. Присяжнымъ было поставлено восемьсотъ пятьдесятъ вопросовъ. Присяжные отвѣчали *полнымъ оправданіемъ* по всѣмъ пунктамъ обвиненія. Важенъ именно этотъ приговоръ присяжныхъ; онъ освободилъ Жиблена отъ наказанія, но тѣмъ самымъ онъ призналъ виновнымъ *все сословіе* биржевыхъ маклеровъ въ томъ, въ чемъ обвинялся Жибленъ. Оправданіе его имѣетъ тотъ смыслъ, что въ биржевой средѣ нравственныя понятія извращены, и вся она считаетъ спекуляціи въ родѣ Жибленовыхъ — естественными. А потому, такъ какъ Жиблена обличаетъ тоже мошенникъ, то Богъ съ ними обоими.... И сословіе биржевыхъ маклеровъ не обидѣлось этимъ оскорбительнымъ для биржи оправданіемъ уличеннаго мошенника!

Лучшимъ доказательствомъ, что биржевые маклера всѣ, по меньшей мѣрѣ, участвуютъ сами въ игрѣ—не смотря на запрещеніе закона — можетъ служить общій отзывъ финансовыхъ газетъ 1866 года, что несчастная іюльская ликвидація [1]) принесла маклерамъ убытка отъ 20 до 25-ти милліоновъ франковъ.

Вопросъ о невыгодахъ, соединенныхъ съ привилегіею биржевыхъ маклеровъ, которыхъ, какъ мы сказали, въ Парижѣ всего 60, объ огромныхъ ихъ выгодахъ и т. д., былъ поднимаемъ печатью не разъ. Возраженіе, которое предъявляется на это — одно: безопасность операцій зависитъ отъ честности маклеровъ. Но, во-первыхъ, нѣкоторые примѣры краснорѣчиво опровергаютъ сущность этого возраженія; во-вторыхъ, почему же со всѣхъ записывающихся въ маклера не требовать залога, хотя бы въ милліонъ франковъ, прекративъ за то продажность маклерскихъ мѣстъ? Тогда бы обезпеченіе было больше, и цѣны куртажа упали бы въ значительной степени. Но едвали такой мѣры можно ожидать отъ второй имперіи, которая, напротивъ, сдѣлала все что могла для поставленія въ привилегированное положеніе героевъ спекуляціи. Правленіе, которое такъ сознательно и такъ сильно содѣйствовало образованію новой денежной, или лучше сказать—спекулянтной аристократіи, не могло посягнуть на старую привилегію ея орудій и кандидатовъ.

Но, мы видѣли, есть еще неоффиціальные биржевые агенты, такъ-называемые «кулисники» и «тряпичники», coulissiers, chiffonniers. Серьёзные изъ неоффиціальныхъ агентовъ биржи должны были, какъ мы уже сказали, прекратить свою дѣятельность,

---

[1]) Лѣто 1866 года было особенно неблагопріятно для парижской биржи. Много способствовала тому война.

послѣ процесса, выиграннаго противъ нихъ маклерами, въ 1859 году.

Приведемъ нѣсколько выписокъ изъ другого процесса, для того, чтобы показать на живомъ примѣрѣ операціи маленькихъ кулисниковъ. Это тоже интересная картина изъ жизни, происходящей матеріяльно хотя и внѣ биржи, но въ нравственномъ смыслѣ—въ биржевомъ же мірѣ.

Въ 1856 году, въ исправительномъ судѣ въ Парижѣ обвинялись 18-ть человѣкъ въ незаконныхъ занятіяхъ куртажомъ. Вотъ нѣкоторые вопросы и показанія.

Свидѣтель Гюссонъ. Г. Верманъ призвалъ меня къ биржевое карѐ и сталъ хвалить свои акціи «банка для мелкой торговли». Онъ сказалъ мнѣ, что теперь онѣ стоютъ всего 55—60 фр. *сотня*, а скоро будутъ стоить по 150 фр. штука.

Президентъ. Какъ! вы покупали такія акціи, которыя стоили всего по 60 сантимовъ?

Гюссонъ. Да, и я думалъ выиграть на нихъ, такъ какъ г. Верманъ, продавая ихъ мнѣ, обязался принять ихъ назадъ къ слѣдующей ликвидаціи съ переплатою по 50 сантимовъ. Я купилъ ихъ у него 5,000; да еще 5,000 у другихъ агентовъ; заплатилъ я за все 5.250 фр.

Президентъ (другому). На какую сумму были акціи, которыя вы дали Верману?

Свидѣтель. На 105 тысячъ фр., по 100 фр. акція.

Президентъ. А продалъ онъ ихъ?

Свидѣтель. По 15 франковъ за сто штукъ.

Президентъ. Итакъ, онъ продавалъ за три су то, что вы цѣнили въ 100 франковъ и затѣмъ исчезъ.

Президентъ (обвиненному Лежандру). Вы стряпаете дѣла на биржѣ?

Отвѣтъ. Насъ три тысячи человѣкъ, которые дѣлаютъ тоже самое; я сошелся съ посредниками, которые дѣлаютъ въ годъ дѣлъ на пять или шестьсотъ тысячъ; я полагалъ, что они имѣютъ на то право, и сталъ дѣлать операціи также какъ и они.

Президентъ. Вы занимаетесь ремесломъ запрещеннымъ.

Отвѣтъ. Какъ дѣлаютъ всѣ.

Спекуляція на эксплуатацію промышленныхъ предпріятій составитъ особый отдѣлъ этого очерка; но мы воспользуемся здѣсь же нѣкоторыми данными изъ того же процесса, которыя уже характеризуютъ предпріятія, дѣлаемыя, употребимъ тривіальное выраженіе, на «фуфу».

Президентъ (свидѣтелю Гюрелю). Какая сумма была выручена продажею акцій общества Lignéenne [1]).

Гюрель. Около 23 или 24-хъ тысячъ фр.

Вопросъ. Что сдѣлали на эти деньги?

Отвѣтъ. Купили мебель, устроили контору; остальное пошло на разъѣзды, объявленія, не знаю куда еще.

Вопросъ. А что же было сфабриковано?

[1]) Компанія для приготовленія бумаги изъ дерева.

Отвѣтъ. Да только одинъ листъ картонной бумаги, сколько мнѣ извѣстно.

Президентъ спрашиваетъ свидѣтеля Берлиха, что побудило его взять акціи Lignécenne.

Отвѣтъ. Всѣ газеты прокричали о нихъ. Дефрикуръ взялъ 10 тыс. акцій. По уставу шестеро главныхъ акціонеровъ должны были быть членами совѣта управленія. Такъ какъ у Дефрикура было много акцій, то онъ ссужалъ ими своихъ пріятелей и, такимъ образомъ, имѣлъ за себя большинство во всѣхъ совѣщаніяхъ; потому-то мы и не могли никогда добиться счетовъ.

Свидѣтель Гюшеттъ, живущій капиталомъ, 75-ти лѣтъ отъ роду. Мнѣ, также какъ другимъ, сказано было идти на общее собраніе; тамъ меня вдругъ выбрали для наблюденія—не знаю какъ, ни зачѣмъ. Больше совсѣмъ ничего не знаю, должно быть имъ такъ надобно было.

Свидѣтель Рено, подтяжечный мастеръ. Меня привелъ въ собраніе какой-то блондинчикъ; я и его-то не знаю; онъ говоритъ—подите, я и пошелъ. Какъ только меня выбрали членомъ наблюдательнаго комитета, противъ всякаго моего ожиданія, то я ужъ и не слышалъ, что было дальше: у меня звенѣло въ ушахъ.

Мы видѣли выше, что акціи продаются и по 15 франковъ *сотня*, т. е. по 15 сант. за акцію. Но курсъ и на этомъ не останавливается. Когда акціи уже совсѣмъ ничего не стоютъ, онѣ все-таки еще представляютъ цѣнность выше бумаги, на которой сдѣланы, и имъ все еще идетъ курсъ на той безвѣстной биржѣ, которая называется биржею «тряпичниковъ». Особенно охотно покупаютъ тѣ изъ нихъ, которыя, хотя въ данную минуту совсѣмъ ничего не стоютъ, какъ кредитные знаки, но прежде были котированы на биржѣ и, пожалуй, продавались даже выше номинальной цѣны. Кому и для чего нужны такія бумаги? О, это одна изъ любопытныхъ чертъ спекуляціи. *Онѣ нужны банкротамъ.* Тотъ, кто предвидитъ банкротство или собирается объявить себя несостоятельнымъ, посылаетъ агентовъ закупить на большія номинальныя цифры этихъ нынѣ негодныхъ бумагъ и заноситъ пріобрѣтеніе ихъ въ свои книги, заднимъ числомъ, по номинальной цѣнѣ, или по курсу, который онѣ, дѣйствительно, имѣли на биржѣ этого числа. Такимъ образомъ, при представленіи своихъ книгъ, банкротъ доказываетъ, что его погубила только неосторожность; что суммы должныя имъ не истрачены, а были обезпечены дѣйствительными цѣнностями, франкъ за франкъ и даже болѣе. Не его вина, если эти цѣнности упали; онъ только не успѣлъ сбыть ихъ во-время, да наконецъ, у кого же нибудь должны же были онѣ и остаться въ конечномъ результатѣ. Изъ обманщика, онъ дѣлается самъ жертвою — жертвою тѣхъ мошенниковъ, которые затѣяли невозможныя предпріятія или украли деньги изъ предпріятій солидныхъ, вслѣдствіе того и упавшихъ. А между тѣмъ, все это мнимое обезпеченіе обошлось ему, быть можетъ, въ нѣсколько десятковъ франковъ за сотню тысячъ номинальнаго капитала?

Итакъ, биржа, которой серьезное и важное назначеніе — быть денежнымъ и кредитнымъ рынкомъ, мѣрителемъ и указателемъ кредитныхъ цѣнностей и условій производительности и торговли, въ Парижѣ обратилась въ огромный игорный домъ. Что касается оффиціальныхъ ея агентовъ—маклеровъ, то *наименьшее* что можно сказать противъ нихъ состоитъ въ томъ, что вслѣдствіе своего привилегированнаго положенія, которое не всегда служитъ ручательствомъ за ихъ честность, они взимаютъ громадную сумму барыша со спекуляціонныхъ операцій, которыя и сами-то представляютъ страшный налогъ на производительность и капиталъ страны. Неоффиціальные же агенты биржи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ они всѣ должны были покрыться тайною, увеличиваютъ до громадныхъ размѣровъ итогъ этого барыша, падающаго на денежный рынокъ и служатъ достойными низшими степенями той лѣстницы, которой высшія ступени ведутъ Францію къ разоренію.

Объяснивъ устройство парижской биржи, мы должны теперь открыть механизмъ главныхъ ея операцій и, разумѣется, болѣе всего заняться биржевою игрою, такъ какъ игра на парижской биржѣ положительно преобладаетъ надъ всѣми торговыми дѣлами.

Капиталъ или деньги, сдѣлавшись самъ товаромъ, подверженъ измѣненію цѣнъ, какъ мелкій товаръ. А такъ какъ наибольшая масса обращающагося капитала представляется кредитными знаками, такъ что капиталъ, положенный въ разныя предпріятія не остается неподвижнымъ, а обращается въ видѣ мѣновыхъ, кредитныхъ знаковъ, то онъ подверженъ и всѣмъ шансамъ этихъ предпріятій. На рынкѣ ходячихъ цѣнностей дѣйствуютъ два начала, отъ которыхъ зависятъ эти цѣнности: 1) внутренняя реальная (какъ въ звонкой монетѣ), или предполагаемая (какъ въ акціяхъ предпріятій, т. е. въ обязательствахъ только обращающихъ доходъ); и 2) внѣшняя, зависящая отъ отношенія спроса на капиталъ въ данный моментъ къ его предложенію.

Всѣ эти элементы цѣнности и ихъ соотношенія констатируются биржею; регулированіе ихъ отношеній — ея прямое назначеніе; спекуляція на перемѣнчивость этихъ отношеній или на незнаніе ихъ дѣйствительнаго положенія въ данную минуту, это — биржевая игра.

Сперва нѣсколько опредѣленій. Когда мѣновая, продажная цѣнность монеты или кредитной бумаги равна нарицательной ея цѣнности, когда можно, напр., купить серебряные 5 франковъ за золотую пяти-франковую монету, или 500-франковую акцію движимаго кредита за 500 франковъ на наличныя деньги, — то

это отношеніе называется le pair, или принятымъ у насъ итальянскимъ терминомъ il pari (значитъ—«равный»). Покупка на основаніи такого отношенія цѣнностей называется покупка *al pari, au pair*. *L'agio* (лажъ) называется выгода на звонкой монетѣ противъ нарицательной цѣны; напр., когда нашъ полуимперіалъ покупается по 5 руб. 15 коп. на серебро, то 15 коп. представляютъ *лажъ*. Потеря на звонкой монетѣ (противъ нарицательной цѣнности) называется *учетъ* (escompte).

Въ кредитныхъ знакахъ, правительственныхъ фондахъ и частныхъ обязательствахъ, какъ акціи и облигаціи, равенство мѣновой цѣны съ нарицательною называется тѣмъ же словомъ *пари;* когда бумага стоитъ выше своей нарицательной цѣны, напр., когда акція главнаго общества желѣзныхъ дорогъ въ 125 руб. продается и покупается по 130 руб.,—то эта выгода называется *преміею* (prime). Разность, невыгодная для бумаги, то-есть когда она продается дешевле своей стоимости, называется просто *потерею*. Итакъ, если 100-франковыя облигаціи компанія выпускаетъ (négocie) по 75 фр. (что̀ зависитъ отъ соображенія, во что̀ стоютъ другія подобныя цѣнности, въ особенности же правительственныя облигаціи, т. е. *рента*), то значитъ она предлагаетъ ихъ подписчикамъ съ потерею для себя въ 25 фр. (при выкупѣ). Но когда кредитъ компаніи хорошъ и цѣна, назначенная ею при выпускѣ, признается выгодною (по сравненію съ рентою) для помѣщенія капитала въ эти облигаціи, когда подписка на нихъ превзошла предложеніе, — то за нихъ даютъ не только выше цѣны, назначенной при выпускѣ, но и иногда гораздо выше и самой нарицательной цѣны ихъ, напримѣръ 125 фр. Эти 25 фр. разницы и будутъ премія. Вся эта операція выражается такъ: выпускъ на сумму X.... 100-франковыхъ облигацій, въ X %, по курсу 75; облигаціи сдѣлали премію; онѣ котированы 124.50—125.

Это и будетъ ихъ курсъ. *Курсомъ* называется цѣна, по которой въ настоящую минуту ходятъ въ извѣстномъ мѣстѣ извѣстная монета или извѣстная кредитная бумага.

Остальные термины уяснятся при самомъ изложеніи главныхъ биржевыхъ операцій, на которыя бросается въ Парижѣ игра.

Курсъ, какъ мы сказали выше, зависитъ отъ дѣйствія двухъ началъ, отъ внутренней и внѣшней цѣнности знаковъ. Сверхъ того, на курсы всѣхъ бумагъ вообще дѣйствуетъ въ болѣе или менѣе равной степени состояніе рынка и политическое положеніе. Понятно, напримѣръ, что когда промышленность нуждается въ капиталахъ, то падаетъ курсъ на правительственныя бумаги.

Кредиторы правительства спѣшатъ продать облигаціи государственныхъ займовъ, приносящихъ 3—5%, и помѣстить свои капиталы въ промышленныя предпріятія. Понятно также, что рента возвышается или падаетъ, смотря по той степени довѣрія, какую внушаетъ кредиторамъ политика правительства и обстоятельства, среди которыхъ она находится.

Чтобы показать, какъ политическія событія отражаются на курсѣ правительственныхъ бумагъ и взглядѣ биржи на историческія событія, съ ея особой точки зрѣнія, мы приведемъ здѣсь нѣсколько данныхъ объ измѣненіи курсовъ на парижской биржѣ, съ начала нынѣшняго столѣтія.

Биржа привѣтствовала паденіе первой республики, но она никогда не довѣрялась вполнѣ Наполеону I; самый высокій курсъ въ его царствованіе былъ—88 фр. 50 сант. за 100 фр. 5% ренты. Этотъ курсъ состоялся 10 марта 1810 года, въ періодъ высшаго могущества завоевателя. Когда Наполеонъ, въ мартѣ 1814 года, еще думалъ остановить шествіе союзниковъ и одерживалъ еще надъ ними блестящія побѣды въ Шампани, биржа первая провозгласила неминуемость его паденія: 29 марта 1814 года курсъ 5% ренты упалъ до 45 франковъ. То-есть, капиталисты соглашались рисковать свой капиталъ на правительственныя бумаги не иначе, какъ слишкомъ по 10%. Прокламацію союзниковъ биржа оцѣнила повышеніемъ курса на 2 франка. Черезъ годъ послѣ паденія Наполеона, биржа пришла опять къ курсу 88 фр. То-есть, она была такого мнѣнія, что даже присутствіе иностранныхъ войскъ въ Парижѣ — не хуже для дѣлъ, чѣмъ самый блистательный моментъ Наполеонова царствованія (мартъ 1810 г.).

Возвращеніе Наполеона съ Эльбы въ Парижъ произвело паденіе курса на цѣлые 20 франковъ. Приближеніе кризиса довело его до 53 фр. (18 іюня). Первое извѣстіе о пораженіи французовъ при Ватерлоо было принято, 20 іюня, парижскою биржею *повышеніемъ* на 2 франка. Вотъ какъ безпристрастна биржа въ своихъ приговорахъ событіямъ! Слухъ о вторичномъ отреченіи Наполеона поднялъ ренту до 60 фр.

Царствованіе Людовика-Филиппа, короля-идеала для биржи, «Наполеона мира», при которомъ былъ положенъ фундаментъ могуществу денежной аристократіи, было постоянно одобряемо высокими курсами на биржѣ. Но высокіе курсы не спасли его отъ паденія. Дѣло въ томъ, что биржа констатируетъ только тѣ факты, которые могутъ найти немедленное матеріальное примѣненіе. Что правленіе Людовика-Филиппа, основанное на деморализаціи, на извращеніи парламентскаго правленія всевозможными

продѣлками, на подкупахъ всякаго рода—должно было погубить во Франціи на время самый парламентаризмъ—этого биржа не предвидѣла, а еслибы и предвидѣла, то для нея это было все равно. Кратковременное существованіе второй республики было ознаменовано рядомъ низкихъ курсовъ. Биржа не довѣряла силѣ правительствъ, смѣнявшихся въ республикѣ и смотрѣла съ большимъ недовѣріемъ на агитацію въ смыслѣ соціализма. Дѣло касалось прямо ея интересовъ.

За то «государственный переворотъ» она привѣтствовала. Въ ноябрѣ 1852 года, когда приготовлялось голосованіе о возникновеніи имперіи, и результатъ его не могъ подлежать сомнѣнію, $4^1/_2$% рента дошла (16 ноября) до 106 фр. 15 с. на наличныя деньги, и 107 фр. 90 сант.—съ поставкою черезъ двѣ недѣли; значитъ, ожидали еще возвышенія; въ тоже время 3% рента стояла 85.50 на наличныя деньги, 86.75—съ поставкою чрезъ двѣ недѣли. Такого курса давно не было передъ тѣмъ. О такихъ курсахъ и теперь давно уже не слышно.

Биржа и спекуляція съ самаго начала заключили союзъ съ новымъ Наполеономъ, также, какъ съ нимъ заключила союзъ клерикальная партія. Онъ сознавалъ, что послѣ такихъ политическихъ банкротствъ, измѣнъ, разочарованій, какія представились исторіею Франціи съ 1830 по 1851 годъ, въ странѣ не было уже совѣсти; была только биржа. Такъ было во всѣ времена нравственной усталости, безнадежности, упадка. Биржа представляла интересъ и занималась игрою—стало быть, биржа была наибольшею силою въ такое время, естественною повелительницею его. Значитъ, слѣдовало вступить съ ней въ союзъ, дать ей задатки. Если въ странѣ еще оставалась какая-нибудь нравственная сила, такъ это было въ сельскихъ массахъ, въ самомъ дѣлѣ оставленныхъ «непочатыми» при послѣднихъ правленіяхъ; нравственная сила, наиболѣе сознательная и ощутительная у нихъ—религія. Наполеонъ-Третій оперся на биржу и на духовенство.

Какъ легко было такому правленію молчать съ пренебреженіемъ на протесты чудаковъ, упрямцевъ, которые утверждали, что Франція громадными жертвами купила себѣ право на свободу, право *неотъемлемое*. Въ какомъ положеніи были *дѣла*, когда производились опыты надъ свободою? Курсъ былъ въ 50 фр. Каковъ онъ при приближеніи имперіи? 86.75 сант. И вотъ мимо упрямца-мыслителя, литератора, ученаго, работника, который съ мрачною душою глядѣлъ на іюльскую колонну, проносился блестящій экипажъ какого-нибудь Перейра, спѣшившаго на биржу и обдавалъ суроваго мечтателя грязью, не только въ матеріяльномъ смыслѣ. Нѣтъ, этотъ экипажъ представлялъ колес-

ницу фортуны, и грязь летѣла съ его колесъ на мечтателя какъ подавляющій, обезнадеживающій доводъ безсилія его мечты.

Государственныя соображенія заставили впослѣдствіи Наполеона III измѣнить временно обоимъ своимъ союзникамъ: и биржѣ, и духовенству. Измѣною биржѣ была—война восточная; измѣною духовенству—италіянская война. Нарушеніе обѣщанія: «имперія это — миръ» — измѣна биржѣ; нарушеніе обѣщанія о продолженіи покровительства главѣ католической церкви—измѣна духовенству. Вторая измѣна теперь уже почти искуплена. Первой искупить было нельзя, потому именно, что программа: «имперія — миръ», была нелѣпа, неосуществима. «Свобода — это миръ» — вотъ аксіома. Имперія должна была быть войною. Но за то сколько уступокъ, снисхожденій сдѣлало правительство имперіи спекулятивной аристократіи, чтобы вознаградить ее за неисполненіе неосуществимаго обѣщанія! Потворство такимъ предпріятіямъ, какъ общество Движимаго-Кредита, даже солидарность съ ними въ высокихъ сферахъ, и продленіе на цѣлыя двѣ трети концессій главныхъ линій желѣзныхъ дорогъ—вотъ главные примѣры такихъ уступокъ, такого покровительства.

Но возвратимся къ операціямъ биржи. Восточная война, разумѣется, вызвала паденіе курсовъ. 3% рента цала до 72.70, еще во время переговоровъ предшествовавшихъ войнѣ. Замѣчательно, что при извѣстіи о побѣдѣ русскаго флота при Синопѣ, 3% рента вдругъ поднялась до 76%. Итакъ, биржа отдѣлилась отъ политики правительства; биржа хотѣла только мира; она привѣтствовала фактъ невыгодный для французской политики, какъ нѣкогда она привѣтствовала Ватерлоо. Каждый воинственный слухъ, каждый новый фактъ въ смыслѣ войны, даже такой, напримѣръ, какъ воинственная статья Times'a, немедленно отзывался пониженіемъ курса на франкъ, 50 или 25 сантимовъ. Еще союзники не успѣли прибыть въ Турцію, какъ 3% рента стояла уже 61.70. Втеченіи 17-мѣсячнаго ожиданія войны, она пала на 24 франка.

Какъ мы сказали выше, на измѣненіе курса имѣетъ вліяніе, кромѣ политическихъ событій и правительственныхъ займовъ,—состояніе самого рынка, бо́льшая или меньшая наличность звонкой монеты и бумагъ разныхъ предпріятій. Всѣ эти обстоятельства принимаются въ разсчетъ покупателями и продавцами. Одни хотятъ воспользоваться дешевизною, предполагая близкое повышеніе цѣнности; другіе стараются продать по дорогой цѣнѣ. Конечнымъ результатомъ всѣхъ фактовъ и слуховъ узнанныхъ на биржѣ такого-то дня и бываетъ окончательный курсъ цѣнностей, который состоялся передъ ея закрытіемъ. Но въ проме-

жуткахъ между двумя биржами, колебанія курса и ажіотажа продолжаются кулиссою, которая прежде дѣйствовала открыто. Теперь дѣйствія ея ускользаютъ отъ наблюденій.

Передъ открытіемъ биржи, каждый маклеръ запасается нужнымъ ему количествомъ разныхъ цѣнностей, съ тѣмъ, что разсчетъ по нимъ будетъ произведенъ по закрытіи биржи, по «средней цѣнѣ». Это — операція самихъ маклеровъ; она можетъ приносить выгоду, но дѣлается не для выгоды, а только для удобства, для снабженія себя тѣми или другими бумагами и звонкою монетою. Средняя цѣна будетъ та, которая опредѣлится серединою между самымъ высшимъ и самымъ низшимъ курсами, какіе состоятся въ этотъ день на биржѣ, на извѣстныя цѣнности. Напримѣръ, покупаются акціи Движимаго-Кредита; при закрытіи биржи окажется, что высшій курсъ имъ былъ 700, а низшій — 650 франковъ; тогда маклеръ платитъ за нихъ по 675 фр.

Когда биржа открылась, начинаются операціи. Самая простая изъ нихъ—покупка на наличныя деньги. Когда бумаги куплены на деньги, остается только получить эти бумаги. Тѣ изъ нихъ, которыя могутъ быть переданы отъ одного лица другому просто, посредствомъ бланковой надписи (endossement), должны быть выданы покупателю въ промежутокъ между двумя биржами. Тѣ же, для передачи которыхъ требуется именная запись (transfert), какъ напр. рента и акціи французскаго банка, должны быть выданы покупателю втеченіи шести дней (исключая праздниковъ). Дѣлается это такъ: маклеръ, купившій бумаги для своего кліента, даетъ продавцу тотчасъ ярлыкъ, на которомъ означены условія состоявшейся сдѣлки и имена, на которыя должна быть сдѣлана передаточная запись. Затѣмъ, если на пятый биржевой день послѣ того какъ состоялась сдѣлка, бумаги еще не переданы, покупатель выставляетъ объявленіе, что онъ отказывается отъ сдѣлки. На шестой биржевой день сдѣлка прекращается, если бумаги все еще не переданы. Если же бумаги переданы маклеру покупателя втеченіи этихъ пяти дней, то дается еще день срока на передачу ихъ маклеромъ самому покупателю.

Огромное большинство дѣлъ производимыхъ на биржѣ принадлежитъ къ иной категоріи; на наличныя деньги покупаетъ только тотъ, кто хочетъ остаться владѣльцемъ пріобрѣтаемыхъ бумагъ, или кто не хочетъ подвергаться случайностямъ курса. Операція на наличныя деньги чужда игры. Игра, спекуляція вращается *въ сдѣлкахъ на срокъ* (marchés à terme).

Покупаются такія-то бумаги по такому-то курсу, на такой-то срокъ, именно на двѣ недѣли, на мѣсяцъ, или на два мѣсяца.

Что будутъ стоить покупаемыя бумаги въ то время, когда ихъ придется передать — можно только предполагать, на основаніи тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ цѣнъ; руководствуясь такими соображеніями, вы покупаете или продаете по такой-то опредѣленной цѣнѣ. Ясно, что сдѣлка ваша — гадательная. То, что вы предполагали, можетъ не случиться или произвесть совсѣмъ не тотъ результатъ, какого вы ожидали. Наконецъ, можетъ случиться нѣчто неожиданное, зависящее отъ совершенно постороннихъ самому дѣлу (т. е. тому предпріятію, на бумаги котораго вы спекулируете) обстоятельствъ. Такъ, вы продали къ будущему мѣсяцу (концу текущаго, fin courant) 100 акцій орлеанской желѣзной дороги по 630 фр. Ихъ можетъ и не быть у васъ въ самую минуту торга; вы потому и обязываетесь поставить ихъ къ 1-му числу по 630, что надѣетесь, что до того времени бумаги эти можно будетъ купить по 620, 615 и вы получите на каждой акціи барыша по 10 или 5 фр. Но можетъ быть курсъ станетъ подниматься, вамъ быть можетъ не было извѣстно, что директоры орлеанской компаніи уже рѣшили выдать на этотъ разъ 15% дивиденда, а вашему покупателю это было извѣстно; потому-то онъ и вступилъ въ сдѣлку съ вами. Въ такомъ случаѣ, если акціи въ послѣдніе дни мѣсяца будутъ стоять напримѣръ по 650, то вамъ предстоитъ купить ихъ во что бы то ни стало, чтобы избѣгнуть *экзекуціи* (exécution), т. е. объявленія на биржѣ вашей несостоятельности, заплатить разность, и вотъ вы теряете по 20 фр. на акцію. Въ большинствѣ случаевъ настоящей *поставки* и *пріобрѣтенія* въ этихъ операціяхъ вовсе и не предполагается; вы просто возьмете, или заплатите разность въ цѣнѣ предположенной съ цѣною состоявшеюся къ сроку (différence).

Французскій законъ не дозволяетъ заключенія такихъ сдѣлокъ на срокъ долѣе одного мѣсяца по акціямъ желѣзныхъ дорогъ и двухъ мѣсяцевъ по другимъ бумагамъ. Если вы желаете получить въ самомъ дѣлѣ пріобрѣтенныя вами бумаги раньше срока, то можете сдѣлать это по соглашенію, за уплату *учета*. Парижская палата биржевыхъ маклеровъ постановила, что для облегченія разсчетовъ, предметомъ сдѣлокъ на срокъ могутъ быть только круглыя цифры бумагъ и звонкой монеты, какъ напр., $4^1/_2$% французской ренты — 2.250 фр.; на дважды, трижды, 10 разъ и т. д. эту сумму; 4% — на 2,000 фр., 3% — на 1.500 и т. д. 25 облигацій города Парижа, 25 акцій и облигацій французскаго банка и разныхъ обществъ. Итакъ, сдѣлка можетъ состояться напр. только на 25, 50, 75, 100 и т. д. акцій или облигацій. Здѣсь же нужно сказать, что возвышать или понижать

курсъ принято на не менѣе *пяти* сантимовъ на ренту, а на акцію неиначе, какъ на числа, дѣлимыя на *5*, напр. на 1 фр. 25 сант., 2 фр. 50 сант. и т. д.

Выше мы сказали, что въ большинствѣ сдѣлокъ на срокъ продаются бумаги, которыхъ у продавца еще нѣтъ въ минуту заключенія сдѣлки. Такую сдѣлку называютъ *открытою* (à découvert).

Сдѣлки на срокъ бываютъ двухъ родовъ: *крѣпкія* и *на премію* (marché ferme, marché à prime). Крѣпкая сдѣлка безусловна, какъ для продавца, такъ и для покупателя. Срокомъ назначается 15-е число текущаго мѣсяца, или послѣдній день мѣсяца, или 15-е число будущаго мѣсяца или послѣдній день будущаго мѣсяца (15 courant, fin courant, 15 prochain, fin prochain). Выраженіе acheter fin courant, ferme, значитъ купить къ концу мѣсяца *крѣпко*, т. е. не имѣя права отказаться отъ пріемки купленнаго и уплаты за него денегъ или разности по курсу купленныхъ бумагъ къ сроку. Приводимъ примѣръ. Вы полагаете, что фонды, вслѣдствіе такого или такого обстоятельства должны нѣкоторое время падать; поэтому вамъ выгодно принять на себя поставить къ 1-му числу будущаго мѣсяца извѣстное число облигацій по такому-то курсу. Вы находите партнера, который предполагаетъ, что къ 31-му числу бумаги эти будутъ стоять выше того курса, по которому вы соглашаетесь поставить ихъ къ тому времени; онъ и вступаетъ съ вами въ сдѣлку относительно этихъ бумагъ къ 31-му числу (fin courant) *крѣпко*. Вы продаете ему въ первыхъ дняхъ мѣсяца 2.250 фр. $4^1/_2\%$ ренты къ 31-му, по 92 фр.; 15-го числа рента эта упала до 90 фр., тогда вы въ свою очередь покупаете отъ кого-либо къ 31-му числу — 2.250 фр. ренты по 90 фр. 1-го числа будущаго мѣсяца, получаете эти бумаги отъ вашего продавца по 90 фр. и передаете ихъ вашему покупателю за 92 фр.

2500 фр. по $4^1/_2\%$ ренты по 92 фр. принесли вамъ 46,000 фр.
2500 » $4^1/_2\%$ » 90 » стоили вамъ 45,000 » [1]).

Разность въ вашу пользу 1,000 фр.

Вы дѣйствуете при этомъ чрезъ вашего маклера. Онъ можетъ потребовать отъ васъ какого-нибудь залога, для обезпече-

[1]) Чтобы вычислить, сколько стоитъ 2250 фр. $4^1/_2\%$ ренты по 92 или 90, ставится такая пропорція: 4 фр. 50 сант. дохода стоютъ 92 фр., 2250 фр. будутъ стоить X, т. е. 4 фр. 50 сант.: 2250 фр. = 92: X фр. Отсюда $X = \frac{2250 \text{ франк.}}{4 \text{ фр. } 50 \text{ сант.}} \times 92 = 46{,}000$

При 90 фр. $X = \frac{2250 \text{ фран.}}{4 \text{ фр. } 50 \text{ сант.}} \times 90 = 45{,}000$ фр.

нія себя отъ риска, въ случаѣ потерь для васъ. Залогъ этотъ называется couverture. Но съ небольшимъ залогомъ вы можете дѣлать огромныя дѣла, если беретесь за нихъ поочередно, потому что залогъ въ нѣсколько тысячъ франковъ, обезпечивая уплату одной разности, можетъ служить для пари на большія суммы. Такъ напр, въ приведенномъ случаѣ, съ залогомъ въ 1,000 фр. или 2,000 фр. вы могли бы сдѣлать дѣло на 45,000 фр.; съ наличнымъ капиталомъ въ 1,000 или 2,000 фр. мы можемъ получать барыша по 1,000 и болѣе франковъ каждыя двѣ недѣли, т. е. къ сведенію на биржѣ счетовъ между покупателями и продавцами (ликвидаціи), которая бываетъ 15-го и послѣдняго числа ежемѣсячно.

Мы говорили о заключеніи сдѣлокъ. Самое исполненіе ихъ состоитъ въ *поставкѣ* бумагъ продавцомъ (livraison) и во *взятіи* ихъ (levée) покупателемъ. При сдѣлкахъ крѣпкихъ, ни тотъ, ни другой не имѣютъ права отказаться отъ исполненія сдѣлки, одинъ долженъ *взять*, т. е. *заплатить* (lever), другой *поставить* (livrer), т. е. выдать, какова бы ни была потеря, хотя бы бумаги совсѣмъ потеряли цѣнность или хотя бы они учетверились въ цѣнѣ. Въ операціи *на-крѣпко* все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы предвидѣть движеніе курса. Но сильные капиталисты или компанія играютъ иногда навѣрняка потому, что могутъ искусственно возвысить или понизить курсъ той или другой бумаги.

Особенность сдѣлокъ *на премію* (à prime) состоитъ въ томъ, что исполненіе ихъ ограничено опредѣленнымъ условіемъ, въ пользу покупателя. Въ сдѣлкѣ оговаривается для него право отказаться отъ *взятія* купленныхъ имъ бумагъ при наступленіи срока, платежемъ за это *отступного*, то-есть *преміи*, которая опредѣляется при самомъ заключеніи сдѣлки. Выписываемъ примѣръ: покупаются 50 акцій Сѣверной дороги по 1,055 франковъ, на премію въ 10 фр. Это значитъ, что покупатель не хочетъ рисковать потерею болѣе 10-ти франковъ на акцію, т. е. 500 франковъ на всей сдѣлкѣ. Если акціи къ сроку упали, положимъ, на 20 фр., то онъ заплатитъ съ каждой по 10 франковъ *преміи* и не возьметъ ихъ. Значитъ онъ какъ бы страхуетъ возможность потери или порчу покупаемаго имъ товара; для продавца же эти 10 фр. представляютъ отступное, которымъ онъ пользуется.

Итакъ, если акціи Сѣверной дороги къ назначенному въ сдѣлкѣ сроку упали до 1030 фр., то покупатель, которому, взявъ ихъ, пришлось бы потерять по 25 франковъ на акцію (противъ цѣны 1055 фр.), не беретъ ихъ, и не платитъ за нихъ, а уплачиваетъ только по 10 фр. преміи. Если бы онъ взялъ, то лишился бы 1250 фр.; теперь же онъ теряетъ только 500 фр.

Но если акціи не упали, а напротивъ, поднялись въ цѣнѣ, и стоятъ положимъ 1060 фр., то покупатель беретъ ихъ, уплачивая 1055 фр. по обязательству; продавецъ не имѣетъ права отказаться отъ исполненія сдѣлки; для него, она безусловна. Понятно, что сдѣлки *на премію*, сопряженныя съ условіемъ выгоднымъ для покупателя, заключаются по болѣе высокой для него цѣнѣ, чѣмъ простыя, крѣпкія сдѣлки, въ которыхъ положеніе обоѣхъ сторонъ передъ рискомъ равное. Самая эта разница въ цѣнѣ сдѣлокъ крѣпкихъ съ цѣною сдѣлокъ на премію подаетъ поводъ къ сложнымъ операціямъ, въ которыхъ соединяются сдѣлки того и другого рода.

Сдѣлка на премію выражается на биржевомъ языкѣ такъ: покупаются по 1055 фр. 50 акцій Сѣверной дороги, *на 10* (Acheter à 1055 fr. 50 Nord *dont* 10). *На 10* значитъ на 10 франковъ отступного съ акціи.

Премія обыкновенно уплачивается впередъ, какъ настоящая страховая премія, но она, въ случаѣ, если сдѣлка исполняется, зачитывается въ капиталъ. Итакъ, если, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, 50 акцій стоютъ 52,750 франковъ, то при взятіи ихъ придется уплатить только 52,250 франковъ, такъ какъ 500 фр. уже уплачены впередъ, на случай отказа, въ видѣ преміи.

Выпишемъ, для ясности, еще примѣръ сдѣлки на премію. Покупается на премію, 1,500 фр. трехпроцентной ренты, по 80 фр. 50 сант. послѣднимъ числомъ (fin courant). Это составляетъ капиталъ въ 40,250 франковъ. Платится впередъ 500 фр. преміи. Если при наступленіи срока *берутъ* купленное, то уплатить приходится уже только 39,750 франковъ. Но быть можетъ, послѣдняго числа, трехпроцентная рента стоитъ уже только 79, а не 80.50; это значитъ, что 1,500 фр. ренты представляютъ уже только капиталъ въ 39,500 франковъ. Въ сравненіи съ 40,250 фр., при которыхъ уже заплачено впередъ 500 фр., да еще должно заплатить 39,750, это представляетъ потерю въ 750 фр. Въ такомъ случаѣ, покупатель отказывается взять купленное и теряетъ только заплаченныя имъ 500 фр. преміи.

Въ сдѣлкахъ по преміямъ покупатель обязанъ своевременно сообщить продавцу, намѣренъ ли онъ *взять* купленное или же оставить премію. Это называется *отвѣтъ по преміи* (réponse des primes). Онъ дается 15 или послѣдняго числа, къ двумъ часамъ пополудни.

Мы уже упоминали о биржевыхъ *ликвидаціяхъ*. Биржевая ликвидація, это—разсчетъ по сдѣлкамъ. Ликвидаціи бываютъ два раза въ мѣсяцъ; первая наступаетъ 15-го, вторая—послѣдняго числа. Ликвидація состоитъ въ томъ, что участвовавшіе въ спе-

куляціяхъ исполняютъ свои сдѣлки; покупатели *на-крѣпко берутъ* или уплачиваютъ разности, покупатели на премію даютъ отвѣтъ на премію. Кто не въ состояніи исполнить своего обязательства къ сроку, тотъ при ликвиданіи подвергается *экзекуціи*. Такъ, если покупатель не въ состояніи *взять* купленное, т. е. заплатить и принять бумаги, которыя онъ подрядилъ, то продавцу на ликвидаціи предоставляется право продать ихъ на сторону и затѣмъ требовать съ неисправнаго покупателя разницы въ цѣнѣ, какую онъ долженъ былъ получить и какую получилъ на дѣлѣ. Понятно, что экзекуція можетъ наступить для покупателя только въ томъ случаѣ, когда купленныя имъ бумаги ко дню ликвидаціи упали, такъ что онъ теряетъ на нихъ. Продавецъ подвергается экзекуціи, если не могъ поставить бумагъ, согласно обязательству, что̀ случается, конечно, только въ томъ случаѣ, если бумаги поднялись въ цѣнѣ, а у продавца не было средствъ пріобрѣсть ихъ къ сроку, для поставки (предполагая поставку открытою, т. е. такою, на которую продавецъ обязался еще не имѣя въ своемъ владѣніи условленныхъ бумагъ). Экзекуція, это — банкротство биржевика. Маклеръ его, если не имѣетъ достаточнаго отъ него залога, принужденъ уплатить разность изъ собственныхъ денегъ. Извѣстна исторія одного генерала, который, проигравъ на биржевыхъ сдѣлкахъ, оставилъ на своихъ маклерахъ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ своего дефицита.

Сроки сдѣлокъ по рентѣ наступаютъ послѣдняго числа мѣсяца, тогда и происходитъ ихъ ликвидація; сроки и ликвидація по акціямъ желѣзныхъ дорогъ — 15-го и послѣдняго числъ мѣсяца. Ликвидація послѣдняго числа называется мѣсячною; она продолжается пять дней [1]).

Ликвидація 15-го числа продолжается четыре дня; спеціяльно предназначена для разсчетовъ по акціямъ желѣзныхъ дорогъ, это—ликвидація дополнительная; учрежденіе ея вызвано именно монополіею биржевыхъ маклеровъ; монополія ограничиваетъ ихъ число, такъ что въ одну мѣсячную ликвидацію они не успѣваютъ всего сдѣлать, а кромѣ того, ликвидація 15-го, доставляя возможность заключать сдѣлки на болѣе короткіе сроки, т. е. заключать ихъ чаще, — выгодна маклерамъ, которые со всякой сдѣлки получаютъ процентъ.

Посредствомъ биржевыхъ сдѣлокъ на срокъ, можно получить на капиталъ большіе проценты, не подвергаясь обвиненію

[1]) Послѣдняго числа дается отвѣтъ по преміямъ; 1-го слѣдующаго мѣсяца ликвидируются сдѣлки по акціямъ желѣзныхъ дорогъ; 2-го — по остальнымъ бумагамъ, 3-го маклера сводятъ счеты разностей; 4-го — производится передача бумагъ и уплата по нимъ.

въ ростовщичествѣ. Такъ, у васъ есть капиталъ въ 67,000 фр. Вы покупаете на него 3,000 фр. трехпроцентной ренты по 67, платите наличными и тотчасъ же продаете эту ренту къ концу мѣсяца по 67 фр. 35 сант. (такъ какъ на наличныя деньги тоже самое стоитъ дешевле, чѣмъ въ кредитъ, на срокъ). Къ концу мѣсяца вы получите по 35 сант., что составляетъ на вашъ капиталъ 350 фр. въ мѣсяцъ; если вы дѣлаете эту простую операцію каждый мѣсяцъ, то въ годъ съ капитала въ 67,000 фр. получите 4,200 франковъ. Для этого, вы къ сроку вашей поставки купите столько же ренты у другого лица и это лицо поставитъ за васъ ренту тому, кому вы ее первоначально продали, а у васъ остаются ваши рентныя бумаги, которыя вы можете опять продать къ концу слѣдующаго мѣсяца, и такъ далѣе.

Другой примѣръ. Вы продаете на наличныя деньги 25 акцій по 1,500 франковъ и тотчасъ же выкупаете ихъ къ концу будущаго мѣсяца по 1,510 франковъ. Вы можете сдѣлать эту операцію съ однимъ и тѣмъ же лицомъ; въ такомъ случаѣ, вы, стало быть, просто заняли у него деньги подъ залогъ вашихъ 25 акцій на мѣсяцъ и платите ему за это по 10 фр. на акцію, т. е. 250 фр.

Эта-то разность въ цѣнѣ бумагъ на наличныя деньги и на срокъ (въ первомъ случаѣ 35 сант., во второмъ 50 фр.) называется *репортъ*, т. е. *накидка*. Операція называется *репортажъ*. Когда 3% рента стоитъ 66 франк. на наличныя деньги и 66 фр. 40 сант. къ концу мѣсяца, то значитъ *репортъ* на ренту на мѣсяцъ въ это время стоитъ 40 сант. Наоборотъ, иногда бываетъ, что спекулировавшіе на паденіе курса не успѣли купить по низкой цѣнѣ бумаги, которыя они обязались поставить. Тогда, при ликвидаціи, они покупаютъ эти бумаги на наличныя деньги, по всякой цѣнѣ, лишь бы избѣгнуть экзекуціи. Въ такомъ случаѣ, увеличеніе спроса производитъ дороговизну продажи на наличныя деньги, такъ что она стоитъ дороже, чѣмъ продажа на срокъ, на мѣсяцъ; тогда эта разность, противоположная репорту, накидкѣ, называется *депортомъ* или скидкою.

Мы привели выше примѣры репортажа по дешевой цѣнѣ; но цѣна репорту бываетъ до 10% за двѣ недѣли, т. е. между ликвидаціями. Такимъ образомъ, употребляя капиталъ на операціи репорта можно получить въ годъ 50, 100 и болѣе процентовъ. Если бы въ каждую ликвидацію получать репорта по 10%, то въ годъ это составило бы 240%. Репортъ бумагъ, имѣющихъ ходъ на биржѣ, показывается въ ея бюллетенѣ, т. е. котируется, также какъ курсъ самихъ бумагъ.

Биржевики спекулируютъ на возвышеніе или на пониженіе

курса, т. е. они или покупаютъ въ надеждѣ возвышенія курса, чтобы потомъ продать, или же обязываются за опредѣленную цѣну поставить извѣстное число бумагъ къ сроку, разсчитывая на то, что онѣ упадутъ и можно будетъ купить ихъ дешевле. Тотъ, кто купилъ въ ожиданіи возвышенія, долженъ ждать для продажи, пока это возвышеніе состоится; онъ употребляетъ все свое вліяніе, чтобы поднять курсъ. Но тотъ, кто обязался поставить, разсчитывая на паденіе, не можетъ ждать; онъ долженъ поставить къ сроку и употребляетъ все свое вліяніе, чтобы понизить цѣну бумагъ; для этого онъ распускаетъ дурные слухи о предпріятіи и о положеніи дѣлъ вообще (когда спекуляція на ренту). Повышатели (haussiers) не такъ вредны, какъ понижатели (baissiers), которые вредятъ самимъ предпріятіямъ для того только, чтобы на ближайшей ликвидаціи сорвать барышъ.

Чтобы не умножать примѣровъ, ограничимся двумя сдѣлками нѣсколько болѣе сложныхъ операцій, какъ на возвышеніе, такъ и на паденіе курса.

Вы покупаете *на премію, на 10*, къ концу мѣсяца, пятьдесятъ акцій Сѣверной дороги. Это представляетъ капиталъ въ 44,500 фр. Вы, выждавъ время, продаете ихъ *на крѣпко*, по 894; стало быть, на каждой акціи вы выигрываете по 4 фр., а на всѣхъ пятидесяти—200 фр. Но если акціи упали до 885 фр., то на каждой изъ нихъ вы теряете по 5 фр., на всѣхъ—250 фр. Однако вы всетаки *возьмете* купленныя акціи, потому что иначе вы лишитесь 500 франковъ преміи, которые уже заплатили впередъ. Если же акціи упали до 875 фр., то вамъ предстоитъ потерять на каждой по 15 фр., а на всѣхъ—750 фр. Въ такомъ случаѣ, вы не *возьмете* купленныхъ акцій, а бросите свою премію. Обусловивъ свою покупку отступною премією *на 10*, вы рискуете лишиться только 500 фр. Это — спекуляція *на возвышеніе*.

А вотъ примѣръ спекуляціи *на паденіе*. Вы покупаете *на премію, на 1*, къ концу мѣсяца, по 81, 1500 фр. ренты, что̀ представляетъ капиталъ въ 40,500 фр., обусловленныхъ 500 фр. преміи. *Въ тоже время* вы продаете ихъ *на̀ крѣпко* по 80,60, разсчитывая на паденіе, т. е. продаете ихъ за 40.300 фр. Стало быть, вы теряете 200 фр. Но рента, какъ вы и ожидали, падаетъ и къ сроку она стоитъ только 79 фр. Тогда вы отказываетесь отъ вашей условной покупки, и теряете на ней премію въ 500 фр., и покупаете *на̀ крѣпко* по 79, что̀ представляетъ капиталъ въ 39,500 фр. Въ результатѣ вы стало быть продали ихъ за 40,300 фр., и купили за 39,500 фр., то-есть получили барыша 800 фр. Вычтя изъ него потерянную вами премію въ 500 фр., вы выигрываете всего 300 фр. Если же

рента не упадетъ до самого срока, то вы *берете* купленную вами первоначально по 81 ренту, платите 40,500 франковъ, и въ сравненіи съ 40,300 фр., за которые вы ее продали на крѣпко, теряете 200 фр., какъ сказано выше.

На парижской биржѣ дѣлаются операціи гораздо болѣе сложныя, чѣмъ тѣ, которыя описаны; но и онѣ состоятъ изъ тѣхъ же элементовъ. Покупка и продажа на наличныя деньги, на срокъ крѣпко и на срокъ на премію — вотъ тѣ элементы, которые комбинируются спекулянтами, для пріобрѣтенія барыша или вознагражденія потери. Репортажъ представляетъ средство избѣжать экзекуціи, продляя операцію въ надеждѣ благопріятнаго измѣненія въ курсѣ.

Обмѣнъ одной бумаги или вообще цѣнности на другую, напримѣръ $4^1/_2\%$ ренты на 3%, когда послѣдняя стоитъ относительно выше, называется *арбитражемъ*. Отношеніе между цѣнами разныхъ бумагъ зависитъ, какъ мы говорили выше, не только отъ солидности и доходности бумаги, но и отъ бо́льшаго или меньшаго на нее спроса. Такъ, когда 3% рента сто́итъ 67, т. е. когда за 100 фр. въ бумагахъ этой ренты стоютъ 67 фр., то $4^1/_2\%$ рента должна была бы сто́ить 100.50; эти цѣны выражали бы относительную доходность помѣщенія капитала въ ту и другую ренту. Между тѣмъ, когда 3% рента сто́итъ 67, то $4^1/_2\%$ рента обыкновенно сто́итъ только 90. Это зависитъ отъ бо́льшаго спроса на 3% ренту, такъ какъ на ней именно дѣлается наибольшее число спекуляцій.—Выпишемъ примѣръ арбитража, т. е. обмѣна бумагъ:

У васъ есть 1,500 фр. 3% ренты; эта рента поднимается до 85, между тѣмъ какъ $4^1/_2\%$ рента сто́итъ 105. Вамъ выгоднѣе купить $4^1/_2\%$ ренты по 105, чѣмъ владѣть 3% рентою и вы воспользуетесь повышеніемъ послѣдней въ цѣнѣ, чтобы продать ее. Вы продаете ваши 1,500 фр. 3% ренты по 85 и получаете за нихъ капиталъ въ 42,500 фр. На эту сумму вы пріобрѣтаете $4^1/_2\%$ ренты по 105, то-есть 1,818 фр. дохода за 42,420 фр. Въ результатѣ, вашъ доходъ, стало быть, увеличился на 318 фр. (разница между 1,500 и 1,818), да у васъ еще осталось 80 франковъ отъ капитала (разница между вырученными 42,500 фр. и употребленными 42,420 фр.)

Это былъ простой обмѣнъ, болѣе выгодное помѣщеніе, для котораго вы воспользовались удобнымъ случаемъ. Если же вы предприняли арбитражъ съ цѣлью сдѣлать спекуляцію, то-есть купили $4^1/_2\%$ ренту потому только, что ожидаете ея повышенія, то операція ваша продляется: если $4^1/_2\%$ рента, въ самомъ дѣлѣ, со 105 (цѣна, по которой вы ее купили) поднялась

до 107, то вы продаете по этой цѣнѣ ваши 1818 фр. $4^1/_2$% ренты и получаете за нихъ 43.228 фр. Затѣмъ, когда 3% рента упадетъ до 80, вы покупаете по этой цѣнѣ ваши прежніе 1.500 фр. 3% ренты и платите за это 40.000 фр. Стало быть, вы получили барыша 3.228 фр. Вмѣстѣ съ 80 фр., которые вамъ остались отъ первой части операціи, вы получили 3.308 франковъ и у васъ остались ваши 1.500 фр. 3% ренты, съ которыми вы предприняли эту спекуляцію.

Арбитражи представляютъ самую вѣрную изъ биржевыхъ операцій. Спекулянты осторожные занимаются по преимуществу именно ими, покупая только на готовыя средства и мѣняя бумаги нѣсколько разъ въ годъ вполнѣ. Такимъ образомъ, они получаютъ навѣрняка разности, которыя, вмѣстѣ взятыя, представятъ за годъ огромный процентъ. Посредствомъ репортажа, они даютъ игрокамъ деньги въ ростъ, за 5, даже 10% въ мѣсяцъ.

Вотъ главная терминологія биржевой игры, съ которой намъ было необходимо познакомить читателя, чтобы окончательно убѣдить его въ той истинѣ, которая понимается всѣми инстинктивно, а именно, что биржевая игра должна тяжело ложиться на денежный рынокъ, производя въ немъ искусственныя пертурбаціи. Въ нравственномъ смыслѣ она крайне вредна, какъ всякая азартная игра; она отклоняетъ общество отъ работы, заставляетъ его забывать, что единственный вѣрный источникъ богатства для страны — производительный трудъ. Что́ за охота трудиться всю жизнь для пріобрѣтенія достатка, когда въ день, въ часъ можно нажить капиталъ! Въ Парижѣ помнятъ нѣкоего Герена, простого конторщика въ компаніи Сѣверной желѣзной дороги, съ ничтожнымъ жалованьемъ, который втеченіи одного года произвелъ чрезъ своего маклера на биржѣ операцій на 43 милліона франковъ! Мало того, что биржевая игра нравственно-вредна, какъ всѣ игры; она тѣмъ еще вредитъ, что въ ней неровны шансы играющихъ, что нѣкоторые, сильные игроки могутъ направлять игру по произволу.

Что́ же сказать о той игрѣ, гдѣ предметомъ отчаянной спекуляціи служатъ дѣйствительныя промышленныя предпріятія, отъ успѣха которыхъ зависитъ благосостояніе, участь всей страны, иногда же такія, которыя только для того и выдуманы, чтобы прикрыть спекуляцію? Послѣднія представляютъ — говоря безъ обиняковъ — просто обманъ подъ благовиднымъ предлогомъ. Этого рода спекуляціямъ мы посвятимъ слѣдующую статью.

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ *).

ГЛАВА I.

БОРЬБА ВЪ ДѢТСКОМЪ СЕРДЦѢ.

На прибрежныхъ ивахъ и ольхахъ шумно щебетали воробьи. Имъ, безъ сомнѣнія, многое надо было другъ другу передать о томъ, что́ каждый изъ нихъ прожилъ и испыталъ въ теченіи дня, а день для нихъ, можетъ быть, составляетъ уже значительный періодъ времени. Одинъ, чванящійся своей опытностью, воробей, — не то самецъ, не то самка, такъ какъ онъ былъ одѣтъ въ безразличную одежду, свойственную старости, — пріютился въ уголку на вѣткѣ, гдѣ сидѣлъ, прислонясь къ стволу. Онъ, потирая носъ объ вѣтку, разсказывалъ, какъ пріятно провелъ время на той сторонѣ рѣки, въ гостинницѣ, подъ тѣнистыми сводами малорослыхъ липъ. Кельнера медлили убирать остатки англійскаго завтрака, а тамъ было много пирожнаго, къ сожалѣнію въ слишкомъ большихъ кускахъ, много яицъ, меду, сахару, — словомъ, тамъ былъ пиръ, подобнаго которому надо поискать. Во-

*) Часть первая, см. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595 стр.

робей утверждалъ, что настоящія радости въ жизни наступаютъ только послѣ того, какъ перестаешь думать о своихъ ближнихъ и начинаешь искать удовольствія исключительно въ пищѣ и питьѣ. Но этого можно достигнуть только въ самую зрѣлую пору жизни.

Другіе воробьи, не обращая вниманія на сытаго хвастуна, затѣяли споръ о томъ, могутъ ли какія бы то ни было человѣческія яства сравниться съ салатнымъ сѣменемъ и съ молоденькими кочешками капусты. Одинъ юный проказникъ, порхая вокругъ юной проказницы, доводилъ до ея свѣдѣнія, что съ задней стороны дома лодочника, у слухового окна висѣлъ мѣшочекъ съ сильно отдувшимися боками. Мѣшочекъ этотъ былъ полонъ коноплянаго сѣмени, и стоило только чуть-чуть ковырнуть одинъ изъ его швовъ, чтобъ насладиться заключавшимся въ немъ лакомствомъ. Но онъ просилъ сохранить все это втайнѣ, говоря, что иначе туда полетятъ и другіе воробьи, а конопля, какъ извѣстно, есть самая вкусная вещь въ мірѣ. Проказникъ увѣрялъ, что хорошенькій клювъ проказницы именно достаточно тонокъ для того, чтобъ распороть швовъ. Нужно же людямъ быть такъ безсовѣстно злыми, чтобы, вывѣшивая на открытый воздухъ столь драгоцѣнное лакомство, упрятывать его въ наглухо завязанный мѣшокъ!

Явился запоздалый воробей и объявилъ, что пугало, стоящее въ полѣ, есть не что иное, какъ палка съ навѣшеннымъ на нее платьемъ. «Глупые люди сами еще вѣрятъ въ птичьи пугала и воображаютъ, что и мы вѣримъ!» со смѣхомъ сказалъ онъ, и замахалъ крыльями отъ удивленія и состраданія къ подобной нелѣпости.

Но если въ ивахъ и ольхахъ господствовало такое шумное веселье, то не менѣе оживленное зрѣлище представлялъ и обширный лугъ подъ ними, гдѣ бѣгали въ запуски, болтали, смѣялись и рѣзвились монастырскія воспитанницы.

Въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ, подъ тѣнью тѣхъ самыхъ ивъ, гдѣ такъ громко щебетали воробьи, ходила взадъ и впередъ молодая дѣвушка съ стройнымъ, гибкимъ станомъ, съ черными волосами и блестящими глазами. Рядомъ съ ней шла высокаго роста женщина въ монашескомъ одѣяніи, на величественной наружности которой лежала печать спокойной, но несокрушимой силы. Ея губы были отъ природы такъ крѣпко сжаты, что составляли на лицѣ ея одну тонкую алую черту. Бѣлый платокъ скрывалъ ея лобъ, а затѣмъ, все лице, большіе глаза, узкія брови, тонкій носъ, сжатый ротъ, острый, но кра-

сивый подбородокъ имѣли въ себѣ что-то повелительное и невозмутимое.

— Почтенная мать, начала молодая дѣвушка: вы прочитали письмо отъ фрейленъ Пэрини?

Монахиня, — настоятельница монастыря, — слегка обратила къ ней голову и повидимому ожидала, чтобы молодая дѣвушка, — Германна Зонненкампъ, — продолжала. Но Манна молчала, и настоятельница наконецъ заговорила.

— Господинъ Пранкенъ ѣдетъ сюда, сказала она: — Онъ изъ хорошей фамиліи, отличается честными правилами, но, кажется, человѣкъ свѣтскій, — впрочемъ, это еще ничего не значитъ. Совершенно естественно у него и нетерпѣніе людей, живущихъ въ мірѣ, однако я надѣюсь, что онъ воздержится отъ сватовства, пока ты еще находишься у насъ, въ качествѣ нашей дочери, то-есть дочери самого Господа.

Она говорила медленно, какъ бы взвѣшивая каждое слово.

— Уйдемъ отсюда, прибавила она потомъ: птицы здѣсь такъ шумятъ, что мѣшаютъ слышать даже собственныя слова.

Онѣ пошли черезъ лежащее посреди острова кладбище, въ лѣсокъ, гдѣ возвышалась небольшая группа скалъ, прозванная дѣтьми Швейцаріей. Тамъ онѣ сѣли, и настоятельница продолжала:

— Въ тебѣ я увѣрена, мое дитя. Я знаю, что ты съумѣешь отклонить всякій намекъ господина Пранкена на любовь или на сватовство.

— Вамъ извѣстно, наша мать, возразила Манна трогательнымъ голосомъ, въ которомъ какъ бы звучали слезы: — вамъ извѣстно, что я дала обѣтъ вступить въ монастырь.

— Мнѣ это извѣстно и въ то же время неизвѣстно. Всякое твое обѣщаніе, данное теперь, всякая рѣшимость, принятая въ настоящую минуту, имѣютъ для насъ значеніе слова, написаннаго на пескѣ: подуетъ вѣтеръ, коснется его нога человѣка—и оно изгладилось. Ты должна еще пожить въ свѣтѣ и вкусить его благъ, прежде чѣмъ отречься отъ нихъ. Да, дитя мое! Свѣтъ долженъ показаться тебѣ такимъ, какимъ теперь кажутся тебѣ твои куклы, — далекимъ, ничтожнымъ, мертвымъ... такъ-что тебѣ непонятно, какъ могутъ другіе расточать на него столько любви и вниманія.

Настало молчаніе. Одинъ соловей щелкалъ въ кустахъ, да надъ рѣкой летали вороны и пѣли, — люди имѣютъ обыкновеніе называть ихъ пѣніе карканьемъ, — прославляя свою родину, на крутыхъ скалахъ.

— Дитя мое, минуту спустя заговорила опять настоятельни-

ница: — сегодня, много лѣтъ тому назадъ, умерла моя мать, и я нынѣче, какъ тогда, молилась за упокой ея души. Когда она умирала, — люди называютъ это смертью, а мы возрожденіемъ, — когда она умирала, говорю я, мой обѣтъ запрещалъ мнѣ посѣтить ее на одрѣ смерти. И что-же? — мнѣ это не стоило почти ни малѣйшей борьбы. Развѣ намъ въ сущности не все равно, гдѣ наши родители: тамъ ли въ мірѣ, или на верху у Бога? Смотри: вечерняя заря загорается надъ землей. На горахъ и на берегу рѣки стоятъ люди и восхищаются природой, — этимъ новымъ идоломъ, который они себѣ создали, будучи дѣтьми природы. Но мы дѣти Божіи, и въ нашихъ глазахъ природа не имѣетъ никакого значенія, будь она окрашена въ яркіе тоны или покрыта снѣгомъ.

— Я вѣрю... мнѣ это понятно, согласилась Манна.

— Потому-то я съ тобой объ этомъ и говорю, продолжала настоятельница.—Великое дѣло побѣдить свѣтъ съ его искушеніями, оттолкнуть его отъ себя, ни мгновеніе не чувствовать къ нему влеченія, и такимъ образомъ, еще при жизни, вкусить вѣчнаго блаженства. Да, дитя мое, и она положила обѣ руки на голову Манны: я желала бы подѣлиться съ тобой своей силой.... нѣтъ, не своей, а тою, которую мнѣ далъ Господь.... Тебѣ предстоитъ жестокая борьба съ свѣтомъ, изъ которой ты должна выдти побѣдительницей прежде, чѣмъ вступить къ намъ, — въ преддверіе неба.

Манна закрыла глаза. Въ сердцѣ ея было одно желаніе: чтобы земля внезапно передъ ней разступилась и поглотила ее, или чтобъ какая-нибудь сверхъестественная сила мгновенно вознесла ее на недосягаемую міру высоту. Когда она открыла глаза, передъ ней сіяло небо въ полномъ блескѣ вечерней красоты, на горахъ лежали фіолетовыя тѣни, рѣка сверкала золотомъ. Она быстро опять зажмурилась и движеніемъ руки что-то отъ себя оттолкнула, какъ бы говоря: «Я не хочу тебя, ты не долженъ для меня существовать. Ты пустая игрушка, на которую мы напрасно тратимъ нашу любовь!»

Потомъ Манна начала дрожащимъ голосомъ жаловаться на мракъ и уныніе, водворившіеся въ ея сердцѣ. Нѣсколько дней тому назадъ, она въ духовной пьесѣ произносила слова Ангела-благовѣстника, и вдругъ черный демонъ поселилъ въ душѣ ея разладъ. Весь тотъ день она молилась о томъ, чтобъ достойнымъ образомъ выполнить священную роль, выпавшую ей на долю, а въ сумерки внезапно явился образъ мужчины, и взоръ ея съ удовольствіемъ на немъ остановился. То, безъ сомнѣнія, былъ искуситель. Онъ опять и опять приходилъ къ ней во снѣ. Она

среди ночи вставала и со слезами молилась, чтобъ Богъ не допустилъ ее до грѣха и спасъ отъ гибели. Но спокойствіе къ ней не возвращалось. Ей ненавистенъ этотъ образъ мужчины, она презираетъ его, отгоняетъ отъ себя, но онъ неотступно преслѣдуетъ ее. Она просила настоятельницу наложить на нее покаяніе въ видѣ трехдневнаго поста.

Настоятельница кротко и ласково старалась успокоить молодую дѣвушку. Ей не слѣдовало, говорила она, дѣлать себѣ упреки, которые только могутъ еще болѣе раздражить ея воображеніе и чувства. Въ пору, когда цвѣтетъ сирень и поютъ соловьи, семнадцатилѣтнія дѣвушки всегда бываютъ склонны къ мечтательности. Манна не должна огорчаться такого рода снами, — пусть она лучше надъ ними смѣется. Смѣхъ самое вѣрное средство ихъ прогнать. Манна поцѣловала у настоятельницы руку.

Сдѣлалось темно. Воробьи умолкли, шумная толпа дѣтей скрылась въ домъ, и только соловьи продолжали выводить трели въ кустахъ. Манна вернулась въ монастырь, держась за руку настоятельницы. Она вошла въ обширную спальню, зачерпнула рукою святой воды и окропила себя ею. Лежа въ постелѣ, она еще долго молилась и заснула съ руками сложенными крестомъ.

Рѣка быстро текла по долинѣ, мимо виллы, гдѣ спалъ Роландъ съ печатью недовольства на лицѣ,—и мимо городка, гдѣ у доктора въ домѣ размышлялъ Эрихъ,—и мимо гостинницы, изъ окна которой Пранкенъ упорно смотрѣлъ на монастырь. Мѣсяцъ серебрилъ рѣку, въ воздухѣ звучала пѣснь соловья, въ домахъ, разбросанныхъ по берегу, покоились сномъ тысячи людей, забывая радость и горе, пока ихъ не пробудитъ наступающій день.

ГЛАВА II.

ЗЕЛЕНАЯ ВѢТКА.

Съ западной стороны монастыря, подъ высокими, раскидистыми каштанами, буками и липами и далѣе, подъ тѣнью елей съ молодыми побѣгами, стояли крѣпкіе столы и стулья. За ними сидѣло множество дѣвочекъ въ голубыхъ платьяхъ; всѣ онѣ занимались чтеніемъ, письмомъ и рукодѣліемъ. По временамъ между ними поднимался легкій шумъ, похожій на жужжанье пчелъ, порхавшихъ вокругъ каштановъ въ цвѣту. Иногда раздавался шелестъ, шарканье—такіе же тихіе, какъ полетъ птицъ въ густой зелени деревьевъ.

Подъ высокой липой за небольшимъ столикомъ сидѣла Манна, а неподалеку отъ нея подъ стройнымъ букомъ, въ которомъ было вдѣлано изображеніе Мадонны, помѣщался на низенькой скамеечкѣ ребенокъ, прозванный сверчкомъ, отъ того, что, будучи оторванъ отъ домашняго очага, сильно страдалъ тоской по родинѣ. Онъ былъ любимцемъ и забавой всего монастыря. Манна, повидимому, заставила ребенка примириться съ его новымъ положеніемъ. На слѣдующій день послѣ представленія священной пьесы, она выпросила у одной монахини, занимавшейся садоводствомъ, небольшой клочекъ земли, на которомъ ребенокъ могъ бы развести свой особенный садикъ. И съ тѣхъ поръ казалось, что ребенокъ, поливая растенія и ухаживая за ними, самъ началъ пускать корни на чужбинѣ. Но онъ былъ неразлученъ съ Манной.

Манна прилежно работала. Передъ ней на столѣ была разложена голубая матовая бумага. Она на ней рисовала звѣзды кисточкой, которую обмакивала въ маленькую раковину. Манна особенно гордилась опрятностью своихъ тетрадей, въ которыхъ каждый листокъ былъ тонко разлиневанъ и исписанъ красивымъ, въ высшей степени ровнымъ почеркомъ. Манна нѣсколько дней тому назадъ удостоилась высшей почести, какой только можетъ достигнуть монастырская воспитанница, а именно ей былъ пожалованъ голубой бантъ, по единодушному соглашенію трехъ классовъ воспитанницъ: «дѣтей Іисуса», «ангеловъ» и «дѣтей Маріи». Тутъ почти не было и выбора, такъ какъ само собой разумѣлось, что голубой бантъ не могъ быть присужденъ никому, кромѣ Манны. Это отличіе ставило ее нѣкоторымъ образомъ во главѣ всѣхъ подругъ.

Она рисовала, присматривая за порученными ей дѣтьми и по временамъ еще заглядывала въ раскрытую передъ ней книгу сочиненія Ѳомы Кемпійскаго. Отдѣлывая звѣзды съ отчетливостью и изяществомъ, доступными, можетъ быть, только въ стѣнахъ монастыря, она взглядомъ ловила то или другое изрѣченіе Ѳомы Кемпійскаго. Такимъ образомъ, пока руки ея были заняты легкой работой, душа ея питалась духовной пищей.

Вдругъ съ рѣки долетѣлъ звукъ весла, мѣрно ударявшаго по водѣ. Дѣвочки быстро оглянулись и увидѣли лодку, а въ ней красиваго молодого человѣка, который стоя махалъ шляпой, какъ бы привѣтствуя островъ.

— Это твой братъ? Твой отецъ? спрашивали онѣ одна у другой. Но никто не зналъ молодого человѣка.

Лодка причалила. Любопытство овладѣло дѣвочками, но онѣ не смѣли оставить своихъ занятій, такъ какъ время ихъ было

строго распредѣлено. Къ счастью, у одной высокой блондинки оказался недостатокъ въ зеленой шерсти, за которой она могла пойти въ монастырь. Уходя, она сдѣлала знакъ подругамъ, что принесетъ имъ желаемыя свѣдѣнія. Но еще до ея возвращенія, явилась монахиня изъ прислужницъ и потребовала въ монастырь Манну Зонненкампъ.

Манна встала. Ребенокъ хотѣлъ за ней послѣдовать, но она приказала ему остаться, и онъ опять спокойно усѣлся на скамеечку подъ буковымъ деревомъ съ изображеніемъ Мадонны. Манна сорвала небольшую вѣтку, заложила ею въ книгѣ мѣсто, которое читала, и пошла вслѣдъ за монахиней.

Между оставшимися дѣвушками поднялся говоръ: «Кто это? Двоюродный братъ? У Зонненкамповъ нѣтъ родни въ Европѣ. Вѣроятно кузенъ изъ Америки».

Любопытство дѣвочекъ было сильно возбуждено, отчего не мало пострадали ихъ занятія. Манна передала одной изъ подругъ голубой бантъ, который носила на плечѣ, и та съ гордостью взяла его на свое попеченіе.

Манна вернулась въ монастырь. При входѣ ея въ пріемную настоятельницы, Отто фонъ-Пранкенъ быстро всталъ съ мѣста и низко поклонился.

— Господинъ фонъ-Пранкенъ, сказала настоятельница, привезъ тебѣ поклоны отъ родителей и отъ фрейленъ Пэрини.

Пранкенъ подошелъ къ Маннѣ и подалъ ей руку. Правая рука послѣдней была занята книгой, и она нерѣшительно протянула ему лѣвую. Наружность Манны поразила Пранкена, и онъ, не смотря на свою обычную находчивость, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ выразилъ свое удовольствіе, что видитъ ее здоровой, замѣтилъ, что она выросла, и передалъ ей, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ съ ней свиданія родители и фрейленъ Пэрини. Пранкенъ вскорѣ оправился, но голосъ его продолжалъ слегка дрожать, и въ словахъ его звучало глубокое чувство. Ему вдругъ, посреди непривычнаго для него волненія, пришло на умъ, что оно не должно ускользнуть отъ вниманія Манны и можетъ произвести на нее благопріятное впечатлѣніе. Онъ продолжалъ разговоръ въ томъ же тонѣ, въ какомъ началъ, и внутренно самъ удивлялся искусству, съ какимъ вошелъ въ роль скромнаго, застѣнчиваго, смущеннаго молодого человѣка. Онъ съумѣлъ передать ей нѣсколько интересныхъ подробностей о родительскомъ домѣ и съ тонкой похвалой отозвался о молодой дѣвушкѣ, которая избирала мѣстомъ своего пребыванія святой островъ, пока ей не настанетъ время возвратиться на конти-

нентъ, гдѣ ее ожидаетъ цѣлый міръ новыхъ радостей и обширный кругъ друзей.

Манна долго слушала молча, наконецъ, спросила:

— Что это за капитанъ Дорнэ, о которомъ мнѣ Роландъ съ такимъ восторгомъ пишетъ?

Пранкена точно кольнули въ сердце; однако, онъ отвѣчалъ съ улыбкой:

— Я былъ настолько счастливъ, что мнѣ удалось найти бѣднаго молодого человѣка, который въ состояніи сообщить нашему Роланду.... вы мнѣ позволите его такъ называть: я его люблю какъ брата.... кое-какія свѣдѣнія въ наукахъ. Я надѣюсь, что занятія съ нимъ не повредятъ Роланду.

— Роландъ мнѣ пишетъ о немъ, какъ о вашемъ близкомъ другѣ.

— Безъ сомнѣнія, самъ господинъ Дорнэ навелъ его на эту мысль, которую я и не намѣренъ оспаривать, если она въ состояніи внушить мальчику больше уваженія къ его новому учителю. Но.... вамъ я могу это сказать.... что до меня касается, то я нѣсколько скупъ на названіе друга, и потому....

— Разскажите мнѣ что-нибудь объ этомъ человѣкѣ, который называетъ себя вашимъ другомъ.

— Позвольте мнѣ сдѣлать одну маленькую оговорку. Вы, конечно, согласитесь съ тѣмъ, что мы обязаны подавать руку помощи всякому заблудшему, возвращающемуся на истинный путь....

— А что сдѣлалъ господинъ Дорнэ? вмѣшалась настоятельница. Его дурное поведеніе огорчило бы меня за его мать, которая была моей подругой въ молодости. Она хотя и протестантка, въ полномъ смыслѣ этого слова, и что вы, свѣтскіе люди, называете доброй и благородной женщиной...

Пранкенъ на мгновеніе былъ озадаченъ, но вскорѣ оправился и, сдѣлавъ мягкое, какъ бы исполненное предусмотрительной доброты движеніе рукой, сказалъ, скромно опустивъ глаза:

— Почтенная мать! Избавьте меня отъ необходимости говорить здѣсь о такихъ вещахъ. На этихъ священныхъ стѣнахъ, посреди ликовъ святыхъ, не мѣсто картинамъ нечестиваго содержанія,—такъ точно и въ этой чистой атмосферѣ не должны произноситься слова, которыя въ свѣтѣ, пожалуй, и не считаются неприличными. Я вамъ могу сказать только одно: у меня есть достаточныя къ тому гарантіи, что бѣдный молодой человѣкъ не сдѣлаетъ ничего предосудительнаго.

Лицо Манны вдругъ приняло строгое выраженіе.

— Не понимаю, сказала она, какъ можно мальчика, моего брата, поручать человѣку, который....

Пранкенъ, извиняясь, что перебиваетъ ее, умолялъ фрейленъ Зонненкампъ забыть все, что онъ, увлекаемый искренностью, могъ сказать не въ пользу своего бывшаго товарища. Это невольно вырвалось у него въ присутствіи невинности и красоты. Онъ просилъ такъ трогательно, въ словахъ его звучало столько сердечной теплоты и любви къ человѣчеству, что Манна сама добровольно протянула ему руку и сказала:

— Я вамъ вѣрю. Мнѣ такъ пріятно видѣть въ васъ столько доброты.

Пранкенъ былъ счастливъ, но рѣшимость его, помѣшать вступленію Эриха въ домъ Зонненкампа, еще болѣе окрѣпла. Чѣмъ болѣе онъ думалъ, тѣмъ непонятнѣе становилось ему, какъ могъ онъ самъ на себя взвалить такую обузу. Онъ теперь вдвойнѣ сердился на Эриха за то, что тотъ поставилъ его въ необходимость говорить ложь. Пранкенъ былъ слишкомъ гордъ, чтобъ прибѣгать къ ней безъ особенныхъ причинъ.

— Смѣю васъ просить, — началъ онъ опять: — будьте такъ добры и покажите мнѣ строки, въ которыхъ Роландъ говоритъ о господинѣ Дорнэ. Мнѣ интересно видѣть, насколько онъ уже умѣетъ различать людей. Да, посмотримъ, что пишетъ намъ дорогой братецъ о своемъ новомъ учителѣ.

Манна покраснѣла и сказала, что пора перестать говорить о капитанѣ. Но она попросила Пранкена употребить все свое вліяніе на то, чтобъ удалить его изъ ихъ дома. Пранкенъ обѣщался и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, заговорилъ опять по прежнему весело и вкрадчиво. Онъ выразилъ желаніе, чтобъ Манна послала его, какъ средневѣкового рыцаря, на борьбу съ дракономъ, а не довольствовалась возложеніемъ на него столь легкихъ порученій. Но въ тоже время онъ внутренно сознавалъ, что порученіе Манны теперь было уже вовсе не такъ легко.

Настоятельница встала, находя, что пора положить конецъ посѣщенію. Новая встрѣча съ Пранкеномъ состоялась, и пока этого было достаточно. Настоятельница въ сущности не была такъ исключительно предана монастырю, чтобы препятствовать Пранкену пріобрѣсти любовь Манны. Къ тому же она полагала, что богатство одной и знатное происхожденіе другого могли впослѣдствіи принести не мало выгодъ монастырю и церкви.

— Съ вашей стороны было очень любезно насъ навѣстить, — сказала она: — Прошу васъ, передайте мой поклонъ вашей сестрѣ, графинѣ Беллѣ и скажите ей, что я ее никогда не забываю въ моихъ молитвахъ.

Пранкенъ понялъ, что ему пора удалиться, но хотѣлъ пе-

редъ уходомъ сказать еще что̀-нибудь болѣе опредѣленное и унести съ собой ручательство въ томъ, что желанія его могутъ современемъ осуществиться. Съ мягкимъ свѣтомъ въ глазахъ обратился онъ къ Маннѣ съ просьбой, которую высказалъ такъ смиренно и въ тоже время убѣдительно, что не было возможности ему въ ней отказать.

— Фрейленъ Манна,—сказалъ онъ:—Мы, слабые люди, живущіе въ мірѣ, бываемъ счастливы, когда намъ случается находить себѣ опору.

— Что̀ вы хотите сказать?—быстро и рѣзко вмѣшалась настоятельница.

— Почтенная мать! Я хотѣлъ просить,—съ покорнымъ видомъ обратился Пранкенъ къ монахинѣ, которая строго на него смотрѣла:—я хотѣлъ просить фрейленъ Зоннепкампъ, чтобъ она передала мнѣ книгу, которую держитъ въ рукахъ.

— Удивительно!—воскликнула Манна.—Я сама только-что хотѣла вамъ ее дать, съ просьбой отвести ее моему брату. Пусть онъ каждый день читаетъ изъ нея главу, начиная съ той, которая заложена зеленой вѣткой. Такимъ образомъ мы ежедневно будемъ съ нимъ встрѣчаться въ мысляхъ.

— Какъ я счастливъ, что мы сошлись съ вами въ мысляхъ! Было бы жестоко отказать намъ въ нашемъ взаимномъ желаніи.

Настоятельница не нашлась, что̀ ей сказать, а Пранкенъ продолжалъ:

— Только фрейленъ Манна.... простите мою дерзость.... я буду васъ просить оставить эту книгу въ моемъ владѣніи: я тоже желаю мысленно идти по одной дорогѣ съ вами и съ вашимъ братомъ.

— Но на этой книгѣ написано мое имя,—отвѣчала Манна, и по лицу ея разлился яркій румянецъ.

— Тѣмъ лучше! — хотѣлъ, но удержался, высказать Пранкенъ, и во̀-время остановился. Сложивъ руки, какъ на молитвѣ, онъ просилъ настоятельницу замолвить слово въ его пользу.

Настоятельница въ недоумѣніи покачала головой, и потомъ сказала:

— Дитя мое, ты не можешь отказать господину Пранкену въ этой просьбѣ. А теперь прощайте.

Пранкенъ ушелъ изъ монастыря, унося съ собой книгу. Когда они отчаливали отъ острова, лодочникъ замѣтилъ ему:

— У васъ тамъ, вѣрно, есть невѣста.

Пранкенъ ничего не отвѣчалъ, но далъ лодочнику цѣлую горсть мелкой монеты. Онъ вышелъ на берегъ съ сердцемъ, преисполненнымъ радости, и немедленно послалъ сестрѣ телеграмму.

ГЛАВА III.

ГЕРКУЛЕСЪ ВЪ ПАРИКМАХЕРСКОЙ.

Телеграфный чиновникъ былъ очень удивленъ таинственнымъ содержаніемъ телеграммы, которую ему поручали передать. Однако онъ остерегся чѣмъ либо выразить свое удивленіе, такъ какъ податель ея былъ, по всему видно, молодой человѣкъ знатнаго происхожденія, обращеніе котораго, не смотря на всю его учтивость, отличалось аристократической небрежностью. Телеграмма гласила слѣдующее:

«Слава Богу! Зеленая вѣтка съ острова благополучія. Новая «родословная. Небесная манна. Безконечное обладаніе. Посвя-«щеніе. Новорожденный.

«Отто фонъ-Пранкенъ.»

Пранкенъ ходилъ взадъ и впередъ по аллеямъ красиваго сада, расположеннаго вокругъ станціи желѣзной дороги, смотрѣлъ на горы и на рѣку по направленію къ острову. Весь міръ являлся ему какъ бы преображеннымъ, онъ точно впервые очутился на землѣ или съ глазъ его внезапно сдернули покровъ— такъ все казалось ему свѣтло и прекрасно. Онъ удалился за клумбу кустарниковъ, гдѣ никто не могъ его видѣть, и сталъ на колѣни. Душа его была переполнена. Вдругъ вблизи раздался шорохъ; Пранкенъ быстро вскочилъ на ноги и тщательно счистилъ съ колѣней песокъ. Но тревога была напрасная: передъ нимъ стоялъ нищій. Не давъ даже послѣднему времени попросить милостыни, Пранкенъ подалъ ему щедрой рукой, а когда бѣднякъ удалился, онъ вернулъ его и удвоилъ первоначальную подачу.

Воздухъ былъ пропитанъ смолистымъ запахомъ распускающихся листьевъ; на балюстрадахъ висѣло, какъ бы въ ожиданіи чего-то, безчисленное множество розовыхъ бутоновъ; съ вершины крутой скалы, черезъ которую пролегала желѣзная дорода, доносился крикъ кукушки, а ей вторили тысячи другихъ птицъ. Въ природѣ все пѣло и благоухало, земля казалась воскресшей, освобожденной, и на ней покоилось благословеніе Божіе.

Служащіе при желѣзной дорогѣ, видя молодого человѣка, который то быстро расхаживалъ около станціи, то вдругъ останавливался, какъ вкопанный, или пристально смотрѣлъ вдаль, опять опускалъ глаза въ землю, — полагали, что онъ съ слѣдующимъ поѣздомъ ожидаетъ прибытія близкаго ему лица. Но Пранкенъ никого и ничего не ожидалъ. Что еще могло съ нимъ случиться?

Развѣ не исполнились всѣ его желанія? Онъ не понималъ только одного: какъ могъ онъ теперь еще оставаться въ разлукѣ съ Манной. «Нѣтъ, убѣждалъ онъ самого себя, не слѣдуетъ терять ни минуты, пока мы не соединимся съ ней на вѣки».

Съ дерева, подъ которымъ стоялъ Пранкенъ, спорхнулъ зябликъ и полетѣлъ черезъ рѣку, на островъ. «Ахъ, подумалъ молодой человѣкъ, еслибъ и я могъ за нимъ послѣдовать, пріютиться гдѣ-нибудь на деревѣ и оттуда любоваться ею, а вечеромъ сѣсть на ея окно, смотрѣть какъ она спитъ, и ждать ея пробужденія».

Всѣ волненія, свойственныя молодости, внезапно охватили сердце Пранкена. И въ тоже время изъ глубины его души поднялся голосъ демона тщеславія и самообольщенія, который шепталъ ему, что онъ благородный юноша - поэтъ, что въ немъ заключается много прекраснаго. Пранкенъ охотно внималъ этому голосу, потомъ внезапно опомнился и старался отогнать отъ себя демона.

Онъ сѣлъ въ уединенную бесѣдку и принялся за чтеніе Ѳомы Кемпійскаго. Взоръ его остановился на изрѣченіи: «Научись владѣть собой и ты будешь въ состояніи властвовать надъ міромъ». Пранкенъ смотрѣлъ до сихъ поръ на жизнь, какъ на шутку, изъ которой не стоило труда дѣлать что-нибудь серьезное. Онъ относился къ ея явленіямъ съ видомъ самодовольнаго превосходства, съ какимъ заставляютъ пуделя скакать черезъ палку. Теперь онъ съ удивленіемъ оглянулся и спросилъ себя, неужели подобный взглядъ можетъ согласоваться съ вѣрованіями приверженцевъ церкви? «Въ домѣ Отца Моего обителей много»: не дурно, можетъ быть, показывать людямъ, играющимъ жизнью, что жизнь принадлежитъ не имъ однимъ.

Все вокругъ Пранкена являлось ему теперь чудеснѣе и загадочнѣе, но многое въ тоже время и становилось ему понятнѣе. Еслибъ бутоны, украшающіе изгородь, могли въ ту минуту, какъ въ нихъ протекаетъ лучъ солнца и они распускаются, высказать свои ощущенія, они объяснили бы именно то, что теперь происходило въ душѣ Пранкена. Человѣкъ, только смутно слышавшій о древнемъ преданіи, вдругъ находящій на днѣ рѣки кладъ Нибелунговъ и такимъ образомъ дѣлающійся обладателемъ необычайнаго, единственнаго въ мірѣ сокровища, долженъ бы былъ непремѣнно чувствовать то, что теперь чувствовалъ Пранкенъ, впервые проникаясь смысломъ христіанскаго ученія, которое онъ почерпалъ изъ своей книженки. Въ ней все такъ понятно; она такъ ясно излагаетъ человѣческія стремленія, такъ

кротко научаетъ, что необходимо отказываться отъ лжи и слѣдовать правдѣ.

Пранкенъ долго сидѣлъ, погруженный въ размышленія. Поѣзды приходили и уходили, пароходы сновали взадъ и впередъ по рѣкѣ, Пранкенъ все видѣлъ и слышалъ, какъ во снѣ. Онъ очнулся только, когда на монастырскихъ часахъ пробило полдень, и тогда направился въ гостинницу.

Тамъ засталъ онъ товарища, который недавно женился и путешествовалъ со своей молодой женой. Пранкенъ былъ встрѣченъ съ изъявленіями радости и получилъ приглашеніе участвовать въ прогулкѣ по рѣкѣ и въ горы, которую молодые намѣревались совершить послѣ обѣда. Пранкенъ отказался, самъ не зная почему. Но взоръ его оживился, и онъ не спускалъ глазъ съ молодой четы. «Такъ точно, думалъ онъ, буду и я путешествовать съ Манной!» Пріятная дрожь пробѣжала у него по членамъ, при мысли, что она будетъ принадлежать исключительно ему, и онъ одинъ, одинъ въ цѣломъ мірѣ, будетъ владѣть ею. Ахъ, зачѣмъ онъ не можетъ сейчасъ взять ее изъ монастыря! Но ему еще предстояло учиться терпѣнію.

Обѣдъ прошелъ очень весело. Пранкенъ вскорѣ убѣдился, что еще не утратилъ своей старой способности шутить и смѣяться, и чрезвычайно этому обрадовался. Такимъ образомъ, товарищъ его не разгласитъ въ военномъ казино о перемѣнѣ, происшедшей въ немъ, Пранкенѣ, и толстякъ Капненбергъ не станетъ биться объ закладъ на десять бутылокъ сладкаго Капарскаго, о томъ, что это благочестивое настроеніе не болѣе какъ мимолетный капризъ. Пранкенъ произносилъ свои остроты, какъ выученныя наизусть, и ему казалось, что цѣлый вѣкъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ былъ на парадѣ.

За столомъ кто-то упомянулъ о толпѣ странниковъ, на слѣдующее утро отправлявшихся изъ сосѣдняго города на богомолье. Молодые подняли вопросъ о томъ, не поѣхать ли имъ посмотрѣть на это отправленіе, которое, всѣ говорили, должно было совершиться съ большой пышностью. Но они отложили рѣшеніе до вечера.

Пранкенъ проводилъ молодыхъ къ ихъ лодкѣ, а самъ пошелъ на станцію желѣзной дороги и взялъ билетъ въ сосѣдній городъ. Онъ радъ былъ, что поспѣлъ къ вечерни и направился прямо въ соборъ, гдѣ съ улыбкой состраданія взглянулъ на церковнаго служителя, предлагавшаго ему показать достопримѣчательности храма. Пранкенъ присоединился къ толпѣ молящихся и преклонилъ колѣни.

Онъ вышелъ изъ церкви освѣженный, въ мирѣ съ самимъ

собой, и пошелъ бродить по городу. Остановясь передъ магазиномъ парикмахера, онъ долго стоялъ передъ нимъ въ раздумьи. Никто не повѣрилъ бы, а Отто фонъ-Пранкенъ менѣе всѣхъ, еслибъ кто-либо сказалъ, что ему предстоитъ борьба, не въ открытомъ полѣ, въ виду грознаго непріятеля, а передъ большимъ окномъ, съ выставленными въ немъ духами, фальшивыми уборами изъ волосъ для дамъ и мужчинъ, съ восковыми куклами, стеклянныя глаза которыхъ такъ неподвижно смотрятъ на васъ изъ-подъ искусственныхъ бровей и рѣсницъ. Надъ входомъ виднѣлась надпись золотыми буквами: «Здѣсь брѣютъ и завиваютъ». Не смѣшно-ли, что тутъ, передъ этими дверьми приходится иногда человѣку выдерживать борьбу съ самимъ собой? Нѣтъ, это далеко не смѣшно, а горько и грустно.

Пранкенъ съ чувствомъ самодовольства рѣшился отложить всякую наружную гордость, вмѣшаться въ толпу богомольцевъ и вмѣстѣ съ ними молиться, подвергая себя наравнѣ съ ними различнымъ истязаніямъ. Но чтобъ не обратить на себя посторонняго вниманія, которое могло бы возмутить его благочестивое настроеніе, а главное во избѣжаніе быть узнаннымъ и тѣмъ самымъ ввести въ грѣхъ ближнихъ, доставивъ имъ поводъ къ глумленію надъ святыми вещами, онъ счелъ нужнымъ предварительно сбрить бороду и усы. Онъ болѣе всего опасался молодой четы, которая намѣревалась быть зрительницей при отправленіи богомольцевъ и могла потомъ распустить слухъ о томъ, что видѣла въ числѣ ихъ Пранкена. Сколько людей тогда было бы введено въ грѣхъ! Нѣтъ, ради ближнихъ и ради собственной безопасности, необходимо сдѣлать себя неузнаваемымъ.

Съ твердой рѣшимостью вошелъ Пранкенъ въ парикмахерскую. Сказать правду, требовалось не мало силы воли, чтобы рѣшиться вдругъ лишить себя любимаго украшенія, котораго къ тому же нельзя было возстановить по произволу. Однако Пранкенъ смѣло переступилъ черезъ порогъ благоухающаго магазина, сѣлъ на кресло передъ зеркаломъ и въ послѣдній разъ устремилъ взоръ на свою прекрасную бороду и усы. На него накинули бѣлый плащъ,—приличное одѣяніе для жертвы, а услужливый юноша, ни мало не подозрѣвавшій, какое священнодѣйствіе онъ совершаетъ, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Что прикажете: выбрить васъ, или завить?

— Завить! съ быстротой молніи воскликнулъ Пранкенъ. На него вдругъ точно низошло откровеніе. Да, онъ присоединится къ богомольцамъ завитый и изящно одѣтый: это будетъ имѣть гораздо болѣе глубокій смыслъ и произведетъ болѣе сильное впечатлѣніе. Пусть видятъ, какое уваженіе оказывается рели-

гіозному обряду знатнымъ молодымъ человѣкомъ военнаго званія.

Пранкенъ вышелъ отъ парикмахера прекрасно завитый и, проходя мимо большихъ зеркальныхъ оконъ другихъ магазиновъ, съ самодовольной улыбкой поглядывалъ въ нихъ на отраженіе своихъ спасенныхъ усовъ и бороды.

Пранкенъ зналъ въ городѣ гостинницу, которая преимущественно передъ другими посѣщалась знатью. Онъ отправился туда въ надеждѣ встрѣтить тамъ знакомыхъ, одинаковаго съ нимъ положенія въ свѣтѣ, которыхъ намѣревался уговорить вмѣстѣ съ нимъ отправиться на богомолье. Но знакомыхъ онъ не нашелъ, а только засталъ въ общей комнатѣ знаменитую актрису, приглашенную сюда на нѣсколько представленій, и съ которой онъ въ былое время состоялъ знакомымъ. Теперь онъ сдѣлалъ видъ, будто ее не узналъ, и ушелъ въ свой номеръ.

Настало утро. Церковные колокола возвѣстили время отправленія богомольцевъ въ путь. Пранкенъ вдругъ измѣнилъ свое рѣшеніе.

«Не слѣдуетъ никогда поступать съ необдуманной поспѣшностью, сказалъ онъ самому себѣ, и подавать свѣту поводъ къ ошибочнымъ истолкованіямъ. У людей, что ни говори, есть своего рода обязанности въ отношеніи къ свѣту и къ прошлому. Надо постепенно отставать отъ старыхъ привычекъ и мало помалу выказывать въ себѣ новаго человѣка».

Онъ изъ окна гостинницы, пуская клубы сигарнаго дыма, смотрѣлъ, какъ проходила мимо него процессія богомольцевъ, а потомъ отправился на желѣзную дорогу, взялъ билетъ и помчался обратно въ Вольфсгартенъ.

ГЛАВА IV.

ГОРЬКІЙ МИНДАЛЬ.

Въ странѣ виноградниковъ дамы любятъ собираться вмѣстѣ на чашку кофе. Весной и лѣтомъ, онѣ обыкновенно устраиваютъ эти собранія на небольшихъ пригоркахъ, въ тѣнистыхъ бесѣдкахъ, откуда разстилается прекрасный видъ, — осенью и зимой, въ уютныхъ комнатахъ, въ изобиліи снабженныхъ диванными подушками съ вязаными и шитыми шерстью изображеніями попугаевъ и собакъ.

Эти собранія обыкновенно устраиваются дамами поочередно, и кофе здѣсь служитъ только скромнымъ предлогомъ для слѣ-

дующихъ за нимъ фруктовыхъ пирожковъ и бокаловъ съ «майтранкомъ.» Когда же хозяйки хотятъ особенно отличиться, то онѣ выписываютъ изъ большого города мороженое, которое и привозится съ большими предосторожностями по желѣзной дорогѣ.

Жена мирового судьи начала въ этомъ году рядъ весеннихъ приглашеній на кофе. Въ ея маленькомъ садикѣ роскошно цвѣла сирень, и онъ вообще представлялъ пріятное зрѣлище, но туда могли свободно проникать взоры сосѣдей, и потому угощеніе было приготовлено въ гостиной противъ открытаго балкона.

Съ диванныхъ подушекъ, обитыхъ шумящей тафтой, были сняты чахлы. Графиня Вольфсгартенъ тоже получила приглашеніе и приняла его, но ее никто не ожидалъ. Она обыкновенно, за часъ до прибытія гостей, присылала изящную записочку, въ которой изъявляла сожалѣніе, что должна отказаться отъ давно ожидаемаго удовольствія провести часъ-другой времени въ обществѣ многоуважаемой судейши и ея дорогихъ гостей. Причиной тому былъ ея несносный мигрень.

На этотъ разъ, однако, сверхъ всѣхъ ожиданій, графиня лично явилась на приглашеніе, да еще, — что вовсе не соотвѣтствовало ея высокому положенію въ свѣтѣ, — пріѣхала первая. Судейша поспѣшно отправила Лину въ парадную комнату прибавить еще одинъ приборъ, такъ какъ ни чуть не разсчитывала видѣть у себя графиню Вольфсгартенъ.

— Я сегодня ожидаю моего брата, который возвращается изъ небольшого путешествія, пояснила вскорѣ Белла. Дѣло въ томъ, что ей хотѣлось поскорѣй свидѣться съ братомъ и получить отъ него свѣдѣнія о Маннѣ и объясненіе загадочной телеграммы. Впрочемъ, она пріѣхала сюда еще съ другимъ намѣреніемъ, которое вскорѣ само собой обнаружилось.

Судейша замѣтила, что «капитанъ-докторъ Дорнэ»...

— Я право не знаю, какъ его звать?

— Зовите его просто докторомъ.

— Итакъ, докторъ Дорнэ былъ съ визитомъ у патера, у маіора и у доктора. Ключница доктора много о немъ разсказывала служителю при судѣ. Не странно ли, что онъ, будучи по наружности человѣкомъ порядочнымъ, обошелъ такъ сказать самый центръ городка и не заглянулъ въ домъ мирового судьи. Онъ, правда, когда ночевалъ у доктора, вечеромъ встрѣтился съ нами на прогулкѣ и очень учтиво извинялся въ этомъ упущеніи, а докторша увѣряла, будто онъ скоро опять сюда пріѣдетъ и поселится у Зонненкампа, на жалованьи вдвое больше того, какое получаетъ мировой судья. Господинъ Пранкенъ сдѣ-

лалъ поистинѣ доброе дѣло, доставивъ такое мѣсто человѣку, который, должно надѣяться, вполнѣ оправдаетъ оказанное ему довѣріе.

На все это Белла одобрительно кивнула головой и похвалила судейшу за то, что она умѣетъ отдавать справедливость людямъ, которые по добротѣ сердечной оказываютъ помощь ближнимъ въ нуждѣ. Но, полагала она, судейша, безъ сомнѣнія, также понимаетъ, какъ опасно дѣлать добро человѣку неблагонадежному. Благодѣянія могутъ окончательно испортить его, или въ немъ почти всегда наживаете себѣ врага, который только ожидаетъ случая, чтобъ скинуть съ себя маску и явиться въ своемъ настоящемъ свѣтѣ.

Судейша была въ восторгѣ отъ того, какъ графиня, мнѣнія которой всѣми уважались, высоко цѣнила ея простой здравый смыслъ. Она увѣряла, — довольная, что такая мысль могла войдти ей въ голову, — что всякій, кто вступаетъ въ личныя сношенія съ графиней, непремѣнно начинаетъ яснѣе смотрѣть на вещи. Белла отвѣчала обворожительной улыбкой. Затѣмъ обѣ дамы похвалили туалетъ одна другой, при чемъ все-таки преимущество было отдано наряду графини, съ которой въ чемъ либо соперничать было бы чистой нелѣпостью.

Белла сегодня была какъ-то особенно оживлена.

Не желая, чтобъ болѣзни графа было придано слишкомъ серьезное значеніе, она сама разсказала о легкомъ обморокѣ, случившемся съ нимъ въ виллѣ Эдемъ, гдѣ господинъ Дорнэ сначала его сильно возбудилъ, но потомъ оказалъ ему истинную помощь.

Судейша разсыпалась въ похвалахъ графу и выразила свое удовольствіе на счетъ того, что онъ, благодаря графинѣ, не имѣетъ недостатка въ самомъ тщательномъ за собой уходѣ. Белла, между тѣмъ, снова обратила разговоръ на Эриха. То, что онъ не посѣтилъ домъ мирового судьи, она очень тонко и осторожно приписала совершенно естественной робости, какую онъ долженъ ощущать въ виду одного зданія суда и въ обществѣ человѣка, извѣстнаго своей преданностью къ личности правителя. Любопытство судейши было возбуждено. Она захотѣла получить болѣе опредѣленныя свѣдѣнія, и ей, подъ клятвой строгаго молчанія, — не распространяемаго впрочемъ на судью, которому все слѣдовало знать, — было сообщено слѣдующее: въ политическихъ извѣстіяхъ одной иностранной газеты, т. е. газеты, издаваемой по ту сторону желто-зеленаго пограничнаго столба, значилось, что бывшій лейтенантъ Дорнэ принужденъ

былъ подать въ отставку, подъ опасеніемъ увольненія самимъ правительствомъ.

— Но какъ же это его въ такомъ случаѣ произвели въ капитаны? спросила судейша.

— Вашъ вопросъ такъ труденъ, что хоть бы подъ-стать самому судьѣ, отвѣчала Белла. Она созналась, что сама не могла понять послѣдняго обстоятельства и, конечно, не хотѣла съ своей стороны мѣшать бѣдному молодому человѣку зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Тѣмъ не менѣе, капитанскій чинъ, полагала она, — при этомъ рука судейши подверглась крѣпкому пожатію въ знакъ того, что ей сообщается важная тайна, — былъ ему данъ единственно ради матери, любимой статсъ-дамы вдовствующей герцогини. Изъ уваженія къ ней, вѣроятно, не желали дѣлать огласки.

Белла собиралась улыбнуться въ восторгѣ отъ своей находчивости, но замѣчаніе судейши вызвало на ея лице выраженіе покровительственнаго состраданія.

— Мужъ мой, сказала она, — опять-таки угадалъ правду. Когда мы возвращались отъ васъ, гдѣ такъ пріятно провели время, мой мужъ сказалъ мнѣ и моей дочери: «дѣти, говорю вамъ, Дорнэ опасный человѣкъ!» Надо сознаться, мужчины гораздо умнѣе насъ и всегда скорѣе узнаютъ другъ друга.

И судейша вдалась въ общія разсужденія о людяхъ. Она это очень любила и всегда утверждала, что тотъ, кто живетъ въ домѣ, наполненномъ судебными актами, непремѣнно получаетъ самое невыгодное мнѣніе о человѣчествѣ. Но Белла на этотъ разъ не дала ей распространиться.

— А вашъ мужъ, сказала она, передалъ Зонненкампу свое остроумное заключеніе о докторѣ Дорнэ?

— Ваша правда! воскликнула судейша: — ему-то прежде всего и слѣдовало бы это сказать. Будьте такъ добры, графиня, посовѣтуйте моему мужу переговорить съ Зонненкампомъ. Онъ меня не послушается, ваше же желаніе, напротивъ, поспѣшитъ исполнить.

— Извините, но я этого не могу сдѣлать, отвѣчала Белла: вы сами поймете, что мнѣ не пристало мѣшаться въ такого рода дѣла. Братъ мой былъ до нѣкоторой степени товарищемъ Дорнэ, хотя они и служили въ разныхъ полкахъ. А мужъ мой чувствуетъ болѣзненную... мечтательную, хотѣла я сказать, склонность къ молодому человѣку. Тѣмъ не менѣе, вы совершенно справедливо замѣтили, что вашъ мужъ...

Белла усердно поработала и была увѣрена, что судья въ этотъ же самый вечеръ отправится къ Зонненкампу предупре-

дить его на счетъ Дорнэ, который можетъ теперь идти куда хочетъ и удивлять кого угодно своими самонадѣянными рѣчами и гордымъ обращеніемъ. Белла по многимъ причинамъ не желала, чтобы Эрихъ поселился гдѣ-нибудь по сосѣдству. Онъ ей мѣшалъ, почти былъ ей ненавистенъ. Она, играя вѣеромъ, мысленно повторяла слова мирового судьи: «Этотъ Дорнэ опасный человѣкъ».

Судейша вообще отличалась свободнымъ образомъ мыслей. Она не даромъ была дочерью президента суда, который во время могущества Меттерниха постоянно находился на сторонѣ оппозиціи. Къ тому же домъ ея былъ, что называется, полная чаша, а это, какъ извѣстно, сильно способствуетъ къ тому, чтобъ поддерживать въ людяхъ либерализмъ. Судейша ставила себѣ въ особенную заслугу то, что ни въ чемъ не уступала людямъ знатнаго происхожденія. Она даже видѣла въ этомъ извѣстнаго рода гражданскую доблесть. Но Беллу она считала женщиной необыкновеннаго ума и добровольно ей подчинялась, не замѣчая того, что иногда заходила слишкомъ далеко въ своемъ уваженіи къ ней. Белла все это видѣла и понимала, и обращеніе ея съ судейшей всегда отличалось дружелюбіемъ, какое возможно только между равными. Въ настоящій свой визитъ она еще удвоила любезность, изъ опасенія, чтобъ судейша не приписала ея посѣщеніе какой-нибудь корыстной цѣли.

Въ комнату вошла Лина. Она была очень мила въ голубомъ платьѣ и бѣломъ съ таліей передникѣ. Мать немедленно отослала ее прочь, чтобъ она не была помѣхой, еслибъ графиня пожелала сообщить ей еще что-нибудь особенное.

— Какъ ваша дочь мила и какъ хорошо говоритъ она по-французски!

— Вы очень добры, отвѣчала судейша. — Я не знаю, какова вообще нынѣшняя мододежь, но моей Линѣ недостаетъ развязности, и она ужъ черезъ-чуръ наивна. Представьте себѣ — не понимаю право, откуда она могла набраться такихъ мыслей въ монастырѣ, — дѣвочка вообразила себѣ, что этотъ капитанъ Дорпэ стремится занять мѣсто учителя Роланда потому, что втайнѣ любитъ фрейленъ Манну, которую видѣлъ въ монастырѣ.

Белла притворилась чрезвычайно удивленной и пожелала еще разъ услышать разсказъ о встрѣчѣ съ Эрихомъ семейства судьи. Но судейша отказалась повторить его, говоря, что не желаетъ, чтобъ Лина имѣла репутацію бойкой барышни. На это графиня могла бы ей отвѣтить: «Вы хотите изъ простой, доброй дѣвочки, не обладающей ни особенной красотой, ни талантами, но милой, веселой и чистосердечной, сдѣлать свѣтскую вер-

тушку. Вы то и дѣло понукаете ее: смѣйся, шути, пой, прыгай! Вы хотите бѣлокураго ребенка, съ свѣтлыми голубыми глазами, превратить въ смуглую дѣвушку съ огненнымъ взоромъ»... Белла могла бы все это сказать, но смолчала. Она крѣпко сжала свои тонкія губы, ноздри ея слегка дрогнули: она въ эту минуту ненавидѣла весь родъ людской. Къ счастью, она была избавлена отъ необходимости отвѣчать, такъ какъ начали собираться гости. Всѣ дамы громко изъявляли свое удовольствіе при встрѣчѣ съ графиней, но въ душѣ каждая досадовала на то, что не могла болѣе, какъ надѣялась, играть первую роль.

Превосходное было собраніе!

Есть вещи, учрежденія, положенія, которыя, однажды будучи названы невпопадъ, навсегда сохраняютъ свои неудачныя прозвища. Таже участь постигла и прекрасный обычай, въ силу котораго дамы собираются одна у другой пить кофе. Можно предположить, что приглашеніе «на кофе» есть не что иное, какъ шутка или насмѣшка, такъ какъ въ сущности дамы, являющіяся на кофе, занимаются гораздо менѣе питьемъ кофе, чѣмъ сплетнями и игрой въ мнимое одна къ другой расположеніе. Но тѣмъ не менѣе обычай этотъ очень хорошъ, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ случаевъ, когда еще устраивается игра въ карты и дѣло при этомъ заходитъ такъ далеко, какъ у тѣхъ столичныхъ дамъ, которыя, ведя правильную игру, заводятъ у себя красивыя, въ черномъ сафьянномъ переплетѣ книжечки съ золотымъ обрѣзомъ и съ надписью: «Часы набожныхъ размышленій», а въ книжечкахъ этихъ онѣ записываютъ карточныя взятки и ведутъ разсчеты. Но это тамъ, въ столицѣ, а въ нашемъ маленькомъ городкѣ просвѣщеніе еще не достигло такихъ размѣровъ. Здѣсь карты не составляютъ любимаго убѣжища отъ скуки, и всѣ забавляются, какъ кто можетъ. А почему бы при этомъ и не потолковать другъ о другѣ, о сосѣдяхъ, вообще о ближнихъ, а иногда и не позлословить? Развѣ не тоже самое дѣлаютъ и другіе, напримѣръ, мужчины за бутылкой вина? Неужели у нихъ только и рѣчи, что о высокихъ предметахъ?

Здѣсь тоже главный предметъ разговора составляютъ городскія новости, и кто ими мало интересуется и держится отъ нихъ въ сторонѣ, тотъ безполезный членъ общества. Собравшіяся у судейши женщины толкуютъ о томъ о семъ, судятъ и рядятъ, какъ о равной себѣ, такъ и о высшей и о меньшей братіи. Но не слѣдуетъ забывать, что эти же самыя женщины —виновницы разныхъ благотворительныхъ учрежденій, которыми онѣ прекрасно управляютъ. Итакъ, отложивъ всякіе злые помыслы, присоединимся и мы къ ихъ обществу.

Вотъ госпожа Вейсъ. За спиной, ее называютъ угольщицей, потому что мужъ ея торгуетъ деревомъ и углемъ. У нея черные локоны и темное лице, какъ будто она его не совсѣмъ чисто вымыла. Ей извѣстно ея прозвище угольщицы, и она постоянно одѣвается въ платья дымчатаго цвѣта, что, при ея черныхъ волосахъ и смугломъ лицѣ, не представляетъ особенно пріятнаго зрѣлища, по крайней мѣрѣ при дневномъ свѣтѣ. Къ тому же она еще коситъ, и томный взглядъ ея глазъ имѣетъ выраженіе какъ будто застывшей въ нихъ нѣжности.

Вотъ супруга цементнаго фабриканта, высокая, важнаго вида женщина, которая никогда не смѣется, но всегда серьезна, какъ будто всюду носитъ съ собой глубокую тайну. Но тайны у нея никакой нѣтъ,—молчитъ же она потому, что не умѣетъ ничего сказать.

Дальше сидитъ красивая, но слишкомъ полная жена директора училищъ, прозванная франтихой, вслѣдствіе того, что всегда нарядно и изящно одѣта. Она постоянно улыбается, при чемъ выказываетъ прекрасные зубы. Можно предположить, что она даже извѣстіе о смерти передала бы не иначе, какъ съ улыбкой.

Вотъ жена чиновника, служащаго при обществѣ пароходства. Она мать одиннадцати дѣтей и очень хороша собой. Все общество сильно негодуетъ на маленькую, круглую, миленькую женщину, за то, что она вмѣсто того, чтобъ держать чашку съ кофе на столѣ, высоко поднимаетъ ее въ лѣвой рукѣ, а правой усердно макаетъ туда пирожки. Она на всякую рѣчь одобрительно киваетъ головой, со всѣми соглашается, но сама рѣдко вмѣшивается въ разговоръ и тогда говоритъ съ полнымъ ртомъ, такъ что ее никто не можетъ понять.

Тутъ были еще двѣ поселившіяся въ городкѣ англичанки, скромныя и всѣми любимыя дѣвушки. Онѣ не были знатнаго происхожденія, но казались такими, потому что ни въ комъ не нуждались. Живя въ своемъ маленькомъ домикѣ, онѣ довольствовались сами собой и обходились безъ всякой посторонней помощи, подобно своему родному острову, который все самъ производитъ и ни отъ кого ничего не заимствуя, имѣетъ все, что нужно для благосостоянія человѣка. Всякій разъ, что онѣ появлялись въ обществѣ, ихъ встрѣчали съ новымъ удовольствіемъ, а ихъ оригинальное произношеніе нѣмецкаго языка и своеобразный способъ выраженія, казалось, еще болѣе всѣхъ располагали въ ихъ пользу. Графиня Белла была особенно любезна съ англичанками.

Между женщинами шелъ оживленный разговоръ, точно пѣ-

ніе птицъ въ лѣсу. Каждая поетъ на свой ладъ, чиститъ носикъ, а о другихъ мало заботится и едва ихъ слушаетъ. Впрочемъ случилось, что два раза вниманіе всего общества было устремлено на одинъ и тотъ же предметъ. Госпожа Вейсъ весьма удачно замѣтила, что всякій, видящій графа Клодвига, непремѣнно чувствуетъ увѣренность, что у этого человѣка много орденовъ, хотя бы случилось, что онъ въ эту минуту не былъ украшенъ ни однимъ изъ нихъ. Жена окружного судьи не успокоилась, пока не повторила этого графинѣ.

Второй разъ рѣчь зашла о томъ, какого кто мнѣнія на счетъ привычки мужчинъ курить. Жена директора училищъ разсказала, какъ мужъ ея всегда желалъ быть отъявленнымъ курильщикомъ только для того, чтобъ, отставъ отъ этой привычки, имѣть случай доказать ей свою любовь. Съ лица Беллы не сходила условная улыбка, — холодная, но тѣмъ не менѣе очаровательная.

Затѣмъ разговоръ коснулся Зонненкампа и перешелъ на Эриха. Почему бы и нѣтъ? Въ лѣтнее время городокъ часто посѣщается путешественниками, которые пріѣдутъ, полюбуются развалинами, взглянутъ на другія достопримѣчательности и отправятся далѣе. Но не было еще примѣра, чтобъ кто-нибудь долѣе здѣсь останавливался, а тѣмъ болѣе личность такая необыкновенная. Эрихъ—чужеземная птица, вздумавшая свить себѣ гнѣздо въ таинственномъ жилищѣ Зонненкампа. Пусть такъ: у него никто не намѣренъ за то выщипывать перья, но всякій вправѣ высказать о немъ свое мнѣніе.

Судейша сказала, что она-было думала пригласить въ ихъ общество маіора на томъ основаніи, что онъ болѣе другихъ могъ бы сообщить свѣдѣній о капитанѣ-докторѣ.

Всѣ дамы запаслись работой, шитьемъ и вязаньемъ на спицахъ и крючкомъ. Ни одна не хотѣла казаться лѣнивой, но на дѣлѣ работы мало подвигались впередъ.

Когда сдѣлалось извѣстно, что мать Эриха — дама знатнаго происхожденія, всѣ наперерывъ старались доказать, что подозрѣвали это съ самаго начала. Белла продолжала всѣмъ и на все улыбаться.

Къ обществу на четверть часа присоединился судья. Белла пригласила его сѣсть около себя. Пріятно смотрѣть, говорила она, на мирное счастье, господствующее въ ихъ маленькомъ кружкѣ и изъявляла при этомъ надежду, что оно никогда не будетъ возмущено никакимъ враждебнымъ элементомъ.

Судья съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее своими добродушными глазами и въ недоумѣніи погладилъ бороду, которую но-

силъ, вопреки служебнымъ правиламъ. Какъ могъ онъ подозрѣвать, что это только предисловіе къ тому, что позже должна сообщить ему его жена?

Онъ вскорѣ удалился, извиняясь, что не можетъ долѣе остаться. Судейша объявила, что Лина поступила въ городское общество пѣвцовъ, собиравшееся участвовать въ концертѣ, который давало общество большого сосѣдняго города. Она надѣялась, что дочь ея будетъ пѣть соло.

Белла отозвалась на это неодобрительно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Она терпѣть не могла музыкальныхъ торжествъ, потому что воображала, будто она одна понимаетъ музыку и что только та и есть настоящая музыка, которая ей нравится. Въ музыкальныхъ торжествахъ участвуютъ сотни юношей и молодыхъ дѣвушекъ и почти всегда исполняютъ ораторіи Генделя, Гайдна, Баха. Беллу сердило то, что эти люди думаютъ, будто много смыслятъ въ музыкѣ. Будь это въ ея власти, она полицейскимъ предписаніемъ запретила бы подобныя торжества. Вслѣдствіе этого она не любила и самыя ораторіи, которыя, говорила она, приходились ей не по вкусу, что̀ и должно было служить неопровержимымъ доказательствомъ неудовлетворительности этихъ музыкальныхъ произведеній.

Впрочемъ, она милостиво соглашалась признать за нѣмецкими сочинителями ораторій нѣкоторыя достоинства. Ее возмущало только то, что судейша, жена директора училища, двѣ дочери живущаго пенсіей лѣсничаго и еще нѣсколько дочерей портныхъ и сапожниковъ, могли всѣ себѣ вообразить, будто онѣ служатъ искусству, тогда какъ на дѣлѣ не въ состояніи взять ни одной вѣрной ноты.

Тутъ Лина явилась на сцену. Всѣ дамы обратились къ ней съ просьбой что-нибудь спѣть. Особенно англичанки желали услышать что̀-нибудь національное нѣмецкое. Но Лина, которая вообще не имѣла обыкновенія жеманиться, на этотъ разъ наотрѣзъ отказалась пѣть. Напрасно глаза матери метали молніи— она оставалась при своемъ. Белла, взявъ за руку разгнѣванную судейшу, заступилась за Лину, говоря, что та права, отказываясь вдругъ, такъ, ни съ того ни съ сего пѣть. Затѣмъ она— неслыханное событіе! — встала, подошла къ роялю и, взявъ въ видѣ прелюдіи нѣсколько аккордовъ, заиграла сонату Моцарта. Исполненіе ея было мастерское. Присутствующія были въ полномъ смыслѣ слова осчастливлены, а домъ судьи внезапно получилъ совершенно новый блескъ и значеніе. До сихъ поръ, за исключеніемъ Вольфсгартена, развѣ только немногіе замки, обитаемые знатью, могли похвастаться тѣмъ, что въ стѣнахъ ихъ

когда либо раздавалась игра графини Беллы. Беллу осыпали похвалами. Она поспѣшила ихъ отъ себя отклонить и снова принялась полушутливо, полусерьезно нападать на обычай, вслѣдствіе котораго всѣ, носящія длинныя платья, считаютъ своей обязанностью брянчать на фортепіано. Белла, какъ истая сестра своего брата, бывала непомѣрно счастлива всякій разъ, когда ей удавалось сказать острое словцо. Такъ и теперь она была очень довольна собой, когда говорила:

— Всякая молодая дѣвушка считаетъ нужнымъ учиться вязать чулки изъ звуковъ.

Она въ теченіи нѣсколькихъ минутъ раза три повторила: «вязать чулки изъ звуковъ.» Всѣ смѣялись, а англичанки переглянулись. Белла любезно взялась имъ объяснять смыслъ этихъ словъ.

— Да, сказала она: онѣ вяжутъ чулки изъ звуковъ, и главная задача ихъ въ томъ, чтобъ не спустить ни одной петли въ цѣпи звуковъ. Эти милыя дѣти смотрятъ на четыре части сонаты, какъ на четыре части чулка: край у нихъ соотвѣтствуетъ первой части, пàголенокъ — адажіо, пятка — каприччіо, носокъ — финалъ. По моему мнѣнію, только тому слѣдуетъ учиться музыкѣ, у кого есть талантъ.

Всѣ единодушно съ ней согласились. И дѣйствительно, сколько времени тратятъ дѣвицы, учась играть на фортепіано, а какъ выйдутъ замужъ—все забываютъ.

Судья снова, по приглашенію дамъ, явился въ гостиную. Жена его была на седьмомъ небѣ. Белла похвалила голосъ Лины, пѣніе которой прежде какъ-то слышала. Затѣмъ графиня пригласила молодую дѣвушку погостить у ней въ Вольфсгартенѣ, говоря, что можетъ ей кое-въ-чемъ быть полезна совѣтами. Взглядъ, брошенный судейшей на мужа, выражалъ полное блаженство. И какъ хорошо, что все это случилось въ присутствіи этихъ дамъ! Съ этихъ поръ судейша начала себѣ ставить въ большую заслугу свое простое, дружеское обращеніе съ докторшей, съ угольщицей и съ женами купцевъ.

Белла еще разсыпалась въ похвалахъ вкуснымъ пирожкамъ и пряникамъ, которые судейша приготовляла съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ. Она даже попросила рецептъ, какъ ихъ готовить. Судейша отвѣчала, что знаетъ секретъ, который сообщаетъ ея пирожному такой необыкновенный вкусъ. Онъ заключается въ извѣстной дозѣ горькаго миндалю, примѣшиваемаго къ тѣсту. Она обѣщалась написать графинѣ рецептъ, но, какъ всегда дѣлала въ подобныхъ случаяхъ, постаралась тотчасъ же забыть свое обѣщаніе.

Вскорѣ явился на столъ «майтранкъ.» Его отвѣдали и нашли, что никто не умѣетъ его такъ хорошо приготовлять, какъ судья. Спустя нѣсколько минутъ, доложили о пріѣздѣ фонъ-Пранкена.

Судья вышелъ къ нему, судейша старалась удержать Беллу. Лина выглянула въ окно и увидѣла, какъ Пранкенъ учтиво отклонилъ отъ себя приглашеніе войдти на минуту въ домъ. Белла поспѣшно простилась и уѣхала.

Съ ея отъѣздомъ всѣ почувствовали себя свободнѣе, точь-въ-точь какъ послѣ удаленія двора. Дамы еще тѣснѣе сдвинулись въ кружокъ, стряхнули съ себя принужденіе и одушевились.

Англичанки первыя встали, чтобъ отправиться домой. Другія, не желая отъ нихъ отстать въ знаніи приличій, послѣдовали ихъ примѣру и вскорѣ всѣ разошлись. Судья съ женой и дочерью остались одни.

Судейша отозвала мужа въ другую комнату и тамъ начала его убѣждать, чтобъ онъ, въ качествѣ мирового судьи, построже наблюдалъ за порядкомъ ввѣреннаго ему участка и не допускалъ туда никакихъ подозрительныхъ личностей.

Судья былъ ревностнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей. О немъ всѣ отзывались, какъ объ отличномъ человѣкѣ. Но тѣмъ не менѣе, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго призванія къ своему дѣлу. «Я не вижу ничего интереснаго», говорилъ онъ, «въ ссорахъ людей мнѣ постороннихъ. Будь я землевладѣльцемъ, я бы во всю мою жизнь не затѣялъ ни одной ссоры, а жилъ бы себѣ припѣваючи, всѣми и всѣмъ довольный». Но разъ попавъ въ мировые судьи, онъ добросовѣстно выполнялъ всѣ требованія своего положенія. Однако онъ очень неохотно согласился вмѣшаться въ дѣло объ Эрихѣ и только тогда на это окончательно рѣшился, когда жена увѣрила его, что этого желаетъ графиня Белла.

Они дружно разговаривали, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздался стукъ, а вслѣдъ затѣмъ крикъ. Лина уронила подносъ съ чашками и разбила въ дребезги цѣлый чайный приборъ.

Лучшимъ доказательствомъ прекраснаго расположенія духа судейши было то, что она вовсе не разсердилась.

— Успокойся, дитя мое, сказала она дочери. Зло сдѣлано, его не поправишь, и потому лучше о немъ не думать. Полно, развеселись! Ты была такая розовенькая, теперь совсѣмъ поблѣднѣла. Я почти рада этой маленькой непріятности: всякая радость непремѣнно должна сопровождаться неудачей.

Лина молчала, не желая сказать, подъ вліяніемъ какихъ мыслей у ней выпалъ изъ рукъ подносъ.

ГЛАВА V.

КОРЫСТНАЯ ДУША.

— Отчего ты хоть на минутку не вошелъ къ этимъ почтеннымъ людямъ? спросила Белла своего брата, когда они уже сидѣли въ каретѣ и ѣхали домой. Выходя изъ общества, гдѣ она была весела и любезна, Белла обыкновенно въ теченіи нѣкотораго времена сохраняла то самое настроеніе духа, въ какомъ была тамъ, и продолжала улыбаться стульямъ, шкафамъ и въ пустое пространство. Но братъ ея возвратился изъ совершенно другого міра и съ утра еще ни съ кѣмъ не говорилъ, исключая,—кто бы это подумалъ!—съ собственными мыслями и съ душой Манны.

— Ахъ, оставь меня съ твоимъ свѣтомъ—сказалъ онъ сестрѣ — я хочу его забыть, и пусть онъ съ своей стороны меня тоже забудетъ. Тамъ передъ тобой прыгали и вертѣлись куклы: не можешь ты развѣ ихъ теперь спрятать въ шкафъ и забыть?

— Ты чѣмъ-то озабоченъ? спросила Белла, положивъ руку на плечо брата.

— Озабоченъ! Новая несообразность! Озабоченъ! Какъ часто я прежде слышалъ это слово и самъ повторялъ его. Что такое: озабоченъ? Ничего. Я разбитъ, въ конецъ разбитъ, и въ тоже время вновь созданъ. Ахъ, сестра, со мной совершилось чудо, и всѣ чудеса въ мірѣ сдѣлались мнѣ теперь понятны.

— Прекрасно, поздравляю тебя! Ты, кажется, дѣйствительно влюбленъ.

— Влюбленъ! Ради Бога, не говори этого. Я очищенъ, преображенъ. Ахъ, я такое бѣдное, слабое, робкое существо, что стыжусь въ этомъ признаться даже тебѣ, моей единственной сестрѣ. Въ былое время я и не подозрѣвалъ въ себѣ способности такъ волноваться, такъ.... какъ бы это сказать.... возноситься духомъ, такъ сосредоточиваться.... О, сестра, что это за дѣвушка!

— Какъ лгутъ—сказала Белла, откинувъ голову на мягкія подушки кареты—тѣ, которые утверждаютъ, будто мы, женщины, составляемъ неразрѣшимую загадку. Вы, мужчины, гораздо непонятнѣе насъ. Ты, Отто фонъ-Пранкенъ, любитель и знатокъ балета, впадаешь въ романтизмъ! Хорошо, пусть будетъ такъ: извѣстно, что никакая сила въ мірѣ не сравнится съ силой иллюзіи.

Пранкенъ замолчалъ. Слова Беллы касались его слуха, какъ

звуки изъ другого міра. Когда, гдѣ и кто думалъ или говорилъ о балетѣ? Но въ тоже время, воображеніе, какъ въ туманѣ, рисовало ему игривые, соблазнительные образы, легкія фигуры въ высоко-подобранныхъ платьяхъ.

Сердце его сильно билось подъ книгой, спрятанной въ его боковомъ карманѣ. Онъ собирался изобразить сестрѣ то необыкновенное состояніе, въ которомъ находился въ эти послѣдніе дни. Онъ точно самъ себя не чувствуетъ и не знаетъ, ни гдѣ онъ, ни кто онъ. Ему надо сдѣлать усиліе памяти, чтобъ вспомнить свое собственное имя и то, чего онъ желалъ и еще желаетъ теперь. Онъ ходитъ, какъ въ чаду. Міръ для него не существуетъ: вдали мелькаютъ поѣзды, на рѣкѣ стоятъ города и селенія, но для него это пустые призраки. Онъ весь ушелъ въ душу.

Такой переворотъ произвелъ въ немъ Ѳома Кемпійскій и строки, на которыхъ покоились черные глаза Манны. Все это пронеслось у него въ мысляхъ. Могла ли понять его сестра, что̀ въ немъ происходило, когда онъ самъ не вполнѣ ясно это сознавалъ. Онъ рѣшился все скрыть въ себѣ и сдѣлавъ усиліе, перемѣнилъ тонъ и сказалъ съ улыбкой:

— Да, Белла, любовь — это священное чувство.

Белла начала его дразнить, говоря, что онъ изъясняется, какъ кандидатъ на званіе пастора, который, въ тѣни пасторскаго садика, признается въ любви пасторской дочкѣ, одѣтой въ розовой ситецъ. Лучшее доказательство искренности его новаго чувства, Белла видѣла въ отказѣ Пранкена войдти въ домъ мирового судьи. Онъ хорошо дѣлаетъ, похвалила она брата, что хочетъ прекратить свое волокитство за Линой.

Отто въ смущеніи поникъ головой. Вскорѣ онъ завелъ рѣчь о Маннѣ. Тонъ его, когда онъ говорилъ о ней, былъ такъ мягокъ и нѣженъ, что Белла не могла прійдти въ себя отъ удивленія. Она оставила его спокойно говорить, а сама только ударяла пальцами одной руки о другую и думала про себя: «Черные и свѣтлые глаза могутъ совершать безконечныя превращенія».

Экипажъ въѣхалъ въ рощу, которая издавала пріятный запахъ смолы. Пранкену казалось, что ароматъ исходилъ изъ книги, лежавшей у него на сердцѣ, и оттуда распространялся на весь міръ.

— Со времени нашего дѣда, архіепископа Губерта—сказалъ онъ, задумчиво смотря вдаль—никто изъ нашей семьи не посвящалъ себя церкви. Я хочу....

— Быть не можетъ! воскликнула Белла.

— Я хочу—продолжалъ Пранкенъ—сдѣлать служителя церкви изъ моего второго сына.

Какъ ни забавно все это казалось, но Пранкенъ говорилъ искренно. Онъ сидѣлъ, развалясь на мягкихъ подушкахъ экипажа и пускалъ въ воздухъ струи сигарочнаго дыма.

Белла, у которой всегда и на все былъ готовый отвѣтъ, теперь молчала. Отто вообще не любилъ сомнительныхъ положеній, но на этотъ разъ сидѣлъ какъ очарованный и ничего не могъ сдѣлать, чтобъ выдти изъ него. Онъ, обыкновенно смѣлый и находчивый, походилъ теперь на хвастуна, который, разъ попавъ въ общество пьяницъ, долженъ пить, хотя ему ужъ опротивѣло вино.

— Могу я дать тебѣ совѣтъ? спросила наконецъ Белла.

— Сдѣлай одолженіе.

— Я вѣрю, Отто, въ искренность твоего настоящаго настроенія духа, вѣрю и въ продолжительность его. Но, прошу тебя, не давай его никому замѣтить. Посторонніе могутъ принять это за притворство, за средство расположить въ свою пользу богатую наслѣдницу, благочестіе которой всѣмъ извѣстно. Ради твоей чести, твоего положенія въ свѣтѣ,—я ужъ оставляю въ сторонѣ все другое,—брось эти странности. Я не отъ себя говорю, Отто, а отъ имени свѣта: сложи съ себя эту святость. Извини, если я не такъ выражаюсь, но въ эту минуту я не нахожу другихъ словъ. Будь опять тѣмъ, чѣмъ ты былъ до твоего отъѣзда,—по крайней мѣрѣ передъ свѣтомъ. Ты не сердишься? У тебя такой озабоченный видъ.

— О нѣтъ! Ты умна и добра, и я тебя послушаюсь.

Онъ продолжалъ въ совершенно другомъ тонѣ:

— Что дѣлается на виллѣ? Всезнающій, великій мудрецъ еще тамъ?

Белла усмѣхнулась. Братъ ея заговорилъ по прежнему, рѣзко и насмѣшливо. Пранкенъ въ душѣ порадовался, что не утратилъ своего прежняго тона, который и намѣревался, до поры до времени, сохранить, а можетъ быть и навсегда удержать за собой въ качествѣ отличнаго оружія для борьбы съ вольнодумствомъ.

— Ты, безъ сомнѣнія, говоришь о своемъ другѣ? не могла удержаться Белла, чтобъ не кольнуть брата.

— Моемъ другѣ? Онъ никогда не былъ моимъ другомъ, и я никогда его такъ не называлъ. Я увлекся состраданіемъ и далъ себя обмануть. Отличительную черту нашей семьи составляетъ именно то, что мы не можемъ равнодушно видѣть несчастныхъ. А когда я оказываю кому-нибудь помощь, то непремѣнно сближаюсь съ этимъ человѣкомъ. Вытаскивая изъ воды

утопающаго, мы совершенно естественно беремъ его на руки и прижимаемъ къ сердцу, но все это еще далеко до дружбы.

Да, это опять тотъ же дерзкій, самоувѣренный тонъ. Только онъ за послѣдніе дни, вслѣдствіе размышленія, пріобрѣлъ новую силу и убѣдительность.

Белла передала брату записочку, которую получила на его имя отъ фрейленъ Пэрини. Пранкенъ распечаталъ, прочелъ ее и вдругъ повеселѣлъ. Онъ сунулъ записку въ боковой карманъ, но потомъ подумалъ, что это недостойное сосѣдство для Ѳомы Кемпійскаго, и переложилъ записку въ другой карманъ. Затѣмъ онъ сложилъ руки крестомъ на груди и погрузился въ пріятныя размышленія.

— Нельзя ли мнѣ прочесть записку фрейленъ Пэрини? спросила Белла, и протянула руку.

Отто опять вынулъ ее изъ кармана, вторично пробѣжалъ глазами и передалъ сестрѣ. Въ запискѣ сообщалось извѣстіе объ отъѣздѣ Эриха, и о томъ, что онъ имѣлъ съ Церерой свиданіе, которое сохранялъ отъ всѣхъ втайнѣ. Остальное она обѣщала разсказать ему при свиданіи.

Отто сказалъ, что надѣется скоро получить разъясненіе этой загадки.

— Она болѣе не загадка для меня, съ торжествомъ возразила Белла: — Лина, дочь мирового судьи... Кстати мнѣ пришло на умъ, что у Эгмонтовой Клерхенъ не было фамиліи, да она и не нуждалась въ ней.... Итакъ, Лина всюду разглашаетъ, что капитанъ видѣлъ въ монастырѣ Манну, а на другой день, никому не сказавъ ни слова, заставилъ тебя ввести его въ домъ ея отца. Такимъ образомъ, ты, не менѣе всѣхъ насъ, обманутъ этой корыстной душой.

Пранкенъ глубоко вздохнулъ и крѣпко сжалъ кулаки, но потомъ сдѣлалъ движеніе рукой, какъ будто отгоняя отъ себя какую-то мысль. Белла продолжала разсказывать, какъ она, въ гостяхъ у судейши, позаботилась о томъ, чтобъ эта корыстная душа, — названіе это въ приложеніи къ Эриху, кажется, пришлось ей очень по сердцу, — принуждена была идти въ другое мѣсто искать себѣ очага. Судья взялъ это дѣло на себя. Къ удивленію своему, Белла увидѣла, что Отто вовсе не былъ такъ доволенъ этимъ извѣстіемъ, какъ она ожидала. Ему казалось неприличнымъ для человѣка, собирающагося жить высшей жизнью, — только онъ въ умѣ своемъ самъ не разбиралъ, подразумѣвалъ ли онъ при этомъ высшую общественную, или высшую духовную жизнь, — принимать участіе въ интригахъ и дѣйствовать скрыт-

ными путями. Онъ предпочелъ бы прямо идти къ Зонненкампу и открыть ему глаза.

Белла сдѣлалась очень весела и далека отъ всякаго раздраженія. Ей казалось забавнымъ, что опредѣленіе къ должности домашняго учителя могло надѣлать столько шуму и хлопотъ. Такого рода личность, сколько она ни прикрашивайся, всегда останется мелочнымъ существомъ. Однако она посовѣтовала брату, если онъ желаетъ, чтобъ вся заслуга въ этомъ дѣлѣ сохранилась за нимъ, не медлить и не дать судьѣ себя опередить. Отто обѣщался на слѣдующій же день побывать у Зонненкампа и перерѣзать всѣ нити къ возвращенію Дорнэ на виллу. Но когда наставало это «завтра», онъ пропускалъ его нѣсколько разъ, прежде чѣмъ отправился туда. «Все же было бы лучше, думалъ онъ, чтобъ чужія руки и чужія средства устроили для него это дѣло. Надо дать мировому судьѣ время привести въ исполненіе свое намѣреніе».

Между тѣмъ, Отто продолжалъ читать Ѳому Кемпійскаго, отыскивая тамъ правилъ, примѣнимыхъ къ настоящему случаю, но ничего не нашелъ.

ГЛАВА VI.

ЛОВКІЙ МАНЕВРЪ.

На третій день послѣ своего возвращенія, Пранкенъ отправился на виллу Эдемъ. На пути онъ заѣхалъ къ мировому судьѣ, освѣдомиться, что̀ тотъ успѣлъ сдѣлать? Но судья былъ настолько остороженъ и уменъ, что ничего не хотѣлъ предпринять, не повидавшись сначала съ Пранкеномъ, который рекомендовалъ Зонненкампу своего друга. Если же Пранкенъ того желаетъ, то онъ будетъ готовъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ.

Пранкенъ очень любезно раскланялся, видя, что въ концѣ концевъ ему все-таки самому приходится дѣйствовать. Онъ принялъ предложеніе судьи сопровождать его на виллу. Этотъ несносный педантъ все-таки можетъ быть ему полезенъ. За него можно спрятаться и во всякомъ случаѣ вывѣдать у него кое-что о положеніи врага.

Пранкенъ, подъ вліяніемъ своего новаго высокаго настроенія, не хотѣлъ вмѣшиваться въ интригу. Но въ настоящемъ случаѣ онъ даже и не видѣлъ никакой интриги. А ловкій маневръ, увѣрялъ онъ себя, всегда позволителенъ. Защищаться отъ нападеній врага можно и даже должно. Онъ пріободрился и мы-

сленно начертилъ себѣ планъ, какъ ему дѣйствовать. Лучше всего, думалъ онъ, взять на себя роль мнимаго защитника Эриха и тѣмъ самымъ побудить мирового судью дѣятельнѣе преслѣдовать молодого человѣка. Пранкенъ снова превратился въ смѣлаго, самоувѣреннаго гвардейскаго ротмистра, храбро перескакивающаго черезъ всякаго рода барьеры.

Судья пригласилъ Пранкена зайдти къ дамамъ, покуда онъ приготовится къ поѣздкѣ. Онъ еще не брился. Добрый судья круглый годъ жилъ противозаконно, ежедневно собираясь сбрить бороду, которая въ герцогскомъ декретѣ запрещалась гражданскимъ чиновникамъ. Свое неповиновеніе закону онъ оправдывалъ зубной болью, въ сущности же носилъ бороду именно для того, чтобъ прикрыть у себя полное отсутствіе зубовъ.

Пранкенъ поднялся на верхъ, къ дамамъ. Судейша любезно привѣтствовала его и немедленно разсыпалась въ похвалахъ Беллѣ. Она посѣтовала на Пранкена за то, что онъ не хотѣлъ войдти къ ней въ тотъ день, когда у нея были гости, которые всѣ за одно съ ней очень о томъ сожалѣли.

— А можно у васъ спросить, куда вы ѣздили? полюбопытствовала судейша.

— Внизъ по Рейну, къ одному очень дорогому другу.

— Какъ его зовутъ?

— Фонъ-Кемпенъ.

Судейша поздравила Пранкена съ тѣмъ, что у него столько друзей. Желательно было бы, прибавила она, чтобъ они всѣ были его достойны. Здѣсь разговоръ легко могъ перейдти на Эриха, но Пранкенъ поспѣшилъ освѣдомиться о фрейленъ Линѣ. Мать отвѣчала, что она на кухнѣ, учится стряпнѣ. Это необходимо, замѣтила она, для будущей жены и хозяйки дома, причемъ выразила мнѣніе, что кухарки вообще плохія въ этомъ случаѣ наставницы. Пранкенъ похвалилъ ее за предусмотрительность и распространился на счетъ испорченности прислуги, въ чемъ непосредственно обвинялъ революціонеровъ, которые уничтожаютъ въ народѣ всякую честность и всякія вѣрованія.

Судейша была вполнѣ съ нимъ согласна и снова собиралась завести рѣчь объ Эрихѣ. Къ счастью, въ комнату вошелъ судья. Онъ былъ въ полной формѣ и при шпагѣ, что дѣлало изъ него пресмѣшную фигуру. Но Пранкенъ остался доволенъ его внимательностью, и они поѣхали.

Пранкенъ обыкновенно выходилъ изъ дому судьи не иначе, какъ самодовольно покручивая усы. Многіе изъ его товарищей, думалъ онъ про себя, сочли бы весьма похвальнымъ и благороднымъ, что онъ такъ надилъ молодую дѣвушку. Въ этомъ пріятномъ

сознаніи собственной добродѣтели, онъ воображалъ себя настоящимъ благодѣтелемъ семейства судьи. Ему казалось, что онъ постоянно ему что-то даритъ, и подарокъ его былъ тѣмъ цѣннѣе, что стоилъ ему нѣкоторой жертвы.

Лина смотрѣла на отъѣздъ отца съ Пранкеномъ изъ окна дѣвичьей, находившейся возлѣ кухни. Ее скрывали цвѣты, разставленные на подоконникѣ. Лица ея касалась свѣжая, только-что распустившаяся мѣсячная роза, нѣжный запахъ которой пріятно щекоталъ ея обоняніе, между тѣмъ какъ трепетъ не менѣе сладкій мгновенно охватилъ ея сердце. Когда карета съ судьей и барономъ скрылась изъ виду, она побѣжала въ гостиную, открыла фортепіано и звучнымъ голосомъ, съ большимъ чувствомъ начала пѣть какой-то романсъ. Но мать явилась съ распущенными волосами и замѣтила Линѣ, что вовсе не время пѣть, когда на кухнѣ въ двухъ горшкахъ ушелъ кипятокъ.

— Ты, кажется, всю твою жизнь будешь дурочкой, сказала она: — ты въ монастырѣ только и выучилась, что болтать на разныхъ языкахъ, а во всемъ остальномъ сдѣлалась гораздо хуже.

Лина вернулась въ кухню и, стоя передъ плитой, глубоко задумалась. Ей очень хотѣлось знать, о чемъ говорили Пранкенъ и ея отецъ.

А они, между тѣмъ, собственно затруднялись поддерживать разговоръ. Пранкенъ хвалилъ судью за то, что онъ такъ заботится о порядкѣ и спокойствіи ввѣреннаго ему участка. Судья жаловался на трудность своего положенія. Ему впрочемъ удалось заставить разговориться Пранкена, который передалъ ему всѣ, — конечно, несправедливыя, — обвиненія, будто бы взводимыя на Эриха. Нѣкоторые, прибавилъ онъ, даже утверждаютъ, будто капитанъ Дорнэ измѣнникъ. И Пранкенъ убѣдительно просилъ судью пощадить бѣднаго молодого человѣка, къ которому нѣкогда самъ герцогъ былъ милостиво расположенъ. Но въ тоже время онъ благодарилъ своего спутника за то, что тотъ взялся поправить дѣло, которое онъ, Пранкенъ, затѣялъ подъ впечатлѣніемъ минуты. Бѣдный судья не зналъ, что̀ ему дѣлать, и когда они подъѣзжали къ виллѣ, совсѣмъ растерялся.

ГЛАВА VII.

НОВЫЙ НАСТАВНИКЪ.

Вечеромъ, въ день разлуки Роландъ заснулъ съ досадой въ сердцѣ, которая исчезла на слѣдующее утро, уступивъ мѣсто печали. Нѣтъ, думалъ онъ, невозможно, чтобъ Эрихъ его покинулъ. И такъ сильна была въ немъ эта увѣренность, что онъ пошелъ въ комнату Эриха просить у него извиненія, что ему могъ присниться такой гадкій о немъ сонъ. Но комната Эриха оказалась пустой, а на столѣ лежала его докторская диссертація, какъ бы въ знакъ того, что все это былъ не сонъ.

Роландъ не долго оставался одинъ: его вскорѣ позвали къ отцу. Зонненкампъ представилъ ему молодого человѣка весьма красивой наружности, говорившаго только по-французски и очень плохо по-нѣмецки. Человѣкъ этотъ отличался изящными манерами и носилъ имя кавалера де-Каннъ. Родомъ изъ французской Швейцаріи, онъ былъ рекомендованъ Зонненкампу его столичнымъ банкиромъ. Послѣдній, впрочемъ, самъ затруднился бы сказать, откуда добылъ о немъ нужныя свѣдѣнія, такъ какъ въ сущности все дѣло было устроено фрейленъ Пэрини.

Никогда никто не видѣлъ, чтобъ фрейленъ Пэрини отправляла письма на почту. Вся ея корреспонденція велась черезъ патера. Но это не мѣшало ей находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ французскимъ духовенствомъ, что́ и дало ей возможность сокровеннымъ путемъ довести Зонненкампа до того, что онъ самъ вызвалъ изъ Швейцаріи этого новаго наставника для своего сына. Фрейленъ Пэрини хорошо знала, какимъ отпоромъ встрѣтилъ бы Зонненкампъ непосредственное вмѣшательство съ ея стороны, и потому дѣйствовала особенно осторожно.

Кавалеръ съ большимъ тактомъ съумѣлъ въ самое короткое время расположить въ свою пользу всѣхъ членовъ семьи, не исключая и самого Зонненкампа. Онъ составлялъ полную противоположность Эриху и отличался, если можно такъ сказать, совершенной безличностью. Онъ никогда не выдвигался впередъ съ своимъ мнѣніемъ, но умѣлъ словамъ другихъ придать такой вѣсъ, что всякій невольно возвышался въ собственныхъ глазахъ. И это выходило у него такъ просто и естественно, что его никакъ нельзя было заподозрить въ лести. Даже немногія слова, произнесенныя Церерой, и тѣ были имъ такъ истолкованы, что можно было подумать, будто онъ ее давно знаетъ. Сверхъ всего

этого, онъ еще обладалъ большими свѣдѣніями въ ботаникѣ, что́ дѣлало его особенно пріятнымъ Зонненкампу.

Онъ вмѣстѣ съ фрейленъ Пэрини молился передъ обѣдомъ, и дѣлалъ это такъ скромно и въ тоже время граціозно, что еще болѣе выигралъ въ общемъ мнѣніи. Одинъ Роландъ чувствовалъ къ нему отвращеніе, самъ не отдавая себѣ отчета почему. Онъ мысленно сравнивалъ кавалера съ Эрихомъ и теперь впервые обратился къ отцу съ просьбой, отдать его въ какое-нибудь учебное заведеніе, гдѣ онъ обѣщался хорошо учиться и вести себя во всѣхъ отношеніяхъ прилично. Но отецъ не согласился, говоря, что Роланду гораздо полезнѣе остаться подъ руководствомъ такого лица, какъ его теперешній наставникъ.

Роландъ не могъ пожаловаться, чтобъ кавалеръ слишкомъ утруждалъ его ученіемъ, но тѣмъ не менѣе мысль объ Эрихѣ не давала ему покоя. Онъ уже два раза украдкой писалъ ему письма, похожія на изліянія влюбленной дѣвушки, которая жалуется своему возлюбленному, что ее принуждаютъ къ ненавистному для нея браку. Эрихъ не имѣлъ понятія о досадѣ, какая было-поселилась противъ него въ сердцѣ Роланда, но тотъ тѣмъ не менѣе горько себя за нее упрекалъ и просилъ тысячу разъ извиненія за то, что могъ хоть одну минуту на него сердиться. Но Роландъ не послалъ этихъ писемъ и былъ такъ неосторожень, что оставилъ ихъ открытыми на столѣ. Кавалеръ снялъ съ нихъ копію для фрейленъ Пэрини.

У Эриха былъ преданный другъ и защитникъ въ лицѣ Іозефа. Онъ то и дѣло спрашивалъ у Роланда: когда же возвратится Эрихъ? и постоянно занималъ его разсказами не только о родителяхъ, но и о дѣдѣ капитана Дорнэ. Между прочимъ онъ упомянулъ также о братѣ Эриха, мальчикѣ однихъ лѣтъ съ Роландомъ, что̀ заставило послѣдняго еще сильнѣе желать сближенія съ молодымъ человѣкомъ, который успѣлъ внушить ему такую сильную любовь. Роландъ надѣялся въ братѣ Эриха пріобрѣсти также себѣ брата.

Такъ прошло нѣсколько дней. Роландъ сидѣлъ на складномъ стулѣ по ту сторону дороги, откуда открывался прелестный видъ на паркъ, посреди котораго гордо возвышалась башня главнаго корпуса зданія. Роландъ рисовалъ, а кавалеръ сидѣлъ возлѣ него. Онъ былъ очень порядочный живописецъ. Роландъ вскорѣ замѣтилъ, что ему въ прежнее время слишкомъ много помогали и теперь принялся за дѣло съ новымъ рвеніемъ. Онъ былъ дѣйствительно заинтересованъ. Кавалеръ рисовалъ тотъ же видъ, что̀ Роландъ, и оба по временамъ сравнивали свои рисунки.

Учитель подалъ ему мысль снять нѣсколько видовъ съ раз-

валинъ, пока онѣ еще не возстановлены. Роланду удались эти снимки. Иногда онъ и вѣрилъ, что самъ ихъ сдѣлалъ, но недолго, и имъ снова овладѣвало разочарованіе. Все это казалось ему комедіей, такъ какъ лучшая часть его рисунковъ всегда дѣлалась учителемъ.

Вдругъ послышался шумъ колесъ. У Роланда забилось сердце: это вѣрно ѣдетъ Эрихъ. Онъ подошелъ къ дорогѣ и увидѣлъ Пранкена съ мировымъ судьей. Кавалеръ послѣдовалъ за мальчикомъ, который опять печально поникъ головой. Пранкенъ подалъ Роланду руку и просилъ познакомить его съ кавалеромъ. Роландъ представилъ ихъ другъ другу, а кавалеръ самымъ почтительнымъ образомъ объявилъ, какое мѣсто онъ занимаетъ въ домѣ. Пранкенъ въ отвѣтъ дружески кивнулъ ему головой, вышелъ изъ кареты и пошелъ рядомъ съ Роландомъ. Дорогой онъ передалъ мальчику поклонъ отъ сестры и сказалъ, что имѣетъ отъ нея важное къ нему порученіе, о которомъ они послѣ на свободѣ поговорятъ. Затѣмъ Пранкенъ лестно отозвался о кавалерѣ за его прекрасныя манеры и сказалъ Роланду, что такой человѣкъ гораздо предпочтительнѣе какого-нибудь надутаго и занятого собой нѣмецкаго доктора.

— Эрихъ могъ бы быть собой занятъ, но въ немъ не было ни малѣйшей гордости, рѣзко замѣтилъ Роландъ.

Пранкенъ дернулъ себя за усы. Надо быть спокойнѣе и оставить Эриха въ покоѣ, такъ какъ онъ уже отстраненъ.

Роланду вдругъ сдѣлалось страшно: онъ, самъ не зная, изъ чего-то заключалъ, что Эриху угрожаетъ какая-то опасность.

У входа въ виллу, Пранкенъ оставилъ Роланда съ кавалеромъ, которому опять милостиво поклонился. Затѣмъ онъ сказалъ судьѣ, чтобы тотъ шелъ къ Зонненкампу одинъ. Судья вытаращилъ на него глаза, а Пранкенъ, не дожидаясь отвѣта, отправился къ фрейленъ Пэрини.

Пэрини радостно встрѣтила его и подала ему обѣ руки. Онъ не менѣе дружески привѣтствовалъ ее. Когда Пранкенъ завелъ рѣчь о кавалерѣ, фрейленъ Пэрини сдѣлала видъ, будто ничего о немъ не знаетъ. Пранкенъ разсказалъ ей, какое пріятное впечатлѣніе произвелъ на него кавалеръ, и въ свою очередь прикинулся ничего не подозрѣвающимъ о тайныхъ продѣлкахъ фрейленъ Пэрини.

Онъ началъ разсказъ о своемъ свиданіи съ Манной и только слегка намекнулъ на перемѣну, какую она въ немъ произвела. Фрейленъ Пэрини слушала очень внимательно, по обыкновенію, сжимая въ лѣвой рукѣ свой перламутровый крестъ, а потомъ сама принялась передавать подробности о томъ, о чемъ только

вкратцѣ сообщала ему въ письмѣ, то-есть, о таинственномъ свиданіи Эриха съ Церерой. Она также показала Пранкену отвѣтъ настоятельницы на ея вопросъ о встрѣчѣ Эриха съ Манной. Копія съ письма Роланда къ Маннѣ, въ которомъ тотъ писалъ ей объ Эрихѣ, лежала тутъ же на столѣ.

При этомъ случаѣ высказалась вся рыцарская натура Пранкена, теперь еще болѣе возвышенная нравственно-религіознымъ толчкомъ, который онъ получилъ. Протянувъ руку, какъ бы съ цѣлью отстранить отъ Манны всякое враждебное дыханіе, онъ твердо и рѣшительно объявилъ, что отнынѣ имя Манны должно оставаться неприкосновеннымъ. Къ тому же все это дѣло было не что иное, какъ пансіонская выдумка шалуньи Лины, дочери мирового судьи. Лучезарный образъ Манны долженъ сіять не омраченный никакимъ, ни даже самымъ легкимъ облачкомъ: она прекрасна, чиста, великодушна. Пранкену казалось, что ему, въ качествѣ рыцаря Манны, предназначено быть защитникомъ невинности, и онъ распространилъ свое заступничество даже на Эриха. Да, въ этомъ случаѣ Эрихъ былъ невиненъ: честность, высокое нравственное чувство предписываютъ отдать ему справедливость.

Фрейленъ Пэрини съ удивленіемъ смотрѣла на Пранкена, который въ пылу благороднаго увлеченія продолжалъ:

— Съ этой минуты ребяческая фантазія Лины должна быть забыта. Ни вы, ни я, ни сестра моя, ни Зонненкампъ, который, судя по вашимъ словамъ, къ счастью, ничего объ этомъ не знаетъ,—никто изъ насъ не станетъ болѣе упоминать объ этомъ дѣлѣ.

Фрейленъ Пэрини, вмѣсто того, чтобъ оскорбиться, была въ восторгѣ отъ великодушія и пропицательности Пранкена. Она даже съ граціозной скромностью пошутила надъ мелочностью женщинъ и объявила, что съ его стороны это настоящее рыцарство. Въ нынѣшнее время, прибавила она, турниры производятся на нравственной аренѣ, и потому самому заключаютъ въ себѣ глубокій смыслъ.

Фрейленъ Пэрини ни подъ какимъ видомъ не желала противорѣчить Пранкену, зная, что тѣмъ самымъ лишилась бы всякаго вліянія на него. Пранкенъ вышелъ отъ нея вполнѣ довольный собой и отправился къ Зонненкампу. Теперь онъ могъ безопасно защищать Эриха: развѣ тотъ уже не былъ побѣжденъ? Онъ смѣло положилъ руку на книгу, лежавшую въ его боковомъ карманѣ. Человѣкъ, который ее написалъ, долженъ быть имъ сегодня доволенъ.

ГЛАВА VIII.

ВАЛААМЪ!

Пранкенъ засталъ судью и Зонненкампа въ бесѣдѣ о предметахъ общаго интереса. Хозяинъ дома привѣтствовалъ его очень дружески. Пранкенъ сѣлъ верхомъ на стулъ.

— Я вамъ, почтенный другъ, началъ Пранкенъ (онъ любилъ, въ присутствіи постороннихъ, называть Зонненкампа почтеннымъ другомъ), я вамъ послѣ разскажу о своемъ путешествіи. Теперь же позвольте мнѣ васъ поздравить съ счастливой находкой. Мы, кажется, наконецъ, напали именно на такого наставника, какой нуженъ Роланду.

Но Зонненкампъ отвѣчалъ, что едва ли оставитъ у себя кавалера. Онъ пока взялъ его только на пробу. Внутренній голосъ предостерегаетъ его, чтобъ этотъ благовоспитанный швейцарецъ не слишкомъ развилъ въ Роландѣ склонность къ предметамъ религіи и къ церковнымъ обрядамъ. Что бы ни говорили, а Эрихъ болѣе всѣхъ для него годился — заключилъ Зонненкампъ.

Пранкенъ оглянулся, какъ бы изучая позицію врага, и сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ намъ слѣдуетъ хорошенько себѣ опредѣлить настоящую цѣну этого человѣка.

Онъ сдѣлалъ особенное удареніе на словѣ: цѣна. Зонненкампъ пытливо на него взглянулъ. Что хотѣлъ господинъ баронъ этимъ сказать?

— Цѣна этого человѣка, отвѣчалъ Зонненкампъ:—для меня ничего не значитъ. Но капитанъ-докторъ очень эксцентриченъ. Общество эксцентрическихъ людей вообще пріятно, хотя на нихъ и нельзя полагаться.

Тогда Пранкенъ съ запальчивостью новообращеннаго напалъ на невѣріе Эриха. Роланду, прибавилъ онъ, необходимо дать въ руководители человѣка истинно-религіознаго, который бы въ тоже время, однако, хорошо зналъ всѣ тонкости свѣтскаго обращенія.

— Вы, пожалуй, посовѣтуете, съ улыбкой возразилъ Зонненкампъ:—сдѣлать изъ Роланда служителя церкви.

— Отчего бы и нѣтъ? отвѣчалъ Пранкенъ, подергивая себя за бороду. Но, замѣтивъ насмѣшливый взглядъ Зонненкампа, онъ спохватился и поспѣшилъ поправиться.—Конечно, въ случаѣ, если у него къ тому окажется призваніе. У кого хватитъ духу ему тогда противорѣчить? Что можетъ быть прекраснѣе, какъ от-

речься отъ земныхъ благъ и взамѣнъ ихъ получить блага небесныя.

Судья въ смущеніи игралъ своей портупеей. Назидательный тонъ рѣчи ротмистра гвардіи его совсѣмъ озадачилъ. Предположить въ его словахъ шутку казалось ему невозможнымъ. Судья равно избѣгалъ смотрѣть на обоихъ собесѣдниковъ. За то Зонненкампъ не спускалъ глазъ съ Пранкена. Онъ удивлялся, какъ могъ этотъ молодой человѣкъ говорить такъ неосторожно. Неужели ему мало богатаго приданаго Манны, и онъ еще стремится завладѣть Роландовой частью?

Увлекаемый своей склонностью играть человѣческими страстями, Зонненкампъ началъ разсказывать, какими яркими красками изобразилъ ему Эриха докторъ Рихардъ, утверждая, что такого человѣка не слѣдуетъ упускать, а надо за нимъ какъ можно скорѣй отправить въ погоню чуть-ли не на шести лошадяхъ.

— Ахъ, этотъ докторъ! воскликнулъ Пранкенъ, и заигралъ рукой, какъ будто онъ въ ней держалъ невидимый хлыстъ. — Ахъ, этотъ докторъ! Атеизмъ и коммунизмъ всегда идутъ рука объ руку. А разсказывалъ ли вамъ также докторъ о таинственномъ разговорѣ, который онъ имѣлъ съ Дорнэ въ воскресенье?

— Нѣтъ. Но откуда вамъ это извѣстно?

— Я узналъ это случайно отъ... отъ одного слуги. Свиданіе происходило подъ предлогомъ медицинскаго совѣщанія. Оно сопровождалось пожатіемъ рукъ, и на немъ было рѣшено ничего не говорить господину Зонненкампу о давнишней связи между докторомъ и капитаномъ.

Зонненкампъ поблагодарилъ за свѣдѣніе, но въ душѣ негодовалъ. Подозрѣніе, что между его слугами есть подкупленные Пранкеномъ, подтвердилось. Онъ рѣшилъ немедленно удалить изъ дому поляка, съ которымъ Пранкенъ всегда особенно дружески обращался.

Зонненкампъ неслышно засвисталъ, о чемъ можно было догадаться только по едва замѣтному движенію его губъ.

Судья счелъ своей обязанностью не давать въ обиду уѣзднаго доктора: того требовала солидарность ихъ отношеній къ герцогскому правительству. Доктора, — говорилъ онъ, — нельзя ни въ чемъ серьезно обвинять. Пранкенъ усердно гладилъ себѣ бороду и усы, а судья продолжалъ:

— Господинъ Пранкенъ, конечно, рекомендовалъ вамъ прежде молодого человѣка съ наилучшей стороны. Позволите ли вы теперь мнѣ высказать мое мнѣніе?

Зонненкампъ отвѣчалъ, что онъ вообще имѣетъ большое до-

вѣріе къ мнѣнію судьи. Теперь, или никогда, настала минута для ловкаго маневра. Пранкенъ крѣпче усѣлся на стулѣ и старался ободрить судью, чтобъ онъ скорѣе высказался.

— Объяснитесь скорѣй, — сказалъ онъ: — Я самъ себя теперь упрекаю за то, что не подумалъ ранѣе... дружескія отношенія съ этимъ Дорнэ могутъ быть дурно истолкованы высоко-поставленными лицами и даже приняты за измѣну.

— Позвольте мнѣ, началъ судья тономъ, какимъ останавливаютъ обвиненнаго въ судѣ: — Позвольте мнѣ самому знать, въ какихъ границахъ я долженъ держаться.

Пранкенъ былъ внѣ себя отъ досады. Этотъ слабый, ничтожный человѣкъ держалъ себя съ достоинствомъ, какого въ немъ никакъ нельзя было предположить. Пранкенъ ожидалъ, что судья распространится о нерасположеніи правительства къ Эриху и тѣмъ самымъ напугаетъ Зонненкампа, но на дѣлѣ вышло иначе. Судья говорилъ спокойно, сдержанно, взвѣшивая каждое слово, почти дружески относясь къ Эриху. Онъ сдѣлалъ оговорку, извиняясь въ томъ, что не умѣетъ съ точностью выражаться. Назвавъ Эриха опаснымъ человѣкомъ, онъ подразумѣвалъ въ немъ просто человѣка... члена общества, и имѣлъ при этомъ въ виду только нравственную сторону вопроса... нѣтъ, не то, онъ опять обмолвился... Эриха всѣ знаютъ за человѣка въ высшей степени нравственнаго. Что же касается до соображенія, будто на дружескія отношенія съ Эрихомъ могутъ неблагопріятно взглянуть при дворѣ, — онъ этому рѣшительно не вѣритъ. И вся фигура маленькаго судьи при этомъ выражала благосклонность и преданность.

— Государи нынѣ царствующаго дома, — сказалъ онъ: — неотличаются мстительностью. Они, напротивъ, кротки и миролюбивы. Нашъ правитель имѣетъ, конечно, свои особенности, но всѣ они въ высшей степени безвредны. Всѣмъ извѣстна его неисчерпаемая доброта. Возможно ли послѣ этого, чтобъ онъ хотѣлъ преслѣдовать сына своего наставника и товарища своего брата? Я скорѣе готовъ утверждать, что онъ обратитъ свои милости на того, кто окажетъ пользу или вниманіе Эриху Дорнэ, такъ какъ онъ сдѣлалъ невозможнымъ, чтобъ милости эти обращались прямо на него.

Пранкенъ былъ въ отчаяніи. Онъ смотрѣлъ на судью, какъ на охотничью собаку, которая вышла изъ повиновенія. Нервически онъ сжималъ и разжималъ кулакъ и многое далъ бы въ эту минуту, чтобъ имѣть при себѣ хлыстъ. Онъ мигалъ судьѣ, кидалъ на него грозные взгляды, но ничто не помогало. Пранкенъ горько улыбнулся и старался заглянуть въ ротъ оратору:

ужъ не выросли ли у него опять зубы. Онъ говорилъ такъ бѣгло и рѣшительно, какъ никогда. Ай да бюрократъ! думалъ про себя Пранкенъ, подергивая себя за отворотъ сапога. Съ этими бюрократами никогда не знаешь, чего держаться!

— Мнѣ очень пріятно, сказалъ онъ наконецъ, насильно улыбаясь: нашъ многоуважаемый судья такимъ образомъ разсѣеваетъ всѣ наши сомнѣнія. Нечего сказать, господа чиновники отлично разбираютъ и толкуютъ дѣла!

Въ судью была пущена стрѣла, но онъ оставилъ ее безъ вниманія.

Зонненкампу, казалось, надоѣли эти переговоры. Онъ съ торжествующимъ видомъ направился къ письменному столу, гдѣ лежало нѣсколько уже запечатанныхъ писемъ, выбралъ одно изъ нихъ, сорвалъ съ него печать и сказалъ:

— Прочтите вотъ это, господинъ Пранкенъ и вы, господинъ судья, — прочтите въ слухъ.

Судья взялъ письмо и прочелъ:

Вилла Эдемъ. Мая 186— г.

«Многоуважаемый капитанъ-докторъ Дорнэ!

«Простите старому, посѣдѣвшему въ опытѣ человѣку, который смотритъ на вещи съ чисто-практической точки зрѣнія, если онъ вамъ сдѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе. Правы ли вы, рѣшаясь обратить всѣ силы вашего отъ природы прекраснаго и еще болѣе развитого серьезной наукой ума на воспитаніе одного мальчика, вмѣсто того, чтобъ избрать себѣ болѣе обширное поле дѣятельности? Позвольте мнѣ вамъ сказать, что умъ и знаніе тотъ же капиталъ, а вы хотите помѣстить вашъ капиталъ на слишкомъ ничтожные проценты. Я уважаю благородство вашей души, равно какъ и вашу скромность. Но въ увѣренности, что вы ошибаетесь, думая удовольствоваться столь скромной долей, я считаю своей обязанностью съ благодарностью отклонить отъ себя ваше предложеніе — заняться воспитаніемъ моего сына.

Отъ души желалъ бы я, чтобъ вы доставили мнѣ случай, обезпечить вамъ цѣлый годъ свободной дѣятельности и тѣмъ самымъ доказать вамъ, какъ глубоко васъ уважаетъ вашъ

«Генрихъ Зонненкампъ».

Судья читалъ, а Зонненкампъ неслышно продолжалъ свистѣть и бить тактъ одной ногой о другую. Онъ видимо былъ очень доволенъ своимъ письмомъ.

Съ торжествующимъ видомъ взялъ онъ его обратно отъ судьи и положилъ въ новый конвертъ.

— Желалъ бы я, сказалъ онъ, надписывая адресъ:—чтобъ этотъ человѣкъ жилъ у меня въ домѣ, только въ качествѣ кого-нибудь другого, а не воспитателя моего сына. Его постоянное присутствіе за столомъ, гдѣ бы онъ давалъ направленіе разговору, было бы, напримѣръ, въ высшей степени пріятно. Жаль, право, что этого нельзя имѣть за деньги. Будь я герцогомъ, я непремѣнно завелъ бы у себя при дворѣ особенныхъ чиновниковъ съ званіемъ совѣтниковъ краснорѣчія. Впрочемъ, каммергеры отчасти играютъ эту роль, — неправда ли? спросилъ онъ Пранкена съ легкимъ оттѣнкомъ иронiи въ голосѣ.

Пранкенъ былъ внутренно возмущенъ дерзостью этого человѣка, который не щадилъ даже герцогскаго двора. Тѣмъ неменѣе онъ въ отвѣтъ пріятно улыбнулся.

Лутца позвали черезъ проведенную въ стѣнѣ трубу и вручили ему письмо для отправленія на почту.

Роландъ между тѣмъ ожидалъ Пранкена, который, выйдя отъ Зонненкампа, увелъ его въ отдаленную часть парка и передалъ ему новый экземпляръ Ѳомы Кемпійскаго. Онъ указалъ Роланду на страницу, съ которой ему слѣдовало начать читать сегодня, для того, чтобъ далѣе идти наравнѣ съ Манной. При этомъ Пранкенъ настоятельно требовалъ отъ мальчика, чтобъ онъ хранилъ все это втайнѣ и ни подъ какимъ видомъ не открывалъ своему наставнику, будь онъ вѣрующій или невѣрующій — все равно.

— А развѣ Эрихъ больше сюда не вернется? спросилъ Роландъ.

— Твой отецъ еще до моего пріѣзда написалъ ему письмо съ отказомъ и уже послалъ письмо на почту.

Мальчикъ остался одинъ неподвижно сидѣть на скамьѣ, держа въ рукахъ раскрытую книгу, и безотрадно глядѣлъ въ даль.

Б. Ауэрбахъ.

ДЖОАКИНО РОССИНИ

и

ЕГО ВРЕМЯ.

Che sopra gli altri come aquila vola.

I.

Двадцать пять вѣковъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ впервые произнесено было имя «Roma» и въ книгахъ Сивиллы записано его мистическое значеніе «Amor». Двадцать пять вѣковъ! Стара стала Италія, много она прожила. Эллинское дѣтство великой Греціи, латинское юношество Рима, всемірная возмужалость могущественной римской Италіи, слава великихъ средневѣковыхъ республикъ, воскрешеніе и блестящая посмертная жизнь древности въ Италіи XVI вѣка,—все это миновало. Въ XVII вѣкѣ, Италія—старушка; она румянится и бѣлится, жеманится и аффектируетъ. Забыли о Данте, боготворятъ Марини. Мысль заглохла, процвѣтаютъ concetti. Италія XVII-го и первой половины XVIII-го столѣтій занята единственнымъ серьезнымъ дѣломъ—любовными интригами. Madonna Italia устарѣла, и рыцари, сражавшіеся за обладаніе ею, устали. Нѣтъ даже пассивной политической дѣятельности, которая состояла въ томъ, чтобы принадлежать сегодня одному, завтра другому. Италія румянится и бѣлится и занимается интрижками, а еще болѣе спитъ:

. . . . . la negghitosa
Che il capo all'Alpi posa
E stende all'Etna i piè.

Но вотъ начинаетъ мерцать что-то новое, что-то какъ будто обѣщающее пробужденіе, новыя силы, второе возрожденіе, уже не къ прошедшему на этотъ разъ, не искусственное, а къ свѣтлому будущему, здоровое, могучее обновленіе.

Италія спитъ, но ей снятся чудные сны. Ей снится, будто она не старая кокетка, презираемая даже любовниками, а почтенная матрона, нѣжно-любимая мать; будто cavalieri serventi, которые ее окружаютъ—не чичисбеи, а сыновья ея, родные сыновья, исполненные любви къ матери, готовые положить за нее жизнь, когда наступитъ для нея новая опасность, когда придетъ для нея время возстать съ этого раззолоченнаго ложа, слишкомъ похожаго на гробъ, и сбросить съ себя роскошныя, но постыдныя одежды невольницы.

Опасность эта явилась на рубежѣ XIX вѣка. Еще разъ «съ Альповъ сошли потоки воиновъ и стада галловъ пришли испивать воды По́», какъ говоритъ Филикая (1642—1707) въ своемъ знаменитомъ сонетѣ. Что-то новое, сперва непонятное или, лучше сказать—давно забытое, происходило съ Италіею. Возникали новыя республики; тѣ люди, которые прежде не смѣли даже говорить о правительствахъ, вдругъ оказались способными умирать за нихъ: такъ Піетро Мика взрываетъ себя на воздухъ и спасаетъ крѣпость. Другіе—и это было бо́льшее число—увлекаются возрожденіемъ Италіи въ родной республиканской формѣ, и служатъ ей, какъ Фосколо.

Громадная борьба происходитъ на поляхъ Ломбардіи; Италія на моментъ видитъ предъ собою благотворный призракъ единства; италіянскія войска, съ давнихъ поръ невиданныя въ битвѣ, идутъ въ дальнія страны побѣждать съ побѣдителемъ.

Въ воздухѣ ощущается какая-то живительная струя, какая-то незнакомая упругость. Сонъ Италіи начинаетъ осуществляться: она уже не старая кокетка, а Корнелія, мать Гракховъ. Но она все еще остается невольницей, и неволя скоро становится для нея тѣмъ тяжеле, что она провидѣла свободу.

Пробудили новую Италію и повели ко второму возрожденію поэты: суровый Парини, героическій Альфіери, мрачный и страстный Уго Фосколо. Въ Уго Фосколо отразилось и то горькое отчаяніе, которое овладѣло Италіею, когда исчезло эфемерное единство и угасла надежда свободы. Его Вертеръ — Якопо Ортисъ, кончаетъ жизнь самоубійствомъ не столько потому, что та женщина, которую онъ любилъ, принадлежитъ другому, сколько потому, что та родина, которую онъ обожаетъ, подпала подъ иго тирановъ. Шарлотта италіянскаго Вертера, это — Италія.

Чтобы измѣрить разстояніе между духомъ италіянскаго об-

щества въ первой половинѣ и въ концѣ XVIII в., лучше всего взглянуть на Гольдони и на Альфіери. Изъ гольдоніевскихъ вѣчно-влюбленныхъ синьориновъ, выдѣлывающихъ разныя штуки для достиженія единственной цѣли, къ которой они способны стремиться, италіянцы обращаются—покамѣстъ хотя мысленно, но и то уже много — въ альфіеровскихъ героевъ и патріотовъ Фосколо.

Несправедливо было бы приписывать все это пробужденіе исключительно толчку, данному изъ Франціи. Не только въ поэзіи, но и въ наукѣ, во второй половинѣ XVIII в. въ Италіи чувствуется возрожденіе: Джіамбатиста Вико, Чезаре Беккаріа, Гаэтано Филанджери, Алессандро Вольта — вотъ имена, которыми блеститъ это время. Того умственнаго движенія, которое они представляютъ, нельзя приписать французскому вліянію, хотя нѣтъ сомнѣнія, что всѣ они, поэты, и ученые, и художники, какъ Канова, и даже музыканты, какъ Россини, были вызваны на сцену тѣмъ неопредѣленнымъ волненіемъ, тѣмъ усиленіемъ электричества въ воздухѣ, которыя предшествовали большой французской революціи, очистившей атмосферу политическаго міра, сопровождали ее и слѣдовали за нею.

Въ это тревожное и въ высшей степени неопредѣленное время, когда Италія уже чуяла новую жизнь, но далеко еще не созрѣла для нея, родился въ небольшомъ городѣ Романьи, на берегу Адріатики, въ Пезаро — Джоакино Россини (29 февраля 1792 года). Онъ воспитывался и работалъ въ это лихорадочное время, когда въ Италіи старое общество было потрясено, но не умерло. Тѣ двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, которыя Россини работалъ въ Италіи, для Италіи, и которые сдѣлали его тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, принадлежали именно къ тому періоду, когда старое общество, потрясенное революціею, уже ощутило потребность новой, дѣятельной, полной жизни, но не было способно къ реальной дѣятельности, къ упорному труду, и въ томъ, что совершалось передъ нимъ, надъ нимъ, видѣло блестящую богатырскую поэму. Оно не знало навѣрное къ чему приведетъ гроза, но любовалось молніею.

Характеръ этого времени, жажда дѣятельности и неспособность къ работѣ, увлеченіе славою, блескомъ великихъ событій, страсть къ новизнѣ, слѣдовавшей за новизною и эффекту смѣнявшему эффектъ—опредѣлилъ характеръ геніяльнаго композитора, котораго прозвали «Наполеономъ оперы».

Условія жизни стараго итальянскаго общества, попавшаго въ передѣлку къ новому времени, были внѣшними условіями работы Россини и повліяли на ея качества. Алмазъ всегда будетъ ал-

мазъ, но отдѣлка его зависитъ отъ требованій времени, отъ моды, наконецъ отъ орудій, какими располагаетъ ювелиръ. Это общество было восторженно, но лѣниво, а потому бѣдно. Оно было старо, но уже утратило лучшую сторону старины для искусства — покровительство синьоровъ, обезпеченіе артистовъ на завтрашній день. До меценатства ли было въ то время итальянской аристократіи! Парини пишетъ:

La mia povera madre non ha pane
. . . . ed io non ho danaro
Da mantenerla almeno per domane!

Россини получаетъ за оперу 800 франковъ, двѣ трети этой суммы отсылаетъ отцу и матери, а остальную издерживаетъ съ друзьями; не откладывать же ее! И вотъ надо опять работать. Работать лѣнь, на работу осталось всего двѣ недѣли; но не сдѣлать работы нельзя: нѣтъ ни гроша. Вотъ и говорите, что у Россини мало отдѣлки, и что финалы его неглижированы.

Россини въ Италіи былъ также лѣнивъ, какъ это старое общество, также какъ оно, любилъ удовольствіе и эффектъ, какъ оно, жаждалъ движенія, увлекался движеніемъ и иногда принималъ его за драму. Онъ былъ воспитанникъ своего времени. Не дитя времени, потому что онъ былъ геній. Природа его, какъ генія, стояла выше недостатковъ даннаго времени. Онъ былъ способенъ къ глубокой, истинной драмѣ,—объ этомъ дальше,— способенъ и къ работѣ, онъ и работалъ, только въ Парижѣ. Но въ тогдашней Италіи онъ воспитался среди бѣдности, на удовольствіи, на эффектности и страсти къ блеску и механическому движенію.

Мы говоримъ объ Италіи начала XIX и Россини. Въ какомъ же положеніи была въ то время музыка, опера? И въ музыкѣ, въ Италіи, сказалось то безотчетное возбужденіе, которое ознаменовало конецъ XVIII в. Чимароза, Паэзіелло, Паэръ, Цингарелли, Караффа, Дженерали—достаточно привести имена. Не забудьте, что Италія слушала уже Моцарта, который однако понравиться ей въ то время не могъ; онъ былъ слишкомъ глубокъ, даже слишкомъ страстенъ для стараго итальянскаго общества. Современники повѣствуютъ, что тогдашніе итальянцы видѣли въ музыкѣ Моцарта какое-то насиліе и боялись его.

Итакъ, Чимароза, Паэзіелло.... Чимароза хотя и былъ вызванъ тѣмъ же нравственнымъ напряженіемъ конца XVIII вѣка, но музыка его по характеру—прямо принадлежитъ ко времени минувшему уже тогда. Чимароза, это—XVI вѣкъ въ музыкѣ; идеальная красота, культъ красоты, совершенство формъ, языческое назначеніе искусства, которое освободилось отъ вліянія органа и

сикстинской капеллы — вотъ что̀ Чимароза. Онъ чистый аристократъ. Всѣ геніи XVI вѣка — аристократы. Чтобы оцѣнить «Matrimonio secreto» и т. д. какъ слѣдуетъ, надо имѣть вкусъ утонченный, вкусъ, который не падаетъ на колѣни передъ блескомъ идеи, не даетъ себя покорять первымъ натискомъ, а спокойно любуется, и любуется развитіемъ идеи, стройностью частей, изящностью отдѣлки, еще болѣе чѣмъ самою идею.

Новому времени нуженъ былъ и новый музыкантъ. Какой переворотъ можно было сдѣлать въ этой утонченной, «совершенной» музыкѣ? Смыслъ этого переворота уяснится сейчасъ изъ самаго взгляда современниковъ на Чимарозу и его учениковъ, если вспомнимъ, что и въ искусствѣ, — хотя бы то была музыка, наименѣе реальное изъ искусствъ — сказываются потребности, отзывается духъ времени.

Вотъ что̀ говоритъ о положеніи музыки, какъ она была довершена къ тому времени Доминикомъ Чимарозою и его послѣдователями, знаменитый итальянскій историкъ прошлаго столѣтія [1]): — «Кажется мнѣ, скажу больше, я убѣжденъ, что она достигла той степени совершенства, дальше которой не остается ничего ни желать, ни прибавлять, и къ которой что либо прибавляя пойдемъ только къ порчѣ (verso la corruzione)... Простота и единство, столь совѣтуемые Гораціемъ, въ каждой части и въ цѣломъ соблюдались, и съ ними соединена была такая прелесть (leggiadria), такая изящность, что слушать ихъ нельзя было безъ очарованія, и человѣкъ испытывалъ una dolcezza inesprimabile.. Кто знакомъ съ Гомеромъ, Виргиліемъ, Рафаэлемъ д'Урбино, легко поймет̀ъ, что̀ я хочу сказать. И Гомеръ и Рафаэль влились въ Паэзіелло и въ Чимарозу и въ многихъ иныхъ композиторовъ этого времени, которое въ самомъ дѣлѣ можетъ и должно назваться золотымъ вѣкомъ музыки.»

Вотъ мы оттого и сказали, что Чимароза — XVI вѣкъ; этотъ вѣкъ, какъ извѣстно, и былъ золотой.

Теперь вы уже легко видите, *въ какомъ смыслѣ* неизбѣжно долженъ отразиться въ музыкѣ общій переворотъ начала XIX в. «Dolcezze» Чимарозы таяли въ насыщенномъ электричествомъ воздухѣ. Чудную арію, въ которой поется о томъ, какъ можно дойти до калитки сада, отворить ее и проч. не хватало терпѣнія дослушивать. Аристократическая изысканность была надменностью: à bas les marquis! Архитектоническая стройность была тоже, что фридриховскія ученыя построенія на по-

[1]) Botta, Storia d'Italia.

лѣ битвы: явился Наполеонъ и разнесъ ихъ своею компактностью натиска, грозою своей артиллеріи.

Явился Россини, этотъ революціонеръ, Дантонъ—de l'audace, encore de l'audace;—Россини—этотъ Наполеонъ, завоеватель, который не даетъ ни времени разбирать себя, ни спокойствія сдаваться на капитуляцію. Онъ первымъ натискомъ, главною силою самой своей мысли покоряетъ васъ, проходитъ надъ вами, посреди ослѣпительнаго фейерверка, и затѣмъ.... затѣмъ ѣдетъ его обозъ—финалъ. Это—одни фургоны, всегда похожіе и всегда нужные. У него нѣтъ ученой и благоразумно-дополнительной атаки аррьергарда; онъ увѣренъ въ успѣхѣ; онъ бьетъ съ одного удара.

Заботиться о финалѣ, зачѣмъ? Если атака была успѣшна, вы покорены, и финала не будетъ слышно за вашими рукоплесканіями; если атака была неуспѣшна, нé о чемъ и заботиться. Въ обоихъ случаяхъ финала писать не стоитъ. Россини былъ, повидимому, того убѣжденія, что лучшій финалъ для пьесы — неудержимый взрывъ аплодисмента.

Стратегія Россини именно такова, какъ мы и очертили ее сравненіемъ. Ни одинъ музыкантъ не бьетъ такъ сильно именно богатствомъ, увлекательностью и неожиданностью мелодической мысли. Изъ унціи золота иной ювелиръ сдѣлаетъ вамъ драгоцѣнную вещь; Россини продаетъ свои издѣлія на вѣсъ, работа у него не въ счетъ. Онъ не экономничаетъ вдохновеніемъ. Не видано еще никогда такого ювелира, который бы сталъ у окна и началъ *кидать* въ публику алмазами и сафирами, чтобъ удивить ее. А Россини такъ именно дѣлалъ: онъ *кидалъ* своими драгоцѣнными камнями. Ловите ихъ на лету, вотъ летитъ уже другой, подымайте который хотите, а то подождите, пока третій или десятый самъ попадетъ вамъ въ руку. Вамъ будетъ и того довольно; онъ пристанетъ къ вамъ, не дастъ вамъ покоя цѣлые дни, недѣли. Когда поставленъ былъ «Танкредъ», въ Венеціи, въ судѣ президентъ изгонялъ публику, потому что она напѣвала во время судебныхъ преній «Di tanti palpiti», и заражала своимъ примѣромъ присяжныхъ.

Когда поставленъ былъ «Моисей», въ Миланѣ, то одинъ докторъ свидѣтельствовалъ, что сорокъ человѣкъ заболѣло отъ нервнаго раздраженія вслѣдствіе хора третьяго акта [1]).

Вотъ что̀ такое былъ Россини. Это былъ революціонеръ: онъ внесъ въ музыку народность (не національность, а популярность), возвелъ ее на степень народнаго энтузіазма и увели-

[1]) Stendhal, Vie de Rossini.

чилъ средства оркестра. Это былъ завоеватель, вышедшій изъ революціи Наполеонъ: онъ не очаровываетъ, а поражаетъ, онъ не старается нравиться, а просто подчиняетъ себѣ, и безъ всякой хитрости, просто силою генія, могуществомъ мелодическаго творчества. По могуществу и богатству этого творчества онъ соперниковъ не имѣетъ, какъ и Наполеонъ еще не имѣлъ равнаго по числу выигранныхъ сраженій. Завоеватель Россини создалъ и своихъ маршаловъ, цѣлую плеяду знаменитыхъ пѣвцовъ: Нодзари, Давидъ, Донзелли, Марколини, Кольбрандъ, Фодоръ; впослѣдствіи, Паста, Малибранъ, Віардо́, Дюпре, Лаблашъ, Рубини и т. д., и цѣлый рядъ композиторовъ подражателей.

Въ успѣхѣ своемъ онъ обнаружилъ и деспотизмъ, неразлучный съ завоевательствомъ; прощай просторъ, любезный пѣвцамъ, прощайте причудливыя, произвольныя фіоритуры: все это написано самимъ композиторомъ: исполняй приказаніе, и разсуждать не смѣй.—Lasciate fare a me, говаривалъ онъ исполнителямъ.

Говорятъ: слишкомъ много фіоритуръ у Россини; но развѣ тогдашніе пѣвцы при исполненіи не обременили бы также свои партіи фіоритурами? Разница для публики вышла та, что украшеній было столько же, только въ лучшемъ вкусѣ; а были ли они написаны композиторомъ или выдуманы пѣвцомъ — для публики это было совершенно все-равно.

II.

Обратимся теперь къ самой личности Россини, и взглянемъ на частности его работы и его творчества. Изъ историческаго очерка ясно его значеніе, видно чѣмъ онъ былъ. Біографія покажетъ условія окружавшія его творчество, и уяснитъ сама собою, почему онъ былъ только тѣмъ, чѣмъ былъ.

И чѣмъ же онъ могъ бы быть, если бы всѣ условія благопріятствовали проявленію его генія? Сошлемся на нѣмца, потому что нѣмца не упрекнутъ въ преувеличеніи въ пользу Россини: Das ist ein Gedanke nicht auszudenken, откровенно отвѣтилъ недавно одинъ критикъ на этотъ вопросъ.

Мы уже сказали, что Россини родился въ Пезаро, 29 февраля 1792 года. Городъ Луго, говорятъ, заявляетъ теперь претензію быть его родиною, послѣ его смерти; но это, если имѣетъ смыслъ, то развѣ напоминая споръ городовъ Эллады изъ-за Гомера. Всѣ біографы Россини согласны на счетъ его родины и дня его рожденія. Отецъ композитора, Джузеппе Россини, былъ

странствующій музыкантъ, игравшій на валторнѣ. Мать его, Анна, урожденная Гвидарини, исполняла партіи второстепенныхъ пѣвицъ; она была красавица. Родители Джоакино отправлялись играть на ярмарки, въ разные города, и брали съ собою сына. Когда Джоакино было уже 14 лѣтъ и онъ умѣлъ играть на фортепіяно и хорошо пѣлъ, то именно въ Луго и въ Болоньѣ, онъ исполнялъ должность регента хоровъ импровизованной, ярмарочной оперной труппы.

Но до этихъ быстрыхъ успѣховъ мальчикъ Россини вовсе не обнаруживалъ охоты къ какому бы то ни было ученью, въ томъ числѣ и музыкальному. Къ нему нельзя приложить обычную фразу біографій великихъ людей: «уже въ раннемъ дѣтствѣ».... фразу, которая такъ примѣнима къ Вольфгангу Моцарту. Въ тѣ годы жизни, когда Моцартъ уже порядочно игралъ на скрипкѣ, отлично на клавикордахъ и даже компонировалъ, Россини совсѣмъ не изъявлялъ охоты учиться. Не знаемъ, насколько достовѣрно свѣдѣніе, которое мы находимъ въ «воспоминаніяхъ о Россини двухъ знатоковъ и друзей его», помѣщенныхъ недавно въ газетахъ [1]), что отецъ Джоакино отдалъ его даже, въ наказаніе за лѣность, въ ученье къ кузнецу и что мальчикъ Россини рѣшился наконецъ учиться музыкѣ только потому, что «она все-таки легче кузнечнаго дѣла». А вѣдь курьёзное было бы это обстоятельство! Вотъ Верди ввелъ кузнечное мастерство въ «Trovatore», но все-таки не сдѣлался Россини. Обстоятельства, о которомъ мы сейчасъ упомянули, не приводитъ ни классическій и первый біографъ Россини Стендаль, ни ученый Фетисъ. Фетисъ [2]) говоритъ, что изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ ему самимъ маэстро, онъ заключаетъ, что мальчикъ Россини уже на десятомъ году игралъ на трубѣ въ бродячемъ оркестрѣ, вмѣстѣ съ отцомъ. Стендаль же [3]) утверждаетъ, что онъ началъ учиться музыкѣ не ранѣе 12 лѣтъ, въ 1804 году, въ Болоньѣ, и что первымъ учителемъ его былъ Анджело Тезеи. Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ, онъ уже сталъ заработывать деньги пѣніемъ въ церквахъ. Въ 1806 году, онъ уже могъ пѣть à livre ouvert. Вотъ въ это-то время отецъ и опредѣлилъ его регентомъ хоровъ (по сказанію Фетиса) или дирижеромъ оркестра (по разсказу Стендаля) въ бродячую оперную труппу, которая посѣщала Луго, Феррару, Синигалью, Форли и т. д.

---

[1]) Allgemeine Zeitung, № 327, Beilage.

[2]) Fétis. Biographie Universelle des Musiciens et Bibliographie générale de la Musique. T. septième.

[3]) Stendhal. Vie de Rossini, 1824.

Оба цитуемые нами біографы согласны, что 20-го марта 1807 года онъ поступилъ, для серьезнаго музыкальнаго образованія, въ Болонскій лицей, гдѣ учителемъ его былъ отецъ Станислао Маттеи.

Маттеи былъ учитель строгій; онъ долго держалъ своихъ учениковъ на первоначальныхъ, простыхъ формахъ, безъ модуляцій, однимъ словомъ на простомъ контрапунктѣ. Россини, разумѣется, изучалъ гаммы. Наконецъ, однажды учитель сказалъ: «ну, теперь вы, дѣти, прошли простой контрапунктъ, который нужно знать для «вольной» музыки; а для высшей, духовной музыки этого еще слишкомъ мало; мы перейдемъ къ сочиненію каноновъ, къ познанію двойного контрапункта и фуги.»

— Какъ, reverendissimo, вскричалъ лѣнивецъ Россини, — такъ-ли я понялъ? Неужели съ тѣмъ, что я знаю, можно уже писать оперу?

— Конечно.

— Ну, такъ дальше я не хочу ничего и знать; я хочу только *дѣлать оперы*.

Вотъ какимъ образомъ Россини сталъ *дѣлать оперы*, ограничиваясь пріобрѣтеніемъ въ школѣ знанія простого контрапункта. Но ограничился ли онъ этимъ школьнымъ знаніемъ? Нѣтъ. Онъ взялъ себѣ другихъ учителей, лучшихъ даже чѣмъ падре Маттеи—Гайдна и Моцарта. Онъ самъ говаривалъ впослѣдствіи, что изученіе Гайдна и Моцарта, модуляція и инструментовка ихъ тэмъ, и сравненіе этой работы съ тою, которую онъ уже находилъ готовою въ сочиненіяхъ Гайдна и Моцарта, подвинули его въ знаніи музыкальной техники гораздо дальше, чѣмъ то могли сдѣлать годы, проведенные у падре Маттеи. Россини всю жизнь сохранилъ самую нѣжную привязанность къ генію Моцарта, о которомъ говорилъ какъ объ идеалѣ совершенства. Моцартъ умеръ за годъ до рожденія Россини.

Первымъ произведеніемъ Россини была симфонія для полнаго оркестра; первымъ *исполненнымъ* его произведеніемъ была кантата «il Pianto d'Armonia», исполненная въ Болоньи, 12-го августа 1808 года, когда композитору было 16-ть слишкомъ лѣтъ. Въ 17-ть лѣтъ Россини былъ уже такъ музыкально образованъ, что ему дали дирижировать оркестромъ въ ораторіи Гайдна «Времена года», которая была исполнена въ Болоньѣ въ 1811 году. Возвратясь въ Пезаро, онъ нашелъ тамъ друзей, которые отправили его въ 1810 году въ Венецію. Для тамошняго театра онъ написалъ первую свою оперу «La Cambiale di Matrimonio» (Брачный вексель), которая была названа farza, потому что имѣла только одинъ актъ; «d'Equivoco Stravagante» въ

Болоньѣ (1811 г.) и «L'Inganno felice» (Счастливый обманъ), написанная въ 1812 году, были дальнѣйшими его шагами.

«L'Inganno felice» уже замѣчательна по силѣ таланта. Въ Феррарѣ, Россини исполнилъ въ посту, 1812 г., оперу (она была названа ораторіей) «Ciro in Babilonia» «Киръ» [1]), и за тѣмъ отправился опять въ Венецію, куда приглашалъ его директоръ театра San-Mosé. Этотъ импрезаріо, какъ всѣ импрезаріи того времени, невѣжественные барышники или дерзкіе октупщики, «державшіе» оперу, потому что «держали» примадонну, — позволилъ себѣ безцеремонное обхожденіе съ мало-извѣстнымъ, двадцатилѣтнимъ авторомъ «Inganno felice». Что̀ сдѣлалъ Россини? Въ новой оперѣ, которую онъ писалъ для San-Mosé, онъ собралъ всѣ музыкальныя диковинки, штуки и шалости, какія только могли прійти ему въ голову. Такъ въ увертюрѣ этой оперы («La Scala di Seta», Шелковая лѣстница) скрипки безпрестанно останавливаются на полтакта и ударяютъ смычками по жестянымъ абажурамъ своихъ свѣчъ.

Въ Италіи и теперь на оперу смотрятъ не такъ, какъ у насъ; это—національное дѣло, это культъ. Не только Венеція съѣхалась въ San-Mosé, но въ Венецію прибыло много народу изъ окрестностей, изъ любопытства познакомиться съ новымъ, молодымъ композиторомъ, котораго славу усердно трубили женщины. Нельзя себѣ представить, что̀ вышло изъ сюрприза, поднесеннаго композиторомъ этой чающей толпѣ. Публика приняла шалости маэстро за глумленіе надъ нею и чуть не разнесла театра. Россини, довольный своей местью, уѣхахъ въ Миланъ. Однако, черезъ мѣсяцъ, онъ возвратился въ Венецію и далъ импрезаріо San-Mosé въ 1812 и 1813 году еще двѣ оперы: «L'occasione fa il ladro» и «Il figlio per azzardo».

Въ томъ же 1813 году, во время карнавала Россини написалъ «Танкреда», но уже не для San-Mosé, а для большого венеціанскаго театра—Fenice. «Tancredi» прославилъ Россини на всю Италію, и сдѣлалъ его извѣстнымъ даже за Альпами. «Tancredi» —опера, въ которой первая манера Россини получила наиболѣе совершенное воплощеніе.

Въ «Танкредѣ» проявляются уже въ высокой степени и качества Россини съ его недостатками. Эта блестящая музыка, этотъ широкій взмахъ, быстрое движеніе, прямая атака главною мыслью — всѣ особенности россиньевской тактики тутъ на лицо. Для тогдашней публики представляла еще достоинство новизна ритмовъ Россини, и усиленіе звучности оркестра. Вмѣстѣ съ тѣмъ

[1]) Первая арія тенора въ «Barbiere» «Ecco ridente il cielo»,—взята изъ «Ciro».

полное отсутствіе обработки, совершенно безцеремонное наполненіе интерваловъ между этими главными мыслями—самыми безъискусственными общими мѣстами, и невыдержанность драматической правды, наконецъ, излишество украшеній (мы уже сказали, чѣмъ оно было обусловлено). Возьмемъ для примѣра знаменитую каватину Танкреда. Речитативъ: «O patria, dolce, ingrata»—полонъ чувства и правды; прерывающія его фразы оркестра—оригинальны и составляютъ цѣлое. Слѣдующая затѣмъ мелодія: «Tu che accendi questo core», и арія «Di tanti palpiti», представляютъ естественное развитіе чувства отъ трогательнаго привѣта родинѣ къ воспоминанію страстной любви и наконецъ къ неудержимой, почти безумной радости, счастію, при мысли о скоромъ свиданіи. Эти три степени, повторяемъ, взяты совершенно вѣрно и отмѣчены колоритомъ поразительной силы. Но какое пренебреженіе къ словамъ (правда, они глупы до крайности), какая невѣрность въ фразировкѣ, въ выраженіи тѣхъ чувствъ, которыхъ главные моменты, главныя мысли схвачены съ полною правдою и геніальною силою! Palpiti и pene, deliri и sospiri—все это идетъ въ однообразномъ вихрѣ одной мысли — радости. И потомъ эти, deliri, sospiri, эти безсмысленные accenti, contenti—подгоняемые равнодушнымъ, безбожнымъ accelerando, которое знать не хочетъ ихъ значенія и разницы между ними, а гонитъ ихъ немилосердо къ фермать, за которою каденца, и опять взрывъ того же увлекательнаго мотива, опять неотразимая аттака этой юношески-прелестной начальной тэмы. Такъ Наполеонъ прошолъ чрезъ аркольскій мостъ, а не Танкредъ выражалъ свои чувства. Если же допустить, что въ умѣ Танкреда чувства формулировались такъ, какъ предлагаетъ Россини, то на sospiri, deliri онъ непремѣнно долженъ былъ плясать; попробуйте спѣть это вы, сѣверный слушатель, съ тѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ не качаться корпусомъ въ обѣ стороны. Пусть итальянцу, когда онъ поетъ это, два человѣка держатъ руки назадъ: онъ вырвется и убѣжитъ, или сойдетъ съ ума.

Вотъ это-то и есть Россини — народный герой, Россини-полубогъ, внушающій восторгъ, Россини-завоеватель. Но въ этой силѣ нельзя не признать и нѣсколько механическаго характера; это—tarantella, отъ которой танцорка приходитъ въ бѣшенство. (Примѣняется собственно къ послѣдней части каватины, къ Di tanti palpiti).

Еслибы слова«Di tanti palpiti» всѣ выкинуть и замѣнить однимъ словомъ «O gioja, gioja, gioja!...» то музыка была бы согласна съ текстомъ. Но кто же думаетъ такъ, кто чувствуетъ такъ элементарно, хотя бы впродолженіи десяти минутъ?

Зато, говорятъ, Россини написалъ эту арію въ пять минутъ; вотъ и объясненіе.

Речитативомъ «O patria» Паста приводила въ слезы итальянцевъ; аріею—она приводила ихъ въ изступленіе.

«Счастливое время!» говаривалъ старикъ Россини о той порѣ, когда давали Танкреда, когда знаменитая Марколини отбила маэстро у какой-то графини, а сама принесла ему въ жертву принца Люціана-Бонапарте; когда еще не палъ Наполеонъ, когда въ своихъ жилахъ Италія чувствовала новую, горячую кровь, когда общество неспособное къ работѣ, но способное къ восторгу, жило точно въ какой-то поэмѣ, а Россини, увлеченный богатырскимъ духомъ, такъ стремительно выражалъ его въ Un vivo lampo «Танкреда», весь день восторгался съ друзьями, носившими его на рукахъ, а къ утру, возвратясь домой, записывалъ на-скоро, на клочкахъ нотной бумаги, *темы* народившіяся за день, какъ плоды восторга. «Счастливое время!»

Нужно, возможно ли было серьезно работать въ то время? Нужно было писать, но работать было некогда, да и не къ чему. Хорошо было Мейерберу, сыну флегматическаго Сѣвера и прозаической эпохи, употреблять по нѣскольку лѣтъ на придумываніе одной оперы. Въ то время, когда Россини работалъ, въ четырнадцать дней сокрушалась великая держава — Пруссія, въ тринадцать дней писался «Севильскій Цирюльникъ».

Упомянемъ мимоходомъ о первомъ успѣхѣ Россини въ Миланѣ, въ 1812 г., объ оперѣ «La Pietra del paragone» (Пробный камень). Этотъ успѣхъ былъ громадный. Тутъ съ Марколини случилось то, что случилось въ Венеціи съ одной графиней. Одна изъ знатнѣйшихъ миланскихъ дамъ бросила мужа и убѣжала изъ своего палаццо съ Россини на виллу, гдѣ они прожили нѣкоторое время. Россини образовалъ изъ нея замѣчательную артистку, а самъ въ первый разъ въ жизни провелъ нѣкоторое время свободно, приготовляясь къ новымъ твореніямъ.

«L'Italiana in Algieri»—(Венеція, 1813, для театра San-Benedetto) написана для Марколини. Это была новая побѣда (мы говоримъ объ оперѣ). «Italiana in Algieri» уже поставила Россини на степень первостепеннаго композитора музыки комической. «Italiana», «Turco in Italia», «Gazza Ladra», «Cenerentola», «Barbiere»—какой драгоцѣнный вѣнецъ! Есть мнѣніе, что opera-buffa была истиннымъ призваніемъ Россини. Намъ это мнѣніе кажется произвольнымъ. Что Стендаль, писавшій въ 1823 году, могъ быть подобнаго убѣжденія — это еще извинительно, потому что хотя «Otello» былъ уже написанъ, но «Телля» еще не было. Но достаточно и одного «Otello» для опроверженія этого мнѣнія. Мы

еще возвратимся къ этому вопросу, а теперь замѣтимъ только мимоходомъ, что точно тоже самое говорили потомъ о Доницетти. Почему не сказать того же о Моцартѣ? Во-первыхъ, у него комическихъ оперъ больше, чѣмъ трагическихъ, во-вторыхъ, въ наиболѣе знаменитой изъ его оперъ-seria: въ «Don Giovanni», комическій элементъ чрезвычайно важенъ и неизбѣжно сопутствуетъ каждому проявленію комизма. Лепорелло участвуетъ въ самыхъ потрясающихъ мѣстахъ этой партитуры: тріо послѣ поединка, сценѣ на кладбищѣ, появленіи каменнаго гостя. Итакъ, не слѣдуетъ ли сказать, что истиннымъ призваніемъ Моцарта, какъ опернаго композитора, былъ комизмъ? Отвергая такое мнѣніе о Россини, мы однакоже не можемъ не признать того неоспоримаго факта, что Россини, въ ряду композиторовъ комической оперы, занимаетъ первое мѣсто, что въ этомъ родѣ онъ имѣлъ предшественника — Моцарта, но, очевидно, не имѣетъ до сихъ поръ преемника.

По поводу «Italiana in Algieri» можно бы сказать, въ подражаніе приведенному сейчасъ мнѣнію, что «истиннымъ призваніемъ Россини было писать увертюры». Въ самомъ дѣлѣ, увлекательная, полная мысли увертюра «Italiana in Algieri» открыла рядъ тѣхъ несравненныхъ увертюръ — «Gazza», «Barbiere», «Otello», «Semiramide», «Guillaume Tell» — въ которыхъ вдохновеніе бьетъ ключемъ, въ которыхъ столько жизни, такой потокъ мыслей, что тѣсныя рамки увертюры едва сдерживаютъ его.

Замѣчательно, что духъ времени отразился даже на комической «Italiana in Algieri». Послѣдняя арія этой оперы выражаетъ то же рыцарское настроеніе, то же пробужденіе духа въ Италіи-невольницѣ, которое такъ блистательно высказалось впервые въ «Танкредѣ»:

Pensa alla patria, e intrepido
Il tuo dovere adempi;
Pensa che vide Italia
Risplendere gli esempi
D'ardire e di valor [1]).

Вотъ что говоритъ Стендаль по поводу этой аріи «Италіянки»: «Наполеонъ возсоздалъ патріотизмъ, изгнанный изъ Италіи, подъ страхомъ двадцатилѣтней тюрьмы, еще со времени взятія Флоренціи Медичисами въ 1530 году. Россини съумѣлъ прочесть душу своихъ слушателей и дать ихъ воображенію то удовольствіе, котораго оно требовало».

---

[1]) «Помни объ отечествѣ и безстрашно исполняй свой долгъ; помни, что предъ глазами Италіи свершились примѣры отваги и доблести».

Нельзя достаточно настаивать на томъ фактѣ, что не только по намѣренію, но по самой сущности своего музыкальнаго творчества, Россини былъ представителемъ эпохи: онъ внесъ въ серьезную оперу всю живость ритмовъ оперы комической, и посредствомъ такого техническаго пріема ниспровергъ аристократичность серьезной оперы, сдѣлалъ ее популярною, народною; онъ былъ—революціонеръ. Сверхъ того, по стремительности натиска своей мысли, округленной, компактной и быстрой, какъ пушечное ядро, онъ—завоеватель по природѣ. Завоеватель, при помощи революціонерныхъ средствъ, усиленія оркестровой артиллеріи и быстроты движеній — узнаете ли вы Наполеона?

III.

Прежде, чѣмъ пойти далѣе, остановимся еще на характерѣ и мелочахъ той жизни, среди которой работалъ Россини въ первомъ періодѣ своей дѣятельности. Эти условія повліяли на него, среди ихъ онъ воспитался, потому что онъ воспитывался собственными успѣхами.

Первыя оперы Россини были поставлены въ Болоньѣ, Венеціи, Миланѣ. Въ это время, повторяемъ, особенно въ сѣверной Италіи, преобладалъ духъ радости, внушаемой пробужденіемъ, и та лихорадка, которая возбуждалась изумительною скоростью смѣны одного великаго событія другимъ. Восторгъ, радость жизни — la gioja del vivere — вотъ что̀ характеризовало эту жизнь въ общемъ смыслѣ. «Счастливое было время!» — «И пѣть тогда умѣли», прибавлялъ старикъ Россини въ своихъ воспоминаніяхъ.

Да, умѣли пѣть; но и въ этомъ отношеніи Италія обязана большою благодарностью Россини. Фіоритуры, обременяющія его партиціи, были чрезвычайно полезны для образованія пѣвцовъ. Отнимая у нихъ право дѣлать произвольныя украшенія, онъ заставлялъ ихъ проходить готовую школу вокализаціи *хорошаго вкуса*. Вотъ значеніе этихъ пресловутыхъ фіоритуръ, о которыхъ такъ много толкуютъ ригористы, замѣняющіе невинныя фіоритуры тяжелыми тенденціозными эволюціями инструментовки (современныя преувеличенія въ этомъ отношеніи тоже самое, что и фіоритуры, только тяжелѣе и утомительнѣе). Сверхъ того, энтузіазмъ, возбужденный произведеніями Россини въ Италіи и поставившій оперу на высокую степень значенія въ самой общественной жизни, долженъ былъ вызвать фалангу талантливыхъ исполнителей, точно такъ, какъ первыя побѣды Наполеона вызвали блестящую фалангу маршаловъ. И вотъ, образовалась зна-

менитая россиніевская школа пѣвцовъ, о которой мы уже говорили.

Но деспотизмъ, которому Россини подчинилъ пѣвцовъ, основался только на его побѣдахъ, изъ которыхъ первою, рѣшительною была «Танкредъ». До того времени онъ самъ находился подъ игомъ тѣхъ изъ нихъ, которые были знамениты. Такъ, именно въ «Танкредѣ», когда его давали въ Венеціи, знаменитая Маланоте объявила, что арія, написанная для выхода Танкреда, ей не нравится, что она «конечно, пѣть ее не будетъ» и объявила это за два дня до представленія. Этому факту обязана своимъ появленіемъ на свѣтъ каватина «Tu ch'accendi» и «Di tanti palpiti», въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь.

Очертимъ физіономію одного изъ главныхъ городовъ Италіи того времени, по отношенію къ сценѣ, т. е. къ оперѣ.

Своимъ ангажементомъ въ Венеціи Россини былъ обязанъ женщинѣ; ангажементъ въ Миланъ ему доставила Марколини; впослѣдствіи, въ Неаполѣ, при дворѣ, его поддерживала Кольбрандъ, на которой онъ и женился. Не смѣшно ли сказать, что Россини сдѣлалъ свою карьеру черезъ женщинъ? А между тѣмъ, тутъ есть доля правды. Дѣло въ томъ, что въ этомъ старомъ обществѣ общественной иниціативы быть не могло. Публика и общество въ Италіи одно и тоже, потому что публика тамъ — всѣ: тріумфъ композитора — тріумфъ народный. Но дать ему ходъ публика въ то время не могла потому именно, что все было основано на привилегіи. Театръ или придворный, или собственность импрезарія, для котораго пѣвцы — все, а композиторъ — второстепенная фигура. Этотъ impresario или банкиръ, взявшійся за оперное дѣло, чтобы доставить «достойную сцену» своей возлюбленной примадоннѣ, или несчастный барышникъ, который думаетъ только о томъ, какъ бы самому сколотить маленькую сумму, да обанкрутиться во-время. Этотъ послѣдній совершенно въ рукахъ пѣвцовъ, которымъ онъ долженъ и почти навѣрное не заплатитъ.

Во всѣхъ случаяхъ единственное средство проложить себѣ начальный путь, была — протекція. Въ городѣ издается газета, единственная терпимая правительствомъ (что̀ и при Наполеонѣ не измѣнялось), и эта газета употребляется властями же, т. е. всѣмъ, что̀ есть вліятельнаго и богатаго, для пораженія всего того, что̀ заявляетъ какую-нибудь независимость. Издатель ея, газетчикъ, — наемный ругатель. Къ обязанности своей онъ присоединяетъ и ремесло, и страстишку. Его всѣ презираютъ и всѣ боятся; его иногда бьютъ, анонимнымъ образомъ, но онъ все-таки — сила. Такого журналиста выставилъ Россини въ своей

«La Pietro del Paragone». А такъ какъ италіянскіе города, хотя и столицы, имѣли характеръ провинціяльный, и тамъ всѣ знали малѣйшія подробности жизни о каждомъ, то къ каждому общественному явленію—а новая опера тамъ была очень важнымъ общественнымъ явленіемъ—примѣшивалась цѣлая Иліада личныхъ интригъ и исторій, которыя, благодаря жизни въ caffé, этихъ клубахъ Италіи, тотчасъ дѣлались извѣстными всему городу и доставляли самому событію, т. е., положимъ, оперѣ, значеніе борьбы. Напримѣръ, пѣвецъ, представлявшій журналиста въ «Pietro del Paragone», какъ-то добылъ настоящій костюмъ этого оффиціознаго писателя и явился въ немъ передъ публикою.

Россини ангажированъ, положимъ, въ Миланъ. За 800 или 1,000 франковъ онъ обязался, черезъ шесть недѣль, поставить оперу. Мѣсяцъ онъ кутитъ съ друзьями. Послѣднія двѣ недѣли онъ пишетъ. И какъ пишетъ! Воротясь ночью домой, онъ намѣчаетъ идеи, которыя пришли ему за-день. Когда онъ проснется, у него уже сидятъ друзья. Они толкуютъ о всѣхъ городскихъ сплетняхъ: дона Морфоріо ночью побили, такая-то графиня вчера сказала или сдѣлала то-то, одна пѣвица поклялась отомстить другой, вотъ сонетъ на губернатора; студенты, говорятъ, намѣрены освистать контр-альто, потому что она слишкомъ явно дѣлаетъ глазки ненавидимому министру, а Маркези объявила, что съ настоящаго времени она низачто не будетъ появляться на сцену иначе, какъ «съ холма», или, по крайней мѣрѣ, верхомъ на лошади (историческое).

Посреди всего этого, Россини работалъ, то-есть, давалъ физіономію своимъ типамъ, связывалъ отдѣльныя мысли, устроивалъ инструментовку. Готовъ дуэтъ, готовъ терцетъ,—несутъ въ театръ, вечеромъ репетируютъ ихъ. А Россини съ пріятелями уже ходитъ по городу, и, возвращаясь поздно домой, окруженный толпою, импровизируетъ музыку сатирическаго Miserere, и толпа поетъ ее за нимъ, оглашаетъ улицы святотатственными кликами, и монахъ, бормотавшій «часы» въ честь св. Антонія, вдругъ согрѣшилъ—разсмѣялся.

Что это такое? Это—захолустье, со всѣми его сплетнями и дрязгами. Это городъ невольничій, въ которомъ цензура и полиція держатъ всѣхъ подъ пятою. Но это, въ то же время—уголокъ всесвѣтной сцены, уголокъ, въ которомъ отзываются всѣ міровыя событія; это вмѣстѣ и Аѳины, съ публичнымъ боготвореніемъ артистовъ и философовъ, Аѳины, гдѣ Апеллесъ выставляетъ на площади новую картину и она судится всенародно. Какая страстная, возбуждающая среда для художника! И вмѣстѣ

какъ она тѣснитъ его, какъ отнимаетъ у него время, какъ не хочетъ ничего серьезнаго и не позволяетъ ему заниматься серьезно. Одни удовольствія, одни подвиги, одни восторги—вотъ на что̀ среда эта осуждала художника. Въ ней-то воспитался Россини.

Мы еще ни разу не упомянули объ участіи въ тогдашней оперѣ поэтовъ, такъ-называемыхъ либреттистовъ. Всѣмъ извѣстно, что это участіе было жалкое. Въ первыхъ операхъ Россини есть тексты поистинѣ уморительные. Напр. въ «Италіянкѣ»:

Come scoppio di cannone
La mia testa fa *bumbù* [1]).

или еще:

Sono come una cornacchia
Che spennata fa crà, crà [2]).

Россини самъ постоянно смѣялся надъ своими либреттами: однимъ изъ любимыхъ его фарсовъ было читать ихъ съ серьезнымъ, патетическимъ выраженіемъ. Правда, собственнымъ образованіемъ Россини обязанъ почти единственно тѣмъ женщинамъ, которыхъ любилъ. Графиня П. первая познакомила его съ великими писателями Италіи.

Возвратимся теперь̀ къ хронологическому очерку композиторской дѣятельности Россини. Въ 1814 году, онъ написалъ для миланской La Scala двѣ оперы: «Aureliano in Palmira» и «Turco in Italia». Въ 1815 году онъ одержалъ первую свою побѣду въ Неаполѣ (San Carlo) оперою «Elisabetta». Неаполитанская публика, считавшая себя верховнымъ ареопагомъ въ дѣлѣ музыки, и удивленная тѣмъ, что создалась слава безъ ея участія, была предубѣждена противъ Россини, но «Elisabetta» (сюжетъ заимствованъ изъ романа Вальтеръ-Скотта «Kenilworth») покорила ее.

«Севильскій цирюльникъ» написанъ для Рима (театръ Argentina) въ 1816 году. Почему Россини взялъ сюжетъ изъ Бомарше? Неужели только потому, что Моцартъ переложилъ на музыку «Le Mariage de Figaro»? Нѣтъ, pendant моцартову произведенію былъ уже налицо: его сдѣлалъ Паэзіелло; въ бытность свою въ Петербургѣ, онъ написалъ «Il Barbiere di Siviglia». Но римскій импрезаріо предложилъ этотъ сюжетъ Россини потому, что «всѣ остальные сюжеты оказывались политическими». Какой сюжетъ онъ ни избиралъ, цензура немедленно находила въ немъ политическую сторону и запрещала его. Пришлось при-

[1]) «Въ головѣ у меня точно пушка палитъ — бум-бу».
[2]) «Я точно ощипанная галка, что̀ кричитъ крà-крà».

няться еще разъ за Бомаршѐ. Россини взялся за этотъ сюжетъ неохотно. Паэзіелло былъ еще живъ (онъ умеръ въ томъ же году) и Россини имѣлъ деликатность попросить у него разрѣшенія коснуться того сюжета, который уже былъ обработанъ знаменитымъ маэстро. «Faccia pure» (пожалуй, сдѣлайте), не безъ ироніи отвѣчалъ Паэзіелло.

Когда осталось всего двѣ недѣли до представленія, Россини заперся въ квартирѣ съ авторомъ либретто и нѣсколькими копистами. По мѣрѣ того, какъ номера поспѣвали, они переписывались, отсылались въ театръ и разучивались. Опера поспѣла въ *пятнадцать дней*, впродолженіи которыхъ Россини не выходилъ изъ дому. Изъ вѣжливости къ Паэзіелло, опера была поставлена сперва подъ заглавіемъ: «Almaviva, ossia l'inutil Precauzione». Однако, римская публика неудовлетворилась этой уступкою. Предубѣжденная противъ смѣлости молодого композитора и ненаходя въ музыкѣ Россини той аристократической деликатности, къ которой ее пріучила школа Чимарозы, римская публика безжалостно освистала «Цирюльника» въ первый вечеръ. По тогдашнему обычаю, въ оркестрѣ сидѣлъ, передъ фортепіяномъ, самъ композиторъ.

На другой вечеръ Россини не рѣшился сѣсть къ фортепіяну; онъ сказался больнымъ, запрятался въ постель и со страхомъ ждалъ результата. Вдругъ онъ слышитъ шумъ: вбѣгаютъ Цамбони, исполнявшій роль Фигаро, и Гарсія (Альмавива) и сообщаютъ перепуганному ихъ появленіемъ маэстро, что опера произвела бѣшеный восторгъ.

— «È andata alle stelle!» восклицаютъ они съ тѣмъ южнымъ паѳосомъ, который часто не преувеличенъ, потому что изображаетъ чувства, въ самомъ дѣлѣ дошедшія до паѳоса. Пѣвцы сообщаютъ композитору, что Римъ пришелъ къ его дому съ факелами, и вскорѣ раздаются клики восторженной толпы [1]).

Считаемъ лишнимъ говорить о музыкѣ «Barbiere» величайшей изъ всѣхъ существующихъ комическихъ оперъ. Музыка эта у всѣхъ въ памяти. Скажемъ только, что и по драматической правдѣ, по обрисовкѣ характеровъ и положеній, эта опера стоитъ въ ряду наиболѣе совершенныхъ, которыя когда либо были написаны. Моцартова «Свадьба Фигаро» — великолѣпная музыка, но какъ опера далеко не представляетъ живости и драматизма россиніева «Цирюльника». Справедливо замѣчаетъ Стендаль: «Фи-

[1]) Вотъ имена первыхъ артистовъ исполнявшихъ «Barbiere»: Джоржи-Ричетти (Розина), Гарсія (Альмавива), Боттичели (Бартоло), Цамбони (Фигаро).

гаро у Россини—живой, полный типъ комедіи; Фигаро у Моцарта—только хорошій музыкантъ».

Увертюра «Севильскаго Цирюльника» (та, которая исполняется теперь)—не что иное, какъ переинструментованная самимъ Россини увертюра одной изъ его первыхъ оперъ, именно «Aureliano in Palmira». Главные мотивы этой увертюры, по словамъ Стендаля, заключаются и въ первомъ финалѣ оперы «Elisabetta» (не зная ея, мы не ручаемся за это свѣдѣніе біографа). Но есть другая увертюра къ «Barbiere», ближе подходящая къ нему по стилю, и написанная также Россини.

Техники любятъ объяснять все техническими условіями. Такъ Фетисъ говоритъ по поводу «Barbiere» [1]): «Здѣсь Россини многократно употребилъ ритмъ тройныхъ темповъ, производящихъ быстрое движеніе, что онъ уже попробовалъ въ «Turco in Italia», и это было не послѣднею причиною народнаго пристрастія (engouement) къ его музыкѣ.» В первомъ актѣ «Barbiere», который особенно отличается живостью, тройные темпы въ самомъ дѣлѣ встрѣчаются пять разъ: въ интродукціи ($^3/_4$), речитативѣ Фигаро: «Numero quindici, a mano manca» ($^3/_8$), въ хорѣ «Obbligato» $^6/_8$, въ выходной аріи Фигаро ($^6/_8$) и въ каватинѣ Розины ($^3/_4$), и это на девять номеровъ всего акта. Но что живость и популярность мелодій Россини зависитъ вовсе не главнымъ образомъ отъ тройныхъ темповъ, а отъ самыхъ его идей, это лучше всего доказывается финаломъ того же акта, въ которомъ живость и быстрота доходятъ до своего апогея, а тройной темпъ не употребленъ ни разу. И почему же этотъ ритмъ—особенность Россини? Развѣ онъ не былъ употребляемъ его предшественниками? Справляемся нарочно съ Чимарозою, и находимъ: въ первомъ же актѣ «Matrimonio Secreto» ровно пять же разъ употреблены тройные темпы.

Россини впослѣдствіи сдѣлалъ нѣсколько добавленій къ «Цирюльнику», которыя и до сихъ поръ не входятъ въ изданія, именно: каватину для Розины «Fortunata rivale»; арію для нея же: «Ah s'è ver»; для нея же арію и рондо съ хоромъ: «Cessa di più resistere»; для Альмавивы романсъ: «Se il mio nome» и для Бартоло арію: «Qui mi manca». У насъ на сценѣ изъ этихъ добавленій исполняются только романсъ Альмавивы (всѣми тенорами) и арія Бартоло, которую г. Фіораванти и г. Цуккини предпочитаютъ аріи «A un dottor» (Лаблашъ пѣлъ эту) первоначальной партитуры.

Еще въ 1814 году, Россини связалъ себя контрактами съ.

---

[1]) Biographie unuverselle des musiciens etc.

знаменитымъ (черезъ Россини) директоромъ театра San-Carlo — Барбая. Онъ обязался писать для San-Carlo по двѣ оперы въ годъ и за это получалъ постоянное жалованье въ 12 тысячъ франковъ въ годъ (въ наше время пѣвица беретъ 10 тысячъ рублей за сезонъ въ два мѣсяца; а Россини за *созданіе* двухъ оперъ получалъ 3 тысячи рублей въ годъ, и это считалъ счастіемъ; вѣдь прежде онъ получалъ по 200, 300 рублей за оперу). Барбая былъ прежде трактирнымъ слугой въ Миланѣ, но прибыльнымъ ремесломъ банкомета нажилъ милліонъ, и когда въ Неаполѣ сгорѣлъ театръ и король Фердинандъ («законный» король, уже благополучно возстановившійся) былъ въ отчаяніи, Барбая отстроилъ ему San-Carlo въ 9 мѣсяцевъ и тѣмъ навсегда упрочилъ за собою милость короля и театральное интендантство.

Знаменитая трагическая пѣвица Кольбрандъ (испанка) была его любовницей; *но* (скажемъ въ ея извиненіе, хотя это многимъ покажется страннымъ) она любила Россини. Россини впослѣдствіи женился на ней, и потому разсорился съ Барбая. Кольбрандъ была вмѣстѣ и превосходная трагическая и отличная фіоритурная пѣвица: ей мы обязаны появленіемъ на свѣтъ «Отелло» и ей же безчисленными каденцами и фіоритурами всякаго рода, иногда въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ (особенно въ «Семирамидѣ»), трагическихъ оперъ Россини. Она настаивала на такихъ украшеніяхъ. Впослѣдствіи, голосъ Кольбрандъ потерялъ и свѣжесть и ровность; она стала пѣть фальшиво, но неаполитанская публика «должна была» переносить ее, потому что ей покровительствовалъ Барбая, а Барбаѣ покровительствовалъ король. Характеристическая черта нравовъ: когда въ 1821 году въ Неаполѣ была на короткое время конституція, г-жа Кольбрандъ всякій разъ передъ выходомъ на сцену посылала извиняться за «сегодняшнее нездоровье». Но скоро и королевская власть и положеніе г-жи Кольбрандъ поправились, хотя и власть и примадонна продолжали фальшить.

Въ трупѣ Барбая были знаменитые пѣвцы: Гарсія, Давидъ (для него написана роль Отелло; онъ умеръ въ Петербургѣ, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, почти нищій, въ больницѣ; потерявъ голосъ онъ давалъ уроки пѣнія) и Нодзари.

Послѣ «Севильскаго Цирюльника», Россини возвратился въ Неаполь и какъ бы нарочно, чтобы доказать всесторонность своего генія, написалъ для театра del Fondo (въ Неаполѣ же) — «Otello» (осенью 1816). Итакъ, «Barbiere» и «Otello» написаны въ одномъ же году (кромѣ двухъ оперъ: «Torvaldo e Dorlisca» и «Gazzetta»).

«Отелло» также хорошо извѣстенъ нашей публикѣ, благо-

даря Тамберлику. Но по поводу этой оперы мы должны остановиться на упрекѣ въ легкости и неспособности къ страсти, который иногда дѣлаютъ Россини. Лучшимъ и полнымъ опроверженіемъ этого упрека служитъ въ особенности третій актъ «Отелло», который не что иное какъ самъ разгаръ страсти съ глубокоправдивымъ анализомъ разныхъ ея моментовъ и веденъ въ высокой степени художественно. Въ послѣднемъ дуэтѣ даже пропадаетъ мелодія; ей нѣтъ мѣста въ этомъ кипѣніи, она задыхается въ этихъ переливахъ, и наконецъ совсѣмъ угасаетъ въ страшномъ tremolo, которымъ сопровождаются послѣдніе вопли Дездемоны, послѣднія минуты борьбы.

Пѣсня Дездемоны, этотъ перлъ лиризма, ея молитва, даже простая пѣсня гондольера на стихи Данте, которая наводитъ на душу такое уныніе, наконецъ мрачная порывистость грозной фразы, нисходящей полутонами

Ma sappi pria che mori
Pel tuo maggior tormento....
Sappi.... Che già il tuo ben è spento....

если это не глубоко-прочувствованная, истинная страсть — то гдѣ же искать ея?

А финалъ второго акта? Знаменитое crescendo, когда Дездемона спрашиваетъ о судьбѣ мужа у выходящаго хора (послѣ поединка):

Ditemi almen voi.... Otello?
— Vive, vive, serena il ciglio

Припомните себѣ это crescendo и какъ постановлена фраза O gioja! прерывающая хоръ — и скажите, выражалъ ли кто-нибудь когда-нибудь сильную страсть сильнѣе [1])?

Впрочемъ, едва ли не излишне указывать на отдѣльныя мѣста: весь второй актъ, начиная съ разговора Отелло съ Яго [2]) и весь третій актъ—не что иное, какъ высокая степень трагизма, и чѣмъ проще матерьяльныя средства, которыми онъ достигается, тѣмъ выше наше уваженіе къ геніальнымъ идеямъ композитора. Тутъ и недостатки совершенно исчезаютъ. Что за дѣло, что фраза аккомпанимента одной части послѣдняго дуэта буквально взята изъ аккомпанимента «Calunnia» (Barbiere)? Что за дѣло

[1]) Вотъ списокъ артистовъ, которые впервые исполняли «Отелло»: Кольбрандъ, Пизарони, Нодзари, Давидъ и Бенедетти.

[2]) Blaze de Bury (Musiciens contemporains) находитъ партію Яго «незначительною» и увѣряетъ, что она написана для второстепеннаго баса. Пусть хоть первостепенный *басъ* попробуетъ взять *fa*, которое есть въ дуэтѣ съ Отелло.

до этого, когда тамъ голосъ слѣдуетъ за нею, а здѣсь она бросается за голосомъ, какъ неожиданный взрывъ. Смыслъ ея совсѣмъ другой.

Въ 1817 году, Россини поставилъ въ Римѣ «Сороку-воровку» (Gazza-Ladra), оперу, въ которой опять бездна веселости, бездна мелодическаго вдохновенія, но за то явно и стремленіе къ эффектности, къ внѣшнему блеску. «Cenerentola» относится къ тому же времени.

IV.

Ко второй манерѣ Россини принадлежатъ написанныя для Неаполя 1817—1819 г.: «Armide», «Mosè», «Ricciardo e Zoraide», «Ermione», «la Donna del Lago» и «Maometto Secondo». Вторая манера заключалась просто въ большой обдуманности обрисовки приличной сюжету. До тѣхъ поръ въ операхъ Россини не было ни малѣйшей попытки къ воспроизведенію, «мѣстнаго колорита»: въ «Аврелiанѣ» нѣтъ ничего «пальмирскаго», въ «Итальянкѣ» ничего «алжирскаго», въ «Цирюльникѣ» хоть бы малѣйшее bolero или fandango — ничего испанскаго нѣтъ. Но въ «Mosè», въ «Donna del Lago» и «Maometto» этотъ элементъ вступаетъ въ свои права, и какъ всякая мысль, за которую брался Россини, осуществляется блистательно. По оригинальности и неподражаемой изящности мелодій «Donna del Lago» занимаетъ очень видное мѣсто въ твореніяхъ Россини. Самъ онъ считалъ ее *лучшею* своею оперою, и когда она при первомъ представленіи не имѣла успѣха, то его вынесли изъ театра въ обморокѣ и долго не могли привесть въ чувство.

Намъ странно сказать, что въ этой операѣ вѣютъ въ самомъ дѣлѣ какія-то шотландскія, горныя, озерныя мысли: Россини въ то время никуда еще не выѣзжалъ изъ Италіи. Вообще «мѣстный колоритъ» въ музыкѣ — дѣло порядочно произвольное и слишкомъ настаивая на немъ, композиторъ непремѣнно впадетъ въ аффектацію и въ смѣшное. Но нельзя однако не признать, что духъ «Дѣвы озера» напоминаетъ впечатлѣніе вальтер-скоттовыхъ романовъ, съ прибавкой чего-то, если хотите, оссіановскаго, чего-то миѳологическаго.

Въ одномъ мѣстѣ «Моисея» Россини—который имѣлъ гейневскую черту смѣяться надъ своими увлеченіями—самъ посмѣялся надъ «мѣстнымъ колоритомъ», давъ одному хору израильтянъ начальную фразу, напоминающую пѣніе въ носъ. Однако мѣстный колоритъ великолѣпно осуществленъ и въ «Моисеѣ» (напр. чисто-библейская мысль аріи Моисея съ хоромъ: «Dio

Possente, in pace e in guerra» и чудный по оригинальности хоръ Allegretto — не помнимъ словъ — слѣдующій за этимъ).

Мѣстный колоритъ замѣчательно проявляется въ хорахъ «Семирамиды», написанной уже въ 1823 году для Венеціи. Здѣсь же финалъ перваго акта: «Qual mesto gemito» грандіозенъ по трагизму, а два дуэта Ассура съ Семирамидой представляютъ опять краснорѣчивыя свидѣтельства глубокой страстности, до какой могла доходить музыка Россини.

Во всѣхъ этихъ операхъ: «Mosè», «Donna del Lago» и «Semiramide», проявляется и другая особенность второй манеры Россини: большая тщательность и разнообразіе инструментовки. Большинство публики того мнѣнія, что Россини, послѣ беззаботности, небрежности инструментовки своихъ первыхъ оперъ вдругъ, пріѣхавъ въ Парижъ, взялъ да и написалъ «Телля»; это ошибочно. Вторая манера именно представляла переходъ. Какъ на примѣръ, укажемъ на ученую, даже слишкомъ затѣйливую компоновку и инструментовку интродукціи къ «Mosè» (тамъ нѣтъ увертюры).

Все это зависѣло просто оттого, что Россини въ Неаполѣ и послѣ Неаполя былъ уже сколько-нибудь обезпеченъ и имѣлъ болѣе возможности обдумывать свою работу. Такъ финалъ «Семирамиды», о которомъ мы только-что упомянули, онъ передѣлывалъ болѣе десятка разъ.

Въ 1822 году, Барбая, со своею труппою и Россини, посѣтилъ Вѣну и пробылъ тамъ цѣлый сезонъ. Имъ данъ былъ Kärntnerthor-Theater. Тамъ поставлена была, нынѣ забытая, опера «Zelmira», игранная уже въ Неаполѣ въ томъ же году. Объ этой оперѣ мы ничего сказать не можемъ, потому что не знаемъ ея. Въ труппѣ Барбая въ это время, кромѣ знаменитыхъ Нодзари, Давида и Кольбрандъ, были еще долго славившіеся послѣ: Донзелли (теноръ) и г-жа Фодоръ. Въ Вѣнѣ Россини въ первый разъ нашелъ публику расположенную только восторгаться, а не возставать то противъ Кольбрандъ, то противъ какой-нибудь его новинки, публику восторженную безусловно, а не *страшно* восторженную какъ въ Неаполѣ и Римѣ, гдѣ и восторгъ выражается какъ-то через-чуръ бѣшено.

Россини мигомъ завоевалъ Вѣну, а за нею и всю Германію. Философъ Гегель не былъ особенно музыкаленъ, но и онъ писалъ изъ Вѣны, во время россиніевскаго сезона, къ своей женѣ, въ Берлинъ: «Пока у меня хватитъ денегъ на итальянскую оперу, я изъ Вѣны не уѣду».

Послѣ этой-то поѣздки въ Вѣну, поставлена была «Семирамида» въ Венеціи. Она не очень понравилась, а Россини въ

это время уже слишкомъ выросъ, чтобы упасть въ обморокъ. Онъ сдѣлалъ лучше: оставилъ Италію.

Онъ посѣтилъ Парижъ и Лондонъ, гдѣ въ теченіи пяти мѣсяцевъ одними концертами и уроками собралъ гораздо больше денегъ, чѣмъ въ Италіи всѣми своими операми въ двѣнадцать лѣтъ. Члены парламента поднесли ему въ даръ, по подпискѣ между собою, 2000 фунтовъ; всего же онъ вывезъ изъ Англіи *250 тысячъ* франковъ!

Нѣкоторыя оперы Россини поставлены въ Парижѣ до его прибытія туда; теноръ Гарсія поставилъ «Barbiere» знаменитая Паста производила фуроръ въ «Otello». Впрочемъ успѣху россиніевской музыки въ Парижѣ въ началѣ немало помѣшалъ завистливый Паэръ, который былъ въ то время директоромъ оперы въ столицѣ Франціи.

Въ 1824 года, директоромъ этой (королевской) оперы назначенъ былъ Россини. Но онъ былъ плохой директоръ и скоро отказался отъ этого званія. Замѣчательно, что единственнымъ важнымъ дѣломъ директорства Россини было ознакомленіе парижской публики съ Мейербероиъ, будущимъ его соперникомъ. Россини поставилъ его оперу «Il Crociato in Egitto (первой, италіянской манеры Мейербера).

Въ Парижѣ Россини занялся переработкою нѣкоторыхъ изъ своихъ оперъ, именно «Maometto», которая превратилась въ «Siège de Corinthe», «Mosè» (Moïse) и «Semiramide» (Sémiramis). Въ «Mosé» онъ передѣлалъ первый актъ и вставилъ прелестные по музыкѣ танцы. Въ «Maometto» онъ вставилъ великолѣпную сцену благословенія знаменъ, а въ «Semiramide» отдѣлалъ инструментовку [1]). Новая постановка «Mosè» была сдѣлана въ 1827 году. Въ слѣдующемъ году, Россини, любившій чередовать драматическій родъ съ комическимъ, написалъ очаровательную (у насъ совсѣмъ неоцѣненную) оперу «Le Comte Ory». Необыкновенное изящество отдѣлки вмѣстѣ съ прелестью мотивовъ дѣлаютъ изъ этой оперы нѣчто совсѣмъ особое и—прибавимъ—гораздо болѣе аристократическое, чѣмъ популярное.

Наконецъ, въ 1829 году, явился «Guillaume Tell». Здѣсь соединены всѣ стороны музыкальнаго, драматическаго и живописнаго таланта Россини.

Знаменитый дуэтъ «Arnoldo dove vai?» безсмертное trio, увлекательная и богатѣйшая по мыслямъ сцена заговора (по-

[1]) Артисты, которые исполняли сперва оперы Россини въ Парижѣ: Паста, Монбелли, Чинти-Даморо, Донзелли, Бордоньи, Левассеръ и др. Впослѣдствіи: Дюпре, Малибранъ, Віардо, Лаблашъ, Рубини и т. д.

служившая прототипомъ для такой же сцены въ «Гугенотахъ»;» глубоко-скорбная арія баритона съ аккомпаниментомъ віолончеля):

Deh non volerlo nella mia sventura
Di lui non mi privar...

наконецъ — каватина Арнольда, которая начинается чудно-меланхолическимъ речитативомъ

Ah non m'abbandonar
Speranza di vendetta...

переходитъ въ знаменитую арію: «Degli avi vuoto asilo» и кончается героическою стреттою (съ хоромъ): «Corriam, corriam vendetta vince l'armi». Можно ли представить себѣ что-нибудь болѣе страстное, болѣе глубоко-прочувствованное, трагизмъ болѣе величавый и вмѣстѣ болѣе правдивый? — «Il primo e il terzo atti ha fatto Rossini; il secondo ha fatto — Dio!» сказалъ о «Теллѣ» Донидзетти [1]).

Нельзя при этомъ не вспомнить еще разъ о Тамберликѣ, съ его неподражаемою дикціею и его огнемъ. «Когда я перестану пѣть, говорилъ онъ намъ, то буду рисовать.» Теперь, говорятъ, онъ командуетъ въ Мадритѣ какими-то волонтерами. O Arnoldo!

Послѣ «Телля», Россини почти тридцать лѣтъ прожилъ и, какъ извѣстно, не написалъ болѣе ничего для сцены. Почему? вопросъ, который мы едва ли вправѣ ставить творцу столькихъ мастерскихъ произведеній.

Зависть къ успѣхамъ Галеви и въ особенности Мейербера— вотъ общепринятое объясненіе. Но зависть обыкновенно проявляется борьбою, а не самоустраненіемъ

Какъ бы то ни было, Россини молчалъ. Онъ говорилъ, что хочетъ заняться музыкою духовною, но «Stabat» его, богатый мелодіями, показалъ, какъ мало въ немъ было религіознаго духа. «Stabat» Россини былъ изданъ въ 1841 году. Въ 1866 году, онъ послалъ въ Вѣну два хора: «Chant des Titans» и «Chant de Noël» для концерта, который тамъ былъ устроенъ въ пользу сооруженія памятника Моцарту. Россини не забылъ своего любимаго учителя. «Прошу снисхожденія къ этимъ скромнымъ сочиненіямъ,» писалъ онъ, «которыхъ все значеніе въ томъ, что ихъ написалъ старикъ, постоянный поклонникъ Моцарта».

На вечерахъ у Россини, въ Парижѣ, нерѣдко исполнялись его фортепіянныя пьесы и романсы—«Soirées Musicales». Но все это прелестныя бездѣлицы. Серьёзное служеніе его музыкѣ кончилось на «Теллѣ.»

[1]) «Первый и третій акты сотворилъ Россини, но второй сдѣлалъ Богъ.»

Люди вообще любятъ смѣшивать наружную жизнь человѣка съ его внутреннею жизнью и опредѣлять все это однимъ словомъ. Стендаля считаютъ энтузіастомъ-поклонникомъ Россини. Между тѣмъ этотъ поклонникъ, какъ только пустится въ общія сужденія, тотчасъ провозглашаетъ Россини холоднымъ, болѣе остроумнымъ, чѣмъ страстнымъ, болѣе французомъ, чѣмъ итальянцомъ. Этотъ поклонникъ Россини ставитъ его ниже Чимарозы по музыкальному вдохновенію. Между тѣмъ, какъ только онъ обратится къ частнымъ фактамъ, къ любой оперѣ Россини, тотчасъ впадаетъ въ безграничный восторгъ, и именно передъ драматизмомъ, однимъ словомъ, противорѣчитъ себѣ. Стендаль одинъ назвалъ Россини «Вольтеромъ» музыки. Опредѣленіе совершенно фальшивое, и вызванное очевидно тѣмъ, что Стендаль смѣшивалъ наружную жизнь Россини, саркастическое направленіе его рѣчи, его страсть къ насмѣшкамъ и даже buffonate съ внутреннею жизнью автора «Отелло».

А до сарказма, до фарсовъ Россини въ самомъ дѣлѣ былъ большой охотникъ. Матери своей онъ писалъ не иначе, какъ адресуя: «All'onoratissima Signora Rossini, madre del celebre maestro». Одному монсиньору, который надоѣдалъ похвалами его генію, онъ хвастался своей красотою и даже хотѣлъ явиться передъ нимъ въ античномъ костюмѣ, такъ что монсиньоръ убѣжалъ. Одной дамѣ, въ Парижѣ, которая за обѣдомъ спрашивала его, какъ титуловать его: «maestro, divino, или просто cavaliere»? онъ сказалъ: «Appelez moi votre lapin».

Такихъ анекдотовъ множество.

Россини, послѣ іюльской революціи, лишили-было пенсіи, но онъ началъ процессъ съ правительствомъ и выигралъ его. Онъ участвовалъ въ предпріятіи парижской оперы и получилъ немалые барыши; сверхъ того банкиры Ротшильдъ и Агвадо помѣстили его капиталъ въ выгодныя предпріятія, и онъ пріобрѣлъ большое состояніе, тѣмъ болѣе, что сталъ издерживать мало, сталъ скупъ. Онъ долго жилъ подъ крышею итальянскаго театра въ скверной квартирѣ, куда лазили къ нему всѣ знаменитости и власти. Донъ Педро, императоръ бразильскій влѣзалъ туда.

Но за то у него въ Болоньѣ былъ богатый палаццо, украшенный предметами искусствъ. Въ 1836 году, онъ поѣхалъ въ Италію и прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ, въ Болоньѣ и Миланѣ.

Когда въ сороковыхъ годахъ онъ возвратился въ Парижъ, то сталъ жить открыто; устроивалъ вечера для избраннаго общества, и звалъ друзей на макароны. Макароны онъ варилъ самъ и съ комическою важностью самъ подавалъ ихъ, славился ими.

Вотъ его завѣщаніе:

«Хочу, чтобы по моей и моей жены смерти, были учреждены на вѣчныя времена, въ Парижѣ, и исключительно для французовъ, двѣ преміи въ 3,000 фр. каждая, для ежегодной выдачи: одна,—автору музыкальнаго произведенія духовнаго или лирическаго, въ которомъ преимущественное вниманіе будетъ обращено на мелодію, *нынѣ столь пренебрегаемую;* другая—автору текста (въ прозѣ или стихахъ) вполнѣ удовлетворительныхъ для музыки и согласныхъ съ законами нравственности, съ коими писатели *невсегда достаточно соображаются.* Эти произведенія будутъ предложены на обсужденіе спеціяльной коммиссіи избранной въ академіи изящныхъ искусствъ института, которая рѣшитъ кому изъ конкуррентовъ будетъ слѣдовать премія Россини и засимъ таковая будетъ выдаваема въ публичномъ засѣданіи, въ институтѣ или консерваторіи, по исполненіи произведенія.

Этимъ я желалъ оставить Франціи, такъ благосклонно меня принявшей, свидѣтельство моей благодарности и моего желанія улучшеній тому искусству, которому я посвятилъ жизнь. [illegible] *Дж. Россини.*

Всѣхъ сочиненій Россини—Фетисъ насчитываетъ 50, въ томъ числѣ 38 оперъ. Впрочемъ, не въ количествѣ произведеній заслуги Россини. Въ глазахъ потомства онъ останется главнымъ виновникомъ переворота, произведеннаго имъ въ итальянской оперной музыкѣ: онъ вмѣстѣ и округлилъ мелодію, далъ ей необыкновенную стремительность, и первый освоилъ итальянцовъ съ гармоніею; онъ первый ввелъ въ итальянскую оперу громкій, патетическій языкъ страсти, котораго чуждались до тѣхъ поръ уши поклонниковъ Чимарозы, Саккини, Паэзіелло, Гульельми. Онъ увеличилъ звонкость оркестра (въ его же операхъ впервые на сцену выступилъ военный хоръ); онъ первый далъ итальянской оперѣ широкое драматическое развитіе. Вотъ его значеніе какъ новатора въ искусствѣ. Надо замѣтить, что это значеніе по преимуществу мѣстное. Многое изъ того, что было нововведеніемъ въ Италіи, не было новостью по сю сторону Альповъ, послѣ Глука, Моцарта, Бетховена.

Но всеобщее, всесвѣтное значеніе Россини имѣетъ и всегда будетъ имѣть, какъ могущественный геній — творецъ чудныхъ, грандіозныхъ мыслей. По богатству мелодическаго творчества ему, безспорно, принадлежитъ первое мѣсто въ всемірномъ Пантеонѣ лирической драмы.

Л. П.

ДВА ЖРЕБІЯ

I.

Если ты мадонна — и толпа, и геній
Предъ тобой склоняются челомъ;
Какъ жена и мать — двухъ поколѣній
Служишь ты охраной и звеномъ:
Радуйся, зиждительница рода!
Домъ твой — вѣтвь растущаго народа.
Въ той странѣ, гдѣ разорёнъ твой домъ
Города растлятся какъ Содомъ.
Собственнымъ достоинствомъ хранима,
Ты идешь молвой неуязвима,
Лесть не увлечётъ твои мечты,
Ибо нѣтъ въ нихъ праздной суеты, —
И любовь твоя неугасима, —
Радуйся, блаженная жена!
Твой очагъ семейный согрѣваетъ
Свѣжихъ чувствъ и мыслей сѣмена,
Вѣчно — новой жизни закипаетъ
Вкругъ тебя шумящая волна.
Всё что ты любовью и терпѣньемъ
Воспитала — отъ тебя уйдетъ,
Но уйдетъ съ твоимъ благословеньемъ
Съ памятью святыхъ твоихъ заботъ...

II.

Если ты вакханка — родилась вакханкой —
Много разъ падётъ передъ тобой
Геній, невладѣющій собой;
Только будь ты лучше куртизанкой,
Чѣмъ притворно-честною женой...
Не обманетъ холодъ этой маски
Эта цѣломудренная ложь,
Колобродитъ умъ твой.... ну такъ чтожъ!
Умъ-ли нуженъ для безумной пляски,
Тамъ, гдѣ страстной музыки волна
Въ шопотѣ и въ топотѣ слышна!...
Для семьи завѣтныя, святыя
Цѣпи долга, — для тебя — гнилыя
Нити; рвутъ ихъ прихоти твои...
Не входи-жъ напрасно въ міръ семьи;
У тебя иное назначенье:
Всё что въ жизни льётся черезъ край,
Всё что слѣпо ищетъ наслажденья,
Расточай, язви иль утоляй.
Много богачей ты пустозвонныхъ
Довела почти до нищеты,
Много силъ для свѣта незаконныхъ,
Безъисходныхъ и неугомонныхъ
До поры угомонила ты,
Освѣжая пылъ свой ихъ избыткомъ
Словно охмѣляющимъ напиткомъ.
Радуйся! самъ Олимпійскій богъ
На тебя дождёмъ червонцевъ льётся,
И надъ человѣчествомъ смѣется
Млѣя у твоихъ прелестныхъ ногъ...

III.

Если ты въ душѣ мадонна и — къ несчастью
Рано пала въ тѣ лѣта, когда
Молодость играетъ первой страстью,
Или явно въ жертву сладострастью

Злая продала тебя нужда —
Голодъ, холодъ, роковая крайность,
Нищета, лишенная труда; —
Знай! твое паденіе случайность,
Розовый разсѣется туманъ,
Наглый обнаружится обманъ —
И тогда — спаси тебя, о Боже!
На пирахъ веселой молодежи
Будешь ты унылая сидѣть,
На своёмъ полу-продажномъ ложѣ
Иногда молиться и скорбѣть, —
Всей душой, глубоко уязвлённой
Проклянёшь позоръ позолочённый,
Ночь соблазновъ и сонливый день,
И свою разряженную лѣнь,
И свою тоскливую безпечность,
И — людскихъ страстей недолговѣчность.

IV.

Если съ дѣтства ты вакханка и — къ несчастью
Рано разгадалъ тебя отецъ
И идти принудилъ подъ вѣнецъ, —
Пользуясь расчётливою властью;
Иль сама, сжигаемая страстью,
Отдалась ты мужу своему
Чтобъ начать служенье сладострастью
По узаконенному найму.
Знай, союзъ твой — роковая крайность,
Или безотчётная случайность,
Будешь ты скучать у очага,
Видѣть въ дѣтяхъ божье наказанье,
Въ лучшемъ мужѣ вѣчнаго врага,
Будешь усыплять его вниманье,
Облекать въ капризъ свои мечты;
Наконецъ, вполнѣ постигнешь ты,
Что тебя сковалъ одинъ обычай,
Что съ огнемъ жаровню подъ цвѣты
Трудно спрятать ради всѣхъ приличій...
И смѣясь надъ мужемъ и стыдомъ,
Проклянешь ты свой семейный домъ. —

V.

Людямъ роли розданы природой,
Съ ней борьба — не всѣмъ доступный трудъ.
Всё, что будетъ для тебя свободой,
То другіе рабствомъ назовутъ.
То — что станетъ для тебя — цѣпями,
Для другихъ — гирляндой изъ цвѣтовъ:
Людямъ роли розданы богами —
Каждый узнавай своихъ боговъ.
Но судьба перемѣшала роли,
Навязавъ намъ маску по неволѣ —
Не спасаетъ ветхій нашъ законъ
Сладострастью проданныхъ мадоннъ:
Подъ личиною мадонны скромной
Не узнать намъ жрицы вѣроломной;
Чуть сквозитъ сквозь радужный туманъ
Душу возмущающій обманъ.
Та, которая развратъ свой прячетъ,
Гордо смотритъ на погибшихъ дѣвъ —
И безсиленъ вопіющій гнѣвъ
Той, которая тихонько плачетъ.....

Я. П. Полонскій.

1868.

СОВРЕМЕННЫЕ МУДРЕЦЫ

Не отвлеченныя идеи и общіе принципы занимаютъ художника, а живые образы, въ которыхъ проявляется идея. Въ этихъ образахъ поэтъ можетъ, даже непримѣтно для самого себя, уловить и выразить ихъ внутренній смыслъ гораздо прежде, нежели опредѣлитъ его разсудкомъ Иногда художникъ можетъ и вовсе не дойти до смысла того, что̀ онъ самъ же изображаетъ; но критика и существуетъ за тѣмъ, чтобы разъяснить смыслъ, скрытый въ созданіяхъ художника, и, разбирая представленныя поэтомъ изображенія, она вовсе не уполномочена привязываться къ теоретическимъ его воззрѣніямъ.

Добролюбовъ: «Темное Царство».

Комедія А. Островскаго: «На всякаго мудреца довольно простоты».

«Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ»,—и очень немногимъ истиннымъ талантамъ посчастливилось найти себѣ справедливую оцѣнку при жизни, во время самой дѣятельности. Нельзя, конечно, сказать, чтобы г. Островскій вовсе не былъ оцѣненъ въ русскомъ обществѣ; нѣтъ, на его долю выпало встрѣтить въ Добролюбовѣ достойнаго себѣ критика, который указалъ, какое важное мѣсто долженъ занять авторъ «Грозы» въ русской литературѣ. Но за то рядомъ сколько выступало другихъ голосовъ, которые всячески желали умалить значеніе г. Островскаго, и не хотятъ допустить его выйти изъ того цикла купеческой жизни, которой нашъ драматургъ посвятилъ всѣ первые годы своей дѣ-

ятельности. Мнѣніе, что Островскій хорошъ только тамъ, гдѣ онъ рисуетъ купцовъ-самодуровъ да ихъ загнанныхъ жертвъ,— сдѣлалось общимъ. Но такое мнѣніе намъ кажется рѣшительно несправедливымъ и недостойнымъ по отношенію столь крупнаго таланта, какимъ обладаетъ г. Островскій. Вмѣсто того, чтобы удерживать и останавливать его на одномъ только общественномъ слоѣ, намъ слѣдовало бы, напротивъ, желать и, если можно, стараться привлечь его и къ другимъ частямъ общества, потому что, по русской пословицѣ, «большому кораблю должно быть большое и плаваніе». Задача художника-драматурга—захватывать по возможности всѣ слои; и чѣмъ глубже, чѣмъ шире обнимаемый имъ горизонтъ, тѣмъ больше заслуги и тѣмъ больше пользы для общества. До сихъ поръ, изображая преимущественно одинъ классъ, ограничивая себя главнымъ образомъ одною семейною стороною купеческаго быта, г. Островскій былъ болѣе счастливъ, представилъ болѣе сильные, болѣе цѣльные типы, чѣмъ въ комедіяхъ, посвященныхъ иному классу общества и иной сторонѣ русской жизни. Но кто же сказалъ, что при бо̀льшемъ изученіи, при бо̀льшемъ знакомствѣ съ другими общественными слоями, г. Островскій не сдѣлаетъ для такъ-называемой образованной части нашего общества и для общественной, публичной стороны жизни того же, что̀ онъ сдѣлалъ такими произведеніями, какъ «Гроза» и «Свои люди—сочтемся», для купеческаго быта и для семейныхъ отношеній русскаго народа? Вотъ почему мы съ особенною внимательностію и съ особеннымъ любопытствомъ относимся къ каждой попыткѣ г. Островскаго расширить свой кругъ дѣйствующихъ лицъ, и перенести свою наблюдательность съ того купеческаго слоя общества, на которомъ онъ остановился съ самой первой минуты своей дѣятельности, на другой или даже другіе слои, которые заслуживаютъ не меньшаго изученія и могутъ дать не меньшую пищу талантливому драматургу.

Но подобныхъ произведеній еще очень немного въ театрѣ Островскаго, и если къ послѣдней его комедіи: «На всякого мудреца довольно простоты», мы прибавимъ еще одну изъ прежнихъ, именно «Доходное мѣсто», то едва ли это и не все, что̀ построено на общественныхъ отношеніяхъ, и куда введенъ тотъ элементъ, который играетъ въ обществѣ видную роль. Эти двѣ комедіи, написанныя на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ, составляютъ, если можно такъ выразиться, вторую манеру Островскаго, въ которой мы желали бы автору достигнуть такого же совершенства, какъ и въ первой, посвященной главнымъ образомъ купеческому быту. Островскій значительно уже исчерпалъ матеріалъ, заключавшійся въ купеческомъ бытѣ, и создалъ изъ него

такую полную картину, къ которой едва ли онъ что̀-нибудь въ состояніи прибавить существеннаго, а между тѣмъ почва, изъ которой выросли «Доходное мѣсто» и «На всякаго мудреца довольно простоты», такъ дѣвственна и непочата, что она способна освѣжить и обновить талантъ, если бы онъ только нуждался въ обновленіи.

Какъ ни ясна изображенная г. Островскимъ картина русской жизни, какъ ни рѣзко обрисованы семейныя отношенія, въ основаніи которыхъ лежитъ «самодурство», но какой новый, ослѣпительный свѣтъ прольется на эту картину, когда рядомъ съ ней, въ pendant къ ней, будетъ представлена другая картина, изображающая общественную жизнь, тѣсно переплетенную съ семейною. Трудно допустить, чтобы такой талантливый писатель, какъ г. Островскій, добровольно отказался отъ изображенія общественныхъ отношеній людей, если бы не было никакихъ постороннихъ, стѣсняющихъ его дѣятельность обстоятельствъ. Обстоятельства эти существовали, и особенно сильно тогда, когда онъ началъ свою драматическую дѣятельность. Это было въ концѣ сороковыхъ годовъ. Въ ту эпоху русскій писатель былъ еще гораздо менѣе свободенъ, чѣмъ въ настоящую минуту, и разумѣется, ему не могла прійти даже въ голову мысль изображать все, что̀ есть или было дикаго въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ. Не былъ онъ даже свободенъ рисовать семейныя отношенія безразлично всѣхъ классовъ, потому что жизнь высшихъ или находившихся на виду слоевъ была строго ограждена отъ всякаго истиннаго наблюденія, перенесеннаго въ литературу или на сцену, если только это наблюденіе не клонилось къ ихъ выгодѣ. Чѣмъ дальше удалялся писатель отъ всего, находившагося на поверхности общества, тѣмъ болѣе былъ онъ свободенъ въ своихъ изображеніяхъ, тѣмъ вѣрнѣе могъ онъ рисовать жизнь безъ всякихъ прикрасъ, безъ всякихъ ретушей. Въ этихъ далекихъ углахъ народной жизни онъ только и могъ свободно, вѣрно, съ правдою, — этимъ необходимымъ условіемъ искусства, изображать грубость, дикость однихъ и загнанность другихъ, которые и представляли собою итогъ всѣхъ наблюденій. Островскій и сосредоточился на этомъ отдаленномъ отъ глазъ столицы горизонтѣ, къ счастію для художника, не взятомъ подъ особое покровительство, а предоставленнымъ, можетъ быть и нѣсколько легкомысленно, свободному творчеству писателя. Островскій уцѣпился за этотъ отверженный слой общества, потому что изображая только его, ему не нужно было жертвовать тѣмъ, безъ чего невозможно никакое истинно художественное произведеніе, т. е. правдою.

Мастерскою кистью изобразилъ онъ русское самодурство въ

купеческомъ быту, и изображеніе это было такъ сильно, что каждому, который захотѣлъ бы только вдуматься въ выведенные типы, стало бы ясно, что самодурство такое рѣзкое, такое удушающее, не можетъ быть достояніемъ одного класса безъ того, чтобы оно было чуждо другому, безъ того, однимъ словомъ, чтобы оно не коренилось въ цѣломъ строѣ нашей и частной и политической жизни. Какая тьма, какой мракъ становится кругомъ васъ, когда передъ вами проходятъ постепенно всѣ дѣйствующія лица комедій и драмъ Островскаго! Трудно сказать, что́ производитъ на васъ болѣе тяжелое дѣйствіе, смѣхъ и веселье первыхъ или слезы и грусть послѣднихъ. Какъ тутъ, такъ и тамъ каждое лицо ложится вамъ тяжелымъ камнемъ на сердце. Невозможно было бы ожидать, и Островскій понималъ это можетъ быть и инстинктивно, что если въ одномъ углу залы господствуетъ полная мгла, чтобы могло быть въ другомъ въ тоже самое время свѣтло и весело. Если одинъ слой народной массы можетъ дать только самодуровъ въ видѣ Большовыхъ, Торцовыхъ, Брусковыхъ, Кабановыхъ и всякихъ Титовъ Титовичей съ одной стороны, а съ другой несчастныхъ, безсловесныхъ и подчиненныхъ первымъ существъ, въ видѣ Любови Гордѣевны, Авдотьи Семеновны, и даже глубоко симпатичной, съ возвышенными чувствами и сильною душою Катерины, не находящей нигдѣ себѣ выхода какъ только въ смерти, такъ чего же ждать въ другомъ слоѣ, какъ не такихъ же съ одной стороны самодуровъ, а съ другой такихъ же беззащитныхъ существъ; развѣ съ тѣмъ исключеніемъ, что здѣсь мы не отыщемъ въ выведенныхъ лицахъ, мужскихъ или женскихъ, души Катерины, и не отыщемъ не потому, чтобы ее нельзя было вовсе встрѣтить, а оттого, что изобразить протестъ такихъ лицъ противъ жизни не такъ удобно, какъ протестъ необразованной Катерины.

Мрачный взглядъ на весь строй русской жизни, который по волѣ или безъ воли Островскаго, таится во всѣхъ его произведеніяхъ, во всѣхъ созданныхъ имъ типахъ, относящихся къ изображенію купеческаго быта, одинаково существуетъ и въ комедіяхъ, рисующихъ ту же семейную каторжную жизнь, но только вмѣсто купеческаго, въ чиновничьемъ или помѣщичьемъ слояхъ, которые онъ сталъ затрогивать, когда представилась только возможность. Кто въ состояніи указать разницу между типомъ какой-нибудь Уланбековой въ «Воспитанницѣ» и типомъ старухи Кабановой въ «Грозѣ»? Развѣ не та же это дикость, не то же безобразіе, не то же самодурство! Въ чемъ особенное различіе между Авдотьей Семеновной въ комедіи «Не въ свои сани не садись» и Марьей Андреевной въ «Бѣдной Невѣстѣ», развѣ не то же

безвыходное положеніе, не та же загнанность, не тоже преслѣдованіе отъ любящихъ «своею любовью» людей, не та же горькая, беззащитная жизнь! Да собственно говоря, не отчего и существовать особенной разницы между тѣми и другими, повязка на головѣ или модная шляпка не измѣняютъ внутри ея ровно ничего. Цивилизація, какъ бы долетѣвшая до нихъ по слуху, коснулась ихъ настолько, чтобы невѣжество ихъ и дикость поражала васъ въ нихъ больше, чѣмъ въ первобытныхъ натурахъ, выводимыхъ Островскимъ въ купеческомъ быту, но никакъ не больше. Въ сущности вездѣ одна и та же дикость, одно и то же безобразіе, одна и та же скорбь вызывается всѣми фигурами Островскаго. По неволѣ является вопросъ—какая же жизнь, какіе люди живутъ, да и люди ли это, когда въ этой массѣ выведенныхъ талантливымъ драматургомъ лицъ, нѣтъ ни одного, на которомъ можно было бы отдохнуть, успокоиться, на которомъ ваша мысль могла бы остановиться? Такого лица нѣтъ, и, что̀ самое ужасное, вы чувствуете, что не можете винить въ этомъ автора: онъ вовсе не съ умысломъ рисуетъ вамъ только мрачныя да мрачныя картины; его чувство, его чутье русской жизни, его наблюдательность подсказываютъ ему эти контуры, онъ не повиненъ въ окружающей тьмѣ, ему хочется, онъ пробуетъ рисовать свѣтлые образы, но помимо своей воли, по тому чувству правды, которая живетъ въ немъ, онъ обрывается, останавливается на половинѣ и быстро увлекаетъ проложенный свѣтлый образъ въ ту кромѣшную тьму, гдѣ не видно ни одной зги, куда никогда, ни на одну минуту не проглянетъ солнышко. Вамъ становится холодно, дрожь пробѣгаетъ по вашему существу. Тутъ нельзя себѣ дѣлать никакихъ утѣшеній, нельзя успокоивать себя, говоря, что авторъ, рисующій русскую жизнь, пессимистъ, что онъ все видитъ въ черномъ цвѣтѣ, потому что среда эта душитъ его, она ему невыносима. Ничего подобнаго невозможно замѣтить въ Островскомъ. Если изъ его произведеній нельзя вывести, чтобы онъ былъ совершенно доволенъ тою средою, которую онъ описываетъ, то точно также нельзя нигдѣ подмѣтить, чтобы она его особенно тяготила; онъ свыкся съ нею, онъ живетъ въ ней, и подчасъ намъ кажется, что онъ вовсе не отдаетъ себѣ отчета, какую грустную картину своего времени, своего общества рисуетъ онъ мастерскимъ перомъ.

Разбирать отдѣльно каждое лице выведенное Островскимъ, объяснять его такъ, какъ мы понимаемъ его, представить полный анализъ всей дѣятельности талантливаго драматурга, было-бы и не по нашимъ силамъ, да и вышло бы изъ предѣловъ принятой нами задачи. Мы хотимъ только, набрасывая то общее

впечатлѣніе, которое оставляетъ по себѣ театръ Островскаго, уловить ту связь, которая существуетъ между всѣми его произведеніями, указать на то единство мысли, которая проходитъ насквозь всѣ его комедіи, къ какому бы слою они ни относились. Какъ въ купеческомъ быту мы находимъ у него всегда стоящіе другъ противъ друга два враждебные лагеря, далеко не одинаково сильные, лагерь угнетающихъ и лагерь угнетенныхъ, изъ которыхъ одному принадлежитъ грубая, надменная сила, другому рабское подчиненіе, съ одною общею имъ стороною, заключающеюся въ полномъ невѣжествѣ, отсутствіи яснаго представленія о какихъ бы ни было человѣческихъ отношеніяхъ, да еще въ толстомъ слоѣ всевозможныхъ предразсудковъ и суевѣрій; какъ у нихъ нѣтъ никакого другого болѣе человѣческаго достоянія, нѣтъ понятія ни о какихъ болѣе разумныхъ и справедливыхъ основаніяхъ для жизни, кромѣ одной силы, такъ точно также эти два самые лагеря и эти самыя понятія мы встрѣчаемъ и въ другихъ общественныхъ слояхъ, можетъ быть съ нѣкоторою разницею во внѣшней формѣ, но въ сущности съ тѣми же аттрибутами. Все это различныя звенья одной и той же цѣпи. Во всѣхъ его драмахъ и комедіяхъ, рисующихъ семейный бытъ купеческаго, мелкочиновничьяго и мелкопомѣщичьяго слоевъ, вездѣ мы видимъ это основное начало вражды; съ одной стороны, тайная борьба угнетенныхъ, чтобы высвободиться изъ-подъ гнета самодурщины и стать, можетъ быть, самодурами въ свою очередь, съ другой — буйствующая сила, дикая власть угнетающихъ, неспособныхъ ни къ какому добровольному и сознательному ограниченію своихъ «широкихъ натуръ».

Стоитъ только припомнить главныя комедіи Островскаго и главныя дѣйствующія лица въ нихъ, чтобы то, о чемъ мы говоримъ, сдѣлалось совершенно рельефно. Возьмите «Свои люди — сочтемся», «Не такъ живи какъ хочется», «Бѣдность не порокъ», «Не въ свои сани не садись», «Гроза», и спросите себя, какое главное положеніе всѣхъ этихъ прекрасныхъ произведеній, посвященныхъ изображенію купеческаго быта? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: борьба двухъ сторонъ, угнетающей и угнетенной. На одной сторонѣ стоятъ у насъ Большовы, Петры Ильичи, Торцовы, Русаковы, Кабановы, все это составляетъ одинъ лагерь; на другой сторонѣ стоятъ Даши, Любовь Гордѣевны, Авдотьи Семеновны и изрѣдка Катерины; это другой лагерь, болѣе симпатичный, потому что онъ физически болѣе слабый, но въ сущности по своей слабости такой же безотрадный и грустный, какъ тотъ безотраденъ и гадокъ вслѣдствіе своей дикой силы. Мало различія между самодурами перваго лагеря,

всѣ они какъ нельзя болѣе похожи, и если есть между ними такіе, которые болѣе наглы и жестоки по ихъ личному природному характеру, какъ напр. Гордѣй Карпычъ Торцовъ или Большовъ или Кабанова, но за то есть и такіе, которые болѣе мягки и не лишены способности любить свою дочь, жену или сестру, какъ мы видимъ это въ типѣ Русакова, добраго самодура, только и толкующаго о любви къ своей дочери, или Красновѣ, въ драмѣ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ». И тотъ и другой, а кромѣ ихъ мы могли бы найти еще нѣсколько любящихъ самодуровъ у Островскаго, любятъ, но какою любовію? У Краснова, этого русскаго Отелло, любовь такого свойства, что вамъ становится жутко, когда вы смотрите, какъ онъ ласкаетъ свою жену. Онъ любитъ ее, какъ люди любятъ свою собаку, онъ ласкаетъ ее, балуетъ, но вы не можете не чувствовать, что собственно онъ не признаетъ за ней никакихъ правъ, онъ смотритъ на нее какъ на свою вещь, однимъ словомъ, воленъ любить и воленъ же и убить ее, что̀ въ концѣ концовъ онъ и дѣлаетъ. Важно въ этомъ не то, что одинъ болѣе жестокъ, другой болѣе мягокъ, важно то, что ни тотъ, ни другой не хотятъ признавать никакихъ отношеній, основанныхъ на справедливости, на правѣ, и считаютъ себя полновластными, вольными миловать, вольными и казнить, что̀ составляетъ характеристичную черту русскаго самодурства. Съ этой стороны, между ними нѣтъ разницы, всѣ они похожи другъ на друга, и когда забываешь частности, то такъ похожи, что всѣ они смѣшиваются въ вашей головѣ и вы принимаете одного за другого. Какъ сходны между собою типы перваго лагеря, такъ точно сходны и типы второго. Сходство тутъ, пожалуй, еще болѣе поразительное, та же мягкость, та же загнанность, то же роптаніе на судьбу, то же неосмысленное рабское, въ силу преданія, строгое и боязливое подчиненіе своимъ угнетателямъ. У всѣхъ у нихъ однѣ страданія, съ тою только разницею, что однѣ способны выносить болѣе, другія менѣе, однѣ страдаютъ безсознательно, по закону, такъ и быть должно, думается имъ, другія, какъ Катерина, сознаютъ свое страданіе, но неспособны, силы нѣтъ, прямо и смѣло лицемъ къ лицу стать къ своимъ притѣснителямъ, однако чувствуютъ и высказываютъ, что имъ жизнь не въ жизнь, не въ силахъ онѣ больше выносить своихъ страданій, пересилили они ихъ, измучили. Жизнь теряетъ для нихъ весь свой смыслъ, да иначе и быть не можетъ, все для нихъ опостыло, ничто ихъ не радуетъ, и «свѣтъ Божій не милъ». Самое счастливое, что̀ представляется имъ въ этомъ царствѣ самодуровъ—это смерть, могила, и голосъ Катерины выражаетъ собою

вмѣстѣ съ самымъ страшнымъ страданіемъ, самую задушевную мысль всѣхъ тѣхъ, которые, сознавая свое безсиліе передъ существующимъ строемъ, опускаютъ руки и говорятъ: «...въ могилѣ лучше... Подъ деревцомъ могилушка... какъ хорошо... солнышко ее грѣетъ, дождичкомъ ее мочитъ... весной на ней травка выростетъ, мягкая такая... птицы прилетятъ на дерево, будутъ пѣть, дѣтей выведутъ, цвѣточки расцвѣтутъ: желтенькіе, красненькіе, голубенькіе... всякіе... всякіе... Такъ тихо, такъ хорошо! Мнѣ какъ будто легче! А объ жизни и думать не хочется. Опять жить? Нѣтъ, нѣтъ не надо... не хорошо! И люди мнѣ противны, и домъ мнѣ противенъ, и стѣны противны! Не пойду туда! Нѣтъ, нѣтъ, не пойду!»

Нужно ли говорить, что такъ только могутъ разсуждать лучшія, исключительныя, идеализированныя натуры, которыя попадаются рѣдко, рѣдко, такъ рѣдко, что въ головѣ невольно возникаетъ вопросъ: да не выдумано ли такое лицо, не есть ли это только мечта автора, да и попадаются ли подобныя натуры? Большею же частью въ жизни встрѣчаются Авдотьи Максимовны, которыя будутъ продолжать безсознательное существованіе, будутъ рожать дѣтей, и умрутъ такъ какъ родились, не зная, что и у нихъ есть права, права человѣческія, права разумнаго существа. А другая еще такъ пойметъ свои человѣческія права, до такой степени войдетъ во вкусъ этой самодурной жизни, что какъ Курицына въ комедіи «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ,» будетъ хвастаться тѣмъ, что на вопросъ мужа: «чего моя нога хочетъ?» она немедленно «понимаетъ, потому обучена этому: ну и значитъ сейчасъ въ ноги.» Нельзя при этомъ не замѣтить того, что если въ станѣ притѣснителей-самодуровъ рядомъ съ мужчинами попадаются иногда и образцовые экземпляры женщины-самодура, какъ напр. Кабанова въ «Грозѣ,» за то въ противоположномъ слабомъ, загнанномъ лагерѣ, мы встрѣчаемъ почти исключительно женщинъ. Въ семейномъ быту онѣ и должны играть самую жалкую роль, какъ существа, лишенныя властвующей тутъ физической силы; борьбы двухъ элементовъ здѣсь встрѣтить нельзя, потому что та нравственная сила, которая способна возстать, хотя очень часто и совершенно безплодно, противъ грубой физической, если и встрѣчается иногда здѣсь, то она до такой степени изолирована, что способна развѣ вызвать въ женщинѣ рѣшимость на самоубійство, но никакъ не больше. Объ открытой борьбѣ, съ одной стороны физической, съ другой нравственной силъ—тутъ и рѣчи быть не можетъ, до такой степени одна царитъ надъ другою.

Между этими двумя враждебными станами есть еще одинъ,

какъ бы средній, по положенію своему принадлежащій къ угнетеннымъ, но по стремленіямъ и желанію льнущій къ угнетающимъ. Этотъ средній лагерь, готовящійся соединиться съ сильнымъ, но выжидающій только удобной минуты, чтобы быстро превратиться въ самодуровъ. Это тотъ классъ, который лишенъ всякаго болѣе или менѣе нравственнаго чувства, который точно также гадокъ какъ и лагерь самодуровъ, если еще не гаже, потому что тутъ онъ дѣйствуетъ изъ-подтишка; классъ этотъ изображенъ у Островскаго какъ нельзя лучше въ комедіи «Свои люди—сочтемся», въ характерахъ Лазаря Елизарича Подхалюзина и Олимпіады Самсоновны, дочери купца Большова. Это готовые уже самодуры, которые ждутъ только случая показать себя на дѣлѣ, они льстятъ, угождаютъ, потому что знаютъ, что иначе нельзя выбраться въ люди, а сами про себя говорятъ: погоди, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ! Съ молоду, съ дѣтскихъ лѣтъ всасываютъ они все то, что́ необходимо, чтобы съ спокойствіемъ и наслажденіемъ надувать и губить всякаго, кто только попадется въ ихъ лапы. Страшную школу должны они были пройти, какимъ ужаснымъ нравственнымъ изувѣченіямъ должны были подвергнуться ихъ натуры, прежде чѣмъ закалились они въ этомъ служеніи дикой, необузданной силѣ, служащей основаніемъ русской жизни. Нужно ли удивляться послѣ этого, что въ такихъ людяхъ заглохнетъ всякое человѣческое чувство, что они не будутъ знать себѣ другого закона, какъ обманъ, тамъ, гдѣ нужно обмануть, и раболѣпство передъ тѣми, которые сильнѣе ихъ. Вотъ и все, къ чему сводится семейный купеческій бытъ: съ одной стороны ужасающая физическая и нравственная слабость и загнанность; съ другой возмутительное издѣваніе надъ всѣмъ, что́ болѣе слабо, и раболѣпное отношеніе ко всему, что́ имѣетъ болѣе силы и власти, однимъ словомъ, люди раздѣляются здѣсь на двѣ неравныя части — тѣхъ, которыхъ душатъ и тѣхъ, которые душатъ. Нужно ли говорить, что все это прикрывается толстою, гранитною стѣною невѣжества, грубости, предразсудковъ, суевѣрій, что́ въ результатѣ даетъ самое полнѣйшее непониманіе и даже невозможность пониманія того, что на землѣ могутъ существовать иныя понятія, иной порядокъ, иныя отношенія между людьми.

Если подобный строй жизни есть результатъ еще полуварварскаго состоянія народа и далекаго разстоянія отъ той образованности, которая есть богатый плодъ западной цивилизаціи, то не трудно предполагать, что картина купеческаго быта, нарисованная Островскимъ, будетъ сильно походить на картину, описанную съ другого, любого слоя русскаго общества. Причина

таже, результатъ долженъ быть тотъ же. Какъ тамъ необразованіе, такъ и здѣсь; какъ тамъ его слѣдствіемъ является самодурщина, такъ точно также должна она явиться и здѣсь. Процентъ образованныхъ людей, людей, которыхъ разумъ не затемненъ неуклюжею смѣсью французскаго съ нижегородскимъ, цивилизованныхъ понятій Запада съ первобытными понятіями, еще такъ незначителенъ относительно цѣлой массы, колоссальной массы населенія, что, не смотря на всю громадную силу, которая принадлежитъ образованію въ борьбѣ съ невѣжествомъ, не смотря на то, что меньшинство это съ каждымъ днемъ должно увеличиваться, еще много времени должно пройти, прежде чѣмъ пропадетъ послѣдній слѣдъ самодурства, изображеннаго сильною рукою Островскаго.

Выйдя изъ купеческаго быта, Островскій пошелъ бродить по сосѣдству, и прежде всего наткнулся на мелко-чиновничій и мелкопомѣщичій бытъ, въ которомъ точно также изобразилъ онъ два враждебные стана: угнетенныхъ и угнетателей. Развѣ Марья Андреевна въ «Бѣдной Невѣстѣ» не можетъ подать руки Авдотьѣ Семеновнѣ, развѣ не одинаковая у нихъ несчастная доля, развѣ не одна у нихъ общая участь, полная печали и горя? Марью Андреевну любятъ, но какъ любятъ, почти что хуже, чѣмъ не любить, за ней не признаютъ человѣческихъ правъ, она не можетъ любить кого хочетъ, ее мучатъ, пилятъ до тѣхъ поръ, пока она наконецъ не соглашается загубить свою жизнь, выходя замужъ за грубаго, отвратительнаго Беневоленскаго. Да собственно говоря, ей ничего другого и не остается дѣлать: на что̀ она способна?—ни на-что, ровно ни на-что; да если бы и была способна, что̀ стала бы она дѣлать, развѣ ей не закрыты всѣ дороги, кромѣ одной, которую избрала Катерина; но за то вѣдь мы и сказали, что Катерина—рѣдкость, исключеніе. А Беневоленскій, а мать Марьи Андреевны, Анна Петровна — развѣ не принадлежатъ они также къ лагерю сильныхъ, угнетателей, съ тою только разницею, что Беневоленскій гадокъ, жестокъ, имѣетъ характеръ, а Анна Петровна не гадка, не жестока, не имѣетъ характера, но не имѣетъ и образованія, чтобы отдѣлаться отъ самодурства, которое тутъ точно также сильно, какъ и въ купеческомъ быту. Никто еще тутъ не достигъ до какого-нибудь понятія о томъ, что̀ значитъ уваженіе къ личности. Однимъ словомъ, Островскій точно такими же мрачными красками рисуетъ мелко-чиновничій бытъ, какими нарисовалъ онъ и купеческій; одинаково темный колоритъ положилъ онъ и на помѣщичью среду, которую онъ изобразилъ въ «Воспитанницѣ». Героиня самодурнаго, дикаго лагеря, Уланбекова не уступитъ ни-

какой Кабановой, никакому Титу Титовичу и Торцову, а Надя, воспитанница Уланбековой такая же жалкая и несчастная, какъ и всѣ ея сестры купеческаго и чиновничьяго быта. Въ однихъ выражается грубая, звѣрская сила, которая требуетъ себѣ отъ другихъ полнаго подчиненія, полнаго рабства. Возможно ли, при такой обстановкѣ, какое-нибудь развитіе, возможна ли человѣческая жизнь въ этой средѣ?—на это никто не затруднится отвѣтить.

Душно, тѣсно становится вамъ въ этомъ мірѣ, изображаемомъ Островскимъ, и у васъ наконецъ вырывается: да неужели же нѣтъ другой жизни, неужели въ большомъ русскомъ царствѣ художникъ-драматургъ не встрѣтилъ ни одного болѣе чистаго, болѣе отраднаго образа, неужели во всей землѣ не подслушалъ онъ ничего другого, кромѣ рыданій и стоновъ, вызываемыхъ ударами грубой, торжествующей силы? Нѣтъ, ничего больше, отвѣчаютъ вамъ, и вы не вѣрите, и начинаете снова слушать его точно похоронную пѣснь въ надеждѣ, авось не разслышите-ли вы гдѣ-нибудь дружнаго, радостнаго пѣнія? Ожидаемые звуки не долетаютъ до васъ, и вами овладѣваетъ тяжелое, грустное раздумье. Гдѣ же зародышъ, гдѣ источникъ, гдѣ причина той мрачной картины, которая нарисована намъ Островскимъ, невольно спрашиваешь себя? Гдѣ начинается, гдѣ оканчивается тупое самодурство, гдѣ останавливается торжество физической, силы, и гдѣ, наконецъ, вступаетъ въ свои права единая законная правительница міра—нравственная сила человѣка? Неужели нѣтъ предѣловъ владычеству матеріяльной силы, неужели ею обусловливается вся жизнь русскаго народа, неужели только она и успѣла пропитать насквозь всѣ слои, всѣ классы общества? Если невѣжество, дикость и отсутствіе сколько-нибудь разумныхъ отношеній между людьми составляетъ удѣлъ семейной жизни русскаго общества, если тутъ безгранично господствуетъ произволъ, то невозможно, чтобы не явилось сомнѣніе и относительно общественной жизни народа. Семейная и общественная жизнь тѣсно связаны между собою, и невозможно, чтобы одна не вліяла на другую, и даже больше, чтобы одна не была выраженіемъ другой. Не съ простымъ любопытствомъ хладнокровнаго зрителя, но съ душевнымъ трепетомъ и страхомъ хотимъ мы взглянуть и спросить у безотчетной наблюдательности и неподдѣльнаго правдиваго чутья Островскаго, какъ, какимъ образомъ отражаются подмѣченныя имъ основныя черты русской семейной жизни въ сферѣ общественныхъ отношеній, въ области, такъ сказать, политической жизни націи? Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе интересенъ, что въ отвѣтѣ на него мы узнаемъ

или, вѣрнѣе, дополнимъ наше знаніе и въ той сферѣ семейныхъ отношеній, которыя не были еще прослѣжены Островскимъ, именно, мы узна́емъ, насколько черты, принадлежащія низшимъ слоямъ общества принадлежатъ и высшимъ. Островскій, для того, чтобы сколько-нибудь обрисовать область общественной жизни, долженъ будетъ наконецъ коснуться и семейной жизни того класса, который представляетъ собою какъ бы болѣе развитое, передовое сословіе нашего общества, потому что до сихъ поръ, собственно говоря, только оно и имѣло то, что̀ зовется общественною жизнью, только оно и пользовалось нѣкоторыми правами, всѣ же остальные классы представлялись какъ бы вещью, болѣе или менѣе не одушевленными для высшей жизни предметами.

Посмотримъ, не просвѣтлѣетъ-ли тутъ какимъ-нибудь чудомъ мрачное воззрѣніе Островскаго на весь строй русской жизни, не отъищетъ-ли онъ тутъ, среди нашихъ образованныхъ классовъ, тѣхъ яркихъ и свѣтлыхъ тѣней, за которыя мы пожелаемъ ухватиться, чтобы съ радостью и надеждою смотрѣть на будущее. Исчезнетъ-ли тутъ наконецъ это раздѣленіе всѣхъ людей на два враждебныхъ стана, одинаково безотрадныхъ, выведенныхъ Островскимъ въ семейномъ быту?

Долго, какъ мы уже сказали въ самомъ началѣ, Островскій оставлялъ въ полной тѣни, въ полномъ мракѣ, наши общественныя отношенія, долго онъ ограничивался однимъ семейнымъ бытомъ низшихъ слоевъ народа, долго не могъ онъ показать того соотношенія, которое неизбѣжно существуетъ между частною, семейною и общественною, политическою жизнію русскаго люда. Причина этого отдаленія отъ сферы общественныхъ отношеній, нужно сказать, долго лежала не только въ томъ запретѣ, который лежалъ на всемъ, что̀ мало-мальски соприкасалось съ властію, но она скрывалась въ явленіи еще болѣе грустномъ, болѣе способномъ привести къ отчаянію, именно въ полномъ отсутствіи того, что̀ называется общественною жизнію. Общественной жизни не существовало, или вѣрнѣе, она не подавала никакихъ признаковъ своего существованія, она была забита, придавлена, и русское царство долго походило на то сонное царство, гдѣ все спитъ непробуднымъ сномъ и только двери его охранялись грознымъ и съ виду сильнымъ богатыремъ. Все спало, и даже тѣ, которые пробуждались, должны были притворяться, что они спятъ. Русскому драматургу, разумѣется, не было тутъ мѣста, ему пришлось бы копировать имъ же нарисованное самодурство въ семейномъ быту; изобразивъ домашнюю жизнь, онъ какъ бы тѣмъ самымъ изобразилъ и общественную. День

уходилъ за днемъ, годъ за годомъ, а русскій народъ все спалъ, все боялся открыть свои глаза и взглянуть на свѣтъ Божій, страхъ передъ грознымъ богатыремъ былъ необъятный, и вдругъ... все зашевелилось, всѣ привстали съ своихъ мѣстъ. Но привстать не значитъ еще встать, привычка дѣйствовать всѣми членами своего тѣла была потеряна, тѣ, которые стали ходить, поминутно спотыкались, многіе такъ и остались лежать, и даже, по привычкѣ, прищуривали глаза. Эта перемѣна не могла ускользнуть отъ наблюдательности Островскаго, онъ долженъ былъ почувствовать, что въ обществѣ начинается извѣстное броженіе, что искусственно уничтоженная общественная жизнь предъявляетъ свои права, и онъ не могъ поэтому не воспользоваться нѣкоторымъ пробужденіемъ общества, чтобы сколько-нибудь пополнить тѣмъ пробѣлъ въ его картинѣ русской жизни и постараться изобразить общественныя отношенія, обусловливающія собою и семейныя. Какой же характеръ носятъ на себѣ эти общественныя отношенія, присуща-ли имъ та же внутренняя борьба двухъ враждебныхъ лагерей, кѣмъ они выражаются, кому досталась роль угнетателей и кому угнетенныхъ, въ какой формѣ выражается тутъ протестъ противъ господства дикой силы, да и выражается-ли онъ еще,—на всѣ эти вопросы должны отвѣтить намъ его комедіи, въ которыхъ преобладающимъ элементомъ является изображеніе общественныхъ сторонъ жизни.

Первою комедіею, написанною на эту тему, было «Доходное мѣсто», гдѣ невольно должны были сказаться всѣ порывы, которыми особенно былъ богатъ конецъ пятидесятыхъ и первое время шестидесятыхъ годовъ. На ней отразилось все то движеніе, которое, сколько бы въ немъ не было ложнаго и надутаго, составляетъ одну изъ свѣтлыхъ полосъ нашей общественной жизни, и потому заслуживаетъ, чтобы на ней остановиться. «Доходное мѣсто», въ эту минуту получило для насъ еще особенный интересъ, благодаря новой комедіи Островскаго: «На всякаго мудреца довольно простоты», такъ какъ эти два произведенія могутъ навести читателя не на одну интересную паралель.

Да, въ то время, когда появилось «Доходное мѣсто», было много ложнаго, фальшиваго, люди, провозглашавшіе высокіе принципы, говорившіе о томъ, чтобы перевернуть весь строй жизни, эти люди были и недостаточно развиты, и недостаточно подготовлены, но въ ихъ словахъ сказывалась правда, и очень часто въ эту правду искренно вѣрили. Точно изъ-подъ земли выросла вдругъ цѣлая фаланга молодежи, которая съ горячностію двадцати годовъ сдѣлала вызовъ укоренившемуся порядку, и захотѣла дѣйствовать на свой страхъ. Способны-ли

они были вынести эту борьбу, достаточно-ли они были сильны, не слишкомъ-ли высокомѣрно относились они къ «старью», не считали-ли они его черезъ-чуръ слабымъ, въ то время, когда оно могло задавить много такихъ фалангъ и много подобныхъ напоровъ — все это показало время. Эту борьбу, этотъ споръ двухъ враждебныхъ лагерей и нарисовалъ Островскій въ «Доходномъ мѣстѣ». Тутъ стоятъ два непріятельскіе стана другъ противъ друга, точно также, какъ мы видѣли два лагеря въ картинахъ семейной жизни; точно также мы видимъ здѣсь, что одному принадлежитъ сила, одинъ уже владѣетъ ею, въ то время, какъ другой еще совершенно безсиленъ; но разница тутъ та, что въ семейныхъ отношеніяхъ протестъ противъ уродливости жизни, скрытый, тайный, здѣсь онъ обнаруживается съ громомъ и молніею. Тамъ еще не началась борьба между физическою силою и нравственною, которая здѣсь смѣло бросаетъ первой роковую перчатку. Физическая сила изображена здѣсь въ лицѣ важнаго сановника Вишневскаго, который съ презрѣніемъ самодура относится къ новымъ стремленіямъ и къ новымъ идеямъ, и какъ собственно могло бы это быть иначе, когда все, что онъ видитъ, все преклоняется передъ нимъ, когда всевозможные Юсовы, Бѣлогубовы, всѣ эти выслужившіеся и выслуживающіеся Молчалины по прежнему продолжаютъ льстить и раболѣпничать передъ его особой. И если бы еще эти Юсовы, эти Бѣлогубовы были въ меньшинствѣ—дѣло другое, онъ бы задумался, можетъ быть, а теперь, онъ видитъ ихъ вездѣ, встрѣчаетъ на каждомъ шагу, и чувствуя въ нихъ свою силу, онъ не можетъ смущаться передъ какимъ-то «мальчишкой» Жадовымъ, который проповѣдуетъ трудъ, честность, клеймитъ взяточничество, раболѣпство. Вишневскій, можетъ быть, внутренно бѣсится, не понимая, откуда проникъ вдругъ этотъ протестующій элементъ, можетъ быть онъ и пугаетъ его, но покамѣстъ онъ крѣпится и наружно совершенно спокоенъ и доволенъ собою. Жадовъ—это пробуждающаяся нравственная сила общества, выходящаго изъ полнаго мрака, гдѣ не было мѣста никакому свѣтлому образу. Связь семейнаго быта съ общественною жизнію можно, какъ нельзя лучше, прослѣдить въ этой комедіи, какъ на фигурѣ, изображающей собою представителя грубой силы Вишневскаго, такъ и на лицѣ воплощающемъ въ себѣ зародышъ живой нравственной силы—Жадова. Чѣмъ является Вишневскій въ своей внутренней семейной жизни? Если бы ему дали волю, если бы ему попалась женщина, которая не имѣла бы рѣшительнаго характера и подчинилась ему, онъ сдѣлалъ бы изъ нее то же, что дѣлаютъ изъ своихъ женъ Большовы, Торцовы, Титы Титовичи; но ему попалась жена, ко-

торая противится ему, и онъ рѣшается на другое средство, еще можетъ быть болѣе отвратительное, чѣмъ страхъ: подкупъ. Ему не приходитъ въ голову, что женщина, для того, чтобы любить человѣка, нуждается въ чемъ-нибудь иномъ, чѣмъ приказаніе или извѣстная сумма денегъ. Онъ считаетъ себя совершенно правымъ, говоря: «не для васъ-ли я купилъ и отдѣлалъ великолѣпно этотъ домъ? не для васъ-ли выстроилъ въ прошломъ году дачу? Чего у васъ мало? Я думаю, что ни у одной купчихи нѣтъ столько брилліантовъ, сколько у васъ», и послѣ этого женщина имѣетъ дерзость не любить его. Какъ по этому одному уже видно, что въ его головѣ никогда не умѣстятся никакія человѣческія понятія о болѣе справедливыхъ отношеніяхъ между людьми! Двухъ словъ, двухъ фразъ достаточно тутъ Островскому, чтобы обрисовать его цѣлый характеръ; намъ уже нечего добиваться, какъ относится онъ къ другимъ своимъ домашнимъ: мѣра дана, ее можно прилагать ко всему.

Набросивъ одну или двѣ домашнія сцены, заставивъ высказать Вишневскаго его воззрѣнія на семейную жизнь, Островскій рисуетъ маститаго сановника, какъ общественнаго человѣка, точно также одной или двумя сценами, но которыхъ слишкомъ достаточно, чтобы составить себѣ ясное понятіе, какъ дошелъ подобный господинъ до богатства и почестей, до теплаго мѣста и извѣстнаго величія. Ему не нужно себя измѣнять, онъ вездѣ остается одинъ и тотъ же, какъ въ семейныхъ, такъ и въ общественныхъ отношеніяхъ, вездѣ мы видимъ надменнаго, наглаго, презирающаго все и всѣхъ,если только это «все и всѣхъ» стоитъ ниже его; онъ уважаетъ только силу, въ какой бы формѣ она ни выражалась,—силу богатства, силу связи, силу чина, мѣста, положенія, даже силу лести, потому что онъ знаетъ по опыту, что лесть ведетъ ко всевозможнымъ почестямъ и ко всевозможнымъ карьерамъ. Что же касается до нравственной силы, то онъ ее искренно презираетъ и въ эту минуту даже не подозрѣваетъ надобности съ ней бороться. Да какъ ему и не презирать ее, когда всѣ его правила жизни сводятся къ одному: «какое дѣло обществу, на какіе доходы ты живешь, лишь бы жилъ приличпо и велъ себя какъ слѣдуетъ порядочному человѣку», т. е. другими словами: воруй, грабь, надувай, дѣлай что хочешь, только будь «порядочнымъ человѣкомъ». Какъ у мѣста это «порядочнымъ» и сколько страницъ комментаріевъ можно было бы исписать на этотъ эпитетъ въ устахъ Вишневскаго! И скучно и безплодно было бы допытываться, семьянинъ ли Вишневскій произвелъ на свѣтъ Вишневскаго общественнаго дѣятеля, или на оборотъ; дѣло только въ томъ, что общественныя отношенія

болѣе подчинены власти отдѣльныхъ людей, чѣмъ семейныя отношенія; на общественныя есть въ сто разъ больше возможности дѣйствовать, а потому на нихъ должна и лежать отвѣтственность, если въ семейныхъ отношеніяхъ продолжаетъ господствовать самодурная сила, покоящаяся на самодурной же силѣ нашихъ общественныхъ отношеній.

Юсовы и Бѣлогубовы являются какъ бы подпорой Вишневскихъ, они въ общественныхъ отношеніяхъ занимаютъ то же самое мѣсто, какое занимаютъ Подхалюзины въ семейномъ быту; все это кандидаты на роли общественныхъ самодуровъ, и они твердо, непреклонно идутъ по проложенному чуть не вѣками пути. Они чуть не съ колыбели дѣлаются Молчалиными, «не смѣющими своего сужденія имѣть», они слѣпо идутъ къ назначенной ими цѣли всей жизни: «сдѣлаться людьми», и на все остальное уже не обращаютъ никакого вниманія. «Сдѣлаться же людьми»—это понятно что̀ значитъ. Это значитъ дойти до такихъ чиновъ, когда не они, а имъ будутъ льстить, кланяться, когда въ нихъ будутъ заискивать, какъ они теперь заискиваютъ въ Вишневскихъ, въ ихъ женахъ, дочеряхъ, сыновьяхъ, всѣхъ ихъ родственникахъ, въ ихъ лакеяхъ, камердинерахъ, собакахъ и т. д., и т. д. Ихъ несчастный мозгъ никогда не бывалъ встревоженъ никакими человѣческими мыслями, имъ никогда не приходила въ голову дума, что можетъ быть и другая жизнь чѣмъ та, какою они живутъ, они никогда не спрашивали себя, хорошо или дурно унижаться, обманывать, льстить; чувство человѣческаго достоинства никогда въ нихъ не шевелилось, и въ головахъ ихъ никогда не могло бы умѣститься сомнѣніе, что такая грубая, животная жизнь не хороша, что можетъ быть иная, — болѣе разумная, болѣе справедливая.

Обвинять, жаловаться на Юсовыхъ, Бѣлогубовыхъ за то, что они Юсовы и Бѣлогубовы, вовсе не имѣло бы никакого смысла; они представляютъ собою законныя явленія, законные результаты общественнаго воспитанія. Пословица права, когда она говоритъ: что̀ посѣешь, то и пожнешь; посѣяны были Вишневскіе—всходятъ Юсовы и Бѣлогубовы, которые въ свою очередь дорастутъ и сдѣлаются непремѣнно Вишневскими. И чѣмъ больше они приближаются къ вершинѣ своего величія, тѣмъ больше прибавляется въ нихъ наглости, презрѣнія къ людямъ, разумѣется, поставленнымъ ниже ихъ, и тѣмъ больше исчезаетъ въ нихъ раболѣпность, какъ исключительная, характеристическая черта ихъ. Бѣлогубовъ, который только выступаетъ на жизненную сцену, хотя и обѣщаетъ очень много, раболѣпствуетъ передъ всякимъ и каждымъ, кто бы онъ ни былъ, безъ различія, не разбирая, есть ли тутъ выгода или нѣтъ; онъ раболѣпствуетъ,

потому что иначе онъ не можетъ, онъ долженъ раболѣпствовать, унижаться передъ всѣми, даже оставаясь наединѣ съ собаченкой своего начальника, онъ будетъ самъ стоять передъ ней на заднихъ ножкахъ, потому только, что она собаченка его начальника, а онъ, по его внутреннему убѣжденію, не что иное, какъ рабъ и червь. Онъ не можетъ допустить, чтобы иначе кто нибудь могъ «выйти въ люди», и когда онъ встрѣчается съ Жадовымъ, который иначе смотритъ на вещи, Бѣлогубовъ недоумѣваетъ, но раболѣпничаетъ и передъ нимъ, потому что въ головѣ его непремѣнно проходитъ мысль, что это не такъ, не спроста, что значитъ онъ скрываетъ же въ себѣ какую-нибудь силу, разумѣется силу въ томъ только смыслѣ, какъ можетъ допустить Бѣлогубовъ. Подымаясь на высшія ступени общественной лѣстницы, «раболѣпство передъ всѣми» начинаетъ уже пропадать, и тогда-то, какъ у Юсова, является вмѣсто того озлобленіе и ненависть противъ всѣхъ, которые не хотятъ идти по пройденной ими дорогѣ. Юсовъ уже не раболѣпствуетъ передъ Жадовымъ, нѣтъ, совершенно напротивъ, онъ преслѣдуетъ и ненавидитъ его, онъ желаетъ уничтожить его и стереть съ лица земли, за то, что Жадовъ не хочетъ «выйти въ люди», такъ, какъ вышелъ онъ, Юсовъ, т. е. не хочетъ быть на побѣгушкахъ, не хочетъ исправлять разныхъ коммиссій: «и за водкой-то бѣгать, и за пирогами, и за квасомъ, кому съ похмѣлья», какъ все это дѣлалъ Юсовъ. Онъ ненавидитъ Жадова, какъ-то инстинктивно боится его и вмѣстѣ съ тѣмъ презираетъ его: «что это за время такое! восклицаетъ онъ. Что теперь на свѣтѣ дѣлается, глазамъ своимъ не повѣришь! Какъ жить на свѣтѣ! Мальчишки стали разговаривать! Кто разговариваетъ-то? Кто споритъ-то? Такъ, ничтожество! Дунулъ на него, фу! вотъ и нѣтъ человѣка. Да еще съ кѣмъ споритъ-то! — Съ геніемъ». Геній для него, разумѣется, Вишневскій.

Бѣлогубовы, Юсовы, Вишневскіе, которыхъ мы точно видимъ и слышимъ, такъ ярко нарисованы они Островскимъ, такъ много въ нихъ жизни и правды, олицетворяютъ собою одинъ изъ враждебныхъ лагерей; они являются представителями грубой, физической силы, всегда преобладающей въ мало развитомъ еще обществѣ, того необузданнаго цивилизаціею элемента, противъ котораго должна упорно бороться зарождающаяся нравственная сила, до тѣхъ поръ, пока она не окрѣпнетъ и окончательно не возьметъ верхъ. Много должно пройти времени, прежде чѣмъ окончится этотъ періодъ борьбы, потому что матеріяльная сила цѣлыми вѣками укрѣпилась въ странѣ и далеко пустила свои острые корни. Пробуждающаяся нравственная сила представляется

въ фигурѣ юноши Жадова, на которомъ, какъ нельзя полнѣе, отразилось все то быстро охватившее русское общество броженіе, когда завязался совершающійся на нашихъ глазахъ поединокъ между новымъ и старымъ порядкомъ вещей. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ все представлялось въ какомъ-то розовомъ свѣтѣ, и людямъ казалось, что довольно одного желанія, чтобы разорвать всѣ связи съ мрачнымъ прошедшимъ и начать новую, свѣтлую жизнь. Въ дѣйствительности же оно вышло не совсѣмъ такъ. И послѣ перваго легкаго и счастливаго вздоха, вырвавшагося изъ груди Жадовыхъ, послѣ перваго восторга, вызваннаго твердою надеждою на быстрое торжество новыхъ, болѣе справедливыхъ началъ жизни, послѣ слѣпой, можетъ быть безумной вѣры, что все такъ и свершится, какъ подсказывала горячая молодая мечта, послѣ перваго удара, нанесеннаго старому зданію, въ бродившемъ идеями обществѣ вдругъ произошла быстрая перемѣна — орудіе оказалось слишкомъ тупымъ и мягкимъ для сгнившаго, но вѣкового дерева. Тѣ, которые считали себя и свои идеи страшною силою, увидѣли, что они слабы, и главное, слабы силою противниковъ. Минуты общаго оживленія и радости смѣнились минутами грусти и унынія, но тѣмъ не менѣе начало было сдѣлано, и если превращеніе должно было совершиться не такъ легко, не такъ быстро, то все-таки сомнѣніе въ томъ, что оно совершится— стало невозможно: подкопъ стараго строя былъ обезпеченъ; вопросъ былъ только въ средствахъ и времени, а вовсе не въ самомъ принципѣ.

Если теперь, послѣ десяти почти лѣтъ, какъ сталъ ясенъ тотъ типъ людей, которые сдѣлались первыми жертвами опьяненія общества, то въ ту минуту, нужно было обладать сильнымъ художественнымъ чутьемъ, какимъ-то инстинктивнымъ пониманьемъ, чтобъ вывести Жадова, и представить въ немъ типъ молодого, пробующаго только свои силы, общества. Жадовъ былъ дѣйствительнымъ типомъ того времени, и въ этомъ нельзя не отдать справедливости Островскому. Жадовъ не крѣпкая натура, не человѣкъ съ выдержанными, закаленными убѣжденіями, онъ весь состоитъ изъ однихъ порывовъ, но порывовъ какъ нельзя болѣе благородныхъ. Онъ вѣруетъ и любитъ все хорошее, честное, и ненавидитъ всякую ложь и неправду. Онъ полонъ розовыхъ надеждъ, всевозможныхъ иллюзій, въ него не закрадывается сомнѣніе, относительно жизни; трудъ, честность, прямота—всѣ его «святыя убѣжденія»; да ими можно, думается ему, побороть цѣлый міръ. Онъ искренно, незамѣтно можетъ быть для самаго себя, рисуется этими убѣжденіями, хвастается

ими, что̀ обличаетъ тотчасъ же, что эти убѣжденія не вошли въ его плоть и кровь, что они не выработаны имъ самимъ, а только навѣяны ему. «А голова-то, а руки-то на что? Неужели мнѣ весь вѣкъ жить на чужой счетъ? Конечно, другой былъ бы радъ, благо случай есть, а я не могу». И это желаніе похвалиться не есть фальшь, желаніе только выказать себя, онъ въ самомъ дѣлѣ это чувствуетъ, и ему хочется только дѣлиться съ другимъ своею честностью, въ которую онъ такъ вѣритъ. Ему въ голову не приходитъ, чтобы онъ когда-нибудь могъ измѣнить себѣ, и подобно Юсовымъ и Бѣлогубовымъ, рѣшиться искать доходнаго мѣста. «Какъ бы жизнь ни была горька, восклицаетъ онъ, я не уступлю даже милліонной доли тѣхъ убѣжденій, которыми я обязанъ воспитанію». Каждое слово дышетъ въ немъ молодостью, тою молодостью, которой все легко, не потому, что въ ней была бы дѣйствительная сила для борьбы, а только потому, что ей не пришлось еще столкнуться съ будничною жизнію. Онъ еще не понялъ, что нельзя бороться противъ каждой «мерзости», которую онъ встрѣчаетъ на «каждомъ шагу», а что нужно вооружиться и дѣйствовать только противъ одной, которая служитъ источникомъ всѣхъ остальныхъ. Послѣ перваго столкновенія съ дѣйствительною жизнію, когда онъ не испыталъ еще ни одного лишенія, и когда Вишневскіе и Юсовы даютъ ему только чувствовать, лишая его мѣста, что честныя убѣжденія не обходятся дешево, когда испытаніе только впереди, онъ полонъ еще отваги, онъ собственно и не хочетъ задумываться и спросить себя: нѣтъ ли въ ихъ словахъ гадкой, отвратительной, но тѣмъ не менѣе все-таки правды. Онъ собственно еще не размышляетъ, а только вѣритъ или не вѣритъ. «Да, разговаривайте! Не вѣрю я вамъ. Не вѣрю, чтобы честнымъ трудомъ не могъ образованный человѣкъ обезпечить себя съ семействомъ. Не хочу вѣрить и тому, что общество такъ развратно... Вы завидуете только намъ, людямъ съ чистою совѣстью, съ душевнымъ спокойствіемъ. Этого вы не купите ни за какія деньги». Вѣра является у Жадова вездѣ и во всемъ, вѣра въ себя, вѣра въ другихъ, вѣра въ трудъ, въ любовь, на горизонтѣ все чисто, нѣтъ ни одного облачка, ни одного сомнѣнія. Съ убѣжденіемъ, основаннымъ на вѣрѣ, а не съ убѣжденіемъ, основаннымъ на внутренней выработкѣ, выступаютъ и выступали эти люди въ борьбу съ физическою силою; что же удивительнаго, что они лично должны были потерпѣть пораженіе. Пораженіе идетъ быстро рядомъ съ двухъ сторонъ—изъ отношеній семейныхъ и отношеній общественныхъ; и тутъ и тамъ его собственная слабость, безсиліе, невыдержанность одолѣваютъ его, и на-

долго, если не навсегда, смущаютъ его и ведутъ къ гибели. Онъ надѣялся, женившись по любви, быть довольнымъ, счастливымъ, надѣялся жену сдѣлать точно также счастливою, хотѣлъ воспитать ее, вырвать изъ нея общественные предразсудки, думая, что они такъ легко поддаются—и вмѣсто этого къ чему онъ пришелъ? Жена просто на просто не считаетъ его за умнаго человѣка, потому что по ихъ понятію «умный человѣкъ долженъ быть непремѣнно богатъ»; во всѣхъ спорахъ съ нею, онъ долженъ былъ ей уступить, «она такъ и осталась при прежнихъ понятіяхъ». Жадовъ самъ объяснилъ причину: онъ не умѣлъ взяться за дѣло. Не убѣжденія ихъ, слѣдовательно, тутъ виноваты, а просто то, что эти убѣжденія не были выработаны имъ, они не сдѣлались одно съ нимъ, а были просто взяты готовыми.

Еслибы Жадовъ не встрѣтилъ себѣ такого отчаяннаго отпора, если бы масса, бо́льшая часть общества раздѣляла бы эти самыя убѣжденія, онъ можетъ быть и до конца остался увѣреннымъ, что эти убѣжденія—его, имъ самимъ выработаны, онѣ, можетъ быть, и были бы достаточны для обыкновеннаго обихода, а для борьбы онѣ, разумѣется, оказались недостаточными. Если бы вся масса была глубоко честна, и Жадову никогда бы не пришлось бороться, онъ такъ бы и умеръ, не сознавъ свою слабость, или вѣрнѣе слабость всего, что́ только заимствовано, но не усвоено. «Какой я человѣкъ! восклицаетъ онъ теперь, потерпѣвъ пораженіе въ жизни—я ребенокъ, я объ жизни не имѣю никакого понятія. Все это ново для меня, что́ я отъ васъ слышу. Мнѣ тяжело! Не знаю, вынесу ли я! Кругомъ развратъ, силъ мало!» Тутъ именно и начинается драма въ самомъ Жадовѣ, тутъ начинается страшная борьба, и какъ не сказать, что Жадову нужно было бы быть героемъ, чтобы одному, всѣми брошенному, не находя себѣ нигдѣ ни защиты, ни опоры, ни въ комъ не встрѣчая сочувствія, напротивъ, одну насмѣшку, выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы. Какъ ни мало усвоены были Жадовымъ его убѣжденія, какъ ни мало вошли онѣ въ его плоть и кровь, въ нихъ столько чистаго, привлекательнаго, обольщающаго, что когда теперь ему запало уже въ голову или хоть промелькнула мысль, что «съ мельницами» бороться нечего, когда онъ почти рѣшается на страшный шагъ: искать, просить доходнаго мѣста, эти убѣжденія становятся ему вдругъ дѣйствительно до́роги, онѣ заставляютъ испытывать его страшную, почти предсмертную агонію, и въ ту самую минуту, когда онъ готовится измѣнить имъ, въ первый разъ можетъ быть онъ ихъ въ самомъ дѣлѣ любитъ и чувствуетъ къ нимъ привязанность и какое-то безконечное уваженіе. Въ головѣ его страшный огонь, онъ не

помнитъ себя, ему больше нѣтъ охоты красоваться, слова льются у него, какъ огненная лава, выходящая изъ вулкана; честная, искренняя натура противится общей заразѣ, и мы дѣлаемся свидѣтелями послѣдней страстной схватки нравственной силы съ дикимъ невѣжествомъ, когда Жадовъ, съ умоляющимъ видомъ и жаромъ, силится еще разъ найти себѣ опору въ своей женѣ. «Слушай, слушай,—восклицаетъ онъ,—всегда, Полина, во всѣ времена, были люди, они и теперь есть, которые идутъ на перекоръ устарѣвшимъ общественнымъ привычкамъ и условіямъ. Не по капризу, не по своей волѣ, нѣтъ, а потому, что правила, которыя они знаютъ, лучше, честнѣе тѣхъ правилъ, которыми руководствуется общество. И не сами они выдумали эти правила: они ихъ слышали съ пастырскихъ и профессорскихъ каѳедръ, они ихъ вычитали въ лучшихъ литературныхъ произведеніяхъ нашихъ и иностранныхъ. Они воспитались въ нихъ и хотятъ ихъ провести въ жизнь. Что это не легко, я согласенъ. Общественные пороки крѣпки, невѣжественное большинство сильно. Борьба трудна и часто пагубна, но тѣмъ больше славы для избранныхъ. На нихъ благословеніе потомства, безъ нихъ ложь, зло, насиліе выросли бы до того, что закрыли бы отъ людей свѣтъ солнечный...» Если бы въ эту минуту около Жадова нашелся хоть одинъ человѣкъ, который поддержалъ бы его, очень вѣроятно, что онъ вышелъ бы побѣдителемъ изъ борьбы, и тѣ убѣжденія, которыя онъ только «выслушалъ и вычиталъ», можетъ быть впились бы въ него и сдѣлались его собственными убѣжденіями. Но вмѣсто такого человѣка, около него стояла его невѣжественная жена, которая на весь жаръ Жадова только и отвѣчаетъ словами презрѣнія: «Ты сумасшедшій, право, сумасшедшій». Если бы Жадовъ былъ герой, если бы онъ былъ исключительнымъ человѣкомъ, тогда, разумѣется, и безъ всякой посторонней помощи Жадовъ не свернулся бы, «не споткнулся», какъ самъ онъ говоритъ въ послѣднемъ дѣйствіи; но тогда Жадовъ и не такъ бы интересовалъ насъ, тогда мы и не стали говорить бы о фигурѣ, выведенной Островскимъ, какъ о типѣ извѣстной эпохи.

Были люди, безъ сомнѣнія, не падавшіе и не спотыкавшіеся какъ Жадовъ, но эти люди были исключительныя явленія, до которыхъ драматургу мало дѣла, если онъ хочетъ рисовать общій типъ, жизнь какъ она есть, не измѣняя главному условію искусства—правдѣ; а правда эта именно и требовала, чтобы Жадовъ споткнулся, потому что иначе его нужно было бы вывести въ иной средѣ, окружить его другими условіями, съ самаго начала показать его иначе, чѣмъ показанъ Жадовъ. Большое до-

стоинство и большой талантъ Островскаго какъ нельзя лучше видны на этой комедіи; правдивое чутье, истина, живущая въ немъ и постоянно подсказывающая ему, не допустила его сдѣлать изъ Жадова ходульнаго героя, возбуждающаго только отвращеніе, которыхъ мы такъ много видѣли и продолжаемъ видѣть на русскомъ театрѣ. Съ самаго начала, съ первой сцены, съ первыхъ словъ Жадова, мы видимъ, что это не герой, не исключительный человѣкъ, что его убѣжденія только наружныя, внѣшнія, хотя и высказываются имъ совершенно искренно; мы съ самаго начала дуели между Вишневскимъ и Юсовымъ съ одной стороны и Жадовымъ съ другой, какъ нельзя лучше видимъ его слабость, предчувствуемъ его паденіе, и потому для насъ собственно занавѣсъ падаетъ именно въ ту минуту, когда онъ вошелъ только въ домъ Вишневскаго. Паденіе совершилось, и намъ не нужно быстраго возстановленія Жадова, какое сдѣлалъ Островскій въ концѣ пятаго акта, чтобы по прежнему относиться къ Жадову съ полнымъ сочувствіемъ. Къ Жадову нельзя относиться безъ сочувствія, потому что нельзя подвергнуть сомнѣнію искренность его «вѣры» въ святыя начала правды и честности. Его паденіе не вызываетъ злобы, а только одно сожалѣніе, какъ вызываетъ симпатію и состраданіе женщина, павшая вслѣдствіе крайности и нужды. Паденіе его невольно, оно вызвано необходимостью, и, мы повторяемъ, Островскій сдѣлалъ бы непростительную ошибку, комедія его много потеряла бы своей правды, если бы Жадовъ не споткнулся, потому что Жадовъ не герой, не исключительный человѣкъ, не человѣкъ съ крѣпкими и непоколебимыми убѣжденіями, благодаря которымъ онъ могъ бы вынести всякую борьбу, погибнуть, быть заѣденнымъ, уничтоженнымъ, но никогда не сдѣлаться жертвою паденія. Жадовъ другое дѣло, Жадовъ—это общій типъ, созданный Островскимъ, типъ, въ которомъ соединились всѣ существенныя и характеристическія черты и особенности, и въ немъ не могли не узнать себя, положа руку на сердце, многіе и многіе изъ молодого поколѣнія того времени. Жадовъ симпатиченъ, потому что всѣ его стремленія, вѣрованія, желанія благородны до конца; въ немъ нѣтъ ничего фальшиваго, неискренняго; онъ не падаетъ, смѣясь надъ тѣми, которые борются, нѣтъ, онъ завидуетъ имъ, онъ страдаетъ, онъ самъ борется, онъ мучается съ разорваннымъ отъ боли сердцемъ, почти съ презрѣніемъ къ самому себѣ онъ идетъ просить доходнаго мѣста, какъ люди идутъ на смертную казнь. Если онъ не остановился на краю пропасти и скользнулъ въ смрадную яму, то не потому, чтобы въ немъ не было желанія, охоты удержаться, а потому, чтобы удержаться и не пасть, для

этого нуженъ былъ сильный исключительный характеръ, сильная, исключительная натура, какой не бываетъ у обыкновенныхъ смертныхъ. Жадовъ палъ, потому что онъ долженъ былъ пасть, а пасть онъ долженъ былъ потому, что та среда и то общество, въ которомъ онъ желалъ дѣйствовать, сохраняли еще слишкомъ большую физическую силу, чтобы не отбить первый напоръ впервые послѣ долгаго сна пробуждавшейся нравственной силы.

Выставляя борьбу двухъ элементовъ, Островскій нарисовалъ разладъ двухъ поколѣній, стараго и новаго, и первое онъ представилъ гнилымъ, разлагающимся, но въ силу инерціи, сохраняющимъ матеріяльное могущество; молодое изобразилъ онъ честнымъ, благороднымъ, но далеко не окрѣпшимъ для упорной борьбы и вслѣдствіе этого невольно подчиняющимся первому. Островскій показалъ на упавшемъ въ бездну Жадовѣ, какъ трудно, какъ тяжело оставаться безукоризненно честнымъ человѣкомъ въ средѣ, въ которой недостаточно развиты начала честности, и насколько цѣлое общество, какъ бы ни было оно заражено, сильнѣе отдѣльныхъ индивидуумовъ. Только тогда, когда общественное воспитаніе сдѣлаетъ значительные успѣхи, когда Жадовы, какъ ни много въ нихъ слабости, сдѣлаются большинствомъ въ обществѣ, когда честность станетъ обыкновеннымъ началомъ въ общественныхъ отношеніяхъ, только тогда человѣкъ, не одаренный желѣзною волею, въ состояніи будетъ остаться честнымъ человѣкомъ въ силу честности самого общества. А до тѣхъ поръ, не одинъ еще Жадовъ, послѣ борьбы и страданій, вынужденъ будетъ пасть, безъ того, чтобы за его паденіе въ него можно было бросить камнемъ. И его паденіе и онъ самъ долго будутъ вызывать еще только сожалѣніе и симпатію, потому что крѣпкому, могучему Жадову неоткуда еще было и взяться. Общественная масса, общественныя отношенія не могутъ вдругъ измѣниться, а до тѣхъ поръ, пока не измѣнились они, жизнь Жадовыхъ такъ тяжела, что за нихъ нельзя поручиться. На каждомъ шагу, каждый день, каждый часъ у нихъ впереди стояла борьба, среда давила ихъ, и они въ изнеможеніи отъ борьбы приходили къ страшному убѣжденію, что честнымъ трудомъ люди не всегда еще могутъ добиться до чего-нибудь. Скользкій путь, опасная дорога, на которой такъ легко, съ ненавистью и озлобленіемъ въ груди, изъ симпатичнаго и благороднаго, не смотря на свое паденіе, Жадова, превратиться въ антипатичнаго и безчестнаго Глумова—новаго героя комедіи Островскаго: «На всякаго мудреца довольно простоты».

Состояніе общественной атмосферы въ ту минуту, когда написано было «Доходное мѣсто», представляется намъ значительно

измѣнившимся, если мы примемъ за градусникъ современнаго общества послѣднюю комедію Островскаго. Вѣтеръ, очевидно, подулъ совершенно въ другую сторону, если героемъ конца пятидесятыхъ годовъ драматургъ выставлялъ Жадова, а героемъ конца шестидесятыхъ онъ выставляетъ Глумова. На это, пожалуй, могутъ намъ возразить, что комедіи Островскаго не могутъ быть мѣрилами общества, какъ не могутъ считаться героями извѣстныхъ эпохъ выводимыя имъ фигуры въ видѣ Жадова и Глумова. Съ подобнымъ мнѣніемъ мы никакъ не согласимся. Литература всегда отражала и будетъ отражать состояніе общества, его нравственный уровень всегда будетъ служить лучшимъ указателемъ, какія идеи, какія стремленія, какіе интересы наполняли собою общество, изображаемые типы всегда будутъ говорить, изъ какихъ людей состояла данная среда. Разумѣется, для того, чтобы брать произведенія и типы извѣстнаго автора, какъ мѣрило для сужденія объ обществѣ, нужно, чтобы этотъ авторъ обладалъ недюжиннымъ талантомъ. Нужна большая сила, нужно, чтобы писатель обладалъ въ высокой степени тою художественною правдою, которая позволяетъ ему различныя стороны встрѣчаемыхъ имъ лицъ, различныя черты и особенности людей его времени сливать въ то общее цѣлое, которое заслуживаетъ названіе типа. Нужно, чтобы изображаемыя имъ фигуры, выводимые имъ типы были не сколками съ того или другого лица, а чтобы въ нихъ выразились всѣ лица извѣстнаго строя; тутъ важны не извѣстныя частности или особенности отдѣльныхъ характеровъ, а тотъ общій и сильный колоритъ, подъ которымъ пропадаютъ ничего незначущія для типа мелочи и выступаютъ крупныя и типичныя черты, которыя свойственны болѣе или менѣе всѣмъ людямъ извѣстнаго строя и извѣстной эпохи. Безъ сомнѣнія, мы не можемъ брать за мѣрило времени и людей, дѣйствующихъ въ обществѣ, всевозможныя драмы и комедіи, претендующія на изображеніе нравовъ, но которыя въ сущности изображаютъ ихъ настолько же, насколько какое-нибудь произведеніе, въ родѣ «гражданскаго брака»; мы не можемъ брать такихъ авторовъ, у которыхъ вмѣсто людей дѣйствуютъ какіе-то автоматы, у которыхъ вмѣсто правды на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ только ложь да фальшь. Конечно, и такія даже произведенія, какъ та комедія, могутъ служить для характеристики людей и нравовъ, потому что, если въ обществѣ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, нѣтъ ничего, кромѣ подобныхъ вымысловъ, то изъ этого можно сдѣлать основательное заключеніе, что общество стоитъ весьма низко въ своемъ нравственномъ развитіи. Но это будетъ только сужденіе en gros, и мы все-таки

не узнаемъ, ни что̀ за люди дѣйствовали въ обществѣ, ни какими идеями руководились они, ни на основаніи какихъ принциповъ поступали они—все это способенъ дать только писатель, обладающій крупнымъ талантомъ, для котораго невозможна ни ложь, ни грубый вымыселъ, который неотступно руководится живымъ обществомъ и пропитываетъ свои образы высокою художественною правдою.

Намъ, надѣемся, не нужно больше доказывать, что у Островскаго дѣйствуютъ живые люди, а не автоматы, и что онъ никогда не грѣшитъ противъ художественной правды. Вотъ отчего мы и смѣло можемъ позволить себѣ брать его комедіи, какъ мѣрило даннаго времени и нравовъ даннаго общества. Мы, разумѣется, никогда не допустимъ, чтобы талантливый драматургъ, постоянно живущій въ обществѣ и слѣдящій за его жизнію, могъ, совершенно независимо отъ идей и людей, вращающихся среди его, сегодня писать такое произведеніе, завтра другое, сегодня выставлять такой типъ, завтра другой, безъ всякаго соотношенія къ тому, что̀ онъ видитъ въ извѣстную минуту. Для драматурга, который строитъ свои произведенія, главнымъ образомъ, на сильныхъ драматическихъ положеніяхъ, который пишетъ цѣлую комедію въ виду такой или другой идеи, на заданную имъ себѣ тему, который задается мыслію — представить, олицетворить въ какой-нибудь фигурѣ извѣстную общечеловѣческую страсть или порокъ,—для такого драматурга, безъ сомнѣнія, существуетъ самая полная возможность оставаться чуждымъ минутному движенію общества и даже рѣзкому колебанію его въ ту или другую сторону. Но для такого драматурга, какъ Островскій, который не задается никакими темами, никакими идеями или положеніями, который просто изображаетъ жизнь, такъ, какъ она ему представляется, и рисуетъ общественные нравы, безъ всякихъ тенденцій, а такъ, какъ ихъ подсказываетъ ему его тонкое чутье и удивительная наблюдательность, нѣтъ возможности оставаться внѣ измѣненій, совершающихся въ обществѣ, неестественно, чтобы онъ не помѣтилъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Поэтому мы и можемъ взять его «Доходное мѣсто» и его новую комедію и, говоря о нихъ, сказать: вотъ эта рисуетъ одну эпоху, вотъ эта—другую; вотъ типъ, принадлежащій тому моменту общества, вотъ типъ, принадлежащій этому, и разницею между двумя комедіями, между двумя типами, выяснитъ разницу между двумя моментами современнаго общества.

Мы видѣли уже Жадова, видѣли и Вишневскихъ, и Юсовыхъ, мы знаемъ, какая борьба завязалась между ними и къ чему она привела. Зло торжествовало, но торжество это — вре-

менное, истинная сила принадлежитъ тѣмъ началамъ, которыя Жадовъ только высказывалъ, и черезъ какіе бы еще печальные фазисы ни должны были пройти эти начала, эти носившіяся въ обществѣ идеи, въ концѣ концовъ они все-таки принесли уже русскому обществу извѣстную долю пользы, и, можетъ быть, бо́льшую, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ, хотя бы только тѣмъ, что помогли разрушить авторитеты Вишневскихъ и Юсовыхъ, которые превратились теперь въ сто разъ болѣе ничтожныхъ Крутицкихъ и Городулиныхъ. Какъ само общество дало возможность вспыхнуть Жадову, такъ точно помогло оно и его паденію, и если въ Жадовѣ произошла перемѣна, то произошла она, можетъ быть, тоже и въ обществѣ. Послѣ минутнаго увлеченія, послѣ перваго порыва какой-то искусственной страсти къ высшимъ идеямъ человѣчества, когда быстро пріѣлись фразы,—не фразы были только у самаго незначительнаго, ничтожнаго меньшинства — о благѣ человѣчества, общественной пользѣ, помощи ближнему, любви къ «меньшимъ братьямъ», въ русскомъ обществѣ, какъ недостаточно подготовленномъ для дѣйствительнаго воспринятія этихъ идей, должна была произойти реакція, и она въ самомъ дѣлѣ не замедлила явиться. Личный интересъ, часто прикрытый маскою общественнаго блага, какое-то общее равнодушіе смѣнили всѣ возвышенныя идеи, а когда равнодушіе становится главнымъ отличительнымъ свойствомъ общества, тогда трудно ожидать отъ него много хорошаго. «Отъ равнодушія — говорилъ еще Жадовъ — недалеко до порока», «а тотъ, добавлялъ онъ очень вѣрно, кому порокъ не гадокъ — тотъ самъ понемногу втянется». Островскій почувствовалъ, безъ сомнѣнія, совершившуюся въ обществѣ перемѣну, онъ инстинктивно понялъ, что Жадову больше нѣтъ мѣста, и взамѣнъ благороднаго и увлекающагося юноши, онъ сдѣлалъ своимъ героемъ холоднаго, разсчетливаго, всѣмъ существомъ своимъ погруженнаго въ личные интересы, презирающаго всѣмъ и всѣми для достиженія своей цѣли, которая сводится къ одному слову: каррьера. Каррьера служебная, каррьера денежная, каррьера.... однимъ словомъ, всякая каррьера и днемъ и ночью мерещится молодому герою, котораго Островскій окрестилъ Глумовымъ. Съ нимъ-то мы и должны познакомиться.

Глумовъ — это главное дѣйствующее лицо комедіи Островскаго: «На всякаго мудреца довольно простоты», онъ и есть самый мудрецъ, все дѣйствіе вертится вокругъ его, всѣ пружины, которыхъ на этотъ разъ у Островскаго больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, стягиваются въ его фигурѣ. Сколько чертъ, сколько сторонъ мы ни уловили бы въ Глумовѣ, намъ никогда бы не уда-

лось такъ мѣтко опредѣлить его характеръ, какъ дѣлаетъ это самъ Глумовъ въ началѣ комедіи: «Маменька — говоритъ онъ — вы знаете меня: я уменъ, золъ и завистливъ. Что я дѣлалъ до сихъ поръ? Я только злился и писалъ эпиграммы на всю Москву, а самъ баклуши билъ. Нѣтъ, довольно. Надъ глупыми людьми не надо смѣяться, надо умѣть пользоваться ихъ слабостями. Конечно, здѣсь карьеры не составишь, карьеру составляютъ и дѣло дѣлаютъ въ Петербургѣ, а здѣсь только говорятъ. Но и здѣсь можно добиться теплаго мѣста и богатой невѣсты — съ меня и довольно»; и немножко далѣе, онъ продолжаетъ убѣждать свою мать, говоря: — «Я съумѣю поддѣлаться и къ тузамъ, я найду себѣ покровительство, — вотъ, вы увидите. Глупо ихъ раздражать, имъ надо льстить грубо, безпардонно. Вотъ и весь секретъ успѣха». Въ этихъ словахъ заключается ключъ къ уразумѣнію всего характера Глумова. Боже мой, какое разстояніе пройдено отъ Жадова до новаго героя! Тамъ на первомъ планѣ стояли принципы, высокія начала честности, правды, слышалось искреннее желаніе быть полезнымъ другимъ, бороться съ ложью, обманомъ; здѣсь, напротивъ, прежде всего является собственная личность, каррьера, на алтарь которой Глумовъ готовъ принести все, что только въ его власти. Это больше не тотъ юноша, который громко возмущается несправедливыми общественными отношеніями, — нѣтъ, это человѣкъ, который боится терять время на смѣхъ надъ людскою глупостью, онъ жаждетъ употребить ее въ свою пользу; надо пользоваться «ихъ слабостями» — говоритъ онъ, разумѣя тѣхъ, противъ которыхъ боролся безсильный Жадовъ. Горизонтъ его не великъ, это не сильная натура, движимая честолюбіемъ, ни чѣмъ неудержимымъ властолюбіемъ, это опять былъ бы исключительный человѣкъ; нѣтъ, это — обыкновенный, средній человѣкъ, какихъ есть цѣлая бездна: все, что ему нужно, это — теплое мѣсто и богатая невѣста. Онъ не хочетъ идти прямою дорогою, потому что онъ лучше Жадова понимаетъ, что такимъ путемъ ничего не достигнешь, можетъ быть, даже примѣръ его послужилъ ему урокомъ; онъ точно также борется противъ тѣхъ, противъ которыхъ боролся тотъ юноша, но только орудія у него другія, потому что и цѣль другая. Глумову кажется глупымъ раздражать тузовъ, когда отъ нихъ можно всего добиться при помощи лести, грубой, безпардонной — какъ выражается онъ, — и нужно ему отдать справедливость: онъ лучше, умнѣе смотритъ на своихъ противниковъ; онъ понимаетъ, что истинной силы у нихъ совсѣмъ не такъ много, и, можетъ быть, даже считаетъ ихъ болѣе слабыми, чѣмъ они являются въ дѣйствительности. Хитрость, лукавство, лесть, раболѣпство, угож-

деніе направо и налѣво, и рядомъ съ этимъ полное презрѣніе ко всѣмъ, и уваженіе только себя — вотъ орудія Глумова, которыми онъ прокладываетъ себѣ дорогу къ почестямъ и богатству. Между Жадовымъ и Глумовымъ нѣтъ ничего общаго, и только одну жадовскую черту Островскій присвоилъ и своему новому герою, и эта черта производитъ въ характерѣ Глумова какую-то непонятную двойственность.

У Глумова, какъ и у Жадова, накипаетъ на душѣ желчь, вызванная уродствомъ общественныхъ отношеній, и онъ, Глумовъ, непризнающій на практикѣ никакихъ понятій о честности, неостанавливающійся ни передъ чѣмъ для достиженія своей цѣли, «одинъ въ ночной тиши» будетъ «вести лѣтопись людской пошлости». Какъ угодно, но нельзя не признать, что здѣсь звучитъ сильно-фальшивая нота. Мы бы еще могли допустить, еслибы хотѣли только прослѣдить дальнѣйшую судьбу Жадова, и встрѣтили его на хорошемъ мѣстѣ и человѣкомъ, имѣющимъ, что̀ называется, хорошее положеніе, что на него находили бы иногда минуты, когда онъ, припомнивъ свои молодые годы, юношескія мечты, печально задумывался и размышлялъ бы о «людской пошлости»; но и у Жадова эти минуты были бы крайне рѣдки, и онъ каждый разъ отгонялъ бы ихъ отъ себя, говоря: что̀ за глупыя мысли! Но откуда могла накопляться «желчь въ груди» у Глумова, который, будучи еще ребенкомъ, у всѣхъ лизалъ руки и тогда уже клялся, что будетъ любить и слушаться всѣхъ своихъ начальниковъ. Допустимъ однако, что мать, говоря это, клеветала на него, допустимъ, что если и правда, что онъ воспитывался «въ правилахъ строгой нравственности и добродѣтели», то онѣ уничтожены были противоположными вліяніями и идеями, которыя проповѣдывалъ Жадовъ, и тогда все-таки онъ долженъ былъ далеко отъ себя отбросить ту тетрадь, въ которой онъ велъ «Лѣтопись людской пошлости». Одно изъ двухъ, вступивъ самъ на дорогу, которая не терпитъ никакого понятія о честности, все, что̀ прежде казалось ему «людскою пошлостью», теперь должно было перестать казаться, или, сохранивъ какимъ-нибудь чудомъ нѣкоторое благородство, онъ не сталъ бы болѣе вести лѣтописи «людской пошлости», потому что своя собственная пошлость была бы для него черезчуръ тяжела и нестерпима.

Мы, разумѣется, не настаивали бы на этой неестественной, фальшивой чертѣ характера Глумова, если бы она была мимоходною и стояла бы на второмъ или третьемъ планѣ; мы бы могли только удивиться, къ чему внесъ ее Островскій въ такой цѣльный характеръ, какимъ представляется намъ Глумовъ. Къ

несчастію, черта эта играетъ главную роль, не въ характерѣ Глумова, но въ ходѣ комедіи, на ней держится, такъ сказать, вся интрига пьесы. «Умный, злой и завистливый» Глумовъ, не хочетъ болѣе злиться и бить баклушъ, и вмѣсто этого предпочитаетъ сдѣлать себѣ каррьеру. Съ его умомъ и еще тѣмъ принципомъ, которымъ онъ вооружился главнымъ образомъ, именно лестью, не хитро предсказать ему, что онъ достигнетъ своей цѣли и будетъ имѣть самый полный успѣхъ. Планъ аттаки «каррьеры» какъ нельзя болѣе хорошъ. Черезъ своего дядю, Мамаева, онъ намѣревается войти въ довольно значительный по положенію кругъ, который будетъ побѣжденъ его умомъ, ловкостію, скромностію, угодливостію и вмѣстѣ остальными добродѣтелями, такъ что ему останется пожинать только лавры своихъ побѣдъ. Выгодная женитьба, хорошее мѣсто — всѣмъ этимъ онъ уже обладаетъ въ своемъ воображеніи, нужно сдѣлать только первый шагъ, т. е. познакомиться съ дядей, надъ чѣмъ конечно не задумывается долго нашъ герой. Дядя для препровожденія времени любитъ осматривать квартиры, какъ будто бы желая нанять для себя; Глумовъ даетъ нѣсколько рублей человѣку Мамаева, чтобы онъ привелъ къ нему дядю; дядя приведенъ, знакомство сдѣлано, племянникъ понравился дядѣ, Глумовъ только потираетъ себѣ руки и думаетъ про себя: Боже, какіе дураки есть на свѣтѣ! Далѣе идетъ все какъ по маслу. Глумовъ ухаживаетъ за тетушкой, женой Мамаева, она въ восторгѣ отъ своего «молодого и краснваго» племянника, и дѣлаетъ изъ него своего любовника или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Она знакомитъ его съ значительными лицами, двумя важными сановниками, Крутицкимъ и Городулинымъ; одному изъ нихъ Глумовъ сочиняетъ проекты о вредѣ реформъ, другому приготовляетъ либеральные спичи, оба отъ него безъ ума, оба прославляютъ его, достаютъ ему мѣста и помогаютъ его женитьбѣ на богатой невѣстѣ Турусиной, которая просватана за него при помощи взятокъ различнымъ приживалкамъ, наполняющимъ домъ Турусиной, Манефамъ, изрекающимъ въ видѣ знаменитаго московскаго Ивана Яковлевича, свои опредѣленія, выгодныя тому, кто больше дастъ рублей. Глумовъ торжествуетъ; но тутъ излишняя любовь тетушки и еще болѣе его злополучный дневникъ, въ которомъ онъ ведетъ «Лѣтопись людской пошлости», собрались для него страшною тучею, которая разразилась грозою, разгромившею всѣ его планы. Глумовъ тщательно скрывалъ отъ Мамаевой свою надежду соединиться вѣчными узами съ двумя стами тысячъ Турусиной, но вдругъ она узнаетъ его измѣну, которая кажется ей страшнымъ преступленіемъ, и жажда наказанія, мести, не

даетъ ей ни одной минуты покоя. Она летитъ къ «ловкому человѣку» сама, своими ушами хочетъ услышать грязную исповѣдь, она слышитъ ее и едва можетъ сдерживать свою злобу. Пользуясь минутой, когда Глумовъ вышелъ изъ комнаты, чтобы вручить только ассигнацію одному изъ нашихъ продажныхъ писакъ, чтобы онъ не печаталъ его біографіи, Мамаева роется на столѣ Глумова и, о Боже! что̀ она видитъ — дневникъ нашего карьериста, сатиру на все общество современнаго практическаго человѣка. Она перелистываетъ его, и слезы досады показываются на глазахъ этой охотницы до «красивыхъ и молодыхъ» людей. Сатира на всѣхъ и на все, остроты, ѣдкія замѣчанія, полныя презрѣнія, разсыпаны щедрою рукою направо и налѣво, ничто не пощажено, ни его дядя, старавшійся вывести его въ люди, ни важные сановники, какъ Крутицкій и Городулинъ, не пощажена и она, бѣдная жертва «красиваго и молодого» человѣка. Но никого эта сатира такъ не забрызгиваетъ грязью, какъ самого Глумова, современнаго героя, который спокойно въ «ночной тиши» велъ «Лѣтопись людской пошлости», на каждой страницѣ которой онъ самъ занималъ едва ли не самое видное мѣсто. Если онъ не записывалъ сюда своихъ геройскихъ подвиговъ съ цѣлію покаянія и умышленнаго бичеванія самого себя, то мы спрашиваемъ, зачѣмъ авторъ сдѣлалъ своего умнаго героя менѣе дальновиднымъ чѣмъ Мамаева, которая, съ одного взгляда на дневникъ, поняла, на кого ложится эта сатира на современное общество едва ли не самымъ грязнымъ пятномъ, и смѣлая мысль озарила ея умъ — месть найдена, она воруетъ «Лѣтопись людской пошлости». Далѣе едва ли нужно разсказывать. Она летитъ съ своимъ кладомъ къ продажному писакѣ, который только что взялъ деньги съ Глумова, вручаетъ ему дневникъ, вручаетъ нѣсколько рублей и заказываетъ ему статью — смертельную для Глумова и всѣхъ его плановъ. Статья эта напечатана, она прислана къ Турусиной, гдѣ собралось все общество, и къ этой статьѣ въ видѣ подтвержденія приложенъ подлинный дневникъ практическаго человѣка. Пораженіе на всѣхъ пунктахъ, и замокъ, выстроенный «на воздухѣ, безъ фундамента», разлетается въ прахъ. Современный герой могъ бы пасть духомъ, изъ его груди могъ бы вырваться одинъ крикъ: сорвалось! если бы онъ не былъ твердо убѣжденъ, что онъ умнѣе всѣхъ остальныхъ, что для него поэтому нѣтъ еще ничего потеряннаго, и что черезъ нѣкоторое время онъ снова подчинитъ себѣ то общество, въ которомъ онъ живетъ. Теперь читателю не трудно видѣть, какую важную роль играетъ въ построеніи

всей комедіи та черта въ характерѣ Глумова, которая намъ кажется фальшиво взятымъ аккордомъ.

Вообще, мы должны сознаться, что въ этой комедіи мы встрѣчаемъ такіе недостатки, которые не привыкли видѣть въ бытовыхъ комедіяхъ Островскаго. Онъ самъ пріучилъ насъ къ необыкновенной простотѣ въ завязкѣ, развязкѣ и цѣломъ ходѣ комедіи, такъ что отсутствіе этой простоты здѣсь намъ еще болѣе чувствительно. Во всѣхъ почти его комедіяхъ дѣйствіе развивается какъ нельзя болѣе естественно, безъ всякой натяжки, концепція дѣйствующихъ лицъ, ихъ взаимныхъ отношеній, цѣлаго плана комедіи такъ свободно вытекаетъ изъ самой жизни, носитъ на себѣ характеръ такой правды, что вы поневолѣ чувствуете что происходящее предъ вами есть въ самомъ дѣлѣ жизнь, безъ всякихъ прикрасъ, безъ всякаго ложнаго вымысла, безъ всѣхъ тѣхъ вычурностей, которыми надѣляютъ русскую жизнь писатели, не одаренные такимъ поразительнымъ чутьемъ, такимъ инстинктивнымъ пониманіемъ, такою глубокою правдою какъ Островскій. Эта простота въ построеніи комедій, его главная цѣль рисовать людей и нравы своего общества какъ они являются въ жизни, со всею правдою, ни на одну минуту не жертвуя даже сотою долею ея ради какихъ бы то ни было чисто внѣшнихъ условій, дѣлаютъ иногда то, что драматическое движеніе въ его комедіяхъ замедляется, какъ бы останавливается; но мы все-таки въ тысячу разъ предпочитаемъ эту простоту, ради которой является вялость общаго хода комедіи, тому быстрому ходу, сильному драматическому движенію, построенному на фальшивыхъ, созданныхъ не здоровой, не чувствующей правды фантазіею, и искуственныхъ положеніяхъ, къ которымъ сплошь и рядомъ прибѣгаютъ всевозможные драматурги. Въ послѣдней своей комедіи, Островскій, рѣшившись даже пожертвовать цѣльностью характера, его правдою, прибѣгнулъ къ одному изъ такихъ фальшивыхъ драматическихъ положеній, которыя могутъ надобиться тѣмъ только, у которыхъ фабула комедіи занимаетъ самое важное мѣсто, а никакъ не тѣмъ, у которыхъ на первомъ планѣ стоятъ живые люди и общественные нравы. Вся басня комедіи, вся интрига ея довольно неудачно построена на дневникѣ Глумова, являющемся какъ бы deus ex machina, и на что такъ падки нѣкоторые изъ современныхъ французскихъ драматурговъ, какъ напр., Сарду. Все время, когда вы смотрите «На всякаго мудреца довольно простоты», вы чувствуете, что этотъ несчастный дневникъ, около котораго сосредоточивается главное драматическое положеніе, есть не что иное, какъ придуманная авторомъ уловка, которая слу-

житъ ему для завязки и развязки интриги. И какъ неудачна самая причина, такъ и неудачно ея послѣдствіе. Развязка, т. е. чтеніе этого дневника и обличеніе Глумова, является крайне неестественное, и если мы не станемъ упрекать Островскаго въ заимствованіи этой сцены у другого автора—подобный упрекъ былъ бы неумѣстенъ, когда мы говоримъ о такомъ талантливомъ драматургѣ, какъ Островскій — то мы все-таки должны сказать, что тутъ конецъ является натянутымъ, и длинный монологъ Глумова, обращенный поочереди ко всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ, есть не что иное, какъ фальшивый сценическій эффектъ.

Мы не привыкли видѣть у Островскаго подобные, впередъ разсчитанные на эффектъ слова или сцены, и мы тѣмъ болѣе непріятно поражены ими, что Островскому вовсе не нужно прибѣгать къ нимъ; въ его комедіяхъ всегда скрыто столько по истинѣ вызывающаго и слезы и смѣхъ, что вызывать то или другое искусственно ему совершенно незачѣмъ. Вызывать искусственно то или другое, значитъ впадать въ мелодраматичность или водевильность, а ни та, ни другая въ комедіи вовсе не у мѣста. Вотъ почему мы упрекнемъ Островскаго и за ту сцену, гдѣ человѣкъ Турусиной приходитъ къ ней нѣсколько разъ съ докладомъ, что къ ней пришелъ то странный человѣкъ, то юродивый, то блаженный, что̀, если хотите и смѣшно, но смѣшно водевильно, все это искусственно притянуто, и безъ сомнѣнія, не отъ подобныхъ фарсовъ можетъ выигрывать комедія. Какъ нѣтъ простоты въ самомъ основаніи интриги комедіи, какъ натянута и завязка и развязка, точно также мы не можемъ не замѣтить натяжки и неестественности, съ которою Островскій заставляетъ сталкиваться дѣйствующія лица комедіи. Знакомство дяди съ племянникомъ, Глумова съ Мамаевымъ, нельзя сказать, чтобы совершалось такъ, какъ могло бы это совершиться въ дѣйствительной жизни. Но мы впадаемъ ужъ въ черезъ-чуръ мелочной разборъ недостатковъ комедіи, и потому лучше перейдемъ къ тому, что̀ въ ней есть истинно хорошаго. Хорошее въ комедіи то, что всегда хорошо у Островскаго: это начерченные типы, нарисованные нравы, въ которыхъ со всею яркостью отражается картина современнаго общества. Странное явленіе произошло въ сферѣ тѣхъ общественныхъ отношеній, въ которыхъ мы легко могли различить два лагеря, одинъ, полный физической силы, который десять лѣтъ тому назадъ представлялся Вишневскими, Юсовыми, Бѣлогубовыми, и другой, слабый, немногочисленный, но съ зараждавшейся нравственной силой, который изображенъ былъ Островскимъ въ фигурѣ Жадова. Необычайная перемѣна произошла и въ томъ и въ другомъ; какъ ни тѣ мысли, ни тѣ

идеи, ни тѣ понятія о болѣе нормальныхъ человѣческихъ отношеніяхъ, которые распространились въ русскомъ обществѣ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, и которыя и вызвали Жадова,—не остались безъ послѣдствій на первый лагерь, точно также и разгромъ и паденіе Жадова имѣли свое пагубное вліяніе на другой, не успѣвшій еще окрѣпнуть, лагерь. Тотъ, который олицетворялъ въ себѣ физическую силу, силу рутины, застоя, долженъ быть страшно поколебленъ, если онъ представляется теперь вмѣсто увѣреннаго въ своей силѣ и гордаго своимъ превосходствомъ Вишневскаго и рабски слѣдующею за нимъ арміею Юсовыхъ и Бѣлогубовыхъ, какимъ-то растерявшимся и незнающимъ за что ухватиться Крутицкимъ, да еще сбитаго съ толку и идущимъ на всякія либеральныя продѣлки Городулинымъ. Въ другомъ лагерѣ произошла не менѣе рѣзкая перемѣна, лагерь протестующихъ измѣнилъ своему назначенію; онъ точно также продолжаетъ протестовать противъ уродства общественныхъ отношеній, но онъ протестуетъ только въ тиши или передъ тѣми, у которыхъ онъ можетъ выиграть только своимъ протестомъ. Измѣнилось и самое значеніе протеста; онъ протестуетъ не въ видахъ цѣлаго общества, а только въ своихъ личныхъ интересахъ, но изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы, достигнувъ своихъ цѣлей, онъ сдѣлался бы Вишневскимъ или Крутицкимъ. Онъ понимаетъ и ихъ пошлость и ихъ глупость, онъ понимаетъ ихъ уродство, но онъ понимаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что бороться съ ними прямо нельзя; на Жадова онъ смотритъ, какъ на невиннаго юношу, и если вспоминаетъ про него, то долженъ говорить: «дуракъ, не умѣлъ взяться за дѣло, у меня бы поучился!» Онъ смотритъ на весь лагерь физической силы какъ на своихъ вѣчныхъ враговъ, у которыхъ на первомъ планѣ все-таки глупость, а не сила, и потому онъ рѣшается провести ихъ, надуть при помощи лести и раболѣпства. Эти орудія онъ заимствовалъ у своихъ противниковъ въ ущербъ тѣмъ, которыми боролся Жадовъ. Физическая сила выиграла на счетъ нравственной, которая почти-что исчезла, но два лагеря, совершенно измѣненныхъ, все-таки остались и стоятъ другъ противъ друга. Въ неразвитомъ, грубомъ еще обществѣ, безъ сомнѣнія, такой человѣкъ какъ Глумовъ долженъ имѣть въ сто разъ бо̀льшій успѣхъ, чѣмъ юноша, какъ Жадовъ; въ самомъ дѣлѣ оно такъ и есть, одинъ въ комедіи, послѣ паденія все-таки возстаетъ, хотя въ жизни онъ проваливается безвозвратно, другой въ комедіи проваливается, а въ дѣйствительной жизни торжествуетъ. И, безъ сомнѣнія, больше правды было бы въ комедіи, если бы Островскій не допустилъ Глумова до паденія, а предоставилъ ему поль-

зоваться законными плодами своей побѣды. Глумовъ торжествуетъ и долженъ торжествовать, потому что для того общества, въ которомъ онъ дѣйствуетъ, его орудія самыя дѣйствительныя. «Хитрость и лесть»—у него нѣтъ другого девиза, да другого ему и не нужно, если мы только взглянемъ, съ какою средою онъ имѣетъ дѣло.

Дома каждое слово Глумова считается закономъ. Онъ главнокомандующій, который составилъ планъ генеральнаго сраженія, онъ все соображаетъ и дѣлаетъ, онъ направляетъ орудіе, и только другихъ, кого можетъ, заставляетъ стрѣлять изъ него. Сначала его армія не велика: въ полномъ безусловномъ его подчиненіи находится только его мать, которая представляетъ изъ себя нѣчто въ видѣ Санхо-Панчо, вставляющая иногда свое слово, но рабски слѣдующая приказаніямъ достойнаго ея сына. Глумову нужно увеличить свою силу, и первый, котораго онъ долженъ пріобрѣсти себѣ вѣрнаго союзника, это его дядя Мамаевъ, который, по опредѣленію его другого племянника, гусара Курчаева, «считаетъ себя всѣхъ умнѣе и всѣхъ учитъ. Его хлѣбомъ не корми, только приди совѣта попроси». Мамаевъ принадлежитъ къ той безсознательной части нашего общества, которая, хорошо обезпеченная въ матеріяльномъ отношеніи, живетъ себѣ неизвѣстно для чего, не имѣя никакихъ особенныхъ интересовъ. Это та, такъ сказать, табунная часть общества, которая слишкомъ невѣжественна и слишкомъ ограничена, чтобы имѣть свое собственное мнѣніе въ какихъ бы то ни было дѣлахъ, она идетъ куда ее ведутъ, говоритъ, что̀ слышитъ и дѣлаетъ, что́ приказываютъ. Какъ устами младенца высказывается иногда самая святая правда, точно также и Мамаевы говорятъ иногда очень здравыя вещи, сами не понимая ни смысла, ни значенія того, что̀ они говорятъ. Издали послушать его — попадется вдругъ у него такая фраза, что по неволѣ скажешь: онъ не дуракъ, а вдругъ рядомъ тотчасъ сказывается совершенно противное. Очевидно, что когда въ разговорѣ съ Крутицкимъ, Мамаевъ говоритъ: «Да, мы куда-то идемъ, куда-то ведутъ насъ; но ни мы не знаемъ куда, ни тѣ, которые ведутъ насъ. И чѣмъ все это кончится»? Онъ только эхо другихъ голосовъ, онъ слышалъ звонъ, да не знаетъ откуда; какъ будто бы тутъ скрывается мысль, и вмѣстѣ съ тѣмъ у Мамаева никакой мысли нѣтъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ обличаетъ себя, и выдаетъ немедленно свою слабую сторону. Когда Крутицкій говоритъ ему, что еще не все потеряно, что есть люди сильные, съ большимъ умомъ, съ большою опытностью, которые остановятъ все, что «молодо и неопытно», Мамаевъ отвѣчаетъ: «Есть, есть. Какъ не быть! Я вамъ

скажу, и очень есть, да не слушаютъ, не слушаютъ. Вотъ въ чемъ вся бѣда: умныхъ людей, насъ не слушаютъ». Онъ весь тутъ, и дальше нечего въ немъ искать. Это тотъ слой или то стадо людей, которые пойдутъ куда ихъ погонятъ и будутъ мычать то, что подскажутъ. Это люди не полезные, не вредные, а если и вредны, то только тѣмъ развѣ, что безполезны. Но съ этими въ нашемъ обществѣ еще рано считаться. На такого человѣка Глумовъ разумѣется не тратитъ много труда, онъ притягиваетъ его къ себѣ самымъ грубымъ средствомъ, которое намъ кажется слишкомъ грубымъ даже по отношенію къ глупому Мамаеву. Онъ узналъ его слабую сторону и прямо дѣйствуетъ на него, говоря: я глупъ, меня некому учить! Мамаевъ, который любитъ, какъ онъ выражается, забираться «въ самыя высшія сферы мышленія» и найдя человѣка, да еще племянника, который не только будетъ покорно выслушивать, но который самъ проситъ, чтобы его учили,—какъ нельзя болѣе счастливъ своею находкою, и разумѣется обѣщаетъ ему свою протекцію и покровительство. Глумовъ не боится расточать передъ Мамаевымъ самую грубую лесть, потому что онъ убѣдился, что Мамаевъ слишкомъ глупъ, чтобы догадаться, что онъ притворяется. Онъ цѣлуетъ ему руку, онъ говоритъ, что онъ счастливъ, «что видѣлъ и наслаждался бесѣдою умнаго человѣка», онъ, однимъ словомъ, съ жаромъ принимается за приведеніе въ исполненіе своего плана. Глумовъ уменъ, онъ самъ это сказалъ про себя, онъ и показываетъ на дѣлѣ, по полету узнавая птицу. Когда онъ входитъ въ домъ Мамаевой, онъ уже знаетъ, какъ нужно обращаться со всѣми, что говорить съ однимъ, что съ другимъ и т. д. Онъ едва не съ перваго разу подчиняетъ себѣ сердце этой барыни, большой охотницы до «красивыхъ и молодыхъ» людей, о которой намъ нечего говорить.

Это вѣчный типъ, прекрасно очерченный Островскимъ, женщины свѣтской, ничего не дѣлающей, ничего не знающей, скрывающей подъ бархатнымъ платьемъ, сшитымъ по послѣдней модной картинкѣ, этою квинтъ-эссенціею женской цивилизаціи, свое необразованіе, свою пустоту; въ ней нѣтъ да и не можетъ быть, въ томъ ненормальномъ нравственномъ состояніи, въ которомъ находится она почти со всею остальною массою женщинъ, другихъ интересовъ какъ новый туалетъ да любовь «къ красивымъ и молодымъ» людямъ, но не дальше; красота и молодость, вотъ все, что ей нужно. «Если вы видите, говоритъ она, что умный человѣкъ бѣдно одѣтъ, живетъ въ дурной квартирѣ, ѣдетъ на плохомъ извощикѣ — это васъ не поражаетъ, не колетъ вамъ глазъ; такъ и нужно, это идетъ къ умному человѣку, тутъ нѣтъ

видимаго противорѣчія. Но если вы видите молодого красавца, бѣдно-одѣтаго—это больно, этого не должно быть, и не будетъ, никогда не будетъ». Тутъ вся она, дальше искать нечего. Глумовъ, который красивъ и молодъ, разумѣется, легко побѣждаетъ ее, и она готова уже сдѣлать все на свѣтѣ, чего «онъ» только пожелаетъ. Въ ея домѣ онъ знакомится съ Городулинымъ и Крутицкимъ, которые вмѣстѣ съ Глумовымъ представляютъ самый большой интересъ въ комедіи.

Городулинъ—это совершенно новый типъ, уловленный Островскимъ, типъ, который сложился въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ подъ вліяніемъ суматохи, происшедшей въ лагерѣ слѣпыхъ защитниковъ рутины и всѣхъ основъ стараго, разшатавшагося зданія. Онъ принадлежитъ къ той части общества и живо олицетворяетъ ее въ себѣ, которая числилась въ лагерѣ физической силы, но въ сущности не имѣла никакихъ убѣжденій, которая не знаетъ что̀ хорошо, что̀ дурно, да собственно и не интересуется знать, лишь бы имъ самимъ было хорошо, а до всего остального имъ дѣла нѣтъ. Они могутъ быть самыми ревностными защитниками консерватизма, и самыми горячими проповѣдниками либерализма, смотря что̀ удобнѣе, что̀ выгоднѣе, и въ чемъ болѣе они могутъ выказаться. Реакція! отлично, реакція, ожесточенная, ничѣмъ не удержимая, они будутъ ея орудіями, хотя и ни за что не станутъ въ этомъ сознаваться передъ тѣмъ, передъ кѣмъ нѣтъ выгоды сознаваться, потому что всегда удобнѣе и какъ-то къ вамъ лучше относятся, когда вы выказываете мягкое сердце. А Городулины любятъ, чтобы ихъ любили, чтобы ихъ ласкали, у нихъ нѣтъ такого страшнаго честолюбія, чтобы только имъ и бредить. Они любятъ жизнь, это своего рода эпикурейцы, они не пренебрегаютъ ничѣмъ, что̀ можетъ доставить имъ удовольствіе, развлеченіе, извѣстное жуированіе. Они не запираются въ своихъ кабинетахъ, не дѣлаютъ глубокомысленныхъ выраженій, совсѣмъ нѣтъ, у нихъ на лицѣ всегда улыбка, вы ихъ вездѣ видите, вездѣ встрѣчаете, однимъ словомъ это модные, свѣтскіе сановники. Мода для нихъ тотъ же сводъ законовъ, и они гораздо рѣже нарушаютъ первую, чѣмъ послѣдній. Сегодня пошла мода на либерализмъ, и вы можете быть увѣрены, что Городулинъ будетъ отчаяннымъ либераломъ, будетъ высказывать либеральныя идеи, говорить либеральные спичи, и печатать чужія сочиненія въ защиту реформъ. Реформы, такъ реформы, они неудержимы и они переформировали бы кажется цѣлый міръ, еслибы для этого только и нужно было не жалѣть словъ, да громкихъ либеральныхъ фразъ. Они безъ всякаго сожалѣнія покидаютъ лагерь, на сторонѣ котораго до сихъ

поръ была вся физическая сила, какъ только убѣдились, что эта сила начинаетъ уменьшаться и стараются зачислить себя въ противоположный лагерь, потому-что имъ кажется, что сила переходитъ на его сторону, и они готовы уже молиться новому восходящему солнцу. Такого рода типъ какъ нельзя болѣе удачно нарисовалъ Островскій въ лицѣ Городулина, и ему не нужно было болѣе двухъ-трехъ сценъ, чтобы сдѣлать его совершенно понятнымъ и законнымъ.

Какъ хорошо рисуется Городулинъ при его первой встрѣчѣ съ современнымъ героемъ Глумовымъ, когда этотъ, узнавъ всѣ качества своего партнера, вмѣсто того, чтобы явиться подобострастнымъ просителемъ хорошенькаго мѣстечка, дѣлаетъ совершенно противное, беретъ противоположную позицію, и съ увѣренностію произноситъ: «теперь не служу, да и не имѣю никакой охоты» — на вопросъ Городулина служитъ онъ или нѣтъ. Какъ быстро, моментально измѣняется тонъ Городулина, когда Глумовъ дѣлаетъ ему свое либеральное profession de foi въ отвѣтъ на вопросъ сановника, какія же нужны качества для службы. «Не разсуждать, когда не приказываютъ, смѣяться, когда начальство вздумаетъ сострить — думать и работать за начальниковъ и въ тоже время увѣрять ихъ со всевозможнымъ смиреніемъ, что я, молъ, глупъ, что все это вамъ самимъ угодно было приказать...» «Прекрасно!», восклицаетъ восторженно Городулинъ, онъ видитъ предъ собою больше чѣмъ либерала, почти революціонера. А Глумовъ все больше и больше входитъ въ свою роль и поощренный восклицаніемъ Городулина, видя въ немъ уже залогъ нѣкоторымъ образомъ высокаго поста, продолжаетъ поражать своего будущаго начальника, бросая ему въ лицо искусно обернутыя фразы. «Цѣлыя стѣны, произноситъ Глумовъ, цѣлыя крѣпости изъ бумагъ и формъ, и изъ этихъ крѣпостей только и вылетаютъ, въ видѣ бомбъ, сухіе циркуляры и предписанія». «Какъ это хорошо! восклицаетъ Городулинъ, превосходно, превосходно! Вотъ талантъ!» И цѣлая сцена въ этомъ родѣ, сцена, веденная съ большимъ искусствомъ, въ которой вы не можете не видѣть, не можете не узнать той будничной, каждый день встрѣчающейся въ жизни, сцены, когда два господина, сойдясь вмѣстѣ, оба лгутъ и оба увѣрены, что имъ вѣрятъ. Сатира тутъ бьетъ въ каждомъ словѣ, и самая рѣзкая, и самая умная сатира на весь нашъ либерализмъ, на всѣхъ нашихъ либеральныхъ чиновниковъ. Всѣ произносимыя тутъ фразы, нельзя этого не чувствовать, не выдуманы Островскимъ, они подслушаны имъ, и трудъ его былъ только въ сопоставленіи ихъ. Вамъ грустно становится, когда вы слышите, какъ Глумовъ говоритъ: «Нѣтъ,

вы дайте мнѣ такую службу, гдѣ бы я могъ лицомъ къ лицу стать съ моимъ меньшимъ братомъ. Дайте мнѣ возможность самому видѣть его насущныя нужды и удовлетворять имъ скоро и сочувственно»—вамъ становится грустно, потому-что вы знаете, что въ самомъ дѣлѣ, каждый день, каждый часъ, эти слова произносятся всевозможными Глумовыми, и старыми и молодыми, которые сдѣлали изъ нихъ самую возмутительную и пошлую вывѣску.

Эта фраза какъ нельзя лучше заканчиваетъ намъ характеръ Глумова, который не остановится ни передъ чѣмъ, все затопчетъ ногами ради своей собственной личности. И что̀ при этомъ самое обидное, подобныя фразы продолжаютъ все-таки производить свое дѣйствіе на общество и обманывать его, какъ они обманываютъ и либеральнаго Городулина, который, пожимая ему руку, говоритъ: «Да, намъ такіе люди нужны, нужны, батюшка, нужны». И этотъ припѣвъ повторяется на тысячи ладовъ, да и какъ ему не повторяться, Городулинымъ въ самомъ дѣлѣ нужны Глумовы. «Дѣла̀, дѣла̀, вѣдь, кричитъ Городулинъ, то обѣды, то вотъ желѣзную дорогу открывали», и жизнь ихъ не идетъ, а летитъ, посвященная всѣмъ этимъ важнымъ заботамъ. И либералы Городулины серьезно воображаютъ, что они дѣло дѣлаютъ, они считаютъ себя или по крайней мѣрѣ желаютъ, чтобы ихъ считали бойцами за свободу, когда они многозначительно произносятъ: «надо ихъ, старыхъ, хорошенько». А Глумовъ вторитъ ему: «надо, надо. Вѣдь только посмотрите, что̀ пишутъ!»—«Осмѣять надо, отвѣчаетъ Городулинъ, и еще разъ прибавляетъ: «намъ такіе люди, какъ вы, нужны, нужны». Какое счастіе еще русской землѣ, что большая часть противниковъ Городулиныхъ, точно также не представляютъ изъ себя большой силы, и если между ними и Крутицкими есть разница, то все-таки не очень значительная.

Крутицкій, въ послѣдней комедіи Островскаго, представляетъ собою консервативный элементъ, это видоизмѣненный временемъ Вишневскій, и измѣненіе это, нужно сказать, не въ пользу Крутицкаго. Мы уже сказали разъ, что въ лагерѣ физической силы, такъ какъ онъ представлялся въ общественныхъ отношеніяхъ Юсовыми, Бѣлогубовыми, произошелъ сильный переполохъ, произведенный всевозможными реформами. Много ли, мало ли имъ сдѣлано, это до насъ не касается, мы знаемъ только, что сколько бы ни было сдѣлано, оно все таки служитъ въ ущербъ тѣмъ, которые не желали признавать никакихъ болѣе справедливыхъ общественныхъ отношеній, чѣмъ тѣ, которыя такъ долго существовали, и всѣми силами ухватывались и продолжаютъ ухваты-

ваться за старый строй общественной жизни. Растерявшіеся Крутицкіе долгое время не знали, что дѣлать, слѣпо настаивали на своемъ, не хотѣли идти ни на какіе компромиссы, и какъ старые попугаи твердили одно слово: назадъ, назадъ, — и всѣми силами тянули къ реакціи, пользуясь всякимъ попавшимся случаемъ. Наконецъ они поняли, что для того, чтобы бороться успѣшно, нужно бороться одинаковыми орудіями, и вотъ Крутицкіе стали говорить: «Мы сами во всемъ виноваты: не умѣемъ говорить, не умѣемъ заявлять своихъ мнѣній. Кто пишетъ? Кто кричитъ? Мальчишки. А мы молчимъ, да жалуемся, что насъ не слушаютъ. Писать надо, писать—больше писать»; съ этой минуты стали они имѣть свои газеты, журналы; свои органы, стали писать «прожектъ» за прожектомъ, трактатъ за трактатомъ, записку за запиской, и ихъ прожекты, трактаты и записки скоро пріобрѣли себѣ и вѣсъ и значеніе. Безъ сомнѣнія, записки дѣйствительныхъ Крутицкихъ, Крутицкихъ въ жизни, должны быть умнѣе, чѣмъ прожектъ того Крутицкаго, котораго выставилъ Островскій. И мы очень склонны заступиться за истинныхъ Крутицкихъ и сдѣлать упрекъ Островскому, что выставленный имъ типъ не совсѣмъ подходитъ къ типу современнаго консерватора. Можетъ быть, и есть мудрецы, которые, какъ Крутицкій, всѣ бѣды приписываютъ тому, «что на театрѣ трагедій не даютъ. Возобновить бы Озерова, вотъ молодёжь бы и набиралась этихъ деликатныхъ, тонкихъ чувствъ. Да чаще давать трагедіи, прибавляетъ Крутицкій, черезъ день. Ну и Сумарокова тоже. У меня прожектъ написанъ объ улучшеніи нравственности въ молодомъ поколѣніи». Можетъ быть, что и существуютъ почтенные старцы, которые пишутъ, какъ Крутицкій «Прожектъ о вредѣ реформъ вообще», но намъ кажется, что гораздо болѣе современны другого рода мудрецы, которые не пишутъ ни прожектовъ «Объ улучшеніи нравственности въ молодомъ поколѣніи», ни прожектовъ «О вредѣ реформъ вообще», а которые представляютъ особаго рода записки съ своими соображеніями о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ реформахъ въ виду ихъ «лучшаго и болѣе полезнаго примѣненія». Типъ Крутицкаго вышелъ не совсѣмъ удаченъ потому, что Островскій сдѣлалъ его уже слишкомъ недальновиднымъ, т. е. слишкомъ откровеннымъ въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ. Крутицкихъ много, очень много въ жизни, можетъ быть больше, чѣмъ Городулиныхъ, но большая часть ихъ хитрѣе и сильнѣе, чѣмъ они выведены у Островскаго. Время, извѣстныя вѣянія подѣйствовали не только на ихъ ослабленіе, но и на ихъ manière d'être, и довольно

давно уже они поставили въ свой кабинетъ не только одинъ простой стулъ, но даже мягкое кресло.

Какъ интересенъ разговоръ Городулина съ Глумовымъ, такъ точно интересна и сцена между Крутицкимъ и тѣмъже современнымъ мудрецомъ, послѣ которой онъ сдѣлался бы еще болѣе ясенъ, еслибы и безъ того уже онъ намъ не былъ освѣщенъ полнымъ свѣтомъ. Какъ съ Городулинымъ онъ былъ до-нельзя либераленъ и больше нежели свободенъ въ обращеніи съ этимъ высшимъ сановникомъ; какъ по отношенію къ Городулину онъ походилъ на какого-то Хлестакова, такъ по отношенію къ Крутицкому онъ какъ нельзя болѣе подобострастенъ и раболѣпенъ, и живо напоминаетъ собою Молчалина. Какъ тамъ онъ закидывалъ либеральными фразами, такъ здѣсь онъ восхищается нѣкоторыми словами въ прожектѣ Крутицкаго «О вредѣ реформъ вообще», слова, которыя онъ оставилъ нетронутыми въ передѣланномъ имъ трактатѣ сановника-старца. «Слабъ современный языкъ, говоритъ онъ, для выраженія всей грандіозности вашихъ мыслей.» Если Городулинъ относится къ Крутицкимъ какъ «къ старымъ», которыхъ нужно «осмѣять», такъ мы видимъ и отношеніе Крутицкаго къ Городулинымъ изъ нѣсколькихъ сказанныхъ имъ фразъ. — Ты служишь, спрашиваетъ онъ Глумова. — Поступаю, отвѣчаетъ мудрецъ комедіи и жизни. По протекціи тетушки, Иванъ Ивановичъ Городулинъ обѣщалъ достать мѣсто. — — Вотъ еще нашли человѣка, возражаетъ Крутицкій. Опредѣлитъ онъ тебя. Ты ищи прочнаго мѣста; а эти всѣ городулинскія-то мѣста скоро опять закроются, вотъ увидишь. Онъ у насъ считается человѣкомъ опаснымъ. Ты это замѣть. — Я не по новымъ учрежденіямъ. — Да, да. А ужъ я думалъ....» Но что̀ самое характеристичное въ этомъ разговорѣ, такъ эта та самая фраза, которую Городулинъ говорилъ Глумову, и которую въ эту минуту онъ выслушиваетъ отъ Крутицкаго: «Ты вѣдь будешь изъ нашихъ? Намъ теперь поддержка нужна, а то молокососы одолѣвать начали.» Намъ люди нужны — вотъ припѣвъ, который повторяется Городулиными, Крутицкими на всѣ лады и всѣ тоны. Въ самомъ дѣлѣ, лагерь «старыхъ», чтобы употребить выраженіе Городулина, покачивается, если всѣ они ищутъ поддержки; хорошихъ, честныхъ они не хотятъ, какъ же не явиться Глумовымъ. Они и явились и, благодаря Островскому, внесены въ литературу новымъ, созданнымъ имъ типомъ.

Объ остальныхъ лицахъ послѣдней комедіи Островскаго мы не станемъ говорить. Да и что̀ говорить о нихъ, чего бы не было уже сказано. Это та полудикая, необразованная масса, невинная въ своемъ невѣжествѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживаю-

щая безсознательно тотъ строй русской жизни, который обреченъ европейскою цивилизаціею на окончательное разрушеніе. Является тутъ гусаръ, про котораго только и можно сказать, что онъ гусаръ; является Манефа, новый пророкъ, въ родѣ Ивана Яковлевича, которая будетъ существовать и будетъ надувать, пока будутъ люди, которые станутъ ей вѣрить и платить еще деньги; является Турусина, окруженная приживалками, гадальщицами, Манефами, она живетъ, она не вымыселъ, а правда; если бы мы даже ихъ сами не видѣли сплошь и рядомъ, мы бы могли повѣрить авторитету Островскаго, который рисуетъ ихъ съ такимъ удивительнымъ мастерствомъ. Введено тутъ еще одно лицо, введено мимоходомъ, но и въ немъ нельзя не узнать вновь нарожденнаго типа. Это Голутвиновъ, продажный писака, незнающій никакихъ правилъ, не имѣющій никакихъ понятій о честности. Это живой, ходячій пасквиль, безъ стыда бросающій комками грязи въ чужую честь, но не марающій ее, потому что Голутвиновы не могутъ никого замарать, никого опозорить, такъ грязны, такъ замараны, такъ опозорены они сами. Смотря на всю эту толпу, выведенную сильною рукою Островскаго на сцену, невольно спрашиваешь себя, кому же изъ нихъ больше простора въ жизни, кто свободнѣе дышетъ: Жадовы или Глумовы? — «Глумовы, Глумовы»! отвѣтятъ всѣ непредубѣжденные люди. Мы вовсе не пессимисты во взглядахъ на русскую жизнь, мы не согласны утверждать, что въ ней нѣтъ никого, кромѣ Глумовыхъ, Крутицкихъ да Городулиныхъ; нѣтъ, есть тутъ и честный людъ, но онъ такъ еще малъ, такъ ничтоженъ сравнительно съ страшною невѣжественною массою, что комедіи Островскаго, его старые и новые мудрецы будутъ долго еще бродить между нами, и служить живыми обращиками современнаго общества.

Евг. Утинъ.

ЕКАТЕРИНА II

и

ІЕЗУИТЫ.

Іезуиты въ Россіи, съ царствованія императрицы Екатерины II и до нашего времени. Соч. свящ. *М. Морошкина.* Т. I. Спб. 1867.

Подробное изслѣдованіе о значеніи и дѣятельности іезуитскаго ордена [1]) въ Россіи составляетъ не только одинъ изъ важныхъ вопросовъ нашей исторіи, но и вообще исторіи западной Европы новаго времени, послѣдовавшаго за реформаціею. Наша исторія въ этомъ случаѣ тѣсно связывается съ исторіею всей западной Европы и дополняетъ ее. Изъ всѣхъ монашескихъ орденовъ латинской церкви этотъ одинъ повсюду заслуживалъ наибольшей преданности и наибольшей ненависти, слѣпой и безусловной защиты и самыхъ сильныхъ гоненій и преслѣдованій. Такая судьба іезуитовъ говоритъ о важномъ значеніи этого ордена въ жизни европейскихъ народовъ. Въ постоянной борьбѣ, торжествуя побѣды и перенося гоненія и презрѣніе, онъ прожилъ слишкомъ двѣсти лѣтъ (основанъ въ 1543 и уничтоженъ въ 1773 г.), когда, наконецъ, почти всѣ латинскія по

---

[1]) Іезуиты, хотя и принадлежатъ къ монашескимъ орденамъ, но никогда себя такъ не называли, не желая стоять рядомъ съ другими орденами: — они — compania, societas Jesu, передовая дружина воинствующей церкви.

исповѣданію державы изгнали іезуитовъ изъ своихъ предѣловъ, какъ вредное тайное общество по беззаконности дѣйствій, по безнравственности ученій, противныхъ началамъ христіанской церкви. Папы не разъ осуждали многія дѣйствія и ученія іезуитовъ; Сикстъ V предпринялъ полное преобразованіе ордена, Климентъ XIII намѣревался совершенно его уничтожить; но ни тотъ, ни другой — «вслѣдствіе внезапной смерти», какъ говоритъ ихъ преемникъ папа Климентъ XIV, не могли осуществить своихъ намѣреній [1]). Этому послѣднему папѣ выпало на долю совершить дѣло, которое обрушило на него столько клеветъ и порицаній, распущенныхъ іезуитами и ихъ друзьями, повторяемыхъ даже и въ настоящее время [2]), несмотря на то, что историческая критика давно доказала подложность всѣхъ документовъ и извѣстій, на которыхъ они основываются.

Въ первое время послѣ основанія ордена, онъ былъ принятъ повсюду, правительства латинскихъ по исповѣданію государствъ оказывали ему особенное покровительство, папы постоянно расширяли его права и преимущества, но—«самое содержаніе и изложеніе этихъ папскихъ постановленій, говоритъ папа Климентъ XIV, показываютъ уже, что въ нѣдрахъ этого ордена, почти съ первыхъ дней его существованія, возникли зависть и раздоры, которыя не только волновали его членовъ, но возбуждали ихъ къ враждѣ противъ другихъ монашескихъ орденовъ, противъ бѣлаго духовенства, противъ академій, университетовъ, коллегій и общественныхъ школъ, и наконецъ даже противъ самихъ государей, оказавшихъ имъ гостепріимство въ своихъ странахъ. Эти волненія и несогласія касались или вопросовъ о сущности и значеніи обѣтовъ, времени ихъ произнесенія новиціями, права исключать ихъ или допускать къ священнымъ должностямъ безъ предварительнаго произнесенія торжественныхъ обѣтовъ, что̀ несогласно съ постановленіями Тридентинскаго собора и Пія V нашего предшественника, — или вопросовъ о неограниченной власти, на которую изъявляли притязанія генералы, и другихъ правилъ управленія орденомъ,—или споровъ какъ съ духовными, такъ и съ свѣтскими властями, будто бы нарушающими ихъ права, и, наконецъ, не было столь тяжелыхъ обвиненій, которыя бы не возводились на орденъ,—миръ и спокой-

[1]) Бреве — Dominus ac redemptor: 21 іюля 1773 п. 19 и 22; у Тейнера въ Clementis XIV Pont. M. Epistolae et breviaria etc. Paris, 1852 г.

[2]) Таково сочиненіе Кретино-Жоли, Histoire de la compagnie de Jésus. 5 t. Paris, 1845 г. Не говоря о писателяхъ-протестантахъ и вообще свѣтскихъ, мы укажемъ на сочиненіе Тейнера, Histoire du pontificat de Clément XIV. 2 t. Paris. 1852, ревностнаго римскаго католика и прелата, который обличаетъ всѣ эти выдумки и поддѣлки.

ствіе христіанства были опасно потрясены. Орденъ злоупотреблялъ какъ покровительствомъ правительствъ, такъ и правами и преимуществами, дарованными ему папами; всѣ употребленныя ими средства къ приведенію его въ лучшее состояніе, согласно съ началами христіанскаго ученія и требованіями мира и согласія въ жизни народовъ, не привели ни къ какимъ послѣдствіямъ. Обвиненія противъ іезуитовъ умножались со дня на день, возбуждали волненія, раздоры, опасныя возмущенія и соблазны, разрушая совершенно узы христіанской любви, воспламеняя въ сердцахъ вѣрныхъ духъ партій, ненависть и непріязни». «Истощивъ всѣ способы», говоритъ далѣе Климентъ XIV—«послѣ долгого изученія и соображенія, по внушенію, смѣю вѣрить, святого Духа, исполняя свою обязанность водворять повсюду въ христіанствѣ миръ и истреблять все, что̀ причиняетъ вредъ, удостовѣрясь, что орденъ іезуитовъ не можетъ приносить тѣхъ добрыхъ плодовъ, въ виду которыхъ онъ былъ учрежденъ, и, что пока онъ существуетъ, церковь не можетъ наслаждаться дѣйствительнымъ и прочнымъ миромъ, принявъ въ соображеніе и законы благоразумія и мудрости въ управленіи вселенскою церковію и слѣдуя по стопамъ нашихъ предшественниковъ и особенно Григорія X, силою нашей апостольской власти, мы закрываемъ и уничтожаемъ орденъ іезуитовъ, закрываемъ и уничтожаемъ какъ всѣ въ совокупности, такъ и каждое порознь изъ его учрежденій и управленій, дома, школы, коллегіи, пріюты, гимназіи и другія установленія въ какой бы провинціи и въ какомъ бы государствѣ онѣ не находились; точно также всѣ статуты, обычаи, декреты и постановленія, касающіяся этого ордена, даже одобренныя святымъ престоломъ, и всѣ привилегіи и льготы. Поэтому мы объявляемъ уничтоженными на вѣки и совершенно всякую власть, какъ духовную, такъ и свѣтскую, генерала, провинціаловъ, визитаторовъ и другихъ начальствующихъ лицъ этого ордена, и передаемъ эту власть, безо всякихъ ограниченій, епархіальнымъ епископамъ, запрещая принимать вновь кого-либо въ новиціи этого ордена» [1]).

Таковъ приговоръ, произнесенный надъ іезуитами самимъ главою латинской церкви. Какъ же отнеслись къ нему іезуиты въ качествѣ ордена? Они не покорились и возстали противъ папскаго рѣшенія, и это возстаніе іезуитовъ противъ законной, въ отношеніи къ монашескимъ орденамъ латинской церкви, власти римскаго первосвященника нашло поддержку частію въ Пруссіи, но — особенно въ Россіи! Въ Бѣлоруссіи образовалось сре-

[1]) Бреве Климента XIV: Dominus ac redemptor n. 17, 21—25.

доточіе іезуитскаго управленія, которое, вопреки торжественно выраженной воли папы, не дало прерваться исторической жизни этого ордена. Россія сохранила въ своихъ нѣдрахъ злѣйшаго врага православія какъ бы для того, чтобы послѣ возстановленія этого ордена папою Піемъ VII, въ 1814 г., передать его потомъ римской церкви и латинскимъ по исповѣданію государствамъ Европы, какъ законнымъ наслѣдникамъ.

Такое странное явленіе, выступающее изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ, конечно, требовало объясненія. Случайной прихотью власти, равнодушіемъ къ дѣламъ вѣры русскаго общества того времени, объяснить его нельзя. Правительство великой Екатерины дорожило значеніемъ и славою Россіи и было достаточно умно и предусмотрительно для того, чтобы понять, съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло. Провозглашенное ею начало терпимости всѣхъ исповѣданій, уже само собою устраняло мысль объ исключительномъ покровительствѣ латинской церкви въ ущербъ всѣмъ другимъ, на что постоянно изъявлялъ притязанія Римъ, что на дѣлѣ повсюду преслѣдовали іезуиты. Отношенія императрицы къ римскому престолу достаточно извѣстны, а іезуитовъ она считала *коварнѣйшимъ* изъ всѣхъ монашескихъ орденовъ латинской церкви и строго предписывала наблюдать надъ нимъ. Этого явленія нельзя было объяснить, не изслѣдовавъ напередъ со всею полнотою и подробностію исторіи іезуитскаго ордена въ Россіи.

Такой трудъ и предпринялъ сочинитель разсматриваемой нами книги. До ея появленія были два сочиненія, писанныя русскими: «*Le catholicisme Romain en Russie*» графа Д. А. Толстаго, и «*Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи*» Ю. Ѳ. Самарина. Но въ сочиненіи гр. Толстаго судьба іезуитскаго ордена входитъ какъ одно изъ частныхъ явленій въ общую исторію римскаго католицизма въ Россіи. Сочиненіе г. Самарина, глубоко обдуманное, блистательно изложенное, преимущественно разсматриваетъ ученія іезуитскаго ордена и только отчасти касается его исторіи въ Россіи. Между тѣмъ вопросъ объ іезуитахъ такъ важенъ, что требовалъ отдѣльнаго, особаго изслѣдованія, и — сочиненіе о. Морошкина представляетъ первый опытъ удовлетворить этому требованію. Простая даже разработка обнародованныхъ источниковъ, критически соображенныхъ и приведенныхъ въ стройную совокупность, уже заслуживала бы вниманія; но онъ не ограничился такимъ трудомъ, конечно, и не вполнѣ согласнымъ съ современными требованіями. Свѣдѣнія, почерпнутыя изъ обнародованныхъ документовъ, онъ значительно дополнилъ новыми и неизвѣстными, извлеченными имъ изъ собраній имп. Публичной библіотеки, архивовъ синод-

скаго и государственнаго и нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ рукописей, какъ, напримѣръ, записокъ Сестренцевича-Богуша, извѣстнаго митрополита всѣхъ латинскихъ церквей въ Россіи. Поэтому его сочиненіе заслуживаетъ еще бо̀льшаго вниманія.

Книга о. Морошкина составляетъ только первую часть предпринятаго имъ сочиненія и обнимаетъ время царствованій Екатерины великой и Павла I-го. Подробно изложивъ дѣятельность іезуитовъ, чтобы утвердиться въ Бѣлоруссіи и пріобрѣсть расположеніе императрицы, онъ естественно приходитъ къ указанному нами вопросу, который, впрочемъ, пытались разрѣшить и нѣкоторые изъ иностранныхъ писателей объ іезуитахъ и особенно Тейнеръ въ жизнеописаніи Климента XIV [1]).

Сами іезуиты объясняли расположеніе къ ихъ ордену [2]) русской императрицы тѣмъ, что во время первой Турецкой войны, русскимъ плѣннымъ въ Константинополѣ оказывалъ особенное участіе какой-то іезуитъ и, узнавъ объ этомъ, императрица обратила вниманіе на ихъ орденъ. Понимая, конечно, что такое объясненіе крайне недостаточно, что въ этомъ случаѣ, если бы онъ и былъ справедливъ, императрица могла обратить милостивое вниманіе только на этого іезуита, а не вообще на орденъ, они придумали другое: зная успѣхи ихъ миссій и особенно ихъ дѣйствія въ Китаѣ, будто-бы императрица посредствомъ ихъ желала просвѣтить инородцевъ Сибири. Но, приписывая императрицѣ свою затѣю, никакими фактами не подтверждаемую, они чувствовали слабость и этого довода, и придумали подложное письмо императрицы къ папѣ, изъ котораго видно, что посредствомъ іезуитовъ она желала достигнуть соединенія церквей [3]).

Не обращая конечно вниманія на подобныя объясненія, Тейнеръ приводитъ другія. Будто-бы императрица и прусскій король обидѣлись, что «бреве» объ уничтоженіи іезуитскаго ордена папа Климентъ XIV сообщилъ имъ не прямо, но чрезъ по-

---

[1]) Histoire du pontificat de Clément XIV. vol. 2, LXXX, стр. 403 и слѣд.

[2]) O powrocie jezuitów y o powszechnym w szkołach przez nich nauczaniu młodzieży. Варшава 1805. ч. 1 стр. 200 и слѣд.

[3]) Подложность этого письма и другого къ гр. Верженю въ Парижъ была заявлена въ тоже время (1783 г.) нашимъ правительствомъ (Морошкина, «Іезуиты»,—стр. 97). Но можетъ быть поводомъ къ этому подлогу послужило дѣйствительное письмо императрицы къ Пію VI, 1780 г., въ заключеніи котораго сказано: «съ особеннымъ удовольствіемъ мы пріемлемъ сей случай для изъясненія вамъ, державному государю, истиннаго нашего почтенія и доброжелательства, какъ ко владѣтелю, украшающему престолъ, на которомъ промысломъ Божіимъ возведенъ, и дѣлающему личными достоинствами и добродѣтелями честь настоящему вѣку и *соединяемъ гласъ нашъ съ православною нашею церковью, молящею о соединеніи всѣхъ*». Сборникъ Русс. Истор. Общества т. I, стр. 506.

средство своихъ нунціевъ. Но это бреве тѣмъ же порядкомъ было сообщено и всѣмъ другимъ европейскимъ государямъ; при томъ это обстоятельство слишкомъ незначительно, чтобы служить достаточнымъ объясненіемъ такого знаменательнаго явленія. Потому Тейнеръ справедливо его устраняетъ, не придавая ему особеннаго значенія; но онъ устраняетъ также и слѣдующее: въ трактатѣ 18 сент. 1773 г. о первомъ раздѣлѣ Польши, обѣ державы обязались сохранить status quo латинской церкви въ присоединенныхъ къ ихъ владѣніямъ областяхъ, слѣдовательно и съ находившимися тамъ іезуитами. Но поддерживать status quo, вовсе не значитъ, чтобы поддерживать всякій монашескій орденъ, даже такой, который сама латинская церковь, какъ вредный, сочтетъ нужнымъ уничтожить. Притомъ, —«строго говоря, замѣчаетъ Тейнеръ, какимъ образомъ іезуиты 18 сент. 1773 г. въ качествѣ членовъ своего ордена могутъ входить въ statu quo католической церкви, будучи секуляризованы папою во всей этой церкви 21 іюля того же года.» Съ своей точки зрѣнія латинскій писатель и монахъ совершенно правъ; но не съ той точки зрѣнія смотрѣло на это обстоятельство русское правительство. О. Морошкинъ также полагаетъ, что по смыслу «трактата, явившагося послѣ папскаго бреве, русское правительство *обязано* было уничтожить у себя іезуитскій орденъ (стр. 103 и 104 примѣч.)». Позволяемъ себѣ не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ.

Русское правительство могло уничтожить у себя іезуитскій орденъ, имѣя въ виду папское бреве,—если-бъ оно само захотѣло; но *обязано* къ тому быть не могло. Бѣлоруссія и другія области Польши были присоединены къ имперіи гораздо прежде трактата 1773 г., что и заявлено въ самомъ этомъ трактатѣ [1]). Императрица управляла ими совершенно самостоятельно и трактатъ только письменно укрѣпилъ уже существовавшій порядокъ. Почти всѣ существенныя мѣры въ отношеніи къ латинской церкви въ этихъ областяхъ были приняты прежде этого трактата, и еще въ именномъ указѣ 14 дек. 1772 г. постановлено: «какъ въ сихъ провинціяхъ католицкая и уніатская церкви, въ разсужденіи ихъ вѣры остаются при своихъ догматахъ и правилахъ, то ежели отъ папы прямо, или чрезъ посредство бон-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 14,042, ст. 5: «Римскимъ католикамъ—имѣть вольное отправленіе службы Божіей по ихъ обрядамъ со всѣми церквами ихъ и принадлежащими духовенству мѣстностями, которыя состояли за ними во владѣніи въ то самое время, когда сіи *провинціи присоединены къ державѣ Ея И. В-ва въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1772 года.*»

трегацій или иного католицкаго начальства прислана будетъ, къ какой ни есть духовной власти, булла или иное какое повелѣніе для обнародованія...; таковыя папскія буллы и повелѣнія помянутыя власти духовныя отсылать прежде должны къ генералъ-губернатору Бѣлорусскому для представленія намъ самимъ и ожидать о объявленіи того въ народѣ, *нашего соизволенія* [1]).» Между тѣмъ папское бреве объ уничтоженіи іезуитскаго ордена не было одобрено русскимъ правительствомъ и не было обнародовано, поэтому оно и не могло имѣть обязательной силы въ отношеніи къ областямъ, вошедшимъ въ составъ имперіи. Митрополитъ Сестренцевичъ, въ письмѣ къ нашему посланнику въ Варшавѣ гр. Штакельбергу, 21 окт. 1779 г., когда дѣло шло объ учрежденномъ въ Бѣлоруссіи іезуитскомъ новиціатѣ, писалъ: «Въ *концѣ* 1773 г. ея императорское величество лично приказала мнѣ не обнародовать папскаго бреве объ уничтоженіи іезуитовъ и оставить ихъ въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся.» Изъ этихъ словъ видно, что рѣчь о значеніи папскаго бреве въ отношеніи къ Россіи была уже, послѣ трактата 18 сент. этого года, между императрицею и Сестренцевичемъ. Въ письмѣ императрицы такъ же къ гр. Штакельбергу, 18 февр. 1780 г., ясно выраженъ ея взглядъ на дѣло іезуитовъ. «Свободное исповѣданіе римскаго закона, писала она, во всей имперіи нашей и въ томъ числѣ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, мы позволили неинако, какъ чтобъ совершенное повиновеніе самодержавной власти нашей пребывало безъ малѣйшаго ущерба, почему и всѣ, со стороны церковнаго въ Римѣ начальства, новыя установленія и введенія не прежде пріемлются для подданныхъ нашихъ римскаго исповѣданія, какъ когда по совершенномъ удостовѣреніи, что они воли нашей не противны, послѣдуетъ наше позволеніе ихъ обнародовать. Такимъ образомъ, какъ всѣмъ извѣстно и булла папы Климента XIV о іезуитахъ не была публикована въ имперіи нашей и общество того времени сохранено въ неприкосновенной цѣлости, яко полезное и удобнѣйшее для воспитанія тамошняго юношества, въ чемъ никто еще замѣнить ихъ не могъ. Не настоялъ и вопросъ объ уничтоженіи или реформѣ сего ордена въ государствѣ нашемъ [2]).» Такимъ образомъ, трактатъ 18 сент. 1773 г. могъ обезпечивать существованіе іезуитскаго ордена въ Бѣлоруссіи не собственною силою заключающагося въ немъ условія, но потому, что папское бреве объ ихъ уничтоженіи ни-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 13.922 ст. 9 сравн. №№ 13.807, 13.808, 13.850, 13.888 и др.
[2]) Сборн. Русс. истор. общества т. I, стр. 472 и 488—489.

когда не было признаваемо русскимъ правительствомъ. Въ этомъ, конечно, смыслѣ въ нашихъ сношеніяхъ съ римскимъ дворомъ по случаю іезуитовъ и указывалось иногда на этотъ трактатъ.

Въ приведенныхъ словахъ императрица указываетъ и на одну изъ причинъ сохраненія іезуитскаго ордена въ Бѣлоруссіи—на заслуги ихъ въ отношеніи къ образованію юношества. Въ томъ же письмѣ она сравниваетъ въ этомъ отношеніи іезуитовъ съ другими монашескими орденами. «Сидя въ своей паствѣ, она говоритъ про епископа Сестренцевича, ввѣренной ему отъ власти нашей, былъ онъ убѣжденъ къ тому (къ открытію іезуитскаго новиціата), собственною пользою римскія церкви, отъ сего ордена заимствуемою, коль всегда посредствомъ его преподавалося лучшее просвѣщеніе. Самыя сіи уваженія заставляютъ насъ покровительствовать общество оное, *толико выгодное для того края*, и конечно полезнѣйшее другихъ институтовъ монашескихъ римскихъ, кромѣ праздности и отлученію себя отъ всякаго гражданскаго взаимнаго пособія ничего иного не заключающихъ.»

Тейнеръ, говоря, что защитники іезуитовъ указываютъ на то обстоятельство, что въ латинскомъ духовенствѣ этого времени почти не было людей способныхъ и подготовленныхъ для воспитанія юношества, и тѣмъ оправдываютъ сохраненіе іезуитовъ, признается въ справедливости этого замѣчанія. «Къ несчастію, говоритъ онъ, мы съ прискорбіемъ должны подтвердить справедливость этого мнѣнія; но что же выигрываютъ отъ этого іезуиты? развѣ въ качествѣ бѣлаго духовенства они не могли бы принести пользы воспитанію; а это имъ не возбранялось и самымъ бреве, уничтожавшимъ ихъ существованіе въ качествѣ монашескаго ордена. Но если нѣкоторые государи этимъ обстоятельствомъ и могли оправдывать свои дѣйствія; то для іезуитовъ, особенно въ отношеніи къ Германіи оно служитъ самымъ горькимъ упрекомъ. Тамъ въ ихъ рукахъ находилось воспитаніе всего католическаго юношества, какъ свѣтскаго такъ и духовнаго. Почему-же не образовали они людей, которые въ этомъ дѣлѣ могли бы ихъ замѣнить или по крайней мѣрѣ раздѣлить съ ними труды преподаванія? Не только враги, но и друзья іезуитовъ требуютъ объясненія слѣдующаго явленія: когда іезуиты вошли въ Германію, они нашли тамъ великихъ богослововъ, которые съ успѣхомъ защищались отъ нападеній реформаторовъ, какимъ-же образомъ, когда они должны были покинуть Германію, они не оставили въ ней ни одного подобнаго? Съ XVI столѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ все преподаваніе въ Германіи попало въ руки іезуитовъ, нѣтъ ни одной страны христіанскаго міра, которая бы какъ Германія была такъ бѣдна писателями изъ бѣлаго

духовенства, сколько нибудь замѣчательными[1]).» Въ настоящее время, безъ сомнѣнія, никто не станетъ оспаривать той истины, что іезуитскіе способы и направленіе преподаванія не только не могутъ поднять уровень просвѣщенія въ какой либо странѣ; но напротивъ должны понижать его болѣе и болѣе. Историческій опытъ государствъ западной Европы можетъ служить доказательствомъ. Но такой взглядъ на іезуитское образованіе только начиналъ выражаться въ то время, о которомъ идетъ рѣчь и вовсе не составлялъ еще общаго достоянія. Даже Фридрихъ Великій считалъ іезуитовъ лучшими воспитателями юношества и началъ разубѣждаться въ этомъ только тогда, когда поближе познакомился съ учебными заведеніями Силезіи, которыя всѣ находились въ рукахъ іезуитовъ. Мудрено ли, что и императрица Екатерина могла раздѣлять этотъ взглядъ? О. Морошкинъ говоритъ: «Въ Бѣлоруссіи, еще за долго до присоединенія ея къ Россіи, громко говорили объ упадкѣ наукъ въ іезуитскихъ школахъ; еще до пріобрѣтенія этого края Россіей, польское правительство нашло себя вынужденнымъ поручить другимъ монашескимъ орденамъ воспитаніе своего юношества; давно піары затмили своими заведеніями іезуитскія коллегіи, и давно всѣ мыслящіе люди въ Польшѣ чувствовали недостаточность и отсталость іезуитскаго воспитанія. Ужели мудрая Екатерина, такъ хорошо знавшая іезуитскую систему воспитанія и имѣвшая притомъ въ новопріобрѣтенной области всѣ латинскіе монашескіе ордена, дѣйствительно была убѣждена, что безъ іезуитовъ дѣло образованія римскаго юношества въ Бѣлоруссіи совершенно падетъ и сдѣлается невозможнымъ? Ужели у Екатерины Великой въ этомъ случаѣ было менѣе пониманія дѣла и политическаго такта, чѣмъ у какого-нибудь польскаго короля? Мы столько имѣемъ доказательствъ и опытовъ политической мудрости Екатерины, что позволяемъ себѣ усумниться въ этомъ и осмѣливаемся думать, что Екатерина, *предлогомъ* необходимости іезуитовъ для образованія ея подданныхъ латинскаго исповѣданія въ Бѣлоруссіи, только хотѣла дипломатически *прикрыть* свои истинныя, но не вошедшія въ дипломатическіе акты побужденія (стр. 103)». Дѣйствительно, трудно заподозрить политическую мудрость Екатерины въ этомъ случаѣ, но мы не думаемъ даже, чтобы она выставляла эту причину, понудившую ее поддерживать существованіе іезуитскаго ордена, какъ *предлогъ*, чтобы *прикрыть* иныя побужденія. Безъ сомнѣнія, именно мудрость императрицы не позволяла ей высказывать тѣхъ причинъ своихъ дѣйствій, о которыхъ съ римскимъ

[1]) Histoire du pont. du Clément. XIV, т. 2 стр. 404.

дворомъ и говорить не слѣдовало, но которыя ясно выражались въ образѣ ея дѣйствій, какъ представительницы самостоятельной государственной власти; тѣмъ не менѣе однакоже она выражала одну изъ дѣйствительно существовавшихъ причинъ. Императрица знала жалкое состояніе, въ которомъ находилось латинское духовенство и особенно монашескіе ордена во вновь присоединенныхъ областяхъ, какъ по засвидѣтельствованію самого епископа Сестренцевича, употреблявшаго всѣ способы, чтобы поднять просвѣщеніе латинскаго духовенства, такъ и по безчисленнымъ и позорнымъ ихъ доносамъ другъ на друга и процессамъ, которые они возбуждали. Весьма возможно, что все-таки она считала іезуитовъ лучшимъ орудіемъ въ дѣлѣ воспитанія и притомъ — въ этихъ областяхъ. Мы не можемъ не обратить вниманія на приведенныя слова императрицы изъ письма къ графу Штакельбергу, что она считаетъ іезуитовъ орудіемъ для воспитанія, — *только выгоднымъ для этого края*, т. е. Бѣлоруссіи. Если даже въ первыхъ годахъ XIX столѣтія въ Россіи находилось не мало защитниковъ іезуитскаго воспитанія, и въ Петербургѣ усердно слушали краснорѣчивыя ему похвалы графа Местра, то что же мудренаго, что въ послѣдней четверти XVIII могли добросовѣстно считать его хорошимъ. Что же касается до ордена піаристовъ, то весьма естественно, что императрица не на него обратила вниманіе, а на іезуитовъ. Піаристы были представителями чисто польскаго, національнаго направленія въ воспитаніи и преподаваніи, между тѣмъ какъ понятіе о народности никогда не представляло особенной важности въ глазахъ іезуитовъ; ихъ виды далеко переходили за предѣлы народовъ и государствъ, и они могли служить всякой народности, если это было для нихъ выгодно. Въ виды русской императрицы не могло входить покровительство національному польскому воспитанію юношества въ новоприобрѣтенныхъ областяхъ, населенныхъ русскимъ народомъ.

Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что нельзя отклонять совершенно этотъ послѣдній доводъ, не придавая ему значенія; но точно также, какъ нельзя на немъ одномъ основать объясненіе того покровительства, которое императрица Екатерина оказывала іезуитамъ, какъ это дѣлаетъ Тейнеръ. Придавая значеніе этому доводу, мы однакоже полагаемъ, что если императрица и дѣйствительно считала іезуитовъ лучшимъ орудіемъ для воспитанія юношества въ Бѣлоруссіи; то это одно обстоятельство не вынудило бы ее покровительствовать *коварнѣйшему*, по ея же словамъ, изъ всѣхъ монашескихъ орденовъ латинской церкви. Непремѣнно были другія, болѣе важныя причины, опредѣлившія ея образъ дѣйствія въ этомъ случаѣ, которому сочувствовали и содѣйство-

вали самые близкіе къ ней и преданные Россіи люди, какъ кн. Потемкинъ. Русскіе писатели въ отношеніи къ этому вопросу ближе подошли къ возможности разрѣшить его удовлетворительно, какъ Ю. Ѳ. Самаринъ [1]) и авторъ разсматриваемаго нами сочиненія. Мы постараемся только развить, дополнить и подкрѣпить нѣкоторыми фактами ихъ воззрѣнія.

Нельзя не обратить вниманія на совпаденіе двухъ историческихъ происшествій: дѣло уничтоженія іезуитскаго ордена началось и шло рядомъ съ окончательнымъ паденіемъ Польши, которая всегда была покорнымъ орудіемъ іезуитовъ. Вопросъ о нетерпимости другихъ христіанскихъ исповѣданій и постоянномъ ихъ гоненіи въ Польшѣ, сдѣлался роковымъ вопросомъ для ея самостоятельнаго существованія. — «Императрица Екатерина, допустивъ полную терпимость всѣхъ исповѣданій въ своемъ государствѣ, считала себя обязанною защитить права православныхъ въ Польшѣ, гдѣ религіозная нетерпимость, которую стремились уже ограничивать во всѣхъ государствахъ Европы, находилась въ полномъ разгарѣ, и іезуиты раздували ее болѣе и болѣе», говоритъ извѣстный писатель римскій-католикъ [2]). Такой же терпимости требовалъ и Фридрихъ II для протестантовъ. Король Станиславъ признавалъ законность требованій; но не многіе изъ его подданныхъ раздѣляли его взгляды, и имъ не суждено было осуществиться. Всемогущее въ Польшѣ духовенство, поощряемое Римомъ, явилось, какъ и всегда, главнымъ двигателемъ противодѣйствія и увлекло за собою и шляхетство. Папа Климентъ XIV постоянно требовалъ не дѣлать никакихъ уступокъ диссидентамъ, грозилъ проклятіями и въ высшей степени враждебно относился къ политикѣ императрицы Екатерины. Когда, въ 1772 г., представилась необходимость новаго устройства епархій и управленія латинскою церковію въ присоединенныхъ къ Россіи областяхъ, онъ объявилъ предположенія императрицы гибельными для латинской церкви, разрушающими въ концѣ ея существованіе въ имперіи [3]). Такое враждебное отношеніе римскаго престола къ правительству императрицы, конечно, не заставило ее оставить или измѣнить свои предположенія, но, во всякомъ случаѣ, не могло не обратить ея вниманія въ отношеніи къ тому вліянію, которое оно производило на народонаселеніе вновь присоединенныхъ областей. Латинское духовенство, подъ этимъ вліяніемъ, рѣшительно оказалось враждебнымъ русскому правительству, от-

---

[1]) Іезуиты и ихъ отнош. къ Россіи, письмо IV, стр. 251 и слѣд.

[2]) Пихлеръ. Geschichte der kirchlichen Trennung. ч. II стр. 203.

[3]) Тейнеръ. Hist. du pont. de Clément. XIV, подъ 1772 г., гл. XIX — XXVI.

казывалось присягать на вѣрноподданство императрицѣ и приводить къ присягѣ другія сословія, оттовариваясь тѣмъ, что присоединеніе этихъ областей къ Россіи еще не укрѣплено торжественнымъ актомъ. Наиболѣе вліятельныя лица высшаго духовенства уѣзжали въ Польшу, шляхта и паны подчинялись вліянію духовенства, угнетенный вѣковымъ игомъ народъ еще не могъ понять новаго положенія и не представлялъ точки опоры для новой власти. Въ это-то тревожное время — «іезуиты — продолжаемъ словами о. Морошкина [1]), — первые присягаютъ новому правительству, отправляютъ съ особенною торжественностію въ своемъ Полоцкомъ костелѣ молебствіе, на которомъ вспоминается имя государыни и ея наслѣдника и возсылаются прошенія къ Богу о ея здравіи и долгоденствіи. Этого мало: 24-го ноября, въ день тезоименитства государыни, въ томъ же Полоцкомъ костелѣ, въ присутствіи высшаго туземнаго дворянства, губернатора и его свиты, совершается торжественная литургія, на которой произносятся двѣ проповѣди, предметомъ которыхъ было разсужденіе о настоящемъ праздникѣ. Особенною вѣрноподданническою ревностію отличалась проповѣдь, сказанная на нѣмецкомъ языкѣ отцомъ Катебрантомъ: она вся была не иное что, какъ панегирикъ Екатеринѣ II. Впечатлѣніе, произведенное поступками іезуитовъ на народонаселеніе Бѣлоруссіи и на русское правительство было поразительное: мѣстное латинское и уніатское духовенство, а также шляхта, были ошеломлены этими дѣйствіями іезуитовъ и, по старой привычкѣ ввѣрять себя водительству этого ордена и слѣдовать его мановенію, они теперь волею и неволею потянулись за іезуитами и стали присягать императрицѣ. Русское правительство было изумлено могуществомъ вліянія іезуитскаго общества на туземное духовенство и народонаселеніе и не могло не принять къ свѣдѣнію этого факта; съ другой стороны, оно сознало себя связаннымъ долгомъ признательности по отношенію къ этому ордену: услуга была велика и сдѣлана была такъ кстати и такъ неожиданно, что нравственно не возможно было не почувствовать благодарности къ такимъ обязательнымъ, умнымъ и искуснымъ благодѣтелямъ (стр. 71)». Устраняя тайныя причины, руководившія дѣйствіями іезуитовъ, дѣйствительно нельзя было пренебречь такимъ могучимъ орудіемъ вліянія на вновь пріобрѣтенныя области, это было бы несогласно съ дальновидною и разсчетливою политикою императрицы Екатерины.

---

[1]) Тоже говоритъ и Тейнеръ. Hist. du pont. de Clément XIV, t. II, LXXIV, стр. 267.

Но какъ ни важно это обстоятельство, мы не полагаемъ, однакоже, чтобы оно одно могло опредѣлить образъ дѣйствій Екатерины II въ отношеніи къ іезуитамъ. Нельзя было не воспользоваться ихъ услугою и нельзя было не отнестись къ ней съ благодарностію; но эта благодарность могла имѣть иные предѣлы, не простираться можетъ быть до такой степени, чтобы наперекоръ главѣ латинской церкви и всему латинскому міру не только защитить іезуитовъ отъ гоненій и преслѣдованій, но продлить и обезпечить ихъ существованіе какъ ордена, учрежденіемъ новиціата, дозволеніемъ избрать генеральнаго викарія. Хотя услуга, оказанная іезуитами правительству въ отношеніи къ умиротворенію вновь присоединеннаго края, была важна, а ихъ готовность, въ томъ же направленіи вѣрноподданства Россіи,—руководить воспитаніемъ юношества въ Бѣлоруссіи, еще важнѣе; но мы, кажется, не ошибемся, если замѣтимъ, что къ нимъ присоединялись и другіе, еще болѣе важные виды со стороны императрицы.

Дѣло объ уничтоженіи іезуитскаго ордена продолжалось долго; оно началось въ концѣ первосвященства Бенедикта XIV-го, продолжалось при Климентѣ XIII-мъ и окончилось въ четвертый годъ послѣ избранія папою Климента XIV. Іезуиты, конечно, слѣдили за его ходомъ и принимали мѣры, чтобы отклонить грозившую ихъ ордену опасность; но не выступали явно изъ предѣловъ покорности папской власти и смиренно просили о защитѣ и покровительствѣ всѣхъ и каждаго, кто могъ имѣть вліяніе въ этомъ случаѣ, до тѣхъ поръ, пока самъ папа лично не выразилъ своего мнѣнія объ этомъ дѣлѣ, т. е. обѣщанія уничтожить орденъ. Не смотря на усиленныя настоянія бурбонскихъ дворовъ, давно изгнавшихъ іезуитовъ изъ своихъ государствъ, Климентъ XIV, можетъ быть и вполнѣ убѣжденный въ необходимости этой мѣры, медлилъ, однакоже, сказать рѣшительное слово, не смотря на то, что эта медленность часто возбуждала негодованіе государей, подозрительность кабинетовъ и приводила въ отчаяніе посланниковъ, которымъ Франція, Испанія, Неаполь и Португалія поручали особенно заботиться объ этомъ дѣлѣ въ Римѣ. Но римскіе первосвященники, уступая даже внѣшней силѣ, не охотно сознаются въ этомъ и всякое свое дѣйствіе объясняютъ собственнымъ побужденіемъ (motu proprio). Климентъ XIV, вѣрный преданіямъ римскаго престола, не хотѣлъ показать, конечно, что уничтожаетъ іезуитскій орденъ по настоянію европейскихъ дворовъ, особенно потому, что повсюду была разнесена молва, что именно съ этимъ условіемъ онъ былъ избранъ на папскій престолъ. Поэтому только послѣ долгихъ колебаній онъ рѣшился, 29-го сентября 1769 года, написать собственноручное письмо

къ французскому королю, въ которомъ, хотя въ словахъ неопредѣленныхъ, но выражалось обѣщаніе исполнить его желаніе, т. е. уничтожить орденъ іезуитовъ. Безъ сомнѣнія, іезуиты немедленно узнали объ этомъ, и съ этого времени ихъ отношенія къ папскому престолу приняли иной оборотъ и новое направленіе.

Они составили подложное письмо папы къ королю, и въ октябрѣ того же года обнародовали его въ италіянскихъ и французскихъ газетахъ. Въ этомъ письмѣ Климентъ XIV будто бы говоритъ: «что касается до іезуитовъ, то я не могу ни порицать, ни уничтожать учрежденія, которое хвалили и поддерживали 19-ть моихъ предшественниковъ. Я тѣмъ менѣе могу его осуждать, что онъ былъ положительно утвержденъ святымъ тридентинскимъ соборомъ, а по вашимъ французскимъ ученіямъ *вселенскій соборъ выше папы*. Если угодно, я соберу соборъ, который съ безпристрастіемъ и справедливостію разсудитъ дѣло, выслушаетъ оправданіе іезуитовъ, въ отношеніи къ которымъ я обязанъ дѣйствовать такъ же безпристрастно и покровительствовать имъ, какъ и всякому другому монашескому ордену». Это было указаніемъ римскому двору, какого рода ученій могутъ сдѣлаться проповѣдниками гонимые имъ іезуиты. Послѣ этого письма начали появляться повсюду многочисленные пасквили, наполненные бранью и пророчествами, противъ папы, бурбонскихъ королей и вообще всѣхъ противниковъ іезуитовъ; но для насъ важна не личная полемика, которую повели іезуиты, но тѣ *ученія*, которыхъ они сдѣлались горячими защитниками.

«Іезуитъ Феллеръ, говоритъ Тейнеръ, первый поднялъ знамя возстанія въ Германіи; во всѣ нѣмецкія газеты, голландскія и бельгійскія онъ сообщалъ статьи враждебныя папѣ и святому престолу, еще прежде появленія бреве. Этотъ фанатикъ-монахъ велъ обширную переписку съ іезуитами Франціи и Италіи, которые сообщали ему извѣстія о ходѣ дѣла объ уничтоженіи ихъ ордена. Эти извѣстія онъ украшалъ еще своими вымыслами и обнародовалъ. Когда бреве появилось и сдѣлалось всѣмъ извѣстно, Феллеръ вышелъ изъ границъ: не только возбуждалъ своихъ читателей къ открытому противодѣйствію, пуская въ ходъ самыя нелѣпыя клеветы, онъ, не стыдясь, проповѣдывалъ такія ненавистныя ученія (des principes odieux), которыя, еслибъ были приняты, то непремѣннымъ послѣдствіемъ былъ бы расколъ въ церкви и противъ которыхъ онъ самъ возставалъ при другихъ обстоятельствахъ». Такъ говоритъ латинскій современный намъ прелатъ и ревностный защитникъ папской власти; поэтому, ко-

нечно, любопытно знать, какія именно ученія проповѣдывалъ іезуитъ Феллеръ?

Въ «Кельнской газетѣ», 1773 года сент., онъ сообщалъ, въ видѣ слуха, что «многіе изъ епископовъ протестуютъ противъ папскаго постановленія, указывая на непогрѣшимость *собора* и готовы даже защищать, что, никакой соборъ не можетъ уничтожить учрежденіе одобренное соборомъ тридентинскимъ и столькими святыми мужами». Говоря въ другой статьѣ, что папское бреве переводится на французскій языкъ и скоро будетъ обнародовано, Феллеръ прибавляетъ: «говорятъ, что многіе изъ епископовъ собрались въ Парижѣ съ тѣмъ, чтобы согласиться, какой принять образъ дѣйствій въ отношеніи къ этому бреве. Полагаютъ, что слѣдуетъ вовсе не признавать его существованія, потому что король, какъ увѣряютъ, считаетъ его безполезнымъ послѣ своихъ эдиктовъ противъ іезуитовъ, потому и не сообщитъ епископамъ и не дозволитъ обнародовать его законнымъ порядкомъ въ своемъ государствѣ. Но какъ святой отецъ объявляетъ, что онъ господствуетъ надъ всѣми другими властями, и настаиваетъ, чтобы его бреве было приведено въ исполненіе, не смотря ни на какія противныя рѣшенія, даже собора, которыя онъ уничтожаетъ одною своею властію; то не мѣшало бы французскому духовенству напомнить ему четыре правила своего собранія 1682 г., записанныя въ парламентѣ, и которыя въ сущности заключаются въ слѣдующемъ: папа не имѣетъ никакой власти надъ свѣтскою властію королей, и что соборъ выше его, что дѣйствія его апостольской власти должны быть сообразны съ канонами и не нарушать правъ галликанской церкви, и что постановленія папы становятся неизмѣнными только тогда, когда приметъ ихъ церковь». Такимъ образомъ іезуиты задумали стать подъ защиту началъ галликанской церкви, противъ которыхъ такъ усердно дѣйствовали прежде. Съ этою же цѣлію было сочинено и распространяемо подложное письмо, будто бы писанное парижскимъ архіепископомъ къ папѣ. Римскій дворъ, совокупно съ другими римско-католическими дворами, запрещеніями и преслѣдованіями старались положить предѣлъ такой проповѣди іезуитовъ; но эти мѣры не достигали цѣли, и она появлялась повсюду въ томъ или другомъ видѣ, но одинаково враждебномъ папской власти.

Гейдельбергскій университетъ и послѣ уничтоженія ордена іезуитовъ оставался въ ихъ завѣдываніи. Въ 1774 году 29-го августа, въ этомъ университетѣ молодой бакалавръ, Францъ Синео, защищалъ публично тезисы, потомъ обнародованные, изъ которыхъ мы приведемъ слѣдующіе:

«Церковь обладаетъ истинною законодательною и повелѣ-

вающею властію (coactif). Эта власть и юрисдикція принадлежитъ епископамъ, которые получили ее непосредственно отъ Бога».

«Хотя неправильное избраніе (simoniaque) папы не даетъ ему никакой власти, однакоже его распоряженія считаются дѣйствительными, если онѣ полезны для церкви, но они не дѣйствительны, если клонятся къ ея разрушенію».

«Папа не можетъ ни непосредственно, ни посредственно лишать государей ихъ права управлять своими странами».

«Власть папы надъ королями и надъ епископами вовсе не такъ велика, какъ нѣкоторые полагаютъ».

«Короли въ управленіи мірскомъ не имѣютъ надъ собой никакой власти, кромѣ Бога».

«Если духовные судьи злоупотребляютъ своею властью, то законно прибѣгать обиженнымъ подъ защиту королевской власти. Имущества духовныя въ отношеніи къ налогамъ, одинаково со всѣми мірскими, подчинены свѣтской власти».

«Государи, въ случаѣ общественной нужды, когда доходы съ мірскихъ имуществъ окажутся недостаточными, могутъ облагать налогами церковныя, безъ сношенія съ папою».

«Всѣ церковныя имущества подчинены власти государей».

«Исключительныя права духовныхъ (les immunités ecclésiastiques) обязаны своимъ происхожденіемъ болѣе милости государей, нежели папамъ; но не смотря на нихъ духовные остаются подчиненными свѣтской власти» [1]).

Знакомымъ съ юриспруденціею среднихъ вѣковъ, развитую съ одной стороны папскими канонистами, а съ другой, въ противоположность имъ, свѣтскими юристами, нѣтъ нужды доказывать, что всѣ эти тезисы направлены противъ постоянныхъ притязаній папъ на *полновластіе*, доходившее до того, что они стремились безусловно подчинить себѣ какъ королевскую, такъ и епископскую власти. Цѣль этихъ тезисовъ заключается въ томъ, чтобы доказать самостоятельное и независимое отъ папъ значеніе этихъ властей. Но этого мало;—«во время самого диспута, доносилъ папскій нунцій въ Кёльнѣ кардиналу Корсини, отъ 8-го сентября, какъ мнѣ разсказывали люди достойные вѣры, выражались мнѣнія далеко превосходившія дерзостію тѣ, которыя изложены въ тезисахъ. Чтобы низкимъ способомъ подольститься къ епископамъ, нападаютъ на права святого престола, присвоиваютъ ихъ свѣтской власти въ ущербъ правъ верхов-

[1]) Тейнеръ, Histoire du pont. de Clément XIV. т. 1. стр. 394, Т. II. стр. 294—97, 492 и слѣд.

наго первосвященника и даже самихъ епископовъ. Я писалъ въ Гейдельбергъ, чтобы мнѣ сообщили имена профессоровъ іезуитовъ; ректора надо смѣнить въ примѣръ другимъ». Вслѣдствіе этихъ *мудрыхъ соображеній* (sages réflexions), говоритъ Тейнеръ, Марія-Терезія жгла публично подобныя сочиненія іезуитовъ и преслѣдовала сочинителей; но къ его ужасу и негодованію, Пруссія и Россія не слѣдовали ея примѣру [1]).

Еще въ 1772 г., когда іезуиты поняли, что имъ неминуемо грозитъ окончательное уничтоженіе и никто изъ латинскихъ по исповѣданію правительствъ за нихъ не заступится, они обратились съ просьбою о защитѣ къ прусскому королю. Въ письмѣ къ Даламберту, 8-го сент., Фридрихъ великій говоритъ, что къ нему явился «посланникъ отъ генерала *Игнатовцевъ* (ambassadeur du général des Ignatiens), прося, чтобы я объявилъ себя защитникомъ ихъ ордена. Я ему отвѣчалъ: когда Людовикъ XV уничтожилъ полкъ Фицъ-Джемса, я не считалъ себя обязаннымъ заступиться за этотъ полкъ, поэтому и папа можетъ дѣлать у себя какія хочетъ преобразованія, безъ вмѣшательства *еретиковъ*». Безъ сомнѣнія, вмѣшиваться въ дѣло іезуитовъ не было никакой побудительной причины для Фридриха Великаго; но, конечно, они знали, что этотъ *еретикъ* и преслѣдовать ихъ не будетъ. Поэтому, лишь только орденъ былъ уничтоженъ, въ Пруссію и къ границамъ Россіи со всѣхъ сторонъ начали стекаться тѣ изъ іезуитовъ, которые не хотѣли подчиняться папскому распоряженію. Сначала они пытались упрочить свое существованіе въ Силезіи, гдѣ давно уже господствовали, и устроить тамъ средоточіе управленія орденомъ. Генералъ ордена Риччи былъ заточенъ въ Римѣ въ крѣпость св. Ангела и не могъ управлять орденомъ, надо было избрать викарія, около котораго сосредоточилось бы управленіе и который былъ бы видимымъ признакомъ для папы и всего латинскаго міра, что орденъ, вопреки ихъ волѣ, продолжаетъ свое существованіе. Конечно, надо было имѣть много самоувѣренности и смѣлости, чтобы поставить себя въ такое положеніе. Нашелся однако же іезуитъ Троилъ, который рѣшался на этотъ трудный подвигъ. Но — «по достовѣрнымъ извѣстіямъ изъ Бреславля, писалъ вѣнскій нунцій римскому двору, 17 марта 1774 г., извѣстно, что знаменитый Троилъ, рѣшившійся принять званіе генеральнаго викарія іезуитовъ, пораженъ былъ внезапно смертельною болѣзнью и раскаялся на смертномъ одрѣ». Силезія находилась еще подъ сильнымъ вліяніемъ папской власти. Увѣщанія нунціевъ варшавскаго и вѣнскаго и

[1]) Тамъ же, Т. II, стр. 493—94.

самого папы, вліяніе высшаго польскаго духовенства, враждебнаго Пруссіи и Россіи, послѣ раздѣла Польши, и смотрѣвшаго на папу какъ на единственнаго своего защитника, помѣшали осуществленію іезуитскихъ намѣреній [1]). Имъ ничего не оставалось болѣе, какъ, или отказаться отъ своихъ намѣреній и покориться волѣ папы, или безсильно возставая противъ него, порознь, въ качествѣ отдѣльныхъ лицъ, оставаться зрителями постепеннаго уничтоженія или, такъ сказать, вымиранія ихъ ордена. Такой образъ дѣйствій, конечно, не согласовался съ видами іезуитовъ, и поэтому они перенесли свою дѣятельность за границы, далѣе которыхъ не простиралось папское вліяніе — въ Россію, гдѣ, во вновь пріобрѣтенныхъ отъ Польши областяхъ, устроили средоточіе орденскаго управленія.

Провинціалъ бѣлорусскихъ іезуитовъ, Соболевскій, остался подданнымъ Польши и послѣ обнародованія папскаго бреве, сложилъ съ себя это званіе. Помощникомъ его былъ Черневичъ, который такимъ образомъ и сдѣлался представителемъ и главою іезуитовъ въ Россіи. Дѣятельность ордена во время его управленія подробно изложена въ сочиненіи о. Морошкина. Мы обратимъ только вниманіе на то, какъ смотрѣли на него сами іезуиты, и за что именно осыпали его похвалами. Послѣ его смерти, одинъ изъ полоцкихъ іезуитовъ описалъ, въ письмѣ отъ 26 іюля 1785 года, его кончину и слѣдующимъ образомъ изобразилъ его дѣятельность и значеніе: «Онъ зналъ, что бреве Климента XIV объ уничтоженіи ордена іезуитовъ нельзя было придавать непремѣнной обязательной силы, которой всякой долженъ бы былъ подчинять образъ своихъ дѣйствій, что оно относилось исключительно къ дисциплинѣ, могущей подлежать измѣненію. Такія папскія распоряженія очень часто не бывали принимаемы многими извѣстными лицами, признанными впослѣдствіи святыми.

«Онъ зналъ, что самъ св. Павелъ апостолъ первѣйшему папѣ св. Петру лично сопротивлялся (in faciem ei restiti, quia reprehensibilis erat). Онъ зналъ, что св. Поликарпъ, ученикъ апостольскій, близкій ко временамъ І. Христа, никогда не хотѣлъ согласиться съ мнѣніемъ папы св. Аникета о времени празднованія пасхи; онъ зналъ, что св. Ириней очень не похвалилъ поступка св. Виктора папы въ отношеніи къ Поликарпу и другимъ азійскимъ епископамъ; зналъ, что св. Августинъ не хотѣлъ признавать сардикійскихъ постановленій, потому что они не на-

[1]) Тейнеръ. Clementis XIV Epistolae etc. № 296, и его же Histoire de pont. de Clément XIV, т. II, стр. 494 — 500.

ходились между апостольскими постановленіями; зналъ, что св. Гилярій, не смотря на приказанія и угрозы папы Льва V, отказался принять нѣкоего епископа въ свою епархію; зналъ, что св. Бернардъ ревностно защищалъ дѣло Адальберона, епископа тревирскаго, противъ тягостныхъ распоряженій папы Иннокентія II; зналъ, что св. Людовикъ, король французскій не позволилъ себя склонить никакими папскими настояніями къ отмѣнѣ своихъ прагматическихъ постановленій; зналъ, что галликанская церковь, слѣдуя примѣру этихъ и многихъ другихъ святыхъ мужей, отвергла буллу папы Юлія — Execrabilis etc., потому, что она отмѣняла многія древнія правила, утвержденныя самими папами или постановленныя на соборахъ и не касавшіяся до догматовъ вѣры.

«Онъ зналъ,—подходимъ ближе къ нашему дѣлу—что св. Филиппъ Benicius, основатель ордена Божіей Матери, противился уничтоженію этого ордена папою Иннокентіемъ V, хотя этотъ папа послалъ ему повелѣніе закрыть орденъ, не собственною только властію; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣщалъ его, что онъ долженъ считаться уничтоженнымъ на основаніи опредѣленій Ліонскаго собора. Однакоже святой основатель ордена до самой смерти этихъ повелѣній папы никогда не исполнялъ.

«Онъ зналъ, что когда папа Климентъ VIII уничтожилъ орденъ *добрыхъ братьевъ* (buoni fratri), то Филиппъ II король испанскій не принялъ папскаго бреве, и потому этотъ орденъ неприкосновенно существовалъ въ Испаніи, принимая въ свой составъ новыхъ членовъ и допуская до произнесенія обѣтовъ, тогда какъ въ другихъ странахъ онъ былъ уничтоженъ. Въ это время въ числѣ членовъ этого ордена былъ извѣстный Іоаннъ Пеккадоръ, которому это не мѣшало проводить святую жизнь, что въ наше время засвидѣтельствовалъ самъ папа Климентъ XIV, уничтоживній іезуитовъ, причисливъ его къ лику блаженныхъ (beati).

«Онъ зналъ, что св. Іосифъ (di Colosanz), основатель ордена піаристовъ, когда папа Иннокентій буллою уничтожилъ этотъ орденъ, обращался съ просьбами къ ученымъ юристамъ, чтобы они писали противъ этой буллы и посылалъ своихъ повѣренныхъ къ свѣтскимъ властителямъ, уговаривая ихъ не приводить въ исполненіе папскаго предписанія. Поэтому, хотя въ южныхъ странахъ этотъ орденъ считался уничтоженнымъ, въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ, а именно въ Польшѣ, онъ оставался неприкосновеннымъ до окончательнаго своего возстановленія.

«Онъ зналъ, наконецъ, что Климентъ XIV не болѣе имѣетъ власти, нежели Иннокентій V или Климентъ VIII, и что ея ве-

личество царица россійская не обязана повиноваться папамъ болѣе, нежели Филиппъ II испанскій, Владиславъ IV польскій и даже самъ святой Людовикъ французскій; и онъ, какъ начальникъ іезуитскаго ордена, не былъ обязанъ бо́льшимъ послушаніемъ Риму, нежели исчисленные выше святые мужи, самимъ же Римомъ признанные святыми. Притомъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что такія постановленія Рима во всѣхъ государствахъ, даже римско-католическихъ, не получаютъ обязательной силы до тѣхъ поръ, пока свѣтская власть не изъявитъ на то своего согласія — exequatur. Онъ зналъ также, что папа издалъ свое постановленіе противъ іезуитовъ не по собственной волѣ, motu proprio, но по настоянію ихъ враговъ. Притомъ, онъ не *повелѣваетъ* самодержавнымъ властителямъ, но только *проситъ* (hortamur principos christianos).

«Онъ зналъ, говорю я, все это и, не смотря на то, не позволилъ себѣ идти путемъ, проложеннымъ столькими святыми въ продолженіи вѣковъ. Желая показать *безпримѣрное* повиновеніе папскому постановленію, онъ лично предсталъ въ Петербургѣ передъ россійскою императрицею и подалъ письменное прошеніе, чтобы она дозволила бѣлорусскимъ іезуитамъ исполнить папское приказаніе, выражая обѣщаніе, что и въ званіи бѣлаго духовенства они постараются быть полезными и также трудиться для ея государства, какъ и прежде и какъ повсюду они много трудились.

«Однакоже великая Екатерина хорошо понимала, что вся сила іезуитовъ состоитъ именно въ неразрывности ихъ орденскаго союза, разорвать который значило бы то же, что Самсону остричь волосы и изъ великаго борца сдѣлать его хилымъ и слабымъ. Поэтому она и не приняла папскаго бреве и потомъ издала торжественный указъ, чтобы іезуитскій орденъ оставался неприкосновеннымъ въ ея владѣніяхъ. Этимъ однимъ распоряженіемъ великая государыня достигла того, чего едва-ли могла бы достигнуть цѣною многихъ сокровищъ; одною мудростію, безъ издержекъ, она ввела въ свои владѣнія такое великое благо, какое великое зло причинили своимъ странамъ другіе государи, изгнавъ іезуитовъ и истрачивая сокровища. Потому что, когда вѣсть объ этомъ пронеслась по цѣлой трети міра, немедленно іезуиты, повсюду уничтоженные въ родныхъ своихъ странахъ, обладавшіе многими познаніями, начали стекаться въ Бѣлоруссіи, чтобы послужить старому своему ордену и новой его покровительницѣ и поистиннѣ матери—великой Екатеринѣ. Это дѣлаетъ не малую честь іезуитамъ и ихъ ордену, и еще бо́льшую честь императрицѣ Всероссійской, такъ хорошо и скоро поняв-

шей значеніе этого ордена, съ которымъ она едва познакомилась, послѣ присоединенія Бѣлоруссіи.

«Тотъ же блаженной памяти мужъ выразилъ усердное послушаніе папѣ тѣмъ, что хотя и зналъ, что орденъ оставленъ въ Бѣлоруссіи въ его цѣлости, однако же въ продолженіи 6 лѣтъ онъ не позволялъ себѣ принимать новиціевъ. Онъ приступилъ къ этому не прежде, какъ, по волѣ императрицы, получилъ, 28 іюня 1779 г., торжественно во всѣхъ костелахъ объявленное разрѣшеніе пастыря (Сестренцевича), украшеннаго великою ученостію и ревностію, тогда епископа бѣлорусскаго, а нынѣ архіепископа могилевскаго, имѣвшаго на то власть, данную ему, 15 авг. 1778 г., нынѣшнимъ папою Піемъ VI, какъ полномочному апостольскому намѣстнику.

«Наконецъ, по указу императрицы, 4 іюля 1782 г., и съ вѣдома того же пастыря, онъ избранъ былъ въ полномъ собраніи іезуитовъ въ Полоцкѣ, полномочнымъ намѣстникомъ ордена съ полною властію викарія, которую исправлялъ 2 года, 9 мѣсяцевъ и 1 день» [1]).

Вѣроятно не посѣтуютъ на насъ за эту длинную выписку изъ письма, въ которомъ во всей полнотѣ и ясности выразился взглядъ іезуитовъ на значеніе папской власти. Весь рядъ заключающихся въ немъ указаній относится до такихъ историческихъ происшествій, которыя показываютъ, что папская власть не признавалась безусловною и неограниченною въ самой латинской церкви, и что не всякому повелѣнію папы слѣдуетъ повиноваться слѣпо. Напротивъ, многія изъ нихъ должны встрѣчать и встрѣчали сопротивленія, какъ со стороны епископовъ и духовныхъ властей, такъ и со стороны свѣтской власти государей, которая, равно какъ и власть епископская, имѣетъ свое самостоятельное значеніе, свои основы существованія, независимо отъ воли римскаго первосвященника. Сопротивленіе, открытое и явное нѣкоторымъ папскимъ повелѣніямъ, въ глазахъ церкви не умаляетъ достоинства сопротивлявшихся, ибо многіе изъ нихъ впослѣдствіи были признаваемы святыми, и самъ Римъ вынужденъ былъ согласоваться съ общимъ голосомъ церкви. Что же касается до свѣтской власти государей, то папскія постановленія въ отношеніи къ ней и ея подданныхъ не могутъ имѣть никакой обязательной силы и получаютъ значеніе въ предѣлахъ того или другого государства только тогда, когда будутъ одобрены этою властью. Можно не покоряться волѣ римскаго

---

[1]) O powrocie jezuitów y o powszechnym w szkołach przez nich nauczaniu młodzieży. Варшава 1805 г. ч. II, стр. 202—214.

первосвященника, вполнѣ подчиниться въ качествѣ подданныхъ свѣтской власти и — оставаться истинными сынами латинской церкви и духовными ея служителями! Таковы ученія, которыя постоянно проповѣдывали іезуиты того времени.

Учрежденіе іезуитскаго новиціата въ Бѣлоруссіи возбудило сильное негодованіе Рима, какъ противъ русскаго правительства и іезуитовъ, такъ въ особенности противъ епископа Сестренцевича. Недавно обнародованная дипломатическая переписка по этому случаю нашего двора съ римскимъ престоломъ, появившаяся уже послѣ изданія разсматриваемаго нами сочиненія, любопытна въ высшей степени [1]). Когда вѣсть объ учрежденіи новиціата дошла до Рима, то отъ имени папы кардиналъ статсъ-секретарь Паллавичини разослалъ къ нунціямъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ окружное посланіе, въ которомъ онъ порицалъ всѣ дѣйствія императрицы Екатерины въ отношеніи къ латинской церкви и особенно возставалъ противъ Сестренцевича, согласившагося на открытіе новиціата. Въ отвѣтъ на это посланіе немедленно, въ 1780 г., іезуиты издали во Флоренціи [2]) обширный и подробный критическій его разборъ. Это сочиненіе съ одной стороны представляется самымъ искреннимъ похвальнымъ словомъ всѣмъ дѣйствіямъ императрицы Екатерины и даже епископа Сестренцевича, котораго однако же іезуиты ненавидѣли, съ другой — рѣзкою сатирою поступковъ римскаго двора какъ въ отношеніи къ русскому правительству, такъ и къ іезуитскому ордену. Въ немъ, съ большею только полнотою, повторяются и развиваются тѣже ученія, на которыя мы указывали. Потому, не входя въ подробное его разсмотрѣніе, ограничимся только въ видѣ примѣровъ нѣкоторыми извлеченіями.

Учрежденіе императрицею Екатериною одной латинской епархіи въ областяхъ присоединенныхъ отъ Польши, римскій дворъ встрѣтилъ какъ такую мѣру, которая клонилась къ разрушенію и уничтоженію вообще латинской церкви въ имперіи, и сильно возставалъ противъ нея. Испытавъ неудачу дѣйствовать на императрицу чрезъ своего нунція въ Варшавѣ и польскихъ вель-

---

[1]) Сборникъ Русск. историч. общества. Спб. 1867, т. I, стр. 421 — 539.

[2]) Lettere critiche in schiarimento del vero stato attuale dei Gesuiti nella Russia Bianca e loro difesa nel noviciato da essi apertoci; col seguito delle altre cose favorevoli ai medesimi accordate negli stati dell'Imperatrice delle Russie del Rè di Prussia, nel Portogallo ed altrove, dirette al Tig. Marchese.... in Firenze. 1780. Мы не могли достать подлиннаго сочиненія и пользовались современнымъ его нѣмецкимъ переводомъ: Merkwürdige Nachrichten von den Jesuiten in Weissreussen, in Briefen. 2-e Aufl. Francfurt u Leipziz. 1786 г. Въ концѣ сочиненія подписано: «Римъ. 4 октября 1780 г.» Можетъ быть оно и писано въ Римѣ, но бѣлорусскимъ іезуитомъ.

можъ, епископовъ и короля, онъ обратился къ посредничеству Маріи-Терезіи. Отъ имени папы его кардиналъ статсъ-секретарь 5 февраля 1774 г., писалъ къ вѣнскому нунцію кардиналу Висконти: «Къ числу нововведеній, которыя русскій дворъ предположилъ въ отношеніи къ вновь присоединеннымъ областямъ, самое ужасное и несправедливое заключается въ предположеніи подчинить все духовное въ нихъ управленіе латинской церковію *одному* епископу. Пространство этой *огромной имперіи*, различіе племенъ и нарѣчій представляютъ не только большія затрудненія, но просто невозможность привесть въ исполненіе этотъ чудовищный проектъ. Говорятъ даже, что епископъ ливонскій потеряетъ всю свою епархію, а виленскій и смоленскій значительныя части». Пространства вновь присоединенныхъ областей конечно не такъ велики, чтобы не вмѣститься въ предѣлы одной епархіи; и племенъ и нарѣчій въ этихъ областяхъ не такъ много. Все это зналъ Римъ; но онъ уже простиралъ виды на *всю* имперію. Заступничество Маріи-Терезіи еще менѣе другихъ пособило Риму; она глубоко была тронута просьбами папы, понимала важность дѣла, но не взялась ходатайствовать передъ императрицею Екатериною, говоря, что съ нею *очень трудно вести дѣла*, какъ увѣдомлялъ папу вѣнскій нунцій въ депешѣ 7 апрѣля 1774 г. [1]). Въ окружномъ посланіи, по случаю учрежденія новиціата, кардиналъ Паллавичини говоритъ: «При раздѣлѣ Польши почти всѣ епархіи, Лифляндская и Смоленская и часть Виленской, перешли подъ русское владычество. Непобѣдимая настойчивость царицы, недопускавшей существованіе прежней юрисдикціи польскихъ епископовъ въ предѣлахъ своего государства и упорныя требованія этой монархини, чтобы всѣ ея многочисленные подданные латинскаго исповѣданія находились подъ управленіемъ одного епископа, подвинули его святѣйшество, хотя и не охотно, назначить на это важное мѣсто Станислава Сестренцевича, епископа Мальскаго». Іезуиты на это возражали: «что ни слово, то неправда. На польскомъ сеймѣ противъ раздѣла наиболѣе возставали духовные сенаторы, т. е. епископы, и особенно тѣ, которыхъ епархіи въ значительной части присоединялись къ Россіи, Виленскій, Лифляндскій и Смоленскій. Они протестовали и утверждали, что никогда не принесутъ присяги на подданство императрицѣ. Послѣ этого весьма естественно, что пришли къ той мысли, чтобы отдѣлить Бѣлоруссію отъ виленской епархіи и, съ частями отъ другихъ епархій, составить одну, подъ управленіемъ особаго епископа, не

[1]) Тейнеръ. Hist. du pontif. de Clément XIV, т. II, стр. 435—38.

враждебнаго русскому двору, который, безъ сомнѣнія, никогда не допуститъ, чтобы духовное управленіе его подданными могло быть предоставлено епископамъ, непризнающимъ свѣтской его власти. Составить одну епархію и подчинить епископу, который бы имѣлъ мѣстопребываніе въ русскихъ предѣлахъ, предложилъ польскій король и русское правительство, принявъ это предложеніе, согласилось, чтобы избранный въ первый разъ епископъ былъ полякъ, котораго изберетъ папскій нунцій по соглашенію съ русскимъ посланникомъ въ Варшавѣ. Итакъ, это дѣло было въ рукахъ варшавскаго нунція Гарампи. Онъ избралъ Сестренцевича, мужа ученаго, обладавшаго всѣми достоинствами приличными епископскому сану» [1]). Такимъ образомъ, недоговаривая послѣдняго слова, іезуиты выводили на чистую воду римскій дворъ, явно указывая на тайные его виды. Главный противникъ раздѣла Польши—Римъ, хотѣлъ удержать по крайней мѣрѣ организацію и управленіе латинскою церковію, согласованное съ прежними предѣлами Польши и подчинить милліоны русскихъ подданныхъ епископамъ, подданнымъ польскимъ, сенаторамъ королевства и проживающимъ внѣ предѣловъ имперіи и этотъ замыселъ думалъ осуществить Римъ, въ отношеніи къ русскому правительству, во времена великой Екатерины!

Открытіе іезуитскаго новиціата встрѣтило такія-же сильныя нападенія римскаго двора и—«неожиданно и грустно поразило римскаго первосвященника»—говорилъ кардиналъ Паллавичини. Нападая на выраженіе *неожиданно*, іезуиты доказывали, что это учрежденіе было необходимымъ и естественнымъ послѣдствіемъ распоряженія императрицы, узаконявшаго существованіе іезуитскаго ордена въ Бѣлоруссіи. Если Римъ терпѣлъ существованіе ордена, то онъ долженъ былъ ожидать и учрежденія новиціата. Императрица признавала *существованіе*, а не *разрушеніе* ордена; между тѣмъ, не пополняясь новыми членами, онъ, конечно, уменьшался бы постепенно въ своемъ составѣ и — наконецъ, уничтожился бы самъ собою. Конечно, они очень хорошо понимали, что именно такова и была политика римскаго двора въ отношеніи къ іезуитамъ; но они не договаривали послѣдняго слова, чтобы удержать за собою право глумиться надъ папскимъ правительствомъ, уличая его въ мнимой непослѣдовательности въ мысляхъ, недальновидности въ намѣреніяхъ и несправедливости въ дѣйствіяхъ. «Іезуиты не составляютъ только общество духовныхъ въ церкви, учрежденное для пользы вѣры; но и гражданское общество, допускаемое властію государей для пользы го-

[1]) Merkwürd. Nachrichten. § IV стр. 89—92.

сударствъ, поэтому ихъ существованіе и уничтоженіе зависитъ отъ обѣихъ властей. Папа не можетъ, безъ согласія государей, ввести ихъ въ предѣлы государствъ, точно также не можетъ и изгнать ихъ оттуда безъ воли государей. Въ отношеніи къ іезуитамъ это подтверждается еще особенными обстоятельствами: 1) тѣмъ, что іезуиты состоятъ на дѣйствительной службѣ монархамъ и обществу, потому, что въ ихъ попеченіи находятся школы и воспитательныя заведенія: эти должности безспорно подлежатъ попеченію государей; 2) тѣмъ, что коллегіи іезуитовъ въ Бѣлоруссіи по большей части учреждены королями и снабжены имуществами, отнятыми у изгнанныхъ *грековъ*, и щедростію польскихъ королей отданныхъ для содержанія іезуитамъ. Можетъ ли папа уничтожить гражданское общество, королевское, состоящее на службѣ обществу, уничтожить, не нанося тѣмъ оскорбленія престолу? Римъ могъ такъ поступить въ отношеніи къ Франціи, Испаніи, Португаліи и Германіи, потому что дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по соглашенію съ ихъ королями. Россія требуетъ не бо́льшаго, а такого-же права». «Іезуиты—хорошіе подданные императрицы и, какъ истинные католики и духовные, покорны папѣ. Случалось однакоже, что отъ двухъ властей приходятъ различныя повелѣнія, изъ которыхъ одно уничтожаетъ другое. Они остаются въ томъ положеніи, въ какомъ находились, пока обѣ власти не согласятся между собою о ихъ судьбѣ. Впрочемъ, они имѣютъ важныя причины повиноваться въ этомъ случаѣ императрицѣ. Во 1-хъ потому, что ея повелѣнія благосклонны, а приходящія изъ Рима—деспотическія; во 2-хъ повелѣнія императрицы правильнымъ порядкомъ имъ объявляются, а римскія нѣтъ да и быть не могутъ; и въ 3) наконецъ, повинуясь императрицѣ, они не производятъ никакихъ безпорядковъ, а церковь не обязываетъ подчиняться тому, что́ можетъ быть причиною великихъ замѣшательствъ» [1]). Все это сочиненіе постоянно развиваетъ одну и ту же мысль, что папскія притязанія на полновластіе не согласны съ христіанскимъ ученіемъ, что папская власть ограничена кругомъ ея чисто духовнаго значенія и канонами церкви, *епископы не чиновники* папскіе, но имѣютъ свои права и обязанности, что іезуиты *не рабы папы, а овцы стада Христова* [2]). Однимъ словомъ, изъ ихъ соображеній выходило, что положеніе латинской церкви подъ покровомъ Россіи гораздо болѣе согласно съ ея ученіями и канонами, нежели въ самомъ Римѣ.

---

[1]) Merkwürdige Nachrichten etc. § IV, стр. 89—92; 173 и слѣд.; 178 и слѣд.

[2]) Тамъ же, напр. стр. 218—221, 257 и др.

Казалось бы, не могло возникнуть и вопроса о томъ, какъ долженъ былъ отнестись римскій престолъ къ подобнымъ ученіямъ іезуитовъ, подрывавшимъ главныя начала, на которыхъ создалось, укрѣпилось и поддерживалось папство; но вглядываясь въ политику римскаго двора въ этомъ случаѣ, нельзя не обратить особеннаго вниманія на этотъ вопросъ. Папскій нунцій монсиньоръ Гарампи, 3 ноября 1773 г., писалъ изъ Варшавы къ папскому статсъ-секретарю Паллавичини, что «опасно дѣйствовать на іезуитовъ угрозами или каноническими наказаніями или объявленіемъ ихъ прямо возмутителями противъ папскихъ предписаній, потому что между ними не мало горячихъ головъ и угодниковъ государей, которые, не заботясь объ истинныхъ началахъ канонической права, могутъ своими сочиненіями, распространяемыми даже помощію печати, поднять старые споры и поддерживать положенія, опасныя для мира церкви, или возвышая епископскую власть до сравненія съ властью верховнаго первосвященника, или доказывая, что церковные законы не имѣютъ обязательной силы, пока не утверждены свѣтскою властью. Изъ этого могутъ возникнуть дерзкія ученья, въ которыхъ будутъ доказывать потомъ, что его святѣйшество не можетъ ограничивать власти епископовъ. Нѣтъ такого заблужденія, которое бы не стали проповѣдовать противъ здраваго ученія, люди раздраженные, распущенные, безрелигіозные и льстецы свѣтской власти. Такъ же *нѣкоторые епископы* могутъ быть увлечены, или по особымъ частнымъ соображеніямъ, или необходимостію, повидимому, только этимъ способомъ достигнуть мира и безопасности какъ для своей паствы, такъ и для себя, и примутъ ученія іезуитовъ, которыя, конечно, отвергли бы при другихъ обстоятельствахъ и, когда подобные споры возникнутъ или, лучше сказать, возобновятся въ одномъ уголкѣ христіанства, то они быстро распространяются повсюду и, я не знаю, будутъ ли католическіе государи помогать намъ въ этомъ случаѣ или воспользуются этими обстоятельствами, чтобы надѣлать намъ еще бо̀льшихъ затрудненій. Если въ виду такихъ обстоятельствъ я могу выразить мое мнѣніе, то я полагалъ бы, что съ нашей стороны слѣдуетъ дѣйствовать такъ, чтобы избѣгать всякаго случая, который могъ бы усилить уже начавшійся пожаръ. Поэтому, пока не представится благопріятнаго обстоятельства, слѣдуетъ выжидать и давать видъ, что папа оставилъ іезуитовъ въ покоѣ и предоставилъ ихъ угрызеніямъ собственной ихъ совѣсти. Я убѣжденъ, что болѣе совѣстливые изъ нихъ и болѣе робкіе не долго будутъ противиться этимъ угрызеніямъ и попросятъ у папы позволенія или вступить въ бѣлое духовенство, или совсѣмъ оставятъ Бѣлоруссію. Самые государи, увидя равноду-

шіе папы въ отношеніи къ этому дѣлу, не будутъ съ такимъ упорствомъ противодѣйствовать папѣ и легче сдадутся на представленія, съ которыми обратятся къ нимъ епископы и наиболѣе благоразумные изъ самихъ іезуитовъ». Слѣдуетъ замѣтить, что эти совѣты предлагалъ Гарампи, когда еще не былъ учрежденъ іезуитскій новиціатъ въ Бѣлоруссіи. Кардиналъ Корсини, предсѣдатель конгрегаціи de rebus extinctis, т. е., которой поручено было приводить въ исполненіе постановленіе папы объ уничтоженіи іезуитскаго ордена, въ отвѣтѣ, 4 декабря 1773 г., объявлялъ ему, что римскій дворъ одобряетъ его образъ мыслей и дѣйствій и поручилъ ему дѣйствовать на членовъ ордена порознь, угрожать даже отлученіемъ отъ церкви и особенно стараться отвлекать отъ покорности *свѣтской власти, которая имъ покровительствуетъ* [1]). Тейнеръ превозноситъ умѣренность римскаго двора въ этомъ случаѣ, и снисходительность и кротость папы въ отношеніи къ іезуитамъ. О. Морошкинъ, повидимому, соглашаясь съ нимъ, говоритъ: «Климентъ XIV вполнѣ раздѣлялъ мысли своего нунція и никакъ не хотѣлъ принять той системы дѣйствій, какую ему внушали дворы бурбонскіе и особенно версальскій. Напрасно Людовикъ XV называлъ образъ дѣйствій Климента излишне умѣреннымъ, слабымъ и малодушнымъ, напрасно совѣтовалъ ему прибѣгнуть къ мѣрѣ болѣе энергической, напримѣръ, къ изданію окружного посланія ко всѣмъ епископамъ латинской церкви, въ которомъ было бы выражено, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, негодованіе папы противъ іезуитовъ,—папа не отступилъ отъ правилъ умѣренности, внушаемыхъ ему Гарампи и такъ гармонирующихъ съ его характеромъ» (стр. 90). Мы позволимъ себѣ однакоже усумниться въ вѣрности этого взгляда. Не отвергая ни кротости и благодушія папы, ни умѣренности и благоразумія его двора, мы замѣтимъ, что эти свойства могли выказываться только въ дѣйствіяхъ къ іезуитамъ, *какъ отдѣльнымъ лицамъ*. Дѣйствительно, въ самомъ бреве,—Dominus ac redemptor, Климентъ XIV всѣми способами старается обезпечить судьбу бывшихъ іезуитовъ. Но снисходительностію и кротостію никогда не отличается римскій дворъ, когда дѣло идетъ объ *общихъ началахъ*, которыя притомъ онъ считаетъ основами своего собственнаго существованія, между тѣмъ іезуиты *какъ орденъ* и притомъ, проповѣдующіе такія начала, угрожали опасностію самому существованію папства въ томъ видѣ, въ какомъ оно выработалось въ продолженіи всей исторической своей жизни. Снисходительность въ этомъ случаѣ

[1]) Тейнеръ. Hist. du pont. de Clément XIV, т. II, стр. 109 и 110.

была бы уже слабостью и непредусмотрительностію—такія качества, которыми нельзя укорить папскую политику. Климентъ XIV не остановился заключить въ крѣпость св. Ангела—Риччи, потому что онъ былъ генералъ іезуитскаго ордена, равно и его ближайшихъ помощниковъ по управленію, продержалъ его тамъ до смерти, не поблажалъ іезуитамъ, сопротивлявшимся назначенной имъ визитаціи ихъ учрежденій въ Болоньи и другихъ городахъ своей области; но онъ прибѣгъ къ мѣрамъ кротости тогда, когда существованіе іезуитовъ, какъ ордена, было признано въ Россіи. Очевидно, римскій дворъ опасался поступить рѣшительно съ сильнымъ врагомъ, проповѣдывавшимъ грозныя для папства ученія, разсчитывая и безъ того на постепенное уничтоженіе ордена, съ одной стороны естественнымъ вымираніемъ его членовъ, съ другой раскаяніемъ другихъ, подъ вліяніемъ увѣщаній его агентовъ. Поэтому такимъ сильнымъ ударомъ для Рима и было открытіе іезуитскаго новиціата въ Бѣлоруссіи, грозившаго продлить и упрочить постоянное существованіе ордена; съ этого времени онъ понялъ, что побѣда осталась за іезуитами, что проповѣдуемыя ими ученія, согласныя съ постановленіями вселенской церкви и направленныя противъ притязаній и злоупотребленій папъ, приведутъ къ разрушенію самого папства. Но понявъ это, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ и другое: что сами іезуиты не могутъ существовать при другомъ, болѣе правильномъ устройствѣ латинской церкви, что они охотно откажутся отъ проповѣдуемыхъ ими ученій, если новый папа возстановитъ существованіе ихъ ордена. Не подчиняясь папѣ, захотятъ-ли они подчиняться епископамъ!

Эта перемѣна въ римской политикѣ въ отношеніи къ іезуитамъ выразилась въ лицахъ—въ двухъ папскихъ нунціяхъ, посѣтившихъ въ это время Россію—въ Аркетти и гр. Литтѣ. Орденъ считался уничтоженнымъ, и бреве Климента XIV находилось въ полной силѣ во время пріѣздовъ къ нашему двору обоихъ нунціевъ; но отношенія ихъ къ русскимъ іезуитамъ были совершенно противоположны. Какъ грозно и рѣзко обходился съ ними Аркетти, такъ милостиво и дружелюбно Литта. Когда передъ своими костелами они торжественно, съ крестами, выходили на встрѣчу проѣзжавшему по Бѣлоруссіи Аркетти, онъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы громить ихъ своими рѣчами, какъ возмутителей и отступниковъ; графъ Литта, напротивъ, пользовался ихъ гостепріимствомъ, останавливался въ ихъ домахъ, и во все пребываніе ихъ въ Петербургѣ, оказывалъ имъ расположеніе и содѣйствовалъ ихъ видамъ. Различіемъ личныхъ характеровъ обоихъ нунціевъ этого объяснять нельзя. Дѣйствія Литты

уже предвѣщали, что орденъ будетъ возстановленъ. Сохранилось преданіе, что—«когда вечеромъ 16 августа 1773 г., монсиньоръ Мацедоніо явился въ домъ іезуитовъ, чтобы объявить имъ папское бреве, — его уже тамъ ожидали, и Риччи не всталъ даже съ своего кресла. Мацедоніо прочелъ бреве и потомъ сказалъ: «и такъ орденъ умеръ». Риччи медленно всталъ съ своего кресла и отвѣчалъ: Et tertia die resurrexit! и вышелъ вонъ» [1]). — Онъ былъ правъ: папство безъ іезуитовъ, и іезуиты безъ папства— невозможны.

Но такъ ли, какъ римскій дворъ, могла относиться императрица Екатерина къ этимъ ученіямъ іезуитовъ? или, могла-ли она не обращать на нихъ особеннаго вниманія и даже оставаться равнодушною?

Съ первыхъ, такъ сказать дней, своихъ отношеній къ папскому престолу, она ясно выразила основныя начала политики, которыми постоянно руководствовалась въ отношеніи къ латинской церкви. Не препятствуя своимъ подданнымъ латинскаго исповѣданія признавать папу главою ихъ церкви, она немедленно устранила всякое съ его стороны вмѣшательство въ качествѣ свѣтскаго властителя въ дѣла, не имѣющія прямого отношенія къ духовной его власти. Своею государственною территоріею она не позволяла ему распоряжаться, и потому сама опредѣляла пространства и границы епархій и приходовъ. Еще менѣе допускала она возможность ограничить свою верховную власть въ имперіи властію римскаго первосвященника и государя. Цѣлый рядъ ея постановленій въ отношеніи къ устройству и управленію латинскою церковію въ Россіи проникнутъ именно этимъ направленіемъ. Верховное правительство независимаго государства никому не могло предоставить законодательной власти въ своихъ предѣлахъ и въ отношеніи къ своимъ подданнымъ. Поэтому, она заявила немедленно, по присоединеніи Бѣлоруссіи, и поддерживала постоянно такъ-называемое право exequatur въ отношеніи къ папскимъ распоряженіямъ и не могла допустить и мысли, чтобы иностранные подданные могли исправлять какія-либо духовныя должности въ имперіи, какъ епископовъ такъ и начальниковъ монашескихъ орденовъ; поэтому удерживала за собою право избранія епископовъ и ограждала ихъ власть отъ притязаній Рима, подчинила имъ монашескіе ордена, какъ и слѣдуетъ по католическимъ правиламъ, и запретила всякое сношеніе монахамъ съ ихъ орденскими генералами, находившимися внѣ предѣловъ Россіи. Верховная власть

[1]) Petrucelli della Gattina. Histoire diplom. des conclaves т. IV, стр. 206.

независимаго государства не могла отказать въ правосудіи никому изъ своихъ подданныхъ, хотя бы они назывались латинскимъ духовенствомъ и оставить безъ надзора и повѣрки какъ духовные суды, такъ и управленіе. Поэтому императрица желала на твердыхъ началахъ основать устройство и управленіе латинской церкви, издавая положенія и учреждая духовную коллегію, при дѣятельной помощи митрополита Сестренцевича. Но ограничивая притязанія папъ на вторженіе въ кругъ дѣятельности своей верховной власти, она не касалась до ихъ духовной власти, высшей въ отношеніи къ латинской церкви. Посвященіе епископовъ, утвержденіе имъ и ихъ паствѣ епархіальныхъ и приходскихъ раздѣленій и границъ своими буллами, она предоставляла папѣ. Она не прервала всѣхъ сношеній римско-католиковъ и духовенства съ папою, какъ это сдѣлала въ отношеніи къ генераламъ монашескихъ орденовъ, именно въ виду духовнаго значенія папы, какъ главы латинской церкви; но установила порядокъ этихъ сношеній чрезъ посредство своего правительства и удержала за собою право дозволять исполненіе папскихъ предписаній или запрещать—exequatur. Такимъ образомъ, полная терпимость и покровительство въ предѣлахъ этой терпимости, въ отношеніи къ подданнымъ латинскаго исповѣданія, полное признаніе ихъ духовныхъ отношеній къ римскому первосвященнику и вмѣстѣ съ тѣмъ безусловное устраненіе всѣхъ притязаній Рима на государственную власть въ предѣлахъ Русской имперіи и въ отношеніи къ русской верховной власти, вотъ основныя начала, которымъ неуклонно слѣдовала политика императрицы Екатерины въ отношеніи къ римскому двору [1]). Эти начала, которыя впрочемъ защищали въ большей или меньшей степени всѣ государства Европы отъ притязаній папъ, она должна была защищать съ особенною силою, какъ представительница народа, исповѣдующаго вселенское православіе, и слѣдовательно, какъ представительница правъ этой церкви въ отношеніи къ иновѣрнымъ державамъ.

Этой политикѣ рукоплескали іезуиты и защищали ее въ своихъ сочиненіяхъ передъ лицомъ папы и всей латинской Европы. И должны были защищать, не изъ угодничества только свѣтской власти, какъ доказывалъ Римъ, но и на основаніи тѣхъ ученій, которыя они проповѣдовали въ это время. Мы полагаемъ, что императрица Екатерина не только не оставалась равнодушною къ этимъ ученіямъ; но, напротивъ, онѣ-то и были

---

[1]) Полн. Собр. Законовъ, №№ 13.252, 13.807, 13.808, 13.922, 13.251, 14.073, 14.966, 15.326, 15.628, 15.876, 16.521, 16.933, 17.168, 17.379.

главною причиною того покровительства, которое она оказывала іезуитамъ. Установленіе латинской церкви въ имперіи, самостоятельное и независимое въ политическомъ отношеніи отъ власти Рима, хотя и признающей высшую духовную власть папы, на подобіе церкви галликанской, составляло цѣль, къ которой стремились всѣ дѣйствія императрицы Екатерины.

Въ этомъ отношеніи ей сочувствовалъ и содѣйствовалъ митрополитъ Сестренцевичъ. Мы не войдемъ въ изслѣдованіе вопроса, какъ вообще смотрѣлъ Сестренцевичъ на орденъ іезуитовъ и на покровительство, оказываемое ему императрицею, а ограничимся только утвержденіемъ, что выраженной ими въ ихъ сочиненіяхъ мысли о значеніи епископской власти и защитѣ ея самостоятельности противъ притязаній папъ онъ вполнѣ сочувствовалъ. Въ запискѣ, на основаніи которой было отчасти составлено *«Положеніе»* о латинской церкви въ имперіи 1798 г. подъ заглавіемъ *«О іерархіи римско-католической церкви въ имперіи»*, онъ говорилъ: «Слѣдуетъ поддержать зависимость латинской церкви отъ папы, какъ ея главы, только въ отношеніи къ догматамъ; что-же касается до дисциплины и внутренняго управленія церковію въ Россіи, то они должны находиться въ вѣдомствѣ мѣстныхъ епископовъ, русскихъ подданныхъ, избираемыхъ верховною властію и посвящаемыхъ митрополитомъ по благословенію папы. Епископы должны пользоваться тою же властію, которою пользовались въ продолженіи первыхъ десяти вѣковъ христіанской церкви, пока папа Григорій VI не отнялъ у нихъ этой власти. Въ первоначальной церкви вся внутренняя юрисдикція въ епархіяхъ принадлежала епископамъ, до тѣхъ поръ, пока папы не присвоили ее себѣ, — и епископы соединялись въ соборы. Поэтому необходимо епископовъ подчинить постоянному синоду, который бы находился въ Петербургѣ [1]).» Чтобы еще болѣе объяснить взгляды Сестренцевича, мы приведемъ слѣдующую выписку изъ рукописнаго его дневника. Марта 27, 1799 г., онъ былъ во дворцѣ, идя къ обѣдни императоръ сказалъ ему мимоходомъ, что отправилъ къ нему нѣкоторыя бумаги. Послѣ обѣдни оберъ-гофмаршалъ А. Л. Нарышкинъ сказалъ ему, что государь желаетъ, чтобы онъ являлся во дворецъ, обѣдать или ужинать раза по два-по три въ недѣлю. Это приказаніе нѣсколько смутило Сестренцевича; замѣтивъ это Нарышкинъ сказалъ: пріѣзжайте сегодня ужинать. «Я пріѣхалъ,— пишетъ Сестренцевичъ въ своемъ дневникѣ, подъ этимъ чи-

[1]) Гр. Толстой. Le catholicisme Rom. en Russie. т. II стр. 115 и 116 и annex. № 5.

сломъ. Императоръ сказалъ: я послалъ къ вамъ просьбу, чтобы вы сдѣлали что-нибудь для Винибальда [1]). Сестренцевичъ отвѣчалъ: «Такъ какъ онъ монахъ, то я сдѣлаю его докторомъ богословія и назначу, чтобы какой либо изъ монастырей ордена св. Франциска, къ которому онъ принадлежитъ, давалъ ему ежегодно по 150 рублей. Это даже лучше докторства!

Государь улыбнулся.—Но нельзя-ли сдѣлать его каноникомъ?

— Невозможно, именно потому, что онъ монахъ. Для этого необходимо причислить его прежде къ бѣлому духовенству (seculariser).

— А почему вы не можете этого сдѣлать?

— Потому, ваше величество, что нунцій не далъ мнѣ этого права [2]).

— А не дѣлалъ-ли онъ этого самъ для кого-нибудь?

— Да, государь, онъ сложилъ обѣты съ двухъ монаховъ.

— Какою пользуетесь вы властью, въ качествѣ митрополита?

— Нунцій сообщилъ мнѣ всѣ тѣ права, которыми пользуются примасъ гнезненскій и архіепископъ львовскій...

— Въ чемъ заключается власть папы въ отношеніи къ епископамъ? права короны должны быть соблюдаемы.

— Отношенія къ папѣ необходимы по случаю его первенства (sa primauté), въ слѣдствіе котораго онъ составляетъ средоточіе единства католической церкви. Что же касается до юрисдикціи, то они пользуются ею въ другихъ государствахъ, въ той мѣрѣ, въ какой государи имъ дозволятъ. Епископамъ принадлежитъ юрисдикція въ ихъ епархіяхъ; но это право было ограничено папою во времена варварства (depuis les siècles de ténèbres), когда епископы не умѣли еще писать, ходили на войну, ѣздили на охоту,—тогда папы присвоили себѣ бо́льшую часть епископскихъ правъ и даже право ихъ посвящать.

Императоръ замѣтилъ: — Это уже надо имъ оставить, потому что вошло въ обычное право и утверждено длиннымъ рядомъ лѣтъ.

Сестренцевичъ продолжалъ:—Теперь, когда епископы умѣютъ уже писать,—(императоръ разсмѣялся)—папы все-таки удерживаютъ за собою эти права. Доказательствомъ того, что митрополиты имѣютъ власть посвящать епископовъ своихъ областей, не относясь къ папѣ, можетъ служить папскій ритуалъ, гдѣ помѣщенъ весь этотъ (церемоніалъ) обрядъ. Его не посмѣли

[1]) Францисканецъ Винибальдъ состоялъ при мальтійской капеллѣ въ Гатчинѣ.

[2]) Отношенія Сестренцевича къ Литтѣ были враждебны въ это время.

исключить. И въ настоящее время, послѣ полученія рескрипта вашего величества, когда нунцій отказался посвятить въ епископы Сѣраковскаго, я въ тотъ-же день написалъ ему, чтобы онъ обратился ко мнѣ, и я посвящу его по этому обряду. Но потомъ гр. Ростопчинъ сообщилъ мнѣ, что нунцій уже согласился посвятить его. Въ этомъ церемоніалѣ и не упоминается ни о буллахъ, ни о присягѣ папѣ; уніатскіе митрополиты до сихъ поръ такъ поступаютъ. Но какъ гр. Ростопчинъ увѣдомилъ меня, что нунцій соглашается посвятить (conférer le sacre) Сѣраковскаго, то я сегодня-же напишу къ нему, чтобы онъ уже не обращался ко мнѣ.

— Однако, въ подобныхъ случаяхъ, замѣтилъ императоръ, вы всегда имѣете такъ поступать.

Мы привели этотъ любопытный разговоръ, который могли бы дополнить еще многими выдержками изъ записокъ Сестренцевича, чтобы яснѣе показать его образъ мыслей, напоминающій галликанскихъ епископовъ прежняго времени. Очевидно, ученія іезуитовъ о значеніи епископской власти согласовались съ нимъ и вытекали изъ одного источника. Онъ не могъ не сочувствовать этимъ ученіямъ; хотя и не довѣрялъ самимъ іезуитамъ, но терпѣлъ ихъ, исполняя волю императрицы. Такъ говоритъ онъ о нихъ въ запискѣ о латинской церкви въ имперіи, составленной имъ уже въ царствованіе Александра I-го. «Недостойнымъ-же св. Игнатія послѣдователямъ, отличающимся во всѣ времена едиными ухищренными намѣреніями и пронырствами, не столь въ предосторожность отъ ихъ происковъ, какъ паче для сохраненія въ духовенствѣ спокойствія, особенно старался дѣлать всякое зависящее отъ него удовлетвореніе, такъ что навлекъ на себя неудовольствіе отъ Пія VI-го, жаловавшагося на него сперва нотою чрезъ нунція своего въ Варшавѣ графу Штакельбергу поданною, что власть, ему данная надъ всѣми монахами, употребляется во зло тѣмъ, что дозволяетъ пребывать въ Бѣлоруссіи обществу іезуитскому подъ ихъ именемъ и набирать новиціятовъ и что сія власть можетъ простираться только на тѣхъ монаховъ, коихъ ордены не уничтожены. А потомъ письмо покойной государынѣ императрицѣ, что осмѣлился онъ позволить обществу іезуитскому отправлять ихъ обряды, противъ папскихъ опредѣленій. Да и нынѣ, уклоняясь отъ непріятностей и враждованія, не ищетъ оказать власти своей надъ Груберомъ, хотя явно пренебрегающимъ и государственныя узаконенія и церковныя правила, но пуская ему шествовать тѣми путями, которые нашелъ для себя способными и которыхъ ему заградить митрополитъ безсиленъ. Итакъ, уко-

ряющимъ его за сіе попущеніе отвѣчаю: что не ему, какъ подданному въ непоколебимой вѣрности къ своему государю пребывающему, прилично удерживать силу гражданскихъ законовъ, съ которыми соединена и его власть по духовному званію» [1]).

Если Сестренцевичъ терпѣлъ іезуитовъ, сочувствуя тѣмъ ученіямъ, которыя они проповѣдовали въ это время, и особенно покоряясь волѣ императрицы, то, конечно, гр. З. Гр. Чернышевъ и князь Потемкинъ, естественно, должны были сдѣлаться ихъ ревностными покровителями. Не одно ловкое ухаживанье за ними іезуитовъ, но именно воля императрицы, передъ мудростію которой они благоговѣли, была главною причиною этого покровительства. Въ 1773 г., графъ Броунъ, намѣстникъ лифляндскій, отъ 29 сентября писалъ императрицѣ: «Всевысочайшее вашего императорскаго величества щедро-матернее благоволеніе, писанное собственною вашего величества рукою, отъ 22 сент., коимъ всемилостивѣйше повелѣно: страждущихъ іезуитовъ, естьли изъ оныхъ въ сдѣшнемъ мѣстѣ кто явится, обнадежить всевысочайшею вашего императорскаго величества милостію, что они всякою безопасностію пользоваться могутъ въ Бѣлорусской губерніи, а какія имѣютъ дѣла или нужды, то-бъ адресовались къ его сіятельству, графу Захару Григорьевичу Чернышеву, мною всеподданнѣйше получено, а по оному надлежащее исполненіе чинено быть имѣетъ». Итакъ, сама Екатерина поручила іезуитовъ покровительству гр. Чернышева, какъ генералъ-губернатора присоединенныхъ отъ Польши областей. Когда Черневичъ задумалъ учредить новиціатъ и обратился съ просьбою къ нему, 29 сент. 1776 г., графъ Чернышевъ, лично доложивъ объ этомъ императрицѣ, по возвращеніи изъ Петербурга, такъ извѣщалъ о своемъ докладѣ генеральнаго викарія іезуитовъ, отъ 26 окт.: «Я и въ теперешнюю мою въ С.-Петербургѣ бытность удостоился слышать подтвержденіе ея императорскаго величества воли о соблюденіи сего ордена въ имперіи ея и объ учрежденіи новиціата въ одномъ изъ монастырей вашихъ въ Бѣлоруссіи, а притомъ принять изустное повелѣніе о употребленіи всѣхъ возможныхъ съ моей стороны средствъ къ надлежащему въ томъ споспѣшествованію. Излишне сталъ бы распространяться въ объясненіи сколь о семъ старанія мои стремительно сопутствуютъ при всякихъ обстоятельствахъ и отзывахъ вашихъ, тѣмъ паче, когда исполняю я тѣмъ высочайшее ея императорскаго величе-

[1]) Изображеніе происшествій въ духовенствѣ, въ Россіи пребывающемъ отъ того времени какъ поручено оное епископу, а нынѣ митрополиту Сестренцевичу-Богушу (въ Госуд. Архивѣ).

ства соизволеніе. Они вамъ точнѣе извѣстны изъ доказательствъ на самомъ дѣлѣ, нежели были бы изъ подробнѣйшаго сему описанія. Итакъ, остается только мнѣ наисущественнѣйше удостовѣрену быть, что признаніе цѣлаго общества вашего пребудетъ въ вѣки безпредѣльно въ толико милосердой монархинѣ, которая тогда, когда лишаютъ васъ прибѣжища и единозаконные и единомыслящіе и плодами трудовъ общества сего въ наукахъ обогащавшіеся, однимъ словомъ, тогда, когда и память его они истребить помышляютъ, пріемлетъ васъ, по словамъ евангелія — грядущаго ко мнѣ, не изжену вонъ, — въ свое покровительство, призираетъ на васъ въ день печали вашея и превращаетъ участь толико грозную, не только на счастливѣйшую, но и непоколебимую».

На это сообщеніе гр. Чернышева, Черневичъ, отъ всѣхъ іезуитовъ, отвѣчалъ пространнымъ и витіеватымъ письмомъ, въ которомъ, выражая чувства благодарности императрицѣ и генералъ-губернатору, просилъ, однакоже, исходатайствовать, чрезъ нашего посла въ Варшавѣ у нунція дозволеніе папы на учрежденіе новиціата. «По прилежномъ размышленіи о семъ дѣлѣ — писалъ Черневичъ — кажется, намъ не остается ни дѣйствительнѣйшаго, ни удобнѣйшаго къ достиженію средства, кромѣ сего: если, по милосердому вашего высокографскаго сіятельства предстательству къ ея имп. величеству, благоугодно будетъ именемъ всемилостивѣйшей государыни повелѣть его превосходительству, послу Штакельбергу, дабы онъ подалъ записку его преосвященству, нунцію римскому, находящемуся при польскомъ дворѣ въ Варшавѣ, съ такимъ, или къ сему подобнымъ выраженіемъ: какъ ея импер. величество многія милости и благодѣянія изволила оказать въ пользу католицкихъ церквей, въ государствѣ ея обрѣтающихся, то съ римской стороны надѣется такого для себя удовлетворенія, что безъ затрудненія захочитъ дозволить, чтобъ іезуиты бѣлорусскіе имѣли новиціатъ въ областяхъ помянутыхъ. И какъ *чинъ собранія нашего* по существу своему есть *духовный*, то безъ откровеннаго высочайшей духовной власти соглашенія, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ сего ордена, не можетъ воспользоваться монаршею благостію, милосердо оному, съ своей стороны, дозволяющею открыть новиціатъ». Конечно, іезуиты устроили потомъ новиціатъ и не получивъ разрѣшенія папы и въ это время, они очень хорошо знали, что и получить его не могутъ, потому что орденъ былъ уничтоженъ; но все-таки пытались выказать свою преданность Риму, въ виду будущаго времени.

Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Черне-

вичъ постоянно переписывался, какъ съ гр. Чернышевымъ, такъ и съ кн. Потемкинымъ, на французскомъ языкѣ,—а это письмо написалъ по-русски. Черневичъ понялъ, что генералъ-губернаторъ представитъ его письмо самой *русской* императрицѣ, и *Екатерина* обратитъ на это вниманіе. Онъ и не ошибся въ разсчетѣ. Препровождая государынѣ это письмо, гр. Чернышевъ писалъ: «Сколь ни пространно письмо о семъ провинціала, но для подробнѣйшаго усмотрѣнія пріемлю я смѣлость всеподданнѣйше представить при семъ точную съ него копію, ожидая высочайшаго вашего имп. величества повелѣнія, какой я въ утѣшеніе іезуитамъ отзывъ провинціалу ихъ сдѣлать долженствую». На донесеніи Чернышева императрица собственноручно написала: «что представленіи іезуитовъ бѣлорусскихъ пріемлются за благо и что, пока пожеланію ихъ совершится, о чемъ мало кладется сумнительства, повелѣваю имъ начать строеніе новиціата». Не можемъ не привести начала письма Черневича къ гр. Чернышеву, какъ образца, въ какихъ выраженіяхъ іезуиты описывали дѣйствія Екатерины: «Щедро взыскивать тѣхъ, кои не находятся въ состояніи, чтобы достаточнымъ образомъ возблагодарить могли, есть великодушіе, достоинствомъ своимъ касающееся самого неба, которое дѣйствіемъ планетъ и сихъ сіяніемъ изобильно втекаетъ къ оживленью и обогащенью дарованіями своими земныхъ стихій, хотя отъ нихъ никакой прибыли ни почерпать, ни требовать не можетъ. Се есть такая добродѣтель, какой на земли по сю пору неудобно было сыскать, пока *свыше не пожаловала та богиня*, которую вся вселенная почитаетъ и со удивленіемъ прославляетъ въ лицѣ великой Екатерины. Се есть качество, свойственное ея только величеству по великимъ дѣламъ и силѣ всегда побѣдительной, знаменитому, не меньше того по благоутробію и щедрости всеобщими похвалами до самыхъ небесъ возвышенному. Подлинно знаемъ мы почитать цѣну взысканій, коими несравненная благость всемилостивѣйшей монархини соблаговолила милосердо предупредить всѣ наши заслуги; знаемъ, сколь много и сколь пріятно обязаны мы, даже до истощенія силъ, чтобы засвидѣтельствовать о сей должное передъ небомъ и передъ землею признаніе; знаемъ сіе обязательство наше, чтобы во всей вселенной возвеличивать и прославлять то великое имя, котораго одно только воспоминаніе отъ благодарности изливаетъ изъ внутренностей нашихъ пріятныя слезы и чтобы ко услугамъ сего великаго имени и труды, и силы, и здоровье, паче же и жизнь нашу жертвовать. Но когда все сіе, по мѣрѣ силъ нашихъ, учинить тщимся, то можетъ ли сіе имѣть такое достоинство, чтобъ находилось въ состояніи сравниваться высокой цѣнѣ

той благости, которую ея имп. величество столь великодушно и милосердо намъ оказуетъ?»

Покровительство гр. Чернышева, какъ мѣстнаго начальника края, гдѣ находились іезуитскія учрежденія, конечно, ограничивалось извѣстными предѣлами и потому казалось недостаточнымъ для іезуитовъ. Имъ нужно было болѣе сильное и широкое покровительство, которое они и пріобрѣли въ лицѣ кн. Потемкина. Въ сочиненіи о. Морошкина подробно изложены отношенія къ нему іезуитовъ и, между прочимъ, замѣчено: «Въ Москвѣ, въ 1784 г., появилась книжка, заключавшая въ себѣ правдивую исторію общества Лойолы и предостерегавшая русское общество отъ опасности, угрожающей ему отъ мрачнаго и лукаваго ордена; книжка, кажется, явилась безъ имени автора; іезуиты встрепенулись и испугались вѣрнаго изображенія себя въ этомъ сочиненіи, и ударили въ набатъ. Само собою разумѣется, прежде всего бросились къ Потемкину и чрезъ него выхлопотали высочайшее повелѣніе объ изъятіи изъ употребленія всѣхъ экземпляровъ этой книги». Въ дополненіе къ этому извѣстію мы приведемъ подлинное письмо, отъ 15 сент. 1784 г., которое писалъ по этому случаю Черневичъ къ кн. Потемкину: «Послѣ могущественнаго покровительства, которымъ милостиво пользуются іезуиты во всѣхъ областяхъ ея величества императрицы и которое сдѣлалось извѣстнымъ во всей вселенной, казалось бы, что никто не можетъ нападать на нихъ, не оскорбляя нѣкоторымъ образомъ власти государыни, столь достойной уваженія. Не потому только, что это касается собственно до насъ, но по долгу признательности и вѣрноподданства ея величеству императрицѣ, нашей милостивой государыни, я считаю долгомъ сообщить вашей свѣтлости извѣстіе, полученное нами изъ Москвы. Тамъ начали печатать, въ прибавленіи къ газетѣ, съ 28 августа текущаго года, № 69-й и слѣдующіе, такія свѣдѣнія, которыя не только могутъ возбудить къ намъ ненависть въ обществѣ, но и представить въ презрѣнномъ видѣ святого основателя нашего ордена. Если ваша свѣтлость только прочтете, то сами усмотрите справедливость моего донесенія. Усердіе вашей свѣтлости къ поддержанію и исполненію высокихъ велѣній ея императорскаго величества и ваша особенная милость, которою мы имѣемъ честь пользоваться, даетъ намъ право всего надѣяться въ этомъ прискорбномъ для насъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, когда бы ни пришлось намъ умолять о благосклонной помощи. Нашъ же долгъ состоитъ въ томъ, чтобы молить небо о продленіи вамъ долгой жизни и постояннаго благополучія» [1]).

[1]) Après la plus puissante protection, dont Sa M-té L'Impératrice a fait gracieuse-

Это любопытное письмо показываетъ, къ какимъ средствамъ способны были прибѣгать іезуиты противъ тѣхъ, которые хотѣли обличать ихъ дѣйствія. Литературныя нападки на нихъ они желали выставить въ глазахъ русскаго правительства не малоне много, какъ преступленіемъ противъ величества—crimen lęsae majestatis!

Широко развивая свою дѣятельность въ Россіи, іезуиты однакоже постоянно обращали свои взоры къ Риму и съ тѣхъ поръ, какъ измѣнилась политика римскаго двора въ отношеніи къ нимъ, и образъ дѣйствій іезуитовъ въ отношеніи къ Риму долженъ былъ измѣниться. Конечно, они своевременно узнали объ этой перемѣнѣ и, въ ожиданіи скораго возстановленія ордена, начали дѣйствовать смѣлѣе. Мы уже замѣтили, что не покоряясь папѣ, главѣ латинской церкви, могли-ли они примириться съ мыслью о покорности епископу или митрополиту и ограничивать свои дѣйствія тѣсными предѣлами епархій и областей. Первою попыткою іезуитовъ, въ новомъ направленіи, было желаніе избрать генерала, который, само собою разумѣется, дѣйствовалъ-бы независимо отъ митрополита. Эта попытка имъ совсѣмъ-было удалась въ послѣдніе годы царствованія Екатерины; но умѣвшая ихъ держать въ рукахъ императрица, при содѣйствіи Сестренцевича, скоро поняла ихъ цѣли и ограничилась дозволеніемъ избрать генеральнаго викарія, подтвердивъ при этомъ случаѣ, что генераломъ всѣхъ монашескихъ орденовъ латинской церкви въ имперіи считается архіепископъ Сестренцевичъ. Но, что не удалось при ней, то могло удаться впослѣдствіи. Царствованіе императора Павла I-го представляетъ постоянную борьбу іезуитовъ съ архіепископомъ,

---

ment jouir les Jésuites dans ses états, s'est rendue la plus déclarée dans l'univers, il semble que personne ne les y pourrait attaquer sans blesser en quelque façon l'autorité d'une Souveraine si réspectable. Ce n'est donc pas seulement par l'intérêt qui nous touche, mais aussi par la réconaissance et la fidelité dûe à Sa M-té Impératrice, notre très-auguste Souveraine que je me crois en devoir de rapporter à votre altesse sérénissime ce que nous venons d'apprendre de Moscou. On y a commencé d'imprimer dans le supplement à la gazette de 28 août de l'année présente, N-ro 69 et dans les suivants, ce qui doit non-seulement nous rendre les plus odieux au publique, mais aussi le St. Instituteur de notre ordre le plus méprisable. Si vous le lisez une fois, Monseigneur, vous y verrez la verité de cette dénonciation. Le zèle de votre altesse sérénissime pour soutenir et faire exécuter les volontés suprêmes da sa majesté impériale et sa très—particulière bonté, dont elle nous honnore, nous fait tout espèrer dans cette facheuse rencontre, aussi bien qu'en toute autre, ou il y aurait lieu d'implorer ses favorables secours. Ce qui est de devoir de notre part, c'est de continuer nos voeux au ciel pour sa vie la plus longe et pour ses prospérités le plus constantes. Dans cette obligation je m'avoue avec la plus profonde vénération... Вся эта переписка хранится въ Госуд. Архивѣ.

которая подробно и обстоятельно изложена, на основаніи многихъ новыхъ и неизвѣстныхъ доселѣ источниковъ, въ сочиненіи о. Морошкина. Эта борьба окончилась тѣмъ, что Сестренцевичъ былъ изгнанъ изъ Петербурга, іезуиты захватили въ свои руки все управленіе латинскою церковью въ Россіи и овладѣли исключительнымъ вліяніемъ на правительство. Съ тѣхъ поръ широко развились ихъ замыслы на всю Россію. Они хотѣли доказать Риму, что въ то время, когда онъ преслѣдовалъ своихъ вѣрныхъ слугъ, они завоевали ему новый міръ и готовы сдѣлаться снова передовымъ отрядомъ его воинства.

Но, на окончаніи царствованія императора Павла останавливается разсматриваемое нами сочиненіе, поэтому и мы должны остановиться. Въ предисловіи къ своей книгѣ, о. Морошкинъ говоритъ: «Наша отечественная литература объ іезуитахъ въ Россіи не многотомна, представляетъ какихъ-нибудь два-три сочиненія, но за то—безъ преувеличенія можно сказать—могущія составить славу и честь какой угодно изъ европейскихъ литературъ, какъ, напримѣръ, сочиненія Тургенева (подъ псевдонимомъ Lutteroth), Гр. Толстаго и Самарина.» Къ этому намъ остается прибавить, что къ указаннымъ тремъ сочиненіямъ прибавилось четвертое, самого о. Морошкина, которое, по нашему мнѣнію, достойно обратить на себя не меньшее вниманіе.

А. Поповъ.

ВОПРОСЪ

О КЛАССИЧЕСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ

ВЪ АНГЛІИ.

Нельзя не удивляться въ исторіи Англіи и ея цивилизаціи той изумительной послѣдовательности, съ которою тамъ развиваются, растутъ и формулируются идеи, взгляды, нравы, сообразно съ ходомъ и измѣненіемъ политическаго склада этой страны. Билль о реформѣ въ нынѣшнемъ году въ первый разъ легъ тамъ основою новаго политическаго порядка вещей, хотя самая идея расширить участіе въ дѣлахъ государственныхъ бо́льшаго числа населенія — уже давно занимала общественное мнѣніе страны. Въ связи съ этимъ биллемъ явилось въ послѣдніе годы настоятельное убѣжденіе въ необходимости преобразовать и самое содержаніе народнаго образованія. Такъ вмѣстѣ съ древнимъ исключительно-сословнымъ порядкомъ тамъ исчезнетъ и средневѣковой методъ образованія, построенный исключительно на школьномъ знаніи латинскаго и греческаго языка. По этому поводу англійская литература заявила себя громко въ пользу новыхъ идей. Изъ всего сказаннаго и написаннаго въ Англіи въ послѣднее время обращаетъ на себя особенное вниманіе обстоятельная статья Т. Фоулера (T. Fowler), которую авторъ помѣстилъ въ «Fortnightly Review» (Двухнедѣльное Обозрѣніе), въ одномъ изъ нумеровъ этого извѣстнаго журнала за прошлый годъ.

Авторъ ставитъ прямо вопросъ: должно ли продолжать учить латинскому и греческому языку, или нѣтъ? Отвѣтъ, представленный имъ, не лишенъ интереса и для насъ, а потому мы постараемся

представить въ извлеченіи тѣ результаты, къ которымъ пришелъ авторъ, въ виду новыхъ потребностей современнаго общества.

Поставленный нами вопросъ — говоритъ авторъ въ началѣ своей статьи — показался бы дерзкимъ въ былое время, а теперь мы относимъ его къ числу самыхъ насущныхъ предметовъ дня. Уже не въ первый разъ говорятъ преподавателямъ древнихъ языковъ, что они учатъ тому, что́ не представляетъ теперь интереса для человѣчества, и что методъ ихъ преподаванія таковъ, что посредствомъ его нельзя изучить ни одного предмета.

На это также часто получался отвѣтъ, что только незнаніе древнихъ языковъ и незнакомство съ цѣлями и методами воспитанія могутъ породить подобное возраженіе. Но вотъ наконецъ появляется цѣлая фаланга нападающихъ на классическое образованіе и изъ такого лагеря, откуда никогда не ждали ничего подобнаго. Множество лицъ, изъ которыхъ большая часть получила высшія ученыя степени за изученіе древнихъ языковъ, соединилось для болѣе или менѣе рѣзкаго нападенія не только на преобладающіе методы, но даже и на господствующіе предметы нашего обыкновеннаго школьнаго образованія.

Всякое ученіе можно защищать, или потому, что оно можетъ сдѣлаться полезнымъ промысломъ, или потому, что оно приспособлено къ тому, чтобы возбудить умственные интересы учащихся, или потому, что оно составляетъ средство для пріобрѣтенія другихъ знаній, или, наконецъ, потому, что оно служитъ орудіемъ умственнаго развитія. Если древніе языки, опираясь на первомъ изъ вышеозначенныхъ основаній, требуютъ своей доли участія въ общемъ образованіи, то положеніе ихъ нельзя не признать плохимъ.

Намъ уже убѣдительно доказали, что юристамъ, докторамъ, химикамъ и ученымъ вообще нужно самое легкое поверхностное знаніе латинскаго языка. Небольшое знаніе грамматики и хорошій словарь достаточны для удовлетворенія ихъ классическихъ нуждъ.

Духовному лицу, если продолжать думать, что теологія составляетъ часть его обязательныхъ занятій, разумѣется, необходимо нѣкоторое знаніе латинскаго и греческаго языковъ, но греческій и латинскій языки отцевъ церкви, а не греческій языкъ Платона и латинскій Цицерона нужно изучать будущему служителю церкви.

Для антикварія, для филолога, для историка, для человѣка съ разнообразными литературными занятіями знаніе латинскаго или греческаго языка, а въ иныхъ случаяхъ и обоихъ, можетъ быть потребностью самой ихъ профессіи.

Но число людей, занимающихся литературой, какъ средствомъ къ жизни, въ нашей странѣ будетъ всегда незначительно, и едва ли можно издавать законы для нихъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы воспитанія. Для людей же другой профессіи, не духовной и не литературной, классическое образованіе совершенно безполезно.

Судя по результатамъ, древніе языки, конечно, не приспособлены къ тому, чтобы возбуждать умственные интересы въ обыкновенномъ ученикѣ. Мальчикъ, оставляющій школу пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, зная только немножко по-латыни и по-гречески, съ прибавленіемъ къ этому скудныхъ свѣдѣній изъ математики, вѣроятно, не перенесетъ въ свою послѣдующую жизнь спльной преданности литературному труду.

Умственная сторона его школьной жизни была просто ломовою работою.

Виргилій и Гомеръ, если они когда-нибудь и придутъ ему въ голову, то преимущественно въ видѣ путаницы, изобрѣтенной для пытки мальчиковъ. Привлекательность всѣхъ книгъ, можетъ быть за исключеніемъ романовъ, будетъ для него измѣряться привлекательностью латинской и греческой грамматики, «Delectus» и «Excerpta».

Въ древнихъ писателей, каковы бы ни были мечты педантовъ, онъ конечно никогда не заглянетъ впослѣдствіи.

Къ наукѣ, исторіи, политикѣ, англійской литературѣ его интересъ не былъ возбужденъ и, слѣдовательно, если не представятся какія-нибудь благопріятныя обстоятельства, которыя пробудятъ его изъ той умственной летаргіи, то ему предназначено передать другому поколѣнію скучную нелѣпую рутину жизни англійскаго средняго класса. Я убѣжденъ, что мы можемъ приписать нашему столь глубоко чтимому классическому образованію то отсутвтвіе ума и живости, которое такъ характеризуетъ нѣкоторые слои англійскаго общества и такъ отличаетъ ихъ отъ тѣхъ же самыхъ слоевъ французскаго и нѣмецкаго общества.

Учителю не удалось сообщить ученику сколько-нибудь полезное знаніе латинскаго и греческаго языковъ или возбудить сочувствіе къ идеямъ древности, за то онъ, можно сказать успѣлъ выпустить ученика изъ школы безъ всякихъ другихъ свѣдѣній и безъ всякихъ другихъ интересовъ. Конечно, другое дѣло съ болѣе успѣвшими учениками. Классическое образованіе, если только оно продолжается достаточно времени и если къ нему не принуждаютъ неспособныхъ и нежелающихъ учиться, можетъ возбудить охоту къ изученію не только древней литературы, построенія древнихъ языковъ; но и къ литературѣ, филологіи, исторіи, политикѣ и философіи вообще. Интересъ къ опытнымъ наукамъ оно не можетъ возбудить потому, что воззрѣнія

древнихъ на эти науки такъ далеки отъ нашихъ, что между ними нѣтъ никакого отношенія. Только человѣкъ, уже хорошо знакомый съ физикой, вздумаетъ имѣть ученыя сочиненія Аристотеля и Плинія по этому предмету.

Филологическій интересъ рѣдко возбуждается изученіемъ новыхъ языковъ; нельзя не замѣтить при этомъ однако, что ни на одинъ изъ новѣйшихъ языковъ и не было потрачено такой суммы критической оцѣнки. Но въ здравомъ умѣ, литературный интересъ можетъ быть точно также дѣйствительно возбужденъ изученіемъ Гомера, Виргилія и Эсхила, какъ и изученіемъ Шекспира, Мильтона и Данте; хотя, быть можетъ, въ первые годы умственнаго развитія, поэзія древнихъ понятнѣе и доступнѣе нежели болѣе сложная и отражающая общественную жизнь поэзія французской революціи и временъ возрожденія. Для возбужденія политическаго и историческаго интереса латинскіе и греческіе писатели имѣютъ дѣйствительно особую цѣну.

Свободная игра политической жизни и разнообразіе системъ правленія классической древности придаетъ исторіи латинскихъ и греческихъ народовъ очарованіе, составляющее пріятную противоположность скучному однообразію новѣйшей монархіи или утомительной исторіи средневѣковыхъ бароновъ. Гоббезъ могъ основательно жаловаться, что изученіе классиковъ привело людей къ тѣмъ пагубнымъ воззрѣніямъ на свободу и на права подданнаго, противъ которыхъ онъ приготовлялся бороться.

Все-таки нужно прибавить, что этотъ интересъ можетъ быть возбужденъ только разумнымъ изученіемъ классическихъ подлинниковъ, изученіемъ, которое будетъ разсматривать ихъ какъ произведенія, имѣющія общечеловѣческій интересъ, и которое не ограничится только толкованіемъ грамматическихъ правилъ.

Значеніе латинскаго и греческаго языковъ, какъ средства для пріобрѣтенія другихъ знаній, сильно преувеличено. Въ эпоху возрожденія они были ключами, которые открывали почти всѣ двери въ сокровищницу знанія, и, безъ сомнѣнія, скорѣе это обстоятельство, нежели философская оцѣнка ихъ значенія, какъ умственной дисциплины, доставило имъ ту почти исключительную власть въ европейскихъ грамматическихъ школахъ и въ университетахъ, которую они удерживаютъ за собой и теперь въ Англіи. То, что́ мы называемъ физикой, едва существовало въ то время. Математика ограничивалась ариѳметикой и геометріей съ ихъ наиболѣе простыми приложеніями.

За единственнымъ исключеніемъ «Божественной Комедіи» (Divina Comedia) Данте, новѣйшіе языки не обладали тогда ни однимъ произведеніемъ, которое можно бы было поставить на ряду съ образцовыми произведеніями древности. Вся логическая и метафизическая утончен-

ность, въ которой упражнялись лучшіе умы среднихъ вѣковъ, сама воплотилась въ латинской формѣ. Нечему и удивляться послѣ этого, что основатели и возстановители школъ въ эпоху возрожденія литературы считали главной цѣлью элементарнаго образованія открытіе своимъ ученикамъ этихъ безцѣнныхъ сокровищъ, которыя вся Европа въ то время издавала и читала, и къ которымъ писала толкованія.

Но теперь, когда математическія, физическія и соціальныя науки достигли такого широкаго развитія, когда французская, нѣмецкая и англійская литературы сдѣлались неизмѣримо обширнѣе по объему, когда къ Данте прибавились еще Шекспиръ, Мильтонъ и Гете, нельзя долѣе утверждать, что храмъ зданія открытъ только тому, кто прошелъ предварительно чрезъ школу классическаго образованія.

Намъ говорятъ иногда, что знаніе латинскаго языка есть лучшее основаніе при изученіи языковъ, происходящихъ отъ него. Если бы кто-нибудь пожелалъ изучить всѣ романскіе языки (что вѣроятно случается не часто), то, безъ сомнѣнія, съ его стороны было бы очень благоразумно поставить себѣ основой изученіе латинскаго языка. Сверхъ того, можно согласиться, что для полной критической оцѣнки построенія одного изъ этихъ языковъ необходимо знаніе латинскаго языка. Но если учитель ученику, желающему учиться, положимъ по-французски и по-итальянски, или по-французски и по-испански съ простою цѣлью читать, писать и говорить на этихъ языкахъ, сказалъ бы: «вы должны прежде выучиться латинскому языку», то это было бы также нелѣпо, какъ со стороны англійскаго учителя было бы нелѣпостью сказать молодому французу или нѣмцу: «прежде, нежели я возьмусь учить васъ по-англійски, вы должны выучиться по-англо-саксонски». Почти также нелѣпо утверждать, что знаніе латинскаго языка необходимо для пониманія техническихъ терминовъ науки. Что такое знаніе служитъ нѣкоторой помощью—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но смыслу научныхъ терминовъ не всегда можно научиться изъ ихъ этимологіи, а скорѣе изъ хорошаго, научнаго словаря или справочной книги.

Но доводъ, на которомъ защитники классическаго образованія, кажется, думаютъ теперь главнымъ образомъ основываться, это та умственная дисциплина, которую оно доставляетъ, по ихъ мнѣнію. Утверждая, что умственное развитіе, а не сообщеніе полезныхъ свѣдѣній должно быть главной цѣлью воспитанія, они присвоиваютъ себѣ положеніе, котораго ни одинъ компетентный судья не станетъ оспаривать.

Положимъ, что классическое образованіе даетъ умственную дисциплину; но тѣ, которые нападаютъ на его преобладаніе, безъ сомнѣнія, правы, задавая такіе вопросы: лучшую ли дисциплину даетъ оно, и не могло ли бы оно, въ соединеніи съ другими науками, дать еще лучшую чѣмъ теперь, когда оно служитъ единственнымъ предме-

томъ занятія? Единственная возможность правильно отвѣтить на эти вопросы, это—принять во вниманіе всѣ различныя способности ума, изслѣдовать, что́ можетъ служить лучшей гимнастикой для каждой изъ этихъ способностей. Но какъ время для воспитанія ограничено, то здѣсь еще остается практическая трудность опредѣлить: въ какой степени должны быть соединены различные предметы ученія и какіе изъ нихъ могутъ быть, съ меньшимъ вредомъ для умственнаго развитія, выкинуты изъ учебнаго курса. Разсмотримъ же различныя требованія воспитанія поочередно.

а) Начнемъ со способности наблюденія.

Очевидно, что классическое образованіе нисколько не можетъ имѣть притязанія развить необходимую на разныхъ поприщахъ жизни привычку наблюдать точно и охотно свойства внѣшнихъ предметовъ, привычку приносящую столько же пользы, сколько и наслажденія въ жизни. Изъ двухъ людей одинъ видѣлъ можетъ быть, какъ передъ нимъ сто разъ дѣлали какое-нибудь дѣло, и все-таки не въ состояніи сдѣлать его самъ, другому достаточно видѣть его только одинъ разъ.

Два человѣка могутъ совершать одну и туже прогулку — одного будетъ грызть скука, между тѣмъ какъ другой найдетъ интересъ въ каждомъ цвѣткѣ и въ каждомъ камешкѣ лежащемъ на пути. Дисциплины, приспособленной къ тому, чтобы создать эту привычку, очевидно нужно искать не въ древнихъ языкахъ, но въ различныхъ отрасляхъ наукъ естественныхъ. Другое, быть можетъ, самое важное примѣненіе способности наблюденія: наблюденіе человѣческихъ обычаевъ, страстей и нравовъ принадлежитъ скорѣе къ нравственной и соціальной, нежели къ умственной сторонѣ воспитанія. Но иное дѣло — наблюденіе литературныхъ достоинствъ и недостатковъ, точнаго значенія и размѣщенія словъ, распредѣленія изрѣченій, красотъ слога. Для этого рода наблюденія, посредствомъ котораго мы можемъ составить себѣ сужденіе о достоинствахъ произведенія письменнаго или словеснаго, можетъ быть еще до сихъ поръ не найдено лучшаго воспитательнаго средства, какъ изученіе древнихъ языковъ. Богатство ихъ словарей, особенно греческихъ, остроумная система измѣненія окончаній, почти неуловимые оттѣнки отличающіе другъ отъ друга многіе изъ ихъ словъ и фразъ, принуждаютъ ученика, при попыткѣ перевести заданнаго ему автора и понять его, употреблять такую сумму вниманія и анализа, какой не потребуетъ изученіе ни одного новѣйшаго языка.

Въ красотѣ и утонченности слога, наши новѣйшіе писатели большею частью настолько уступаютъ своимъ классическимъ предшественникамъ, насколько въ свою очередь они выше ихъ вообще по своей силѣ и многосторонности.

б) Память можно рѣзко разграничить на память, удерживающую слова, и на память, удерживающую факты. Въ литературѣ мы находимъ средство, приспособленное къ тому, чтобы воспитать первую, въ фактахъ исторіи и естественныхъ наукъ средства для воспитанія второй. Разумѣется, что для воспитанія памяти словъ латинская и греческая литературы также полезны, какъ и всѣ другія, и въ тоже время исторія Рима и Греціи даетъ достаточное количество интересныхъ фактовъ, чтобы пріучить ученика припоминать характеръ и послѣдовательную связь событій. Но существующая система воспитанія угрожаетъ скорѣе опасностью перевоспитать память, нежели недовоспитать ее.

Для учителя гораздо легче выслушивать отъ своихъ учениковъ имена и отрывки, повторяемые наизусть, нежели останавливаться на разумной оцѣнкѣ изучаемыхъ предметовъ. Со стороны воспитанника требуется гораздо менѣе усилій для отягощенія памяти громаднымъ количествомъ словъ или фактовъ, нежели для упражненія воображенія или ума; такъ что едва ли найдется лучшій масштабъ для оцѣнки неспособности учителя и лѣности ученика, какъ отношеніе, въ которомъ будетъ находиться упражненіе памяти къ развитію ума. Но все-таки упражненіе памяти, какъ основы, не въ ущербъ развитію другихъ способностей ума, составляетъ безспорно необходимую отрасль воспитанія. И можетъ быть въ первые годы школьнаго труда всего полезнѣе развивать память. Но именно въ то самое время болѣе всего угрожаетъ опасность отяготить ее чрезъ мѣру. Заучивать слова, не понимая ихъ смысла, или заучивать факты не научившись понимать связь между ними—есть самый вредный методъ обученія ребенка. Обычай задавать наизусть цѣлыя страницы для повторенія на языкѣ, не совершенно извѣстномъ, а можетъ быть, и вовсе незнакомомъ или заучивать рядъ трудныхъ именъ изъ того, что́ называютъ грамматикой, географіей или исторіей, вѣроятно, и составляютъ главную причину, по которой столько дѣтей, подающихъ сначала хорошія надежды относительно умственныхъ способностей, превращаются впослѣдствіи въ глупыхъ и безпомощныхъ людей. Изъ двухъ родовъ памяти, память словъ, если она развита черезъ мѣру, наиболѣе вредна. Возможность сослаться, какъ на авторитетъ, на слова знаменитаго писателя (особенно, если онъ на иностранномъ языкѣ), вмѣсто того, чтобы разсуждать самому, всегда представляетъ сильное искушеніе, и для многихъ ultima ratio, за которымъ уже невозможны дальнѣйшія доказательства. Старая метода учить латинскому и греческому языкамъ, метода, которая не умерла еще до сихъ поръ, казалось, была приспособлена къ тому, чтобы задавить всякую искру ума и своеобразности. Часто давали правила грамматики и технической фразеологіи заучивать

наизусть на иностранномъ языкѣ прежде, нежели смыслъ словъ былъ знакомъ ученику.

Когда же онъ успѣвалъ нѣсколько въ знаніи языка, то, вмѣсто того чтобы вести его къ упражненію высшихъ способностей ума надъ собранными имъ матеріалами далѣе, память его, и безъ того чрезмѣрно развившуюся, напрягали повтореніемъ въ громадномъ количествѣ ipsissima verba древнихъ авторовъ.

Эта безсмысленная метода ученія была скорѣе внушена мыслью объ удобствѣ и спокойствіи учителя, нежели о выгодѣ ученика. Теперь она исчезаетъ такъ быстро, что ее нельзя уже долѣе считать возраженіемъ противъ изученія древнихъ языковъ.

в) Перейдемъ къ способности отвлеченія.

Здѣсь не можетъ быть и вопроса о томъ, что изученіе математики особенно способствуетъ развитію этой способности. Мы можемъ цѣлые часы заниматься рядомъ математическихъ разсужденій, совершенно независимыхъ отъ внѣшнихъ причинъ. Мы какъ будто описываемъ для себя особенную площадь круга и можемъ строго держаться въ ея границахъ; въ то же время мы находимъ достаточно занятія, чтобы усилить нашу энергію на долгое время и до величайшей степени. Тоже самое случается въ меньшей степени при попыткахъ выяснить смыслъ автора или передать выраженія одного языка на другой, а можетъ быть еще чаще въ филологіи, или при научномъ изученіи языковъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ примѣшивается докучный элементъ, происходящій отъ разнообразія въ свойствѣ словъ и ихъ сочетаній, элементъ, который мѣшаетъ намъ посвятить все наше вниманіе лежащему передъ нами матеріялу въ такой степени, какъ при символическихъ выводахъ математики.

Взаимная зависимость длинной цѣпи разсужденій также даетъ болѣе серьезное напряженіе вниманію, а слѣдовательно и способности отвлеченія, нежели отдѣльныя усилія, потребныя для того, чтобы овладѣть смысломъ страницы, или отыскать связь между группой словъ. Поэтому нѣкоторое знаніе элементарной математики должно непремѣнно войти въ составъ хорошо обдуманнаго курса воспитанія.

г) Воображеніе можно образовать каждою отраслью литературы и науки, которая пріучаетъ умъ къ великимъ идеямъ. Главные факты астрономіи или геологіи, или даже высшія отрасли математики, могутъ столь же сильно возбуждать воображеніе, какъ и выспреннія паренія поэзіи. Но поэзія имѣетъ то преимущество, что она за одно образовываетъ воображеніе и вкусъ. Если это мнѣніе справедливо относительно поэзіи вообще, то оно особенно справедливо относительно классической поэзіи.

Можетъ быть, въ Шекспирѣ и Данте больше воображенія, нежели

въ Гомерѣ и Эсхилѣ; но въ утонченности и въ изяществѣ наши поэты до сихъ поръ еще уступаютъ поэтамъ Аѳинъ и Рима. Можетъ быть, самое изобиліе нашей современной поэзіи составляетъ причину ея шероховатости и недостатка отдѣлки; лучшее средство исправить эти недостатки заключаются въ постоянномъ изученіи классическихъ образцевъ.

д) Привычка, которой болѣе всего недостаетъ большинству людей, есть именно привычка мыслить. Многимъ такое утвержденіе можетъ показаться парадоксальнымъ; но кто приметъ въ соображеніе ту массу нелѣпостей и противорѣчій, съ которой во всѣ вѣка почти соглашалось громадное большинство даже образованныхъ классовъ, чтобы только не брать на себя труда доискиваться истины, тотъ скорѣе удивится тому, что самыя мрачныя суевѣрія и самыя грубыя страсти могли разсѣяться, нежели тому, что онѣ успѣли держаться такъ долго. Дѣло въ томъ, что значительная внѣшняя полировка, дѣйствительная охота къ чтенію и любознательность могутъ существовать въ одномъ и томъ же человѣкѣ, рядомъ съ полнѣйшимъ отсутствіемъ привычки мыслить. Поэтому развитіе и воспитаніе этой привычки должно быть не только одной изъ цѣлей, но главной цѣлію высшаго образованія. Для достиженія этой цѣли, изученіе опытныхъ естественныхъ наукъ, по мнѣнію многихъ, недостаточно; одна философія можетъ дать въ этомъ отношеніи достаточный матеріялъ и достаточныя средства образованія. Правда, всякую науку и на дѣлѣ каждый фактъ можно разсматривать съ философской точки зрѣнія. Но одно научное изученіе человѣка, общества и условій знанія, составляетъ философію въ точномъ и собственномъ значеніи этого слова. Можетъ ли классическая литература удовлетворить этому главному требованію воспитанія?

Конечно, можетъ; но не удовлетворяетъ при обыкновенномъ принятомъ способѣ занятія ею. Классическая литература содержитъ не только матеріалъ для изученія философіи; но въ нѣкоторомъ смыслѣ лучшій матеріалъ. Всѣ философскія системы трехъ послѣднихъ вѣковъ касаются болѣе или менѣе близко богословскихъ и политическихъ споровъ нашего времени. Поэтому студентъ философіи, находясь подъ вліяніемъ образовавшихся въ немъ предразсудковъ, невольно получаетъ заранѣе предубѣжденіе противъ какой-нибудь особенной теоріи, или способа доказательствъ. Но древняя философія стоитъ на нейтральной почвѣ. Изученіе ея можетъ, а во всякомъ умномъ студентѣ должно—измѣнить, расширить, гуманизировать взгляды на всѣ наиболѣе важные предметы новѣйшаго философскаго спора. Темы, разсматриваемыя въ древней философіи, большею частью не касаются непосредственно предметовъ спора новѣйшаго времени, и

даже тамъ, гдѣ есть тождество сюжета, способъ разсмотрѣнія его у древнихъ такъ отличается отъ нашего, что самый робкій ученикъ можетъ безопасно разбирать доказательства, не смотря на то, согласенъ ли онъ съ заключеніемъ или отвергаетъ его. Поэтому древняя философія доставляетъ именно то, что́ наиболѣе необходимо для гимнастики ума, предметы человѣческаго и прочнаго интереса, противъ которыхъ въ такомъ видѣ, какъ они постановлены въ древней философіи, ученикъ еще не успѣлъ составить себѣ непреодолимыхъ предубѣжденій, цѣлый рядъ остроумныхъ доводовъ, положительныхъ и отрицательныхъ, изслѣдующихъ каждую сторону вопроса и наконецъ, безпристрастіе въ взвѣшиваніи достоинствъ противоположныхъ между собою теорій, которое рѣдко можно найдти у новѣйшихъ писателей по однороднымъ предметамъ. Къ этимъ причинамъ превосходства можно прибавить, въ отношеніи Платона, а до нѣкоторой степени и Цицерона, красоту слога и прелесть выраженія, которая можетъ увлечь къ занятіямъ философіею даже мало сочувствующихъ этому предмету учениковъ. Но не одни древніе философы могутъ служить къ развитію мышленія. Какъ древняя философія отличается большею художественностію, чѣмъ новѣйшая, такъ и древняя литература въ цѣломъ заключаетъ въ себѣ болѣе философскаго элемента. Чтеніе произведеній Софокла, Ѳукидида, Тацита, Лукреція, можетъ не внушить развѣ слабому и поверхностному ученику матеріала для размышленія о самыхъ отвлеченныхъ и высшихъ предметахъ человѣческой мысли. Классическое образованіе находилось бы въ плачевномъ несовершенствѣ, если бы оно не включало въ свой курсъ изученія философовъ; но даже древніе историки, ораторы, поэты, если ихъ изучать подъ разумнымъ руководствомъ, даютъ высшее воспитаніе уму, нежели новѣйшіе писатели, за исключеніемъ, разумѣется, лучшихъ именъ въ англійской литературѣ.

е) Перейдемъ наконецъ къ способности выражать свои мысли. Такъ какъ въ Англіи мы выражаемъ наши мысли по-англійски, то можно было бы, разумѣется, предположить, что изученіе родного языка и родной литературы есть самое простое и самое дѣйствительное средство пріобрѣсти способность выражаться точно и правильно. До сихъ поръ еще намъ говорятъ иногда серьезно, что умѣнье писать по-англійски не можетъ быть пріобрѣтено безъ предварительнаго умѣнья писать по-латыни. Между тѣмъ, многіе изъ лучшихъ писателей и ораторовъ Англіи вѣроятно во всю жизнь не писали ни одной строчки на латинскомъ языкѣ; нѣкоторымъ же изъ нихъ было бы даже трудно растолковать простое изрѣченіе Цицерона или Ксенофонта.

Не смотря на то, можно однако допустить, что основательное

знакомство съ словаремъ и построеніемъ древнихъ языковъ и даже навыкъ въ искусствѣ писать на нихъ сочиненія, у людей съ обыкновенными способностями, можетъ образовать болѣе тщательный слогъ и большую точность въ употребленіи выраженій, нежели какая замѣчается у большинства англійскихъ писателей и ораторовъ.

Изъ этого обозрѣнія цѣли воспитанія и предметовъ, болѣе другихъ приспособленныхъ къ достиженію ея, очевидно, что я придаю огромное значеніе латинскому и греческому языкамъ, какъ орудіямъ только *высшаго образованія*. Въ преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ я включаю при этомъ изученіе литературы столько же, какъ и языка, философіи, столько же, какъ поэтовъ и ораторовъ. Но изученіе латинскаго и греческаго языковъ для цѣлей высшаго образованія не даетъ однако повода къ ихъ безразличному допущенію въ систему общаго образованія. Настаивать на томъ, чтобы учить имъ мальчика, который вѣроятно скоро оставитъ школу, на дѣлѣ значитъ отказывать ему во всякомъ образованіи. Можно бы было поставить за неизмѣнное общее правило, ни одного мальчика, оставляющаго школу пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, никогда не учить латинскому языку, ни одного мальчика, который не намѣренъ поступить въ университетъ, никогда не учить грѣческому языку. Французскій и англійскій языки, элементарное знаніе нѣкоторыхъ отраслей математики и естественныхъ наукъ, составятъ достаточный запасъ учебнаго курса для мальчиковъ, которые оставляютъ школу пятнадцати или шестнадцати лѣтъ.

Что же касается до тѣхъ, которые остаются въ школѣ долѣе, но не намѣрены поступить въ университетъ, то можно для нихъ прибавить латинскій языкъ и, можетъ быть, нѣмецкій или италіянскій языки, къ обыкновенному ихъ курсу. Мальчику, воспитанному такимъ образомъ, рѣдко бы не удалось сохранить какую-нибудь охоту къ одному изъ предметовъ, которымъ онъ учился въ школѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ не пріобрѣталъ бы того положительнаго отвращенія къ знанію, которое теперь такъ часто составляетъ единственный результатъ его такъ-называемаго классическаго образованія.

Но какъ должно учить латинскому языку въ школахъ? Методъ преподаванія долженъ быть, какъ мнѣ кажется, болѣе приноровленъ къ методу преподаванія новѣйшихъ языковъ. Если мальчики не поступаютъ въ университетъ, то не нужно даже пытаться учить ихъ писать стихи, и даже сочиненія въ прозѣ могутъ ограничиться весьма тѣсными предѣлами. Мальчикъ среднихъ способностей и средняго прилежанія имѣлъ бы такимъ образомъ достаточно времени въ своемъ распоряженіи, чтобы быть въ состояніи читать значительную долю лучшихъ латинскихъ авторовъ и чтобы усвоить себѣ, хотя нѣсколько,

истинный духъ римской литературы, мысли и цивилизаціи. Вмѣсто того, чтобы оставить школу лишь съ поверхностнымъ знаніемъ двухъ мертвыхъ языковъ, онъ пріобрѣлъ бы разумное знаніе одного, въ соединеніи съ нѣкоторыми свѣдѣніями о томъ мірѣ фактовъ и идей, въ которомъ ему самому придется вращаться.

Можно считать вопросомъ: слѣдуетъ ли въ университетахъ профессіональному образованію идти рука объ руку съ гуманнымъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что изученіе древнихъ языковъ должно входить въ составъ гуманнаго образованія и составлять главную его часть, хотя древними языками не должно заниматься въ узкомъ, педантическомъ и схоластическомъ духѣ. То, что́ читается въ университетахъ, должно отличаться отъ того, что́ читаютъ въ школахъ, болѣе обширнымъ и философскимъ методомъ. Древніе языки надобно разсматривать въ ихъ взаимномъ соотношеніи и въ отношеніи къ языкамъ, которые отъ нихъ произошли или которые имѣютъ съ ними сродство. Филологія должна заступить мѣсто грамматики. Древнюю литературу должно изучать не только для ея «красоты», но какъ выраженіе мыслей, потребностей и обычаевъ народовъ, среди которыхъ она возникла. Древняя исторія не должна быть разсматриваема, какъ простое собраніе интересныхъ фактовъ; но какъ предметъ, занимающій опредѣленное мѣсто въ исторіи міра и имѣющій опредѣленное отношеніе къ прогрессу человѣчества. Даже древняя философія, хотя первое время ее надо изучать безъ всякаго отношенія къ новѣйшимъ системамъ, займетъ, какъ только ученикъ подвинется впередъ, свое мѣсто въ общей исторіи мысли, возбуждая самостоятельность мышленія и давая матеріалъ для упражненія собственной критической способности.

Въ такой формѣ классическое образованіе въ университетахъ сдѣлается дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ оно теперь провозглашаетъ себя, т. е. средствомъ развитія высшихъ способностей ума. Но оно не можетъ достигнуть этой цѣли до тѣхъ поръ, пока не рѣшится отказаться отъ многихъ изъ своихъ наиболѣе любимыхъ идоловъ, не постарается въ той же мѣрѣ обнять идеи, въ какой оно занимается объясненіемъ выраженія древнихъ писателей, и пока оно не соединится съ другими науками, которыя необходимы для полнаго развитія ума. Доставляя лучшее введеніе къ научному изученію языковъ, права, исторіи, философіи, классическое образованіе можетъ еще удержать первое мѣсто въ университетскомъ образованіи. Но это мѣсто можетъ быть обезпечено за нимъ только въ такомъ случаѣ, если оно откажется отъ притязаній, справедливость которыхъ не можетъ доказать. Если оно захочетъ удержать свое мѣсто въ высшемъ образованіи, то должно вмѣстѣ съ тѣмъ удалиться изъ общаго. Опираясь на идеяхъ свободнаго образованія и умственнаго развитія, оно должно помнить, что эти же

самыя идеи свидѣтельствуютъ столь же сильно противъ исключительнаго его преобладанія въ общемъ образованіи, какъ и за право его первенства въ высшемъ образованіи.

Размышленія Фоулера любопытны сами по себѣ, но ихъ значеніе еще болѣе усиливается тою средою, гдѣ они были высказаны. Если Англія считаетъ опасною для себя отстать отъ духа времени и держать главную массу своего населенія въ какомъ-то оцѣпенѣломъ положеніи, тогда какъ на материкѣ взгляды на народное образованіе измѣнились; — то, спрашивается, что́ должно думать о нашихъ «классикахъ» и ихъ усиліяхъ употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы доставить торжество идеямъ XV и XVI вѣка, и тому классицизму, на почвѣ котораго, если выросла съ одной стороны реформація, то съ другой стороны на той же почвѣ созрѣлъ и іезуитизмъ? Вторичной реформаціи излишне было бы ждать, по той же причинѣ, по которой нѣтъ надобности вторично выдумывать пороху; остается затѣмъ—іезуитизмъ.

Недавно вышелъ въ Англіи докладъ 37-го собранія «Британскаго Общества поощренія реальныхъ наукъ», и тамъ, между прочимъ, помѣщенъ отчетъ особой коммиссіи по вопросу о классическихъ языкахъ въ дѣлѣ общаго образованія.

Мы постараемся въ непродолжительномъ времени познакомить нашихъ читателей и съ этимъ любопытнымъ докладомъ, изъ котораго видно, что всѣ ссылки нашихъ quasi-классиковъ на «примѣръ западныхъ образованныхъ народовъ» должны быть подписаны заднимъ числомъ, чтобъ походить сколько-нибудь на правду. А.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го января 1869.

Прошедшій годъ. — Общая его характеристика, и различіе въ общественномъ настроеніи.—Главнѣйшія событія и новыя реформы.—Судьба прежнихъ реформъ: крестьянской, земской и судебной, и дѣла западнаго края. — Современное положеніе дѣлъ въ Средней Азіи, и ихъ cercle vicieux. — Новая книга г. Пашино о Туркестанѣ.

Къ концу года во всякомъ предпріятіи обыкновенно сводятся счеты, и по балансу узнаютъ, какъ идетъ дѣло, чего можно ожидать отъ него въ ближайшемъ будущемъ. Но какъ поступать въ этомъ случаѣ цѣлымъ народамъ, государствамъ, чтобы ясно подвести итоги своимъ успѣхамъ, ошибкамъ и надеждамъ, такъ какъ успѣхи компаній этого рода принадлежатъ къ категоріи не только матеріальныхъ, болѣе или менѣе точно опредѣленныхъ, но и нравственныхъ, почти невѣсомыхъ? Какъ, въ самомъ дѣлѣ, опредѣлить, насколько въ истекшемъ году возвысился тотъ уровень гуманныхъ отношеній людей къ людямъ, законодательства къ человѣчеству, властей къ подчиненнымъ и т. д.; а между тѣмъ, безъ сомнѣнія, повышеніе такого уровня представляло бы наиболѣе цѣнное пріобрѣтеніе, наиболѣе серьезный и реальный успѣхъ въ государственномъ союзѣ людей и народовъ? Такіе нравственные успѣхи пришлось бы представить въ формѣ метеорологическихъ таблицъ хода общественнаго развитія, а потому вообще «годичные отчеты» и причисляются не безъ основанія къ «сухой матеріи». Сверхъ того, въ жизни обществъ бываютъ такіе періоды, когда и матеріальные законы и матеріальные успѣхи положительно преобладаютъ надъ стремленіями и успѣхами нравственнаго порядка.

Въ такомъ періодѣ находится нынѣ наше общество, и минувшій 1868 годъ былъ однимъ изъ краснорѣчивыхъ представителей именно такого настроенія общества. Картина того, что́ мы дѣлали, чѣмъ мы занимались въ теченіе этого года представляетъ намъ въ нравственной категоріи какъ преобладающую черту—колебаніе, холодность, если

не равнодушіе, то замѣтное охлажденіе въ сравненіи съ недавнимъ еще временемъ. Реформы, уже прежде предпринятыя правительствомъ, приводились въ исполненіе, получали отчасти даже дальнѣйшее распространеніе, но не только не поглощали вниманіе общества, какъ то было прежде, а даже не приковывали его къ себѣ въ замѣтной степени, за однимъ исключеніемъ, на которое мы укажемъ ниже. Зато вниманіе общества преимущественно было обращено на заботы экономическія, включая сюда и опасенія за насущный хлѣбъ, и приведеніе въ порядокъ нашихъ финансовыхъ средствъ, и въ особенности—стремленія спекулянтскія, эту своего рода войну, которая, какъ война, всегда отвлекаетъ общество отъ внутреннихъ дѣлъ высшаго интереса.

Мы не будемъ разсматривать, отчего зависитъ такое настроеніе общества и въ какой мѣрѣ теперь именно преобладаніе въ обществѣ духа спекуляціоннаго представляется явленіемъ отраднымъ или печальнымъ. Мы только констатируемъ то положеніе, котораго балансъ хотѣли бы свести въ бѣгломъ взглядѣ на недавнее прошедшее.

На первомъ планѣ годъ тому назадъ стоялъ именно вопросъ о «хлѣбѣ насущномъ». Неурожай 1867 года отозвался въ разныхъ полосахъ Россіи бѣдственными послѣдствіями. Къ веснѣ, когда были издержаны и тѣ немногіе запасы хлѣба, которые имѣлись въ наличности, когда въ бѣдствовавшихъ мѣстностяхъ крестьяне продали или заложили послѣднее домашнее имущество, когда, наконецъ, особенно на сѣверѣ появились на дорогахъ толпы, бѣжавшія отъ голодной смерти,—общество наше, какъ всегда неприготовленное, какъ всегда встрѣчающее съ изумленіемъ и недоумѣніемъ естественное послѣдствіе, которое не было своевременно предотвращено, стремилось человѣколюбіемъ возмѣстить недостатокъ въ себѣ предусмотрительности. Открылись подписки въ пользу голодающихъ, учредились центральный и мѣстные комитеты для сбора и распредѣленія приношеній, и въ теченіе менѣе года собрано было по подпискѣ болѣе 1 мил. 800 т. рублей. Благотворительность у насъ всегда была популярна, и составляла одинъ изъ главныхъ видовъ труда на пользу общую.

Между тѣмъ наступило время для новой жатвы, и эта жатва оказалась опять, мѣстами, неудовлетворительною, что́ зависѣло отчасти отъ недостаточныхъ или дурныхъ посѣвовъ, а отчасти и отъ засухи, стоявшей прошлое лѣто. Въ іюлѣ получались со всѣхъ сторонъ извѣстія столь неблагопріятныя, что можно было ожидать почти общаго неурожая. Но, впослѣдствіи, положеніе перемѣнилось къ лучшему. Въ сѣверной полосѣ, наиболѣе пострадавшей отъ засухи, рожь, благодаря обильнымъ рóсамъ, удалась лучше овса, который почти повсемѣстно пропалъ. Въ нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ, пострадавшихъ, напротивъ того, отъ слишкомъ постоянныхъ дождей, конецъ лѣта и осень хоть сколько-нибудь поправили дѣло, а изъ нѣкоторыхъ

южныхъ и срединныхъ мѣстностей пришли даже извѣстія о вполнѣ благопріятномъ сборѣ хлѣба.

Какъ бы то ни было, можно утвердительно сказать, что въ общей сложности жатва нынѣшняго года не поправитъ нашего хозяйства, и остается только надѣяться, что прошлогодній опытъ научилъ мѣстныя земскія и административныя власти принять своевременно мѣры для устраненія новаго бѣдствія нынѣшнею весною, такъ какъ должно все-таки ожидать, что многимъ мѣстностямъ предстоитъ трудное время.

Съ неурожаемъ на насъ напалъ въ нынѣшнемъ году особенно яростно исконный врагъ нашъ—огонь. Пожары въ городахъ и селахъ свирѣпствовали съ обычной жестокостью, а пожары лѣсовъ на огромномъ протяженіи сѣверной, срединной и западной Россіи приняли давно невиданные, громадные размѣры. Извѣстно, что большинство нашихъ городковъ, даже уѣздныхъ, и нашихъ селъ только и перестраивается пожарами. Съ ними русскій человѣкъ свыкся, и, въ нынѣшнемъ году, какъ и въ предшествовавшіе года, онъ не нашелъ никакихъ дѣйствительныхъ средствъ, чтобы уничтожить этого врага или бороться противъ него съ успѣхомъ. Разница въ сравненіи съ нѣкоторыми изъ предшествовавшихъ годовъ была здѣсь только въ томъ, что русскій человѣкъ пересталъ «мудрствовать лукаво» о пожарахъ, какъ ему прежде успѣвали внушать нѣкоторые усердные публицисты, которымъ казалось удобнымъ употреблять обвиненіе своихъ противниковъ въ поджогахъ, въ видѣ политическаго пріема. Въ минувшемъ году въ пожарахъ снова стали видѣть кару Божію; а со временемъ, надобно думать, русскій человѣкъ вспомнитъ свою же пословицу: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай».

Но замѣчательно, что, посреди экономическихъ невзгодъ, подати вносились нашимъ народомъ исправно, какъ то оказалось нынѣ. По слухамъ, дѣйствительное поступленіе государственныхъ доходовъ, въ 1867 году, превзошло смѣтное исчисленіе почти на 15 милл. рублей, такъ что, при помощи экономіи, которую, какъ говорятъ, удалось соблюсти въ расходахъ, у насъ къ новому году окажется пріятный сюрпризъ непредвидѣнныхъ *30 милліоновъ* въ казначействѣ. Результатъ этотъ, какъ слышно, оказался при составленіи отчета государственнаго контроля за 1867 годъ. Очень можетъ быть, что до дня появленія нашей статьи въ печати отчетъ государственнаго контроля будетъ уже обнародованъ, и намъ остается только пожелать, чтобы приведенные слухи оправдались. Такой результатъ, среди неудовлетворительныхъ экономическихъ обстоятельствъ, былъ бы самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на тѣ обвиненія въ лѣности, гражданской несостоятельности, неспособности къ самостоятельной жизни и работѣ, которыми иные осыпаютъ народъ, громко вопія о необходимости реакціи.

Народъ, который хорошо внесъ свои подати—трудился, и хорошо трудился—во всякомъ случаѣ не такъ, какъ о томъ рапортуютъ иные.

Тяжесть лежащей на народѣ системы податей и повинностей, сама по себѣ, все-таки нисколько не опровергается такимъ благопріятнымъ поступленіемъ платежей, въ которыхъ можно только видѣть особое напряженіе силъ народа. Коммиссія, которой поручено преобразованіе нашей податной системы, выработала проектъ измѣненія наиболѣе тягостной изъ податей — подушной государственной подати, въ подать подворную и поземельную. Впрочемъ, проектъ этотъ не вполнѣ удовлетворительно рѣшаетъ вопросъ, не устраняетъ радикально отъ этой подати характера налога на личность, на личный трудъ, и надо желать, чтобы до утвержденія проекта въ законодательномъ порядкѣ, онъ еще подвергся измѣненію въ этомъ именно смыслѣ. За то, въ іюлѣ, обнародованы уже новыя правила для гербового сбора съ векселей и другихъ денежныхъ обязательствъ, и этими правилами значительно понижены гербовыя пошлины съ денежныхъ обязательствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно совершенно преобразовать весь гербовой сборъ, распространивъ его обязательность для документовъ, раздѣливъ его на простой и пропорціональный, наконецъ, допустивъ употребленіе марокъ вмѣсто готовой гербовой бумаги.

Для пересмотра системы наиболѣе тягостной изъ всѣхъ государственныхъ повинностей, именно повинности военной, также существуетъ особая коммисія, которая и вводитъ въ рекрутскій уставъ постепенныя измѣненія практически, при каждомъ отдѣльномъ наборѣ. Однимъ изъ результатовъ работъ этой коммиссіи былъ обнародованный, въ іюнѣ, законъ опредѣляющій порядокъ замѣны натуральной военной повинности внесеніемъ денежнаго выкупа или наймомъ охотника. Этимъ закономъ правительство, съ одной стороны, для устраненія многочисленныхъ злоупотребленій, бывающихъ при частномъ наймѣ охотниковъ, а съ другой и для обезпеченія поступающимъ въ службу охотникамъ дѣйствительнаго вознагражденія, — приняло на себя пріискивать охотниковъ, за плату, предоставляя частнымъ лицамъ, подлежащимъ военной службѣ просто вносить выкупъ, котораго цѣна будетъ ежегодно опредѣляема, или же поставлять за себя охотниковъ по прежнему, но только при извѣстныхъ условіяхъ, значительно ограничивающихъ это право. Охотникъ или «замѣститель», нанятый правительствомъ, будетъ получать свое вознагражденіе въ извѣстные сроки, причемъ ему разсчитывается 5% въ годъ.

Въ минувшемъ году сдѣлано еще болѣе важное преобразованіе по части тѣхъ государственныхъ пошлинъ, которыя взимаются съ привозныхъ товаровъ. Составленъ и изданъ новый тарифъ, котораго дѣйствіе начинается именно съ того дня, когда эта книжка выйдетъ въ свѣтъ. Преобразованіе тарифа прошло чрезъ двѣ коммиссіи, изъ кото-

рыхъ въ одной участвовали и представители фабричной промышленности и торговли, а другая состояла только изъ высшихъ правительственныхъ лицъ. Въ преніяхъ первой коммиссіи проявилась сильная коалиція фабрикантовъ-протекціонистовъ, которые хотя и составляли меньшинство, но меньшинство очень энергичное, пустившее въ ходъ цѣлую агитацію. Вторая коммиссія, какъ мы говорили въ свое время, отчасти подчинилась этой агитаціи, въ томъ смыслѣ, что поставила себѣ задачею пріисканія средняго термина между мнѣніемъ большинства первой коммиссіи и требованіями меньшинства ея.

Плодомъ такого средняго термина и явился тарифъ, въ которомъ можно видѣть отсрочку на неопредѣленное время сколько-нибудь радикальнаго измѣненія нашего тарифа въ духѣ свободной торговли. Въ объясненіе такой нерѣшительности правительства въ этомъ важномъ экономическомъ преобразованіи слѣдуетъ принять то обстоятельство, что главной цѣлью при нынѣшнемъ пересмотрѣ тарифа было собственно возвышеніе государственнаго дохода, то-есть цѣль собственно фискальная, такъ какъ таможенный доходъ у насъ уже съ давнихъ поръ оставался неподвижнымъ, т. е. не возвышался, несмотря даже на двукратную перемѣну тарифа. Въ этомъ новомъ тарифѣ и преобладаетъ именно фискальное начало, разсчетъ на увеличеніе сбора и на удобство взиманія. Пошлины, дѣйствительно, понижены, хотя и не много, на большинство ввозимыхъ товаровъ, но зато на нѣкоторые предметы ввоза пошлины возвышены, а на машины пошлины установлены вновь; такимъ образомъ, тарифъ 1868, заключая въ себѣ нѣкоторыя, далеко-не важныя уступки, отсрочиваетъ все дѣло преобразованія нашихъ торговыхъ отношеній съ Европою и, сверхъ того, является отчасти даже реакціоннымъ. Участіе «спеціалистовъ» въ обсужденіи проекта государственной мѣры на этотъ разъ повело къ результатамъ самаго нелиберальнаго свойства. Впрочемъ, съ удовольствіемъ можно остановиться на мнѣніи объ измѣненіи тарифа, присланное отдѣленіемъ одесскаго коммерческаго совѣта, которое прямо указывало на необходимость радикальнаго преобразованія тарифа. При этомъ, одесское отдѣленіе совершенно основательно указывало на необходимость бо́льшаго развитія желѣзнодорожной сѣти, именно для усиленія нашего сбыта.

На эту-то отрасль экономическаго развитія и было обращено, можно сказать, главное вниманіе и правительства, и общества въ минувшемъ году. За 1868 годомъ можно даже усвоить спеціальное названіе желѣзно-дорожнаго. Въ теченіи его не только дано нѣсколько важныхъ концессій и открыто нѣсколько новыхъ линій, но представились нѣкоторые факты, дающіе желѣзно-дорожному дѣлу у насъ новый видъ. Успѣхъ подписокъ, открытыхъ заграницею на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, представилъ свидѣтельство довѣрія иностранныхъ

капиталовъ, отчасти къ экономическимъ силамъ Россіи, отчасти къ финансовому положенію гарантирующаго ихъ доходность правительства. Принципъ постройки желѣзныхъ дорогъ съ гарантіею отъ земства получалъ неоднократное примѣненіе. Наконецъ, въ обществѣ проявились даже первые симптомы той желѣзно-дорожной лихорадки, которою ознаменовался періодъ развитія этого дѣла заграницею. Лихорадка эта выразилась, разумѣется, спекуляціею, при чемъ не обошлось и безъ жалобъ. Такъ, жаловались, что подписка на акціи рыбинско-осѣченской дороги въ коммерческомъ банкѣ происходила по цѣнѣ высшей противъ той, по которой онѣ въ тоже время продавались на биржѣ, однимъ словомъ, жаловались на искусственное возвышеніе цѣны, посредствомъ отвлеченія части акцій отъ подписки и одновременнаго выпуска этихъ акцій въ продажу негласнымъ образомъ. Подобные факты у насъ еще новость, и появленіе ихъ принадлежитъ къ характеристикѣ минувшаго года. Недоразумѣніе по концессіи харьковско-азовской дороги г. Полякову и сомнѣнія относительно характера земской отвѣтственности по желѣзно-дорожнымъ гарантіямъ земства обратили на себя также общее вниманіе, возбудили новые вопросы и принадлежатъ къ характеристикѣ этого дѣла, какъ оно развилось въ прошломъ году. Наконецъ, учрежденіе особаго комитета изъ правительственныхъ лицъ, для обсужденія, какимъ линіямъ должно быть отдаваемо предпочтеніе и въ порядкѣ выдачи концессій и въ предоставленіи гарантіи, принадлежитъ къ значительнымъ фактамъ въ желѣзно-дорожной хроникѣ истекшаго года. Напомнимъ еще о послѣдовавшей съ сентября передачѣ главной изъ нашихъ линій—именно николаевской желѣзной дороги Главному Обществу, которое приняло на себя облигаціи, выпущенныя правительствомъ по этой дорогѣ.

За успѣхами желѣзно-дорожнаго дѣла мы слѣдили постоянно. Здѣсь считаемъ нужнымъ упомянуть только о такихъ относящихся сюда фактахъ и проектахъ, которыхъ мы не успѣли занесть въ ежемѣсячныя наши хроники. Въ числѣ предполагаемыхъ линій упомянемъ о той, которая должна соединить съ срединною Россіею оренбургскій край и приблизить насъ къ новымъ нашимъ пріобрѣтеніямъ въ Средней Азіи. Линія эта предполагается изъ Моршанска къ Оренбургу, но она еще не опредѣлена съ точностью. Упомянемъ еще предположенную севастопольскую линію, важную въ стратегическомъ отношеніи и линію ярославско-архангельскую, которая была бы такъ важна для обезпеченія сѣвернаго нашего края въ двоякомъ отношеніи: соединивъ его съ Волгою она обезпечила бы сѣверу подвозъ хлѣба, а сверхъ того, увеличила бы его сбытъ, стало быть и заработки. Новѣйшій изъ фактовъ, относящихся къ желѣзно-дорожному дѣлу—это концессія дороги отъ Петербурга до Балтійскаго порта, дороги важной въ томъ отношеніи, что она даетъ больше времени петербургской вывозной тор-

говлѣ, такъ какъ Балтійскій портъ замерзаетъ обыкновенно всего мѣсяца на два. Подписка на акціи балтійской дороги была объявлена въ концѣ ноября, а къ 1 декабря уже закрылась, при чемъ потребовано гораздо больше акцій, чѣмъ было предложено. Эта дорога особенно интересна и для Петербурга, и для остзейскаго края, и для обоихъ не останется безъ замѣтнаго вліянія.

Однимъ изъ послѣднихъ фактовъ, относящихся къ желѣзно-дорожному дѣлу, въ широкомъ смыслѣ слова, было происходившее въ Петербургѣ, въ ноябрѣ, собраніе конференціи депутатовъ отъ разныхъ иностранныхъ желѣзно-дорожныхъ управленій и представителей нашего Главнаго Общества (по приглашенію котораго первые и прибыли). Предметами сужденій этой, въ нѣкоторомъ смыслѣ международной конференціи, служили разные вопросы, относящіеся къ облегченію этого рода сообщеній; напр. о болѣе широкомъ примѣненіи способа прямыхъ сообщеній (отправокъ), объ устраненіи разныхъ таможенныхъ затрудненій по желѣзно-дорожному сообщенію, и т. д. Конференція по всѣмъ этимъ вопросамъ постановила рѣшенія.

Земство Петербургской губерніи, котораго дѣятельность была возстановлена въ нынѣшнемъ году, имѣло двѣ сессіи. Первая сессія губернскаго земскаго собранія происходила въ іюнѣ и была очень непродолжительна, состояла всего изъ 10 засѣданій. Вторая сессія открылась въ декабрѣ и еще не окончилась, когда мы пишемъ эти строки. Возстановленіе нормальнаго положенія было принято обществомъ съ сочувствіемъ, и ходъ занятій земскихъ собраній и дѣятельность земскихъ управъ были успѣшны; но нельзя было не замѣтить, что собственно Петербургъ, или, лучше сказать, та часть петербургскаго населенія, которую въ земскихъ учрежденіяхъ интересуетъ наиболѣе новый элементъ, внесенный земскими учрежденіями въ нашу общественную жизнь, относилась довольно безучастно къ сдержанной въ тѣсной рамкѣ исполнительныхъ мѣръ дѣятельности земства, по его возобновленіи. Нельзя также и не пожелать при этомъ, чтобы земства, кромѣ удовлетворенія непосредственно практической потребности мѣстнаго хозяйства, имѣли нѣкоторый просторъ для того, чтобы исполнять свою другую, не менѣе важную задачу: быть независимыми представителями мѣстныхъ общественныхъ нуждъ передъ администраціею и тѣмъ служить къ политическому воспитанію страны, которое должно же быть, хотя постепенно, подготовляемо.

Другая изъ новыхъ сторонъ нашей общественной жизни—дѣйствіе новыхъ судебныхъ учрежденій, по бо́льшей самостоятельности этихъ учрежденій и по характеру окончательности и независимости ихъ рѣшеній, будетъ имѣть болѣе вліянія на общественную жизнь, бо́льшее воспитательное значеніе, чѣмъ земскія учрежденія—это можно навѣрное сказать уже теперь. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ и

тотъ живой, неослабляющійся интересъ, съ какимъ общество слѣдитъ за отправленіями новыхъ судебныхъ учрежденій, и то участіе, какое оно принимаетъ въ самой сущности этого дѣла, въ разныхъ возникающихъ въ немъ вопросахъ. Можно сказать, что за минувшій годъ вниманіе большинства общества было обращено на факты судебные, на новую для него и столь богатую именно воспитательнымъ элементомъ дѣятельность независимаго, гласнаго суда, не въ меньшей степени, какъ на необыкновенное развитіе желѣзнодорожнаго дѣла у насъ. А это значитъ очень много. Но мы должны признать и то, что развитіе, воспитаніе путемъ гласнаго, самостоятельнаго суда идетъ не безъ нѣкоторыхъ колебаній, во всякомъ случаѣ, не безъ нѣкотораго разнорѣчія. Нѣкоторые совершенно логическіе приговоры казались иным лицамъ *слишкомъ* логическими, крайними. Для примѣра, напомнимъ хоть о необвиненіи новгородскими присяжными Ивана Петрова, вслѣдствіе неправильной постановки вопросовъ о его виновности, или о приговорѣ по извѣстному дѣлу Колзакова въ Москвѣ. Общественное воспитаніе, формація правильнаго, здраваго общественнаго мнѣнія—дѣло нелегкое, не вдругъ достигаемое. Особенно неблагопріятны для успѣшнаго, спокойнаго созрѣванія этого дѣла, именно періоды нравственныхъ колебаній, подобные тому, который мы переживаемъ въ настоящее время. Въ такіе періоды общественное мнѣніе, вмѣсто того, чтобы выработываться по естественному пути, на началахъ общественной самостоятельности и признаніи правъ личности, хотя бы и въ преступникѣ, сбивается — вслѣдствіе разныхъ временныхъ причинъ — назадъ, къ обсужденію самаго первоначальнаго вопроса: хороши ли эти начала, не опасно ли имъ слѣдовать? Иными словами, общественное воспитаніе, формація общественнаго мнѣнія замедляются поворотомъ къ такимъ вопросамъ, которые, будучи рѣшены въ смыслѣ благотворности застоя, тѣмъ самымъ упразднили бы необходимость и гражданственнаго развитія, и общественнаго мнѣнія.

Распространеніе судебной реформы на всю имперію, къ сожалѣнію, еще представляется не скоро осуществимымъ. Началу предстоящаго года предназначено увидѣть осуществленіе ея въ одесскомъ (четвертомъ) судебномъ округѣ. Указъ въ этомъ смыслѣ послѣдовалъ 2 іюля минувшаго года. По правиламъ 1865 года относительно введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, предположено было ввесть эти уставы во всѣхъ губерніяхъ, управляемыхъ на общемъ основаніи, къ 1870 году. Теперь уже ясно, что это предположеніе не можетъ исполниться. Между тѣмъ, не говоря уже о великорусскихъ губерніяхъ, весь западный край нуждается въ этой реформѣ, какъ одномъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ уврачеванія его потрясеній, а для края остзейскаго примѣненіе, хотя бы и съ нѣкоторыми видоизмѣненіями новой организаціи судовъ, имѣетъ, между прочимъ, зна-

ченіе еще и какъ одна изъ важнѣйшихъ мѣръ къ освобожденію закабаленнаго народа.

Послѣдній важный фактъ, относящійся къ судебному дѣлу и еще не занесенный въ нашу ежемѣсячную хронику, это — напечатанный 26 ноября, въ «Сѣверной Почтѣ», циркуляръ г. прокурора с.-петербургской судебной палаты къ гг. прокурорамъ окружныхъ судовъ, ей подчиненныхъ (разосланный, какъ видно, еще въ іюлѣ) относительно ограниченія предварительнаго ареста лицъ, подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ тѣми только случаями, когда на эти лица взводится обвиненіе въ опредѣленныхъ, особенно-тяжкихъ преступленіяхъ и когда имѣется въ виду достаточная *сила улик*. Нельзя не сознаться, что изданіе такого циркуляра было необходимо, въ виду нѣкоторыхъ примѣровъ, а обнародованіе его полезно для прекращенія того нареканія, которое играло не послѣднюю роль въ выходкахъ приверженцевъ стараго судебнаго порядка (такіе есть). Если позволено выразить еще желаніе относительно практическаго примѣненія новаго судебнаго судопроизводства, то должно пожелать, чтобы обращено было вниманіе на сокращеніе медленности его въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Тогда у нарекателей была бы отнята единственная возможность ссылаться на «удивительные» факты.

Переходя затѣмъ къ третьей изъ коренныхъ нашихъ реформъ, первой по времени и по важности — къ крестьянской реформѣ, мы напомнимъ только, что въ ноябрѣ намъ пришлось указать и на новый шагъ къ распространенію, который сдѣлала эта реформа въ примѣненіи ея къ бессарабскимъ царанамъ, и вмѣстѣ на ту непреоборимую доселѣ преграду, какую представляетъ ей доселѣ рубежъ остзейскаго края.

Пріѣзды балтійскихъ крестьянъ, бѣжавшихъ отъ своего безземельнаго и беззащитнаго положенія на родинѣ, въ Петербургѣ послужили, въ истекшемъ году, живыми иллюстраціями того положенія, передъ которымъ, покамѣстъ, безсильно останавливается величайшая изъ русскихъ реформъ.

На другой окраинѣ, въ Царствѣ Польскомъ, минувшій годъ ознаменовался окончательными мѣрами къ полному сліянію ея съ имперіею. За упраздненіемъ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, указомъ 29 февраля и дополнительными мѣрами въ томъ же смыслѣ, отдѣльное управленіе Царства окончательно отмѣнено, за исключеніемъ особаго учредительнаго, по крестьянскимъ дѣламъ, комитета.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, амнистія 25 мая для несовершеннолѣтнихъ уроженцевъ Царства Польскаго и западнаго края, представила шагъ къ забвенію польскаго мятежа и къ возвращенію равноправности лицамъ польскаго происхожденія. Въ сѣверозападномъ краѣ было снято военное положеніе съ части Минской губерніи, и тамошнее управленіе, не-

отступно приводя въ исполненіе мѣры, начертанныя для обрусенія края, стремилось вмѣстѣ съ тѣмъ къ возстановленію нормальнаго положенія. Въ краѣ югозападномъ, по слухамъ, нынѣ предполагается примѣнить такую же систему, чему нельзя не радоваться, такъ-какъ вообще система административнаго произвола сама по себѣ нигдѣ не производила никакихъ жизненныхъ результатовъ, которые, напротивъ, вызываются только внесеніемъ въ общество новыхъ культурныхъ началъ, какими и представляются общія наши реформы.

Минувшій годъ ознаменовался для Россіи также важными военными успѣхами въ средней Азіи. О послѣднихъ событіяхъ и общемъ положеніи дѣлъ тамъ, мы поговоримъ теперь особо, въ обычныхъ размѣрахъ ежемѣсячной хроники.

Въ прошломъ мѣсяцѣ, въ газетѣ военнаго министерства были помѣщены извѣстія о новыхъ движеніяхъ нашихъ войскъ въ Бухарѣ и свѣдѣнія о настоящихъ отношеніяхъ нашихъ къ этой странѣ. Изъ этихъ свѣдѣній оказывается то, что̀ нетрудно было предвидѣть: именно, что отношенія эти не только еще не установились, но и не могутъ установиться прочнымъ образомъ до тѣхъ поръ, пока мы сами не отвѣтимъ себѣ окончательно на вопросъ — чего мы хотимъ въ Средней Азіи, и пока не найдутся дѣятели, способные стремиться къ практическому примѣненію этого рѣшенія, хотя бы и цѣною новыхъ жертвъ, но сознательно, по самостоятельному и дѣйствительному убѣжденію, а не по одной дисциплинарной приверженности къ какому-то «среднему термину», который выдается за программу, а между тѣмъ безпрестанно колеблется.

Полгода тому назадъ, когда получено было извѣстіе о взятіи Самарканда, мы, указывая на важный фактъ, что войска наши вступили въ бассейнъ Аму-Дарьи, чѣмъ самымъ открылось передъ ними новое, неопредѣленное поле для дѣйствій, замѣтили: «Дѣла наши въ этихъ отдаленныхъ странахъ находятся теперь въ моментѣ важнаго кризиса, и для рѣшенія вопроса всѣ элементы должны быть въ нашихъ рукахъ, а не въ чужихъ дѣйствіяхъ». Къ сожалѣнію, судя по свѣдѣніямъ, напечатаннымъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» и нѣкоторымъ слухамъ, намъ и теперь, въ началѣ новаго года, приходится только повторить то же желаніе.

Обнародованныя извѣстія показываютъ, что политика, основанная на уваженіи къ власти бухарскаго эмира и на союзѣ съ нимъ не только не освобождаетъ насъ отъ бремени вмѣшательства въ бухарскія дѣла, но сама неизбѣжно приводитъ насъ къ такому вмѣшательству. Такимъ образомъ, для насъ теперь въ Бухарѣ осуществляется та невыгода, которую нѣкогда предвидѣлъ генералъ Черняевъ относительно

Ташкента: ханъ, состоящій подъ нашимъ покровительствомъ—думалъ г. Черняевъ — въ глазахъ народа будетъ все-таки нашимъ чиновникомъ; своего авторитета у него не будетъ, и защищать его должны будемъ мы, а управлять и получать доходы будетъ онъ.

Это именно мы и видимъ нынѣ въ Бухарѣ. Вступая въ Зарявшанскій край, взявъ Самаркандъ, мы владѣемъ въ сущности Бухарою, потому что владѣемъ ея водою, а между тѣмъ, царствуетъ въ Бухарѣ эмиръ Сеидъ-Музафаръ; въ немъ мы не увѣрены, а между тѣмъ обязаны его защищать. Всякій новый шагъ на этомъ пути только налагаетъ на насъ новое обязательство. Разъ мы сами пощадили эмира, оставили за нимъ призрачный престолъ его, какъ-будто не желая вдругъ пожать всѣхъ лавровъ, и думая оставить себѣ поле для произрастанія ихъ и на будущее время; теперь, въ другой разъ, мы непосредственнымъ или, какъ выражается самъ военный органъ, «крутымъ» вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Бухары, спасли эмира Музафара отъ большой опасности, охранили его престолъ. Спрашивается, возможно ли намъ будетъ не подать помощи Музафару, въ третій, въ десятый разъ, и не одному Музафару, а и законнымъ его наслѣдникамъ? Вѣдь покушеніе противъ нихъ теперь будетъ покушеніемъ противъ насъ. Итакъ, мы имѣемъ всѣ невыгоды призрачной самостоятельности Бухары, и только однѣ невыгоды. Еслибы она была просто, непосредственно подвластна намъ, то можно было бы предвидѣть, когда улягутся безпорядки и водворится прочнымъ образомъ спокойствіе; теперь же, мы стоимъ передъ неоспоримымъ фактомъ, что безпорядки не прекратятся никогда, что намъ предстоитъ вѣчно начинать дѣло и не додѣлывать его.

Сущность извѣстій, напечатанныхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» заключается въ томъ, что противъ эмира Музафара возстали сынъ его Катты-Тюря и шахрисябскіе беки Джура-Бій и Баба-Бій. Такимъ образомъ, возстаніе противъ эмира началось съ юго-восточной части его владѣній, въ Карти и Шахрисябсѣ, городахъ, которые лежатъ въ котловинѣ образуемой горами Самаркандъ-Тоу и шахрисябскимъ хребтомъ, къ югу отъ занятаго нами Зарявшанскаго края, отъ котораго эта котловина и отдѣляется первымъ изъ сейчасъ названныхъ нами хребтовъ. Эмиръ направился-было съ войскомъ къ Шахрисябсю, но въ это время получилъ извѣстіе, что и въ западной части его владѣній проявилось возстаніе подъ руководствомъ возбужденнаго его мятежнымъ сыномъ Садыка. Мятежники имѣли цѣлью ударить на городъ Бухару съ разныхъ сторонъ и низложить Музафара.

Двумя удачными диверсіями, изъ которыхъ одна была сдѣлана по собственному побужденію генерала Абрамова, а другая уже вслѣдствіе просьбъ самого Музафара, русскія войска дали эмиру возможность спра-

виться съ его врагами и «возстановить порядокъ». Эмиръ разбилъ своего мятежнаго сына, который скрылся, и усмирилъ бековъ.

Какими мотивами руководствовались мы при этомъ «крутомъ», по оффиціальному выраженію, вмѣшательствѣ? Генералъ Абрамовъ побудился къ нему «въ виду вредныхъ послѣдствій, начинавшихъ появляться и въ Зарявшанскомъ краѣ отъ нескончаемыхъ безпокойствъ и неурядицъ въ смежныхъ съ нимъ владѣніяхъ бухарскаго эмира». Нельзя не замѣтить, что этотъ мотивъ и въ будущности непремѣнно и даже нерѣдко будетъ представляться намъ, что едва ли когда-нибудь наступитъ такая пора, когда «эмиръ приведетъ свои дѣла въ такой порядокъ, что *никакая опасность, ни съ какой стороны* ему угрожать уже не будетъ», — какъ того желаетъ генералъ Абрамовъ. Да и вся-то будущность нашихъ отношеній къ Бухарѣ, въ какомъ свѣтѣ представляется она намъ? На это лучше всего отвѣчаютъ соображенія, имѣвшіяся въ виду самимъ генералъ-губернаторомъ, когда онъ давалъ генералу Абрамову инструкціи, по которымъ неминуемо должна была наступить для этого офицера обязанность вмѣшательства. Вотъ эти соображенія: «Миръ, заключенный нами съ Бухарою, могъ быть выполненъ только при условіи полнаго спокойствія (!) въ ханствѣ, а также и того, чтобъ владѣтелемъ его оставался настоящій эмиръ Сеидъ-Музафаръ, такъ какъ, по азіятскимъ понятіямъ, договоры и условія настоящаго владѣтеля *необязательны для его преемниковъ*». Не проще ли было покончить съ Бухарою въ тотъ же походъ, когда намъ достался Самаркандъ, и не откладывать этого дѣла, принимая на себя длинный рядъ безплодныхъ вмѣшательствъ, дѣлая анархію въ Бухарѣ неизбѣжною тѣмъ самымъ, что мы лишили эмира нравственнаго авторитета и, предоставляя ей полную возможность періодически проявляться, тѣмъ самымъ, что внѣшній, призрачный авторитетъ въ краѣ предоставленъ тому же эмиру Музафару?

Приведенныхъ оффиціальныхъ строкъ достаточно, чтобы показать, что послѣ смерти нынѣшняго эмира, намъ все-таки придется снова покорять Бухару, и можно ли утверждать съ достовѣрностью, что во второй разъ, когда бухарцы уже успѣютъ запастись изъ Афганистана англійскими пушками и ружьями, это не будетъ стоить намъ дороже, чѣмъ въ первый разъ?

Хорошо еще, что мы владѣемъ Самаркандомъ. Это ключъ Бухары. Но что́ мы говоримъ? До насъ доходятъ слухи, что возбужденъ вопросъ именно о возвращеніи Самарканда бухарскому эмиру! Если это правда, то придется сказать, что, имѣя впереди неизбѣжно-влекущій насъ впередъ путь, мы добровольно откажемся отъ важнѣйшаго на немъ этапа, лишимъ себя возможности держать Бухару въ страхѣ пресѣченія воды и сами возвратимся въ Джюзакъ, именно въ Джюзакъ, котораго воды не въ нашихъ рукахъ!

Что вопросъ о возвращеніи Самарканда возбужденъ—этому слуху мы не можемъ не вѣрить. Но мы положительно отказываемся вѣрить, чтобы подобный проектъ былъ принятъ правительствомъ, хотя онъ, пожалуй, и слѣдуетъ логически изъ нынѣшней системы политики относительно Бухары, если только можетъ быть логика въ чемъ-то неопредѣленномъ и столь очевидно зависящемъ отъ обстоятельствъ, а не отъ живой и твердой мысли.

Отдача Самарканда поставила бы насъ въ очень невыгодное положеніе не въ одномъ стратегическомъ смыслѣ: она подорвала бы наше нравственное «обаяніе», о которомъ такъ много заботились доселѣ, которымъ столько разъ оправдывали движеніе чисто-наступательное. Всѣ эти невыгоды такъ очевидны, что мы не будемъ долѣе останавливаться на этомъ предметѣ, въ увѣренности, что проектъ о возвращеніи Самарканда долженъ быть устраненъ.

Но самый тотъ фактъ, что подобный вопросъ могъ возникнуть, заслуживаетъ особаго вниманія. Этотъ фактъ показываетъ, что программа нашихъ дѣйствій въ средней Азіи рѣшительно еще не установилась. Если могъ возникнуть вопросъ объ оставленіи Самарканда, то изъ этого до очевидности ясно, что самое взятіе его не было дѣйствіемъ предвидѣннымъ, сознательнымъ, а было случайнымъ фактомъ, навязаннымъ намъ обстоятельствами. А такъ какъ непредвидѣнныя обстоятельства посреди смутъ, на которыя нынѣ обречена Бухара, будутъ представляться безпрестанно, то стало быть нѣтъ никакой возможности предсказать теперь, куда не заведутъ насъ случайности въ теченіе даже ближайшихъ годовъ.

«Если бухарскій эмиръ не испортитъ сдѣланнаго для него дѣла излишней жестокостью въ Картахъ—говоритъ оффиціальная реляція—и будетъ вести дѣла свои благоразумно, то онъ *легко* можетъ возвратить потерянное вліяніе и сдѣлаться по прежнему полнымъ властителемъ въ своихъ владѣніяхъ». Далѣе въ реляціи выражено мнѣніе, что нынѣшнія военныя дѣйствія (происходившія въ октябрѣ) убѣдятъ и бухарскій народъ въ нашихъ безкорыстныхъ намѣреніяхъ, и бухарскаго эмира въ необходимости для него дружбы съ Россіею. Все это довольно проблематично. Бухарскій эмиръ не можетъ питать дружественныхъ чувствъ къ Россіи, потому что Россія разрушила его славу новаго непобѣдимаго Тимура, и дружбой съ Россіей ему въ особенности не *легко* было бы возстановить утраченное имъ нравственное вліяніе. Тутъ одинъ прямой и неизбѣжный путь, ведущій черезъ вражду, болѣе или менѣе открытую, къ непосредственному покоренію Бухары, что́ и случится рано или поздно. Поэтому отдача Самарканда бухарцамъ не предупредила бы такой конечный исходъ, а только значительно затруднила бы его намъ.

Мы не хотимъ сказать, что нынѣшняя система колебаній и неопредѣленности въ среднеазіятскихъ дѣлахъ зависитъ вполнѣ отъ военнаго министерства. Извѣстно, что инструкціи Туркестанскому генералъ-губернатору составляются по соединенному обсужденію министерствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ. Участіе военнаго вѣдомства въ этой системѣ колебаній выражается едва ли не преимущественно въ томъ, что при практическомъ примѣненіи тѣхъ общихъ мыслей, изъ которыхъ состоятъ инструкціи, не возникаетъ никакой живой, самостоятельной мысли, которая смогла бы создать изъ мѣстныхъ обстоятельствъ раціональную, рѣшительную программу и самой силой своей убѣдить объ отрасли высшаго управленія въ превосходствѣ такой системы, возникшей и придуманной на мѣстѣ. Пока мѣстные дѣятели не будутъ въ состояніи сами создать и предложить раціональный и твердый путь, пока преобладающими въ дѣлѣ столь далекомъ и своеобразномъ будутъ только тѣ общія мысли, какія могутъ быть придумываемы въ Петербургѣ, до тѣхъ поръ, въ конечномъ результатѣ, дѣло направлять будутъ въ дѣйствительности одни случайныя обстоятельства.

Пристрастіе дипломатіи вообще къ дѣламъ европейскимъ слишкомъ извѣстно. Дипломатіи вообще какой-нибудь, даже крошечный дипломатическій, иногда салонно-дипломатическій успѣхъ на европейской сценѣ можетъ иногда казаться интереснѣе и даже важнѣе пріобрѣтенія цѣлаго ханства въ глубинѣ Азіи и водворенія тамъ прочнаго порядка. Вотъ почему дипломатіи могутъ не нравиться предложенія мѣръ радикальныхъ на Востокѣ, между тѣмъ какъ спеціялисты военные не могутъ не быть убѣждены, что только отъ такихъ именно мѣръ и можно ожидать устройства политическихъ дѣлъ въ Средней Азіи.

Вопросъ о среднеазіятскихъ дѣлахъ въ настоящее время, безъ сомнѣнія, служитъ предметомъ правительственнаго обсужденія. Туркестанскій генералъ-губернаторъ, генералъ Кауфманъ уже давно пріѣхалъ въ Петербургъ и, говорятъ, выѣдетъ въ край не ранѣе весны. Надо надѣяться—долговременное управленіе туркестанскимъ краемъ изъ Петербурга принесетъ краю пользу, хотя бы въ томъ отношеніи, что представится полная возможность сообразовать и предполагаемыя мѣры и личныя назначенія съ дѣйствительными потребностями нынѣшняго положенія края.

Говоря такъ, мы разумѣемъ не одни военныя потребности. Дѣло въ томъ, что и для внутренняго устройства края сдѣлано еще нестолько, какъ слѣдовало бы ожидать, тѣмъ болѣе, что со времени назначенія туда генерала Кауфмана протекло уже болѣе года времени, гораздо болѣе удобнаго для заботъ о внутреннемъ устройствѣ, чѣмъ предшествовавшіе года. Мы никакъ не хотимъ намекнуть здѣсь, что не сдѣлано ничего или очень мало; мы желаемъ болѣе всего соблюсти строгое безпристрастіе въ оцѣнкѣ. Мы знаемъ, что работали много,

что введеніе административной организаціи потребовало много хлопотъ, что генералъ-губернаторъ неутомимо осматривалъ войска, чѣмъ поддерживалъ ихъ постоянно въ полномъ порядкѣ; но насъ интересуетъ не столько эта бюрократическая и военноначальническая дѣятельность власти, сколько стремленіе къ осуществленію тѣхъ наиболѣе существенныхъ условій, которыя одни могутъ дать цѣну огромнымъ новѣйшимъ территоріяльнымъ пріобрѣтеніямъ Россіи въ Средней Азіи.

Укажемъ вкратцѣ на эти условія. Чтобъ эти пріобрѣтенія имѣли цѣну, болѣе всего необходимо вотъ что: безопасность, безъ которой немыслимо никакое внутреннее развитіе, привлеченіе въ край русскихъ силъ и капиталовъ широкимъ поощреніемъ промышленности и торговли, наконецъ, примиреніе туземныхъ племенъ съ нашей властью надъ ними, пріобрѣтеніе нравственнаго вліянія въ туземной средѣ.

Что безопасность—первое условіе, это разумѣется само собою. Что безопасность и внутренняя и внѣшняя можетъ быть водворена только при твердой сознательной системѣ политики—это очевидно. Поэтому сюда относится все то, что́ мы сказали выше о необходимости остановиться на такомъ планѣ, который не оставлялъ бы всего положенія дѣлъ въ зависимости отъ случайностей. Относительно Бухары, мы послѣ взятія Самарканда остановились на полпути. Что чрезъ нѣсколько лѣтъ намъ, быть можетъ, уже не такъ легко будетъ довершить неизбѣжное, на это указываетъ и та перемѣна, которая повидимому происходитъ въ англійской остъ-индской политикѣ. Уже носятся слухи, что нынѣшній англійскій генералъ-губернаторъ, сэръ Джонъ Лоуренсъ, приверженецъ системы невмѣшательства, будетъ отозванъ, и въ Англіи начинаетъ одерживать верхъ мысль, что вмѣшательство въ азіятскія дѣла необходимо, что слѣдуетъ занять и укрѣпить нѣкоторые пункты въ Афганистанѣ; несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что остъ-индское правительство уже теперь вмѣшалось въ распрю наслѣдниковъ Дост-Магомета путемъ денежныхъ вспомоществованій тому изъ нихъ, который считается приверженцемъ Англіи. Итакъ, англійское вліяніе, англійская, хотя и косвенная, но очень существенная помощь, по всей вѣроятности, станутъ приближаться къ предѣламъ Бухары.

Правда, у насъ теперь смотрятъ на бухарскаго эмира какъ на союзника; но вопросъ въ томъ: останется ли онъ въ такомъ положеніи при иныхъ обстоятельствахъ. Въ «Русскомъ Инвалидѣ» еще и теперь, по поводу послѣднихъ событій, напоминаютъ, что съ эмиромъ у насъ заключенъ мирный договоръ, въ силу котораго Музафаръ обязался охранять личную и имущественную безопасность нашихъ купцовъ и *уплатить намъ контрибуцію*. Эта контрибуція въ свое время не могла не произвесть нѣкотораго эффекта; она, повидимому, доказывала,

что военные успѣхи, одержанные лѣтомъ—не безплодны; что завоеванія въ средней Азіи могутъ сами покрывать необходимыя на нихъ издержки, доказывала, что мы ведемъ тамъ дѣла практически, на англійскій манеръ. Обѣщанная контрибуція была довольно значительна, именно въ полмилліона рублей. Но теперь мы прямо обратимся къ «Русскому Инвалиду» съ вопросомъ: много ли уплачено изъ этой контрибуціи, и не прошелъ ли уже срокъ опредѣленный для внесенія ея? Сколько намъ извѣстно, эмиръ уплатилъ только 10 тысячъ рублей, въ самомъ же началѣ. Отъ 10 до 500 тысячъ рублей еще очень далеко. Уплатилъ ли эмиръ что-нибудь послѣ того? А если срокъ уплаты прошелъ и никакого новаго платежа не послѣдовало, то въ какое же положеніе мы поставили себя? Должны ли мы теперь взыскивать съ эмира остальные 490 тысячъ рублей, и въ такомъ случаѣ можетъ ли эмиръ быть нашимъ союзникомъ, какъ мы того ожидаемъ? Или мы ничего взыскивать не будемъ и допустимъ, чтобы бухарцы думали, что обязательства, которыя мы на нихъ налагаемъ—не серьезны? Въ состояніи ли, наконецъ, эмиръ, еслибы онъ и хотѣлъ, уплатить намъ эту контрибуцію теперь, когда мы лишили его силы, при помощи которой онъ прежде обременялъ свою страну чрезвычайными налогами? Если нѣтъ, то какъ же мы могли въ одно и тоже время и ослаблять эмира и поручать ему сборъ суммы, которую подданные его, конечно, добровольно не внесутъ? Наконецъ, если изъ полумилліонной контрибуціи мы получимъ всего только 10 т. рублей, то основателенъ ли былъ тотъ эффектъ, который произвела эта контрибуція у насъ, при заключеніи трактата?

Теперь, кажется, достаточно очерченъ тотъ cercle vicieux, въ которомъ вращаются наши отношенія къ Бухарѣ. Само собою разумѣется, что при фальшивомъ положеніи и безопасность обезпечена здѣсь быть не можетъ.

Безопасность не вполнѣ обезпечена и съ сѣвера, и съ востока, со стороны Иссыккули и Тянь-Шаня и западнаго Китая. Въ западномъ Китаѣ господствуетъ анархія, которой косвеннымъ образомъ способствовали наши войны, выбросивъ туда удалыхъ коканскихъ вождей-фанатиковъ. Китайскія пограничныя власти живутъ въ нашихъ предѣлахъ, куда перевезли и свое серебро, а наши власти ведутъ съ ними переговоры, которые ни къ чему, конечно, не приводятъ. Между тѣмъ, положеніе дѣлъ въ западномъ Китаѣ таково, что мы безпрестанно должны ожидать, что намъ представится необходимость интервенціи, не говоря уже о постоянной опасности разбоевъ, которые неизбѣжны при возбужденномъ состояніи цѣлой страны. Остается надѣяться, что высшій начальникъ края, проживая въ Петербургѣ, успѣетъ познакомить правительство со всѣми подробностями положенія края и пред-

ставить такія предположенія, которыя бы вели къ полному удовлетворенію перваго условія нужнаго краю — безопасности.

За внѣшнимъ, вооруженнымъ покореніемъ страны должно идти мирное покореніе его приливомъ силъ изъ Россіи, разработкою натуральныхъ богатствъ края, развитіемъ торговли, однимъ словомъ, постепенное усвоеніе края русскою культурною силой. Это, послѣ безопасности, очевидно—самое важное условіе, безъ него мы будемъ имѣть въ Туркестанѣ только лагерь въ степи, а не въ самомъ дѣлѣ цѣнное пріобрѣтеніе.

Естественныя богатства, которыя даетъ и въ особенности еще можетъ дать туркестанскій край, очень значительны; новѣйшія описанія подтверждаютъ прежнія свѣдѣнія. Въ этомъ отношеніи мы можемъ только отослать читателя къ очень дѣльному и очень любопытному сочиненію: «Туркестанскій край въ 1866 году» П. И. Пашино, только-что вышедшему въ свѣтъ. По отзыву г. Пашино, хлопокъ, напримѣръ, можетъ быть производимъ и по всей сыръ-дарьинской равнинѣ, не говоря уже о Бухарѣ. Шелкъ, нефть, каменный уголь, мѣдь, свинецъ, селитра — вотъ богатства, которыя частью уже добываются, частью уже открыты.

Но нельзя не признать, что для того, чтобы положить хотя бы начало этому культурному завоеванію края, столь отдаленнаго, только-что занятаго и представляющаго на всякомъ шагу затрудненія и опасности — прежде всего нужно, чтобы сама администрація была убѣждена въ томъ, что главное дѣло должны сдѣлать здѣсь именно не такая или иная организація управленія, даже не вмѣшательство въ судебныя и духовныя дѣла туземцовъ, которые навѣрное понимаютъ свои интересы не хуже нашей администраціи, незнающей и самаго ихъ языка,—а именно культурная сила промышленности и торговли. Поэтому главною и первою заботою администраціи, кромѣ установленія безопасности, должно быть именно вызывать и поощрять эти силы. На русскихъ купцовъ тамъ, въ Туркестанѣ, слѣдуетъ смотрѣть какъ на піонеровъ русской культуры, какъ на истинныхъ завоевателей, и дорожить ими и ихъ интересами болѣе, чѣмъ подчиненностью любого административнаго лица другому административному лицу или исправностью обмундировки хотя бы всего корпуса гг. офицеровъ.

Едва ли, судя по тому, какъ мало сдѣлано до сихъ поръ, можно сказать, что администрація вполнѣ исполнила свою задачу въ этомъ отношеніи. Виною тому, конечно, было поглощеніе ея вниманія преимущественно военными фактами.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го января 1869 года.

Коренная причина всѣхъ затрудненій европейской дипломатіи.—Источникъ рѣшительной политики Турціи въ послѣднее время и румынскія дѣла.—Турецкій ультиматъ 10-го декабря. — Національное движеніе въ Греціи и конференція. — Отношеніе Австріи къ восточному вопросу. — Новое министерство во Франціи въ связи съ греко-турецкимъ столкновеніемъ. — Отношеніе къ Турціи новаго министерства въ Англіи. — Лордъ Станлей и его рѣчь по восточному вопросу.— Америка.

Европейская дипломатія провожала и встрѣчала новый годъ не безъ большихъ тревогъ. Но, въ сущности, это — продолженіе вѣчной перемежающейся лихорадки, которая не даетъ ей никогда прочнаго покоя. Одно изъ двухъ, или причина такого ненормальнаго состоянія заключается на самомъ дѣлѣ въ дряхлости Европы, что́ проповѣдуется многими пессимистическими и озлобленными на весь міръ умами, или, такъ какъ нельзя вѣрить въ эту дряхлость, то средства и медикаменты, которыми европейскіе политики думали до сихъ поръ излечить болѣзнь—весьма плохи. Кто не толковалъ и не глумился надъ европейскою дипломатіею, кто не обвинялъ ее въ недальновидности! Смѣяться надъ ея безплодными попытками освободить закованнаго и страждущаго Прометея сдѣлалось просто банальнымъ средствомъ для объясненія всякаго политическаго недуга. Европейская дипломатія тутъ неповинна, и напрасно требовать отъ нея того, что́ она не въ силахъ исполнить. Международная политика не есть нѣчто абстрактное, ни отчего не зависящее; она состоитъ болѣе чѣмъ въ связи съ внутреннею политикою каждаго отдѣльнаго государства, она является какъ бы ея выраженіемъ. Вотъ почему, до тѣхъ поръ, пока внутреннее устройство во всѣхъ европейскихъ государствахъ не достигнетъ до надлежащаго развитія, пока оно не будетъ установлено на болѣе раціональныхъ основаніяхъ, до тѣхъ поръ и международная политика тщетно будетъ искать болѣе разумныхъ началъ, которыми она могла бы руководиться. Международная политика, подчиненная внутреннему строю

всѣхъ европейскихъ государствъ вмѣстѣ взятыхъ, долго еще будетъ находиться въ заколдованномъ кругу и долго еще будетъ безсильна для исцѣленія тѣхъ болячекъ, которыми поочереди страдаетъ политическое тѣло Европы.

Къ числу такихъ болячекъ, и притомъ, весьма застарѣлыхъ, должно отнести и восточный вопросъ; или какимъ образомъ можно было бы себѣ объяснить всеобщія заботы, возбужденныя турецкимъ ультиматомъ Греціи, да и какъ понять смыслъ этого ультимата, послѣ того какъ прошло цѣлыхъ два года отъ начала возстанія Кандіи: почему Турція именно теперь сдѣлала то, что́ она, повидимому, могла сдѣлать очень давно, и почему она не прибѣгала къ этому средству гораздо прежде, такъ какъ въ послѣднее время греческое правительство не подавало къ ультимату какихъ-нибудь особенныхъ поводовъ? Что́ прежде мѣшало Турціи прибѣгнуть къ ультимату, и наоборотъ, что́ поощрило ее къ такому шагу въ настоящую минуту? Не находится ли смѣлость Турціи въ обратномъ отношеніи къ состоянію дѣлъ на Западѣ?

Лѣтомъ прошлаго года, когда всѣ умы были заняты натянутыми отношеніями Франціи и Пруссіи, и когда, дѣйствительно, страшное столкновеніе готовилось уже разразиться между двумя врагами раздѣленными Рейномъ, но остановлено было какимъ-то случайнымъ, внезапнымъ обстоятельствомъ, какъ выразился въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій прусскаго парламента графъ Бисмаркъ, въ это самое время, когда вниманіе было отвращено отъ Востока, тамъ совершались событія, которыя стоятъ въ ближайшей связи съ послѣднимъ греко-турецкимъ столкновеніемъ. Мѣстомъ дѣйствія главнымъ образомъ служила Румынія, а дѣйствующими лицами были князь Карлъ Гогенцоллернскій, его министръ Братіано, и нѣсколько лицъ безъ имени за кулисами, съ одной стороны, съ другой—министръ иностранныхъ дѣлъ Фуадъ-паша, зорко слѣдившій за всѣмъ, что́ тамъ дѣлалось, графъ Бейстъ и точно также нѣсколько безъименныхъ лицъ, о которыхъ можно дѣлать всякія предположенія, но трудно сказать что́-нибудь вѣрное. Очевидны были одни только факты, которые всѣ сводились къ тому, что изъ Румыніи выходили довольно значительныя шайки, переходили турецкую границу, появлялись на правомъ берегу Дуная и причиняли очень серьезныя опасенія турецкому правительству. Цѣль движенія была понятна—поднять христіанскія провинціи Турціи, держать ее въ постоянномъ страхѣ, тѣснить съ сѣвера и юга, такъ, чтобы общими силами окончательно задушить «больного человѣка». Начавшееся движеніе на сѣверѣ Турціи имѣло хорошую организацію; всюду организованы были революціонные комитеты, заботившіеся о вооруженіи, деньгахъ и всѣхъ матеріальныхъ средствахъ возстанія. Откуда появлялись оружіе и деньги—это оставалось тайною, но дѣло

въ томъ, что и оружіе и деньги приходили въ большомъ количествѣ. Правда, возстаніе не имѣло большого успѣха, революціонныя шайки терпѣли пораженія, но тѣмъ не менѣе и Турція и Австрія, которая всегда опасается успленія русскаго вліянія среди христіанскаго населенія турецкой имперіи, были довольно сильно встревожены. Турецкое правительство выразило свое явное недовольство нотою министра иностранныхъ дѣлъ Фуадъ-паши, которую онъ разослалъ правительствамъ всѣхъ тѣхъ державъ, которыя подписали парижскій трактатъ 1856 года.

Въ этой нотѣ министръ иностранныхъ дѣлъ привлекалъ вниманіе европейскихъ державъ на тѣ «козни», которыя строятся правительствомъ Соединенныхъ-Княжествъ, и жаловался, что княжеское правительство не только знаетъ, но даже покровительствуетъ образованію шаекъ. «Если—писалъ онъ—результатъ подтвердитъ предположеніе, которое явилось у императорскаго правительства», тогда горе княжествамъ, они будутъ принуждены выслушать твердую рѣчь и такого свойства, которое заставитъ княжеское правительство смотрѣть съ болѣе справедливой точки зрѣнія на его положеніе по отношенію къ верховной власти Порты.» Австрійскій министръ графъ Бейстъ какъ бы подтвердилъ эту жалобу Фуадъ-паши, сказавъ въ одномъ изъ засѣданій рейхсрата, что Дунайскія Княжества представляютъ изъ себя не что иное, какъ большой арсеналъ. Но страхъ и опасенія, вызванныя появленіемъ нѣсколькихъ шаекъ и ввозомъ нѣсколькихъ фургоновъ съ оружіемъ, не исчезъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ самыхъ шаекъ, и жалобы турецкаго правительства и недовольство австрійскаго обратились теперь главнымъ образомъ противъ перваго министра румынскаго князя Карла, Братіана; его не переставали обвинять въ самыхъ враждебныхъ замыслахъ противъ цѣльности турецкой имперіи. На Братіано смотрѣла враждебно не одна Турція, не одна Австрія, на него косилась и Франція, которая видѣла въ немъ представителя какъ бы русскихъ интересовъ. Еслибы Братіано и въ самомъ дѣлѣ склонялся къ Россіи болѣе чѣмъ къ Турціи и Австріи, и что́ было бы какъ нельзя болѣе естественно, такъ какъ главнымъ образомъ въ ней онъ долженъ былъ искать искренней помощи, если только въ самомъ дѣлѣ онъ былъ воодушевленъ тѣми стремленіями, которыя ему приписываетъ заграничная пресса. Планъ его,—утверждали тѣ, которые желали сломить его,—заключается въ расширеніи предѣловъ Румыніи и соединеніи съ другими христіанскими племенами турецкой имперіи. Безъ сомнѣнія, подобный планъ долженъ былъ казаться преступленіемъ не только Турціи, но и всѣмъ остальнымъ западнымъ государствамъ, которыя соединили свои усилія для удаленія Братіано. До тѣхъ поръ, пока первый министръ князя Карла находилъ себѣ опору въ Россіи и Пруссіи, онъ былъ крѣпокъ, и никакія притязанія не могли удалить его отъ власти, а вмѣстѣ съ нимъ и его нѣсколько вызываю-

щую политику. Пруссія же стоитъ въ восточномъ вопросѣ совершенно въ иномъ положеніи нежели Россія: она не разъ уже высказывала, что на востокѣ Европы у нея нѣтъ никакихъ непосредственныхъ интересовъ, и что, слѣдовательно,—это прямо вытекало изъ ея словъ,—она будетъ содѣйствовать въ этомъ вопросѣ тому, отъ кого больше можетъ имѣть личныхъ выгодъ. До тѣхъ поръ, пока ей грозила война съ Франціею, да еще въ союзѣ съ Австріею, до тѣхъ поръ, пока она каждый день должна была чувствовать необходимость союза съ Россіею, Пруссія готова была поддерживать не только Братіано и его политику, враждебную Турціи и Австріи, но она съ удовольствіемъ разжигала бы Румынію и напускала бы ее на Турцію, если только этимъ можно было ей удерживать ея враговъ. Но лишь только опасность минуетъ, лишь только Пруссія замѣтитъ, что, измѣняя свою политику на Востокѣ, она можетъ выиграть что́-нибудь на Западѣ, она не остановится ни на минуту и безъ всякой застѣнчивости пожертвуетъ тѣмъ, что́ защищала до сихъ поръ. Когда ей понадобилось дать Австріи и Франціи доказательство своей миролюбивой политики, она въ своихъ оффиціальныхъ органахъ немедленно напала на того самаго Братіано, котораго она только-что защищала, и обвинила Румынію, не смотря на родственныя связи, соединяющія прусскаго Гогенцоллерна съ румынскимъ, въ несвойственной ея подчиненному положенію политикѣ. Перемѣна, происшедшая въ Берлинѣ, немедленно отразилась и въ Бухарестѣ паденіемъ министерства Братіано, которое замѣнено было Когольничано, Гикой и нѣкоторыми другими. Турція торжествовала, она избавилась въ Румыніи отъ своего главнаго врага, котораго не переставала обвинять въ наводненіи Болгаріи революціонными шайками; и благодаря своему легкому тріумфу тутъ, турецкимъ государственнымъ людямъ могло легко прійти въ голову, еслибы даже не было посторонняго подстрекательства, окончательно порѣшить и на югѣ, и выказать свою силу на умирающемъ возстаніи кандіотовъ. Видя всѣ западныя державы на своей сторонѣ, Турція рѣшилась воспользоваться тѣмъ общимъ желаніемъ мира, которое въ послѣднее время никто не хотѣлъ скрывать, и унизить своего стараго врага—гре́ческое королевство, наказавъ его за помощь поданную и до сихъ поръ подаваемую возставшимъ противъ турецкаго ига кандіотамъ. Турція на румынскомъ дѣлѣ убѣдилась, что изъ-за Греціи Европа не пожелаетъ нарушить всеобщаго мира, иначе, безъ сомнѣнія, она не замутила бы волны Архипелага, который теперь, неизвѣстно, какъ и когда успокоится.

Если съ увѣренностью нельзя предсказывать, чѣмъ кончится поднятый Турціею вопросъ, то во всякомъ случаѣ можно сильно сомнѣваться въ томъ, чтобы она вышла изъ созданнаго ею самою положенія такъ же легко и удачно, какъ развязалась она съ Дунайскими

Княжествами. Къ какимъ бы догадкамъ ни прибѣгали мы, чтобы объяснить, отчего Турція накинулась на Грецію именно въ эту минуту,— несомнѣнно одно, что настоящее высокомѣріе Турціи есть только новое доказательство немощи ея организма. Будь Турція самостоятельнымъ и крѣпкимъ государствомъ, она, безъ сомнѣнія, потребовала бы удовлетворенія отъ Греціи не теперь, а еще два года тому назадъ, въ ту самую минуту, когда раскинулось пламя по всей Кандіи. Вмѣсто того, чтобы тогда же обратиться къ Греціи и потребовать отъ нея сохраненія полнаго нейтралитета подъ угрозою даже объявленія войны, такъ какъ греческое правительство нисколько не скрывало своихъ дѣйствій и открыто помогало возстанію, Порта, вмѣсто того, накинулась на несчастныхъ кандіотовъ, которые, если не были настолько физически сильны, чтобы побѣдить своего вѣкового врага, за то выказали большую нравственную силу, не только умирая со славою, но перенося, что̀ часто хуже смерти, тысячи всевозможныхъ бѣдствій и лишеній. Все это вызывало сочувствіе къ кандіотамъ не въ однихъ только грекахъ. Сочувствіе было даже у тѣхъ, которые всегда являлись самыми ревностными защитниками нераздѣльности и цѣльности турецкой имперіи, даже тѣ рѣшительно произносились въ пользу Кандіи и безусловно обвиняли Порту. Вездѣ почти были открыты общественныя подписки въ пользу кандіотовъ, отовсюду долетали до нихъ слова сочувствія и воодушевленія. Американскіе, русскіе, французскіе и англійскіе корабли перевозили стариковъ, женщинъ, дѣтей изъ Кандіи, гдѣ имъ угрожало истребленіе и голодная смерть, въ Грецію. Но нигдѣ, разумѣется, сочувствіе къ возстанію не достигло такихъ размѣровъ, какъ въ Греціи, которая, безъ сомнѣнія, кинулась бы въ открытую борьбу съ Турціей, еслибы то допустили только покровительствующія державы. Тѣмъ не менѣе помощь, оказанная Греціею, была велика: отсюда шли въ Кандію деньги, люди, оружіе, съѣстные припасы; солдаты, офицеры покидали полки и отправлялись въ Кандію, которая была свидѣтельницею не одной счастливой битвы между греками и турками.

Да и какъ, собственно говоря, Грецію могла не помогать возставшей Кандіи, когда тамъ дрались ея сыны, отторгнутые отъ нея дипломатическими соображеніями и всяческими ухищреніями. Чего желали кандіоты? У нихъ не было другой цѣли, какъ присоединеніе къ Греціи, они и провозгласили ее при самомъ началѣ возстанія. Греціи весьма естественно хотѣлось освободить Кандію отъ турецкаго ига, а себя отъ той оффиціальной маски невмѣшательства, которую она должна была сохранять ради политическаго приличія. Въ сущности же это приличіе не было ни для кого нужно, потому что Турція отлично видѣла, какую дѣятельную роль играетъ Грецію въ возстаніи Кандіи и въ другихъ турецкихъ провинціяхъ съ греческимъ

населеніемъ, какъ въ Ѳессаліи и Эпирѣ. Какъ ни безплодны вообще всякія сожалѣнія въ области политики, но нельзя не сказать, что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ было лучше, еслибы тогда же сношенія между Греціею и Турціею были порваны, и первая, сбросивъ съ себя никого не обманывавшую маску приличія, открыто заступилась за своихъ угнетенныхъ сыновъ. Разумѣется, сѣтованія эти должны быть отнесены исключительно на счетъ Турціи, потому что она одна, какъ болѣе сильная держава, могла, никого не спрашивая и никого не слушая, располагать своею политикою. Объяви она тогда же войну Греціи, она выказала бы несравненно больше достоинства, хотя бы уже только потому, что тогда она имѣла несравненно больше поводовъ быть недовольною Греціею, чѣмъ въ настоящую минуту, когда возстаніе чуть не погасло и помощь почти пресѣклась. Но не такъ дѣйствовала Порта въ 1866 году. Вмѣсто принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ Греціи, турецкое правительство обращалось какъ къ самой Греціи, такъ и къ другимъ европейскимъ государствамъ съ неоднократными жалобами на ту роль, которую играетъ въ возстаніи греческій народъ. Дальше простыхъ жалобъ Порта не шла, потому что боялась идти. Несравненно съ бо́льшимъ достоинствомъ велъ себя греческій кабинетъ, который тогда отвѣчалъ, что́ онъ отвѣчаетъ и теперь, а именно, что правительство не считаетъ себя въ правѣ прибѣгать къ какимъ-нибудь незаконнымъ и недозволеннымъ конституціею мѣрамъ для воспрещенія греческому населенію сочувственно относиться къ возстанію въ Кандіи, жертвовать что́ ему угодно въ пользу его или даже самимъ отправляться на помощь къ угнетеннымъ. Какъ ни прямъ былъ такой отвѣтъ, какъ ни искренно и правдиво говорило греческое правительство, когда, обращаясь къ покровительствующимъ державамъ, оно увѣряло ихъ, что подъ угрозою собственной гибели оно не можетъ и не имѣетъ права оставаться равнодушнымъ къ движенію, охватившему собою цѣлую націю, сколько смѣлости ни было въ этомъ сознаніи нарушенія своего нейтралитета, правительство султана ограничилось отсылкою всевозможныхъ нотъ съ протестами и жалобами. При всей натянутости отношеній между двумя дворами—объ отправленіи грознаго ультимата не было однако и рѣчи. Причина такой сдержанности была какъ нельзя болѣе понятна; какъ ни косо смотрѣли, какъ ни холодно, въ самомъ началѣ возстанія, къ нему относились всѣ западныя государства, въ концѣ концовъ, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ всѣ были увлечены геройскимъ поведеніемъ Кандіи, и почти вся Европа стала на ея сторону. Общественное мнѣніе во всѣхъ почти странахъ было возбуждено противъ Турціи и выражало свое полное, безграничное сочувствіе возставшему народу. Во всѣхъ почти органахъ прессы, какъ консервативныхъ такъ и либеральныхъ, если не всегда требовалось отдѣленіе Кандіи отъ Турціи и присоеди-

неніе ея къ Греціи, то постоянно раздавались голоса, настаивавшіе на необходимости полной автономіи для острова и возможно быстраго прекращенія той бойни, которую правительство султана безсовѣстно учредило въ Кандіи. При подобномъ настроеніи Европы, Порта не смѣла объявлять войну Греціи, не смотря на то, что послѣдняя слала на мѣсто возстанія цѣлые полки волонтеровъ, деньги, оружіе, съѣстные и военные припасы. Упрекая Турцію за то, что она не имѣла достаточно силы, достоинства и энергіи объявить Греціи войну въ ту минуту, когда она дѣйствительно принимала дѣятельное участіе въ возстаніи, а грозитъ ей теперь, когда пламя потухло и участіе Греціи ослабѣло на сто процентовъ, мы въ тоже самое время упрекаемъ и всѣхъ тѣхъ, которые тогда, своимъ сочувствіемъ къ Кандіи, устрашительнымъ образомъ дѣйствовали на Турцію, и которые теперь своимъ равнодушіемъ, если не потворствомъ, позволяютъ Турціи высокомѣрно обращаться съ Грецією.

Отчего же произошла, въ самомъ дѣлѣ, та рѣзкая перемѣна въ воззрѣніяхъ правительствъ европейскихъ государствъ на взаимное положеніе Турціи, Кандіи и Греціи? Отчего въ то время, когда возстаніе только разгоралось, всѣ болѣе или менѣе заступились за слабую сторону, и отчего теперь, когда прошло два года и возстаніе все-таки неокончательно подавлено, когда Кандія выказала, какъ много въ ней твердости и рѣшимости избавиться отъ турецкаго владычества, и когда, съ другой стороны, Турція доказала еще разъ, если нужно было это только доказывать, что жестокостью, варварствомъ, безчеловѣчными казнями невозможно уничтожить, вырѣзать націю, отчего, спрашиваемъ мы, теперь не раздалось ни одного сильнаго голоса въ средѣ европейскихъ правительствъ, который заставилъ бы содрогнуться надменную по отношенію къ Греціи, но слабую и ничтожную, по отношенію всѣхъ другихъ, Турцію? Стать на сторону Кандіи, желать ея присоединенія къ Греціи, вовсе не значитъ еще быть поклонникомъ принципа національностей, примѣняемаго съ согласія или безъ согласія присоединяемаго народа; тутъ, въ этомъ вопросѣ важенъ не принципъ національностей, а доказанное двухлѣтнею борьбою и геройскими подвигами желаніе Кандіи присоединиться къ Греціи и ненависть къ Турціи, которая и въ этомъ дѣлѣ выказала столько безсилія, столько испорченности или неспособности къ развитію, что даже самые горячіе ея защитники могли придти въ отчаяніе. Въ одной изъ статей нашего журнала недавно было показано, къ чему сводятся всѣ турецкія реформы, сами превращающіяся съ неимовѣрною быстротою въ новыя злоупотребленія. И не смотря на то, не смотря, что всѣ государственные люди давно могли убѣдиться, что Турція—больное тѣло, которое трудно залечить, мы все-таки видимъ, что всѣ дипломатическія представленія главнымъ образомъ дѣлаются Греціи, а не Турціи,

и Греціи совѣтуютъ дѣлать уступки. Причину такого прискорбнаго явленія, кажется, слѣдуетъ искать въ отсутствіи нравственной силы не въ отдѣльныхъ лицахъ, но въ тѣхъ началахъ, на которыхъ зиждется все международное право, вся дипломатія. Обладай она твердыми принципами, два года назадъ мы бы уже видѣли Кандію присоединенную къ Греціи; но мы слышали отъ дипломатіи одни сожалѣнія, безплодныя и для Кандіи и для Греціи, и выгодныя только для Турціи. А теперь нѣтъ и сожалѣній, которыя слышались тогда; онѣ уступили мѣсто дружескимъ совѣтамъ Греціи—уступить во всѣхъ требованіяхъ Турціи. Увѣренность турецкаго правительства, что ни одна держава не заступится за Грецію, или если и заступится, то тогда найдутся другія государства, которыя примутъ сторону Порты, должна была быть велика, если она рѣшилась вдругъ круто дѣйствовать съ Греціею въ то время, когда меньше всего можно было этого ждать.

10 декабря, турецкій посланникъ Фотіадесъ-Бей передалъ министру иностранныхъ дѣлъ греческаго кабинета ультиматъ Порты, который мы занесли бы цѣликомъ въ нашу хронику, если бы онъ былъ не такъ длиненъ. Конечно, не собственною слабостію и боязнію объясняетъ Великая Порта свое «долготерпѣніе» по отношенію къ греческому королевству, а милосердіемъ, кротостью и состраданіемъ султана къ тяжкому внутреннему положенію Греціи. Почти три года, говорится въ ультиматѣ, Порта терпѣла неизобразимое попраніе международныхъ правъ, и вдругъ теперь догадалась, что она должна положить конецъ всѣмъ интригамъ, «которыя такъ явно велись, на глазахъ греческаго правительства, комитетами, засѣдавшими даже въ самой столицѣ королевства, съ цѣлью поддерживать возстаніе Крита, вопреки огромному большинству его жителей». Далѣе, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, вся вина возстанія сваливается на нѣсколько разбойничьихъ шаекъ, которыя вовсе не жертвуютъ своею жизнію изъ-за свободы своей родины, а просто разоряютъ страну ради грабежа, мошенничества и т. д.; это обыкновенная пѣсня, которая поется всѣми, когда какая-нибудь нація или часть ея возстаетъ противъ жестокости и деспотизма своихъ управителей. Высокая Порта представляется здѣсь защитницею угнетенныхъ, а греческіе волонтеры, умиравшіе въ Кандіи, какими-то пиратами, отъ которыхъ населеніе, преданное своему законному правительству, не можетъ избавиться. «Достаточно, говоритъ правительство султана, этого краткаго и точнаго изложенія, чтобы убѣдить всякаго безпристрастнаго человѣка, что здѣсь дѣло идетъ совсѣмъ не объ освобожденіи угнетеннаго народа, а напротивъ того, объ угнетеніи и мученіи цѣлаго населенія ради честолюбія одного сосѣдняго государства». Потому-то, въ виду такихъ-то и такихъ-то преступленій, которыя, какъ сказано въ самомъ ультиматѣ, терпѣлись Портою впродолженіи почти трехъ

лѣтъ, оттоманское правительство внезапно перемѣняетъ свое «долготерпѣніе» на крайнюю нетерпѣливость, и надменно высказываетъ, что «если правительство его величества короля не приметъ на себя въ пятидневный срокъ, считая отъ нынѣшняго дня, формальнаго обязательства: 1) немедленно разсѣять дружины волонтеровъ, организовавшіяся въ различныхъ частяхъ королевства и воспрепятствовать учрежденію новыхъ дружинъ; 2) обезоружить корсарскіе корабли «Энозисъ», «Критъ» и «Панэлленіонъ», или во всякомъ случаѣ воспретить имъ доступъ въ греческіе порты; 3) не только разрѣшить критскимъ выселенцамъ возвращеніе въ ихъ отечество, но и доставить имъ необходимыя для того помощь и покровительство; 4) наказать по закону тѣхъ, кто виновенъ въ нападеніяхъ на оттоманскихъ подданныхъ, солдатъ и офицеровъ, и дать надлежащее вознагражденіе семействамъ жертвъ этихъ нападеній; 5) безотлагательно принять образъ дѣйствій, сообразный съ существующими договорами и съ международнымъ правомъ»; то тогда страшная гроза разразится надъ вызвавшими гнѣвъ великаго турка эллинами.

Если Порта надѣялась подѣйствовать тѣмъ на греческое правительство, добиться отъ него легкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ полнаго удовлетворенія своихъ требованій, и показать Европѣ, что она ошибается, считая ее слабою, болѣзненною, неспособною справиться даже съ внутренними врагами, какъ выразился недавно одинъ англійскій дипломатъ, то она жестоко обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. Вмѣсто того, чтобы греческій народъ и его правительство обмерли отъ страха, и въ томъ и въ другомъ замѣтна больше чѣмъ когда-нибудь ненависть къ ихъ полуварварскому сосѣду, въ ихъ груди снова вскипѣлъ тотъ священный огонь, который въ началѣ нашего столѣтія сдѣлалъ ихъ способными къ отчаянной девятилѣтней борьбѣ за независимость Греціи. Не смотря на увѣщанія европейскихъ государствъ, греческое правительство, послушное въ этомъ случаѣ народной волѣ, съ энергіею оттолкнуло оскорбительныя требованія Порты, и вмѣсто покорнаго отвѣта возвратило паспорты турецкому посольству и послало свой корабль, на которомъ могъ бы возвратиться греческій посланникъ въ Константинополь. Населеніе поднялось, на улицахъ Аѳинъ происходятъ демонстраціи противъ Турціи, во всѣхъ классахъ общества распространился воинственный жаръ, крики противъ враговъ, требованія войны сдѣлали невозможнымъ для греческаго правительства подчиненіе какимъ бы то ни было требованіямъ, обиднымъ для народнаго достоинства. Греческое правительство съ отвагою стало приготовляться къ началію военныхъ дѣйствій, отбросивъ всякую осторожную и выжидательную политику, и поторопилось внести въ палату депутатовъ требованіе кредита во сто милліоновъ драхмъ и чрезвычайный наборъ греческой арміи. По послѣднимъ депешамъ, на-

лата дала свое полное согласіе на то и другое требованіе правительства. Турція, въ свою очередь, стягиваетъ свои войска къ греческой границѣ, и хотя, принужденная постороннимъ вліяніемъ, она не начала еще военныхъ дѣйствій, тѣмъ не менѣе прибѣгла къ такимъ мѣрамъ противъ греческихъ подданныхъ, которыя прямо идутъ въ разрѣзъ съ требованіями цивилизаціи. Она принудила всѣхъ греческихъ подданныхъ выѣхать въ продолженіи самаго короткаго срока, который только теперь отодвинула на пять недѣль, изъ предѣловъ Турецкой имперіи, въ противномъ случаѣ, она объявила, всѣ жительствующіе въ Турціи греки будутъ считаться турецкими подданными. Это же требованіе она хотѣла распространить и на грековъ, жительствующихъ въ Сербіи и Румыніи, какъ въ государствахъ, подвластныхъ ей, но получивъ формальный отказъ отъ правительства одного изъ этихъ княжествъ, Порта благоразумно взяла назадъ свое требованіе, и объявила, что она только довела до ихъ свѣдѣнія мѣры, принятыя ею самою, съ предоставленіемъ, разумѣется, пра́ва и Сербіи и Румыніи слѣдовать ея дикому примѣру. Нельзя не сожалѣть, что Порта не потребовала настоятельно исполненія своихъ приказаній отъ двухъ вассальныхъ ей княжествъ, потому что, весьма вѣроятно, въ такомъ случаѣ возстаніе охватило бы и эти два небольшія государства, что́ значительно измѣнило бы положеніе греко-турецкаго вопроса. Чѣмъ кончилось бы столкновеніе между этими двумя вѣковыми и ожесточенными врагами, еслибы европейскія государства предоставили ихъ собственной судьбѣ, разумѣется, трудно рѣшить, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что мы снова бы сдѣлались свидѣтелями той лютой борьбы, того отчаяннаго героизма, который впродолженіи многихъ годовъ, отъ 1821 до 1830 г., года основанія греческаго королевства, удивлялъ собою цѣлый свѣтъ и невольно заставлялъ предполагать въ эллинахъ воскрешеніе всѣхъ доблестей древней Греціи. Не было бы ничего удивительнаго, если бы борьба кончилась торжествомъ турокъ надъ греками, потому что они слишкомъ привыкли видѣть тріумфъ дикой и грубой физической силы надъ самыми святыми и геройскими попытками, но во всякомъ случаѣ возвращеніе Греціи подъ власть Турціи невозможно.

Внезапная рѣшительность Турціи, въ ультиматѣ, безъ всякаго сомнѣнія, не была сюрпризомъ для европейскихъ государствъ. Въ поведеніи Турціи нельзя не отыскать чужой руководящей руки, потому что сама она давно уже потеряла самостоятельность великой европейской державы. И потому, весьма вѣроятно, что какъ быстро рѣшилась она начать наступательное движеніе противъ Греціи, такъ съ такою же быстротою рѣшится она и на отступленіе, какъ скоро этого потребуютъ отъ нея другія европейскія государства. До сихъ поръ эти государства не могли придти въ себя отъ перваго удивленія, и,

вѣроятно пораженные рѣшительностію Турціи, всѣ стали совѣтовать Греціи уступить «законнымъ требованіямъ» Оттоманской Имперіи. Но увидѣвъ, что Греція и не думаетъ уступать, что она готова поднять брошенную перчатку и начать кровопролитный бой, Европа не могла не испугаться, услышавъ первый выстрѣлъ «Эпозиса», потому-что никакой другой вопросъ такъ тѣсно не связанъ съ цѣлымъ ходомъ европейской политики, какъ восточный, который увлекъ бы въ общую свалку чуть не всѣ правительства, а за ними уже только и народы. Нужно было какъ можно скорѣе остановить готовый вспыхнуть пожаръ, чтобы онъ не успѣлъ распространиться, и въ самомъ дѣлѣ, одно изъ европейскихъ государствъ—одни утверждаютъ, что Россія, другіе, что Англія—предложило открыть конференціи, которыя и порѣшили бы, разумѣется при участіи Турціи и Греціи, ихъ споръ и взаимныя притязанія. Состоятся-ли эти конференціи, удастся ли имъ уладить опять на время восточный вопросъ—предсказывать трудно; покамѣстъ мы видимъ только одинъ еще результатъ европейскаго вмѣшательства въ греко-турецкое столкновеніе,—это то, что военныя дѣйствія еще не открылись, хотя турецкая эскадра подъ начальствомъ англійскаго моряка Гоббарта-паши и блокируетъ Сиру.

Но чья же однако рука дѣйствовала тайно въ Турціи, кто подстрекалъ правительство султана накинуться на Грецію, для кого ультиматъ не былъ сюрпризомъ, и для кого онъ явился совершенно неожиданно,—мы не можемъ съ увѣренностію сказать. Общій голосъ всей прессы указываетъ на Австрію и на графа Бейста, какъ на главнаго виновника возникшихъ затрудненій. Въ самомъ дѣлѣ, припоминая недавно рѣчь, произнесенную имъ въ австрійскомъ рейхсратѣ, припоминая слова его, что быть можетъ именно венгерскія дружины должны будутъ первыми выступить на поле брани, справедливость такого мнѣнія является болѣе чѣмъ вѣроятною. Еслибы достовѣрность вліянія австрійскаго кабинета на константинопольскій была въ этомъ случаѣ доказана, тогда нельзя было бы не сказать, что политика графа Бейста болѣе чѣмъ опрометчива. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы продолжать дѣло внутренняго преобразованія государства, которое такъ нуждалось въ немъ; вмѣсто того, чтобы пользоваться уже сдѣланными успѣхами и совершившимся окончательнымъ соглашеніемъ съ Венгріею, доказательствомъ котораго можетъ служить рѣчь короля венгерскаго Франца Іосифа, въ какую бездну хочетъ втянуть австро-венгерскую монархію графъ Бейстъ, на какую скользкую дорогу желаетъ поставить первый министръ австрійскаго кабинета, только-что исправленную государственную машину! Не лучше ли будетъ для австро-венгерской монархіи, могутъ спросить графа Бейста, если она, какъ только-что сказалъ въ своей рѣчи Францъ-Іосифъ, «двинется съ новою энергіею по новому пути, цѣль котораго—миръ, благосостояніе и въ то же

самое время поддержаніе Австріи на той высокой степени, которую она должна занимать среди европейскихъ государствъ?» Миръ и благосостояніе — вотъ двѣ цѣли, которыя долженъ преслѣдовать графъ Бейстъ, если онъ не желаетъ видѣть разрушеннымъ выведенное имъ зданіе. Можно впрочемъ предполагать, что графъ Бейстъ не дѣйствовалъ совершенно изолированно, и если бы, конечно, онъ не имѣлъ поддержки въ своихъ планахъ — разжечь общую европейскую войну, въ которой врядъ ли онъ что-нибудь бы выигралъ, въ такихъ враждебныхъ Австріи державахъ какъ Россія и Пруссія, то того же нельзя сказать про Францію, которая въ послѣднее время не отдалялась отъ австрійской политики.

Перемѣны, которыя надняхъ были сдѣланы во французскомъ министерствѣ, и главнымъ образомъ замѣна маркиза Мутье маркизомъ Лавалеттомъ, едва ли не должна быть связана съ восточнымъ вопросомъ. Какую роль игралъ Мутье въ возникнувшемъ затрудненіи, протягивалъ ли онъ руку Бейсту или нѣтъ, сдѣлалъ ли онъ слишкомъ большой шагъ къ сближенію и къ общему вмѣшательству въ восточныя дѣла, — обо всемъ этомъ можно говорить только крайне гадательно; вѣрно только одно, что Мутье пользуется репутаціею одного изъ лучшихъ знатоковъ восточнаго вопроса, защитника неприкосновенности турецкой имперіи, и если въ ту самую минуту, когда вспыхнулъ этотъ вопросъ, Наполеонъ нашелъ нужнымъ удалить его изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, то врядъ ли это не служитъ ручательствомъ, что отставленный министръ пошелъ въ своей дружелюбной къ Австріи политикѣ дальше чѣмъ нужно, или во всякомъ случаѣ дальше, чѣмъ желалъ того отвѣтственный передъ націею монархъ. Мы знаемъ очень хорошо, что тамъ, гдѣ только одинъ монархъ отвѣтственъ передъ цѣлою націею, тамъ замѣна одного министерства другимъ имѣетъ крайне мало значенія, потому-что вездѣ и во всемъ управляетъ одна личная воля лица; сегодня онъ произвольно назначаетъ министромъ одно лицо, завтра оно ему не понравилось, и онъ смѣняетъ его. Но тѣмъ не менѣе, если мы знаемъ качество, симпатіи или антипатіи назначаемаго лица, то мы имѣемъ нѣкоторое право предполагать, что такой-то министръ не назначенъ именно для того, чтобы дѣйствовать на политической аренѣ прямо противоположно своимъ воззрѣніямъ. Вотъ почему и замѣна Мутье Лавалеттомъ, сторонникомъ миролюбивой, болѣе либеральной и слѣдовательно болѣе широкой политики, можетъ имѣть нѣкоторое значеніе. Никто еще не забылъ его знаменитаго циркуляра, разосланнаго имъ въ сентябрѣ 1866 года, на другой почти день послѣ Садовы, въ которомъ онъ говорилъ, что Франція, гордая своею силою, никому не можетъ завидовать, и что она не можетъ съ горечью смотрѣть на объединеніе какого бы то ни было народа, потому она сама признаетъ и защищаетъ

принципъ національности. Признавая принципъ національности тутъ, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ какъ Пруссія, и вдобавокъ такомъ опасномъ, новый министръ иностранныхъ дѣлъ тѣмъ болѣе долженъ его признавать, когда дѣло идетъ о незначительной и слабой Греціи, которая не должна будетъ прибѣгать ни къ какимъ насиліямъ, чтобы присоединить къ себѣ Кандію. Избирая въ министры такого миролюбиваго человѣка какъ маркизъ Лавалеттъ, Наполеонъ далъ какъ бы доказательство тому, что онъ понимаетъ, какъ важенъ для Франціи и для него самого миръ въ настоящую минуту. Помимо того, что французское правительство должно быть съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе озабочиваемо внутренними дѣлами страны, ея внѣшнее положеніе тоже не настолько блистательно, чтобы позволить ему помышлять о новыхъ приключеніяхъ. Помимо Пруссіи, съ которой волей-неволей ему приходится помириться, два другія сосѣднія государства, Испанія и Италія не могутъ не тревожить правительство французскаго народа. Если нельзя смотрѣть на то, что́ дѣлается въ Испаніи, въ слишкомъ черное стекло, то розовое стекло одинаково непригодно. Послѣднія происшествія въ Кадиксѣ, драка и кровь, лившаяся впродолженіи нѣсколькихъ дней, борьба войска, преданнаго временному правительству, съ толпою изъ трехъ тысячъ человѣкъ, возставшихъ противъ нѣкоторыхъ мѣръ губернатора Кадикса, не могли не опечалить самыхъ искреннихъ друзей испанской революціи. Къ счастью, начавшееся броженіе окончилось благополучно, и теперь можно только желать, чтобы поскорѣе пришло то время, когда соберутся кортесы и окончательно рѣшатъ будущую судьбу Испаніи. Какъ рѣшится эта судьба—до сихъ поръ еще ничего нельзя сказать опредѣленнаго; будетъ ли результатомъ революціи республика или монархія съ герцогомъ Монпансье, который въ послѣднее время сталъ снова выплывать на поверхность, и то и другое одинаково непріятно будетъ французскому правительству. Ничто собственно не можетъ располагать его бросаться очертя голову въ новыя европейскія столкновенія, когда и старыя до сихъ поръ еще всею тяжестью лежатъ на немъ. Отношенія его къ Италіи не могутъ быть для него предметомъ бо́льшаго самодовольства, чѣмъ и отношенія къ Испаніи. Съ каждымъ днемъ, Франція возбуждаетъ противъ себя больше ненависти въ сердцѣ италіянскаго народа, который довольно справедливо сваливаетъ всѣ грѣхи папскаго правительства на французское. Послѣднее событіе, возбудившее до крайности всѣ политическія страсти Италіи, заключалось въ казни Монти и Тальери—двухъ жертвъ, взведенныхъ на эшафотъ папскимъ правительствомъ, за то только, что они были участниками того движенія 67 года, которое своею цѣлію имѣло освобожденіе Рима и присоединеніе его къ Италіи. Если вѣрить послѣднимъ телеграфнымъ извѣстіямъ, то Италія стала уже на сторону Прус-

сіи и Россіи, и поддерживаетъ предложенную этими двумя державами программу для предполагаемыхъ конференцій по поводу греко-турецкаго столкновенія. Не нужно говорить о томъ, что если Россія въ самомъ дѣлѣ предложила какія-нибудь положенія, которыя должны служить основаніемъ переговоровъ, что эти положенія всѣ будутъ направлены въ пользу грековъ. Къ кому лежатъ въ этомъ вопросѣ ея симпатіи и антипатіи — на это отвѣчаетъ цѣлая исторія, и греческій вопросъ для насъ есть болѣе, чѣмъ дипломатическій.

Какъ отнесется въ настоящую минуту къ восточнымъ дѣламъ Англія, гдѣ только-что совершилось очень крупное для нея событіе: выборы въ новый парламентъ? Мы не станемъ въ этотъ разъ объяснять, какое важное значеніе имѣли для Англіи именно эти выборы, какъ первые, совершавшіеся послѣ введенія въ практику закона о реформѣ. Мы не хотимъ мимоходомъ толковать о томъ вліяніи, которое обнаружилось въ самомъ составѣ нижней палаты, вслѣдствіе расширенія права выбора, о томъ, велико или мало измѣненіе, происшедшее въ той силѣ, которая управляетъ страною, и которая теперь еще ближе должна была бы соприкасаться съ народомъ. Скажемъ только одно, что борьба между консервативною и либеральною партіями окончилась полнымъ торжествомъ послѣдней, и что то знамя, на которомъ главнымъ образомъ бросались въ глаза два девиза: уничтоженіе государственной церкви въ Ирландіи и расширеніе закона о реформѣ, сдѣлались знаменемъ огромнаго большинства англійскаго народа. Большинство 110-ти членовъ образовалось въ палатѣ на сторонѣ Гладстона, который и сталъ во главѣ новаго министерства, составленнаго, нужно сказать, изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Рядомъ съ самыми знатными, аристократическими фамиліями, рядомъ съ графомъ Грей—президентомъ совѣта, графомъ Кларендонъ — министромъ иностранныхъ дѣлъ, рядомъ съ герцогомъ Аргайль, съ графомъ Гренвиль, маркизомъ Гортингтонъ и еще нѣкоторыми другими милордами, мы встрѣчаемъ тутъ буржуазныя имена консерватора и недавняго еще непримиримаго врага закона о реформѣ Лёве, и недавняго радикала и народнаго трибуна Брайта. Нужно надѣяться впрочемъ, что отсутствіе гармоніи въ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ новыхъ министровъ не будетъ звучать слишкомъ сильнымъ диссонансомъ въ общемъ ходѣ государственныхъ дѣлъ, возложенныхъ на новое министерство.

Итакъ, во всемъ, что́ касается внутреннихъ дѣлъ страны, новое министерство имѣетъ неоспоримое и безусловное преимущество надъ консервативнымъ министерствомъ Дизраэли, но едва ли такое же преимущество будетъ оно имѣть и въ дѣлахъ внѣшней политики. Все, на что́ можно надѣяться, — что новое министерство не сойдетъ съ того пути, по которому шли консервативные предшественники но-

выхъ либеральныхъ министровъ. Путь этотъ, какъ ни былъ онъ узокъ, былъ тѣмъ не менѣе чистъ отъ всевозможныхъ интригъ, на которыя такъ часто тратятъ время разныя дипломатическія канцеляріи. Министерство Дизраэли большею частію уклонялось отъ всѣхъ столкновеній континентальной Европы, и рѣшалось дѣйствовать только въ крайнихъ случаяхъ, являясь тогда какъ бы примирителемъ и миротворцемъ. Лордъ Станлей не разъ имѣлъ благотворное дѣйствіе во время того или другого столкновенія; такъ, напр., ему должна быть приписана честь улаженія Люксембургскаго вопроса, такъ настоятельно грозившаго войною между Франціею и Пруссіею. Политика лорда Станлея, получившая большую популярность не только въ самой Англіи, но и въ Европѣ, можетъ резюмироваться немногими словами, произнесенными не такъ давно самимъ бывшимъ министромъ въ рѣчи къ своимъ избирателямъ: «мы должны взять за правило—говорилъ онъ—политику благорасположенія по отношенію всѣхъ націй, избѣгая во всякомъ случаѣ, насколько возможно, втягиваться въ обременяющіе союзы». Конечно, «благорасположеніе» является тутъ почти однозначущимъ съ равнодушіемъ и индиферентизмомъ, но индиферентизмъ, доведенный даже до крайности, все-таки лучше, чѣмъ непрошенное вмѣшательство всегда и вездѣ.

Одинъ былъ только вопросъ въ европейской политикѣ, къ которому Англія никогда не относилась равнодушно, это вопросъ, который только и занимаетъ насъ въ эту минуту—мы говоримъ о томъ вліяніи, какое Англія имѣла всегда въ восточныхъ дѣлахъ. Какъ отнесется новое министерство къ возникнувшему греко-турецкому столкновенію? Если оно останется вѣрнымъ тѣмъ словамъ, которыя были уже произнесены нѣкоторыми изъ новыхъ министровъ, то мы можемъ сдѣлать заключеніе, что политика Англіи не перемѣнится съ перемѣною министерства, и что та линія, которой слѣдовалъ лордъ Станлей, будетъ и политической линіей графа Кларендона. Надняхъ министръ торговли, Брайтъ—а кому неизвѣстно, какъ близко въ Англіи министерство торговли съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ—въ рѣчи къ своимъ избирателямъ, утверждалъ, что внѣшняя политика Англіи останется таже, однимъ словомъ, что принципъ невмѣшательства будетъ поддержанъ во всей своей силѣ, если даже не больше, за что, собственно говоря, могло бы поручиться присутствіе въ министерствѣ Брайта, который не разъ выражалъ мнѣніе, что Англія не должна вмѣшиваться въ политическія дѣла Европы. Слѣдовательно, не имѣя еще положительныхъ данныхъ, чтобы сказать, какъ смотритъ новое министерство именно на восточный вопросъ, мы можемъ сдѣлать болѣе или менѣе основательное предположеніе, что новое министерство поступитъ также, какъ поступило бы и старое, если бы его застигло возникнувшее затрудненіе. Какъ же смотрѣло на этотъ вопросъ ис-

чезнувшее консервативное министерство, что̀ думалъ лордъ Станлей о турецкой имперіи, сохранялъ ли онъ традиціонное отношеніе къ этой странѣ или во взглядахъ политическихъ людей Англіи произошла какая-нибудь перемѣна? Мнѣніе лорда Станлей возбуждаетъ больше чѣмъ простое любопытство, потому что, можно думать, что воззрѣніе бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ есть и воззрѣніе новаго министра. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ рѣчей, обращенной къ избирателямъ, лордъ Станлей, говоря о всей внѣшней политикѣ, затронулъ и восточный вопросъ, сказавъ нѣсколько словъ, которыя должны были удивить всѣхъ, кто привыкъ видѣть въ государственныхъ людяхъ Англіи непремѣнныхъ опекуновъ турецкой имперіи. Точно предчувствуя то, что̀ случилось такъ скоро послѣ его словъ лордъ Станлей говорилъ: «Я долженъ сказать вамъ еще одно слово объ иностранной политикѣ, и слово это относится къ Востоку. Я боюсь, что всякій, бросившій взглядъ на эту часть свѣта, не усомнится, что съ этой стороны сбираются тучи. Это можетъ случиться скоро, можетъ быть протянуто еще нѣсколько годовъ, но вѣроятно, что гроза грянетъ. Это такой порядокъ вещей, за которымъ мы должны смотрѣть. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ мы отказались увидѣть вовремя то, что̀ со всею очевидностью угрожало тогда, и результатъ былъ къ общему неудовольствію тотъ, что мы, помимо воли, были увлечены въ Крымскую войну. Я не думаю, продолжалъ лордъ Станлей, что опасности, которыя угрожаютъ турецкой имперіи теперь, проистекаютъ изъ того же источника, какъ и тогда; теперь болѣе внутренняя, чѣмъ внѣшняя опасность угрожаетъ имперіи. Никакой иностранный союзъ, никакая европейская гарантія не въ состояніи спасти правительство отъ финансоваго паденія или возмущенія собственныхъ провинцій». Трудно было бы кому-нибудь ошибиться въ значеніи этихъ словъ; это самый строгій приговоръ который когда-нибудь произносился надъ Турціею, и если онъ исходитъ изъ устъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, то значитъ, что въ самомъ дѣлѣ для Оттоманской имперіи наступаетъ, если еще и не послѣдній часъ, то во всякомъ случаѣ грустная эпоха, близкая къ полному и окончательному паденію. Нужны геройскія средства, и средства внутреннія, чтобы устоять и поправиться; а этихъ-то именно средствъ Турція и не имѣетъ или, по крайней мѣрѣ, въ нихъ можно сомнѣваться. Слова лорда Станлея означаютъ также и другое, еще болѣе ужасное для Турціи, чѣмъ его пророчество о паденіи,—это то, что Англія не рѣшается болѣе тратить ни денегъ, ни людей, и не устремится болѣе на помощь «больному человѣку», какъ она сдѣлала это въ 1854 году. Такое измѣненіе въ политикѣ Англіи совершенно измѣняетъ положеніе восточнаго вопроса. Если мы примемъ еще во вниманіе слова, относящіяся къ Греціи и вообще къ христіанскому

населенію, то мы склонны были бы видѣть въ рѣчи Станлея ручательство того, что Англія не воспротивилась бы тому, чтобы карта турецкой имперіи была бы подвергнута нѣкоторымъ измѣненіямъ. «Ваши стремленія, говоритъ онъ, обращаясь къ христіанскимъ племенамъ Турціи, могутъ быть естественны, стремленія же эти, мы знаемъ, всѣ относятся къ тому, чтобы выйти изъ-подъ магометанскаго владычества Турціи.» Если, обращаясь къ Греціи, рѣчь его дѣлается нѣсколько строже, то тѣмъ не менѣе въ самой этой рѣчи мы можемъ легко уловить мысль, что Греціи предстоитъ болѣе яркая роль, чѣмъ та, которую она теперь играетъ: «Я сказалъ бы главнымъ образомъ Греціи— произнесъ бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ — этому маленькому государству, къ которому наши предки относились съ такимъ энтузіазмомъ, и которое мы въ настоящее время склонны, мнѣ кажется, слишкомъ несправедливо унижать, я бы сказалъ ему: вы можете быть образцовымъ государствомъ, вы могли бы имѣть огромное вліяніе на христіанскія народности той страны, если бы вмѣсто того, чтобы убаюкивать себя какими-то неопредѣленными мечтами объ увеличеніи, вы сдѣлали бы ваше внутреннее правительство болѣе достойнымъ той судьбы, для которой, вы думаете, вы призваны». Можно желать было бы только одного, чтобы рѣчь лорда Станлея, относящаяся къ восточнымъ дѣламъ, сдѣлалась бы и программою по этому вопросу и той политической партіи, которая стала теперь во главѣ страны. Если, какъ и можно предполагать, новое министерство будетъ во внѣшнихъ дѣлахъ продолжать ту же политику, которая продиктовала лорду Станлею его рѣчь, то тогда Англія, вмѣсто того, чтобы затруднить рѣшеніе греко-турецкаго вопроса, поможетъ его развязкѣ, выгодной для Греціи и христіанскаго населенія Турціи.

Мы не упомянули только объ одной державѣ, которая впрочемъ никогда еще не принимала прямого и дѣятельнаго участія въ европейскихъ дѣлахъ, но которая къ нимъ приближается все болѣе и болѣе, и которая такъ недавно еще, въ лицѣ своего адмирала Фарагута, выразила сочувствіе къ христіанскому населенію Турціи. Правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, если оно только захочетъ, можетъ значительно поколебать всѣхъ въ пользу той или другой изъ спорящихъ сторонъ, и мы не сомнѣваемся, что его голосъ всегда раздастся въ пользу тѣхъ, которые будутъ стоять за правое дѣло.

НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Хроника общественной жизни.

Человѣчество можетъ мирно предаваться взаимнымъ поздравленіямъ съ Новымъ годомъ, благодаря тому обстоятельству, что Новый годъ празднуется среди зимы, перваго января, а не перваго марта, какъ то было прежде, и чего, пожалуй, желали бы и теперь иные политики, нетерпѣливо взывающіе къ войнѣ. Турція и Греція отвлекли нѣсколько наше вниманіе отъ общественной жизни, хотя мы остаемся лично увѣрены, что едва ли кому придется вмѣшаться въ это дѣло уже на одномъ томъ основаніи, что оба эти государства, какъ нарочно, не приняли участія въ послѣдней конференціи объ отмѣнѣ разрывныхъ пуль, которыя даютъ возможность оканчивать войну уже не въ двѣ недѣли, какъ игольчатыя ружья, а въ два часа. Утѣшая себя такими мирными надеждами, обратимся къ самому обычному предмету для разсужденій о Новомъ годѣ, а именно къ тому, что̀ французы называютъ étrennes — подарки по случаю Новаго года.

До сихъ поръ мы знаемъ только два подарка: почтовое вѣдомство подарило нашему обществу къ Новому году—новые конверты для писемъ, съ оттисненными на нихъ штемпелями и съ клеемъ; здѣшній университетъ уступилъ новой газетѣ, «Правительственному Вѣстнику», одного изъ лучшихъ своихъ профессоровъ, г. Григорьева.

Не будемъ для праздниковъ оскорблять почтальоновъ подробнымъ объясненіемъ, почему, сверхъ прежнихъ марокъ, наклеивавшихся на конверты, почтовое начальство сочло необходимымъ ввести конверты съ штемпелями, которые нельзя будетъ отдирать. Впрочемъ, почтальоны могутъ сослаться на два обстоятельства, даже на три, чтобы опровергнуть подозрѣнія, будто бы эта мѣра направлена противъ нихъ. Во-первыхъ, такіе конверты съ штемпелемъ существуютъ и въ Пруссіи, гдѣ вовсе нѐ имѣлись въ виду почтальоны; во-вторыхъ, та-

кіе конверты давно существуютъ и у насъ, только штемпель былъ черный и помѣщался на другой сторонѣ; но главное, и это будетъ въ-третьихъ, почтовое вѣдомство, изданіемъ новыхъ конвертовъ хотя и сдѣлало подарокъ обществу, но при этомъ имѣло въ виду вовсе не почтальоновъ, а средство составить новую статью дохода, выгода которой имѣетъ мало себѣ подобнаго въ коммерческомъ мірѣ. На штемпелѣ конверта изображено: *десять копѣекъ*, а вы платите за конвертъ 11 коп., т. е. 1 коп. за конвертъ. Такимъ образомъ, если вы купите 100 конвертовъ у почтамта, то онъ получитъ 10 рублей за пересылку вашихъ писемъ, а 1 рубль за 100 конвертовъ простой бумаги, которые стоятъ въ любомъ магазинѣ писчей бумаги 40 копѣекъ. Продать, при удобномъ случаѣ, 40 копѣекъ за сто копѣекъ, несомнѣнно выгодная операція, особенно если знаешь, что купить можно только у меня, и покупателей будетъ много. Но примѣровъ подобной торговли мы знаемъ мало: въ Пруссіи продается конвертъ за ту цѣну, которая написана на штемпелѣ, да и у насъ гербовая бумага продается по номинальной цѣнѣ, и при покупкѣ гербового листа, наприм., въ рубль серебромъ, мы не приплачиваемъ копѣйки за то, что стóитъ бумажный листъ самъ по себѣ. Почему почтовое вѣдомство дѣйствуетъ иначе, и продаетъ 40 коп. за 100 коп., мы не понимаемъ; быть можетъ, только потому, что

Есть много, другъ, о Гораціо, что и не снилось нашимъ мудрецамъ!

А быть можетъ и потому, почему съ усовершенствованіемъ путей сообщенія почтѣ сдѣлалось необходимымъ удвоить плату за пересылку журналовъ.

Другой подарокъ къ Новому году привелъ насъ также въ недоумѣніе. Мы сказали, что петербургскій университетъ подарилъ «одного изъ лучшихъ своихъ профессоровъ», но, признаемся, мы не были до конца увѣрены въ послѣднемъ. Въ своемъ невѣжествѣ относительно ученыхъ заслугъ г. Григорьева, мы можемъ оправдаться только тѣмъ, что до декабря мѣсяца прошлаго года ученыя достоинства г. Григорьева были мало извѣстны и его собственнымъ коллегамъ по университету. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключить изъ того факта, что недавно, по какому-то случаю (кажется, по случаю баллотировки на новое пятилѣтіе) было поручено одному изъ членовъ университетскаго совѣта изслѣдовать о г. Григорьевѣ, что́ онъ за человѣкъ, чѣмъ занимался на своемъ вѣку, какую оказалъ пользу наукѣ, буде оказалъ оную, и т. п. Этотъ членъ, на котораго возложили такое порученіе, былъ г. Коссовичъ. Не знаемъ, сидитъ ли онъ въ совѣтѣ рядомъ съ г. Григорьевымъ, или ихъ отдѣляютъ нѣсколько стульевъ, но это и не важно; гораздо важнѣе то обстоятельство, что «сусѣдская» біографія г. Григорьева, зачитанная въ университетскомъ совѣтѣ, для

ознакомленія его членовъ съ дѣятельностью своего сочлена, вдругъ явилась въ печати, а именно мы прочли éloge, напечатанную г. Коссовичемъ, въ ноябрьской книжкѣ журнала, издаваемаго на счетъ министерства Народнаго Просвѣщенія. Статья носитъ длинное и громкое заглавіе, но заслуги г. Григорьева не обременительны для читателя, такъ какъ статья имѣетъ всего 8 страницъ. Вообще, весь докладъ составленъ професс. Коссовичемъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, приличныхъ ученымъ заслугамъ профессора Григорьева, остается теперь пожелать, чтобы, при баллотировкѣ на новое пятилѣтіе профессора Коссовича, члены совѣта пожелали узнать также о немъ, чѣмъ именно онъ примѣчателенъ, и чтобы показать достопримѣчательности профессора Коссовича было поручено профессору Григорьеву, какъ нынѣ достопримѣчательности профессора Григорьева были показаны профессоромъ Коссовичемъ, въ его non multa, sed multum. О Крыловъ, Крыловъ! Если бы онъ былъ живъ и еще не написалъ басню: «Кукушка и Пѣтухъ», то теперь уже эта басня была бы имъ непремѣнно написана, и позднѣйшій комментаторъ не ошибся бы, указавъ на лица, которыя разумѣлъ баснописецъ.

Г. Григорьевъ, какъ то извѣстно многимъ и до доклада г. Коссовича, оріенталистъ. Такъ какъ онъ нынѣ, подобно другому своему собрату, профессору Миллеру, уже выступившему на почву публицистики, готовится выступить на туже почву, то весьма благопріятнымъ для нихъ обоихъ обстоятельствомъ служитъ то, что имена ихъ уже знакомы обширному кругу читателей. Г. Григорьева представилъ «большой публикѣ» покойный Н. Ф. Павловъ, а еще ближе — К. Д. Кавелинъ, въ своей статьѣ: «Слуга», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; г. Миллера извлекъ изъ счастливой неизвѣстности покойный Добролюбовъ.

Сопоставляя имена этихъ ученыхъ, мы должны однако оговориться. Г. Григорьевъ—*ученый* независимо отъ того, что онъ призванъ преподавателемъ въ университетъ; а г. Миллера мы признаемъ ученымъ *единственно потому*, что онъ призванъ въ университетъ преподавателемъ. Ученыя заслуги г. Григорьева извѣстны не въ одномъ только Петербургѣ, и извѣстны до доклада г. Коссовича; ученыя заслуги г. Миллера станутъ современемъ извѣстны, когда о нихъ представитъ докладъ кто-нибудь изъ его сосѣдей въ совѣтѣ. Вотъ почему мы невполнѣ объясняемъ себѣ появленіе доклада о заслугахъ профессора Григорьева въ журналѣ, издаваемомъ на счетъ Народнаго Просвѣщенія, въ настоящее время. Если этотъ органъ, обязательное выписываніе котораго училищами, по необходимости, сокращаетъ на 15 рублей количество имѣющихся въ училищѣ учебныхъ пособій, счелъ нужнымъ выставить предъ ними профессора Григорьева, какъ славу университета и, пожалуй, какъ примѣръ для сочиненій на тему: Labor improbus omnia vincit,—

то это естественнѣе было бы сдѣлать въ то время, когда г. Григорьевъ былъ назначенъ профессоромъ въ петербургскій университетъ. Если, напримѣръ, познанія г. Григорьева по монгольскому письму таковы, что передъ нимъ «знаменитѣйшіе французскіе оріенталисты, трактуя объ этомъ предметѣ, оказались совершенно незнавшими положенія дѣла»—какъ говоритъ г. Коссовичъ—то по меньшей мѣрѣ излишне прославлять его въ журналѣ, который читается и оплачивается только второстепенными и третьестепенными училищами. Его извѣстность, значитъ, не нуждается въ такомъ прославленіи, а для пользы самыхъ училищъ, безъ сомнѣнія, важнѣе лишній букварь, обучающій русскому письму, чѣмъ свѣдѣнія о побѣдахъ нашего ученаго надъ французскими въ письмѣ монгольскомъ.

Или статья г. Коссовича напечатана въ «оффиціальномъ органѣ» министерства Народнаго Просвѣщенія, быть можетъ, по тому случаю, что г. Григорьевъ назначается главнымъ редакторомъ другого правительственнаго органа, съ цѣлью доказать, какой счастливый выборъ сдѣланъ для послѣдняго? Но какой же изъ этого можетъ быть результатъ собственно для школъ? Да и для всего общества со временемъ предвидится только слѣдующій результатъ, по аналогіи: въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» должна появиться непремѣнно статья объ ученыхъ заслугахъ профессора Коссовича. Присутственныя мѣста, обязанныя выпискою этого оффиціальнаго органа, прочтутъ эту статью, какъ школы—статью о профессорѣ Григорьевѣ, вотъ и все.

Качъ и Шандоръ постоянно себя расхваливаютъ, и насчотъ рекламы, казалось, трудно найти что-нибудь новое послѣ нихъ. Но теперь остается ждать еще, чтобы Качъ, въ своихъ объявленіяхъ, расхваливалъ лампы Шандора, а Шандоръ въ своихъ—подстаканники Кача.

Бесѣду о г. Григорьевѣ (котораго, какъ знатока *монгольскаго* языка, повторяемъ, нельзя не уважать), мы закончимъ слѣдующимъ замѣчаніемъ. Когда В. В. Стасовъ возлагалъ надежду окончательнаго выясненія вопроса о происхожденіи русскихъ былинъ на нашихъ оріенталистовъ, онъ очевидно упустилъ изъ виду то обстоятельство, что на оріенталистовъ могутъ быть возложены иныя обязанности, кромѣ изученія Востока. Мы знали одного оріенталиста, который служилъ въ Царскомъ Селѣ въ уѣздномъ казначействѣ. На г. Григорьева была же возложена недавно обязанность составить исторію петербургскаго университета; а между тѣмъ, если не ошибаемся, для обстоятельнаго изложенія этой исторіи вовсе не нужно быть спеціалистомъ въ исторіи монгольской и китайскихъ церемоній. Точно также мы не беремъ на себя объяснить, почему именно почтенный оріенталистъ счелъ себя способнымъ управлять редакціею «Правительственнаго Вѣстника»; что у насъ въ употребленіи арабскія цифры, а не римскія—это не могло бы служить еще основаніемъ; но во всякомъ слу-

чаѣ мы желаемъ, чтобы на г. Григорьевѣ оправдалась пословица: ex Oriente lux!

Перехожу отъ étrennes, полученныхъ, къ тѣмъ étrennes, которые были ожидаемы, но не получились. Г. Орестъ Миллеръ ждалъ подарка къ Новому году отъ В. В. Стасова и до сихъ поръ, сколько мы знаемъ, не получилъ, хотя и далъ ему весьма удобный случай.

Я однажды уже упоминалъ вскользь о нападеніи, произведенномъ на «Вѣстникъ Европы» нѣкіимъ Аяксомъ за напечатаніе изслѣдованій В. В. Стасова о происхожденіи русскихъ былинъ. Этотъ Аяксъ былъ не кто иной, какъ г. О. Миллеръ, одинъ изъ преподавателей петербургскаго университета. Такъ какъ главное дѣло тутъ было въ спорѣ ученомъ, то о выходкѣ г. Миллера собственно противъ «Вѣстника Европы» и нельзя было упоминать иначе, какъ вскользь: неученая выходка такого богатыря науки, какъ г. О. Миллеръ, была неважная деталь въ ученомъ спорѣ о богатыряхъ; но самый споръ обратилъ на себя вниманіе по одному чисто-японскому пріему г. О. Миллера. Извѣстно, японцы, чтобы отомстить своему противнику, распарываютъ себѣ желудокъ. Нѣчто подобное сдѣлалъ съ тобою и г. О. Миллеръ на зло В. В. Стасову.

Г-нъ О. Миллеръ напечаталъ въ «Голосѣ» статью противъ г. Стасова, въ которой, между прочимъ, объявляетъ себя психіатромъ, ссылается на «Отечественныя Записки», будто бы поддерживавшія его мнѣніе, на В. И. Ламанскаго, будто бы также временно увлеченнаго г. Стасовымъ, и увѣряетъ, что онъ самъ не только способенъ къ «самостоятельному мышленію», но даже очень «наклоненъ къ выводамъ»; — послѣ этого, я могу только радоваться, что и г. Миллеръ, вопреки недостовѣрнымъ слухамъ, имѣетъ подобную наклонность, а во-вторыхъ, ничто не препятствуетъ мнѣ тутъ же разсмотрѣть г. Миллера какъ психіатра, и опять-таки какъ публициста. Мнѣ кажется, того требуетъ даже самая справедливость. Вотъ человѣкъ, который ходатайствуетъ, чтобы и за нимъ было признано самостоятельное мышленіе; признанія этого онъ сильно желаетъ; сомнѣніе относительно его способности приходить къ силлогизмамъ собственнаго издѣлія тяжко для него; такому сомнѣнію онъ предпочитаетъ все что́ угодно. «Господи, хоть бы въ скороспѣлости выводовъ обвинили — вздыхаетъ онъ — все-таки лестнѣе» — и кокетливо самъ кладетъ на минуту себѣ на голову toque à la polisson.

Сперва о томъ, *какъ* спорятъ г. Миллеръ съ г. Стасовымъ; тутъ мы сейчасъ увидимъ степень его самостоятельности. Г. Миллеръ не можетъ опровергнуть основныхъ положеній г. Стасова, а потому и соглашается съ нимъ, въ сущности, но тутъ же оговаривается. *Остовомъ* нашихъ былинъ онъ жертвуетъ, прибавляя, что эпическій остовъ даже у всѣхъ племенъ можетъ быть одинаковъ. «Но — говоритъ онъ — вы (г. Стасовъ) усматриваете (въ нашихъ былинахъ) только остовъ, а я вижу

на немъ *живое тѣло,* собственно намъ принадлежащее». О. Миллеръ увѣряетъ, что это-то живое тѣло нашихъ былинъ и не можетъ имѣть происхожденія «телеутско-конбальско-шорскаго», въ каковомъ возраженіи, кромѣ учености и психіатріи, несомнѣнно и остроуміе. — Между тѣмъ, главный аргументъ г. Стасова тотъ именно, что живое-то тѣло нашихъ былинъ оказывается, но оказывается на Востокѣ, а у насъ только остовъ и есть; вотъ это-то доказываетъ, что и самъ остовъ явился къ намъ съ Востока. Значитъ *остовъ*, который г. Миллеръ печатаетъ курсивомъ, не составляетъ его мысли; *живое тѣло*, которое онъ также печатаетъ курсивомъ, не составляетъ его открытія. Значитъ, курсивъ издержанъ здѣсь напрасно, и лучше было употребить его тамъ, гдѣ г. Миллеръ взводитъ на себя скороспѣлость выводовъ.

Обратимся теперь къ собственно публицистическимъ достоинствамъ статьи г. Миллера. Говоря о г. Стасовѣ, онъ разсматриваетъ его *психіатрически*; говоря о г. В. Ламанскомъ онъ и его разсматриваетъ *психіатрически*, при чемъ у послѣдняго, впрочемъ, проситъ за это извиненія. Психіатрія г. Миллера состоитъ въ томъ, что въ г. Стасовѣ онъ открываетъ «заматерѣлую похоть принижаться передъ другими народами». Какъ желали бы мы быть психіатрами, чтобы понять смыслъ этихъ словъ. А смыслъ именно тутъ долженъ быть глубокій, такъ какъ другое психіатрическое открытіе, именно «личная страсть г. Стасова блеснуть чѣмъ-нибудь новенькимъ»—представляетъ мысль довольно легкую. Чтобы приписать нѣчто подобное своему противнику едва ли даже стопло дѣлаться психіатромъ. Замѣчательно, что и въ примѣненіи къ г. В. Ламанскому психіатрія г. Миллера приводитъ только къ одному объясненію: «хочется, во что́бы то ни стало, находить въ нашей юной наукѣ новыя открытія». Итакъ, и у своихъ противниковъ, и у своихъ друзей, г. Миллеръ психіатрически открываетъ тотъ же самый недостатокъ, туже самую страсть. Ну какъже не сказать послѣ этого: и отъ противниковъ, и отъ друзей г. Миллеръ отличается именно тѣмъ, что страсти къ новымъ открытіямъ, ни къ чему «новенькому» онъ не имѣетъ, и блеснуть ничѣмъ подобнымъ не желаетъ.

Для ученаго нѣтъ ничего удобнѣе, какъ консерватизмъ. Нѣтъ сомнѣнія, что консерватизмъ удобнѣе новаторства, это обнаружилъ еще Митрофанушка фонъ-Визина. Гарнизонный математикъ тщетно представлялъ ему въ резонъ прогрессистовъ: «все зады, да зады, ваше благородіе; вѣдь съ задами-то и ввѣкъ назади останешься»! Митрофанушка очень хорошо зналъ, что повтореніе задовъ дѣло наиболѣе удобное, мало того—весьма почтенное. Проведеніе новыхъ взглядовъ, новаторство и въ жизни и въ наукѣ всегда даетъ репутацію нѣкотораго легкомыслія. То ли дѣло зады: и удобно и почтенно. И какая это благодарная роль для «солиднаго» ученаго пожимать плечами на «страсть къ новинкамъ! Какою почтенностью, благонадежностью сі-

яетъ фигура ученаго, когда онъ такимъ внушительнымъ образомъ пожимаетъ плечами!

Г. Миллеръ относится психіатрически къ людямъ, которые вовсе его объ этомъ не просятъ. Но самъ онъ такъ много говоритъ о себѣ, что прямо напрашивается на психіатрическое освидѣтельствованіе. «Считаю совершенно излишнимъ обороняться противъ такого бойца», такъ начинаетъ свое возраженіе г. Миллеръ, и затѣмъ занимаетъ два съ половиною столбца мелкаго шрифта въ газетѣ, и тѣмъ лишаетъ читателей газеты новѣйшихъ свѣдѣній о томъ, что̀ императоръ Наполеонъ шепнулъ на ухо министру Руэру, оставшись съ нимъ наединѣ. Взамѣнъ извѣстій о такихъ важныхъ историческихъ фактахъ, г. Оскаръ Миллеръ предлагаетъ читателямъ исторію развитія своей собственной личности. Вотъ тутъ-то и совершилась японская операція. Упоминая о своей диссертаціи на степень магистра, на тему «О нравственной стихіи въ поэзіи», г. Миллеръ говоритъ: «въ то время я былъ *совершенно не тотъ*, что теперь». Можно ли изъ этихъ словъ вывесть заключеніе, что г. Миллеръ теперь совершенно не тотъ, что былъ тогда? Кажется можно. Въ такомъ случаѣ, выражаютъ ли слова «*совершенно не тотъ*» ту мысль, что г. Миллеръ нынѣ представляетъ типъ противоположный прежнему, или только несовсѣмъ согласный съ прежнимъ? Въ первомъ случаѣ слѣдуетъ полагать, что на докторскую степень г. Миллеръ напишетъ диссертацію «о безнравственной стихіи въ поэзіи», такъ какъ убѣжденіе его совершенно не то, что прежде. «Мнѣ, какъ и многимъ — продолжаетъ г. Миллеръ—*пришлось* перейти черезъ нѣсколько видовъ развитія». Пришлось перейти—это выраженіе показываетъ, что если г. Миллеръ и пренебрегаетъ оригинальностью мыслей, то отъ оригинальности въ слогѣ онъ не прочь. Но передъ различными «видами развитія» г. Миллера умъ теряется въ догадкахъ. Сколько было ихъ? Являлся ли г. Миллеръ одновременно въ разныхъ видахъ, какъ индійское божество, или въ разныхъ видахъ онъ являлся поочередно, вылупляясь, какъ бабочка изъ червячка, или птица изъ яйца, до тѣхъ поръ пока достигъ нынѣшней своей степени развитія? И полно, остановится ли г. Миллеръ на этой степени или будетъ продолжать вылупляться неопредѣленное время? Умъ содрогается при мысли, до какихъ колоссальныхъ размѣровъ можетъ наконецъ достигнуть такая долговременная формація.

Швабы, тѣ, по крайней мѣрѣ, въ сорокъ лѣтъ дѣлаются настоящими швабами и затѣмъ уже останавливаются. Къ г. Миллеру университетъ долженъ былъ приставить свѣдущаго психіатра, для крайнелюбопытныхъ изслѣдованій по части «наукъ опытной психологіи».

Изъ статьи г. Миллера видно, что цѣлью его было не только защитить оригинальность русскихъ былинъ, но и — по меньшей мѣрѣ столько же — сбросить съ себя ту оригинальность, какую ему дала

диссертація «О нравственной стихіи». Г. Миллеръ отрекается нынѣ отъ нея, говоритъ, что онъ уже совершенно не тотъ, что онъ тогда заблуждался. Но почему же онъ не отрекается отъ ученой степени магистра, которую доставила ему помянутая диссертація, и не слѣдовало ли бы теперь университету, послѣ сознанія самого г. Миллера, подвергнуть его вновь вмѣсто диспута на степень доктора, экзамену на степень магистра? Каково положеніе университета, который далъ ученую степень за диссертацію, которую самъ авторъ считаетъ вздоромъ, за нелѣпыя идеи Миллера-личинки, отъ которыхъ нынѣ отрекается Миллеръ-бабочка? и какимъ образомъ авторъ, отдѣлавъ свою диссертацію, можетъ въ тоже время опираться на ученую степень, пріобрѣтенную такимъ жалкимъ образомъ, для полученія теперь дальнѣйшей, высшей степени?

Очень можетъ быть, что со временемъ г. Миллеръ отречется и отъ той новой диссертаціи, которую напишетъ по этому случаю. Стóитъ только подождать новой степени его развитія. Г. Стасовъ, не теряйте надежды; г. Миллеръ еще будетъ вашимъ горячимъ приверженцемъ.

Въ заключеніе г. Миллеръ утверждаетъ, что г. Стасову «мерещатся по донкихотовски несуществующіе, немыслимые враги»—и здѣсь дѣлаетъ явную ошибку. Враги есть у всякаго человѣка и нѣтъ необходимости быть Донъ-Кихотомъ, чтобы видѣть враговъ. Но даже и тѣ враги, которые мерещились Донъ-Кихоту существовали въ дѣйствительности. Правда, это были не богатыри, а напримѣръ вѣтряныя мельницы... Но г. Стасовъ и не утверждаетъ различія между его врагами и вѣтряною мельницей.

Послѣ такого отреченія отъ своей магистерской диссертаціи, мы посовѣтовали бы г. Миллеру ѣхать за новымъ дипломомъ въ Англію. Судя по объявленію профессора Алльфрé, недавно напечатанному въ нашихъ газетахъ, въ Англіи не только *«надзоръ* и моральное воспитаніе постоянно находятся подъ *присмотромъ»* (это по части «нравственной стихіи»), но въ одно и тоже время дѣдъ, отецъ и сынъ могутъ быть профессорами: у г. Алльфрé отецъ — извѣстный профессоръ, самъ онъ — профессоръ, желающій извѣстности, и сынъ его — заслуженный профессоръ. (Это по части легкости пріобрѣтенія дипломовъ). Впрочемъ, такого совѣта мы г. Миллеру не дадимъ, такъ какъ мы еще недавно имѣли случай убѣдиться на г. Градовскомъ, что осторожный мореплаватель и послѣ крушенія нейдетъ ко дну; слѣдовательно, пусть и г. Миллеръ не отчаивается быть докторомъ.

Г. Алльфрѐ откроетъ въ Лондонѣ классическій пансіонъ, въ которомъ обѣщаетъ преподавать всѣ науки и начинаетъ ихъ перечисленіе именно съ греческаго языка; онъ требуетъ за ученика 800 р. въ годъ; а такъ какъ сюда входятъ и «весь комфортъ, какой только возможенъ въ Англіи», и «ежегодная поѣздка съ учениками въ Ниццу» —

то едва ли здѣсь не представляется весьма сильной конкурренціи для московскаго Итона.

Нашимъ женщинамъ, если онѣ не хотятъ ограничиться полученіемъ медицинскихъ дипломовъ (да и то, нѣтъ сомнѣнія, что на лекціи въ академію ихъ не пустятъ), чему недавно былъ примѣръ, а пожелаютъ пойти въ дѣлѣ общечеловѣческаго развитія нѣсколько далѣе той степени, какая предоставляется нашими женскими гимназіями — предлагаемъ тоже ѣздить за границу. Но если въ Коринѳъ не такъ легко было попасть даже изъ Аѳинъ или Ѳивъ, то попасть въ Англію или Швейцарію, даже при желѣзныхъ дорогахъ, тоже не совсѣмъ легко.

Вещь знаменательная! Молодой человѣкъ если воспылаетъ страстью послушать напримѣръ г. Миллера въ Петербургѣ, то ему предоставляется для этого со стороны государства всякая помощь. Онъ можетъ поступить въ университетъ студентомъ или вольнослушателемъ; мало того — въ Петербургѣ учреждается еще независимо отъ историко-филологическаго факультета особый филологическій институтъ, для того, чтобы молодому человѣку легче было добиться ожидаемаго имъ благодѣянія, а въ Москвѣ, при помощи разныхъ преимуществъ учреждается подлѣ университета нѣчто дополнительное, подъ именемъ лицея. Роскошь, чистая роскошь! Мало по малу, воздвигнутся Итоны въ Петербургѣ въ каждомъ мировомъ участкѣ, а въ Москвѣ—при редакціяхъ всѣхъ газетъ. Какую отрадную перспективу для государства обѣщаетъ столь ревностное попечительство! Положимъ, что и за всѣмъ тѣмъ, то-есть даже когда у насъ дебаты въ волостныхъ правленіяхъ будутъ происходить на чистомъ аѳинскомъ нарѣчіи, и мужики будутъ ѣсть черный хлѣбъ съ аттическою солью, — нашими заводами все-таки будутъ управлять иностранцы, и наконецъ самъ крестьянинъ, увлекшись Апулеемъ, будетъ разговаривать съ осломъ объ изяществѣ слога, а естествовѣдѣніе забудетъ до того, что въ соху, вмѣсто лошади, станетъ впрягать козла. Но за то же, какъ будетъ торжествовать, при такомъ развитіи классицизма, и та нравственная дисциплина, которою онъ такъ хвалится, и та нравственная стихія, которая составляетъ его украшеніе! Нравственная дисциплина окончательно установится тогда въ литературѣ, quod demonstrandum erat, а въ администраціи будетъ неограниченно господствовать нравственная стихія, pium desiderium. Если затѣмъ казенные стулья все-таки будутъ ломаться въ чрезмѣрномъ числѣ, то утѣшительно уже и то, что это будетъ сознательное жертвоприношеніе Александру Македонскому.

Такъ много попеченія, такая роскошь заботливости объ одной только отрасли высшаго образованія для мужчинъ, и вдругъ для женщинъ — совсѣмъ ничего. Женщины ходятъ-ходятъ, просятъ-просятъ, пишутъ адресы объ основаніи женскаго университета, или хотя бы

объ открытіи университетскихъ курсовъ для женщинъ — ничего. Является вопросъ: не слишкомъ ли это ужъ мало? Будущій историкъ нашего времени порядочно изумится, узнавъ, что, при жалобахъ на недостаточность образованія у насъ, не мы просили женщинъ учиться, а женщины просили насъ о томъ, а мы еще отказали. Гдѣ же тутъ бѣдность и скудость образованія?!

Что мысль о женскомъ университетѣ или университетскихъ курсахъ для женщинъ считается еще *несерьезною* (то ли дѣло воспитаніе мужчинъ на Апулеѣ), въ этомъ убѣждаетъ насъ отвѣтъ данный недавно двумъ дамамъ, г-жамъ Ф. и В., которыя ѣздили къ кому-то съ ходатайствомъ объ этомъ дѣлѣ. Если само слово—женскій университетъ, быть можетъ, не нравится, то мы бы совѣтовали просительницамъ замѣнить его менѣе притязательнымъ названіемъ женская *семинарія;* авось это прошло бы легче. Такъ, вы ни за что не примете лекарство arsenicum, но охотно согласитесь на metallum album — что одно и тоже; и «Карлъ Смѣлый» давно дается у насъ, когда еще нельзя было ставить «Вильгельма Телля».

Въ послѣдній мѣсяцъ минувшаго года въ Петербургѣ выпало два процесса по дѣламъ о растратахъ казеннаго имущества: дѣло гг. Арнинга и Кабата, дѣло такъ называемое инструментальное,—и дѣло о нижегородской солп и желѣзѣ. Въ первомъ дѣлѣ (о второмъ мы поговоримъ въ другой разъ), замѣчательно въ особенности та сторона, которая обнаруживаетъ, какъ дѣйствительность административныхъ отправленій у насъ разнится отъ предположенныхъ, опредѣленныхъ закономъ, въ смыслѣ гарантій, формъ ихъ. Независимо отъ злой воли, въ дѣлѣ Арнинга обнаруживается истинно варварская система веденія у насъ отчетности, чисто-анархическое положеніе казеннаго хозяйства—обстоятельства, которыя заставляютъ только радоваться, что въ послѣдніе года большая часть казенныхъ заводовъ закрыты или переданы въ частныя руки. Мы видимъ, какъ инструменты записывались не въ то время, когда получались, какъ деньги выдавались въ то время, когда они не были выписаны въ расходъ, и наоборотъ.

Въ дѣлѣ Кабата мы видимъ туже патріархальность нашихъ административныхъ отправленій, независимо даже отъ злого умысла. Человѣкъ вступаетъ въ должность ревизора и узнаетъ... что? Какъ обязанности его опредѣлены законами? Нѣтъ: просто, какимъ способомъ исполнялъ ихъ его предшественникъ, и держится самъ этого способа. Да и закона-то настоящаго какъ бы не было: законы существовали, но оказывались неопредѣлительны, старый уставъ какъ будто не дѣйствовалъ потому, что готовился новый, а новый готовъ не былъ. О милое «единообразіе», о хваленая «стройность», о которыхъ такъ хлопоталъ нашъ старый режимъ! Мы узнаемъ васъ, и знаемъ, что пятнадцати томамъ съ безчисленными дополненіями не удалось, посред-

ствомъ своего «единообразія», устранить наше безобразіе, а посредствомъ «стройности» обезпечить неподкупность строителей.

Одно изъ великихъ благодѣяній гласнаго суда—это именно раскрытіе передъ всѣми тайниковъ административной системы. Исторія процессовъ, подобныхъ «инструментальному» и «соляному», убѣдитъ насъ, что въ хозяйственныхъ казенныхъ учрежденіяхъ не можетъ быть дѣйствителенъ контроль бюрократическій, контроль однихъ членовъ администраціи надъ другими членами администраціи, какъ бы много ни было инстанцій, хотя бы на головѣ у каждаго казеннаго распорядителя стояла хеопсова пирамида казенныхъ же повѣрщиковъ и наблюдателей,—трудно вѣрить, какъ трудно полагаться на біографію какого-нибудь профессора, написанную его сосѣдомъ по университетскому совѣту.

Но если въ Петербургѣ суды, въ послѣднее время, особенно выставили поучительную картину нашего казеннаго хозяйства, то въ Москвѣ за то же время въ судахъ проявились въ особенности характеристично нравы Москвы. Судъ присяжныхъ — лучшій судъ, и если и случаются приговоры странные, то они ровно ничего не доказываютъ противъ самаго учрежденія. Въ общественномъ судѣ непремѣнно отразятся понятія общества, но судъ общественный уже и поэтому лучше бюрократическаго; онъ — судъ живой, его приговоры, хотя бы и ошибочные, хотя бы даже иногда и пристрастные—ошибочны и пристрастны не по личнымъ связямъ или интригамъ, а подъ вліяніемъ живущаго въ обществѣ принципа; однимъ словомъ, покоряясь его приговорамъ вы покоряетесь силѣ дѣйствительной, силѣ, которой и безъ того вамъ приходится физически покоряться на каждомъ шагу, а не силѣ искусственной, случайной, которой вы могли бы избѣгнуть. Такъ, въ Москвѣ недавно объявленъ невиновнымъ человѣкъ, который убилъ другого наповалъ въ кулачномъ бою, а солдатъ, который въ первый разъ бѣжалъ отъ службы, присужденъ къ наказанію 50 ударами розогъ и ссылкѣ въ дальнія губерніи Сибири. Вотъ еще замѣчательный приговоръ московскихъ судей: крестьянинъ Ивановъ спрятался на одной лѣстницѣ, съ какою цѣлью—неизвѣстно. Его хотѣли схватить, онъ пустился бѣжать, наконецъ онъ споткнулся и упалъ въ канаву, въ грязь. Когда о немъ составляли актъ, онъ сильно этому противился. И въ самомъ дѣлѣ, было изъ за чего: человѣкъ бѣжалъ, и вотъ объ этомъ составляютъ актъ. Ивановъ, наконецъ, въ отчаяніи, что его просьбы не тронули квартальнаго надзирателя, сказалъ: «ты не квартальный надзиратель, а злодѣй!» Засаженный въ тюрьму, онъ бѣжалъ. Въ Москвѣ насчетъ побѣговъ строго. Ивановъ признанъ невиновнымъ въ покушеніи на кражу. Однако онъ признанъ виновнымъ въ оскорбленіи квартальнаго надзирателя по невѣжеству, а въ побѣгѣ—виновнымъ «безъ снисхожденія»; на основаніи такого приговора присяжныхъ, судъ приговорилъ: «лишивъ Иванова всѣхъ правъ со-

стоянія, сослать его на поселеніе въ Сибирь, въ мѣста не столь отдаленныя». Между тѣмъ, въ томъ именно обвиненіи, которое повлекло за собой всю эту исторію, Ивановъ оправданъ. Оскорбленіе, нанесенное Ивановымъ квартальному при составленіи акта, когда не было къ тому серьознаго повода, едва ли можно даже въ самомъ дѣлѣ назвать оскорбленіемъ. За тѣмъ, остаются — побѣгъ изъ подъ стражи и неимѣніе паспорта.

Мы убѣждены, что въ Петербургѣ ни одинъ изъ приведенныхъ приговоровъ не состоялся бы въ такой формѣ. Они характеризуютъ мѣстные нравы, при чемъ нельзя однако не замѣтить, что при старыхъ судахъ не только подобные, но еще гораздо болѣе странные приговоры были не исключеніемъ, а правиломъ.

Въ Москвѣ судъ строгъ. Вотъ вамъ еще примѣръ: двое городовыхъ судятся за вымогательство пятака серебромъ, за дозволеніе свозить снѣгъ въ Москву-рѣку. Пятакъ на двоихъ—по $2^1/_2$ к. на брата. Дѣло это потребуетъ продолжительнаго разсмотрѣнія, такъ какъ тотъ дворникъ, съ котораго городовые взяли пятачокъ, живетъ теперь въ Петербургѣ. Его придется вызвать въ Москву. Вотъ между прочимъ доказательство, какая чистота, если не улицъ, такъ нравовъ—въ Москвѣ. Если изъ за пятака обвиняются два представителя власти, то мудрено ли что одинъ литературный прокуроръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, обвинилъ всѣхъ поголовно русскихъ либераловъ изъ-за пропавшаго у него четвертака!

О литературномъ прокурорствѣ мы вспомнили недаромъ. Передъ нами краснорѣчивый фактъ, который показываетъ къ чему ведетъ потребность нѣкоторой части публицистики, продолжать прикладываніе къ публикѣ шпанскихъ мухъ, когда никакой опасности нигдѣ не предвидится.

Когда среди одной изъ національностей, входящихъ въ составъ государства происходитъ какая-либо мятежная демонстрація, то совершенно естественно если все населеніе, желающее жить въ спокойствіи и соблюдать законы, заявляетъ протестъ. Явленіе это, конечно, нормальное. Но вотъ въ оффиціяльной газетѣ напечатано, что представители остзейскаго дворянства, возмущенные несправедливо приписываемыми заграничною печатью (при чемъ прямо называется г. фонъ-Бокъ) жителямъ этого края враждебными чувствами къ Россіи,— сочли нужнымъ, оффиціяльнымъ путемъ, протестовать противъ такого извѣта и заявить свое желаніе нераздѣльности съ Россіею. Среди нѣмецкаго населенія остзейскаго края не происходило, сколько намъ извѣстно, ни одной враждебной государству демонстраціи. Поэтому и несмотря на естественное сочувствіе къ содержанію такого заявленія остзейскаго дворянства, нельзя видѣть въ этомъ протестѣ фактъ вполнѣ нормальный. Невозможно же, чтобы цѣлыя сословія считали

себя обязанными протестовать ежеминутно по поводу всякаго извѣта иностранной печати. А между тѣмъ, къ протесту былъ же какой нибудь серьезный поводъ, иначе, цѣлыя сословія не прибѣгли бы къ столь знаменательному дѣйствію.

Поводъ и поводъ серьезный къ такому протесту открыть не трудно. Его вызвали извѣты не заграничной прессы, относительно которой русскіе граждане не имѣютъ обязанностей, а нѣкоторыхъ органовъ нашей собственной печати и преимущественно, нѣкотораго московскаго кружка. Эти органы, писатели этого кружка, прямо вписывали, на оборотѣ боковскихъ векселей, имя всего нѣмецкаго населенія балтійскаго края, и вопіяли, что самое молчаніе остзейскихъ нѣмцевъ есть уже измѣна:

Ihr Schweigen schon ist Hochverrath
Und Majestäts-Verbrechen.....

Въ виду такихъ явленій, совершенно понятно, что остзейское дворянство сочло нужнымъ протестовать. Вотъ куда насъ ведутъ публицисты-сыщики, и введенная ими система «заглядыванья въ душу». Если кому нибудь вздумается приписать вамъ измѣнническую мысль, и вы молчите, по равнодушію, или пренебреженію, или наконецъ, незнанію, то найдутся сыщики, которые печатно объяснятъ самое ваше молчаніе признаніемъ. Нѣкоторая часть прессы давно уже доказываетъ, что «печатный доносъ не есть доносъ», и благодаря этому принципу считаетъ себѣ дозволеннымъ всякій извѣтъ и совершенно-безотвѣтственное обвиненіе.

На этомъ стоитъ серьёзно призадуматься. Вѣдь этакъ мы обратимъ свободу печати просто въ полицейскій терроръ. Города и села будутъ дрожать передъ «отечественной прессою» и протестовать одинъ за другимъ, при глупѣйшей клеветѣ, опасаясь, что усердная пресса ихъ молчаніе тотчасъ объяснитъ признаніемъ. Какъ странно, однако, у насъ иногда превращаются и слова и принципы! Видно спленъ еще въ нашихъ правахъ остатокъ застѣнковыхъ преданій, если и самая печать дѣлается не «стѣною нашихъ правъ», а чѣмъ-то въ родѣ сыскного волонтерства.

Но остзейскій вопросъ, кромѣ этой стороны, возбуждающій сочувствіе уже скорѣе къ нѣмцамъ, чѣмъ къ московскимъ ревнителямъ, такъ какъ нѣмцамъ положительно безвинно приписываютъ измѣну, имѣетъ еще другую сторону, и тутъ-то сочувствіе къ остзейскому дворянству тотчасъ прекращается. Въ Петербургъ, втеченіи прошлаго года, стали являться толпы несчастныхъ эстовъ, безземельныхъ, безправныхъ крестьянъ батраковъ остзейскаго дворянства. Петербургъ принялъ участіе въ этихъ бѣднякахъ. И почему бы имъ, если они того желаютъ, не переселяться на казенныя земли, которыхъ запасъ на вос-

токѣ и югѣ Россіи занимаетъ огромныя пространства, и не переселяться именно чрезъ Петербургъ, гдѣ это дѣло только и можетъ быть устраиваемо безпристрастно? Вѣдь не на мѣстахъ же имъ легче исходатайствовать себѣ надѣлы? Между тѣмъ, эти люди, у которыхъ подъ предлогомъ полной личной свободы, отняли всякое право на землю, кажется должны же по крайней мѣрѣ пользоваться этой несчастной личной свободой, этимъ бѣднымъ правомъ, правомъ нищихъ—правомъ переселенія.

И что же за бѣда, если партія эстовъ въ нѣсколько десятковъ, хотя бы въ сотню человѣкъ, пройдетъ, на свой рискъ, черезъ Петербургъ? Ихъ и теперь есть здѣсь нѣсколько, и всѣ видавшіе ихъ въ пересылочной *тюрьмѣ* не могутъ нахвалиться ими—такъ охотно они помогаютъ во всякой работѣ, такъ усердно слушаются. Извѣстно—народъ смирный и къ труду пріученный тяжелымъ стальнымъ мечемъ и не менѣе тяжелымъ золотымъ крестомъ тѣхъ проповѣдниковъ, которые вѣками просвѣтили ихъ къ барщинной работѣ.

Между тѣмъ, мы читаемъ въ газетахъ, что недавно изъ Ревеля въ Гапсаль была вытребована рота пѣхоты, «для воспрепятствованія выселенію *цѣлой* толпы латышей и эстовъ, нанявшихъ *цѣлый* пароходъ, дабы отправиться въ Петербургъ.» Дѣло благоразумныхъ внушеній этимъ свободнымъ бѣднякамъ относительно предѣловъ личной свободы видно не обошлось безъ затрудненій, такъ какъ для той же цѣли поученія, за первою ротою была вытребована другая, потомъ третья.... Подумаешь, какъ принялось и укоренилось вооруженное миссіонерство на этой почвѣ Альбрехта фонъ-Буксгевдена!

«Цѣлая толпа», «цѣлый пароходъ»! — какъ стращаютъ-то! Ну а нѣмцовъ отправляется въ Америку изъ Гамбурга, Бремена и т. д., не *цѣлыя* толпы, не *цѣлые* пароходы? Да и къ намъ то, въ Россію бѣдные нѣмцы едва ли не цѣлыми пароходами привозятся. Это единственный, можно сказать, привозный товаръ, для котораго и порты-то не замерзаютъ; апельсины—да и тѣ ѣздятъ въ меньшемъ количествѣ, съ интервалами.

Еще читаемъ мы въ газетахъ, что въ Нарвѣ въ декабрѣ задержана партія эстовъ въ 155 чел. мужчинъ, женщинъ и дѣтей, *шедшихъ* изъ-за Ревеля въ Петербургъ, просить высшее начальство, чтобы ихъ переселили во внутрь Россіи. Люди слабонервные, пожалуй, разсудятъ, что это очень хорошо, даже если бы этихъ эстовъ съ ихъ дѣтьми помѣстили и въ тюрьму. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, дѣтей, которыхъ въ декабрѣ *ведутъ* изъ-за Ревеля въ Петербургъ! Но тѣмъ неменѣе, надо признать, что вѣдь должна же быть причина и сильная причина, которая гонитъ эстовъ съ дѣтьми на дорогу въ декабрѣ. По всей вѣроятности они идутъ не изъ-за Ревеля только, но и изъ-за чего нибудь немаловажнаго.

Если бы ихъ пристроили навремя въ тюрьмѣ, то тутъ была бы и черта утѣшительная, такъ какъ тюрьма все-таки помѣщеніе теплое. Тюрьмы у насъ нагрѣваются преимущественно избыткомъ арестантовъ, обстоятельство, которое, обусловливая сбереженіе въ топливѣ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о раціонально-экономическомъ устройствѣ пенитенціарнаго дѣла у насъ. Но все-таки, такой исходъ, то-есть вообще помѣщеніе эстовъ и латышей въ тюрьмѣ нельзя еще серьезно признавать за улучшеніе ихъ быта.

Стало быть, въ этомъ отношеніи весьма желательны мѣропріятія иного рода. —о—

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

21 декабря 1868 года.

Едва вернувшись изъ своего помѣстья въ Вартцинѣ, гдѣ графъ Бисмаркъ пребывалъ не безъ пользы для своего здоровья впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ, онъ сразу бросился въ парламентскую жизнь и тотчасъ же одушевилъ ее новымъ «крылатымъ» словцомъ, которое доказало, что деревенскій воздухъ нисколько не смягчилъ рѣзкости и ѣдкости остроумія министра. Въ засѣданіи 9-го декабря (28-го ноября) палата депутатовъ занялась обсужденіемъ сметы расходовъ по министерству иностранныхъ дѣлъ. Подобно тому, какъ конституціонныя предписанія и привычки іюльской монархіи придавали адресснымъ преніямъ характеръ общихъ преній о всей правительственной политикѣ вообще, такъ точно въ прусской палатѣ депутатовъ оппозиція пользуется обсужденіемъ бюджета, какъ удобнымъ случаемъ для заявленія всѣхъ своихъ жалобъ и всего, что у нея на душѣ. Графъ Бисмаркъ самъ присутствовалъ при обсужденіи бюджета иностранныхъ дѣлъ. Защитить эти сметы не представляло ему особеннаго труда, такъ какъ предложенія либеральной партіи отчасти соотвѣтствовали его собственнымъ желаніямъ. Всѣ приверженцы прусскаго либерализма, начиная съ самаго праваго крыла — съ такъ-называемыхъ свободныхъ консерваторовъ (Frei-Conservative), согласились единодушно потребовать, чтобы правительство перенесло, съ 1870 года, всѣ издержки по министерству иностранныхъ дѣлъ на весь сѣверогерманскій союзъ,—это значило бы сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ къ сліянію сѣверо-германскихъ государствъ съ Пруссіею, или къ рас-

пущенію Пруссіи въ сѣверо-германскомъ союзѣ. Графъ Бисмаркъ былъ согласенъ на это. Но лѣвая сторона пошла еще далѣе и представила проектъ уничтоженія издержекъ на содержаніе посольствъ при мелкихъ сѣверо-германскихъ дворахъ. Правительство возстало противъ этого проекта. Несогласіе заключается главнымъ образомъ по вопросу объ уничтоженіи посольства въ Дрезденѣ, которое — если разсуждать теоретически — можетъ казаться весьма напраснымъ и пустымъ, такъ какъ Саксонія принадлежитъ къ сѣверо-германскому союзу и не имѣетъ самостоятельной внѣшней политики въ юридическомъ смыслѣ, но въ дѣйствительности прусское посольство въ Дрезденѣ можетъ играть весьма важную роль, ибо Дрезденъ связанъ многочисленными дипломатическими нитями съ Австріею, и Пруссія должна зорко наблюдать за интригами своей соперницы, если не желаетъ еще разъ испытать на себѣ какія-нибудь непріятныя и неожиданныя случайности. Во время преній по этому вопросу, одинъ изъ мало извѣстныхъ депутатовъ пустился въ самую ярую филиппику противъ Австріи и особенно противъ графа Бейста, во всѣхъ поступкахъ котораго онъ находитъ одну лишь ненависть противъ Пруссіи. Даже всѣ либеральныя мѣры австрійскаго правительства — увѣрялъ этотъ депутатъ — исходятъ изъ желанія поставить Австрію въ контрастъ съ Пруссіею. Послѣднее замѣчаніе послужило извѣстному прогрессисту, Вирхофу, предлогомъ сдѣлать вылазку противъ министерства, и онъ остроумно возразилъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ прусскому правительству слѣдовало бы не уступать Австріи и также двинуться по либеральному пути, какъ въ дѣлахъ управленія, такъ и въ законодательствѣ. Графъ Бисмаркъ отвѣчалъ обоимъ ораторамъ сразу. Что касается до политики графа Бейста, Бисмаркъ говорилъ о ней весьма сдержанно, объявляя палатѣ, что онъ, Бисмаркъ, не призванъ защищать политику своего австрійскаго собрата, и что онъ никогда не слыхалъ о личной антипатіи графа Бейста противъ него самого. Затѣмъ министръ обратился къ Вирхофу и сказалъ ему, что Австрія переживаетъ теперь ту самую эпоху либерализма, которая была въ Пруссіи лѣтъ двадцать, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Съ правительствами, въ ихъ либерализмѣ, бываетъ — заключилъ Бисмаркъ—также, какъ съ женщинами: чѣмъ она моложе, тѣмъ нравится больше.

Остроумныя выраженія рѣдко бываютъ вполнѣ справедливыми, но за то въ нихъ почти всегда можно найти отчасти справедливую мысль. Такъ и въ этомъ заявленіи графа Бисмарка. Несомнѣнно, что въ нынѣшнемъ либеральномъ законодательствѣ Австріи есть не мало призрачнаго, что многіе законы хороши только на бумагѣ и, не проникая въ жизнь, остаются безъ всякихъ практическихъ послѣдствій, — и графъ Бисмаркъ, поэтому, вправѣ посмѣяться надъ прусскими поклонниками

вѣнскаго либерализма. Но онъ упускаетъ изъ виду,—и притомъ преднамѣренно — что Пруссія въ эти послѣднія двадцать лѣтъ подвигалась впередъ, по мнѣнію весьма многихъ, крайне медленно.

Къ нынѣшней сессіи, которая длится всего шесть недѣль, правительство внесло уже до 50 проектовъ законовъ;—правда, что большинство ихъ касается лишь разныхъ подробностей управленія, и они суть не что иное, какъ простыя инструкціи по службѣ, требующія утвержденія палаты (напримѣръ: контракты, штаты, казначейскіе счеты и т. п.), но есть не мало и дѣйствительно органическихъ законовъ. Проектъ министра внутреннихъ дѣлъ о преобразованіи окружныхъ управленій (Kreisordnung) еще не готовъ, но его ожидаютъ, и онъ навѣрное будетъ представленъ; министръ духовныхъ дѣлъ внесъ четыре важныя предложенія объ организаціи народныхъ школъ; министръ юстиціи представилъ цѣлую массу разныхъ мѣръ: новое уложеніе о гипотекахъ, уложеніе о продажѣ съ публичнаго торга, о конкурсѣ, законъ объ отчужденіи имуществъ, о юридическихъ экзаменахъ, и т. д. Можно ли не благодарить правительство за такое множество новыхъ законовъ, обнаруживающее въ немъ столько реформативныхъ влеченій? Но если эти влеченія являются разомъ, развѣ они не служатъ лучшимъ доказательствомъ тому, что въ законодательствѣ уже давно существуетъ много упущеній? Маколей говоритъ, въ началѣ своего большого историческаго труда: «Нынѣшняя конституція нашего отечества относится къ конституціи, подъ покровомъ которой оно процвѣтало пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, такъ какъ дерево къ черенку, какъ мужъ къ мальчику. Перемѣна велика, но *никогда* не было ни одного момента, въ которомъ главная часть *существовавшаго не была бы старая*». Что́ можно сказать объ англійской конституціи (которая, какъ извѣстно, не есть особый документъ, подобный континентальнымъ конституціямъ, но всѣ законы вмѣстѣ взятые, опредѣляющіе политическія и гражданскія права англичанъ), то можно сказать и о всякомъ законодательствѣ. Идеаломъ такой конституціи служитъ совершенно равномѣрный прогрессъ, при которомъ большинство существующихъ законовъ всегда старые. Само собою разумѣется, что право, говоря вообще, подлежитъ измѣненіямъ въ разной степени. Одинъ изъ нынѣшнихъ замѣчательныхъ знатоковъ римскаго права, профессоръ Игерингъ (Ihering), замѣчаетъ въ этомъ смыслѣ весьма справедливо (относительно уголовнаго права): «Во всей области права нѣтъ ни одного понятія, которое могло бы, въ культурно-историческомъ отношеніи, хотя легко посоперничать съ понятіями о наказаніи; ничто другое не въ состояніи служить столь вѣрнымъ зеркаломъ временныхъ орудій народа для выраженія своихъ мыслей и чувствъ, или мѣриломъ народной нравственности; только одно оно проходитъ чрезъ всѣ фазы нравственнаго развитія народа, мягкое и гибкое какъ

воскъ, въ которомъ отпечатлѣвается всякое вліяніе. По прежнимъ понятіямъ права, безслѣдно проходятъ иногда цѣлые періоды времени въ нѣсколько столѣтій. Основныя понятія римскаго вещественнаго права: собственность, владѣніе, сервитуты, по своей сущности, тѣ же теперь, какими они были двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, и мы напрасно стали бы искать въ нихъ объясненія всѣхъ перемѣнъ, перенесенныхъ народами, среди которыхъ они удержались до сихъ поръ. Они представляютъ собою, конечно, тѣ твердыя, неблагородныя части организма права, — костную систему его, которыя, разъ развившись, остаются почти неизмѣнными. Но уголовное право есть тотъ узелъ, въ которомъ сливаются тончайшія жилы и нервы и гдѣ ощущается и обнаруживается каждое вліяніе и каждое впечатлѣніе,—это обликъ права, въ которомъ проявляется вся индивидуальность народа, его мышленіе и его чувство, его настроеніе и страсти, его образованность и грубость,—короче сказать, въ которомъ отражается его душа; уголовное право—это самъ народъ, исторія уголовнаго права—это даже психологія всего человѣчества».

Все, что здѣсь сказано о наказаніи вообще, примѣняется вполнѣ къ жизни новѣйшихъ государствъ, и ко всѣмъ частнымъ областямъ уголовнаго права — къ уголовному законодательству, напримѣръ, по дѣламъ печати. Какъ прошли времена, когда въ Англіи при Елизаветѣ, за проступки по дѣламъ печати, отрубили руку писателю Джону Стоббсу (Stubbs), и его типографщику, такъ точно будущія поколѣнія не повѣрятъ, можетъ быть, тому, что въ настоящей, столь смиренной Пруссіи, состоялось впродолженіи немногихъ лѣтъ слишкомъ 2,000 процессовъ изъ-за проступковъ печатнаго слова, и что въ независимой, не правительственной прессѣ только немногіе редакторы не вкусили всѣхъ сладостей тюремнаго заключенія. Въ Австріи, впрочемъ, нисколько не лучше. Правда, что тамъ существуетъ теперь весьма либеральный законъ по дѣламъ печати, и что преслѣдованія печати совершаются сравнительно рѣдко, но всмотритесь въ дѣло попристальнѣе, и передъ вами предстанутъ изумительныя вещи. Въ Австріи нѣтъ, несмотря на всѣ *вольности*, которыя дозволяютъ себѣ тамошнія газеты, ни одного независимаго органа, — одна получаетъ денежныя субсидіи, другая подкуплена конфиденціальными вѣстями, третья находится въ личныхъ связяхъ съ правительственными сферами, — та угождаетъ министрамъ изъ корысти, иная изъ почтительной преданности, и въ концѣ концовъ оказывается, что правительство имѣетъ полную увѣренность въ томъ, что пресса не затронетъ ни одного чувствительнаго пункта. Правительство, такимъ образомъ, терпитъ оппозицію только тамъ, гдѣ она кажется безвредною. Но какъ только начинается оппозиція серьезная, какъ напримѣръ, въ чешскихъ газетахъ, на прессу тотчасъ сыплется цѣлый рядъ процессовъ,

и редакторы подвергаются жестокимъ денежнымъ и тюремнымъ взысканіямъ, и эти преслѣдованія продолжаются до тѣхъ поръ, пока самые упорные органы не придутъ въ окончательное разореніе, а менѣе упорные откажутся отъ своей оппозиціи.

Въ Пруссіи, напротивъ, развитіе прессы, какъ развитіе всей политической жизни вообще, шло совершенно нормальнымъ путемъ. Вникнуть въ это развитіе весьма поучительно для всѣхъ, кто понимаетъ то основное начало всякой политики, въ силу котораго хорошими законами могутъ быть названы не тѣ, которые хороши на бумагѣ, но тѣ, которые возникли органически изъ жизни народа. Подобно тому, какъ отдѣльный человѣкъ не пріобрѣтетъ ничего безъ усилій и труда, такъ и въ политической жизни только постоянная мужественная борьба двигаетъ народъ по пути расширенія человѣческихъ правъ и политической свободы. И здѣсь жареные рябчики не летятъ сами въ ротъ.

Прусская пресса неутомимо борется впродолженіи двадцати лѣтъ, и хотя результатъ этой борьбы, повидимому, не великъ, органы печати все-таки ни на одно мгновеніе не теряли мужества и уже вѣрятъ въ возможность скорой окончательной побѣды. Прусская пресса успѣла, въ своей борьбѣ съ непріятными обстоятельствами, сохранить неоцѣнимое благо—свою неподкупность. Правда, что борьба и теперь еще приноситъ горькіе плоды, и что лозунгомъ прессы можно было бы избрать первыя слова папской буллы, той буллы Льва X, которая ввела цензуру печатныхъ книгъ: «Inter sollicitudinem». Да, дѣйствительно, *среди заботъ*, среди тяжкихъ заботъ вела дѣла свои здѣшняя печать, и многіе борцы понесли тяжелыя раны. Но избѣжать ихъ было невозможно, и отдаленному будущему удастся, во всякомъ случаѣ, совершенно безопасно пожать плоды этихъ сѣменъ.

Пока прусскіе короли пользовались неограниченною властью, они часто оказывали печати свое благоволеніе. Извѣстно, что Фридрихъ Великій доставилъ газетамъ нѣкоторую свободу. «Газеты должны быть интересны», говаривалъ онъ. Но оказывать подобную милость было нетрудно. Правительственная власть была безгранична, — она могла затягивать узду, когда ей хотѣлось, она могла уничтожить всякую оппозицію, когда послѣдняя становилась непріятною. При такихъ обстоятельствахъ, печать можетъ, правда, обладать чѣмъ-то въ родѣ свободы, но у нея нѣтъ еще ни дѣйствительныхъ правъ, ни дѣйствительной силы. Но стремленіе къ пріобрѣтенію правъ и силы заключается во внутренней сущности всякой прессы, и это стремленіе высказывалось въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ все громче и громче. Фридрихъ-Вильгельмъ IV придерживался либеральныхъ убѣжденій. Онъ издалъ въ 1843 году кабинетскій приказъ, въ которомъ между прочимъ сказано: — «У меня есть непремѣнное желаніе освободить

науку и литературу отъ всякихъ стѣснительныхъ мѣръ, и тѣмъ обезпечить за ними полное вліяніе на умственную жизнь націи, соотвѣтствующее ихъ сущности и достоинству;—ежедневной прессѣ я желаю доставить всевозможную свободу внутри той области, въ предѣлахъ которой она можетъ оказывать полезное вліяніе, не забывая о своемъ истинномъ призваніи. Но я не хочу, чтобы наука и литература распустились въ газетное писаніе, чтобы онѣ стали на равную ногу по своему достоинству и по притязаніямъ; я не хочу безграничнаго распространенія заманчивыхъ заблужденій и опасныхъ теорій о священнѣйшихъ и самыхъ почтенныхъ предметахъ человѣческаго общества,—распространенія ихъ легчайшимъ способомъ, въ формѣ летучихъ листковъ, среди того класса населенія, который увлекается газетами гораздо скорѣе, чѣмъ произведеніями серьезныхъ изслѣдованій и основательной науки».

Эти положенія весьма хороши, но въ нихъ заключается рѣшительный отпоръ какъ разъ противъ самыхъ существенныхъ требованій современной журналистики. Общественное мнѣніе выступило, поэтому, весьма рѣзко противъ этихъ воззрѣній, и свободы печати стали требовать все громче. Мартъ 1848 года исполнилъ это требованіе. Уже 17-го числа король подписалъ законъ о печати, который отмѣнялъ предварительную цензуру, но оставилъ залоги. Хотя этотъ законъ не былъ обнародованъ, газеты однако пользовались совершенною свободою, и вмѣстѣ съ ними процвѣла въ изумительныхъ размѣрахъ литература брошюръ и плакатовъ. 22-го мая, собралось прусское національное собраніе въ Берлинѣ, и въ предложенномъ ему проектѣ конституціи § 14 гласитъ: «Печать свободна. Преслѣдованіе и кара ея злоупотребленій опредѣляются закономъ. Предварительная цензура отмѣняется навсегда». Конституціонная коммиссія національнаго собранія измѣнила эти опредѣленія весьма немного, съ цѣлью умножить гарантію свободы печати. Въ исправленномъ ею проектѣ, упомянутыя опредѣленія были переданы въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Статья 10. Свобода печати и рѣчи не подлежитъ ограниченію никакими законами. Предварительная цензура отмѣняется навсегда». Статья 12.... «Ни издатель, ни писатель, ни типографщикъ не подлежатъ никакимъ залогамъ» (Sicherheitsbestellung). Эти опредѣленія подверглись еще разъ пересмотру и, снова расширенныя, перешли (послѣ распущенія національнаго собранія прежде, чѣмъ оно исполнило свои обязанности) почти цѣликомъ въ октропированную конституцію 5 декабря 1848 года. Въ этой конституціи статья 24-я опредѣляетъ: «Каждый пруссакъ имѣетъ право свободно выражать свои мысли словомъ, письмомъ, въ печати и рисунками. Свобода печати не подлежитъ ни ограниченіямъ, ни уничтоженію, ни при какихъ обстоятельствахъ и никоимъ образомъ, а именно: ни цензурою, ни предварительнымъ разрѣшеніемъ,

ни залогами, ни государственными налогами, ни какими либо стѣсненіями типографій и книжной торговли, ни, наконецъ, почтовыми запрещеніями или неравномѣрною почтовою платою, ни какимъ либо другимъ препятствіемъ къ свободному обращенію».

Такова была высшая точка развитія законодательной свободы печати въ Пруссіи. Впрочемъ, эти въ высшей степени либеральныя опредѣленія принесли печати только ничтожную пользу, такъ какъ въ Берлинѣ и многихъ другихъ частяхъ государства господствовало въ то время «осадное положеніе», а въ немъ говорили: «Inter arma silent leges» — среди оружія молчатъ законы. Конституція 5-го ноября 1848 года была представлена восьми реакціонернымъ палатамъ (избраннымъ по трех-классной избирательной системѣ и при отсутствіи всей демократической партіи) на разсмотрѣніе и утвержденіе, и при этомъ новомъ пересмотрѣ статьи о печати приняли такой видъ, что открывали полный доступъ ко всѣмъ дальнѣйшимъ мѣрамъ противъ свободы прессы. Статья 27-я *пересмотрѣнной* и до сихъ поръ удержавшейся въ силѣ (хотя съ значительными измѣненіями, которыя внесены законодательнымъ путемъ) конституціи 31-го января 1850 года гласитъ: «Каждый пруссакъ имѣетъ право свободно выражать свои мнѣнія словомъ, письмомъ, въ печати и рисунками. Предварительная цензура не можетъ быть вновь установлена; всякое другое ограниченіе свободы печати можетъ быть введено лишь путемъ законодательства».

Съ тѣхъ поръ законодательство съ замѣчательнымъ рвеніемъ старалось воспользоваться этимъ путемъ. Не прошло и полугода послѣ обнародованія конституціи, какъ уже 5-го іюня 1850 г. появился приказъ, который вновь вводилъ предварительное разрѣшеніе и залоги. Одновременно съ этимъ распоряженіемъ приступили къ составленію новаго уложенія о наказаніяхъ, которое должно было подарить печать нѣкоторыми весьма непріятными постановленіями, и къ изданію полнаго закона о печати. Уложеніе о наказаніяхъ съ приложеннымъ къ нему введеніемъ (Einführungsgesetz) появилось 14-го апрѣля 1857 года, а спустя какой-нибудь мѣсяцъ, 12-го мая 1857 года, обнародованъ и законъ о печати, который уничтожилъ всѣ гарантіи свободы печатнаго слова, и который уничтожилъ бы независимость самой печати, еслибъ пресса не успѣла между тѣмъ доразвиться до того, что она стала дѣйствительною силою въ странѣ. Законъ о печати коснулся прежде всего профессіи типографщика и литографщика, книгопродавца, содержателя библіотекъ или кабинетовъ для чтенія, торговца газетами, брошюрами и картинами, и подвергъ ихъ всѣхъ необходимости испрашивать предварительное разрѣшеніе на производство ремеслъ; это разрѣшеніе, впрочемъ, должны были выдавать всѣмъ лицамъ безукоризненнаго поведенія. Книжные торговцы и типографщики должны были, сверхъ того, подвергаться спеціальнымъ испытаніямъ въ особой

экзаменаціонной коммиссіи. Законъ требовалъ, далѣе, чтобы каждая газета представляла мѣстному начальству по одному экземпляру каждаго нумера, при выходѣ въ свѣтъ, — онъ поставилъ въ зависимость отъ мѣстныхъ полицейскихъ властей продажу и распространеніе печатныхъ листовъ въ открытыхъ мѣстахъ, на улицахъ и площадяхъ. Дозволеніе на эту продажу можно было взять назадъ во всякое время. Законъ ввелъ залогъ въ 5,000 — 1,000 талеровъ, смотря по величинѣ города, въ которомъ существуетъ періодическое изданіе, и смотря по тому — часто ли оно, или рѣдко появляется въ свѣтъ. Онъ давалъ право полицейскимъ властямъ захватывать всякое періодическое изданіе, содержаніе котораго могло быть подвергнуто судебному преслѣдованію, и въ немъ были, наконецъ, крайне запутанныя положенія, составленныя съ цѣлью преслѣдованія не только редактора, но также типографщика и издателя. Эти положенія были тѣмъ опаснѣе для существованія прессы, что съ наказаніемъ лицъ, косвенно заинтересованныхъ въ дѣлахъ печати (типографщика и издателя), эти лица лишались отчасти прямого своего права на производство ремесла, отчасти же страдали вмѣстѣ съ газетою. Вотъ, какимъ образомъ, существованіе газетъ было предано на произволъ судовъ и разныхъ вѣдомствъ.

Уложеніе о наказаніяхъ дополняло репрессивную противъ печати систему двоякимъ образомъ. Конституція 31-го января 1850 года опредѣлила въ статьѣ 94-й, что во всѣхъ преступленіяхъ, подлежащихъ строгимъ взысканіямъ и во всѣхъ проступкахъ печати, спеціально не указываемыхъ закономъ, приговоръ о виновности или невинности должны произносить присяжные засѣдатели: — уложеніе о наказаніяхъ поставило этотъ вопросъ иначе. Оно признало компетентность судовъ и при отсутствіи присяжныхъ засѣдателей, передавъ *изліиества* (Übertretungen (за которыя уложеніе грозило тюремнымъ заключеніемъ до 6-ти недѣль, или денежнымъ штрафомъ 30 до 50 талеровъ) на судъ отдѣльныхъ судей, *проступки* — Vergehen — (наказываемые тюремнымъ заключеніемъ до пяти лѣтъ) отдѣленіямъ суда, состоящимъ изъ трехъ членовъ, и преступленія — Verbrechen — (наказываемые еще строже) судамъ съ присяжными засѣдателями. Это раздѣленіе правонарушеній вообще было потомъ, посредствомъ закона 6-го марта 1854 года, перенесено и на преступленія печатнаго слова, и такъ какъ другой законъ (21-го мая 1852 г.) уже опредѣлилъ представлять всѣ дѣла по преступленіямъ противъ внутренней и внѣшней безопасности государства и по преступленіямъ государственной измѣны въ государственный судъ (Staatsgerichtshof), учрежденный послѣднимъ закономъ, то всѣ дѣла печати исключались такимъ образомъ окончательно изъ-подъ вѣдѣнія суда съ присяжными засѣдателями.

Изъ карательныхъ постановленій новаго уложенія о наказаніяхъ,

особенно опасными для печати были знаменитые параграфы 100 и 101-й. Первый изъ нихъ гласитъ: «Кто нарушаетъ общественное спокойствіе путемъ открытаго возбужденія служителей государства ко взаимной ненависти или взаимному презрѣнію, тотъ подвергается или штрафу въ 20 и до 200 талеровъ, или тюремному заключенію на мѣсяцъ и до двухъ лѣтъ». Въ 101-мъ параграфѣ сказано: «Кто подвергаетъ ненависти и презрѣнію государственныя учрежденія или распоряженія начальства, путемъ открытаго заявленія или распространенія вымышленныхъ или извращенныхъ фактовъ, или путемъ открытыхъ отношеній или насмѣшекъ, — тотъ подвергается денежному штрафу не свыше 200 талеровъ или тюремному заключенію не свыше двухъ лѣтъ». Почти три четверти всѣхъ процессовъ по дѣламъ печати вчинались на основаніи этихъ двухъ параграфовъ. Извѣстный юристъ, профессоръ Джонъ (John), говоритъ объ этихъ параграфахъ въ своемъ недавно обнародованномъ сочиненіи: «Упомянутыя положенія не воспрещаютъ, правда, критики государственныхъ и общественныхъ дѣлъ, но направлены лишь противъ недостойной, неприличной и опасной критики. Если карательныя мѣры могли бы создать пристойную печать, то съ ними можно было бы примириться, не смотря на всѣ криминалистическія сомнѣнія. Но карательныя мѣры не могутъ достигнуть этого результата и, такъ какъ онѣ не могутъ достигнуть его, то не слѣдуетъ и испытывать ихъ. Критика государственныхъ и общественныхъ дѣлъ необходима для общественныхъ интересовъ. Но гдѣ именно прекращаются предѣлы пристойной, допускаемой критики, и гдѣ начинается критика непристойная или опасная—этого опредѣлить *вообще* невозможно. Погрѣшность этихъ параграфовъ заключается въ томъ, что путемъ ихъ законъ переходитъ изъ области правъ въ область этики, не опредѣляя индивидуальности запрещаемаго или безнравственнаго дѣйствія. Пусть законъ избираетъ еще болѣе сильныя выраженія, и пусть говорятъ, что ненависть и презрѣніе—выраженія весьма сильныя,—они во всякомъ случаѣ принадлежатъ къ понятіямъ нравственнымъ и, поэтому, не могутъ имѣть мѣста въ карательныхъ законахъ. Совсѣмъ другое дѣло, если хотятъ запретить критику общественныхъ дѣлъ вообще. Но никакой законъ не можетъ запретить этого, и не можетъ по той простой причинѣ, что самъ законъ, какъ всѣ общественныя учрежденія вообще, нуждается въ одобрительной критикѣ, и, нуждаясь въ этой критикѣ, не можетъ отказаться отъ критики порицающей, такъ какъ именно послѣдняя вызываетъ похвалу, и наоборотъ. Но если невозможно отказаться отъ всякой критики вообще, и если сущность самаго дѣла не допускаетъ опредѣлить законные признаки недозволительной критики, то для достиженія возможно большей пользы остается лишь необходимость переносить мелкія непріятности. Вредныя стороны не-

пристойной, быть можетъ, опасной, критики могутъ быть безконечно *ослаблены* лишь путемъ гласности; что же касается до карательныхъ преслѣдованій, то онѣ скорѣе усилятъ ихъ, чѣмъ ослабятъ.»

Большинство процессовъ по дѣламъ печати подходили, слѣдовательно, подъ категорію проступковъ, и всѣ они рѣшались поэтому въ отдѣленіи суда съ тремя членами. Въ этомъ обстоятельствѣ заключалась еще одна невзгода для писателей, отягощавшая положеніе печати. Три упомянутые члена суда выбирались предсѣдателями по собственному желанію, а въ предсѣдатели судовъ уже 1849 года были назначены люди, державшіе (по крайней мѣрѣ большинство ихъ) всегда сторону правительства; либеральныхъ предсѣдателей старались устранить. Объ этихъ вещахъ въ Пруссіи говорятъ весьма неохотно, по крайней мѣрѣ негромко: независимость судей составляетъ историческую славу прусскаго государства; да пресса и не можетъ говорить объ этихъ злоупотребленіяхъ, такъ какъ суды ограждены (и весьма справедливо) законами противъ всякихъ нападеній. Только изрѣдка, съ трибуны палаты депутатовъ, раздаются громкія и тяжкія жалобы на настоящее положеніе судовъ. Противъ этихъ жалобъ постоянно возставалъ бывшій министръ юстиціи, графъ Липпе, утверждая съ благороднымъ негодованіемъ, что судьи рѣшаютъ всѣ дѣла совершенно независимо и самостоятельно. Конечно, особыхъ инструкцій на тотъ или другой случай правительство не давало, но въ отдѣленія суда избирались обыкновенно такіе люди, пристрастное настроеніе которыхъ въ пользу консервативной партіи не подлежало никакимъ сомнѣніямъ, и если эти люди обнаруживали достаточное рвеніе—ихъ поощряли наградами; если же, напротивъ, судьѣ случилось дать одинъ или два оправдательные приговора, противъ него тотчасъ начинались разныя интриги и гоненія. Такъ возникли тамъ и сямъ судебныя отдѣленія, налагавшія постоянно роковые приговоры; особенно прославилось въ этомъ отношеніи судебное отдѣленіе въ Кенигсбергѣ, гдѣ редакторы газетъ отказывались наконецъ отъ всякой защиты и предоставляли судьямъ налагать приговоры заочно. Извѣстный журналистъ Газенкампъ, редактировавшій нѣкоторое время кенигсбергскую «Гартунгову газету» (Hartungsche Zeitung), органъ весьма умѣренный, подвергался почти ежегодно, впродолженіе всей своей редакціонной дѣятельности, тюремному заключенію на мѣсяцъ. Во главѣ берлинскаго судебнаго отдѣленія по дѣламъ печати находился, впродолженіе многихъ лѣтъ, нѣкто графъ Бредовъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ агитаторовъ консервативной партіи. Обвиняемые никогда не забываютъ указывать ему на его собственную политическую дѣятельность, которая не допускаетъ никакого безпристрастія, но напрасно. Въ восточной Пруссіи (если не ошибаюсь), одинъ изъ судовъ подвергъ дисциплинарнымъ взысканіямъ подчиненныхъ ему судебныхъ приставовъ (Rechtsanwalte) за то только,

что они причислили себя къ либеральному избирательному комитету; судъ нашелъ это несогласнымъ съ оффиціальнымъ положеніемъ чиновниковъ, но сами члены суда засѣдали безнаказанно въ консервативномъ избирательномъ комитетѣ! Наконецъ, къ дѣламъ печати примѣнили въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ прежде неизвѣстное юридическое средство—aggravatio—переносъ въ высшія инстанціи. Такъ, если судъ низшей инстанціи оправдывалъ подсудимаго, государственная власть апеллировала въ судебную палату, если палата тоже оправдывала его, правительство обращалось въ верховный судъ. Такимъ образомъ случалось, что иной журналистъ подвергался всѣмъ послѣдствіямъ судебнаго приговора, не смотря на то, что большинство судей, судившихъ его во всѣхъ инстанціяхъ вмѣстѣ, высказалось въ пользу оправданія.

Но я забѣгаю впередъ. Мнѣ нельзя было, впрочемъ, не прервать нити моего разсказа, и не впасть разомъ въ дѣйствительныя, жизненныя послѣдствія законовъ о печати, хотя мнѣ и удалось набросить лишь слабый очеркъ тѣхъ безчисленныхъ преградъ и засадъ, которыми наполнился путь журнальной дѣятельности въ видахъ уничтоженія всѣхъ неудобствъ свободной печати. При появленіи закона о печати въ 1857 году, онъ разомъ произвелъ на всѣхъ оглушительное впечатлѣніе. Нѣкоторыя газеты принуждены были прекратить свою дѣятельность тотчасъ же, такъ какъ онѣ не могли внести требуемаго залога, и всѣ думали въ то время, что при господствѣ подобнаго закона существованіе оппозиціонной прессы становится рѣшительно невозможнымъ. Но мало-по-малу либеральная пресса собралась съ духомъ и, спокойно обдумывая свое положеніе, предприняла предложенную ей борьбу съ такимъ мужествомъ, стойкостью и съ столькими пожертвованіями, что вы не можете не признать ихъ по-истинѣ изумительными. Вездѣ, гдѣ законъ давалъ какой-нибудь просторъ или самую ничтожную часть твердой почвы, люди печати тотчасъ пользовались имъ, тотчасъ становились на эту позицію, и неустрашимо отстаивали свое право и права своего народа. Реакціонерное министерство, съ своей стороны, съ такимъ же рвеніемъ старалось объ уничтоженіи всякихъ опоръ печати, и находило весьма существенную поддержку со стороны верховнаго суда. Какъ бы то ни было, независимая пресса продолжала существовать, и доказательствомъ жизненности ея можетъ служить не только ея существованіе, вопреки всѣмъ притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, подъ тяжестью обременительнаго налога, но и значительное развитіе ея, какъ по числу газетъ и ихъ полезности, такъ и по числу подписчиковъ. Но вскорѣ пришли и лучшіе дни. Принцъ-регентъ призвалъ либеральное министерство, и вмѣстѣ съ нимъ прекратились всѣ стѣснительныя мѣры противъ прессы, такъ что печать почувствовала себя снова такою же свободною, какою она была въ короткій проме-

жутокъ времени съ 1848 года по 1857. Но, къ несчастію, ни министерство, ни парламентъ не позаботились воспользоваться этимъ благопріятнымъ временемъ для преобразованія законодательства по дѣламъ печати. Чудовищный аппаратъ былъ просто приведенъ въ бездѣйствіе, но онъ могъ ежеминутно снова начать свою притѣснительную работу, да онъ и началъ ее тотчасъ же по удаленіи либеральнаго министерства. Въ 1861 году, при либеральномъ министерствѣ, было всего 72 процесса по дѣламъ печати, а въ 1862, при вступленіи въ министерство Бисмарка, это число возросло до 200, а въ первые четыре мѣсяца 1863 года оно достигло уже 300. Затѣмъ, 1-го іюня 1865 года, былъ обнародованъ приказъ по дѣламъ печати, вводившій въ Пруссіи французскую систему преслѣдованія прессы, при чемъ исполнительныя бюро получили право раздавать газетамъ предостереженія, и запрещать ихъ. Въ сравненіи съ этимъ новымъ положеніемъ старая система казалась чуть не раемъ, ибо тогда были все-таки какіе-нибудь суды, которые давали свои приговоры опредѣленнымъ порядкомъ и въ правильномъ рядѣ инстанцій, и, поэтому, хотя и нарушали нерѣдко духъ закона, все-таки имѣли свое основаніе въ законѣ, а не въ административномъ произволѣ. Теперь же предостереженіе раздавалъ правительственный чиновникъ, руководствуясь лишь субъективнымъ убѣжденіемъ, а не закономъ установленными правилами.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ «ордонансомъ» на прессу, было глубже и ужаснѣе того, которое вызвалъ въ свое время законъ 1851 года, но и теперь печать не потеряла мужества. Правда, нѣкоторыя газеты, и между ними «Кёльнская», нашли-было, что «береженаго и Богъ бережетъ», и перестали печатать передовыя статьи, но большинство рѣшилось продолжать оппозицію. Имъ помогло въ этой оппозиціи одно весьма важное обстоятельство: существованіе большихъ старыхъ газетъ, которыя имѣютъ значеніе не только какъ простыя промышленныя учрежденія, заслуживающія вниманія правительствъ, но и какъ органы, находящіеся въ дѣйствительной внутренней связи съ народонаселеніемъ. Такова, напримѣръ, «Силезская газета» (Silesische Zeitung) въ Бреславлѣ, газета весьма умѣренная, не принадлежавшая къ оппозиціи. Она получила два предостереженія почти сряду и могла подвергнуться запрещенію. Эта газета была учреждена еще при Фридрихѣ Великомъ, вскорѣ послѣ завоеванія Силезіи; она всегда защищала прусскіе интересы и проявила блистательный патріотизмъ во время Наполеоновскаго погрома и при началѣ войны за освобожденіе. Впродолженіи 150 лѣтъ, эта газета находится во владѣніи одной и той же фамиліи, которой она доставила колоссальные доходы. Самъ издатель и его потомки вошли въ многочисленныя связи съ силезскою аристократіею, а газета распространилась по всей про-

винціи, отъ Грюнберга до Одерберга, гдѣ ее можно найти почти въ каждомъ домѣ. Дѣдъ читалъ «Силезскую Газету», внукъ читаетъ ее теперь, а сила привычки, какъ извѣстно, могущественна, и особенно могущественна она въ Германіи. Неустрашимо, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, и въ умѣренномъ тонѣ, отвѣчала «Силезская газета» на эти предостереженія, не забывъ указать на свой испытанный патріотизмъ, и этотъ отвѣтъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что министерство отступило передъ газетою, не смотря на то, что само періодическое изданіе и впредь продолжало держаться той же оппозиціи. Какъ бы то ни было, положеніе прессы все-таки было весьма неопредѣленное, и никто не зналъ, какъ далеко можетъ простираться независимость газеты во время существованія предостереженій; однако, къ счастію, эта система была вскорѣ уничтожена, такъ какъ палата депутатовъ отказалась утверждать правительственный проектъ закона по этому вопросу. Единственною жертвою его была, насколько я помню, только одна газета. Правда, послѣ рѣшенія палаты снова начались процессы противъ печатнаго слова (во время системы предостереженій процессовъ не было, такъ какъ предостереженія вели къ цѣли гораздо ближе и скорѣе), но газеты переносили ихъ легко. Вскорѣ затѣмъ военныя событія внесли въ страну новое патріотическое воодушевленіе, конституціонная распря между палатою депутатовъ и министерствомъ значительно ослабѣла, а вмѣстѣ съ этими явленіями смягчилась и самая суровость правительственныхъ преслѣдованій противъ печати, такъ что печать можетъ надѣяться теперь, что ей удалось пережить худшія времена, навсегда канувшія въ вѣчность. Не смотря на всѣ тяжкія испытанія, пресса проявляетъ въ настоящее время замѣчательное развитіе въ матеріальномъ отношеніи. Новѣйшій газетный прейсъ-курантъ, изданный центральнымъ почтамтомъ, представляетъ 2992 названія нѣмецкихъ газетъ, изъ которыхъ 942 занимаются политикою. Большинство ихъ издается въ Пруссіи, и, вообще говоря, нынѣшняя пресса, какъ по своему литературному достоинству, такъ и по финансовой прочности (которая всегда служитъ кореннымъ условіемъ независимости), превосходитъ въ изумительной степени прежнюю прессу, существовавшую лѣтъ двадцать тому назадъ. Долгая борьба имѣла доброе вліяніе даже на противниковъ свободы печати. Они убѣдились теперь, что если за прессою стоитъ живая и образованная публика, интересующаяся политическими дѣлами, то печать всегда въ состояніи служить выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Теперь уже не трудно предвидѣть, что при первой либеральной перемѣнѣ въ правительственной системѣ печать снова получитъ хотя долю отнятыхъ отъ нея правъ, и если внесенное теперь въ палату депутатовъ предложеніе объ отмѣнѣ предварительнаго разрѣшенія на изданіе газетъ, залоговъ, и захватовъ

газетъ до судебнаго приговора, не имѣетъ еще шансовъ на согласіе палаты господъ и правительства, то все-таки это предложеніе можетъ считаться предвѣстникомъ того, что и Пруссія въ непродолжительномъ времени примкнетъ къ тѣмъ націямъ, которыя пользуются уже полною свободою печати. Годы испытанія доказали, что пресса не лишена ни образованія, ни патріотизма, ни твердости характера—этихъ необходимыхъ условій для исполненія ея призванія.

Для полной оцѣнки всѣхъ факторовъ силы, которые содѣйствовали прессѣ въ этой борьбѣ, нельзя не упомянуть объ одномъ весьма благопріятномъ для печатнаго слова обстоятельствѣ,—я говорю о безнаказанности обнародованія отчетовъ о рѣчахъ, произносимыхъ въ парламентѣ. Эта безнаказанность, какъ необходимое дополненіе къ свободѣ парламентской рѣчи, была признана и самимъ закономъ о печати въ § 38, гдѣ сказано: «Отчеты о публичныхъ засѣданіяхъ общихъ палатъ, если они вполнѣ вѣрны, освобождаются отъ всякой отвѣтственности». Правда, и это опредѣленіе подвергалось нерѣдко нападеніямъ, такъ какъ привилегія неприкосновенности парламентскихъ отчетовъ весьма не нравилась противникамъ этой неприкосновенности. Что за польза — говорили они — подвергать прессу всѣмъ строгостямъ судебныхъ преслѣдованій впродолженіи 8 мѣсяцевъ и подводить ее подъ всѣ статьи закона о печати, когда въ остальные четыре мѣсяца въ году ей дозволяютъ безпаказанно сообщать всѣ, даже самыя злыя, «зажигательныя» рѣчи оппозиціи? Государственныя власти и судъ начали-было истолковывать и перетолковывать слово «отчеты» и слова «вполнѣ вѣрные» (wahrheitsgetreu) въ 38-мъ параграфѣ, и вскорѣ дошли до того, что вполнѣ вѣрнымъ отчетомъ стали признавать только полный отчетъ, а не простую передачу отдѣльныхъ рѣчей или отдѣльныхъ выраженій. Какъ бы то ни было, за прессою все-таки осталось право печатать парламентскіе отчеты, и это право не мало способствовало тому, что и споръ о безусловной свободѣ парламентской рѣчи, поднятый въ 1865 году, тоже близится теперь къ благополучному для свободы исходу.

Одинъ изъ греческихъ философовъ сказалъ: «Дайте мнѣ точку опоры, гдѣ я стою, и я сдвину съ мѣста весь міръ». Эти слова примѣняются также, сообразно съ обстоятельствами, ко всякому политическому движенію и развитію. Нужно имѣть какую-нибудь точку опоры, какой-нибудь *законъ*, какое-нибудь *право*. Юніусъ (Junius) утверждалъ, что пріобрѣвъ свободу печати, англичане могутъ завоевать всѣ другія политическія права. Это положеніе и справедливо и нѣтъ, подобно всѣмъ геніальнымъ парадоксамъ, которые были въ такой модѣ въ прошломъ вѣкѣ: оно ложно, потому что придаетъ свободѣ печати особенное значеніе предпочтительно передъ всѣми другими правами, и оно справедливо, такъ какъ на каждомъ дѣйствительно уста-

новившемся и упроченномъ правѣ можно всегда созидать и развивать другія. При этомъ предполагается, что въ государствѣ никогда не приходится прибѣгать къ такъ-называемому закону «необходимости», въ родѣ государственнаго переворота во Франціи, или отмѣны многихъ конституцій въ Австріи.

Цѣлую недѣлю длились въ палатѣ депутатовъ пренія по поводу бюджета министерства народнаго просвѣщенія. Либеральная партія воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы высказать всѣ свои жалобы и недовольство противъ системы нынѣшняго министра, который въ религіозныхъ предметахъ держится такъ-называемой «ортодоксіи», то-есть, строгаго лютеранства, а въ дѣлахъ школы одобряетъ самый узкій, строго клерикальный взглядъ на образованіе. Пренія были весьма интересны, ими затронуты важнѣйшіе вопросы религіи и гуманности, и хотя положеніе министра не поколебалось, а правительственные органы приписали ему даже побѣду, все это нисколько не измѣняетъ того факта, что убѣдительная сила аргументовъ была, во всякомъ случаѣ, на сторонѣ оппозиціи. Съ изумительнымъ остроуміемъ чертилъ Вирхофъ картину господствующаго направленія въ евангелической церкви, главные сторонники которой дошли, въ своемъ фанатизмѣ, до того, что не признаютъ независимости наукъ и считаютъ отрицаніе коперниковой системы мірового порядка формальнымъ «оселкомъ» истинной вѣры. Я уже разсказывалъ вамъ объ этомъ спорѣ, возникшемъ здѣсь по иниціативѣ пастора Кнака. Но можно ли было вообразить, что эта жалкая клика найдетъ себѣ и лейбъ-астронома, нѣкоего доктора Шёпфера (Schöpfer), который, не имѣя никакихъ математическихъ и астрономическихъ познаній, взялся доказывать, что всѣ дѣйствительные астрономы лгутъ и обманываютъ, и что солнце обращается вокругъ земли въ недальнемъ разстояніи отъ ея поверхности? Этотъ господинъ прибылъ теперь въ столицу Пруссіи и читаетъ здѣсь публичныя лекціи, на которыхъ постоянно присутствуютъ сливки всей церковной реакціи. Не вправѣ ли былъ Вирхофъ, говоря: «Какое право имѣютъ эти люди, отвергающіе основныя начала науки, всходить на каѳедру, въ качествѣ сподвижниковъ науки? Обойдите кругомъ всѣ католическія догмы, и вы нигдѣ не найдете ничего подобнаго. Католическая церковь постаралась бы поскорѣе спрятать эти личности по монастырямъ».

Религіозное образованіе служитъ теперь однимъ изъ главныхъ пунктовъ спора между правительствомъ и либеральною партіею. Министръ желаетъ, чтобы всѣ гимназіи, реальныя школы, высшія бюргерскія училища стали либо католическими, либо евангелическими. Онъ не запрещаетъ, впрочемъ, иновѣрцамъ посѣщать всѣ эти школы, и не желаетъ принуждать ихъ присутствовать на урокахъ религіи, но онъ настаиваетъ на томъ, чтобы въ школахъ господствовалъ религіозный

духъ, который проявлялся бы въ большинствѣ учителей, долженствующихъ тоже быть или католиками, или лютеранами. Либеральная партія не желаетъ придавать школамъ ни католическаго характера, ни евангелическаго. Министръ говоритъ, что исторію слѣдуетъ учить согласно съ догматами того или другого вѣроисповѣданія. Невозможно, чтобы еврей учился исторіи со временъ Христа, — невозможно учить католика исторіи реформаціи. На это отвѣчаетъ оппозиція: — и то, и другое весьма возможно. Ни одинъ образованный еврей не желаетъ отрицать вліяніе христіанства на исторію міра, и всякій образованный католикъ понимаетъ значеніе Лютера и реформаціи; образованный лютеранинъ, съ своей стороны, не смотритъ на папу, какъ на антихриста и не принимаетъ Рима за «великій Вавилонъ», какъ это полагали протестанты первыхъ временъ реформаціи. Но этого мало,— исторію не только можно, но и должно изучать именно въ этомъ, научномъ духѣ, который отдаетъ справедливость всѣмъ явленіямъ цивилизаціи! Если же — прибавляютъ либералы — вы станете воспитывать религіозную рознь, то вѣдь наступитъ и такая пора, когда вамъ же придется пожинать сѣмена этой розни.

Дѣятельность на литературномъ поприщѣ приняла въ послѣднее время весьма широкіе размѣры, и почти во всѣхъ отрасляхъ наукъ есть не мало новыхъ явленій, о которыхъ постараюсь передать кое-какія краткія свѣдѣнія. Изъ сочиненій по государственному праву нельзя не упомянуть о «Принципахъ политики» Франца Гольцендорфа, профессора правъ въ здѣшнемъ университетѣ [1]). Авторъ, сторонникъ либеральной партіи, старается принять эклектическое положеніе относительно различныхъ политическихъ школъ. *Политика*, по его мнѣнію, не включаетъ въ себя всѣхъ государственныхъ наукъ, но, напротивъ, есть также спеціальная государственная наука въ общемъ ряду съ другими. Предметомъ и содержаніемъ ея, по опредѣленію Гольцендорфа, должно быть правильное употребленіе и дѣйствіе орудій, которыми можно располагать въ дѣйствительности, — для достиженія государственныхъ цѣлей внѣ отправленія правосудія. Въ новѣйшей политической исторіи онъ даетъ, поэтому, политикѣ прошлыхъ временъ и исчезнувшихъ государствъ лишь второстепенное значеніе, такое, примѣрно, какое имѣетъ исторія права на право, нынѣ дѣйствующее. Политика, въ этомъ смыслѣ, имѣетъ дѣло, во-первыхъ, съ субъектами политической дѣятельности, и затѣмъ съ существующими, предрѣшенными для нея фактами общественнаго устройства; она должна изслѣдовать, какое сопротивленіе или какую опору могутъ оказать эти факты государственнымъ дѣйствіямъ. По природѣ дѣйствую-

[1]) Die Principien der Politik, von Franz v. Holtzendorff. Berlin, 1869, C. G. Lüderitz'sche Verlagshandlung.

щаго государственнаго органа, изъ сущности присущихъ ему силъ, и изъ суммъ всѣхъ вообще доступныхъ для изслѣдованія государственныхъ обстоятельствъ, можно извлечь законы политической жизни и дѣятельности. Главными вспомогательными средствами при этомъ служатъ исторія, статистика и *психологія народовъ;* до Гольцендорфа, никто не вводилъ эту послѣднюю отрасль знанія въ область науки. Эта психологія имѣетъ предметомъ своего изслѣдованія сознаніе государственнымъ образомъ организованныхъ націй или отдѣльныхъ классовъ общества, — она занимается настроеніемъ, чувствами, страстями и предразсудками народовъ, имѣющими весьма важное значеніе, какъ факторы общественной жизни. Прежніе вѣка слишкомъ высоко ставили дѣятельность и способности государственныхъ органовъ въ области улучшенія общественнаго строя жизни. Въ тѣ времена правительства считались виновниками всѣхъ неудачъ и всякаго прогресса, голода и мотовства, всѣхъ добродѣтелей и пороковъ. Изъ этого понятія возникъ тотъ длинный рядъ нынѣ почти забытыхъ сочиненій XVII и XVIII вѣковъ, когда писатели пытались воспитывать въ государствѣ тѣ нравственныя и умственныя качества, существованіе которыхъ должно было, по ихъ мнѣнію, доставить народамъ и государствамъ высшее благо. Въ настоящее время господствуетъ противоположное направленіе, представителемъ котораго служитъ Бокль. Оно считаетъ всѣ правительства одинаково неспособными ни на добро, ни на зло. Человѣческіе законы имѣютъ значеніе лишь настолько, насколько въ нихъ присутствуетъ *природный законъ* человѣческаго общества, — развитіе этого закона идетъ, какъ полагаютъ, само собою, такъ что исторія представляется рядомъ свершившихся фактовъ, въ появленіи которыхъ человѣческая личность и воля величайшаго государственнаго человѣка участвуютъ лишь видимо. Между этими крайними воззрѣніями, авторъ ищетъ *законъ политической вмѣняемости* —das Gesetz der politischen Zurechnung. Изъ первыхъ приведенныхъ положеній уже явствуетъ, что Гольцендорфъ черпаетъ матеріалъ для своихъ изслѣдованій, главнымъ образомъ, изъ новѣйшей исторіи,— однако его сочиненіе нисколько не утрачиваетъ оттого въ своемъ строго-научномъ изложеніи.

Гейнрихъ Баумгартенъ издалъ второй томъ своей «Исторіи Испаніи», входящей въ составъ лейпцигскаго ряда (книгопродавца Гирцеля) сочиненій о новѣйшей исторіи европейскихъ государствъ (Staaten-Geschichte der neuesten Zeit.). Первый томъ «Исторіи Испаніи» появился года два тому назадъ, и обнималъ собою періодъ съ 1788 года по 1814. Во второмъ томѣ излагается періодъ возвращенія Фердинанда VII на испанскій престолъ, съ 1814 года по 1825. Неблагодарный матеріалъ, подлежавшій разработкѣ Баумгартена, принялъ, при блестящемъ и научномъ изложеніи автора, привлекательную форму,

и въ книгѣ не мало интересныхъ эпизодовъ. Для русскаго читателя особенно интересно изложеніе вліянія Россіи на тогдашнее положеніе дѣлъ въ Испаніи. Русскимъ посломъ при испанскомъ дворѣ былъ въ то время Татищевъ, склонявшійся въ пользу либерализма, господствовавшаго при императорѣ Александрѣ I. Испанскій дворъ отличался, напротивъ, реакціонерными наклонностями. Татищевъ оказывалъ не малую поддержку министру финансовъ Гараи (Garay), приверженцу свободной торговли и реформы. Только благодаря этой поддержкѣ Гараи удалось пробить дорогу къ преобразованіямъ, которыя, однако, должны были уступить потомъ напору обратнаго потока. Послѣ побѣды революціи въ Испаніи (1820 г.), Россія измѣнила свою политику и, въ лицѣ Поццо-ди-Борго, стала въ совершенно иное положеніе относительно испанскихъ политическихъ партій.

Какъ продолженіе книги, упомянутой мною въ іюльской книжкѣ «Вѣстника Европы» подъ заглавіемъ: «Deutschland Einst und Jetzt im Lichte des Reiches Gottes», появилось теперь сочиненіе того же суперинтендента В. Гофманна: «Deutschland und Europa im Lichte der Weltgeschichte», которая разбираетъ по-дилетантски, но весьма увлекательно и умно, историческія отношенія европейскихъ государствъ и народовъ. Авторъ, какъ кажется, имѣлъ намѣреніе показать, что узкія воззрѣнія на міръ, господствующія среди значительной части евангелическаго духовенства, суть послѣдствія не набожности и истинно-христіанской вѣры, а чего-то другого, и что истинное христіанство, напротивъ, весьма хорошо вяжется съ свободомысліемъ и широкимъ міросозерцаніемъ.

Изъ области исторіи литературы слѣдуетъ упомянуть о второй половинѣ сочиненія Штродтманна о жизни Гейне. Вашъ журналъ уже познакомилъ своихъ читателей съ первою половиною сочиненія Штродтманна; вторая половина не уступаетъ первой по своимъ интереснымъ подробностямъ о жизни знаменитаго поэта.

Въ беллетристической литературѣ новѣйшаго времени занимаетъ весьма важное мѣсто сочиненіе Фанни Левальдъ: «Villa-Reunion» (Берлинъ, у Отто Янке). Эта писательница провела годъ въ Италіи, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, Адольфомъ Штаромъ, и результатомъ этого пребыванія является упомянутый сборникъ романовъ, доказывающій, что небо Италіи значительно оживило фантазію Фанни Левальдъ. Самый обширный изъ романовъ «Domenico» представляетъ чудную картину, полную страсти и глубокаго чувства.

Археологія обогатилась неожиданнымъ даромъ, но не съ неба, а изъ земли. Нѣсколько недѣль тому назадъ, въ Гильдесхеймѣ солдаты рыли землю подъ артиллерійскую мишень и наткнулись при этомъ на большую кучу серебряной посуды, въ которой одного серебра оказалось на нѣсколько тысячъ талеровъ. Но несравненно большее значеніе

имѣетъ эта посуда въ художественномъ отношеніи, такъ какъ несомнѣнно, что она покоилась въ землѣ со времени существованія Рима; знатоки искусства говорятъ, поэтому, совершенно справедливо, что эта находка значительно обогатитъ художественную промышленность. Сосуды привезены сюда и выставлены въ музеѣ; всѣ иллюстрированныя газеты уже представили фотографическій снимокъ съ новой находки, и нельзя не подивиться прекрасной работѣ и превосходному рисунку этихъ сосудовъ. Ученые заспорили уже о томъ, какимъ образомъ этотъ кладъ попалъ въ сѣверную Германію; большинство держится того мнѣнія, что эти сосуды принадлежали какому-нибудь знатному римлянину, ограбленному, быть можетъ, послѣ битвы въ Тевтобургскомъ лѣсу, какимъ-нибудь германскимъ вождемъ, который увезъ ихъ съ собою и зарылъ около Гильдесхейма, опасаясь алчности своихъ собратовъ. Это, во всякомъ случаѣ, только гипотеза, но лучшаго объясненія до сихъ поръ не получено. Опроверженіе этой гипотезы нисколько не уменьшитъ, конечно, дѣйствительнаго достоинства находки.

К.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ЦИФРЫ

ВРЕМЕНИ ОТКРЫТІЯ И ПРОТЯЖЕНІЯ РУССКИХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

(1838—1868 г.)

Имѣя въ виду, въ теченіе настоящаго года, знакомить ближе нашихъ читателей съ современнымъ состояніемъ желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, мы желаемъ предпослать одинъ численный обзоръ постепенныхъ его успѣховъ отъ начала, въ теченіи 30-ти лѣтъ, которыя завершились 1868-мъ годомъ, и подвести имъ итогъ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, въ 1838 г., была открыта первая желѣзная дорога въ Россіи — въ Царское Село, и мы сдѣлались обладателями 25 верстъ [1]) рельсового пути. Въ предшествовавшее царствованіе, желѣзно-дорожное дѣло шло медленно, такъ что къ началу 1855 г., слѣдовательно въ теченіе 17-ти лѣтъ, мы построили 969 верстъ; въ нынѣшнее царствованіе, въ теченіе 14 лѣтъ, построено 5,569 верстъ, и такимъ образомъ, къ началу 1869 г. Россія покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ на *6,548 верстъ*.

[1]) Цифры заимствованы изъ «Вѣдомости о желѣзныхъ дорогахъ», помѣщенной въ «Коммерческомъ Календарѣ» на 1869 г.

Вотъ относительные труды каждаго года въ этой общей цифрѣ:

Въ 1838 году	открыто	25	верстъ.	Въ 1860 году	открыто	240	верстъ.
» 1845	»	20	»	» 1861	»	462	»
» 1847	»	23	»	» 1862	»	1,217	»
» 1848	»	289	»	» 1863	»	197	»
» 1850	»	111	»	» 1864	»	90	»
» 1851	»	469	»	» 1865	»	206	»
» 1853	»	42	»	» 1866	»	668	»
» 1857	»	113	»	» 1867	»	489	»
» 1859	»	157	»	» 1868	»	1,750	»

Всего, по настоящій годъ, открыто 28 линій, составляющихъ вышеуказанную цифру протяженія на 6,548 верстъ, которая распредѣляется между ними слѣдующимъ образомъ:

	версты.		версты.
Царскосельская, съ 1838 г. . .	25	Лодзинско-фабричн., съ 1866 г. .	26
Николаевская, съ 1851 г. . . .	604	Варш.-Тересп., съ 1866 г. . . .	193
Варшавско-Вѣнск., съ 1859 г. .	325	Рязанско-Козлов., съ 1866 г. . .	197
Рижско-Динабург., съ 1861 г. .	204	Курско-Кіевск., съ 1866 г. . . .	438
Волго-Донская, съ 1862 г. . .	73	Одесс.-Балтско-Тирасп., съ 1867 г.	245
Гельсинг.-Тавастг., съ 1862 г. .	100	Ряжско-Моршанск., съ 1867 г.. .	121
Московско-Нижегор., съ 1862 г.	410	Рижско-Митавская, съ 1867 г.. .	40
Московско-Сергіевск., съ 1862 г.	66	Московско-Курск., съ 1868 г. . .	502
Спб.-Варшав., съ 1862 г. . . .	1,206	Аксайско-Ростов., съ 1868 г. . .	12
Варшав.-Бромб., съ 1863 г. . .	138	Балто-Елисаветгр., съ 1868 г. . .	234
Грушевская, съ 1863 г. . . .	66	Елецко-Грязская, съ 1868 г.. . .	103
Спб.-Ораніенб., съ 1864 г. . .	49	Шуйско-Ивановск., съ 1868 г. . .	85
Московско-Рязан., съ 1864 г. .	185	Козловско-Воронеж., съ 1868 г. .	167
Динаб.-Витеб., съ 1866 г. . . .	243	Орловско-Витебск., съ 1868 г. . .	488

Въ 1869 году предполагается увеличить эту сѣть уже строющимися желѣзными дорогами, на 2,559 верстъ, а именно: 1) Кіевско-Балтская на 622 в.; 2) Елисаветградско-Кременчугская, на 130 в.; 3) Тирасполь-Кишиневская, на 66 в.; 4) Курско-Харьковская, на 230 в.; 5) Харьковско-Таганрого-Ростовская, на 533 в.; 6) Сергіевско-Ярославская, на 196 в.; 7) Финляндская, отъ Петербурга до ст. Рихимяки, на 350 в.; 8) Козловско-Тамбовская, на 66 в.; 9) Орловско-Елецкая, на 172 в.; 10) Грязе-Борисоглѣбская, на 192 версты.

Затѣмъ, къ началу 1870 года Россія покроется сѣтью желѣзныхъ дорогъ на *9,107 верстъ*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ДЕКАБРЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Искáніе старообрядцами въ XVIII вѣкѣ законнаго архіерейства. Издалъ протоіерей С.-Петербургской Никольской Единовѣрческой церкви *Тимоѳей Верховскій*. Спб. 1868.

Эта брошюра доставляетъ весьма любопытный вкладъ въ исторію раскола, сообщая не лишенные важности документы о происхожденіи единовѣрія. Эти документы, находящіеся въ рукахъ г. Верховскаго, были уже помѣщены въ «Православномъ Обозрѣніи», и встрѣчены были, по словамъ г. Верховскаго, съ такимъ живымъ интересомъ, между прочимъ, въ средѣ старообрядцевъ, что онъ нашелъ не лишнимъ перепечатать ихъ отдѣльно, снабдивъ ихъ историческимъ предисловіемъ.

Первая мысль о сближеніи старообрядства съ православной церковью принадлежала настоятелю одного старообрядческаго монастыря въ Стародубьѣ, Никодиму. Человѣкъ начитанный, разсудительный, энергическій, онъ пользовался у старообрядцевъ большимъ уваженіемъ. Никодимъ пришелъ къ убѣжденію о неправильности того бѣглаго священства, какимъ до тѣхъ поръ пользовались старообрядцы, и «вѣря въ непреложность обѣтованій Спасителя о вѣчности церкви и законнаго священства», рѣшился обратиться къ господствующей церкви, «православіе которой ясно видѣлъ», съ просьбой о возстановленіи законнаго священства въ средѣ старообрядцевъ, только съ сохраненіемъ старыхъ обрядовъ. Онъ въ особенности стремился къ тому, чтобы пріобрѣсти для старообрядчества законнаго архіерея, который бы потомъ обезпечилъ ему правильно поставленныхъ священниковъ. Это было въ 1780-хъ годахъ. Счастливыя обстоятельства, и, конечно, также достоинства его собственнаго личнаго характера, доставили ему покровительство или вниманіе сильныхъ людей того времени, именно Румянцева, Потемкина, митрополита петербургскаго Гавріила и московскаго Платона. Потемкинъ представилъ Никодима самой императрицѣ. Дѣло обѣщало успѣхъ, и этому обрадовались не только друзья Никодима, давшіе ему письменное полномочіе (въ числѣ 1400 человѣкъ), но и остальные старообрядцы, прежде съ опасеніемъ и подозрительно смотрѣвшіе на его начинанія, и даже сами безпоповцы.

Въ мартѣ 1784 года, императрица Екатерина рескриптомъ на имя митрополита Гавріила разрѣшила даровать старообрядцамъ, по ихъ просьбамъ, священниковъ и дозволила имъ отправлять службу по старымъ обрядамъ, «покуда общее по представленнымъ отъ означенныхъ старообрядцевъ просьбамъ не послѣдуетъ дальнее распоряженіе». Старообрядцы были въ

восторгѣ отъ этой мѣры, ожидая, что дозволеніе священства будетъ первымъ шагомъ къ дозволенію старообрядческаго архіерейства.

Но въ томъ же году, возвратившись изъ Петербурга въ свой монастырь, Никодимъ умеръ. За нѣсколько дней до смерти онъ написалъ трогательное письмо къ митрополиту Гавріилу, прося его не оставить начатаго дѣла, судьба котораго наполняла его сомнѣніями. Письмо это приведено въ брошюрѣ г. Верховскаго. Положеніе старообрядческаго монастыря по смерти Никодима было печальное. Между братіей не было другого человѣка такой нравственной энергіи и значенія, а дѣло было еще только въ началѣ. По завѣщанію Никодима братія продолжала хлопотать у Потемкина, Румянцева и т. д.; выбранная старообрядцами депутація отправилась въ Петербургъ; но дѣло не ладилось. Потемкину тѣмъ временемъ вздумалось переселять старообрядцевъ въ свое Таврическое намѣстничество. Онъ объявилъ имъ, что кто изъ нихъ переселится за Днѣпръ и войдетъ въ соединеніе съ православною церковью, «тѣ, получа священниковъ отъ таврическаго архіерея зависящихъ, будутъ *на всегда* пользоваться обрядомъ и чиномъ церковнымъ *по ихъ обычаю*». Вмѣстѣ съ тѣмъ — для того, чтобы остальные жители старообрядческихъ слободъ, желающіе быть въ соединеніи съ православною церковью, «могли *на такомъ же основаніи* пользоваться высочайшей милостью»,— Черниговскія и Новгородъ-Сѣверскія слободы старообрядцевъ также приписаны были къ Таврической епархіи. Переселявшимся предложены нѣкоторыя облегченія. Для этихъ ожидаемыхъ старообрядческихъ колонистовъ Потемкинъ затѣялъ построить особый единовѣрческій монастырь близъ слободы Знаменки.

Между тѣмъ переселеніе вовсе не входило въ планы старообрядцевъ, и никто изъ нихъ не пошелъ въ Таврическое намѣстничество кромѣ немногихъ семей «бѣдныхъ, недоимочныхъ и мало-домовыхъ». Это и понятно; но это очень раздражило Потемкина. Г. Верховскій разсказываетъ: «Между тѣмъ, Потемкинъ видѣлъ, что старообрядцы не переселяются въ Таврическую область, какъ онъ желалъ того, а изъ слуховъ узналъ, что причиною тому было то обстоятельство, что имъ и въ Стародубьѣ даютъ благословенное священство, потому они и не видятъ особой нужды къ переселенію. Это *сильно обидѣло* Потемкина, и Амвросій (епископъ таврическій, въ епархію котораго старообрядческія слободы были приписаны) *потому* пріостановился посвященіемъ старообрядцамъ священниковъ». Другими словами—Потемкинъ или прямо запретилъ ему это, или онъ самъ догадался, что Потемкинъ желаетъ, чтобы онъ «пріостановился», для того, чтобы вынудить старообрядцевъ къ желаемому для Потемкина переселенію, или по крайней мѣрѣ отомстить имъ за упорство. Съ тѣхъ поръ старообрядцы напрасно обращались къ Амвросію съ просьбами поставить имъ священниковъ. Не смотря на существованіе прямого и яснаго Высочайшаго повелѣнія, не смотря на положительное подтвержденіе его Потемкинымъ въ вышеупомянутомъ объявленіи къ старообрядцамъ, дѣло не дѣлалось: Амвросій просто ничего не отвѣчалъ на просьбы старообрядцевъ; они посылали уполномоченныхъ, но и это было напрасно. Видя это пренебреженіе, старообрядцы начинали сомнѣваться въ томъ, получатъ ли они отсюда какое-нибудь вниманіе къ своимъ потребностямъ, т. е. будетъ ли исполнено повелѣніе императрицы. Депутаты старообрядцевъ являлись и къ самому Потемкину, но онъ отвѣчалъ имъ такими словами: «Я выпросилъ милости старообрядчеству *въ свои губерніи*, и кто желаетъ по старымъ обрядамъ получать священство, того милости прошу въ мое намѣстничество, а мнѣ сего дать въ *чужое* намѣстничество не можно, понеже я тамъ не хозяинъ, а у васъ-де тамъ есть свой хозяинъ!» Это была неправда. Мы видѣли, что старообрядческія слободы *чужого* намѣстничества были именно причислены къ Таврической епархіи съ тѣмъ, чтобы непереселившіеся старообрядцы (Потемкинъ думалъ, конечно, что останется нѣсколько, а большая масса перейдетъ къ нему) также могли получать священниковъ по старымъ обрядамъ. Раздѣлять такимъ образомъ обѣщаніе, данное высочайшимъ рескриптомъ, по намѣстничествамъ, исполнять его въ одномъ и считать его дѣломъ невозможнымъ въ другомъ, было очевиднымъ произволомъ, чистымъ капризомъ, тѣмъ болѣе мелкимъ въ настоящемъ случаѣ, что люди, надъ которыми совершался этотъ капризъ, были слишкомъ безсильны, слишкомъ загнаны, и Потемкинъ, вообще интересовавшійся дѣлами раскола, слишкомъ хорошо

зналъ, на какомъ больномъ мѣстѣ онъ наноситъ имъ теперь новую рану....

Въ четвертомъ прошеніи къ Амвросію старообрядцы уже ставятъ, по словамъ г. Верховскаго, «рѣшительныя нѣкоторыя условія», т. е. опредѣлительнѣе выражаютъ свои желанія, чтобы получить опредѣлительное согласіе или отказъ. Амвросій на всѣ ихъ просьбы не давалъ никакого прямого и удовлетворительнаго отвѣта; онъ говорилъ имъ: «радъ бы васъ всею моею душею удовольствовать, но не имѣю соизволенія на то отъ свѣтлѣйшаго князя», или же онъ оставлялъ ихъ безъ всякаго отвѣта. Наконецъ, въ шестой просьбѣ старообрядцы говорятъ о своемъ безвыходномъ положеніи и просятъ въ послѣдній разъ какой-нибудь помощи: надъ ними смѣется „противная сторона“, многіе начинаютъ покидать соединеніе съ православною церковью, и ихъ собственнаго монастыря „большая половина наклонилась къ калмыку Михайлѣ“ — вѣроятно, какому-нибудь бѣглому, неразрѣшенному священнику или иному ересіарху. Они говорили въ письмѣ къ Амвросію: „аще не получимъ вашего милосердія (оотносительно освященія церкви и поставленія священниковъ) ... то падши предъ страшнымъ судіею Богомъ и къ стопамъ вашего высокопреосвященства, что Богъ и вы надъ нами учините, такъ и будетъ, а намъ новые обряды невмѣстимы и безъ церкви быть невозможно, и болѣе злощастною смертію за таковымъ продолженіемъ братію нашу умирать не допустимъ и намѣрены освятить церковь. А уже къ испрошенію (т. е. къ испрошенію этого отъ Амвросія) ни нашего духа, ни силъ, ни интересу не стало. Мы во всю нашу пятилѣтнюю просьбу ниже малаго утѣшенія дѣятельнаго отъ всѣхъ церковныхъ пастырей видѣли и не можемъ знать конца, чего отъ насъ требуете недоумѣваемся....»

Послѣднимъ ихъ прибѣжищемъ былъ митрополитъ Гавріилъ. Длинное посланіе старообрядцевъ къ нему есть, конечно, одинъ изъ любопытнѣйшихъ документовъ въ цѣлой исторіи раскола; оно любопытно и для характеристики того положенія, въ какомъ находилась наша іерархія, — степени ея самостоятельности и силы, или можетъ быть безсилія. Это былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ старообрядчество становилось въ непосредственныя отношенія съ властью и выясняло положеніе вещей открыто, безъ опасеній и безъ умолчаній; старообрядцы откровенно высказывали митрополиту Гавріилу, на какія мысли и рѣшенія наводитъ ихъ по неволѣ тотъ способъ дѣйствій, который пришлось имъ испытать по поводу своихъ искательствъ. Они напоминали митрополиту ходъ дѣла, свои стремленія къ соединенію, данныя имъ обѣщанія, рескриптъ императрицы, и потомъ отказы и пренебреженіе къ ихъ просьбамъ и моленіямъ.

«Мы вамъ открыли, — говорятъ они, — какъ искуснымъ лекарямъ, разнаго рода раны, но вы не точію не уврачевали, но и оставили насъ безъ призрѣнія, и злощастно умирать, а иныхъ паки отвратили отъ соборныя церкви, иныхъ подвигнули на хулы, понеже дали мѣсто ихъ словамъ: «вотъ ваши пастыри! вотъ ваши пастыри!» Да, только вы насъ истомили, не подавши намъ дѣятельнаго ни одного пастыря, отъ чего не точію простой народъ взошелъ въ сомнѣніе о пастыряхъ, но церкви мы сами отчуждаемся, — что дѣлать? Правду отчасти мы и видимъ, да намъ нельзя ее указать. Это точно не потрафлено, ваше высокопреосвященство! Мы церкви рачителю скажемъ: въ пятьдесятъ бы кратъ именно было приращенія, ежели бы вскорѣ по пріѣздѣ было благословенное священство (т. е. вѣроятно вскорѣ по пріѣздѣ Никодима или старообрядческой депутаціи изъ Петербурга, когда интересъ къ дѣлу чрезвычайно распространился въ старообрядческомъ мірѣ). А нынѣ ни подъ какимъ видомъ уже церкви столько приращенія не будетъ, затѣмъ, что всѣмъ дали о себѣ образъ жестокосердія и искусныхъ проводовъ. Мы просили на старинные обряды архипастыря, но вы не соблаговолили; мы просили священства, съ тѣмъ, чтобъ посвященъ былъ священникъ по архипастырской волѣ, и присланъ былъ къ намъ на старинные обряды, но и того не соблаговоляете. А мы ясно видимъ императорское повелѣніе, а за чѣмъ не даетъ преосвященный, мы не вѣдаемъ; не вызнаетъ за нами противнаго церкви, ни ереси, но только указываетъ на князя» (т. е. Потемкина).

Пересчитывая митрополиту свои «неудобьсносныя скорби», они разсказываютъ, что наконецъ «преосвященный (Амвросій) сказалъ посланнымъ нашимъ: если пріимите *новыя книги*, то и безъ княжескаго вѣдома священство дамъ,—на что посланный нашъ отвѣщалъ:

ваше высокопреосвященство! Этому гласу есть уже 130 лѣтъ, такъ намъ и ѣздить къ вамъ за 500 верстъ не для чего, у насъ за двѣ версты есть такія церкви! — Это ли правда, ваше высокопреосвященство, и кому вѣрить? гдѣ обѣты нынѣ вашего обѣщанія?» А противная сторона между тѣмъ насмѣхалась надъ ними и говорила: „толцыте и отверзется вамъ, кричите, будите, ваша матерь церковь уснула, будите болѣе; или не видите, глупые,—говорятъ намъ они,—что проводятъ васъ и обманываютъ, кто вамъ дастъ на старые обряды?“

Въ этой крайности они обращались теперь къ митрополиту. Они оставались тверды въ своемъ желаніи вступить въ соединеніе съ православною церковью, признавали всѣ ея догматы и подчинялись ей, и хотѣли только священниковъ «на старые обряды». Они стояли только за эти старые обряды:

«...Новыхъ книгъ — говорили они — не съ тѣмъ, чтобъ мы ими гнушалися, но *ради нѣкоторой немощнѣйшей братіи нашей*, — въ разсужденіи сего, что они послужатъ великимъ вредомъ, а не приращеніемъ церкви, — мы не только не можемъ согласиться принять, но и страдать за соборную церковь и за братію нашу готовы. И такой бѣды до церкви святой не допустимъ, чтобъ пятерыхъ въ годъ привести въ церковь, а пять тысящь оторвать чрезъ самую ту причину, къ которой вы насъ неволите»,—т. е. какъ неволилъ Амвросій, предлагая имъ принять новые обряды.

Въ концѣ письма говорится:

„Васъ же, высокопреосвященнѣйшій владыко, просимъ щедротами великаго Бога не подержать на насъ праведнаго гнѣва: ибо мы отъ *горести* такъ смѣло отважились изразить самую истину, дабы вы, вся видѣвши, могли-бъ попещися о спасеніи душъ нашихъ и изыскали-бъ средство ко удовлетворенію нашему, уже вопіющихъ къ вашему архипастырству пять лѣтъ. Чтожъ? прошенія наши тщетны, жалобы пусты, слезы не полезны, скорби наши вамъ не въ жалость, — того ради и недоумѣемъ, что еще вашему высокопреосвященству представить?“

Это письмо вѣроятно произвело свое дѣйствіе на митрополита Гавріила, но и поставило его въ затрудненіе. Онъ не могъ заставить Амвросія посвятить старообрядцамъ священниковъ «на старые обряды»,—вѣроятно онъ и самъ не смѣлъ дѣйствовать противъ Потемкина; съ другой стороны и оставить письмо безъ вниманія, значило бы дѣйствительно повредить дѣлу соединенія. Поэтому, какъ всегда въ такихъ случаяхъ дѣлалось и дѣлается, выбрана была средняя мѣра. Списавшись съ Амвросіемъ, митрополитъ Гавріилъ послалъ въ Стародубье охтенскаго священника, извѣстнаго историка раскола, Андрея Іоаннова, который самъ былъ нѣкогда въ расколѣ. Іоанновъ пріѣхалъ въ Стародубье, и такъ какъ поставить священниковъ все еще было нельзя, то онъ самъ началъ священнодѣйствовать у старообрядцевъ по старопечатнымъ книгамъ, и освящать имъ церкви. Указъ императрицы былъ какъ будто исполненъ, хотя на дѣлѣ сильно укороченъ въ этомъ исполненіи. Окончательное установленіе единовѣрія произошло уже въ 1800 году, на основаніи правилъ, составленныхъ митрополитомъ Платономъ. Средняя мѣра, какъ всегда, оказала свое дѣйствіе тѣмъ, что успѣхъ соединенія въ 1780-хъ годахъ и потомъ единовѣрія послѣ 1800 г. былъ не такъ великъ, какъ можно было бы дѣйствительно ожидать, еслибы достигъ исполненія первоначальный планъ Никодима.

Такова была сущность дѣла, которое разсказывается въ книгѣ г. Верховскаго, гдѣ напечатаны и самые документы, — различныя прошенія и письма старообрядцевъ. Книжка эта, повторяемъ, имѣетъ большой интересъ для исторіи старообрядчества и единовѣрія. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о мнѣніяхъ самого г. Верховскаго относительно этой исторіи. Г. Верховскій, заявляя большое уваженіе къ дѣятельности и проекту Никодима, повидимому, очень недоволенъ дѣйствіями его преемниковъ, которые, по его смерти, стремились къ выполненію этого проекта. Автору, повидимому, не нравится, что старообрядцы не хотѣли подчиниться желаніямъ Потемкина. Онъ выражается о старообрядцахъ, что они «обидѣли» Потемкина своими поступками; называетъ ихъ желанія и просьбы «претензіями» (стр. 49); говоритъ, что они своимъ непослушаніемъ намѣреніямъ Потемкина «лишились права» разсчитывать на его содѣйствіе; что четвертое письмо ихъ къ Амвросію носило характеръ «неумѣстнаго раздраженія» (стр. 56); по поводу ихъ прошеній къ Амвросію, авторъ замѣчаетъ, что «странное ослѣпленіе было у просителей — такъ настоятельно *утруждать*

Амвросія» (стр. 59); онъ укоряетъ ихъ, что они не умаливали самого Потемкина: «Потемкинъ.... былъ оставленъ старообрядцами въ сторонѣ, и *ни просьбы, ни слова одного* къ нему не было обращено отъ тѣхъ, для кого онъ и единственно лично исхлопоталъ священство (?) и обѣщалъ (?) епископство» (стр. 61); дальше, опять упоминается ихъ „неумѣнье воспользоваться“ могуществомъ Потемкина послѣ турецкой войны, 1788 г. (стр. 62).

Всѣ упреки, которые высказываются этими выраженіями автора, не только несправедливы, но даже и очень странны. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли говорить, что старообрядцы хотѣли «обнажать» Потемкина, когда для исполненія Потемкинскихъ капризовъ (хотя бы и доброжелательныхъ) не хотѣли покидать своей родины и отправляться въ совершенно неизвѣстную страну, только-что отнятую у татаръ, гдѣ во всякомъ случаѣ предстоялъ имъ тяжелый трудъ первоначальнаго устройства и обзаведенія? Нежеланіе покидать родину, — особенно, когда старообрядцамъ жилось тамъ хорошо,— слишкомъ законное чувство, и мы не понимаемъ, какъ можно дѣлать изъ этого чувства попрекъ старообрядцамъ. Надо же признать за ними какое-нибудь человѣческое достоинство, и по крайней мѣрѣ настолько свободы, чтобы имѣть право выбора, когда предлагаютъ выборъ: неужели желаніе Потемкина — такой законъ, что мы и теперь можемъ попрекать людей за неисполненіе его? Замѣтимъ въ особенности — и старообрядцы нѣсколько разъ объ этомъ упоминаютъ,—что у нихъ было въ виду повелѣніе самой императрицы, которое они, конечно, de jure и могли и должны были считать выше личныхъ капризовъ свѣтлѣйшаго. Потому и просьбы ихъ были вовсе не «претензіи», а совершенно справедливыя домогательства права. Не знаемъ также, почему «раздраженіе», если оно выразилось въ ихъ письмѣ къ Амвросію, было «неумѣстно». Авторъ опять хочетъ отказать имъ въ совершенно человѣческомъ чувствѣ: неужели они не могли даже досадовать, когда ихъ дѣло затягивалось такимъ непріятнымъ и несправедливымъ образомъ, когда надъ высочайшимъ повелѣніемъ распоряжался «князь» по своему произволу? Что они «лишились права» искать содѣйствія у Потемкина, это можетъ быть, хотя мы не понимаемъ, какъ можно серьезно говорить о подобномъ «правѣ»: старообрядцы во всякомъ случаѣ не были холопами Потемкина, и самъ онъ не былъ юридическая власть, относительно которой могла бы идти рѣчь о «правѣ», а только временщикъ, — положеніе, едва ли юридическое... «Утруждать» Амвросія со стороны старообрядцевъ было именно ослѣпленіе, — хотя далеко не такъ странное, какъ думаетъ авторъ: старообрядцы должны были видѣть что Амвросій былъ лицомъ, совершенно безсильнымъ; но они могли думать, что церковная власть поставленія священниковъ и освященія церквей принадлежитъ архіерею, а не князю, на котораго онъ ссылался... Несправедливо также, чтобы старообрядцы не обращали къ Потемкину ни одной просьбы, *ни одного слова:* мы видѣли напротивъ, что они именно просили, но что Потемкинъ далъ имъ, по нашему мнѣнію, недостойный и мелкій, отвѣтъ, что онъ будто бы «не хозяинъ» въ этомъ дѣлѣ, когда именно все, и даже исполненіе высочайшаго повелѣнія, зависѣло отъ него.

Изъ всѣхъ этихъ упрековъ г. Верховскаго старообрядцамъ выходитъ такъ, какъ будто они виноваты были и ошибались тамъ, гдѣ дѣйствовали по искреннему убѣжденію, и что имъ, собственно говоря, слѣдовало бы хорошенько разсчитать, гдѣ настоящая власть, и затѣмъ всѣми путями ухаживать за этой властью — будетъ ли это соотвѣтствовать ихъ собственнымъ обстоятельствамъ, данному имъ обѣщанію, достоинству самаго дѣла, или нѣтъ, все равно. Быть можетъ, въ Крыму они получили бы и архіерейство,—но едвали бы можно было сочувствовать ихъ успѣху, если бы онъ былъ пріобрѣтенъ цѣною рабскаго униженія, т. е. потери всякаго человѣческаго достоинства.... Намъ кажется, что все положеніе старообрядцевъ въ этомъ дѣлѣ было нравственно такъ тяжело, что оно всего меньше допускаетъ упреки, и скорѣе вызываетъ полное сочувствіе и сожалѣніе объ ихъ трудной борьбѣ и неудачахъ.

Возвращаемся къ проекту Никодима о старообрядческомъ архіерействѣ. Авторъ желалъ возобновить память объ этомъ проектѣ и поставить вопросъ о немъ, «для всѣхъ любящихъ родину и ея единую церковь». Вопросъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: «Послѣ того какъ всѣ способы къ примиренію повидимому истощены уже, не остается ли проэктъ стародуб-

скаго старца Никодима, въ его первоначальной полнотѣ, единственно вѣрнымъ способомъ къ возсоединенію всѣхъ старообрядцевъ съ православною церковію?»

Какъ читатель видитъ, вопросъ дѣйствительно серьезный. Это — вѣковой вопросъ о положеніи многихъ милліоновъ раскольниковъ, которые до сихъ поръ не имѣютъ общей гражданской полноправности, и религіозная жизнь которыхъ идетъ подъ крайне тяжелымъ тяготѣніемъ случайныхъ обстоятельствъ, изрѣдка благопріятныхъ, но всего чаще крайне неблагопріятныхъ, даже унизительныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что положеніе вещей, которому могли бы помочь средства, поставленныя въ упомянутомъ вопросѣ, это положеніе вещей отзывается большимъ вредомъ на нравственномъ существованіи огромнаго числа раскольниковъ старообрядческой категоріи, а еще больше другихъ категорій. Эта масса людей долго оставалась, и теперь, не смотря на нѣсколько бо́льшую терпимость, еще въ значительной степени остается внѣ общаго теченія гражданственной жизни, внѣ общественнаго образованія,—которое, какъ еще ни плохо, все-таки приноситъ свое полезное цивилизующее вліяніе. Открыть для старообрядческаго міра мѣсто въ этой общественной жизни, устранить обстоятельства, которыя до сихъ поръ отпугивали ихъ отъ этой жизни и заставляли замыкаться въ крайнюю исключительность, — было бы, безъ всякаго сомнѣнія, дѣломъ глубокой важности для нравственной судьбы не только самихъ старообрядцевъ, но и остального общества. Актъ вѣротерпимости, оказанный для нихъ, отражался бы полезными послѣдствіями и для общества, которое могло бы найти въ этомъ и для себя благотворный нравственный урокъ. Здѣсь не мѣсто впрочемъ долго останавливаться на этомъ предметѣ, который, во всякомъ случаѣ, дѣйствительно чрезвычайно серьезенъ и заслуживаетъ полнаго вниманія людей любящихъ родину!

Обратимся къ тому, что́ говоритъ г. Верховскій. Онъ высоко цѣнитъ проектъ Никодима объ основаніи старообрядческаго архіерейства и, по словамъ его, питаетъ «равную Никодимовой вѣру въ несомнѣнную пользу этого проекта въ будущемъ для полнаго возстановленія потрясеннаго церковнаго единства». До сихъ поръ, по словамъ г. Верховскаго, употреблялось уже много разныхъ способовъ для возстановленія этого единства, — «но всѣ эти способы по сей день не привели насъ къ этой вожделѣнной цѣли;... мало того, расколъ, оставаясь расколомъ, обнаружилъ въ послѣднее время попытку организоваться помимо русской церкви и русскаго правительства, и къ вѣчному стыду своего народнаго чувства, создалъ для себя *подпольную* австрійскую лже-іерархію, цѣль которой не приближать, а, напротивъ, отдалять старообрядцевъ отъ отечественной церкви». Далѣе, проектъ Никодима, по мнѣнію г. Верховскаго, вполнѣ сообразенъ съ достоинствомъ православной іерархіи, и — «будь онъ осуществленъ *прежде, не было бы* австрійскихъ лже-епископовъ, насчитываемыхъ нынѣ до десяти, которые составляютъ хотя *подпольную*, но отъ того болѣе враждебную и опасную для православной церкви іерархію, дѣйствующую безотчетно»;—къ этому послѣднему г. Верховскій еще прибавляетъ: «Все это (т. е. подпольная австрійская лже-іерархія) ни болѣе ни менѣе, какъ внутренняя *язва* въ русскомъ православномъ народѣ, и язва *прилипчивая*» (стр. IX).

Итакъ г. Верховскій очевидно очень раздражительно относится къ подпольной австрійской лже-іерархіи. Она дѣйствительно представляетъ весьма печальное явленіе и можетъ вызывать неодобреніе. Но намъ кажется, что неодобреніе, которое можетъ ее постигать, не должно бы заходить дальше извѣстной степени. Говоря мимоходомъ объ австрійской старообрядческой іерархіи, г. Верховскій на одной страницѣ собралъ столько укоризненныхъ словъ противъ нея, что, намъ кажется, его неодобреніе едва ли не перешло дальше упомянутой нами степени. Старообрядцы, конечно, заблуждаются; но если мы хотимъ заботиться объ исправленіи заблужденія, о возсоединеніи ихъ, то нашимъ орудіемъ должны бы быть слова терпимости и любви, а не слова укоризны и раздраженія. Первыхъ требовали бы и тѣ чувства, которыя должна бы внушать религія любви, и простое спокойное благоразуміе; а укоризны и раздраженіе производятъ обыкновенно совсѣмъ иное дѣйствіе,— онѣ не возсоединяютъ, а удаляютъ и раздѣляютъ. Тѣ прежніе способы возсоединенія, которые упоминаетъ г. Верховскій и которые не приводили къ вожделѣнной цѣли, были именно почти всегда только способы нетерпимости, раздраженія и преслѣдованія.

Въ настоящемъ случаѣ въ особенности можно было бы ожидать отъ автора спокойнаго благоразумія. Онъ самъ вводитъ насъ въ одинъ историческій эпизодъ раскола, и разсказываетъ одну изъ попытокъ соединенія, сдѣланную самимъ расколомъ. Подпольная австрійская лжеіерархія, какъ любитъ выражаться г. Верховскій, составляетъ далеко не одиночное и исключительное явленіе въ исторіи раскола; это — не простая произвольная выдумка нѣсколькихъ, положимъ даже, злонамѣренныхъ людей. Напротивъ того, исторически извѣстно, что она была произведеніемъ если не всего, то огромной части старообрядческаго міра; она была признана тысячами людей, которые подчинились ея авторитету. Теперь, когда исторія и настоящее раскола раскрываются больше, чѣмъ прежде, сами строгіе критики его находятъ въ немъ людей убѣжденныхъ, талантливыхъ и здравомыслящихъ, — такіе люди были и въ числѣ увлекавшихся австрійской іерархіей; и какъ скоро къ ней присоединялись еще цѣлыя огромныя массы людей, мы обязаны обращать на нее больше вниманія, и, положимъ, осуждая ее, должны однако отдать себѣ отчетъ въ ея историческомъ смыслѣ. А въ этомъ историческомъ смыслѣ она была естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ самыхъ идей и потребностей, какими руководился и стародубскій старецъ Никодимъ.

Когда стремленія Никодима оказались безуспѣшны, мысль объ архіерействѣ приняла другое направленіе; старообрядцы перестали надѣяться получить его правильнымъ образомъ отъ отечественной іерархіи, дома, и стали искать его повсюду, гдѣ имъ представлялась какая нибудь надежда найти его. Испытавъ неудачу на прямыхъ путяхъ, они обратились къ обходамъ, и результатомъ ихъ было устройство австрійской іерархіи. Но, надобно замѣтить и помнить, что эта австрійская іерархія была только послѣднимъ исходомъ, какой представлялся, изъ труднаго положенія. Авторъ укоряетъ старообрядцевъ, что они обратились въ Австрію «къ вѣчному стыду своего народнаго чувства». Да, но къ сожалѣнію это обращеніе въ чужія страны было слишкомъ общей печальной необходимостью раскола: онъ бѣжалъ во всѣ стороны отъ своего труднаго положенія. Одни бѣжали въ Австрію, какъ другіе въ Пруссію, Турцію, даже Малую Азію; въ прежнее время бѣгали въ Польшу,—такъ что въ этомъ смыслѣ австрійская іерархія не составляетъ вовсе какого нибудь особеннаго исключенія. Сначала, какъ показываетъ и исторія Никодима, попытки соединенія дѣлались прямымъ и искреннимъ образомъ; и самъ авторъ находитъ, что будь принятъ проектъ Никодима *прежде*, то австрійской іерархіи *не было бы*. Слѣдовательно, кто же въ ней виноватъ? Мы видѣли, какія усилія положилъ Никодимъ и его преемники на достиженіе соединенія, и какъ эти усилія встрѣчены были предержащими властями. Способъ дѣйствій Потемкина и Амвросія способенъ былъ охладить даже пламенныхъ искателей соединенія, и дѣйствительно, они потомъ и обратили свои исканія совсѣмъ въ другую сторону. Кто былъ здѣсь правъ и кто неправъ, быть можетъ, еще рано рѣшать въ настоящую минуту. Но что старообрядцы въ этомъ случаѣ—въ исканіяхъ Никодима — обнаружили много доброй воли, здраваго пониманія дѣла и желанія общаго блага— это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Если авторъ такъ цѣнитъ дѣятельность Никодима, то и въ дѣйствіяхъ его преемниковъ онъ могъ бы найти вещи, столь же заслуживающія похвалы; онъ нашелъ бы здѣсь и образчики терпимости, которую желательно было бы видѣть въ этомъ дѣлѣ. Въ этомъ смыслѣ поучительно предсмертное письмо Никодима къ митрополиту Гавріилу. Оно, кажется, должно бы показать,—желающимъ видѣть,—до какого состоянія скорби доходили лучшіе люди раскола въ своемъ трудномъ положеніи, и какъ для нихъ дорого было *предуспѣніе всенародныя пользы*... Таже «всенародная польза» руководила и преемниковъ Никодима. Вѣроятно, люди достаточно начитанные и знающіе, они не имѣютъ никакого предубѣжденія противъ православія, они признаютъ всѣ его догматы и правила,—но они дѣлаютъ одно исключеніе, изъза котораго и идетъ дѣло: они хотятъ сохраненія старыхъ книгъ и обрядовъ — *„ради нѣкоторой немощнѣйшей братіи нашей“* (стр. 68). Отъ старыхъ книгъ и обрядовъ они не только не согласятся отказаться ради этой своей братіи, но говорили, что были и *„страдать за братію нашу готовы“*. Замѣтимъ, что эти послѣднія слова въ раскольничьей жизни вовсе не были однимъ реторическимъ украшеніемъ... Надобно желать, чтобы вниманіе къ этой „немощнѣйшей братіи нашей»,—которая и состав-

ляетъ всю основу дѣла, — больше руководило тѣми, кто такъ или иначе вмѣшивается и имѣетъ вліяніе въ дѣлѣ раскола; раздражительная нетерпимость дѣлу не помогаетъ, и напр. г. Верховскій, въ особенности какъ членъ единовѣрія, сдѣлалъ бы лучше, еслибъ предоставилъ употребленіе укоризненныхъ словъ, какъ напр.: прилипчивая язва, подпольная іерархія и т. п., какимъ нибудь другимъ обличителямъ раскола. А. П—нъ.

Доисторическій бытъ человѣчества и начало цивилизаціи. Соч. Е. Б. *Тайлора*. Перевелъ съ англійскаго подъ редакціею профессора императорскаго Московскаго университета Ѳ. *Мильгаузена*, Е. *Валицкій*. М. Изданіе книгопродавца Д. И. Прѣснова. 1868.

При крайней бѣдности нашей литературы сочиненіями о древнемъ періодѣ цивилизаціи, или даже совершенномъ отсутствіи такого рода сочиненій, хотя бы и переводныхъ, книга Тайлора очень заслуживаетъ вниманія читателя и способна до значительной степени удовлетворить любознательности объ этомъ предметѣ. Это не есть систематическій ученый трактатъ, и книга далеко не обнимаетъ всѣхъ сторонъ предмета, но авторъ внимательно изучилъ свой предметъ, владѣетъ большой начитанностью въ нѣкоторыхъ его отдѣлахъ, и пишетъ достаточно легко, чтобы книга могла быть доступна для обыкновеннаго читателя. Главнѣйшій его источникъ для опредѣленія до-историческаго быта и начала цивилизаціи составляютъ наблюденія надъ современнымъ бытомъ дикарей, заимствованныя изъ огромнаго запаса путешествій, старыхъ и новыхъ; нѣмецкія изслѣдованія по сравнительной миѳологіи и языкознанію также ему извѣстны, хотя и не въ большомъ размѣрѣ; геологическихъ древностей онъ касается только въ немногихъ случаяхъ. Послѣ вводной общей главы объ изученіи доисторическаго быта, авторъ останавливается на слѣдующихъ предметахъ: языкъ жестовъ и языкъ словъ; письмо фигурами и письмо словами; образы и имена; успѣхи и упадокъ культуры; каменный вѣкъ; огонь и приготовленіе пищи; нѣкоторые замѣчательные обычаи; историческія преданія и миѳы наблюденія; географическое распредѣленіе миѳовъ. Въ заключеніе онъ дѣлаетъ опять нѣсколько общихъ замѣчаній о развитіи цивилизаціи.

Что касается русскаго изданія, — то намъ очень жаль, что эта книга имѣла въ русской обработкѣ не самую счастливую судьбу. Переводъ весьма тяжелъ, нерѣдко небреженъ и даже неправиленъ; корректура или орѳографія переводчика или редактора иногда ужасна. Беремъ на удачу двѣ страницы. Стр. 336: «разсказъ о Нумѣ появляется на другой сторонѣ міра (=на другомъ краю свѣта), и при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ *оспаривать его истинность* (= изслѣдовать его, make its discussion) составляетъ важный пунктъ для этнографіи»; тамъ же: «когда весталки *установились* въ Римѣ». На стр. 337, переводчикъ не понялъ выписки, приводимой Тайлоромъ изъ Плутарха, и поставилъ въ серединѣ ея вопросительный знакъ, — котораго вовсе нѣтъ у автора, и который долженъ выразить только недоумѣніе переводчика. Тамъ же выписка изъ Феста, гдѣ при словѣ «предвѣщающій счастіе» переводчикъ ставитъ въ скобкахъ англійское слово „auspicious“ — какъ будто Фестъ писалъ по-англійски. Образчикъ орѳографіи: стр. 310. *сказска*, пять разъ, слѣдовательно какъ правило...

Книга Тайлора заслуживала болѣе внимательнаго обращенія съ ней.

Цѣна книги 3 руб. сер. Нѣсколько дорого.

Правые и виноватые, записки слѣдователя сороковыхъ годовъ. *П. И. Степанова*. 2 тома 490 стр.

Дѣятельность слѣдовательной власти въ то еще столь недавнее время, когда она, какъ и сама судебная процедура, была покрыта мракомъ канцелярской тайны, когда ошибки и произволъ слѣдователя не могли обнаруживаться на публичномъ судѣ, когда изъ слѣдственныхъ и сыскныхъ дѣлъ не больше половины вели къ формальному суду, а остальная производилась просто по распоряженію и для свѣдѣнія высшихъ начальствъ разныхъ степеней; наконецъ, когда въ сыскномъ дѣлѣ заурядъ употреблялись если не пытка, запрещенная закономъ, то довольно похожая на пытку система «побужденія, склоненія къ признанію»—эта дѣятельность можетъ представить матеріалъ не для такихъ только простыхъ и узко-обрамленныхъ, хотя и интересныхъ разсказовъ, какіе далъ намъ г. Степановъ, а для цѣлаго эпоса, многихъ иліадъ народныхъ стра-

даній и одиссей бродячей, безпаспортной Руси. Система смѣшенія власти судебной съ властью административною, полное отсутствіе независимости спеціально-судебныхъ органовъ обусловливала злоупотребленіе слѣдствіемъ и сыскомъ—отправленіями судебными — въ пользу административнаго любопытства и «всевѣдѣнія». Система, въ которой собственное сознаніе обвиняемаго было поставлено условіемъ его осужденія — мысль гуманная, но неестественная — неизбѣжно вела къ употребленію пытки въ той или другой формѣ.

А давленіе вліятельныхъ лицъ на производство слѣдствія, неодолимыя препятствія, какія представлялись ему значительностью иныхъ лицъ, о которыхъ само собою разумѣлось, что слѣдствіе коснуться ихъ не можетъ, развѣ по особому распоряженію самой законодательной или центральной административной властей — какой богатый, добавочный матеріялъ представили бы эти, столь еще близкія къ нашему времени, условія общественной жизни для записокъ бывшихъ слѣдователей!

Литература должна поощрить появленіе подобныхъ записокъ на свѣтъ. Историческія монографіи, относящіяся ко второй половинѣ прошлаго и началу нынѣшняго столѣтія, эти взгляды во внутренній механизмъ нашей государственной машины, не безъ причины такъ сильно интересуютъ насъ въ настоящее время. Они обнаруживаютъ передъ нами тѣ крупные факты русской государственной жизни, которые мы можемъ понимать почти столь же вѣрно, полно, какъ ихъ понимали близко къ нимъ стоявшіе современники; напримѣръ, мы отлично понимаемъ факты аракчеевскаго времени, въ каждомъ изъ такихъ фактовъ передъ нами встаетъ вся аракчеевская система, если не въ главныхъ лицахъ ея, которыхъ мы не могли знать, то въ эпизодахъ: мы слышимъ голосъ, какимъ отдавались приказанія, видимъ живымъ подчиненнаго, который ихъ получалъ, сознаемъ и близко принимаемъ къ сердцу тѣ послѣдствія, которыя истекали изъ этихъ приказаній. Мы положительно еще заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, и не потому только, что сама аракчеевская система хронологически близка къ намъ. Нѣтъ, съ подобнымъ же близкимъ участіемъ слѣдимъ мы и за разсказами изъ всей послѣ-петровской эпохи.

Но подъ этими государственными событіями, которыхъ касаются эти разсказы, подъ этими государственными бурями и вихрями, тянулась темная, полная невзгодъ жизнь русскаго народа; подъ Россіею побѣждающею и часто колеблющеюся, разрастающеюся и порою истощающеюся, жила Русь темная, бѣдная, полная не столько привилегій, сколько произвола, Русь бродячая и острожная.

Къ исторіи вотъ этой-то Руси относятся записки слѣдователя, г. Степанова. Это — совершенно безхитростное изложеніе собственно *поимокъ*. Но разсказывая, какимъ образомъ поимки были сдѣланы, авторъ, конечно, касается и обстановки преступленія, и его мотивовъ. Авторъ неограничился сухимъ изложеніемъ дѣйствій судебнаго слѣдователя, что, по нашему мнѣнію, было бы полезнѣе. Тогда книга г. Степанова могла бы имѣть серьезное значеніе, относилась бы къ спеціальной исторіи нашей администраціи и нашей прежней юстиціи. Онъ предпочелъ представить намъ бытовыя картинки, желая придать книгѣ болѣе общезанимательности. Но такимъ образомъ она серьезное значеніе въ значительной степени утратила, потому что читателю не можетъ быть достовѣрно извѣстно, гдѣ въ теченіи разсказа останавливается быль и начинается вымыселъ. Само собою разумѣется, что во всемъ томъ что происходило за глазами слѣдователя, вѣрна только общая нить. Такъ какъ на мѣстности по большей части нѣтъ указаній, то въ разсказахъ слѣдователя мы можемъ видѣть только литературное воспроизведеніе одной изъ нашихъ бытовыхъ сторонъ, и именно до послѣдней судебной реформы.

Здѣсь есть нѣсколько характерныхъ картинъ, представляющихъ иллюстраціи къ исторіи крѣпостного права, прежней солдатчины, прежняго способа административныхъ дозна́ній и т. д. Нѣкоторыя лишены подобнаго серьезнаго интереса, но занимательны всѣ.

Въ «Уздечкѣ конокрада» отражается страхъ народа передъ юстиціею, страхъ такой, что двое братьевъ, сдѣлавшись неумышленно убійцами, предпочитаютъ вѣкъ носить на плечахъ не только бремя этого убійства, но и опасность поплатиться за него, какъ за убійство намѣренное, лишь бы только не объявлять о немъ властямъ. Здѣсь очень рельефно выставлено именно недовѣріе къ справедливости, даже къ доброй волѣ власти, и изъ-за дѣйствительныхъ,

хотя и неумышленныхъ убійцъ, едва не погибаетъ по этому дѣлу совершенно невинный человѣкъ. Самый этотъ фактъ совершенно оправдываетъ упомянутый страхъ, упомянутое недовѣріе. Разсказъ производитъ то впечатлѣніе, что недаромъ же люди—истинные отвѣтчики за преступленіе, не довѣрились юстиціи, когда она была такова, что и совершенно невиннаго едва не осудила.

Разсказъ «Киндюшки»—касается вмѣстѣ и крѣпостного быта и солдатчины и вообще объясняетъ, какъ, при варварскихъ условіяхъ быта, и не злой человѣкъ можетъ сдѣлаться разбойникомъ, потому именно, что ему иного исхода нѣтъ. Надъ нимъ, въ этихъ варварскихъ условіяхъ быта, тяготѣетъ неумолимая судьба. Князь посылаетъ въ одну изъ своихъ деревень «набрать» нѣсколькихъ мальчишекъ въ должности къ своему „двору" въ столицѣ. Киндюшка—мальчикъ 15 лѣтъ, грамотный, неглупый. Отцу крѣпко не хочется отдавать его въ услуженіе къ господамъ. Однако его берутъ. Когда мальчишекъ привозятъ въ Петербургъ, князь ставитъ ихъ передъ своимъ сынкомъ и велитъ ему выбирать себѣ камердинера: „этого въ камердинеры приготовить, этого широкоплечаго въ кучера, этого рябого прогоните, какая гадость". Киндюшка дѣлается камердинеромъ молодого барина, научается, конечно, не только завивать, но и обирать его, и ѣдетъ съ нимъ за границу. Тамъ молодой князь прокутился, а въ отвѣтѣ будутъ, конечно, мошенники дворовые. Ихъ сдаютъ въ солдаты. Дворецкій присвоиваетъ себѣ то, что они нажили съ бариномъ, Киндюшка отнимаетъ у него свой чемоданъ силою, но забываетъ при этомъ у дворецкаго свой тесакъ. Старикъ-дворецкій отъ борьбы «едва не издыхаетъ", Киндею предстоитъ военный судъ и за самовольную отлучку изъ казармы, и за „грабежъ"; онъ бѣжитъ, становится искателемъ приключеній и, послѣ длиннаго ряда ихъ, преслѣдуемый, всегда открываемый, неимѣющій вида, принужденъ идти въ лѣсъ. Въ разсказѣ „Хотѣлъ предать волѣ божіей" выведена исторія драки, въ которой былъ убитъ одинъ крестьянинъ. Здѣсь буянъ-помѣщикъ стоитъ за своихъ дворовыхъ и всячески мѣшаетъ слѣдствію, такъ что только посредствомъ сбивчивости въ показаніяхъ многочисленныхъ свидѣтелей убійства и можно было, наконецъ, добраться до истины. Интересенъ разсказъ „На пьедесталѣ", въ которомъ слѣдователь является съ порученіемъ отъ администраціи, избавить человѣка „порядочной фамиліи" отъ „завладѣвшей имъ и разоряющей его женщины развратнаго поведенія. Оказывается, что эта женщина сама-то и есть порядочная, а любовникъ ея—негодяй, который женатъ и, соблазнивъ дѣвушку, скрываетъ отъ нея свое положеніе, продолжая держать ее надеждѣ, что женится на ней. При всемъ том воля начальства исполняется, но исполняет вслѣдствіе простого раскрытія истины пер несчастной женщиной, которая немедленно у жаетъ и увозитъ дѣтей. Такія-то „деликатны порученія давались въ прежнее время сыс нымъ чиновникамъ, которые служили органами не только судебной власти, но и той „отечески предупредительной власти", которой всѣ отправленія были нарушеніями правъ и личностей и суда, внося постоянную анархію и въ управленіе, и въ судъ, и ставя произволъ выше всякихъ законовъ, и разныя „приличія" или „благовидности" самымъ неблаговиднымъ образомъ выше человѣческихъ правъ.

М. Стасюлевичъ.

Журн... фонд
Мос... библиотеки

КНИЖНАЯ РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Ѳ. БАЗУНОВА.

На Невскомъ Проспектѣ, № 30.

Въ теченіе декабря вновь поступили слѣдующія книги:

ПЯТЫЙ ТОМЪ

ИСТОРІИ ВОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ И ДЕВЯТНАДЦАТАГО

(до паденія французской имперіи).

Ф. К. Шлоссера.

Цѣна за 8 томовъ, съ портретомъ автора, 10 рублей.

СВОДЪ РѢШЕНІЙ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ Правительствующаго Сената и разъясненныя ими законоположенія. Изд. Я. И. Утина. Часть 3-я. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 20 к.

ЦАРЬ ѲЕОДОРЪ ІОАННОВИЧЪ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ гр. А. К. Толстаго. Сбп. 1868. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 2-е академическое изданіе (безъ рисунковъ) томъ 1-й, съ портретомъ Державина. Стихотворенія: часть 1-я. Спб. 1868 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 35 к.

СОЧИНЕНІЯ Д. И. ПИСАРЕВА. Часть 9-я. Спб. 1868. Цѣна 1 р., съ пер. 1. 30 к.

РАСКОЛЬНИКИ И ОСТРОЖНИКИ. Очерки и разсказы, соч. Ѳ. В. Ливанова. Спб. 1868 г. Ц. 1 р. 85 к., съ перес. 2 р. 30 к.

МЕЖЪ ДВУХЪ ОГНЕЙ. Романъ въ трехъ частяхъ, М. В. Авдѣева. Спб. 1869 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

СВѢДѢНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ МЯТЕЖѢ въ 1863 году въ Сѣверо-Западной Россіи. Томъ 2-й. Организаціонныя работы полонизма. Составлено Василіемъ Рачемъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. Тоже, томъ 1-й, Вильно. 1867 и 1868 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

ТУРКЕСТАНСКІЙ КРАЙ въ 1866 году. Путевыя замѣтки П. И. Пашино, съ 20-ю рисунками въ 3 тона работы А. Гипе, 35-ю виньетками, рѣзанными на деревѣ А. Даугелемъ и рисованными В. Крюковымъ, и съ картою Туркестанскаго края. Спб. 1868 г. Цѣна 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

ЖЕНСКІЙ КАЛЕНДАРЬ-АЛЬМАНАХЪ на 1869 годъ, съ 5-ю картинами. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

ФИЛОСОФІЯ ПЛОТИНА, основателя новоплатоновской школы, соч. М. Владиславлева. Спб. 1868 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ДРЕВНІЕ СЛАВЯНСКІЕ ПАМЯТНИКИ юсоваго письма съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка. Трудъ И. И. Срезневскаго. Спб. 1868 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

На дняхъ вышла и поступила въ продажу:

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ **Н. А. Некрасова**. Сатиры и пѣсни (1864—1868). 250 стр. Цѣна 2 р.

КНИЖНАЯ ИНОСТРАННАЯ ТОРГОВЛЯ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ Я. А. ИСАКОВА.

На Невскомъ Проспектѣ, Гостиный Дворъ, № 24.

Въ теченіи декабря вновь поступили слѣдующія книги:

JANIN, Jules. La revolution française. 2 vol. royal in 4°, avec gravures. Pr.— 33 r. 60 c.
LA SAINTE BIBLE. Avec les dessins du G. Doré. 2 vols. in-folio. Pr.—66 r.
PAUL ET VIRGINIE. Dessins par de la Charlerie. Pr. — 21 r.
L'ENFER. De Dante Allighieri, avec les dessins de G. Doré. Pr. — 35 r.
LE PURGATOIRE ET LE PARADIS. Illustrés p. Doré. Pr. — 35 r.
MANGIN. A. Les Jardins. 1 vol. in 4°, avec les dessins. Pr. — 40 r.
MILTON. Paradis Lost, ill. p. G. Doré. Pr. — 47 r. 50 c.
LESCURE. Marie Antoinette et sa famille. 1 v. 8°. Relié avec gravures. Pr.—7 r.
LESCURE. Jeanne D'Arc. 1 vol. in 8°, avec gravures. Relié. Pr. — 7 r.
LENORMANT. Les tableaux du Musée de Naples. 1 vol. avec gr. Pr. — 10 r.
GUILLEMIN. Les phénomènes de la physique, illustré. 1 vol. Pr. — 8 r.
FIGUIER. L. Les poissons, les reptiles et les oiseaux, illustrés. 1 v. Pr. — 4 r. 60 c.
OEUVRES. De Thorwaldsen au Musée de Copenhague, photographie. 1 vol. in folio, richem. relié. Pr. — 60 r.
GALERIE. De Venise, photographie. 1 vol. in folio, richem. relié. Pr. — 8 r.

Книги, которыя поступятъ въ продажу въ январѣ мѣсяцѣ:

Gervinus. Histoire du 19-me siécle. vol. 20. — 1 r. 50 c.
About. Les mariages de province. — 1 r. 50 c.
Mazade. Les revolutions de l'Espagne. — 1 r. 5 c.
Wurtz. Ad. Dictionnaire de Chimie. Lir. 1, 2, 3, p. 10 lir. — 12 r. 50 c.
Lanterne. Journal, p. Rochefort. № 28, 29, 30. — à 25 c.
La Russie et l'Angleterre en Asie. — 50 c.
Collignon. Cours de mécanique. — 1 r. 5 c.
Figuier. Les mammiferes. — 3 r.
Achard. La vie errante. — 1 r. 5 c.
Beauchesne. Madame Elisabeth. — 4 r. 80 c.
Renan, E. Litterature orientale — 2 r. 10 c.
Hayes. La mer libre du pole. — 3 r.
Blanchère. Voyage au fond de la mer. — 4 r. 25 c.
Murger. Le roman du Capucin. — 90 c.